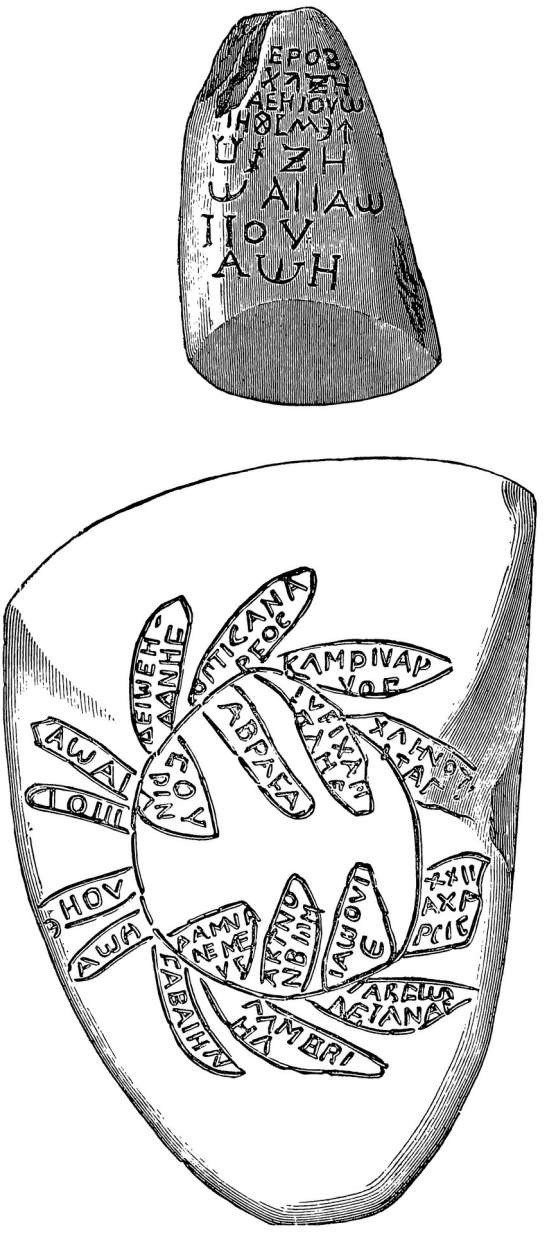


Керавния из нефрита, превращённая в гностический талисман
(подробнее на стр. 234)

THE GNOSTICS

AND

THEIR REMAINS,

ANCIENT AND MEDIÆVAL.

BY

C. W. KING, M.A.

"Nam veluti pueri trepidant atque omnia cæcis
In tenebris metuunt, sic nos in luce timemus
Interdum nilo quæ sunt metuenda magis quam
Quæ pueri in tenebris pavitant, finguntque futura."

SECOND EDITION.

LONDON:
DAVID NUTT, 270, STRAND.
1887.

ГНОСТИКИ

И ИХ РЕЛИКВИИ,

ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ

Ч. У. Кинг
магистр гуманитарных наук

"Nam veluti pueri trepidant atque omnia cæcis
In tenebris metuunt, sic nos in luce timemus
Interdum nilo quæ sunt metuenda magis quam
Qua, pueri in tenebris pavitant, finguntque futura."

«Ибо как в мрачных потёмках дрожат и пугаются дети,
Так же и мы среди белого дня опасаемся часто
Тех предметов, каких бояться не более надо,
Чем того, чего ждут и пугаются дети в потёмках».
[Тит Лукреций Кар
«О природе вещей» гл.6,
перев. Ф.А. Петровского]

Колокол, 2021

Исходные текстовые и графические файлы можно получить безвозмездно по ссылкам на сайте издательства «Колокол»:
http://kolokol-press.ru

перевод с английского:
О. А. Фёдорова

редактирование:
С. В. Глухов, П. Н. Малахов

помощь в подготовке текста:
А. И. Сидоренко, М. Н. Одинцов

вёрстка:
П. Н. Малахов

обработка изображений:
В. А. Краснопёров

серия
Библиотека «Тайной доктрины»

Чарльз Уильям Кинг (Charles William King, 1818-1888) оценивался Е. П. Блаватской как один из величайших авторитетов по гностицизму. Обладая обширной коллекцией гностических гемм, он умел глубоко проникать в их символизм и доступно его объяснять. В книге "Гностики и их реликвии, древние и средневековые" автор не только подробно и на примерах раскрывает значение гностических образов и имён, но и приводит ценные исторические сведения о влиянии различных культур на формирование гностического мировоззрения, об истоках иудаизма и христианства, а также преемственности гностицизма в более близких к нашему времени учениях тамплиеров, розенкрейцеров и масонов. Книга обильно снабжена прокомментированными иллюстрациями.

© Колокол, 2021

Предисловие переводчика

Перевод посвящается
Елене Петровне Блаватской,
одной из главных учредителей
Теософского общества.

Взять на себя такой огромный труд, как перевод книги Ч. У. Кинга «Гностики и их реликвии» (Charles William King, «The Gnostics and Their Remains») меня побудило неоднократное упоминание этого труда Е. П. Блаватской в её труде «Тайная доктрина». Книга Ч. У. Кинга сразу обрела популярность после её выхода. О реакции общества на неё пишет сам автор в предисловии ко второму изданию, я же хочу рассказать немного об авторе.

Чарльз Уильям Кинг был английским писателем и коллекционером гемм. Годы его жизни: 1818-1888. Он был доктором гуманитарных наук и работал старшим преподавателем в Тринити Колледже Кембриджа. Он был рукоположён в священники, но никогда не имел церковного прихода. Долгое время он жил в Италии, где начал собирать античные геммы. По возвращению в Лондон он значительно пополнил свою коллекцию. Но в связи с резким ухудшением зрения он частично распродал коллекцию, а частично подарил музею Метрополитан Нью-Йорка в 1881 году. Ч. У. Кинг являлся признанным авторитетом по части античных гемм. Кроме того, он хорошо знал греческий язык и латынь и переводил труды древних авторов, особенно Павсания, Плиния Старшего, Плутарха и императора Юлиана.

В рассматриваемой нами книге есть отрывки из сочинений греческих и латинских авторов, данные в переводе Ч. У. Кинга. Считая его специалистом в области греческой и латинской литературы, я следовала его английскому переводу, хотя он несколько расходится с переводом тех же авторов, имеющимся у нас на русском языке, например: сочинения Ипполита и Иринея о ересях, «Пистис София».

Ч. У. Кинг писал в то время, когда его читатель также владел этими «мёртвыми» языками, поэтому автор часто не давал перевода цитат с этих языков. Все последующие издания этой книги на английском языке также не имеют перевода упомянутых цитат. Перевод большинства латинских цитат классических авторов удалось найти; все авторы переводов указаны. Так как гностики пользовались в основном коптским языком, записывавшимся в первых веках нашей эры греческим письмом и имевшим в словаре много ивритских слов, помогло знание греческого языка и иврита. Добавлены некоторые примечания для облегчения понимания терминов, понятий, идиом, личностей или событий, в текст «Пистис Софии» добавлены греческие эквиваленты, а также указаны стихи из Библии.

Эта книга открывает серию «Библиотека "Тайной доктрины"». В эту серию войдут труды, которые Е. П. Блаватская отмечала как особо важные и полезные для изучения.

Перевод выполнен по второму изданию 1887 года, вышедшему в Лондоне в издательстве Дэвида Натта. Уточнения и дополнения переводчика помещены в квадратные скобки. За неточности и ошибки, которые, возможно, вкрались в перевод, я прошу снисхождения у читателя и критика, и остаюсь всегда благодарной за любые добросовестные поправки.

О.А.Ф.

Предисловие

Когда это сочинение впервые появилась двадцать три года назад, оно сразу же стало объектом незаслуженных оскорблений, и столь же незаслуженных похвал. Малоизвестные богословы, приняв его за коварную попытку свержения мнения, «законом установленное», *навострили* против него перья, которые обмакнули в молоко Евангелия, в то время как под воздействием тех же галлюцинаций «друзья света» превозносили его до небес, но обе стороны не разбираются ни в предмете, ни в цели моего сочинения. Один известный *Зоил*[1] (чьи воспоминания о Гомере, казалось бы, имеют такой же *глубокий* характер, как у прапорщика Блифила) возмущён моим упоминанием "Адониса", в качестве имени Бога Теней; другой удивляется моему невежеству, когда я называю Барданиса *персом*, в то время как он был родом из *Понта*, не поняв, что мой аргумент был в равной степени достоверным, несмотря на ошибку… поскольку Понт был сначала одной из провинций империи Дария, и более того, фактически являлся центром, откуда митраизм широко распространился по всему Римскому миру.

Ещё более серьёзные протесты относительно этой книги было вызваны моей попыткой наложить дерзкие руки на Священный Ковчег масонства и открыто высказать мнение о том, что «вольные и признанные» нашего времени имеют не большее отношение к древнему *ремеслу*, из терминов и форм которого, как из листьев смоковницы, они сшили себе *фартуки*, употребляемые для прикрытия фактической наготы своей претенциозности, чем итальянские *карбонарии* времён Мюрата к ремеслу *угольщиков*, чьи корзины были заимствованы для председательского трона. Череп царя Хирама скрежетал зубами от ярости внутри *cista mystica* [лат. таинственного ларца], и один *доблестный* молодой левит из Авиевой чреды [см. Лк.1:5] так продолжает логически опровергать все мои доводы:

1 Зоил – нарицательное имя критика завистливого, язвительного и мелочного. – Прим. пер.

«Этельстан построил церковь; он не мог строить без каменщиков, из чего следует, что Этельстан был основателем масонства в Англии».

Но довольно об этом; такое же отношение непременно будет к настоящему изданию; ему следует ожидать

«Verbera, carnifices, robur, pix, lamina, taedae»[1].

Один рецензент его предшественника, который проявил какое-то знание литературы данного предмета, чувствовал себя (по своему положению) «обязанным» уменьшить похвалу, вынося заключительное суждение, а именно, «что я проявил в сочинении больше от духа гностиков, чем от католицизма». Эту фразу, предназначенную для *осуждения*, я принимаю как высшую похвалу, которая может быть оказана моему труду – γνωστικός в буквальном смысле означает «тот, кто пристрастился к знаниям»; и кто поэтому изучает историю и реликвии каких-либо взглядов с единственной целью – познать истину, а не ради какой-то демонстрации; Истина может существовать только в *одной* определённой форме.

Позвольте мне теперь перейти к изложению того, как в настоящем издании я постарался ещё больше заслужить имя, присвоенное мне добродушным *Аристархом*. Мой трактат был единственным на тему «Гностическая археология» (так как небольшая книга д-р Уолша вряд ли заслуживает этого названия), который появился после замечательного «Апистописта» ("Apistopistus") Шифле (1617 г.)[2]. Маттер[3] в своём сочинении «Критическая история гностицизма» ("Histoire Critique du Gnosticisme", 1827 г.), этом отличном анализе доктрин гностицизма, ничего не говорит о его памятниках,

1 «Побоев, палачей, робур (подземная тюрьма в Риме), дёгтя, раскалённой пластинки (орудие пыток), горящей смоляной щепы (орудие пыток)» (лат.). – Прим. пер.

2 Жан Леоро и Жан Шифле, «Абраксас или Апистопист» (Jean L'Heureux, Jean Chiflet, "Abraxas seu Apistopistus"). – Прим. пер.

3 Жак Маттер (фр. Jacques Matter; 1791-1864) – французский историк. Исследователь философии религии и гностицизма, автор французского существительного «эзотеризм» (фр. ésotérisme); биограф эзотерика Сен-Мартена. – Прим. пер.

только копирует в уменьшенном масштабе гравюры из «Апистописта». Единственными источниками информации для меня на момент написания этого издания были те же, что и у Маттера, а именно трактаты *Иринея* и *Епифания*. За прошедшее время я познакомился с двумя недавно обнаруженными сочинениями, которые проливают свет на многие трудные вопросы в этом исследовании, и для досконального понимания я сделал полный перевод. Одним из них является сочинение «Опровержение всех ересей», приписываемое Оригену или Ипполиту. Его автор был хорошо знаком с доктринами, которые считал отвратительными или нелепыми; и (что делает его критику гораздо важнее для нынешних исследователей) иллюстрирует их обильными выдержками из столь же обширной еретической литературы, которая вскоре была полностью истреблена с победой «ортодоксальной» веры.

Другой поддержкой была «Пистис-София», единственно уцелевшее сочинение из некогда многочисленной семьи гностических Евангелий; но, к счастью, самое важное из них для нашей цели и именно за спасение этого сочинения (в коптском виде) археологи должны быть весьма признательными невежеству истребителей. В то время как другие гностические учителя (как Ипполит любит подчёркивать) строят свои системы согласно различным греческим философиям, «Пистис-София» сообщает нам о глубочайших тайнах известных египетских мистерий, которые идентичны тайнам раввинской каббалы с единственной разницей, заключавшейся в том, что их вкладывали в уста персонажей Писания с целью их адаптации к сложившейся смене понятий. Эта книга, таким образом, по самой своей природе представляет своего рода объяснение тому, почему современные ей памятники нельзя нигде найти, так как христианские отцы обсуждают только *учения* своих противников, пренебрегая писать об их использовании в повседневной жизни. Именно последнее привлекает большой интерес к «Пистис-Софии», в которой мы находим целую плеяду *Святых Имён* чудодейственной силы; чины и звания подлинных гениев, строение души и её состояние после смерти. Но что ещё более любопытно, в

«Пистис Софии» изложены основные принципы уже существовавшей тогда каббалы, которые отражали высшую истину, точно так же эти принципы применялись ересиархом Марком в третьем веке. И здесь следует отметить в скобках, что никто, действительно хорошо знакомый с историей религиозных взглядов, не может ни на минуту представить, что Марк (помните, что он – урождённый *еврей*) был первым *изобретателем* чудесного механизма, который он использовал при разработке своей системы. «Проявление истины» – это лишь новое применение законов, которые уже пользовались большим авторитетом в раввинских школах. В религии нет ничего «нового»; одни и те же идеи разрабатываются снова и снова; золото сегодняшнего *суверена* сначала имело хождение, как только что отчеканенный *статер* Креза.

Последним по времени источником, но не менее ценным, чем другие новые источники, которые служили мне для завершения этой работы, я должен с благодарностью признать лекции раввина д-ра Шиллера-Зинесси, неизменного представителя древнего Гамалиила, у чьих ног я сидел в течение многих лет, слушая его толкование «Святого Зоґара». Независимо от *нынешней* формы в процессе исключительного видоизменения Торы, никто, кроме еврея, совершенно несведущего в сочинениях *греческих* историков гностицизма, не сможет понять, что её законы и предания остались такими же, как и те, что преподавались в школах Вавилона и Тверии в тот момент, когда учились там Симон Маг и Иустин.

В течение многих лет, которые промчались с момента первой публикации, я время от времени переделывал и переписывал весь трактат, вставляя в прежний материал любую свежую информацию, понятие или случай, оказавшиеся на моём пути. В тот же период появились две другие работы на эту тему. Сочинение «Гностики»[1] Генри Манселя[2] хорошо написано и точно подводит итог всему, что греческие отцы

1 «Гностические ереси первого и второго веков» (изд. Джозеф Барбер Лайтфут, 1875 г.). – Прим. пер.

2 Генри Лонгвиль Мансель (1820-1871) – английский философ и церковник, доктор медицины. – Прим. пер.

оставили нам относительно учений различных сект; но, так как книга явно предназначена только для исследователей богословия, автор рассматривает свой предмет с чисто *профессиональной* точки зрения, полностью игнорируя археологическую сторону вопроса (которая главным образом меня интересует), как совершенно чуждую цели его сочинения.

С другой стороны «Каббала: её учение, развитие и литература» д-ра Гинсбурга обладает не только достоинством ясного изложения наиболее трудной для понимания из всех *теософий*, рассматриваемой в том виде, к которому её привели уточняющие подробности последующих поколений *раввинов*, но является бесценным пособием для всех, кто пытается расшифровать магические надписи. Например, *корни* древнееврейских слов, обозначающие имена *сефирот*, следует искать среди греческих согласных, эти корни теперь немые из-за отсутствия гласных, которые до сих пор ставят в тупик изобретательность любого читателя.

Есть основания предполагать, что Сивилла *эзотерического* буддизма извлекла первые представления о своей новой религии из анализа понятия *Внутреннего человека*, изложенного в моём первом издании. Поэтому я, возможно, дам себе слово отблагодарить этих «чистых духов» (выражение Мильтона), которые заняты «поиском Бога», так как теперь им известна ещё более глубокая теософия, чьи откровения наверняка решат трудные проблемы, связанные с нашей психической природой и загробным миром. Исследователи того же порядка, что и *эзотерические буддисты*, найдут здесь готовое для них Евангелие, полное великих истин и настолько исконное по своим понятиям, что, казалось бы, исходит не из человеческого источника и должно убедить в своём божественном происхождении любой ум, который способен по своей природе принять *благое семя*.

В заключение я должен выразить благодарность за помощь моему неутомимому другу г-ну С. С. Льюису, сотруднику колледжа Корпус-Кристи, если бы не его уговоры и переговоры с издателями, эти страницы никогда бы не увидели свет. И не только это, он помог мне преодолеть кажущиеся

непреодолимыми трудности на пути публикации (ослабление зрения полностью помешало мне заниматься публикацией), взяв на себя работу корректора, трудоёмкую и утомительную задачу для любого автора и требующую огромного времени, что может оценить только тот, кто, подобно мне, познал многогранный характер обязательств при полной загруженности каждого часа жизни.

Мистер Джозеф Джекобс предоставил тщательно составленный список авторов, цитируемых в данной работе, а также ссылки на них, которые будут полезными для тех, кто желает развивать эту тему дальше.

Ч. У. Кинг
Тринити-Колледж, Кембридж,
26 августа 1887 г.

Введение

То, что ничего на тему гностицизма до сих пор не было написано на нашем языке, за исключением скудного очерка д-ра Уолша[1] (давно вышедшего из печати), казалось мне достаточным оправданием моей затеи осуществить ту же задачу, но в большем масштабе и с другими принципами. Сочинение д-ра Уолша, озаглавленное «Очерк о монетах, медалях и геммах, как иллюстрация развитие христианства первых веков» является не более чем сокращённым вариантом некоторой популярной Истории Церкви в пределах её досягаемости, проиллюстрированным мизерным набором памятников, находившимся в его распоряжении. А его объяснения, как и их источник, имеют и вовсе ложное основание, и даже для новичка являются, очевидно, неудовлетворительными.

Приняв как должное голословные утверждения своих оппонентов о том, что учителя гностицизма были всего лишь еретиками, то есть, извратителями правильного (!) христианского учения, которое они сначала восприняли как божественное откровение, он подобно его наставникам не утруждал себя дальнейшим исследованием истинного происхождения их системы, но довольствовался примерным описанием их наиболее характерных особенностей. Объясняя уцелевшие сочинения, он относит их все, хотя они отличаются по своему характеру, к одной школе и истолковывает их характер согласно своему предвзятому и необоснованному мнению.

Согласно такому плану ни доктрины, ни памятники, которые они завещали нам в таком изобилии, не удостаиваются даже правдоподобного объяснения, не говоря уже об объяснении, способном удовлетворить беспристрастный и пытливый ум. Поэтому в этой работе я начал рассматривать этот предмет с обзора великих религиозных систем Востока, процветавших на момент принятия христианства в этих

1 Преподобный Роберт Уолш , доктор медицины, доктор юридических наук (1772-1852) был ирландским священником, историком, писателем и врачом. Роберт Уолш (ирландский писатель). – Прим. пер.

областях, учитывая влияние этих систем на образ мышления и высказываний как миссионеров новой веры, так и их противников, чтобы, наконец, установить по свидетельству самого апостола язычников *существование* зародышей гностицизма в городах *до того*, как они стали ареной его важнейших трудов.

При описании этих древних систем я сделал немного больше, чем просто сжато выразил содержание замечательного предисловия Маттера к его «Критической истории гностицизма» ("Histoire Critique du Gnosticisme"). Но с того момента я продолжал исследование по методу, который автор как-то одобрительно упомянул, хотя по какой-то необъяснимой причине не счёл нужным ему следовать, чтобы придти к какому-то разумному заключению. Ограничиваясь описанием в своём понятном и изысканном стиле рассуждений нескольких ересиархов, и не ища более древних хранилищ, чем Зендавеста и каббала, откуда они все, вероятно, извлекли свои первые принципы, он впадает в серьёзное заблуждение, представляя их доктрины как *новые* и являющиеся чистой *фантазией* людей, которые их проповедовали.

То, что семена гностицизма были первоначально *индийского* происхождения, занесённые далеко на запад *буддистским* движением, которое ранее распространялось по всему Востоку от Тибета до Цейлона, было великой истиной, почти не распознанной Маттером, но ставшей для меня очевидной даже после небольшого знакомства с основными доктринами индийской теософии. Чтобы доказать неопровержимость этого факта, я даю описание двух систем, каждую в своей высшей форме развития (система Валентина и система непальских буддистов) в сравнении ради установления изначальной идентичности; и на протяжении всего описания по мере их представления можно найти бесчисленные точки соприкосновения. В качестве доказательства будет приведён *исторический факт* устанавливающий одно важное обстоятельство (до сих пор совершенно не замечаемое или игнорируемое), а именно, что буддизм уже был насаждён во владениях Селевкидов и Птолемеев, по крайней мере, уже во

времена поколений, следовавших за созданием этих династий, и был предусмотрен в договорах между греческими князьями и великим индийским пропагандистом этой религии. В истории Церкви считается непреложным фактом, что почти каждое понятие, впоследствии осуждённое как *еретическое*, можно проследить до его источника, индийской умозрительной философии. Сколько же того, что сейчас является общепринятым в *ортодоксальной* религии, в действительности вытекло из того же источника? Но исследование этого не является в данный момент ни целесообразным и ни уместным.

Для того чтобы получить чёткое представление об основных формах гностицизма, а также, чтобы избежать информации из вторых рук (в этом случае более ненадёжной, чем где-либо), я приступил к сбору материалов для этого сочинения, тщательно изучив огромный «Панарион» Епифания, трудоёмкое занятие, но компенсируемое ярким описанием внутреннего состояния общества во времена Нижней Империи, а также яростной войны между рассудком и верой, ведшейся даже в тот поздний период. «Панарион» – это последовательная история гностицизма, со всеми её формами первых трёх веков. Автор цитирует Иринея относительно более древних веков; описание же им более поздних веков имеет наибольшее значение, так как они являются результатом его личного опыта, поскольку Епифаний в молодости принадлежал к секте Марка. После того времени ничего нового не появилось в области религиозной философии, прежде очень разнообразной с сильными и любопытными цветами (или сорниками) гносиса. Сейчас светская власть соединилась с церковной, чтобы вырубать и выкорчевать все «дерзкие и незаконные ростки» человеческого разума.

С момента первой публикации этого трактата я познакомился и подробно изучил два авторитетных источника, имеющих огромное значение для истинного понимания гностицизма, один из-за его философии; другой из-за его вещественных реликвий. «Опровержение всех ересей» Ипполита, написанное за два столетия до «Панариона», даёт представление об основных школах гностицизма, оно составле-

но человеком большого ума с самой очаровательной откровенностью, качество, к сожалению, недостающее другим церковным историкам. «Пистис-София», единственное сохранившиеся гностическое Евангелие, проливает свет на терминологию и структуру религии того времени, которые до её обнаружения и публикации были совершенно непонятны. Оба эти трактата обнаружены недавно, и, следовательно, к их помощи не могли прибегнуть более ранние историки гностицизма. Поэтому я пользовался в основном этими бесценными ресурсами, которые сослужили хорошую службу практически в каждом разделе настоящей работы.

Рассмотрев класс умозрительных построений, который обязан своим происхождением Индии, я перехожу к следующей стране по значимости вклада в такие *понятия* и ещё большего вклада имеющихся у нас *памятников*, а именно, к Египту с его первозданной верой, хотя и представленной латинизированным позднейшим вариантом, и чьи произведения слишком часто путают с истинным продуктом гносиса. Эти реликвии здесь классифицированы; указаны их отличительные признаки, они разбиты на несколько подзаголовков в зависимости от их назначения, религиозного или целительного. При рассмотрении этих реликвий в основном соблюдается классификация Беллермана, согласно которой подлинно гностическими считаются только те работы, которые имеют рисунок Пантея или *Абраксаса*, фактическое изобретение Василида, который и даёт название этому классу. Второй класс *Абраксоидов* включает образы, заимствованные из разных религий других гностических учителей. Третий класс, *Абраксастер*, включает образы, которые по своей природе являются чисто астрологическими и предназначены для талисманов, они черпают свои силы от звёзд. В первом классе много места было отведено гениальному творению Александрийского философа, пантеистическому образу высшего Абраксаса; его имя до сих пор неправильно указывалось на некоторых памятниках, которые датируются ранее его появления в зримой форме; в то время как другие подобные образы появились у народов, никак не связанных с его культом.

Об *эйдолоне* этого *персонажа* или его прообразе, о значении его *имени* и титулов было собрано много информации, которая представлена здесь в связанном виде для тех, кто интересуется изучением того, что может быть достоверно установлено для разъяснения этих трудно понимаемых вопросов.

Митраизм, под чьим благим и близким по духу покровом многое из западного христианства выросло столь беспрепятственно, рассматривается в должном порядке, и объясняются причины необъяснимых, на первый взгляд, общих доктрин. С этой темой связано особое сходство между обрядами этих двух религий, а также переход многих обрядов, бывших в культе Митры, в практику ортодоксальной церкви. О подлинности такой адаптации будет приведено много любопытных хроник.

После митраизма будет рассмотрена религия *Сераписа*. Этот культ, являясь последним из языческих форм, павших перед мощью христианства, ранее способствовал так же, как и митраизм, построению более позднего гностицизма. Истинно, грубой ошибкой является привязывание названия «гностик» (как это обычно делается) к сектантам, которые, кичась своим «высшим светом», заявляли о том, что они были единственными истинными христианами (как это делали офиты) и исповедовали свои собственные изобретения. Такие гностики действительно были христианами по своему поведению, и считали всех, кто отличался от них, *еретиками*, но в то же время их доказательства основывались на принципах языческих религий. Они совсем не считали последние пустыми измышлениями демонов, в чём была убеждена ортодоксальная религия. Они принимали эти древние этнические легенды только потому, что с помощью таких «знаний» они могли различать истину, скрытую, казалось бы, за невежественными преданиями. Но последователи Митры и Сераписа имели, в действительности, задолго до них свой гносис, сообщаемый в *мистериях* только нескольким посвящённым. Они не считали, что пророчества ортодоксальной церкви или гностиков могут сравниться с их собственными возвышенными требованиями и намерениями. Император Адриан, наиболее усердный исследователь высшей природы

человека, оказался посвящённым в одну мистерию за другой; тем не менее мы находим в его письмах из Александрии сообщение о том, что в этом городе поклонялись одинаково Христу и Серапису, и кроме того это была единственная религия огромного населения. Следовательно, те, кто был посвящён в тайны древней религии, должны признать тот факт, что их божеством, будь то Солнце или Душа вселенной, был только *образ Единственного*, недавно открывшегося им Спасителя. Или это выглядело так (что говорит в равной степени в пользу нашего аргумента), что новообращённые во избежание преследований исповедовали свою веру под покровом местного культа, который допускал духовную интерпретацию вполне сходных с ним представлений, и действительно, говорившую о том же. Что касается поклонников Митры, то вся их сложная система таинств и степеней посвящения не имела никакой иной цели, кроме духовного просвещения и духовных благословений. Так как в основе лежало чистое учение Зороастра, его последователи были готовы с радостью принять любое высшее откровение, и, обнаруживали, что более великая мистерия была предзнаменована под разными видами и обрядами прежних мистерий. В этом случае человек мог оставаться митраистом и одновременно принимать все догматы христианства, как священники этой религии на её закате убедили недоверчивого Августина.

После рассмотрения различных элементов, которые апостолы гносиса так гениально превратили в одно гармоничное целое, прибавив к нему от христианской схемы пропорционально всему остальному, мы готовы изучать *символы* и *терминологию*, с помощью которых эти идеи сообщались членам секты, постигшим *Arcanum* [тайну], так как сложные *образы* или *сигилы* «говорили только умным, простонародье их не слышало».

Астрология по праву претендует на собственную большую долю реликвий, в народе называемых *гностическими*, так как гностицизм с самого начала связывал свои понятия с понятиями народной магии и привлекал в качестве носителя

своих идей механизм последней, её астральных гениев, деканов[1] и мириагенесов[2]. Эта истина была замечена самыми ранними авторами, писавшими о гностицизме, так как Ипполит убедительно и довольно подробно показывает, что система ператов (ветвь офитов) была ни чем иным, как неприкрытым плагиатом законов астрологии. В рамках этого класса я старался отделить чисто астрологические талисманы от тех, которым *иллюминаты* или их создатели придавали более духовный смысл. "Астрология, а не Христос, является автором их религии", – говорит Ипполит о секте, образованной Евфратом и Цельбом, и приступает к выдержкам из их сочинений, глубоко почитаемых в то время, что полностью подтверждает его суждения.

Далее идёт множество гемм, покрытых только длинными строчками *надписей*, подлинное детище каббалы, которые выдают дело рук ненавидящих изображения еврейских мечтателей Александрии, а именно, заклинания, тогда даже приписываемые Соломону и которые сохранили благоволение

«Тех духов, живущих в огне,
В воздухе, земле и воде,
Чья мощь в согласии всегда
С планетной стихией она».

В течение всего этого исследования я неизменно придерживался одной цели – показать, как произведения разных школ отличаются друг от друга; и именно этому уделялось особое внимание при описании многочисленных реликвий, исшедших из нескольких просто перечисленных источников, собранных на сопроводительных табличках. Итак, это в какой-то степени устраняет путаницу, которая царит в настоящее время во всей этой сфере. Мой предшественник Маттер занимался только учениями, используя памятники просто для иллюстрации своих высказываний, и так как моя работа

1 Деканы представляют собой 36 групп звёзд, используемых в древнеегипетской астрономии. – Прим. пер.

2 Бесчисленное племя; от греч. μῦράς – мириады, множество и γένος – родов. – Прим. пер.

задумана как вспомогательное сочинение для его бесценного трактата, то я отсылаю читателя к нему для более полного объяснения *философии* гностицизма, а сам уделяю всецелое внимание его *археологической* стороне, по которой он бегло пробежался, и относительно которой ничего значительного не было сделано после публикаций Шифле и Монфокона.

Последним будет рассматриваться гносис в его конечном и величайшем проявлении или сложной религии *Мани*, а также её прекрасное возрождение и распространение в средневековой Европе и её предполагаемая связь с падением тамплиеров, чья история и причины катастрофы здесь кратко описаны. Хотя удовлетворительное суждение по существу этого дела является одной из самых трудных задач истории. Их скандальная судьба связаны с редчайшим явлением современности – сохранение их *открыто заявленными* потомками *масонами* многих из их символов, которые являются, бесспорно, гностическими по своему происхождению. Так как это, однако (к сожалению для любителей тайн), на самом деле, несомненно имеет веские причины и аргументы. Раскрытие этой тайны навязчиво вызывает в памяти басню Эзопа «Лисица и маска» и возглас разочарованной лисицы после того, как она, в конце концов, набралась мужества изучить внутренность страшной и трагической маски. В данном разделе иллюстрируется вся информация, которую мне удалось почерпнуть из разных источников относительно любопытного предмета *Масонские знаки*. Эти знаки, которые ещё существуют и широко используются нашими ремесленниками и в равной степени индусами в ежедневных религиозных обрядах, можно найти в готике и гностицизме, в древнегреческом и этрусском искусстве вплоть до их основного источника и это убедительно свидетельствуют о том, что именно эта сфера породила теософию, свободно использовавшую те же *сигиллы* во времена Римской империи. В помощь исследователям этой темы я тщательно давал ссылки на все известные мне опубликованные списки этих знаков; то же правило я соблюдал в отношении других монографий по различным вопросам, которые обсуждаются на других страницах. Таким образом, мои

недочёты могут быть компенсированы теми, кто стремится к более полной информации. Я прекрасно осознаю, что моя компетенция в таком трудном исследовании, охватывающем многие не связанные между собой отрасли знаний, обусловлена наличием большего количества вещественных и литературных памятников, чем были у тех, кто до сих пор пытался это сделать. Верно изречение: «Dans le pays des aveugles le borgne est roi»[1]. Существует некоторая вероятность, что мои труды будут новыми и интересными для многих, кто желает узнать что-то подлинное о гностицизме, о чём так много говорят, но мало понимают.

С этой религией по своей природе связаны *талисманы* и *амулеты*, так как гностические символы и формулы придавали свою силу многим предметам этого класса, заимствованным либо непосредственно из гностицизма, либо из более древнего вероучения, из которого тот вышел. Здесь описаны их применение и понятия, их породившие. Также показаны многие примеры отклонения средневековых форм от гностического класса. Следуя тому же принципу, была предпринята попытка найти ключ к их каббалистическим надписям, которые могут лучше объяснить их, чем всё другое, до сих пор представленное их толкователями. Их *символы* и *эмблемы* передают понятие о *смерти*, и в прошлом действительно среди всех остальных составляли богатейшую часть всех изображений, так как тем самым человеческий разум стремился привыкнуть к мысли о смертности, и, приукрашая эту мысль, пытался смириться с неизбежным. Так как эта тема интересует всех, не говоря уже о её очень важной связи с искусством, мои коллекции, связанные с ней, довольно обширны и включают многие подробности, которыми пренебрёг Лессинг в своём любопытном сочинении под названием «Wie die Alten den Tod gebildet» [нем. «Как древние изображали смерть»].

Что касается *иллюстраций* этой книги, то многие, несомненно, будут удивлены, а также разочарованы, найдя их

1 «В царстве слепых одноглазый – король» (фр.) – персидская пословица. – Прим. пер.

взятыми из памятников такого небольшого видимого значения, как *гравюры на геммах*. Считая эту часть неполной, могут обвинить автора в пренебрежении другими свидетельствами общедоступного характера. Но такое ограничение является, по правде говоря, необходимым результатом сущности предметов, обсуждаемых в данном исследовании. Тайные общества, особенно то, чьё изречение гласило (согласно Клименту), что по-настоящему мудрым является тот, кто «учится, чтобы узнать всё, но хранит себя в неизвестности», не создаёт памятников, чтобы привлекать всеобщее внимание. Они общаются посредством *символов*, которые распространяют среди своих членов лично через *пароли*, известные только *иллюминатам*. Или они передавали свои учения в таинственных рисунках, подобно «Диаграмме» офитов, или на папирусах, давно преданных огню. Человек утончённого вкуса, но не антиквар, непременно восстанет против примитивности изображений моих иллюстраций; но правда заключается в том, что как бы примитивно они бы не выглядели, они в большинстве случаев *льстят* своим оригиналам, из-за крайней дикости которых, их зачастую невозможно воспроизвести в надежде на узнаваемость смысла. Нужно помнить, что

“Gratia non habitat, non hoc Cyllenius antro.”[1]

Больше не Паллант[2], как в более древнем искусстве, водил рукой гравёра, но Шива и Бхавани (плохо замаскированные под Гермеса и Изиду) предлагали рисунки, или же они были вдохновлены чудовищными тифонами, которые изображали гениев астрологии. Царила религия *страха* в её различных проявлениях, изгнав прекрасную чувственную систему древнегреческого культа природы, в которую ничему злобному или отвратительному не дозволялось проникать. Сила *талисмана* заключалась в его образе; а *способ* изображения сигиллы на материальной субстанции не имел никакого значения. Один из самых образованных людей этого

1 «Милость – это не жилище и не пещера Меркурия» (лат.). – Прим. пер.

2 Паллант (Паллас, др.-греч. Πάλλας) – в древнегреческой мифологии младший титан. Сын Крия и Еврибии. – Прим. пер.

университета, однажды сказал мне, что гностические теории напоминают ему о видениях, которые проплывают в мозгу *безумца*, но не *глупца*. Последовавшие обстоятельства придали мрачную *силу* этому острому и точному отличию. Пусть любой творческий человек прочитает мои выдержки из «Откровения» Марка со всей его безумной изобретательностью определения природы Божества с помощью свойств числительных и, прежде всего, вычислением Бесконечности путём нескончаемого умножения букв, составляющих другие буквы, образующих какое-то имя, и он скоро обнаружит, что голова начинает кружиться от подобных фантомов цифр, повторяющихся бесконечной чередой, и от столь же бесконечных попыток обобщить их для того, чтобы получить отдохновение, которое охватывает голову, когда страдание от первых приступов лихорадки до фактического бреда сдвигает память со своего места. Или, опять же, когда лихорадочное возбуждение мозга ещё небольшое, то он будет иногда просыпаться среди ночи с мимолётным ощущением невыразимого счастья из-за мгновенного обретения Всеведения в силу того, что только что было открыто ему. Но очень скоро он обнаруживает, что невыразимое *нечто* скрылось навсегда, и всё, что от него осталось, есть лишь слабое воспоминание о том, что оно содержалось в *числе*. Одним из самых ярких моментов откровения в книге «Провидица из Префорста» ("Seherin von Prevorst"), скрупулёзно записанном Юстинусом Кёрнером (и которое доказывает, что *всё* это чудесное повествование не обман) является заявление провидицы о том, что она могла видеть историю всех лет от начала до конца с каждым событием, хотя и пустяковым, ясно и отчётливо, прежде чем её разум стал всё воспринимать в виде одной *цифры*; и на этом основании она утверждала, что в Судный День вся прошлая жизнь каждого человека так же пройдёт как один момент перед его мысленным взором.

Около половины рисунков для этих иллюстраций я сделал сам по наиболее интересным экземплярам, которые попадались в поле моего зрения в течение нескольких лет, так что я могу поручиться за их скрупулёзную точность. Потом, когда внезапное ухудшение зрения помешало копированию рисунков, по своей доброте тогдашний владелец оригиналов

пришёл мне на помощь и закончил остальное. Большинство из них на самом деле были взяты из большой и неопубликованной коллекции, хранившейся в кабинете древностей фон Прауна (созданном три века назад), которая сейчас, к сожалению, распалась. Гностические геммы, однако, числом 73, были потом куплены Британским музеем, где их можно найти, удобно расположенными для обозрения в Египетском зале, в котором содержатся изделия из терракота. Моя коллекция рисунков и в правду является важным событием настоящей работы, так как после подробного описания каждого рисунка стало легко расположить всю массу материала, которую я собирал в той форме, которая помогла бы раскрыть причины их создания. Поэтому сочинение вырастало за счёт постоянного прибавления, пока не достигло нынешних размеров. Эта тема предлагает безграничное разнообразие интересных предметов для исследования, причём один предмет предполагает другой в бесконечной веренице, что можно сравнить только с описанием Марка бесконечного построения Непроизносимого Имени (цитата выше), которое одно может составить материал для целой библиотеки различных трактатов по разным отделам.

В тех немногих случаях, когда лучший стиль оригинала заслуживал более художественного копирования, я прибегал к услугам г-на Р. Б. Уттинга, который делал ксилографии в таком духе и с такой точностью, что они не оставляют желать ничего лучшего.

Часть I.
Гностицизм и его источники

Τούτου με χὰριν πέμψον, Πάτερ
σφραγῖδας ἔχων καταβήσομαι
Αἰώνας ὅλους διοδεύσω,
μυστήρια πάντα διανοίξω,
μορφὰς δὲ θεῶν ἐπιδείξω
καὶ τὰ κεκρυμμένα τῆς ἁγίας ὁδοῦ,
ΓΝΩΣΙΝ καλέσας, παραδώσω

Сего ради пошли меня, Отче,
И печати неся, снизойду Я,
Через все пройду Я эоны,
И открою Я таинства все,
Образ разных богов покажу.
Всё святого пути сокровенное
Передам всем Я именем ГНОСИСА[1].

Офический гимн (Ипполит, V, 10)

Non è puleggio da piccola barca
Quel che fendendo va l' ardita prora,
Nè da nocchier ch' a sè medesmo parca.

Морской простор не для худого струга –
Тот, что отважным кораблём вспенён,
Не для пловца, чья мысль полна испуга.

Данте, «Рай», XXIII, 68
перевод М. Лозинского

1 Гимн наасенов, приводимый Ипполитом Римским, заканчивается словами Спасителя.

Гностицизм и его происхождение

Общее понятие «гностицизма» используется для обозначения нескольких, весьма различных сект, которые возникли в восточных провинциях Римской империи почти одновременно с первым насаждением христианства. Иначе говоря, эти секты тогда впервые обрели определённую форму, и сгруппировались под разными учителями, чьи имена стали известными всему миру, хотя, по всей вероятности, их основные доктрины появились ещё до этого во многих городах Малой Азии. Там, вероятно, их приверженцы впервые стали известны под именем «мисты» [от лат. жрец при мистериях] после установления прямого общения с Индией и её буддийскими философами при Селевкидах и Птолемеях.

Термин «гностицизм» происходит от греческого слова *гносис* или знание, слово, специально использовавшееся на заре религиозных исследований для обозначения науки о божественном. Так Пифагор, если верить Диогену Лаэрцию, называл трансцендентную часть своей философии Γνῶσις τῶν ὄντοων «Знание о сущем». А в более поздние времена гносисом называли то, что Порфирий называл древней или восточной философией, чтобы отличать его от греческих систем. Но этот термин был впервые использован (как Маттер предполагает с большим основанием) в своём истинном смысле божественных и небесных знаний еврейскими философами, принадлежавшими к знаменитым школам своего народа, процветавшим в Александрии. Эти учителя, следуя примеру известного рабби Аристобула, прозванного *перипатетиком*, попытались доказать тот факт, что вся мудрость греков была непосредственно взята из древнееврейского Писания; и посредством известного им способа аллегорического толкования, которое позволяло им добиться желаемого значения любого отрывка Ветхого Завета, они предпринимали попытки, часто преуспевая, создать свою теорию. Таким образом они доказали, что Платон во время своего пребывания в Египте был *их учеником*; и далее, чтобы утвердить эти претензии, неутомимый Аристобул привёл ряд

поэм Линкея, Орфея, Гомера и Гесиода, которые все были пропитаны духом иудаизма. Но его иудаизм очень отличался от простоты Пятикнижия. Единственным, но очень характерным произведением *еврейского гносиса*, дошедшим до наших времён, является «Книга Еноха» (V, стр. 18), чьей основной целью является *описание* небесных тел и воспроизведение их *истинных имён*, как показал патриарху ангел Уриэль. Это признание выдаёт магический источник, откуда пришло вдохновение. Многие евреи, тем не менее, приняли книгу как божественное откровение; даже апостол Иуда решился представить её в качестве подлинного Писания. В «Пистис-Софии», приписываемой александрийскому ересиарху Валентину (важное руководство в последующих исследованиях) постоянно упоминается эта книга, как высший источник знания, как продиктованная самим Христом, «говорящим от Древа жизни к ⲒⲈⲞⲨ, первому человеку». Ещё одним еврейско-гностическим Писанием и даже более интересным (поскольку оно является «Библией» единственной открытой секты гностиков, которая сохранила своё существование до наших дней, мандеев[1] из Басры) является их учебник «Книга Адама». Её доктрины и необычное приложение зороастризма к еврейским догматам, часто тождественны доктринам «Пистис-Софии» в их постоянном упоминании понятий «Религии света», о чём будет сказано подробно, когда дойдёт очередь до этого замечательного сочинения (см. стр. 14). Поэтому «гностицизму» нельзя дать более точного определения, чем определение, данное сектой, впервые специально назвавшей себя «гностиками» или *наасеями*[2] (слово, переведённое греками как «офиты»), а именно: «Начало совершенства есть знание о человеке, но абсолютное совершенство есть знание о Боге». Чтобы дать общее представление о характере всей системы, ничего не могу сделать лучше, как привести точные слова

1 Мандеи (происходит от арамейского manda – «знание», то есть то же, что и греч. gnosis – «гностики») – одна из двух сохранившихся до наших дней гностических религий (вторая – езидизм). – Прим. пер.

2 Наасеи и офиты переводятся как змеепоклонники – Прим. пер.

эрудированного и очень проницательного писателя о гностицизме («Христианский летописец» за 1866 год).

«Начиная с этого места, мы спросим, что такое гностицизм и чему он учит. Что такое этот *гносис* и на что он претендует? Ответ: это – знание о Боге и человеке, о бытие и провидении Божьем, о творении и судьбе последнего. В то время как невежественные и суеверные люди славу нетленного Бога изменили в образ, сделанный руками, и заменили «истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца», древние гностики придерживались более чистых и истинных понятий. И когда установились искажённые и идолопоклоннические формы религии и вероисповедания, и стали в народе считаться истинными и единственными, «гностики» придерживались и тайно учили *эзотерическому* богословию, для которого общепринятая вера с множеством богов, с ритуалом жертвоприношений и богослужений была лишь экзотерической формой. Отсюда и все тайны, которыми практически чуть не все языческие религии обладали. Те, кто был посвящён в эти тайны, внешне тщательно поддерживали и поощряли великолепные службы, жертвоприношения, народные религиозные шествия и даже открыто учили многобожию и действенности принятых обрядов, но тайно верили в другое. Сначала, наверное, это было более чистое исповедание веры, но с течением времени вера вырождалась, как и её экзотерическая форма. Процесс отклонения разнился в зависимости от расы или образа мышления, на Востоке вера склонялась к суеверию, а на Западе (как мы узнаём из сочинений Цицерона) к чистому атеизму, отрицанию Провидения. Эта система была принята также у евреев, но с той разницей, что она наслоилась на ранее существующую религию; в то время как в других восточных религиях внешнее добавлялось к эзотерическому или развивалось из него. В восточных системах внешнее было чувственным выражением скрытого смысла. В еврейской системе скрытый смысл извлекался из существующих внешних законов и ритуалов. У первых только эзотерическое являлось божественным, а у последних экзотерическое было предметом откровения. Чтобы восстановить этот кажущийся недостаток,

каббалисты или учителя «Сокрытого учения» придумали тайное предание, устно передававшееся со времён Моисея. Мы можем, конечно, отвергнуть это утверждение и заявить, что евреи узнали о скрытой мудрости, лежащей в основе Моисеева закона, в результате общения с восточными народами во время Вавилонского плена, и даже можем утверждать, что тайная мудрость зародилась в Индии. Возможно, нам нужно быть более точными, когда говорим, что евреи научились от общения с восточными народами исследованию внешнего божественного закона с целью раскрытия его сокровенного смысла. Языческие гностики, на самом деле, собирали гносис повсюду, принимали все религиозные системы, как частично истинные, и извлекали из каждой то, что соответствовало их идеям. Широко проповедуемое и сопровождаемое чудесами Евангелие, содержавшее новое учение и провозглашавшее новые истины, естественно привлекало их внимание. Каббалисты или еврейские гностики, такие как Симон Маг, нашли много общего между своим и апостольским учением, и легко привили к нему всё, что хотели. Божественная сила чудотворения, которой обладали апостолы и их преемники, естественно, привлекала интерес тех, чьей главной мистерией была магическая практика. Самаряне считали, что Симон Маг обладал «великой силой Божьей»; его привлекли чудеса, совершавшиеся апостолами; и он по-своему, несомненно, имел искреннюю «веру». По его понятиям святое крещение было, вероятно, посвящением в новую мистерию более высокого гносиса, чем тот, каким он обладал и с помощью которого он надеялся обрести высшею силу. Итак, многие из тех, кого называли гностиками-еретиками христианские отцы церкви, вовсе не были христианами, а только принимали ту часть христианского учения, которая соответствовала их системе».

Рассмотрение местных и политических обстоятельств основных очагов гностицизма послужит объяснению многого из того, что вызывает недоумение относительно происхождения и природы самой системы. *Эфес* был после Александрии самым важным перекрёстком греческой культуры и восточной мысли. Что касается торговли и богатства, он уступал столице

Египта, но соперничал в этом с Коринфом, которого Эфес, и вправду, превзошёл сокровищами религии и науки. Богатство Эфеса теософскими идеями и обрядами испокон веков проявлялось присутствием там Дианы, которой поклонялись «вся Азия и весь мир». Эта пантеистическая фигура соответствовала духу Востока; эфесская школа «ессеев» была посвящена этой богине, а название «Megabyzae» [храмовый раб или храмовая жрица] свидетельствует о принадлежности к магии. Отсюда появился талисман, пользовавшийся самой высокой репутацией в античном мире, а именно, знаменитое «эфесское заклинание», мистические слова, начертанные у основания «образа, который упал с Юпитера». Как рьяно магия культивировалась его гражданами видно из случайного упоминания евангелиста Луки о стоимости книг, принадлежавших тем, кто использовал «любопытные искусства» [τὰ περίεργα обычное название для магии или гадания], и уничтоженных владельцами в первую очередь при переходе в новую веру. Такие новообращённые, на самом деле, после того, как остывал их первый порыв, не могли противостоять соблазнам обращения к своей древней знаменитой мудрости с новым откровением; короче говоря, они следовали плану, изобретённому незадолго до этого александрийским евреем, который примирил Платона с Моисеем и пророками.

> «В Ефесе, – пишет Маттер, – учение еврейско-египетской школы и полу-персидское учение каббалы привели к значительному слиянию греческих и азиатских доктрин; поэтому неудивительно, что учителя должны были появиться там, где стремились объединить вновь проповедуемую апостолами религию с давно устоявшимися идеями. Уже в 58 году н.э. апостол Павел в первом Послании к Тимофею обязывает его предупреждать некоторых лиц, "чтобы они не учили иному и не занимались баснями и родословиями бесконечными, которые производят больше споры". Те же "басни и родословия" относятся, без всякого сомнения, к теории эманации эонов-сефирот и к отношениям между добрыми и злыми ангелами,

которых каббалисты позаимствовали из религии Зороастра».

После осуждения неких доктрин относительно обета полного аскетизма, воспринятого в буквальном смысле от ессеев, апостол добавляет: «храни преданное тебе, отвращаясь негодного пустословия и прекословий лжеименного *знания*, которому предавшись, некоторые уклонились от веры Христовой» [1Тим.6:20]. Это были, несомненно, не просто басни, которыми новообращённые стремились обогатить или пополнить христианское учение (такие примеры мы находим в детских, хотя и благочестивых вымыслах апокрифических Евангелий) и, конечно, не просто «лжеименными знаниями», которые противопоставлялись «истинным знаниям», то есть самому Откровению, но как нечто высшее, чем Откровение. Это учение, наоборот, вероятно, стремилось сделать *науку* из христианской веры, и *науку*, основанную на принципах *антитезы*. Итак, что такое эти «антитезы» (или противоположности), как не учение зендавесты, касающееся двух империй, Света и Тьмы, двух больших классов разумных существ, добрых и злых духов и вечной борьбой между ними? Итак, именно эти противоречия или принцип дуализма формирует наиболее бросающуюся в глаза особенность гностической схемы; и, по словам апостола, мы проследим один из наиболее очевидных способов, которым сообщалось такое учение, и путь, каким оно проникало в младенческую Церковь.

В самом деле, древние комментаторы Иоанн Златоуст и Феодорит, которые были досконально знакомы с гностицизмом их времени, применяли этот отрывок из посланий апостола Павла к фактическому предтече гностицизма, достойному сопернику Павла, Симону Магу, чьи любопытные постулаты были к тому времени широко распространены по всей Малой Азии.

Настолько глубоко проникли такие суждения в головы многих ефесян, что апостол в своём втором Послании к Тимофею, написанном шесть лет спустя, постоянно возвращается к этой теме, в то время как в Послании к Эфесской церкви он призывает паству не соблазняться ни «пустословием»

[μωρολογία – глупые речи] или «вновь придуманными названиями» (как говорит одна версия, и это касается гностической терминологии), ни человеческими учениями, которые имеют в себе не больше крепости, чем ветер, о котором никто не знает, откуда он приходит и куда уходит. И далее он даже использует терминологию гностицизма, когда говорит: «И вас, мёртвых по преступлениям и грехам вашим, в которых вы некогда [περιεπατήσατε] ходили [жили] по [αιωνα эону] обычаю мира сего, по *воле* [άρχοντα архонта] князя, господствующего в воздухе», то есть Demiurgus Ildabaoth демиурга Иалдабаофа[1]. Здесь мы имеем дивов Зороастра, чьи воинства наполняют воздух, обманывают человечество, ослепляют разум и вводят в искушение. Опять же, когда он добавляет: «Наша брань не против крови и плоти, но против *начальств*, против *властей*, против *мироправителей тьмы* века сего, против *духов* злобы поднебесной» – всё это обычные гностические эпитеты, присутствующие в каббалистическом богословии. Поздний гностицизм является, по сути, как хорошо выразился Шифле, «духом азиатской древности, стремившимся раскинуть свою империю над душой человека, утверждаясь в христианской церкви». Офиты даже в ранние времена Ипполита хвастались, что они из всех людей были единственными настоящими христианами, потому что только они *постигли истинную* природу Спасителя. В то же время они старательно принимали участие в праздновании всех древних мистерий, в частности Элевсинских и Фригийских, заявляя, что благодаря своим *знаниям* они получили ключ к тайному значению всех обрядов, которые своими формами и символами предвещали пришествие Христа. И действительно, гностицизм в его первоначальной форме был почти вытеснен из-за придания ему символизма красивого материализма древней греческой и латинской мифологии. Католицизм своим единством и простотой, в конце концов, одержал победу над *противоборствующей* гностической философией, которая исчезла, как открыто исповедуемая религия в шестом веке, если говорить о Европе, и чьи реликвии в Азии в то же время были покрыты

1 Ἰαλδαβαωθ (греч.) – Прим. пер.

непроницаемым мраком внезапного наплыва мусульман. Тем не менее, даже в первое время их господства, гностическая философия не могла быть искоренена, не оставив после себя глубоких следов в сочинениях и символах магов, астрологов и искателей *великого аркана* на протяжении всей эпохи Средневековья. Так, у Данте есть стих (Рай, XVIII гл.), который пестрит глубочайшим символизмом, и, конечно, наши масоны заявляют, что это их символизм, и, конечно, совершенно секретно, потому что такой характер предъявления прав освобождает их от толкования тайны. Поэт говорит о том, как *пять* раз по *семь* букв, образуя *пять* слов "Diligite justitiam qui judicatis terram" [«Любите справедливость, (которые) судьи земли…» Прем.1:1], вышли в звезду Юпитера, когда блаженные духи праведных князей парили над конечной буквой М в виде орла. Безусловно, значение, придаваемое цифрам *пять* и *семь* в этом откровении, имеет признаки гностической фразеологии, и напоминает одну из тридцати букв, которые составляют четырёхслоговое имя Бога, сообщённое Истиной ересиарху Марку, история которого будет дана в соответствующем месте. Данте перед этим (Песня VI) говорил о «страхе, что охватывает его при виде В. I. С. Е.», видимо, акронима какого-то сильного пароля, хотя его комментаторы наиболее прозаично интерпретировали это, как просто сокращение имени его потерянной любви, Беатрис. Именно своей связью с гностицизмом раннее христианство было обязано обвинению в *магии*, суеверию не *nova* новому, но *malefica* злобному. Есть любопытный текст у Диона Кассия, где упоминается о том, что христианский легион в войне с квадами[1] М. Аврелия вызвал дождь с небес своими молитвами, и он пишет: «Христиане могут исполнить любое желание по молитве». В более поздние времена различные церковные фракции любили обвинять друг на друга в этой древней клевете язычников, а именно, по обвинению в магических практиках, говорит Аммиан, арианам удалось низложить и изгнать самого великого Афанасия.

1 Германское племя свебской ветви, жившее к сев. от Дуная. – Прим. пер.

История гностицизма, написанная его современниками, до сих пор составляет обширную библиотеку, несмотря на потери и убытки, нанесённые временем. Для достижения главной цели настоящего сочинения, то есть нахождения *вещественных* реликвий гносиса, ни одна из исторических летописей не сослужила мне такую службу, как «Опровержение всех ересей», написанная *Ипполитом*, епископом Остии (Порт) в начале третьего века. Многие вопросы, до сих пор казавшиеся безнадёжно погружёнными во тьму, стали понятны при внимательном прочтении его продуманного резюме о системах различных гностических апостолов. Его убеждение относительно их учения было, очевидно, построено объективно и разумно, и полностью подтверждает его заявление, «что в его планы не входило поношение приверженцев таких доктрин, а просто указание источников, откуда они действительно взяли свои псевдо-откровения». И он держит своё слово, ни разу не прибегая как более поздние полемисты, к выпадам против заявленных *практик*, но демонстрируя только принципы противников и с большой изобретательностью показывая явный плагиат языческой философии. Его стремление видеть источник языческой философии в источнике всех гностических потоков иногда приводит его к тому, что он находит родство там, где его нет на самом деле. Ещё чаще он объявляет более поздней *копией* гностицизма то, что на самом деле было снято непосредственно с того же восточного прототипа или истинного источника древнегреческой мысли, с которым он идентифицирует его. Весь этот бесценный, а также наиболее интересный трактат дышит духом милосердия и кротости, что позволило к счастью автора, принадлежавшего к по-прежнему преследуемой религии, жить среди веротерпимых соседей. Оскорбления и непристойные басни, от которых впоследствии получал удовольствие Епифаний, вполне указывают на то, что автор принадлежал к господствующей Церкви; он мог, в конце концов, обратиться к светской власти, чтобы помочь убедить всех своих противников в ошибках посредством неопровержимых аргументов дыбы, верёвки или костра.

Ириней, галл по происхождению и ученик Поликарпа, бывшего учеником Иоанна, был избран епископом Лиона в 174 году. В этом городе он написал свой великий труд, как правило, называемый «Пять книг против ересей», написанный простым и действительно изящным стилем, хотя в одном месте он просит извинение за грубость, так как был вынужден в течение многих лет разговаривать «на варварском языке». Это интересное замечание показывает, что «кельтский язык» по-прежнему оставался простонародным языком в его епархии. Предполагают, что он умер вскоре после 200 года, и, следовательно, несколько раньше, чем Ипполит, который был приговорён к смерти в 222 году и чьи «Опровержения» явно были написаны после смерти Иринея, так как он упоминает его иногда как ὁ μακάριος, «блаженной памяти» и вставил целые главы о Марке из его труда в своё сочинение.

Другой его современник великий *Ориген* привёл несколько важных подробностей, касающихся религиозной системы офитов в своём знаменитом сочинении «Против Цельса». Спустя два столетия после него следует *Феодорит*, епископ Кирский из Сирии, вторая четверть пятого века, который оставил очень полные сведения о большой гностической школе, процветавшей в этой области. Другие христианские писатели, которые рассматривали происхождение и природу этого учения, были не более чем невежественными церковниками, не способными ничего разглядеть в любой религии за пределами её внешних форм. Они всему придают самый тёмный смысл и всегда ищут самых худших толкований, которые эти внешние формы допускают. Во главе этого последнего класса стоит *Епифаний*, автор самых подробных и вследствие религиозного рвения самых забавных описаний гностических сект, которые дошли до наших дней. Причудливое название его обширного труда «*Панарион*», «Корзинка для хлеба» или скорее «Корзинка для объедков» призвано выразить пёстрый характер его содержимого, собранного со всех местностей. Этот огромный фолиант (превосходно переведённый на изящную латынь учёным Петавием) вызывает самый высокий интерес; он полон картин

борьбы человеческого разума за *откровение*, которое бы правдоподобно решило все проблемы иной природы Человека. Его составитель был епископом Саламина на Кипре в 367-403 годах, где проявлял большое рвение и выискивал всякие скандальные истории против врагов усыновившей его Церкви. Но есть одна вещь, которая придаёт огромное значение его трудам, а именно, подробное описание манихейства… последнего и величайшего достижения гносиса, которое возникло в промежутке между Епифанием и Ипполитом.

Все *эти позднейшие* историки гностицизма считали за правило изображать его лишь как побочное ответвление и извращение христианства, которое было изобретением, как правило, разочарованных честолюбивых отступников от истинной веры, установленной несколькими апостолами в восточных провинциях Империи. Ничто не может быть более голословным, чем такой способ представления этой системы. В своей ранней форме, как она проявляется в учении Симона Мага или Василида, это ниспосланное с небес *знание* просто добавило к старым основам те догматы и термины христианской веры, которые, как казалось, уподоблялись и сочетались с ней, а с другой стороны, она воспользовалась механизмом древнего язычества, чтобы объяснить и доказать таинства новой теософии. Это было характерно для систем Иустина и ператов. Очень любопытные выдержки, данные Ипполитом из их учебников, вызывают удивление современного читателя. Этот прозорливый полемист был прав, называя все эти ереси ничем другим, чем просто древней философией, замаскированный под новыми названиями; его единственная ошибка состояла в том, что он не углубился в историю достаточно далеко, чтобы найти их первоисточник. Василид, например, никогда не исповедовал христианство (в действительности, Тертуллиан называет его неоплатоником), но он добавил к эзотерическим учениям египетских жрецов недавно заимствованные понятия буддизма… вероятного источника многих странных понятий гносиса. Проникновение религии Будды в Египет и Палестину, являясь лишь недавно обнаруженным фактом, но подкреплённым внушительными

свидетельствами, даёт лучший ответ на бесчисленные вопросы в истории религии. Обстоятельствам, относящимся к этому очень важному вопросу, должна быть отведена отдельная глава.

Что же касается собственно учебников гностиков, которые в своё время составляли огромную библиотеку (каждый основатель секты по своей обязанности был очень плодовитым писателем, что видно по количеству работ, которые цитирует Ипполит), то на них охотились и тщательно уничтожали торжествующие ортодоксальные верующие. После исчезновения сект не осталось никаких копий, всё погибло, за исключением одного единственного экземпляра, подтверждающего их характер. Но этот уцелевший экземпляр настолько необычного и дивного характера, что если бы судьба не оставила его для нас, мы бы не имели столь характерного представителя этого класса. Это – «Пистис-София» или «Вера-Мудрость», работа, которая постоянно будет цитироваться на последующих страницах, так как она проливает больше света на фактические памятники гностицизма, чем могло до сих пор быть собрано у всех остальных авторов вместе взятых на эту тему. Краткое её содержание будет лучшим введением к нашему исследованию характера гностической системы.

Пистис-София

Этот трактат, приписываемый Валентину (я не знаю, на каком основании), был обнаружен Шварцем в Коптской рукописи, хранящейся в Британском музее. Он переписал коптский текст и перевёл его на латинский язык; тексты и перевод были опубликованы Петерманом в 1853 году. Оригинал обильно пересыпан греческими словами и фразами; видимо, коптской является таким бедным языком, что не имеет собственных слов для выражения чего-нибудь, кроме материальных понятий. Это откровение изложено с бесконечными повторами, языком, лишённым относительных

местоимений, союзов и других грамматических деталей, необходимых для чёткого и лаконичного выражения мысли.[1]

Авторство некоторых мест этой рукописи присваивается апостолу Филиппу, которого Спаситель попросил сесть и записать это всё! Это обстоятельство заставило меня сначала принять рукопись за потерянное Евангелие от Филиппа, цитируемое Епифанием, но в ней не было одного эпизода, приведённого им из этого Евангелия. В оригинале много больших пропусков, которые часто выпадают на очень интересные места, как будто сделанные намеренно, чтобы скрыть самое важное от взора невежд. Из-за этих пропусков нельзя отождествлять эти два сочинения.

Характер этой книги можно кратко описать следующим образом. Она претендует на запись высокого учения Спасителя, сообщаемого его ученикам в течение *одиннадцати* лет странствия с ними по земле после распятия, когда он вернулся после своего Вознесения на небо. Он вознёсся с горы Елеонской, где получил свыше два сияющих одеяния с написанными на них пятью мистическими словами (§ 16) и именами всех властей, через чьи владения ему пришлось пройти. Итак, он (как он рассказывает ученикам) проходит через врата небосвода, сферу Судьбы и области двенадцати великих Эонов, которые все по очереди падают перед ним, охваченные ужасом, и поют гимны хвалы. Войдя в тринадцатый Эон, он видит, что внизу сидит и плачет изгнанная Власть Пистис-София,[2] чьим именем названо это откровению. Она однажды мельком увидела высший свет. И её охватило желание улететь вверх к нему, но Адамас, правитель того места, будучи в ярости из-за бунта против него, заставил ложный свет или, в действительности, *ignis fatuus*[3] светить на водах нижележащего хаоса, чтобы заманивать вниз незадачливого искателя. Она

1 Предназначен для перевода на английский язык, в качестве дополнения к настоящей работе.

2 Изгнание Софии из общества других Эонов является великим поворотным пунктом основных гностические диаграмм, хотя каждая приводит разные причины её низведения, как например, в системе Валентина, а также у более поздних офитов.

3 Блуждающий огонёк (лат.) – Прим. пер.

неуклонно погружалась в бездну в окружении духов, стремящихся лишить её естественного сияния. Учение о смешении света, исходящего от сокровищницы Света, с *материей*, о его заточении в ней, извлечении и восстановлении назначенными для этого «Приемщиками света» является главной мыслью этого откровения, даже в большей степени, чем в диаграмме офитов. Частью того же понятия является частое указание на κέρασμος или хаотичную смесь света и материи, преобразование которой является главной целью нисхождения Спасителя.

По крайней мере, половина книги посвящена описанию последовательных шагов восхождения Пистис Софии через все двенадцать Эонов с помощью Спасителя и *исповедь*, которую она поёт на каждом этапе освобождении из хаоса. Каждая исповедь предлагается Иисусом ученикам для объяснения и сопоставления с псалмами или другими пророчествами, содержащими аналогичный настрой; такое сопоставление делалось подчас с немалой изобретательностью. Замечательная особенность этого сочинения заключается в том, что на всём его протяжении главной собеседницей Иисуса была Мария Магдалина, получившая наиболее высокую оценку за своё духовное знание, хотя однажды Пётр резко укорил её за стремление постоянно и без приглашения вылезать вперёд, не давая *мужчинам* возможность высказаться. После того, как Пистис София, таким образом, вернула утраченные позиции, начинается самая ценная часть учения. Магдалина задаёт главный вопрос об основной причине греха (§ 281), на что Иисус в ответ даёт длинное и подробное описание четверичного состава души человека. Причём её божественная искра (частица света, запутавшаяся в κέρασμος) покрыта тройной оболочкой, образовавшейся из *испарений* мятежных Эонов, которые стремятся держать её в подчинении у страстей и эго, так чтобы при отделении от тела она не могла бы прорваться через их владения, «области срединного пространства», здесь представленные как места страданий. Эти Эоны в другом месте отождествляется со знаками зодиака. Далее следует подробное описание правителей областей мучений (§ 320), их *истинных*

обличий крокодила, медведя, кошки, собаки, змеи, чёрного быка и т. д. и их *подлинные* имена; последние не являются семитскими, но коптскими или принадлежат, судя по окончаниям, таинственному языку, широко использовавшемуся на геммах гностиков. После этого описаны наказания, назначенные за различные грехи человечества, и дано точное количество лет и даже дней, необходимых для искупления каждого греха в соответствующем подземелье (ταμεῖον). Все эти места мучений находятся внутри Дракона внешней Тьмы. Стоит отметить, что змей здесь везде олицетворяет зло, верный признак того, что эта книга находилась под влиянием каббалы. Такой же вывод напрашивается вследствие злобы, пронизывающей всё описание Божьего промысла, а также явного наслаждения, которое она получает от подробного описания различных наказаний, львиная доля которых, естественно, достанется еретикам. Философские гностические диаграммы не содержат сурового наказания для тех, кто не прислушивается к ним, кроме такого наказания, как отсутствие достаточных *знаний* и подчинение *материи*. После очищения в этих тюрьмах души отправляются в новые тела, чтобы пройти новое испытание на земле.

Судьёй душ является Дева Света, которой помогают семь служительниц. Определённые грехи, хотя и малые числом, наказываются уничтожением душ; не принимается ни милостыня, ни искупление. Но для всех остальных можно получить мгновенное отпущение грехов, если друзья умершего с упоминанием его имени совершат «Таинство (причащения) Того, чьё имя не произносится». Это, вероятно, самое раннее из дошедших до наших дней упоминание действенности *таинства* причащения для искупления души. Это – единственная возможность для спасения совершенного праведника, кто при жизни не имел возможности обращения на путь истинный. Ангелы возьмут его душу и пронесут через все миры наказания с предельной быстротой, а потом проводят её к Деве Света, которая оденет душу в новое тело, чтобы возобновить земной путь, узнать там о пользе таинств и так стать наследницей Света. Природа этого особого таинства, постоянно

упоминаемого в этой работе, нигде не объясняется; оно является, однако, самым высоким из двадцати четырёх, так как именно такое число таинств упомянуто здесь, по одному на каждый чин небесной иерархии, согласно *пяти знакам*, *семи гласным*, *пяти деревьям* и *семи аминь*. Повествование перемежается частыми отсылками к печатям, *числам* таинств, действиям и божественным персонажам, заимствованным частично из традиций Храма, частично из древних египетских культов. Они повторяются и идут в такой разнообразной и сложной последовательности, что тому, кто не имеет ключа для их разгадки, упорно приходят на ум разные нелепости подобные тем, которые могут мелькать перед его мысленным взором в бреду. Даже усидчивый немецкий редактор признался в предисловии, что часто его голова шла кругом, когда он пытался транскрибировать их.

Наконец идёт длинный фрагмент (§ 358) под названием «Часть Иисусовых молитв», в котором больше говорится непосредственно об этих исследованиях, чем мне где-либо попадалось ещё видеть. Спаситель в окружении учеников, стоя иногда на горе, иногда у моря, а иногда в воздухе, обращает молитвы к Отцу, начиная с длинных фраз такого же характера и часто выраженные такими же словами, как те, которые покрывают наиболее важные гностические памятники. Некоторые из этих начальных просьб объяснены, и, казалось бы, перефразированы в последующих молитвах, хотя и не совсем удовлетворительным образом. Также Иисус совершает с множеством особых формальностей жертвоприношение вина и воды, которое, как есть основания полагать, является великой мистерией или таинством, так часто восхваляемом в предыдущих главах. Всё заканчивается длинными объяснениями о влиянии Эонов Зодиака на душу младенца, родившегося под одним из них, а также счастливого или пагубного вмешательства планет в таких случаях. *Священные* имена последних передаются, по-видимому, в том виде, в котором они использовались магами. Здесь названы несколько египетских божеств, например, Бубастис и Тифон, а сирийская Барбело часто упоминается, как персонаж очень большого значения,

являясь не менее значимой, чем *небесная* матерь самого Спасителя. Его земная мать действительно присутствует в этих откровениях, но она играет второстепенную роль по сравнению с Магдалиной и даже Саломеей. Последнее, что необходимо отметить в этом самом замечательном плоде безумного мистического воображения (трудно сказать, каббалистического, древнеперсидского магического или христианского), это противоборствующий дуализм многих сил, являющихся посредниками в структуре вселенной. Например, есть послушный Адам и непокорный Адам (высочайшее имя у древних наасеев), большой и малый Саваоф, и подобные противоречия встречаются и в более поздних системах офитов.

Книга Еноха

Это – самое древнее (как утверждают) из древнееврейских писаний, на которое, как на высший авторитетный источник, ссылается Эон Пистис София; краткое изложение её учения, по-видимому, составляет необходимое дополнение к предыдущему разделу. Несмотря на то, что «Книга Еноха» часто цитировалась Отцами Церкви, она считалась утерянной с восьмого века (за исключением нескольких глав греческой версии, сохранённых Георгием Синцеллом), пока Брюс не привёз три экземпляра этой книги из Абиссинии. В церковном каноне она стоит в Ветхом Завете непосредственно перед книгой Иова.[1]

Эта книга состоит из девяноста глав, и начинается с предисловия:

> «Во имя Бога милостивого и милосердного, долготерпеливого и великого в любви и святости. Это – книга Еноха пророка. Пусть благословение и помощь будет с тем, кто любит Его, во веки веков.

1 Английский перевод был сделан д-ром Лоуренсом, епископом Кашела, третье издание которого с примечаниями был опубликовано в 1837 году. Лучший немецкий перевод принадлежит Дильманну, 1857 г. См. Шодде, Книга Еноха, 1882 г. [Сам текст был неизвестен в Европе до путешествий Брюса в конце XVIII века, когда он был обнаружен в составе эфиопской Библии, где входит в канон.]

> Аминь. Глава I. Вот, слова благословения Еноха, которыми он благословлял избранных и праведных издревле. И Енох возвысил голос свой и сказал: «Святой человек Божий», в то время как его глаза были открыты, и он увидел видение святого в небесах, которое ангелы показали ему. И я услышал от них всё, и понял, что видел».

После этого следует история об ангелах, сошедших с небес, и произведших исполинов от дочерей человеческих; о том, как они наставляли их в искусстве войны и мира, и в разврате. Упоминаются имена главных ангелов, вероятно, еврейского происхождения, но искажённые греческим произношением. Затем Бог поведал Еноху о Своём решении уничтожить их. Эта тема занимает около восемнадцати глав. Начиная с восемнадцатой главы и вплоть до пятидесятой главы ангелы Уриэль и Рафаэль проводят Еноха через ряд видений, не связанных с предыдущими главами. Он увидел горящую долину падших ангелов, Рай святых, самые отдалённые уголки земли, сокровищницы громов и молний, ветров, дождей, рос и ангелов, главенствующих над ними. Его привели на место Страшного Суда, где он увидел Ветхого Днями на престоле Своём и всех царей земли перед Ним. В пятьдесят второй главе говорится, что Ноах, был встревожен огромным развращением человечества, и, опасаясь мести, обратился к своему прадеду за советом. Енох сказал ему, что потоп должен уничтожить весь род человеческий, а огонь наказать ангелов, которым потоп ничего не мог сделать. В 59 главе тема ангелов возобновляется, Семеиза, Артукару, Аримеон, Какабаэль, Тушаэль, Рамиэль, Дамдал и другие числом двадцать появились во главе падших духов и вновь показали свой непокорный нрав. В главе 62 Енох даёт своему сыну Мафусаилу длинное описание солнца, луны, звёзд, года, месяцев, ветров и подобных физических явлений. Это занимает восемь глав, после чего патриарх кратко повторяет предыдущие страницы. Остальные двадцать глав рассказывают об истории потопа, подготовке Ноаха к нему и о сопутствующем ему успехе. Уничтожение всякой плоти, кроме

его семьи, и свершение божественного мщения относительно ангелов завершают это сочинение.

Рис. 1

Гностицизм в его начале

Начав с общепринятого описания возникновения и развития гностической *философии*, так как это и есть её правильное наименование (*ересь*, по сути, является разногласием между членами одной общины), мы видим, что уже в 35 году н.э. самаряне считали Симона Мага «великой силой Божьей». Он и его ученик Керинф представлены христианскими отцами как фактические основатели учения под именем гностицизма.

Относительно первого Ипполит приводит историю, и нет никаких оснований не принять её, как в основном подлинную. Он был родом из самарянского местечка Гиттон, где начал свой путь и вскоре приобрёл большое влияние среди соотечественников, практикуя магию по «методу Фразимеда» (т. е. показыванием фокусов, ранее описанных Ипполитом), и даже больше, творя чудеса «с помощью бесов». Влюбившись в красивую куртизанку из Тира, он выкупил её у владельца, и везде возил с собой, заявляя, что она есть «творящая мысль» (Ἔννοια), которая была заключена в теле греческой Елены, а затем в Заблудшей Овце, но теперь возвращена к ним для спасения мира. Ещё *до* проповеди христианства он выступал как учитель новой религии, заимствованной от Моисея и Гераклита «Тёмного» [ὁ σκοτεινος λεγόμενος Ἡράκλειτος, Аристотель – Гераклит, прозванный «тёмным»] и основанной на аксиоме, что *огонь* является первым началом всех вещей, в чьём подчинении находятся «шесть корней бытия»; любопытная смесь иудаизма и персидской магии, о которых Ипполит даёт полное, хотя и не очень внятное резюме. «Этот Симон, после того, как выкупил Елену, он даровал спасение людям посредством своего собственного *знания*. Так как ангелы правили миром плохо по причине своего честолюбия, он сделал вид, что пришёл сделать всё правильно. Изменив форму, он уподобился началам, властям и ангелам, хотя и принял облик человека, *не быв человеком* вовсе. Он принял страдания в Иудее, хотя на самом деле не страдал; более того, иудеям он явился, как Сын, в Самарии, как Отец, а среди язычников и в других частях, как Святой Дух; но он принимал любое имя, какое им вздумается. Пророки вдохновлялись ангелами,

творцами мира, когда произносили свои пророчества; те, кто верят в Симона и Елену, не обращают никакого внимания на них (пророков) даже в наши времена и поступают так, как им заблагорассудится, делая вид, что они искуплены *его* благодатью»… «Итак, этот Симон, который с помощью магического искусства прельстил многих в Самарии, был опровергнут апостолами и проклят ими, потом он потерял своё доброе имя и придумал эти басни. Наконец, приехав в Рим, он снова выступал против апостолов, и Пётр часто встречал его, когда он *соблазнял толпы народа* своей магией. Наконец, отправившись в земли Персии, он нашёл место под платаном, и там проповедовал своё учение. Но, когда его чуть не осудили за мошенничество в результате его слишком долгого пребывания на одном месте, он объявил, что, если его похоронят заживо, то он воскреснет на третий день. И вправду, после того как его ученики вырыли яму, он приказал засыпать себя землёй. Они сделали то, что он повелел, но он так и не вернулся до сего дня, поскольку не был Христом. Итак, эта история о Симоне, от кого Валентин заимствовал первые понятия, но называл их по-другому. Так, «ум», и «истина», и «слово», и «жизнь», и «церковь» и «человек» или эоны Валентина являются общепризнанными *шестью корнями* бытия Симона, а именно, умом, разумом, голосом, именем, рассудком и мыслью».

Но если продолжить ряд учителей, нечто противоположное апостольской преемственности, то за Симоном следовал Менандр, за ним Василид из Александрии, кого после смерти в 138 году сменил Валентин, урождённый еврей из этого же города. Последний был назван Иринеем «главой гностиков» вследствие его значимости и широкого распространения его учения даже пока он был жив. В Сирии в то время существовали также другие секты, называвшиеся по имени Маркиона и Бардесана, чьи традиция были персидскими по происхождению, и, следовательно, по убеждениям они были близки к религии персидских *магов*. Последнюю секту некоторые называют уроженкой Понта; это обстоятельство, однако, не имеет никакого значения относительно источника их убеждений, так как эта область является общепризнанной сферой митраизма, находившейся под управлением родов, претендовавших на происхождение от первого Дария или его

сатрапа. Излишне здесь перечислять основателей менее важных сект. Мы переходим к появлению Мани, автору самой смелой и самой продолжительной теософии из всех, которая дважды долго и упорно боролась с католической верой. Эта секта, её происхождение, принципы её необычного учения и огромное влияние, которое она оказывала на древний и средневековый мир, будут рассмотрены в другой главе, как и *офиты*, чьё имя так явственно фигурирует в истории ранней Церкви.

То, что было сказано выше в отношении стран, давших основателей всех этих сект, а именно Египта, Сирии и Персии, заставляет нас ожидать какого-то единого принципа, пронизывающего все системы, и это, скорее всего, так. Фундаментальная доктрина, общая для всех глав гностических сект, состояла в том, что всё было сотворено не верховным божеством, а демиургом, простой *эманацией*, на несколько степеней отстоящей от высшей силы. Последней, называемой ими «Непознаваемым Отцом» (или, как Симон первым назвал его «Беспредельной силой» или «Корнем всего сущего») они приписывали создание разумного мира то есть разумных существ или Эонов, а также ангелов, в то время как к демиургу они относили создание мира *материи*, подверженному несовершенству по своей природе. Но чтобы чётко понимать великие принципы, лежащие в основе этих учений, совершенно необходимо знать основные черты тех древних систем, из которых заимствовались эти доктрины. Такими системами были зендавеста, каббала (которая была чуть больше, чем перевод того же самого) и реформированный индуизм, которому буддийские миссионеры учили во владениях сирийцев-македонцев, или привозили из Индии александрийские купцы, ездившие торговать в страну Гуджарат.

Для того чтобы изобразить свои понятия наглядно на *памятниках* (объяснение которых является предметом отдельного трактата), гностики во многом заимствовали образы и символы из древнеегиптеской мифологии (особенно те, которые относятся к Агафодемону, солнечному Богу Иао и проводнику душ Анубису с головой шакала). Но эти изображения использовались в новом смысле, если не

предположить (что достаточно вероятно), что их *эзотерический* смысл был с самого начала похож на тот, что провозглашали учителя новой веры. Последнее объяснение было на самом деле предметом бесконечного хвастовства Валентина и встречается в каждой его статье по теософии, как написано в интересном обзоре, приведённом Ипполитом. Также никогда не нужно забывать о том (так как это является ключом ко многим из кажущихся противоречий в разных рассматриваемых системах), что греки и евреи перенесли свои давние споры на новое поле гносиса. Первые превозносят вакхического *змея* и делают Бога *Саваофа* чуть ли ни демоном; последние по-прежнему терпеть не могут змея, считая его олицетворением Сатаны. Их Бог Саваоф «Великий и добрый» (как Пистис София постоянно называет его), защитник душ верующих от злобных «Эонов сферы». Влияние иудаизма, распространявшегося из его второго центра или александрийской школы, имело гораздо большее значение, чем простые читатели истории когда-либо могли подумать. Несколько замечаний относительно этой весьма любопытной темы станет полезным введением к рассмотрению философии александрийской школы.

Влияние иудаизма на древней мир

Люди нашего времени остаются под влиянием идей, порождённых пятнадцатью веками церковной власти, во время которых ненависть и презрение к еврейской расе составляли важную христианскую добродетель, и от них полностью ускользнуло влияние иудаизма на умы народов мира в то время, когда был храм, и там во всей красе совершались богослужения. Когда римляне, завоевав Сирию и вскоре после неё Египет, столкнулись с еврейским народом, они не любя их, как отдельные личности, всё же выражали огромное восхищение их древними, таинственными и торжественными богослужениями. И, действительно, любая система, освящённая печатью древности, сразу вызывала уважение истинного римлянина. Императоры, не теряя времени, получив нового покровителя могущественной и не вполне ясной силы в лице *Иеговы*, установили ежедневные жертвы, оплачивая их, за себя

и империю. Прекращение этой жертвы сектой зелотов, овладевших храмом, Иосиф Флавий описывает, как акт великого бунта и попытки восстановления независимости, который привёл к окончательному крушению на Сионе. Можно привести несколько примеров влияния иудаизма на мышление самых высоких классов в Риме, отсюда его многократно возросшая власть над умами толпы может быть рассчитана по известному правилу пропорции. Чтобы отметить свободу Августа от предрассудков, Светоний высоко оценивает поведение его наследника, внука Кая, во время путешествия в Египет и Палестину, когда тот воздержался от посещения Аписа в Египте и Храма в Палестине. Уравнивание двух религий в этом случае само по себе демонстрирует высокую оценку еврейской религии, потому что в то время египетские культы, как покажет глава о культе Сераписа, в значительной степени вытеснили поклонение римским божествам. Друг Горация и поэтому предположительно влиятельный и образованный Арист Фуск приносит извинение за то, что не мог присутствовать на деловой встрече, так как был шаббат, а «он был немного суеверен, как и многие другие».

Поражает влияние евреев и количество проживавших в Риме евреев во времена Республики, когда читаешь о наблюдениях Цицерона в его речи в защиту Флакка. Флакк во время правления в Азии запрещал передачу денег Иерусалиму. Эти деньги могли означать только дань, которую платил каждый взрослый еврей Храму в размере полсикля или две драхмы с человека. Люди Флакка изъяли деньги, которые вопреки его распоряжению были собраны для этой цели в Апамее на сумму почти в сто фунтов золотом, а в Лаодикии до двадцати фунтов. Единственной золотой монетой того века был *статер*, стоивший двадцать пять драхм и весивший пятидесятую часть фунта, такие деньги могли быть собраны пятьюдесятью тысячами плательщиков на территории первого города и десятью тысячами на территории второго. Оратор считает, что "auri Judaici invidia" [лат. «к злату еврейская алчность»], наносит существенный вред его делу, так что он объясняет обстоятельства дела присяжным шёпотом, чтобы не

возбуждать возмущение евреев среди своей аудитории. Он фактически заявляет, что врагам Флакка удалось добиться, чтобы его дело рассматривалось в определённом суде, рассчитывая на помощь евреев, проживавших в том квартале Рима с целью запугать присяжных, и поэтому вынести приговор в отношении него.

> "Sequitur auri illa invidia Judaici. Hoc nimirum est illud, quod non longe a gradibus Aureliis hæc causa dicitur. Ob hoc crimen hic locus abs te, Laeli, atque illa turba qæsita est. Scis quanta sit manus, quanta concordia, quantum valeat in concionibus. Submissa voce agam, tantum ut judices audiant. Neque enim desunt qui istos in me atque in optimum quemque incitent, quos ego quo id facilius faciant non adjuvabo" (Глава XXVIII).[1]

И что ещё более удивительно, это влияние продолжалось даже после падения Иерусалима и исчезновения народа как нации. Спартиан упоминает, что Север в ознакомительном походе по всей Азии, запрещал жителям переход в христианство, а затем распространил этот указ на еврейскую религию. Опять же, чтобы показать природную доброту Каракаллы, он рассказывает о его возмущении при избиении отцом с одобрения императора мальчика, друга детства, за принятие им иудаизма. Обстоятельства дружбы указывают на то, что «признавшийся» мальчик, вероятно, принадлежал к одной из лучших семей Рима. Такое положение, занимаемое религией Авраама, было почти немыслимо в поздний период, когда ей приходилось, кроме стремительного роста христианства, бороться с разновидностями гностицизма, которые удовлетворяли любой вкус, и во многих случаях

1 «Далее следует дело о зависти к еврейскому золоту. Неудивительно, что это дело обсуждается недалеко от Аврелиевых ступеней. Из-за этого обвинения, Лелий, ты выбрал именно это место и эту толпу; ты знаешь, как велика их община, сколько в ней спайки, как она сильна на наших народных собраниях. Я буду говорить тихим голосом, чтобы только судьи могли услышать. Ибо нет недостатка в тех, которые подстрекают эту толпу против меня и против всех лучших граждан. Нет, я не помогу облегчить им дело» (лат.).

выходили из неё (не из её ненавистной дочери и соперницы), и в союзе с языческой философией были, естественно, более привлекательными для язычников, нежели родительница. Даже в то время, когда можно было бы ожидать от римлян глубоких предубеждений против всего, что принадлежало к этой нации мы находим, что Веспасиан, являвшийся фактически истребителем нации, возвёл на самом почётном месте статую александрийскому еврею Тиберию, который оказал ему помощь в овладении империей, каким образом не указано, но, возможно, в качестве Ротшильда того времени, то есть хорошей ссудой. Правда, Ювенал не мог сдержать своего негодования относительно всей этой проституции с известным иностранцем, предпочтённым большинству именитых соотечественников, и намекает на то, что долгом каждого истинного римлянина было выражение чувства негодования, совершая безобразные дела под самым носом статуи.

> "Atque triumphales, inter quos ausus habere
> Nescio quis titulos Ægyptius atque Alabarches,
> Cujus ad effigiem *non tantum* meiere fas est" (1:130)[1].

В третьем веке мы находим образцового императора Александра Севера, поместившего изображение *Авраама* рядом с Христом и Орфеем, которые считались боговдохновенными основателями нескольких тайных школ (или пришедших к вероятному корню своих убеждений, как многие разные *Будды*), в самом святом месте своей домовой церкви. Небольшое исследование летописей более поздних императоров, несомненно, предоставит множество других примеров влияния, оказываемого различными деталями еврейского вероучения периода Вавилона и Александрии, на религиозные представления римлян. Этот факт легко объяснить тем, что представления людей о природе души, Божьего правления и будущего состояния были совершенно расплывчатыми, как и у

1 «Статуи знавших триумф, и меж ними нахальная надпись
То из Египта неведомых лиц, то арабского князя,
Перед которым не грех помочиться, а может, и больше» (перевод А. Фета).

всех образованных язычников тех времён, когда (отбросив старые традиции, как неудовлетворяющие поэтические басни) они попытались построить систему, объяснявшую все трудные вопросы только с помощью рассудка и философии, хотя и были лишены какого-либо твёрдого основания, на котором можно было заложить первые основы системы. При таком положении вещей, религия, уважаемая за свою *древность* (являвшуюся непробиваемым щитом против стрел измены, так как даже Тацит признает: «Hi ritus, quoquo modo inducti, antiquitate defenduntur» [лат. «Каково бы ни было происхождение этих обычаев, они сильны своей древностью»], «История», том 5) обладавшая совершенной системой, которая решала все вопросы путём божественного откровения, стоявшего абсолютно выше разума и человеческого опыта, но вызывавшая беспрекословное доверие, как наиболее достойная сила. Такая религия не могла не одержать победу над беспорядочными и разрозненными конкурентами, у которых не было ничего, кроме аргументов, выведенных из вероятности и аналогии, чтобы противостоять ей. Та же самая борьба представляется нашему взору. Римский католицизм с его доктринами свергнутый, взорванный, отвергнутый разумом, знаниями и философией, в продолжение трёх столетий стремился вернуть в своё лоно заблудших овец, которые, побродив по заманчивым тропам протестантизма и философии или измены (как люди предпочитают называть это), и не найдя здравомыслия, которое бы выдержало испытание на прочность в любом вопросе, в качестве абсолютной истины, наконец вернулись утомлённые и разочарованные туда, откуда они начали свой путь, и нашли благоприятным для своего спокойствия принять суждения и древность его принципов в качестве эквивалента истинности.

Есть ещё одно соображение, которое имеет большое значение в настоящем исследовании; это – тесная связь между иудаизмом того периода и персидскими магами, масштабы которой будут описаны в следующих разделах, когда мы будем говорить о Талмуде. Помня о том, сколько заимствовала одна система у другой, не приходится удивляться, когда видишь, что

признанные в древности еврейские имена Божества, вполне можно отнести к источнику персидской магии.

Итак, три обстоятельства можно привести в качестве доказательства, а именно, непосредственное влияние религии Сиона, как «мистерии» наиболее почтенной древности, не уступающей мистериям Египта и Вавилона; её последующее косвенное влияние через свои ответвления (которые оставили заметный отпечаток на вещах материальных); преимущество связи с вероучением персидских магов, тайного священства, вернее, масонов древнего мира. С такими трудностями сталкивается любой пытливый ум, когда начинает изучать так называемые реликвии гностиков. Исходя из вышеизложенных соображений, по крайней мере, можно найти правдоподобное основание еврейским именам Божества, ангелов и патриархов, постоянно встречающихся в сочинениях, описывающих гениев и астральных духов. Вид самых гадких чудовищ, какой можно было бы придумать, оскорблял своим союзом чувства верующих в эти священные имена; их образы были такими, что от их созерцания истинный последователь Моисея непременно должен был в ужасе отпрянуть.

Зендавеста

Зендавеста, буквально означающая «текст и комментарии», является учением *Заратуштры*, состоящим из восьми частей, написанных в разные периоды, из которых самая ранняя часть датируется 1200-1000 годами до н. э. В своём нынешнем виде Зендавеста была собрана Ардаширом, основателем династии Сасанидов, из устных преданий того времени, когда он восстанавливал древнюю религию Персии.

В этом откровении Высшее Существо называется «Безграничным Временем» (*Зарвана Акарана*), потому что ему нельзя приписать никакого начала, он окружён своей собственной славой и превыше всякого человеческого понимания, и может быть только объектом молчаливого поклонения. Творение началось с *эманаций*. Первой эманацией Вечного был Свет, откуда вышел Ормузд (*Ахурамазда*), Царь

Света. Ормузд называется первенцем Безграничного Времени; и его «феруэр» или предсуществовавшая Душа (образ или идея по выражению Платона) существует от вечности в изначальном свете. Посредством своего «Слова» Ормузд создал чистый мир, чьим хранителем и судьёй он является. Далее он создал по своему подобию шесть *Амеш-Спентов* [«святых, бессмертных»], которые стоят у его престола и являются его посредниками в общении с низшими духами и людьми, чьи молитвы они передают ему, и кому они служат образцом для подражания. Итак, эти Амеша-Спенты, и первый в их числе Ормузд, составляющие мистическое число *семь*, являются представителями обоих полов. Гностики приняли их, как мы увидим далее, в свою систему с тем же различием пола. Следующей группой эманаций были *изеды* [«досточтимые»], числом двадцать восемь, из которых Митра был главным. Являясь высшим чином, они следят за чистотой и благополучием всего мира, для которого они являются духами и стражами. Именами главных среди них являются Воху Мана [«благой помысел»], Мазда т. е. «премудрый», Аша [«праведность, истина»], Вайю (Вентус) [Говад], Геуш Урван [Гош] (душа земли), Сраоша (кто по своим обязанностям точно соответствует греческому Гермесу и еврейскому Габриэлю, он передаёт приказы Ормузда и относит к нему души праведников).

Третья группа – это *феруэры* [фраваши] числом до бесконечности. Они являются мыслями или «идеями», возникающими в разуме Ормузда, прежде чем он приступает к созданию вещей. Они являются защитниками человечества в течение этой земной жизни, и будут очищать их души в день Воскресения.

Было необходимо создать этих руководителей с их ангельскими воинствами. Ахриман, второрождённая от Вечного подобно Ормузду эманация изначального света, равная по чистоте, но тщеславная и исполненная гордости, стала ревновать к первенцу. За это Высшее Существо осудило его населять в течение двенадцати тысяч лет пространство без единого луча света, чёрное царство тьмы. Этого времени достаточно, чтобы решить борьбу между светом и тьмой, между добром и злом. Ахриман для того чтобы противостать

сопернику, создал в свою очередь три группы злых духов, соответствующих по количеству, но антагонистических по служению духам добра, мужчин и женщин подобно им. Первая группа – это *арх-дэвы*, прикованные каждый к своей планете и из которых главным является Ашмогх, «двуногий змей лжи». Эти дэвы являются авторами всех зол как физических, так и нравственных во всей вселенной.

Ормузд после правления в течение трёх тысяч лет в шесть этапов создал материальный мир, сначала создав свет, бледное подобие света небесного, потом воду, землю, растения, животных и, наконец, человека. Ахриман принимал участие в создании земли и воды, так как *тьма* была уже заложена в этих двух элементах, Ормузд не мог исключить свою природу из них.

Ормузд создал своим *Словом* существо, образ и источник вселенской жизни для всего творения; это существо называлось *жизнью* или *быком* (на зендском языке одно слово означает обоих). Это существо Ахриман старался уничтожить, но из его рассеянного семени Ормузд посредством Амеша-Спента Сафандомад (*мудрости*) создал первую человеческую пару, Мешиа и Мешиану. Ахриман соблазнил эту пару фруктами и молоком, начав с женщины. Затем, всем хорошим животным, созданным Ормуздом, он противопоставил свои вредные и ядовитые создания. Борьба всё ещё продолжается; власть тьмы часто одерживает победу, но чистым душам помогают охраняющие их добрые гении, и они, в конечном счёте, восторжествуют. Когда будет казаться, что всё очень плохо, и зло усилится во всех созданиях, явятся три пророка и восстановят утраченный свет. Один из них, Сосиош, должен восстановить мир в первоначальном совершенстве. Затем наступит всеобщее Воскресение, когда добрые сразу войдут в эту счастливую обитель или возрождённую землю, а Ахриман вместе со своими ангелами и грешниками будет очищен погружением в озеро из расплавленного металла, чтобы стать достойными членами нового царства. С тех пор все будут наслаждаться неизменным счастьем, и во главе с Сосиошем всегда воспевать хвалу Вечному.

Религия Зороастра был реформированным вариантом древней веры жителей Эритина в Бактрии. Вполне вероятно, что первыми богами арийской расы, прежде чем она разделилась на индийскую и зендскую, были силы природы, *Индра*, Бог грома, *Митра*, солнечного света, *Ваю* ветра, *Агни* огня, *Армаити*, земли и *Сома* опьянения. Поклонение последнему, возможно, было источником дионисий, привезённых из Индии, как сами греки всегда утверждали. Эти силы назвались одинаково *ахурами* или *дэвами*; но Заратустра низвёл все эти силы до вторичного чина ангелов, и использовал имя *дэвов* только в плохом смысле. Зороастризм стал религией персов в то время, когда они завоевали Ассирию; и в значительной степени он заменил вещественное идолопоклонство вавилонян, чьих богов Дарий и Ксеркс переплавили без всякого стеснения. Но Маттер придерживается мнения, что коллегия магов, созданная задолго до персидского завоевания Вавилона, приняла новую религию при смене учителей, не сохранивших ничего из старой религии, кроме астрологии и гаданий.

Не следует забывать, как большая часть евреев не вернулась из плена и осталась навсегда в Ассирии. Только два колена, Иуды и Левия, были отправлены Киром обратно в Иерусалим, а Вавилон на протяжении длительного времени оставался местом, где процветала раввинская школа, в то время как сама Иудея вплоть до Македонского завоевания оставалась провинцией персидской Империи. Очень важно, что часть персидского населения в гораздо более поздний период составляли либо евреи, либо люди, находившиеся под их влиянием. Это видно из весьма примечательного утверждения Иосифа Флавия о том, «что его народ смог выдержать все трудности в последней борьбе против властей Рима в надежде на помощь от своих братьев за Евфратом». А спустя три века Аммиан отмечает, что при вторжении своей армии Юлиан наткнулся в самом центре Персии на город сплошь населённый евреями. После плена основные литературные учреждения евреев были основаны в Центральной Азии. Школы Нагардеи, Суры и Пумбедиты были, по крайней мере, такими же

известными, как и школы Палестины (ср. Иосиф Флавий, «Иудейские древности» XVIII, 12). Последние даже проявляли некую сыновнюю почтительность к этим учреждениям. Халдейский перевод Пятикнижия, сделанный Онкелосом из Вавилона, был принят в качестве общепринятой версии всеми евреями, жившими в Палестине. Рабби Гиллель, приехавший из этой столицы в Иерусалим, был встречен учёными Святого города как украшение её национальной школы всего лишь за несколько лет до рождения Христа. В целом исходя из этого, можно легко предположить, как много зороастрийского элемента проникло в иудейскую религию во времена принятия христианства, когда её основными учителями были фарисеи или «сепаратисты», если, конечно, их учёные действительно не получили своё название от слова *фарси*, т. е. «персидский». Такая этимология о чём-то говорит. Эти доктрины, как им тогда учили, изложены в *каббале* или «преданиях», названных по слову каббель, «получать», основные черты которой будут вкратце изложены в следующих разделах.

Каббала и талмуд

Происхождение каббалы большинство авторов относят к гораздо более позднему периоду, чем христианство; и, действительно не исключено, что её доктрины получили широкое развитие *после* этой эпохи;[1] тем не менее, её признаки восходят к гораздо более глубокой древности. Книга Даниила носит самые приметные следы этой древности, и в подтверждение этой книги есть другие доказательства, не менее убедительные. Идея *эманации* является, так сказать, *душой* или важнейшим элементом каббалы; она, как мы уже видели, также составляет суть зороастризма. Поэтому мы можем считать, что именно благодаря очень тесной связи с Персией, евреи впитали эту идею.

1 Преданием называется то, что было впервые записано Шимоном бен Йохай, который будучи осуждённым Титом, скрывался в пещере на протяжении одиннадцати лет, посвятив себя этой работе; ему помогал пророк Илья.

Согласно каббале и Зендавесте всё сущее исходит из источника Бесконечного Света.

Прежде всего существовало Первоначальное Существо, «Древний Днями», вечный Царь Света. Этот Царь Света есть *Всё*; он есть истинная причина всего сущего; он есть Бесконечное (*Эйн Соф*); он один есть *Он*, в нём нет *Ты*, его нельзя познать, «он есть закрытый Глаз».

Вселенная является раскрытием Царя Света, она пребывает только в Нём. Его *качества* проявляются в ней по-разному и в разной степени; таким образом, она есть его «Святое сияние», так сказать, *мантия*, которой он окутан в безмолвии. Всё является эманацией этого Существа; поэтому, чем ближе к Нему, тем всё становится совершеннее, а при отдалении совершенство уменьшается. Такое понятие о *градации* в высшей степени присуще персам. До сотворения мира изначальный свет заполнял всё, так что не было никакой пустоты; но когда Высшее Существо, пребывавшее в этом свете, решило открыться и проявить своё совершенство, оно сжалось и создало вокруг себя пустое пространство. В эту пустоту оно выронило первую эманацию или луч света, который есть причина и принцип всего сущего, объединяющий в себе генеративные и способные к приятию силы; как отец и мать в самом возвышенном смысле, пронизывающие всё, и без которых ничто не может существовать ни одно мгновение.

Из этой двойной силы, называемой по первым двум буквам имени Иегова (*йод*, *ґей*)[1], был создан первенец Бога, *тиккун* или «вселенский образ» (*идея* по Платону), всеобщее вместилище всех живых существ, объединённых внутри посредством первичного луча. Он – творец, хранитель и главный жизнедатель мира. Он есть «Свет светов», владеющий тремя основными силами Бога: светом, духом и жизнью. По мере *получения* он отдаёт свет и жизнь, и считается в равной мере генеративным и принимающим принципом, как

1 Буквы I и H так явно выделяющиеся на некоторых гностических геммах, вероятно, передают это имя, являясь ближайшими аналогами греческого алфавита, которые могут заменить иврит-ские буквы.

«первоначальный человек» *Адам-Кадмон*. Сам человек называется «малым миром» или микрокосмом, а это Существо или его образ правильно называется «великим миром» или макрокосмом. В этом их Адам-Кадмоне, начале света и жизни, каббалисты соединяют все атрибуты тех же начал, что и персы.

Адам-Кадмон проявляется в десяти эманациях, которые действительно не являются реальными существами, но источниками жизни, сосудами Всемогущей силы, видами всего творения. Их имена: венец, мудрость, благоразумие, великолепие, строгость, красота, победа, слава, основание, царство. Мудрости они дали имя *Йа*, Благоразумию – *Иегова*, Великолепию – *Эль*, Строгости – *Элохим*, Победе и Славе – *Саваоф*, а Царству – *Адонай*.

Всё это атрибуты Всевышнего, проявленные в Его творении, через которые только и возможно человеческому разуму постичь Его. Этим же эманациям каббалисты дают другие названия, которые постоянно встречаются в гностических текстах. Например, *Венец* (Парменид называет Бога Στέφανος [Стефанос]) имеет синоним *Ор* или «Свет» (возможно, то же что и *Оур*, имя сабейскиго гения). *Мудрость* называется *Нус* или *Логос*, и приравнивается к *Софии* гностицизма; она также называется *Страх*, *Глубина мысли* или *Эден* согласно нескольких страстям, которые оживляют её. *Благоразумие* – это «река, текущая из рая, источник елея помазания». *Великолепие* имеет символом львиную голову; *Строгость* красно-чёрный огонь; *Красота* зелёный и жёлтый цвета; символом *Красоты* является сияющие зеркало; *Победа* – это Иегова Саваоф, имеющий символом столп правой руки, называемый *Яхин*; *Слава* имеет левый столп *Боаз*, называемый также «Древним Змеем», а иногда «Херувимами и Серафимами»; этот принцип соответствует гению *Офис* [Змей] гностических систем. «Яхин» и «Боаз» означают силу и мощь; они явно присутствуют в символике тайных обществ нового времени; и поэтому, естественно, для этой символики *иллюминаты* позаимствовали (скорее всего, не понимая её) терминологию Валентина и каббалы. «Основание» становится Древом познания добра и зла. Ной, Соломон и Мессия – просто

имена, выражающие вечный союз между Всевышним и всем тем, что эманирует из него, и силой этого союза он возвращает в себя все души, которые утратили свою первоначальную чистоту. «Царство» – это огонь поядающий, супруга Церкви, все три имени также использовались в системе Валентина.

Отношения «сефирот» или эонов друг к другу каббалисты изображают рядом кругов, переплетающихся загадочным образом до бесконечности, или опять же, образом *человека* или *дерева*, состоящего из таких же кругов. Фигура человека *Зеир-Анпин* состоит из двухсот сорока трёх цифр, что равно числовому значению букв в имени *Аврам* и обозначает разные чины небесной иерархии. Первое представление такого типа было, возможно, заимствовано у индусского изображения Брамы, где некоторые образы являлись прообразами различных частей его тела, которым индусы по-прежнему придают мистические величины.

Десять сефирот служили *образами* или моделями видимого творения. Из них эманировали четыре мира: Ацилут, Брия, Йецира и Асия. Каждый мир последовательно исходит из мира над ним, *обволакивая* его. Эта теория, возможно, была позаимствована у Платона, описывавшего расположение семи сфер, как дано в «Видении Эра» в конце его «Республики», где он сравнивает их с набором полусферических чаш жонглёров, входящих одна в другую и двигающихся свободно внутри друг друга. (Книга X, 614B и далее).

Эти четыре мира становятся менее чистыми по мере того, как они нисходят по степени; наименее чистым из всех является *материальный* мир. Но ничто не является полностью *материальным*, так как всё существует благодаря Богу; луч света проникает через все творения, будучи Жизнью жизней, и, следовательно, «всё есть Бог». Этот вселенское *Всё* делится на тридцать двое «Врат», элементов или энергий, из которых образуются все существа.

Мир *Ацилут* населяют парцуфим, чистейшие эманации Божества, не имеющие ничего материального в своём составе. *Брия* принадлежит более низшему порядку, который прислуживает Ацилут, хотя состоит из невещественных

существ. Ещё к более низшему порядку принадлежат обитатели *Йецира*, к которым принадлежат херувимы, серафимы, элохим и бней элохим. *Асия* населена грубыми материальными существами обоих полов или клиппот, радующихся злу под руководством Велиала. Эти существа честолюбивы и всегда воюют с чистыми духами из высших миров, чьё царство они неустанно стремятся узурпировать.

Три приведённых высших порядка соответствуют Амеша-Спентам, изедам и фравашам Зороастра; а клиппот по их огромному числу и злобному характеру – его дэвам. Такого разногласия не существовало в самом начале, оно произошло в результате революции в раю, под названием «Падение семи царей», у которых[1] Создатель, в качестве наказания, отнял начало добра и света, и даровал его обитателям трёх высших сфер.

Это последнее понятие является общим для многих форм гностицизма. Офиты заставляют Ахамот отнять у Илдабаота и его шести сыновей врождённый луч Божественного света, чтобы отдать его человеку. Опять же, Пистис София говорит о двух великих ангелах Мельхиседеке и Зорокоторе (*собирателе света*), совершающих годовые обращения через мятежные «Эоны сфер» (знаки зодиака) и *выжимающих* из них все лучи Божественного света, которые ещё остались в их составе, так как после их извлечения настанет полнота времени и придёт царствие небесное. Согласно каббале, когда будет вестись борьба за пространство, предопределённое от начала мира, Всевышний освободит духов в Асии от их материальной

1 Автор Книги Еноха ссылается на тот же миф:

> «За этими источниками я также увидел место, где не было ни тверди небесной над ним, ни тверди земной под ним; и не было воды над ним, ничего, имеющего крылья, место было пустынное. И тогда я увидел семь звёзд, как великие пылающие горы и как духи, умоляющие меня. Тогда Ангел сказал, что это место до скончания неба и земли будет тюрьмой звёзд и воинств небесных. Звёзды, которые катятся над огнём, преступили заповеди Божии до назначенного времени, ибо они пришли не в свой срок. Поэтому он был оскорблён ими и связывал их до окончания их преступлений в тайном году» (Глава II, XVIII).

оболочки, усилит слабый луч Своего света внутри них и установит первозданную гармонию во всём творении.

Человеческая душа состоит из частей, заимствованных у всех четырёх миров. От Асии она получает *нефеш* или место физических желаний; от Йецира *руах* или место страстей, от Брия *нешама* или рассудок, а от Ацилут она получает *хайя* или принцип духовной жизни. Это похоже на теорию Платона о получении душой соответствующих сил от планет при нисхождении её через их сферы. Но Пистис София с её привычной смелостью облекает эту теорию в гораздо более поэтичную форму (§ 282). *Внутренний человек* точно так же состоит из *четырёх* составляющих, но они даются мятежными Эонами сфер, будучи силой (частицей Божественного света или "Divinæ particula auræ", оставшейся в них), душой, «образованной из слёз их глаз и пота их мучений», Ἀντιμῖμον Πνεύματος или *подделкой Духа* (как бы соответствуя нашему сознанию), и, наконец, Μοῖρα *судьбой*, чьей задачей является вести человека к назначенному ему концу. «Если ему суждено умереть от огня, привести его в огонь; если суждено умереть от дикого зверя, привести его к дикому зверю и т. д.» Но на самом деле вся система этого самого чудесного Евангелия представляет собой смесь каббалы с понятиями астрологии магов, прикрытыми терминологией древнеегипетской веры, к которой принадлежат её «тройные силы», «невидимые боги» и «правильные формы», предназначенные для разных Эонов.

Вся человеческая раса согрешила в первом человеке, то есть в отношении *душ*, которые непременно *содержались в* его душе в момент грехопадения. Эти души оттуда были сосланы в тюрьмы материи, называемые телами, для того, чтобы искупить грехи, и проявить себя в благих делах в течение всего пребывания на земле. Если души после смерти тела не найдены достаточно чистыми для входа в Ацилут, они должны опять придти для покаяния в этот мир. Отсюда и вопрос учеников, родился ли этот человек *слепым* за его *собственные* грехи, которые по этому предположению, вероятно, были совершены им в *прошлой* жизни. Такое переселение душ ради покаяния составляет примечательную особенность доктрины,

изложенной в «Пистис Софии». Грешники после перенесённых ими мучений в течение времени, точно назначенного согласно их заслугам, отбыв в тюрьмах, принадлежащих нескольким адским силам, отправляются снова в этот мир, чтобы поселиться в человеческих телах, страдающих по разным причинам, будь то хромые, слепые или прозябающие в ужасающей нищете. Аналогично и праведный, но *не возрождённый* человек получает новое тело, чтобы в нём участвовать в *таинствах* новой религии, которую в своей прежней жизни он игнорировал по незнанию, а не умышленно.

Поэтому природа Бога и человека является предметом каббалы; управление творением изложено в *Талмуде*, учение которого *о природе ангелов* является чрезвычайно важным для понимания многих понятий в гностицизме. Вся система в данном случае заимствована из Зендавесты; она не могла возникнуть *раньше* пленения или за пределами страны пленения, настолько противоположным был дух, пронизывающий её, духу Моисеева закона. Согласно ей управление всем сущим возложено на ангелов, у которых есть семьдесят князей, наблюдающих за каждой стихией, племенем и языком. Так, Йехуэль – князь *огня*, и ниже его семь подчинённых: Серафиэль, Гавриэль, Уриэль, Теманаэль, Шимсаэль, Хадранаэль и Самиэль. Опять же, Микаэль, князь *воды*, и служащие ему семь низших духов. Кроме того существует бесконечное число ангелов более низших степеней, хранителей различных животных, растений, зноя, ветров, дождей и т. д. Есть также и другие ангелы, управляющие страстями души, страхом, благодатью, милостью, любовью и так далее. Поэтому не приходится удивляться, что ангел, который руководит ходом солнца должен иметь под своим началом не менее двухсот девяноста шести воинств, что соответствует числовому значению букв в слове *ґа-арец* «земля». Их главой является Метатрон, «числовое значение его имени» равно трёмстам четырнадцати, и, следовательно, эквивалентно имени *Шаддай* – «Всемогущий». Метатрон – это персидский Митра; к именам остальных ангелов прибавляется

слово *эль*, «бог», их имена говорят об их звании или служении.[1] Всю эту небесную иерархию поимённо объясняет апостол Павел, предупреждая свою паству в Колоссах от соблазнения «самовольным (то есть беспричинным) смиренномудрием и служением ангелов», в то время как частое появление их имён на талисманах явно свидетельствует о почитании их силы.

Это последнее обстоятельство было необходимо в данном случае, так как все эти памятники исходили из двух источников, двух великих школ персидских магов, упоминаемых Плинием, самой древней халдейской школы, основанной Зороастром и Ортаном, и школы *его дней*, основанной Моисеем и Иамврием. Так Ювенал, описывая гордого и напыщенного халдея, создателя императоров –

> "Cujus amicitia conducendaque tabella
> Magnus civis obit, et formidatus Othoni" (VI. 557-8)[2]

заставляет бедную дрожащую еврейку-гадалку шептать на ухо женщине тайны, клянча подачку (её профессия не идёт далее толкования снов или всякой бредени)

> "Qualiacunque voles Judæi somnia vendent"[3].

Такие ночные откровения, как говорили, можно было получить, кладя нужный талисман под подушку. Так, Камилло ди Леонардо цитирует автора магических книг, который говорит, что «если выгравировать на стекле или гиацинте женщину с распущенными волосами и мужчину, приближающегося к ней

---

1 Книга Еноха называет имена и чины «Ангелов, которые бдят»: Уриэль заведует шумом и ужасом; Рафаэль духами людей; Рагиэль налагает наказание на мир и светила; Микаэль заведует силами человека и управляет народами. Саракиэль заведует духами сынов человеческих, которые согрешают; Габриэль икизат [змеями (Чарльз, стр. 92; Нибб, стр. 107)], раем и херувимами.

2 «Чьё дружелюбье и чей гороскоп погубили недавно
Славную жизнь гражданина, внушившего ужас Отону», – Децим Юний Ювинал, «Сатиры» кн. II, Сатрира VI, строки 558-559, перевод Д. С. Недовича

3 «…торгуют евреи бреднями всякого рода…», – там же, строки 546-547. – Прим. пер.

с жестами любви, и положить этот талисман под голову перед сном, то он покажет во сне всё, что угодно».[1]

Вследствие характера данного предмета существующие произведения о гностицизме будут надлежащим образом исследованы в настоящем трактате, учитывая специфику различных источников, из которого они изошли. Серия начинается с митраизма, как наиболее древнего по происхождению, и в котором наиболее часто соединяются понятия магии парсов и еврейской каббалы. За этим классом следуют, если правильно называть, *геммы Абраксаса*, на которых основной сюжет магов видоизменяется деталями Василида с характерными признаками древней египетской теологии. К самому Египту скорее относятся амулеты с *агафодемоном*, изображающие доброго змея Хнуфиса; от этой эмблемы произошло название широко распространённой в то время и чётко обозначенной секты *офитов*. Последними идут бесчисленные реликвии культа *Сераписа*, самого последнего из всех богов в египетском пантеоне, в котором наиболее отчётливо прослеживается влияние индуизма. Это последняя тема, любопытная сама по себе, будет предметом следующего раздела, где изложение многочисленных фактов, пожалуй, может послужить уменьшению доли скептицизма, с которым такой трактат, естественно, будет сначала рассматриваться.

---

1 Также

> «изображение человека с длинным лицом, бородой и поднятыми бровями, восседающим на плуге и держащим лису и коршуна, и с четырьмя мужчинами, лежащими на его шее, было на гемме, которую клали перед сном под голову, чтобы приснились сокровища и место их нахождения».

Кроме того,

> «Цефей в виде мужчины, опоясанным мечом, с вытянутыми в стороны руками и расставленными ногами, поддерживается Овном, и помещается на севере. Он имеет природу Сатурна и Юпитера, делает владельца осторожным и благоразумным; а положенный под голову спящего человека позволяет ему видеть восхитительные сны».

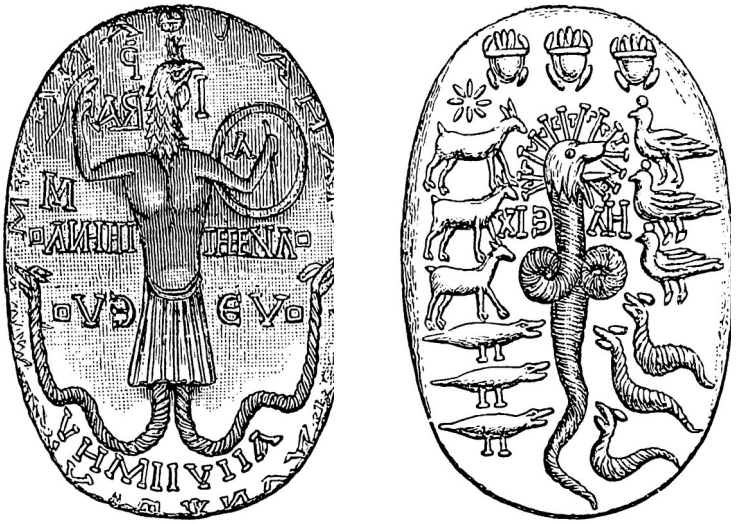


Рис. 2

Индийские источники гностицизма, Мани

После того как на предыдущих страницах было рассказано о том, что значительная часть гносиса имела *персидское* происхождение, остаётся показать, какая его часть обязана чисто *индийскому* источнику, и указать каналы, по которым осуществлялось непосредственное общение между Востоком и очагами гностицизма в Александрии и Эфесе. Христианский гносис был побочной дочерью индусского гносиса в том виде, как он преподносился в различных мистериях, и, возможно, в элевсинских и фригийских мистериях. Общие предания позволили первому основателю мистерий Вакху привести их прямо из Индии; и μῆρος [мерос] Юпитера, легендарное место рождения этого Бога был, возможно, ничем другим, как Гора *Меру*, Олимп индусского пантеона.[1]

Некоторые гностические догматы о двойственности божественной эманации, о растворении в Боге, аскетизме, покаянии и концентрации идентичны буддийскому учению о тех же предметах, из которых несколько замечательных примеров будут приведены в соответствующем месте. Нам остались не одни лишь предположения на этот счёт, так как фактические обстоятельства принесения учения из Индии подробно описаны. В одном случае, где, несомненно, можно найти много параллелей, это кропотливый труд Епифания «Жизнь Мани» («Против ересей» LXV).[2]

Этот знаменитый ересиарх, в равной степени питавший неприязнь к зороастрийской и христианской религиям, был персом по имени Кубрик [Настоящее имя – Сураик, сын Фатака], но выйдя на служение, он взял себе имя *Мани*, означавшее на

1 Носитель фаллоса (лингама) в большом дионисийском шествии, устроенном Птолемем Филадельфом, был натёрт до черноты сажей, несомненно, свидетельствуя о родине этого двусмысленного символа.

2 Самым ранним авторитетным источником, однако, (приписываемым также Епифанию) является "Диспут Архелая и Мани", состоявшийся в Касхаре в 275-9 гг. Эта книга была написана на сирийском языке, но дошла до нас только в латинском переводе.

вавилонском языке «сосуд», по той же причине, как мы можем предположить, по какой Данте дал апостолу Павлу эпитет «Избранный сосуд» ("Vas Electionis"). Этот Кубрик был рабом, а впоследствии единственным наследником известной богатой вдовы, которая сама унаследовала богатство от одного Терминта, прозванного *по-ассирийски* «Буддас». Этот Терминт также был рабом богатого сарацинского купца Скитика, который изучал греческий язык и литературу в каком-то месте на границе с Палестиной (возможно, в школе Пальмиры), и «там достиг высот в пустых мирских мудрованиях». Постоянно путешествуя в *Индию*, этот Скитик скопил большое состояние. С ним он поселился в Гюпселе, что в Фиваиде, где женился на красивой куртизанке, которую выкупил и освободил. «Как праздный и привыкший ко злу от чрезмерной привязанности к наслаждению, он, наконец, решил возвестить миру неслыханное: учение не на основании божественного Писания,... но на основании жалких умствований человеческой природы».

Это учение по своему характеру вряд ли могло быть его собственным изобретением, и, по всей вероятности, он привёз его из Индии, где вся древняя торговля была сосредоточена на побережье Гуджарата, территории мощной монархии джайнов. Простой восточный торговец, арабский купец, который после того, как сколотил себе состояние в результате длительных и опасных путешествий по Востоку, впоследствии смог сесть за учёбу уже в преклонных годах, нет, более того, получить *глубокие знания* по греческой философии; вероятно, он был человеком необычного интеллекта. Конечно, не просто из-за отсутствия других занятий (как утверждают его недоброжелательные биографы) он стал проповедником новой религии. Его брак с выкупленной куртизанкой выглядит как богословское дополнение к портрету ради сходства с Симоном Магом. О характере учений, которые он скорее впитал на больших индийских рынках в Барохе, Барцелоре, Пултане или в наполовину греческих городах Бактрии, свидетельствуют и по сей день бесчисленные *буддийские* храмы и ступы с мощами, рассеянные по провинциям по эту сторону Инда. Их убранство

говорит о расцвете религии даже тогда, когда страна очутилась под властью персидских царей из династии Сасанидов.

Но вернёмся к Скитику, ушедшему от дел: «…заимствовав доводы у Пифагора, он составил четыре книги. Одной дал название Мистерии (Μυστηρίων), другой – Кефалии (Κεφαλαίων) [Главы или краткое содержание], третьей – Евангелие (Εὐαγγέλιον), четвёртой – Сокровище (Θησαυρόν). (Пифагор по общепринятому мнению побывал в Индии, где почерпнул основные положения для своей философии, которая определённо имела брахманической характер.) «После этого Скитик предпринял путешествие в Иерусалим во времена апостолов, чтобы там рассуждать с пресвитерами церквей о происхождении зла и подобных вопросах. И не получив от них удовлетворительного объяснения, он взялся проповедовать магию, знание о которой он приобрёл вместе с другими науками у *индусов* и *египтян*. Но показывая чудеса на крыше своего дома, он упал и разбился. Его раб и единственный ученик Терминт по смерти Скитика решает не возвращаться к его любовнице в Гюпселе, но взявши все его деньги, убегает в страну персов, переменив имя, чтобы не быть схваченным и вместо Терминта берёт имя Буддас, что означает «мудрый». (Это последнее обстоятельство неопровержимо указывает на характер учений с которыми он и его хозяин познакомились во время своих путешествий в Индию; подоплёкой этой истории, по-видимому, является то, что он считал себя *новым воплощением* Будды, которых до него было *семь*[1].)

> «Этот Терминт сам был образованным человеком, знакомым с четырьмя трактатами своего учителя. Он поселился в доме вдовы, где проводил беседы со жрецами Митры, особенно с двумя из них, Парком и Лабдаком, о Двух Началах и подобных предметах. Он тоже *случайно* разбился, как и его хозяин. К вдове перешло всё его имущество и религиозные книги; а та, в свою очередь, завещала их своему рабу Кубрику, потом взявшему имя Мани».

1 Седьмым был Шакьямуни из Бенареса, распространивший буддизм по всему полуострову.

В рассказе Епифания следует отметить некоторый явный анахронизм. Если Скитик вообще ездил в Иерусалим, то он должен был сделать это, *прежде* его разрушения в 70 году до н. э. Поэтому его ученик Терминт не мог жить позднее начала второго века. По этой причине хозяйка последнего вряд ли имела в рабах Мани, который процветал около двух сотен лет спустя. Действительно возможно, что сочинения, которые цитировал Мани, *хранились* в её семье до его служения.

Однако в этой истории о Скитике, замаскированной по традиции, мы наблюдаем всю историю возникновения и развития гностицизма. Мы видим арабского купца тонкого и пытливого ума, занимавшегося во время длительных и частых пребываний на рынках Индии изучением философии преобладавших там религий, рассуждениями буддийских монахов и в равной мере исследовавшем тайную «мудрость Египта» при посещении другого центра восточной торговли. После ухода от дел он едет в Пальмиру с целью изучения греческой философии в том виде, как её преподавали в той школе, и чья философия была ничем иным, как неоплатонизмом. Вернувшись оттуда домой, он занимается сведением в одну стройную систему многочисленных противоречивых теорий по вопросам, слишком возвышенным для человеческих знаний, которые он с большим трудом собрал из трёх великих источников философии в Индии, Египте и Афинах.

Наконец, привлечённый славой новой религии, предназначенной пролить ясный свет на всё то, что связано с Богом и человеком и проповедуемой в Иерусалиме, он сразу же устремляется к *источнику* этого нового света, оставив жену и имущество в сопровождении только одного раба, который сам был образованным человеком и имел свои заветные богословские суждения. По прибытии в Святой город мы находим его (как можно было бы ожидать от его предыдущего обучения) горько разочарованным в своих надеждах получить решение всех проблем, которые так долго занимали его мысли, так как на подобные темы христианские пресвитеры не могли рассказать больше того, что он уже узнал от *раввинов*

Александрии или монахов-джайнов Гуджарата. Разочаровавшись, он, похоже, решил сам стать учителем нового и более высокого учения, дополняя свои притязания (по обычаям того времени) чудотворениями. Само собой разумеется, что его жизнь стремительно оборвалась, так как Иерусалим не был тем местом, где новая религия могла быть безнаказанно исповедана публично одним человеком, и притом *арабом*. Его ученик Терминт, принимая во внимание его судьбу, решает попробовать другую школу глубокой мудрости, образованную с незапамятных времён, но пока ещё не посещённую его хозяином, и проводит беседы с мудрецами Востока в главной школе Вавилона, ища решение трудных вопросов в учении Зороастра. Вполне вероятно, что он, в результате этого исследования привил к системе Скитика некоторые черты зендавесты, казавшиеся ему наиболее подходящими и соответствующими его представлениями об истине. Было бы интересно узнать, придал ли он всем этим новым приобретениям форму в соответствии с оригинальной индийской основной системой своего хозяина. Как уже отмечалось, таково было, по-видимому, его направление; это видно из его нового имени; он объявил себя восьмым «Буддой», преемником знаменитого Гаутамы, основателя религии; и подобно ему учил новому пути спасения. Терминт, как и его хозяин, умер преждевременно. Маги были членами могущественной системы, которые не могли позволить себя одурачивать и опровергать какому-то мудрому иностранцу, рассуждающему так смело

«О Божьем промысле, о воле и судьбе,
Судьбе начертанной, свободной воле
И о предвидение всё ж безусловном».

И более того они не могли позволить ему уйти, радуясь своей победе, как утверждал себе во вред его последователь Мани.

Мани сам, похоже, принадлежал к ордену магов (вероятно, он был принят после обретения свободы и перемены имени), так как сообщается, что он был известен своими познаниями в

астрологии, медицине, магии и *живописи*! Последний факт любопытен; он свидетельствует о том, что маги, подобно средневековым монахам, монополизировали искусство и науку своего времени. Придумал ли он систему исходя из случайных фрагментов сочинений Скитика или нет (г-н Маттер предполагает, что он сначала получил вдохновение от некоего египтянина, последователя Василида, который пришёл в Персию), но достоверно известно, что он первым придал этим понятиям определённую форму и построил свою систему с таким мастерством, что она распространилась не только на Востоке, но и во всей Европе. В Европе о её значении свидетельствует тот факт (упомянутый, кстати, Аммианом), что сам Константин, прежде чем окончательно поменять религию, последовал апостольской заповеди «всё испытывай, хорошего держись»; он внимательно изучил манихейство под руководством учёного Музониана, который, как можно предположить, был хорошим знатоком этой секты.[1] Нет больше той религии, которая после длительного кажущегося исчезновения из-за упорного преследования византийских императоров, вновь засверкала необычайным блеском в павликианах[2] средневековья.

Великой целью системы Мани было *примирение* этих двух религий, которые к тому времени боролись за власть в мире, а

---

1 "Constantinus enim cum limatius superatitionum quæreret sectas, Manichæorum et similium, nec interpres inveniretur idoneus, hunc sibi commendatum ut sufficientem elegit; quem officio functum perite Musonianum voluit appellari ante Strategium dictitatum." Аммиан XV. 6.

> «Когда Константин хотел точнее ознакомиться с сектами манихеев и тому подобными, и не удавалось найти подходящего переводчика, он остановился на Музониане, которого ему рекомендовали как подходящего человека» (Марцеллин Аммиан «Римская история» XV, 13 перевод Ю. Кулаковский).

Панегиристы святого равноапостольного императора тщательно замалчивали эту особенность пытливого духа, желавшего оценить относительные преимущества существующих соперников католицизма.

2 Павликиане (греч. Παυλικιανοί; предположительно от имени апостола Павла) – одно из наиболее значительных средневековых религиозных парахристианских движений. – Прим. пер.

именно процветавшее, хотя и не признанное христианство Рима, и не менее энергичный, вновь возрождённый зороастризм Персии времён Сасанидов. Называя себя «обещанным Утешителем», Мани признавал Евангелие, но лишь очищенное от всех пут иудаизма, пока оно полностью не отвергнет Ветхого Завета. Но в то время как Зороастр учил, что всё *начинается с гармонии* и *заканчивается* взаимным примирением двух начал, Мани считал, что эти два начала неизменны, существуют от вечности, и вечно будут существовать. Его *добро* – это «Господь света» Зороастра, а его *зло* – это сатанинская материя, освобождение из рабства которой можно получить только через строгий аскетизм. Из христианской церкви он взял институт пресвитеров и диаконов, понимая, что такая организация способствует быстрому развитию, и у него она имела почти равный успех. Мани был настоящим пантеистом, уча, что Бог пронизывает всё, даже растения (я присовокупляю уникальную иллюстрацию этого принципа его некогда ярого последователя Блаж. Августина); он также признавал теорию эманаций, как она излагалась в древних гностических системах. Вот, слова блаж. Августина («Исповедь» т. III, гл. 10):

> «Не зная этого, я смеялся над этими святыми слугами и пророками Твоими[1]. К чему привёл этот смех? Только к тому, что Ты насмеялся надо мной: постепенно и потихоньку меня довели до абсурдной веры, например, в то, что винная ягода, когда её срывают, и дерево, с которого она сорвана, плачут слезами, похожими на молоко. Если какой-то «святой» съест эту винную ягоду, сорванную, конечно, не им самим, а чужой *преступной* рукой, и она смешается с его внутренностями, то он выдохнет из неё за молитвой, вздыхая и рыгая, ангелов, или вернее частички Божества: эти частички истинного и вышнего Божества так и остались бы заключёнными в винной ягоде, если бы «святые избранники» не освободили их зубами и кишками» [Перевод М. Е. Сергиенко].

1 Намекая на отвержение манихеями Ветхого Завета как божественного откровения.

Сравните следующие правила буддийского священства:

> «Они не будут убивать ни животных, ни выкапывать корня, ни отрезать растений, потому что они считают, что в них есть жизнь» («Айн-и-Акбари» стр. 435).

Мани изобрёл такую причудливую теорию спасения, что о ней надо рассказать здесь, чтобы воссоздать странника в этом тоскливом и сумрачном богословском лабиринте. «Когда Сын пришёл в мир, чтобы искупить человечество, он изобрёл механизм, содержащий двенадцать чаш (кади),[1] которые вращаются благодаря движению сфер, привлекая к себе души умирающих. *Великое светило* (солнце) принимает их и очищает своими лучами, а затем переносит на луну; и от этого *диск*, как мы говорим, луны становится полным». Епифаний победоносно опровергает эту теорию, спрашивая, как диск луны пополнялся в течение девятисот лет, что прошли от создания мира до первой смерти?

Но жизненный путь этого изобретательного ересиарха быстро завершился. Персидский царь Варахран I (около 275 года), встревоженный стремительным распространением этих новых доктрин, созвал Верховный Совет магов для вынесения приговора; ими невезучий апостол был объявлен еретиком и предателем своих братьев, и приговорён к сдиранию кожи живьём.

Буддизм

Для сравнения с описанными выше системами, основанными на учении о последовательных *эманациях* из одной первоосновы, о способах освобождения от оков материи и о стремлении душ к полному растворению в первоисточнике,

1 В понятиях об этом механизме можно проследить влияние учения Платона на школу Пальмиры, так как она явно заимствовала понятия восьми концентрических чаш, одна внутри другой, приводящихся в движение перстом судьбы, подробно описанными в «Видение Эра из Памфилии».

я приобщаю очень краткий очерк об основных чертах буддийской теософии.[1] Здесь же мы находим первого Будду в присущем ему состоянии вечного покоя («*индолетия*» [лат. Освобождение от боли] Эпикура), соответствующего зороастрийскому «Безграничному времени» и «Битос» [греч. Бездне] Валентина. В состоянии, называемом «нирврити»[2], желая сотворить вселенную, Он создал *пять* божественных Будд, создателей стихий, которые в свою очередь произвели пять Бодхисатв, и с их помощью создал материальный мир. Великой целью этой религии является освобождение души от её связи с *материей*. Всё сущее, по мнению буддистов, существует только в *иллюзии*, поэтому оно может вернуться в небытие или покой только посредством получения *истинного знания* (сравните с рассматриваемым нами *гносисом*).[3] «Иллюзия» – это вера в реальность внешнего мира; схождение души в материю является результатом последовательности действий; и поэтому на её освобождение влияет отказ от веры в реальность внешних предметов.

Буддисты Непала, которые сохранили первые учения в их предельной чистоте, учат следующей космогонии: Падмапани, одна из первых пяти эманаций, создала Брахму, Вишну и Шиву или принципы создания, сохранения и разрушения. Ади-Будда сначала создал тринадцать чертогов для своей вечной обители и для обитания после смерти последователей Будды. Ниже них

---

1 Буддизм был основан в пятом веке до нашей эры Шакьямуни, сыном раджи Капилы. В возрасте двадцати девяти лет он начал изучать религию и силой молитвы стал воплощением Верховного Божества в возрасте тридцати пяти лет. Он выбрал Бенарес центром своей миссии, откуда в течение сорока пяти лет его учение распространялось во все области Ганга от дельты до Агры и Канпура. Он умер, по мнению нескольких авторов, в 477 году до н. э.

2 *Нирврити* (санскр. निर्वृति) – блаженство, спокойствие. – Прим. пер.

3 Буддийское «исповедание веры», обычно установленное в храмах и написанное на скрижалях, гласит: «Происхождение всего сущего из Причины объясняет Татхагата. Великий Шармена также объясняет причины прекращения существования». Поэтому суть религии – совершенное знание; предмет устремлений Вергилия –

> "Felix qui potuit rerum cognoscere causas"
> «Счастлив тот, кто мог познать причины вещей» (лат.)

восемнадцать чертогов, созданных Брахмой; ниже ещё шесть, созданных Вишной; а ещё ниже три чертога, созданных Шивой. Эти три вида обителей обретают души последователей их создателей.

Ниже них находятся чертоги планетарных богов, Индры и Чандры; ниже них начинается земля, плавающая по поверхности воды, как лодочка. Ниже этих вод семь патал или адских областей, обитель злых духов и проклятых. Такое расположение имеет поразительное сходство с построением диаграммы офитов (будет дана ниже), которую Ориген описал с оригинала, и которую г-н Маттер восстановил по описанию Оригена, чтобы проиллюстрировать её в своём трактате гравюрой X.

Признать индийские понятия из столь отдалённого источника чрезвычайно трудно на первый взгляд, тем не менее, легко объясняемо. Дух этой религии был духом прозелитизма. Буддисты с самого начала рассылали своих миссионеров (некоторые из интересных рассказов которых сохранились и были переведены с китайского) с усердием, присущим древней пропаганде. С материка они перешли на Цейлон, в Японию и дальние уголки Тартарии, проникли в такие районы, где об их былом присутствии и тихом житие сегодня мало кто вспоминает.[1] О фактическом насаждении буддизма во владениях Селевкидов и Птолемеев (Палестина принадлежала первому) до конца четвёртого века, по крайней мере, до начала нашей эры свидетельствуют пункты эдиктов Ашоки. Этот принц был внуком Чандрагупты (по-гречески Сандрокотт, современник и друг Селевка I), который во главе армии из 60 000 воинов завоевал всю Индию в пойме Ганга.

1 Двое китайских путешественников Фасян и Сюаньцзан посетили Бенарес в начале пятого и в середине седьмого века нашей эры. Эти проницательные и прозорливые наблюдатели оставили записи о своих путешествиях в Индии, имеющие первостепенное значение для историков и антикваров. Их рассказы, по большей части, являются простым изложением фактов, свободных от тумана и неопределённости сочинений индусов; и всякий раз, когда они сталкивались с чуждыми им фактами, они в значительной степени излагали правильно. Смотрите «Записки Сюаньцзана» в переводе с китайского Станисласа Жюльена.

Ашока, сначала необузданный тиран, принял незадолго до этого проповедованные доктрины буддизма, брахманский протестантизм, и распространял их путём убеждения или силой из края в край его огромного царства с обычным рвением новообращённого.

Эти Эдикты высечены на каменной колонне около Гирнар в Гуджарате. Цитирую слова индийского археолога Принсепа, кому принадлежит это открытие (статья XVII. «Индийские древности»). «Я сейчас собираюсь привести доказательства того, что знакомство Ашоки[1] с географией не ограничивалось только Азией, и что его безмерная благожелательность по отношению к живым существам распространилась, по крайней мере, в его намерениях почти на четверть земного шара. В его религиозные намерения входило *проповедование в Египте*, и поэтому надо искать следы проникновение буддизма в плодородную долину Нила, продуктивную на метафизические дискуссии с древнейших времён. Строка, которую я имею в виду, – пятая снизу. «И греческий царь (Ионираджа)[2] кроме того, убедил царей из династии Саптах (Египет), Птолемея и Гонкакена (Антигона Гонат) допустить, чтобы и здесь, и *в зарубежных странах, везде* люди могли следовать учению религии Дэванипья, куда бы оно не приходило». «Ессеи» подобные буддийским монахам по многим особенностям (об этом можно прочитать подробно в описании этой аскетической общины, данном Иосифом Флавием, «Иудейские древности» XV, 10) обосновались на берегах Мёртвого моря «за тысячи веков» до времени Плиния. «Так как западные берега были непригодны для проживания, ессеи не селились там, это – уединённый народ, отличающийся от всех остальных на земном шаре; без женщин, отказавшийся от всех привычных удовольствий, без денег, друзья пальм, каждый день к ним присоединялось много новичков; стекались в большом количестве те, которых мир выбросил бурными волнами

1 Рвение Ашоки было настолько велико, что он послал своего сына и дочь, Махендра и Шаугамитру миссионерами на Цейлон, которые в короткие сроки обратили весь остров в новую религию.

2 Персидский посланник в «Ахарнянах» Аристофана использовал то же самое слово, Ἰαόναυ, по отношению к греческой нации.

судьбы. Невероятно, но народ, в котором никто не рождался, продолжает жить уже тысячи лет, так что для них было продуктивным отвращение некоторых людей к этому миру». («Естественная история» V, 15) «Тысячи лет» великого естественника надо понимать, как одно из его любимых ораторских приёмов, но, тем не менее, это служит свидетельством существования секты в глубокой древности. Возможно, она явилась продолжением ранних аскетических общин, известных как «школы пророков».

Влияние еврейских ессеев на раннее христианство (на образ жизни, по крайней мере) не оспаривается никем из тех, кто читал о них у Иосифа Флавия, с желанием *узнать* правду, а *не уклоняться* от неё. Но на полу-христианских гностиков Сирии такой древний орден, вероятно, имел ещё большее влияние. Нетрудно выяснить, что источником понятий рабов о достоинствах подвижничества, аскезы и самоистязания (из которых наиболее ярким примером является Симеон Столпник), был тот же самый источник, откуда индийские факиры брали свои практики, даже методы были идентичны. Жизнь знаменитого кающегося Симеона прошла на вершине высокого столпа (откуда его имя), что практиковалось в этих областях за много поколений до него. Псевдо-Лукиан в своём интересном описании знаменитого храма «сирийской богини» в Емесе ("De Dea Syria", «Сирийская богиня») в частности замечает, что перед зданием был установлен фаллос или обелиск высотой 300 футов [91,44 м], на вершине которого сидел фанатик без сна двадцать один день и ночь, и чтобы не заснуть, постоянно звонил в колокольчик. Подобные идеи пронизывали христианство Нижней Империи, более того, они составляли саму суть религии. Не трудно понять, по скольким вопросам с его жёсткими буддийскими постулатами Мани вступил в столкновение с гуманным и разумным законом Зороастра (самая яркая естественная система когда-либо принятая религией), и какие веские причины были у Варахрана и его духовных советников для осуждения его в ереси.

В нашем исследовании этого конкретного вопроса никогда не следует забывать о том, что в то время, когда в Греции

развивалась *философия* (ещё со времён Карийского мудреца[1], изобретателя названия), Индия часто считалась изначальным и чистейшим источником «Истинной мудрости» или знания о божественном. Даже позже во времена Лукиана, в середине второго века, этот автор завершает, видимо, истинную историю Антифила и Деметрия, показав последнего философом-киником по роду занятий, оставившего всё своё имущество своему другу и отправившегося в Индию, чтобы там закончить свою жизнь среди индусов («Токсарис» 34). В том же веке известный путешественник Аполлоний Тианский свидетельствует о том же в глубоких диспутах с индийскими философами, записанных его товарищем Дамисом. И хотя записки спутника мудреца, вероятно, в значительной степени были дополнены и приукрашены редактором Филостратом,[2] основной характер повествования, несомненно, остался подлинным. Подробно описанная деятельность великого чудотворца показывает, как кажущаяся трудность такого путешествия исчезает при лучшем знании обстоятельств. Аполлоний приходит, прежде всего, к парфянскому царю Вардану («грекофилу», как он хвастливо называл себя на своих монетах) и предупреждает почитателя греческих *учёных*, как и всех его предшественников Ахаменидов. Он получает от него *фирман*, гарантирующий ему защиту и гостеприимство везде в пределах царства, которое простиралось тогда, наверное, до Инда. С того времени рекомендательные письма от «царя царей» различным местным князьям, его союзникам, гарантировали путешественнику радушный приём. Безопасная и регулярная связь между крайними точками персидской Империи была с самого начала постоянной заботой её могучих правителей (первых организаторов большаков, почтовых этапов и почтовых лошадей). Проходя через то, что сейчас является пустыней, населённой шайками разбойников, и что тогда было густонаселённой и хорошо возделанной страной, заручившись

1 Геродот из Геликарнаса, Кария. – Прим. пер.
2 Кто сочинил очень интересную книгу «Жизнь Аполлония» по поручению императрицы Юлии спустя почти столетие после смерти философа.

документом от государя, он находил своё путешествие быстрым и приятным.

Теми же льготами всегда пользовались выходцы из Индостана. Любопытно было наблюдать, как иногда «брахман», шедший в Грецию, был принят как образцовый философ, как например, Зарманес Чаган, который пришёл из Баргозе (*Барохе*) и, в конце концов, сжёг себя заживо на костре в Афинах в царствование императора Августа; свидетелем этого поучительного зрелища был Николай Дамасский (Страбон, XV). До него был «гимнософист» Калан (удачное греческое слово для *факира*), имевший хорошую репутацию при дворе Александра, и который точно так же решил покинуть землю на «огненной колеснице». Их примеру последовал «Перегрин Протей», так удачно высмеянный Лукианом в своей книге под тем же названием. Протей, чтобы произвести ещё больший эффект, выбрал для своей сцены Олимпийские игры. Последний был философом, потом христианским учителем, и, в конце концов, изобрёл новую религию. То, что секта известная в древности под именем «брахманы» была *буддийской*, а не брахманской, можно понять из её нахождения в Бактрии и ещё более из обстоятельств, упомянутых Страбоном (книга XV). Он рассказывает о том, что они посвятили тридцать лет изучению богословия, живя в общине (в *вихаре* или монастыре) в изоляции от мира посреди леса в окрестностях разных городов, и полностью воздерживаясь от половых связей и животной пищи. Брахманы наоборот считают, что оставить детей после себя – самый священный долг, от которого зависит вхождение в рай. Не важно, были ли буддисты истинными представителями изначальной религии[1] своей страны или только *реформаторами* более древней брахманской церкви, естественным

1 На что, конечно, претендуют их богословы, которые считают браминов осквернителями истинной веры. Например, Сюаньцзан пишет: «Они насчитали (в царстве Бенарес) сто храмов богов, в которых проживают около десяти тысяч еретиков, которые по большей части являющихся поклонниками Шивы». И ещё он открыто признаётся, что буддисты располагали не более, чем тридцатью монастырями, насчитывающими всего три тысячи монахов в том же месте.

оружием всех инакомыслящих являются насмешки и даже проклятья относительно любимых постулатов своих противников. Посмотрите на Мартина Лютера с его выпадами против обетов девства и его известным девизом:

"Wer nicht liebt Weib, Wein and Gesang,
Der bleibt ein Narr sein Leben lang".[1]

Подобное мы находим у ессеев, идущих вразрез с древними предрассудками своего народа, и непроизвольно принимающих то, что Моисеев закон объявлял величайшим из проклятий – не оставить потомство для сохранения имени в Израиле.

В качестве примера суровой дисциплины, поддерживавшейся в общине брахманов, Страбон упоминает, что сам факт высмаркивания или плевка являлся поводом исключения правонарушителя в тот же день за *невоздержанность* в обществе товарищей-отшельников. Точно так же Иосиф Флавий отмечает среди других правил ессеев обязательное воздержание от всех естественных нужд в день субботы. Но даже *их* строгость уступает в наше время некой секте индийских йогов, которые заявляют, что полностью освободились от всех таких скверных естественных нужд. Они добились этого, питаясь исключительно молоком, которое после короткого пребывания в желудке, они снова изрыгают, проглотив шарик на верёвочке; они поддерживают расход белков исключительно за счёт питательных веществ, всасываемых системой во время пребывания жидкости в желудке, что, соответственно, не оставляет никаких остатков для прохода в нижнюю часть кишечника. В этом учении очевиден приём *reductio ad absurdam* [доведение до абсурда] понятия похвального воздержания и выставление на показ нелепости вреда, причиняемого рационализмом в вопросах религии.

Что касается глубины философской мысли Востока, то даже в очень поздний период Агатий из Византии приводит яркий пример. Хосров (более известный у нас как Ануширван Справедливый) помимо предоставления убежища как своим братьям, последним Афинским философам, изгнанным со своих кафедр тупым фанатиком Юстинианом, приказал все

1 «Кто не любит женщину, вино и песни,
Остаётся дураком всю жизнь» (нем.).

сочинения Платона перевести на персидский язык, и провозгласил, что он в состоянии постичь даже тайны «Тимея». Греческий софист, естественно, был возмущён наглостью иностранца, который воображал, что «его варварский и деревенский язык» был в состоянии выразить божественную мысль афинского мудреца, так как он и не подозревал, что великий царь, или, во всяком случае, его «маги» и «суфии» были владельцами источников, откуда Платон, возможно, взял всё своё вдохновение во время написания загадочного сочинения. Религиозному обучению персидских принцев с самого начала уделялось большое внимание, и знание богословия было предметом гордости. Так Кир Младший показывает своё превосходное знание богословия (в своём манифесте о притязании на царство), что является веской причиной его предпочтения перед старшим братом.

Оставляя в стороне общепризнанную теорию о миграции «индо-германской» расы в самые дальние уголки Европы, новейшая история приводит пример масштабной миграции, происходившей с бесконечно большими трудностями, когда орды индусов низшей касты, убегая от нашествия Тамерлана, распространились по всей Европе в виде цыган, всё ещё сохраняя свой родной язык и обычаи. Они по сей день утверждают, что имя их народа «синд» или «синдха».

Фактов, приведённых в предыдущем обзоре, вполне достаточно, чтобы показать, каким образом зародыши различных гностических учений были принесены с Востока, как они были привиты к ранее существовавшим представлениям, и как буйно они расцвели, пересаженные на благодатную почву Александрии и Эфеса. Чтобы завершить общее представление о предмете и прежде, чем приступить к рассмотрению вещественных памятников, оставленных нам этими понятиями, надо будет дать обзор тех форм, в которых они достигли полного развития. Для этой цели я выбрал три основные системы, описываемые историками, как прародители всех остальных, а именно, *Симона Мага*, *Василида* и *офитов*; в качестве введения лучше всего привести точные слова хорошо информированного и беспристрастного Ипполита.

Рис. 3

Симонианизм[1]

«Я намериваюсь представить здесь систему Симона Мага, уроженца Гитто из Самарии, и доказать, что от него все пришедшие позже системы взяли основные принципы для своих учений и нагло покушались на них под разными названиями. Этот Симон был искусен в магии и собирал большое количество народа, частично практикуя искусство Фрасимеда тем способом, который я уже разоблачил (в книге «Чародеи»), и частично совершая чудеса посредством демонов. Он пытался выдавать себя за Бога, будучи настоящим самозванцем, бессовестным и дерзким; он был тем, кого апостолы отвергали, как написано в «Деяниях».

Поэтому гораздо более разумно и здраво, чем Симон, поступал Апсет, когда хотел, чтобы его принимали за Бога, и когда он отправился трудиться в Ливию. Его история не очень похожа на историю нашего глупого Симона, но она к месту, поскольку вполне вписывается в рамки поведения последнего.

Апсет Ливийской очень хотел сделаться богом, но после долгих стараний он потерпел неудачу, потом он решил сделать так, чтобы *люди приняли его* за бога. И, в самом деле, в течение долгого времени он пользовался такой репутацией, и простые ливийцы привыкли жертвовать ему, как Божественной силе, уверенные, что они подчиняются гласу небес. Он собрал и поместил несколько попугаев в одной маленькой комнате, а попугаев много по всей Ливии и они точно имитируют человеческий голос. Он держал птиц в течение некоторого времени и учил их говорить «*Апсет – бог*». По истечении некоторого времени, когда

1 Философу́мена (др.-греч. Φιλοσοφούμενα ἡ κατά πασών αιρέεων έλεγχος – «Философски́е мне́ния, и́ли обличе́ние на все е́реси», Ипполит Римский.

птицы научились говорить это предложение, которое, как он предполагал, заставит верить других, что он – бог, тогда он выпустил их из заточения, и попугаи разлетелись в разные стороны. После этого слух разнёсся по всей Ливии, и молва дошла до Греции (до Кирены); таким образом, ливийцы, поражённые голосами птиц и не подозревавшие подвоха Апсета, принимали его за бога. Но один из греков разгадал уловку предполагаемого божества и с помощью попугаев не просто разоблачил, но погубил тщеславного наглеца. Этот грек запер в клетке нескольких из тех же попугаев и научил их произносить: «Апсет закрывал нас и заставлял говорить Апсет – бог». Когда ливийцы услышали такое отречение от попугаев, они собрались и сожгли Апсета живьём.

В этом свете нам следует рассматривать Симона Мага и сравнивать его с ливийцем, который сделал себя Богом очень изобретательно; по правде, сравнение распространяется и на детали, у чародея была такая же судьба, как и у Апсета. Поэтому я буду стараться *переучить попугаев Симона*, доказав, что Симон не был Христом, «Кто встал, стоит и будет стоять», но смертным человеком, рождённым от семени женщины, от крови и похоти плотской, как и всё остальное человечество. Именно это я ясно докажу в ходе моего повествования. Симон толкует закон Моисеев в наглой и жульнической манере, ибо всякий раз, когда Моисей говорит, что Бог наш есть *огонь* поядающий, Симон, понимая слова Моисея в превратном смысле, утверждает, что огонь есть начало всех вещей. Он не понимает истинного смысла, что Бог не есть «огонь», но «огонь поядяющий», и не только уродует закон Моисея, но списывает с Гераклита, прозванного «тёмным». Беспредельную силу Симон считает началом всего, так говоря: «Эта Книга утверждения Гласа и Имени, исходящих от великой и беспредельной Силы. Потому она должна быть запечатана, закрыта, скрыта занавесью и храниться в жилище, в основание которого положен корень всех вещей». Это *жилище* есть *Человек* здесь внизу, рождённый

от крови; что также означает, что в нём обитает беспредельная Сила, которую он называет корнем всего сущего. Но эта беспредельная Сила (*Огонь* по представлению Симона) не является просто субстанцией, хотя люди обычно считают четыре стихии, в том числе и огонь, простыми; напротив, он утверждает, что огонь в некотором смысле имеет *двойственную* природу, и, исходя из этого, одну часть его природы он называет *незаметной*, а другую *видимой*, заявляя, что невидимые (свойства) огня скрыты в видимых, а видимые свойства огня порождаются невидимыми. (И это то, что Аристотель называет «силой» и «энергией», а Платон – «умопостигаемым» и «чувственно воспринимаемым».

Видимая часть огня содержит в себе всё чувственно воспринимаемое, – всё, что можно представить себе или даже то, что *не удаётся* представить из вещей видимых. С другой стороны, *невидимая* часть – это всё, что можно понимать под предметом мысли, но что ускользает от чувств, и даже *не может быть* осмыслено. В целом можно сказать, что всё сущее, чувственно воспринимаемое и умопостигаемое или, как Симон называет это Видимое и Невидимое или хранилище, является великим Огнём, что выше небес: «Подобно великому древу, которое привиделось во сне Навуходоносору (Дан.4:7) и «от которого кормится всякая плоть». *Видимая* часть огня – это, по его мнению, *ствол*, ветви и листья, окружающие его снаружи; все эти части великого древа, по его словам, сгорят во всепожирающем пламени огня и исчезнут. Однако *плод* древа, если он полностью созреет и получит подобающую форму, будет помещён в хранилище, а не брошен в огонь. Ведь предназначение плода в том, чтобы быть помещённым в хранилище, а *мякина* должна быть брошена в огонь (ср. Мф.3:10); ведь ствол живёт не ради себя, но для плода.

Именно об этом, как он говорит, сказано в писании: «Виноград Господа Саваофа – это дом Израиля, и человек Иуды – любимое насаждение» (Ис.5:7). Если человек Иуды – это любимое

насаждение, значит, ясно, что *древо* может быть только *человеком*. Что же касается *отделения* и *разделения*, то Писание говорит подробно и вполне достаточно ясно для наставления тех, кто достиг совершенной формы: «Всякая плоть – трава, и вся красота её, как цвет полевой. Засыхает трава, увядает цвет, а слово Господа пребудет вечно» (Ис.40:6-8). «Слово Господа» по его словам означает речение или слово Господа, исходящее из его уст, так как «место его рождения» только там.

Итак, вкратце: так как согласно Симону Огонь имеет вышеизложенную природу, а всё сущее, видимое и невидимое, слышимое и неслышимое, исчислимое и неисчислимое является этим Огнём, поэтому в своём «Великом откровении» он называет его Источником всего или *великой Мыслью*, являющейся основой индивидуумов всего сущего в их конечном порядке, доступном для постижения умом, о чём можно говорить, думать и действовать или по словам Эмпедокла:

> «Землёю видим мы землю, водою – воду,
> Эфиром – эфир [дивный], огнём же – огонь губительный,
> [любовью] любовь, вражду же – злой враждой».

Ибо, как он считает, все части огня, видимые и невидимые, «обладают *разумением* и долей *сознания*». Поэтому согласно ему сотворённый мир возник из нетварного Огня. Началом его творение была эта мудрость: шесть «основ» (букв, корней) или первых принципов начала его сотворения были взяты Рождённым из принципа этого Огня, так как он утверждает, что эти шесть корней возникали из огня *парами*; и он называет эти корни разумом и умом, гласом и именем, рассуждением и мыслью. В этих шести корнях, взятых вместе, содержится «беспредельная Сила», но *потенциально*, а не *реально*. Эту беспредельную силу Симон называет «тем, кто стоит, встал и будет стоять», а также тем, кто, полностью *сформировавшись*, ещё находясь в шести силах, станет по сути силой, величием и действием единым с

нерожденной и беспредельной Силой. Но если он будет пребывать только *потенциально* в этих Шести Силах и не обретёт *формы*, то исчезнет или погибнет, как способность освоить грамматику или геометрию в человеческой душе. Ибо если эта сила достигает состояния определённого *мастерства*, то становится светом всего сотворённого, если же не достигает (мастерства), то остаётся в инертности и тьме, как если бы её никогда не было, и умирает вместе с человеком.

Итак, из этих шести сил седьмую силу, с ними связанную, или *Первый Помысел* Симон называет «разумом и умом» или «небом и землёй», уча тому, что муж смотрит сверху на свою супругу и заботится о ней, земля же внизу принимает с небес «ум» и соответствующие плоды той же природы, нисходящие на неё свыше. Потому, по его словам, Слово, смотря сверху на то, что порождается разумом и умом, говорит: «Слушайте небеса, и внимай земля, потому что Господь говорит: Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против меня» (Ис.1:2). Говорящий так является *Седьмой Силой*, которая «стоит, встала и будет стоять»; ибо он есть причина всего того хорошего, что Моисей прославил и назвал «хорошо весьма» (Быт.1:31). «Глас и имя» означают солнце и луну, а «рассуждение» и «мысль» – воздух и воду. И со всем этим слита и смешана Беспредельная Сила – «Тот, кто стоит», как я уже упоминал.

Поэтому, когда Моисей говорит: «И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от всех дел Своих…» (ср. Быт.2:2), Симон истолковывает в указанном ранее смысле, обожествляя при этом себя. Когда же симониане говорят о трёх днях до сотворения солнца и луны, то они понимают под этим разум и ум, то есть небо и землю и их беспредельную Силу, ибо таковы три первые силы, которые возникли раньше других. Сказанное же «до всех веков породил меня» (Притч. 8:23, 25), по их словам, означает седьмую силу. Эта седьмая сила потенциально *присутствовала в* беспредельной Силе до начала времён. Именно *эту* седьмую силу

имел в виду Моисей, говоря: «И Дух Божий носился над водою» [Быт.1:2], то есть дух, который включает в себя всё, образ беспредельной Силы, которую Симон описывает как «образ несокрушимой силы, которая одна упорядочивает всё остальное».

После сотворения мира таким или аналогичным образом, согласно Симону, Бог создал Человека, создал их из праха земного, и это творение было не простым, но двойным, как по *образу,* так и *подобию*. *Образом* является дух, носящийся над водой, который, если не облечётся формой, исчезнет из мира, так как он [в этом случае] останется потенциальным, и не обретёт *реального* бытия. Именно на это указывает изречение: «…чтобы не быть осуждёнными вместе с миром» [1 Кор.11:32]. Если же он примет форму и изойдёт из неделимой точки, как об этом написано в «Откровении», то «бывшее малым становится великим». Это «Великое» будет продолжаться вечно, так как оно уже более не *подлежит* сотворению (т. е. уже не абстрактно).

Как же и каким образом Бог создаёт человека? В раю, с этим Симон согласен. Но этот рай, вероятно, по его словам является *чревом*. Писание убеждает нас в истинности этого такими словами: «соткал меня во чреве матери моей» [Пс.138:13]. Так он предпочитает понимать этот текст. Раем Моисей аллегорически называет чрево, если верить этому Божьему слову. Если же Бог создал человека в чреве матери, то есть в раю, тогда «рай» – это и есть чрево, сад Эден – это то же место, а «река, выходящая из Эдена для орошения рая» есть пуповина. Эта *пуповина* по его словам «разделена на четыре реки» (там же), потому что с каждой стороны *пуповины* идут бок обок две артерии, каналы для дыхания, и две вены, каналы для крови. Когда же пуповина, выходящая из области Эдена, присоединяется к утробному плоду в области живота, в том месте, которое обычно называют пупок…(Здесь несколько слов, очевидно, утеряны.) и две вены, по которым течёт и переносится кровь из Эдена в так называемые «врата печени», – это то, что питает эмбрион. Две протоки, о которых мы

говорили как о каналах, переносящих кровь, окружают мочевой пузырь, проходя вдоль тазовых костей с обеих сторон, и соединяются с большой артерией у позвоночника, которая называется *аортой*. Так дыхание, проходя через боковые проходы в сердце, сообщает движение эмбриону. Зародившись в «раю» младенец не питается через рот и не дышит ноздрями; ведь он окружён жидкостью, поэтому немедленно бы умер, если бы вдохнул эту жидкость в себя. Он полностью окружён тем, что называется *амниотическим пузырём*, кормится через пуповину, и вдыхает сущность дыхания через аорту, которая идёт вдоль позвоночника. Река, выходящая из Эдена, делится на четыре потока, то есть четыре органа чувств: зрительный, обонятельный, осязательный и тактильный. Ведь ребёнок в Раю имеет лишь эти органы чувств.

И это, по словам Симона, есть закон, установленный Моисеем, и каждая из книг написана именно об этом законе, как показывают их заглавия. Первая книга называется «Рождение» (Бытие), и из этого названия понятно, чему книга посвящена. Рождение, по его словам, является *зрением*, первым потоком, на которые разделились реки, потому что весь мир воспринимается зрением. Вторая книга называется «Исход», ведь при рождении ребёнку надо пройти через Чермное море (подразумевая под Чермным морем кровь), войти в пустыню и испить горькую (мара) воду. Горькая вода, находящаяся за Чермным морем, есть путь *знаний* всей жизни, проходящий через трудные и неприятные места. Изменённая Моисеем, то есть Словом, горькая вода становится *сладкой*. В том, что это действительно так, можно убедиться, послушав хорошо известные слова поэта:

> «Корень был чёрен его, цветы же молочного цвета.
> «Моли» зовут его боги. Отрыть нелегко это средство
> Смертным мужам. Для богов же – для них невозможного нету».[1]

1 Гомер, «Одиссея», X 304–306, пер. В. Вересаева.

Даже сказанного язычниками достаточно для познания всего предмета теми, кто имеет уши, чтобы слышать. Ведь человек, отведавший плода, данного Киркой,[1] не только сам не превратился в животное, а, воспользовавшись силой плода, преобразовал, улучшил и возродил тех, кто уже обратился ею в животных, вернув им надлежащий вид. Ибо преданный человек и возлюбленный чародейкой узнаётся с помощью божественного зелья молочного цвета.

Так и третья книга – «Левит» означает *обоняние* и *дыхание*. Эта книга посвящена *жертвоприношениям* и *дарам*, когда бы ни приносилась жертва, от неё поднимается благоухание, судьёй которого является чувство обоняния.

Четвёртая книга – «Числа» означает *вкус*, ибо тогда активна речевая деятельность; ведь именно через речь все предметы указываются в *числовом* порядке. Симон считает, что название «Второзаконие» указывает на то, что ребёнок создан для *осязания*. Так как осязание через *прикосновение* соединяет воедино и *подтверждает* воспринятое другими органами чувств, убеждая в том, что это действительно твёрдое, тёплое или клейкое, так и пятая книга закона – это *соединение* воедино всего того, что написано в предыдущих четырёх.

Поэтому всё то, продолжает он, чего нет в нас *потенциально*, не *реально*, как знание грамматики или геометрии. Поэтому в том случае, когда встретятся с истинным учением или наставлением, тогда «горькое обратится в сладкое», то есть «перекуют мечи свои на орала, а копья свои – на серпы» [Ис.2:4], они больше не будут хворостом или палками, сжигаемыми в огне, но совершенным Плодом, равным и подобным нерожденной бесконечной Силе. Если же Древо останется бесплодным, так как оно не получило *форму*, оно будет уничтожено. «Уже и секира при корне дерев лежит; всякое древо, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» [Мф.3:10].

1 Симон здесь подзабыл «Одиссею»; противоядие моли было дано Улиссу Гермесом.

Так, согласно Симону, благая и нерушимая природа *скрыта в каждом* существе в потенциальной форме, до поры не проявляясь явно, или «тот, кто стоит, встал и будет стоять»; кто стоит *наверху* в нерождённой Силе; кто встал *внизу* в «Реке вод», будучи рождённым в *образе*; и тот, кто будет стоять *наверху* рядом с благословенной и беспредельной Силой, если он получит *форму*. Так как есть трое, которые стоят, и без этих троих стоящих эонов не может быть украшен Рождённый, который по мнению Симона был тем, кто носился над водами, кто был воссоздан по совершенному небесному образу, и кто по подобию ни в коей мере не ниже нерожденной Силы.

Есть поговорка среди симониан: «Я и ты – одно, ты – до меня, я же – после тебя». *Такова* одна сила, разделённая на высшее и низшее: себя порождающая, себя питающая, себя ищущая и себя находящая, сама себе мать, отец, сестра, муж, дочь, сын, только она есть корень всего.

То же, что начало всему возникшему – *огонь*, можно понять таким образом. Во всех возникающих вещах желание возникнуть берёт начало от огня. Поэтому желание порождения в подверженных изменению вещах называется «горением». Огонь, изначально *один*, через изменение становится *двумя*. Так кровь, по его словам, на вид тёплая и ярко-красная, как огонь, в мужчине превращается в семя, а в женщине та же самая кровь обращается в молоко. Это изменение в мужчине создаёт порождающую силу, а в женщине – питающую то, что порождено. И это, как он говорит, есть «пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к древу жизни» [Быт.3:24]. Ведь кровь «обращается» в семя и молоко, и эта сила становится матерью и отцом, отцом тех, кому должно родиться и питанием тех, кого нужно питать, нуждающихся друг в друге и самодостаточных. Более того, Древо жизни, охраняемое обращающимся пламенным мечом, есть седьмая сила, исходящая из себя, всеобъемлющая и пребывающая в шести других силах. Ибо если этот пылающий меч не был бы

обращающимся, то это прекрасное дерево погибло бы и исчезло. Если же оно обращается в семя и молоко, тогда Тот, кто пребывает в них потенциально, получив необходимый Логос (*рассудок*) и подобающее место, где может зародиться Логос, словно из маленькой искорки, достигает совершенства, увеличивается и вырастает в Силу без границ, неизменную, равную и подобную бесконечному Эону, больше не рождающемуся в течение бесконечных веков.

На основании этой теории, по всеобщему признанию, Симон превратил себя в бога для невежд, как и вышеупомянутый ливиец Апсет. Рождённый и подверженный страстям, он из исходной потенциальности перешёл к состоянию нерожденности и бесстрастности, полностью сформировавшись и став совершенным, и удалившись от двух исходных сил, то есть неба и земли. Сам Симон так объясняет это в своём «Откровении»: «Вам говорю я то, что говорю, и пишу то, что пишу – это вот сочинение: существует два рода Эонов, всё собой обнимающих, без начала и конца, происходящих из одного корня, которое есть *Безмолвие*, невидимое и непостижимое. Один из этих родов проявляется свыше, а именно великая сила, которая есть всеобщий *разум*, правящий всем, *мужское* начало; другой род, проявляющийся снизу, есть великое *понимание*, *женское* начало, всё порождающее. Поэтому они дополняют друг друга, образуя пару, и освещают среднее пространство, находящееся между ними, (которое есть воздух), безначальное и беспредельное. Внутри срединного пространства находится Отец, поддерживающий и питающий всё то, что имеет начало и предел. Он и есть Тот, «Кто стоит, встал и будет стоять», – мужеско-женская сила, подобная предсуществующей беспредельной Силе, не имеющей ни начала, ни конца и существующей в *Единице*. Ибо Понимание в Единице изошло из неё и стало *Двумя*. Итак, Он (Отец) Один, так как когда он содержал эту Силу в себе, он был сам по себе. Однако он не был *первым*, хотя он всему предшествует. Явившись себе самому из себя, он

становится *вторым*. Отцом он также становится не ранее, чем Сила назовёт его так. Как он вывел себя из себя самого, явив себе собственное понимание, так же явившаеся понимание не *создаёт*, но *созерцает* Его, и поэтому Отец восстаёт в ней, т. е. в Силе. Подобно и понимание является мужеско-женской Силой. Они дополняют друг друга, так что Сила не отделена от понимания, будучи одним и тем же. С высот она открывается как Сила, а снизу – как понимание. Такова же *Единица*, которая проявляется через них, будучи *одним* оказывается *двумя*, так что мужеско-женская сила содержит в себе женское начало. Так *разум* существует в понимании – они не отделены друг от друга. Будучи одним, они оказываются двумя.

Поэтому Симон раскрывая свои понятия, не просто исказил и истолковал согласно своим целям высказывания Моисея, но также и слова языческих поэтов. Ибо он использует аллегорию троянского деревянного коня, историю Елены с факелом и многое другое и применяет её к своим басням о себе и своему пониманию.[1] Опять он делает из Елены «заблудшую овцу», жилище которой всегда было в телах женщин, которые отваживались терпеть неприятности среди всех земных властей по причине неземной красоты; и потому Троянская война происходила из-за неё. Ибо это «понимание», выйдя из него, поселилось в Елене, которая родилась как раз в то время; и поэтому, когда власти претендовали на её обладание, распри и раздоры возникали среди всех народов, у которых она проявлялась. Во всяком случае, по этой причине Стесихор был лишён зрения за то, что поносил её в своих стихах; но потом, когда он покаялся, и написал своё «Покаяние», в котором воспевал ей дифирамбы, он вновь обрёл зрение. Затем, после того, как она была помещена в другое тело ангелами и низшими властями (которые, как считал Симон, были создателями мира), она

1 Это – его жена Елена. По удивительному, хотя, несомненно, случайному совпадению, Фра Дольчино из Новары также ходил в сопровождении аналогичного женского «понимания».

поднялась на кровлю[1] в Тире, в Финикии, где он нашёл её при приземлении. Он претендует на то, что отправился туда прямо за ней для освобождения её из рабства; и, после того, как выкупил её, он всегда возил её с собой, делая вид, что это заблудшая овца, а он сам был Силой, стоящей над всеми. Но, по правде говоря, самозванец был очарован этой блудницей, чьё настоящее имя было Елена, так что он выкупил её и держал возле себя; но из-за стыда перед своими учениками изобрёл оную басню. Более того, в настоящее время последователи этого обманщика и мага, Симона, подражают его примеру, утверждая, что правильно иметь сношения со всеми женщинами без разбора, ибо они говорят, что земля есть везде земля, и что не имеет значения, где сеять, пока можно сеять. Более того, они гордятся беспорядочной половой жизнью, утверждая, что *это* – совершенная любовь, и приводят текст «святое святых должно быть свято». Ибо они считают, что они не связаны обязательством по отношению к тому, что, как правило, считается грехом, поскольку они *искуплены*. Таким образом, Симон после того, как он выкупил Елену, даровал спасение людям посредством своего *знания* (или *гносиса*). Ибо как ангелы управляли миром из рук вон плохо по причине своего честолюбия, так и Симон делал вид, что он пришёл, чтобы всё исправить, изменив свою форму и сделавшись подобным Началам, Властям или Ангелам. Поэтому он появился в мужском виде, хотя и не был вовсе человеком, и принял Страдания в Иудее, хотя он не ощущал их; кроме того, он объявлял себя иудеям как *Сын*, в Самарии, как *Отец*, а среди язычников в других местах, как *Святой Дух*, но принимал любое имя от людей. Пророки получали вдохновение от Ангелов, творцов мира, когда пророчествовали. На них, верующие в Симона и Елену, не обращают никакого внимания даже в наше время; и они делают всё, что им заблагорассудится, утверждая,

1 Эвфемизм выражения «жить в борделе», так эти дамы представляли себя.

> что искуплены *его* благодатью. Ни во что ставится проклятие, предположим, посылаемое грешнику, ибо зло является злом не по природе вещей, но по *соглашению*. Ибо Ангелы, создавшие мир, предназначили ему быть таким (как они утверждают) для того, чтобы они могли держать в повиновении с помощью такой выдумки всех людей, которые должны прислушиваться к ним. Кроме того, они объясняют конец мира искуплением их секты.
>
> Итак, ученики этого Симона занимаются искусством магии и колдовством, делают приворотные зелья и заклинания; они также посылают так называемых «приносящих сны» демонов, чтобы беспокоить тех, кто им нужен. Они также совершают обряды в честь богов по имени *Паредро*й (советники); у них также есть статуя Симона в образе Юпитера и Елены в образе Минервы; они им поклоняются, называя одного "Господом", а другую "Госпожой"»[1].

Вот, всё о системе известного самарянина, в которой, как было видно, вместо логического рассуждения присутствует игра слов, взятых абсолютно без какой-либо привязки к контексту; однако надо признать, что из-за стиля аргументации он имел весьма высокий авторитет. В ярком контрасте с ним выступает следующая система, которая отображает большую изысканность и глубокое образование (наряду с экстравагантностью) греческого сознания.

1 Здесь следует рассказ [Ипполита] о его жизни и конце, уже ранее приведённый на стр. 21, 22 [начало главы «Гностицизм в его начале», с. 45].

Василид

Ипполит, в соответствии со своими тезисами, говорившими о том, что все эти «ереси» являются всего лишь плагиатом более древних философских систем, заявляет, что Василид украл свою диаграмму у Аристотеля, и продолжает обвинение посредством следующего сравнительного анализа.

> «Аристотель делит все субстанции на *роды*, *виды* и *индивиды*. Род является как бы совокупностью разных семян, из которых берутся совокупности всех видов; род является достаточной причиной для всего, что существует. Например, «животное» совершенно не означает какое-то конкретное животное. «Животное» не означает ни лошадь, ни быка, ни человека, а просто животное. Из этого абстрактного животного происходят все виды животных, и это «животное» без видов является источником всех животных, произошедших в соответствии с их видами, а не что-то одно из рождённого. Таким образом, *человек* есть животное, берущее своё начало от животного, и *лошадь* есть животное подобным же образом. Аналогично все другие животные происходят от этого «животного», которое само по себе не является ни одним из них. Если это «животное» не является ни одним из них, то по Аристотелю субстанция всего сущего исходит из не-сущего, поскольку животное, из которого все они исходят индивидуально, не является сущим (или «совсем ничем»). И это не сущее является источником всего *сущего*.
>
> Итак, сущность делится на три категории: род, вид и индивид. Мы определили род как «животное», «человек» как вид, выбранный из массы животных, но, однако, неотличимый и неотделённый по форме определённого существа. Но когда я наделяю особым именем, таким как Сократ или Диоген, человека, взятого из вида или рода, тогда это существо называется «индивид».

Таким образом, род делится на виды, вид на индивиды; но индивид, однажды идентифицированный, не может быть разделён. Это то, что Аристотель справедливо и правильно называет «сущностью», что не может быть предикатом «субъекта» или «в субъекте». Под термином «субъект» он имеет в виду такое понятие, как животное, которое может быть предикатом всего субъекта животных по отдельности, например лошадь, бык или человек, все они называются одинаково – животное. Следовательно, то, что может быть предикатом «субъекта», является предикатом, который присущ многим и разным видам без разбора. «Субъект» означает то, что не может быть предикатом без предыдущего существования чего-то ещё, где он может существовать, как «белый», «чёрный», «справедливый» или «несправедливой», что является «акциденциями»[1] по отношению к сущности, и, следовательно, называется «свойствами», потому что выражает *то, что представляет собой* каждая вещь. Но ни одно свойство не может существовать само по себе; должно быть что-то ещё для того, чтобы оно могло существовать. Следовательно, ни род «животного», которое есть предикат *всех* животных существующих по отдельности, ни «акциденция», которую можно найти только в существующем, не могут существовать сами по себе. И если индивиды состоят из этих двух, а именно рода и акциденции, то из этого следует, что *сущность*, состоящая из этих трёх, и из ничего более, состоит из вещей, которые *не существуют*.

Следовательно, если то, что правильно и в основном называется «сущностью» (*индивидом*), состоит из них, то она по Аристотелю состоит из вещей несуществующих.

К тому же термины, такие как род, вид, индивид и субстанция далее обозначаются как

1 Акциде́нция (лат. accidentia – случайно появляющееся) – философский термин, введённый в его греческом варианте (греч. συμβεβηκός) Аристотелем и обозначающий случайное, почти всегда несущественное свойство вещи. – Прим. пер.

«материя» и «формирование». На данное определение опирается теория о вселенной Василида. Василид делит вселенную на несколько частей. Та часть вселенной, которая простирается от земли до луны, лишена *предвидения* и *руководства*, и довольствуется своей собственной природой. Та часть, что за пределами луны, составлена предвидением, разумением и руководством, вплоть до поверхности неба. Эта «поверхность» является *пятой* субстанцией, свободной от всех элементов, из которых создан мир; она, следовательно, является пятой или надмирной субстанцией. Эти три деления Аристотель рассматривает в трёх разных сочинениях: «Физика», «Метафизика» и «О пятой субстанции». Не только его идеи, но и слова, и термины были заимствованы Василидом и применены к Писанию. Как же тогда его ученики, на самом деле являясь *язычниками*, рассчитывали на благодать Христа?

Василид и его законный сын, и ученик Исидор говорят, что Матфей (евангелист) передал им тайные учения, которые слышал от Христа. Было время, когда не было ничего. Не было даже самого Ничто – без всяких софистических ухищрений – ничего вообще. Говоря «было», я не имею в виду какое-либо *бытие*, но просто хочу сказать, что *не было* абсолютно ничего. Это не просто невыразимое, которое мы и называем невыразимым, но *нечто даже* и никак невыразимое. То, что невозможно даже выразить, мы называем «никак невыразимым», тем, что за пределами всякого выражения. Не хватает имён даже для этого видимого мира, столь разнообразны его деления. Я не в силах найти подходящие имена, которые могли бы всё это высказать. Лучше просто попытаться постичь многие из его свойств из уже данных названий, причём эти (другие) свойства невыразимы. Поскольку одинаковые названия различных вещей приводят только к путанице и ошибочным мыслям изучающего. (Это явный плагиат обсуждения Аристотелем синонимов в своей книге «О категориях».)

Так как *не было* ничего, ни субстанции, ни несубстанционального, ни простого, ни сложного, ни непостижимого, ни человека, ни ангела, ни бога, ничего такого, что можно поименовать, воспринять органами чувств или помыслить, и, следовательно, ничего такого, что можно было бы описать даже самым утончённым образом, тогда этот не сущий Бог (Аристотелевскую «мысль мысли» Василид меняет на «не сущий») без мысли, без намерения, без совета, без страсти, без желания «восхотел» сотворить мир. Я говорю «восхотел», поскольку надо как-то это выразить, ибо это было сделано без помышления, восприятия или воли. Под миром я понимаю не этот созданный впоследствии мир, который был разделён широтой и долготой, но я понимаю под ним «Мировое семя». Это «Мировое семя» включает в себя *всё*, как горчичное зерно, несмотря на свой малый размер, включает в себя и корни, и стебель, и ветви, и бесчисленные листья, и семя, которое само происходит из этого семени и, в свою очередь, дающее начало другим растениям. Итак, не сущий Бог создал не сущий мир из не сущего, поместив и посеяв одно единственное семя, которое включает в себя всю совокупность семян вселенной. Чтобы пояснить то, что я хочу этим сказать, представьте себе яйцо пёстрой и многоцветной птицы, например, павлина; хотя оно одно, но в нём уже содержатся разноцветные и разнообразные формы разнообразных субстанций. Так и мировое семя, отложенное не сущим Богом, уже содержало в себе всё многообразие и разнообразие совокупности семян вселенной.

Так в этом семени было заложено всё то, что можно было уже назвать, и всё то, о чём ничего нельзя было сказать, поскольку оно ещё сокрыто в будущности, чтобы возникнуть из этого семени и в положенный срок вырасти и развиться. Точно так же мы видим, как новорождённый ребёнок постепенно приобретает зубы и другие признаки своего родителя, а также разум и всё остальное, что сначала не было заметно, и превращается в зрелого человека по мере взросления. Но поскольку

невозможно использовать термин «эманация» не сущего Бога (фактически, Василид против каких-либо схем творения путём «эманации»), так как нельзя предположить, что требовалась какая-то эманация, или какая-то предсуществующая *материя*, из которой Бог впоследствии мог создать мир, свивая его, как паук паутину или как человек делает что-то из меди или дерева. Вместо этого: «Он сказал и стало». Именно это имел в виду Моисей, когда написал: «Да будет свет, и стал свет». Откуда же свет? Ниоткуда, поскольку, по его словам, не сказано, *откуда* он происходит, просто говорится, что он произошёл из голоса, который говорил это. Ибо говорящий *не существовал*, по его словам, точно так же *не существало* и то, что было сделано. Семя мира произошло из этого слова (логоса), которое сказало: «Да будет свет». И это – то самое, о чём сказано в Евангелии: «Это был истинный свет, который просвещает каждого человека, пришедшего в мир». Так как человек берёт своё начало из этого семени и освещается им. (Это «семя», делящееся на бесчисленное количество других семян, является ничем иным, как родом Аристотеля, который делится на неисчислимые виды, тогда как «животное» или род сам по себе не существующий, делится на виды (такие как бык, лошадь, человек и пр).

Приняв, таким образом, мировое семя за основу, Василид говорит далее: «Не спрашивайте меня о том, *из чего* произошло всё то, о чём речь пойдёт далее. Достаточно сказать, что это (мировое семя) уже содержало в себе семена всего, поскольку не сущий Бог сделал так, чтобы не сущее получило развитие.

Рассмотрим теперь, что, по их представлению, возникло из мирового семени первым, что вторым, а что третьим. В семени содержалось тройное *Сыновство*, которое во всех отношениях единосущно этому не сущему Богу и которое возникло из ничего. У этого тройного Сыновства первая часть была тонкой, вторая – плотной, а

третья – нуждающейся в очищении.[1] Тонкий элемент после того, как семя было *извергнуто* не сущим, немедленно выделился и воспарил вверх, как «перо или мысль», и достиг не сущего. Ведь всё сущее стремится к этому не сущему, поскольку оно прекрасно и совершенно. Плотная часть стремится подражать ему, но притягивается вниз своей более грубой природой и удерживается в семени. Поэтому в помощь ей Сыновство снабжает её *крылом*, так же как Платон в «Федре» даёт крылья душе. Итак, это крыло есть Святой Дух, одев которое более плотная часть приносит пользу себе и ему. Действительно, если отделить крылья от птицы, то они не полетят сами по себе, но и птица без крыльев также не птица. Таково отношение Сыновства к Святому Духу, и Святого Духа к Сыновству. Так и Сыновство было вознесено духом, как крыльями, а дух, эти самые крылья, также вознёсся вместе с ним. Но, когда они приблизились к не сущему Богу, Осознающее Сыновство уже не могло более воспринимать духа, поскольку его природа отличается от Его сущности. Как чистый и сухой воздух смертелен для природы рыбы, так и место, более невыразимое, чем Невыразимое и более высокое, чем все имена, которые можно назвать, где обитает не сущий Бог и Первое Сыновство, было противоположно природе Святого Духа. Так Сыновство оставило дух на границе той благословенной области, о которой невозможно помыслить и которую нельзя описать словами, которая, однако, не совсем была покинута им и удерживала кое-что из его энергии (сущности) подобно сосуду, который когда-то был наполнен драгоценным благовонием и сохраняет следы его аромата даже если он полностью опорожнён. «Как драгоценный елей на голове, стекающий на бороду Ааронову» [Пс.132:2], то есть аромат Сыновства, принесённый Святым Духом вниз в нечистоту и низкую нравственность, откуда он сам вначале воспарил, поднятый Сыновством, как на орлиных крыльях, прижавшись к его спине. Ибо всё сущее

1 Соответствует «нематериальному, материальному и смешанному».

стремится вверх, из того, что внизу, к тому, что наверху, от «худшего к лучшему», и ничего из того, что наверху, не стремится вниз».

Третья часть Сыновства, а именно, та, что требует очищения, осталась заключённой в бесконечной *главе* (сумме) бесконечного семени, одновременно принося и получая пользу, однако это будет объяснено ниже. После первого и второго вознесения Сыновства Святой Дух, который был оставлен выше, стал «твердью» между этим миром и высшим миром. Василид делит всё сущее на два больших класса, «мир» и «верхний мир», и поэтому дух, занимающий промежуток между ними двумя (а именно, Святой Дух, который сохраняет аромат Сыновства) он называет «Пограничным Духом». После того как таким образом установилась твердь, из Мирового Семени выделился Великий Архонт или Глава мира, красоту и величие которого невозможно описать, поскольку он неизречённей неизречённого, сильней сильного и мудрей мудрого и прекрасней всего того, что только можно представить. Как только он родился, он взлетел вверх и в скором времени достиг тверди, решив, что *это* предел движения вверх и ничего более не существует за её *пределами*. И действительно, он был красивее, сильнее и мудрее всего, что лежит внизу, за исключением Сыновства, то есть Третьим неочищенным Лицом, которое всё ещё оставалось заключённой в огромном вселенском семени. Решив, что он – Господин, Правитель и *Разумный Архитектор*, он принялся за создание мира. Для начала, не желая пребывать одному, из того, что было внизу (*земных элементов*), он создал себе сына, который был мудрее и прекраснее, чем он сам, так как *его* сын был, на самом деле, Третьим Лицом, пока заключённой в семени. Ибо не сущий Бог замыслил всё это от начала. Когда он увидел своего сына, он был так поражён его совершенной красотой, что посадил его справа от себя. То, что называется ими Огдоадой [Восьмой (8-й) – όγδοο, «огдоо»] (восьмым небом), обителью Великого Архонта. Небесная или *эфирная* область была устроена великим и мудрым демиургом, однако его

сын содействовал и помогал ему, будучи в действительности более мудрым. (Эта идея скопирована с «энтелехии» (осуществленность) Аристотеля относительно природного организма, где *активная душа* мудрее, сильнее и лучше тела. Итак, эту теорию, первоначально выдвинутую Аристотелем относительно тела и души, Василид применяет к Великому Архонту и созданному им Сыну, ибо, как архонт создаёт сына, так и Аристотель делает душу созданием или результатом природного организма). Всё сущее управляется провидением великого архонта (или скорее энтелехией его самого и сына). Всё, что лежит, так сказать, *ниже* луны или *в пределах* эфира, так как луна есть разделение эфира от воздуха.

Когда творение завершилось, из семени возник Второй Архонт, значительно ниже первого, но также *невыразимый*. Этот (архонт) называется Эвдомадой [седьмой (7-й) – έβδομος, «ύβδξμξρ»]. Он начинает созидать всё сущее *ниже* эфира, демиургом которого он является. Он, в свою очередь, породил себе сына безмерно превосходнее себя. Промежуточное пространство между Огдоадой и Эвдомадой занимает вселенское семя, совокупность видов или частиц, управляемых мыслью, насаждённой в них Первым Творцом относительно *сроков*, *природы* и *способа*, в которых они должны явиться. Для этого им не нужно другого руководства или творца.

Когда весь мир и то, что за его пределами, было создано, не тронутым осталось ещё семя «Третьего Сыновства», и ему также было необходимо развиться, открыться и вознестись за пределы Пограничного Духа к Тонкому Сыновству и самому не-Сущему. *Это* есть то, что сказано в Писании: «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих». [Рим.8:19]. Эти «сыны» означают *духовных людей*, оставшихся здесь для того, чтобы направлять и совершенствовать души, которые по своей природе соответствуют этому месту. «Ибо грех (смерть) царствовал от Адама до Моисея» [Рим.5:13] – означает, что в это время правил великий архонт, власть которого не

распространяется выше тверди, и он думал, что за пределами этой тверди ничего нет. Ибо всё, что выше него, хранилось в глубокой тайне… *Это* есть «тайна, не открытая нашим Отцам». Великий Архонт или Огдоада был по его представлению Господом или Правителем вселенной. Но «промежутком» или срединным пространством правила Эвдомада. Огдоада невыразима, а Эвдомада выразима. Именно глава Эвдомады говорил с Моисеем так: «Являлся Я Аврааму, Исааку и Иакову с *именем* «Бог Всемогущий», а с именем *Моим* «Господь» не открылся им» [Исх.6:3], то есть он не открыл им неизречённое имя правителя Огдоады. Все пророки, которые были до прихода Спасителя, говорили по вдохновению от второго архонта.

Когда пришло время проявления сынов Божьих, в этот мир пришла Благая Весть (Евангелие) и последовательно прошла через все начальства, власти и господства и все имена, которые могут быть названы, хотя Сыновство не спустилось со своего места одесную[1] непостижимого Не-сущего. Подобно индийской сырой нефти, которая воспламеняется от огня на расстоянии, эти энергии воспаряют из семени к Сыновству за пределы тверди. Сын великого архонта Огдоады, подобно нефти, улавливающей пламя на расстоянии, получает эманации Сыновства, которое находится за пределами тверди. Для последнего Пограничный Дух служит средством передачи мыслей от одного к другому.

Так Благая Весть, которая происходила от сыновства, через сына, достигла самого великого архонта, и он раскаялся, пришёл в ужас, стал *мудрым* и осознал своё *незнание*. Поэтому и говорится, что «начало мудрости – страх Господень» [Пс.110:10; Притч.1:7]. Ибо Христос, сидящий около него, объяснил ему, кто такой не Сущий, Сын за пределами тверди, а также то, как была сотворена вселенная. После наставления Великий Архонт исполнился *страхом*, осознал *грех*, в который впал,

1 То есть по правую руку, справа (устар.). – Прим. ред.

возвеличивая себя. И это значение слов: «я открыл Тебе грех мой и не скрыл беззакония моего» [Пс.31:5]. …После того, как Великий Архонт получил наставления, и знание было открыто всей Огдоаде, настало время для просвещения Евангелием правителя Эвдомады. С этой целью сын великого архонта передал сыну второго архонта тот свет, который сам получил свыше. Этот *сын* точно так же передал это знание своему отцу, и тот осознал свой *грех*. К тому времени все творения Эвдомады были просвещены и слышали Благую весть. Ибо в этом делении (области ниже эфира) также есть бесчисленное творение начальств, властей и господств (в отношении которых у Василида имеется длинный трактат; причём в эту область он помещает 365 небес, и их правителя АБРАСАКСА, названного так потому, что таково числовое значение его имени, по той же причине год состоит из того же количества дней).

После того как это случилось, настало время таким же образом просветить ту *Бесформенность* (ἀμορφία), которая существует в нашей области, открыть сыновство, которое было оставлено заключённым во всей совокупности, как недоразвитый орган. Так свет через Эвдомаду снизошёл на сына Эвдомады, то есть *Иисуса*, сына Марии. Это – то, что сказано: «сила Всевышнего осенит тебя», а именно, сила *помазания*, нисходящая от Всевышнего через Демиурга на Сына.

Нынешний порядок вещей будет продолжаться, пока каждая частица Сыновства, окутанная бесформенной массой, не привлечётся в Иисуса, не отделится, не очистится им, и не сможет сама вознестись к первоисточнику света, с которым она имеет естественное сродство.

После того как Три Лица Сыновства вновь соединятся над твердью, они явят милость творению, которое «стенает и мучится, ожидая явления сынов Божьих», так как все люди, принадлежащие к Сыновству, вознесутся к нему. После того как это случиться, Бог погрузит мир в *великое неведение*, так чтобы каждый человек жил в согласии со своей природой и не желал ничего, ей

не соответствующего. Души, которые по своей природе принадлежат этому миру, останутся здесь, не зная ничего о том, что существует выше них, чтобы души не мучились бесполезным стремлением к тому, что для них недостижимо, как если бы *рыбы* стремились на луга, где пасутся овцы. Осуществление такого желания было бы губительным. Всё в этом мире *вечно*, пока занимает естественное для нему место, однако становится *смертным*, если пытается выйти за пределы своей природы. То же *неведение* обволакивает правителя Эвдомады, чтобы он также ни к чему не стремился и не испытывал страданий, и также чтобы ничего не знал о высшем мире, не соответствующем его природе. То же неведение снизойдёт на великого архонта Огдоады, и по той же причине на все подвластные ему творения. Это есть «восстановление всего, заключённого от начала в семени и оставленного до времени». Это – то, что Спаситель сказал: «Ещё не пришёл час Мой». То же самое имели в виду волхвы, увидев звезду, поскольку его пришествие, провозглашённое с самого начала, было подчинено расположению звёзд.[1]

Евангелие – это *провозглашение* всего запредельного, о чём не знал Великий Архонт. Но когда ему рассказали о Сыновстве, о Пограничном Духе, о не сущем Боге, он возрадовался величайшей радостью. В отношении рождения Иисуса, всё сбылось, как написано в Евангелиях. *Он* был первинками разделения классов, ранее смешанных здесь внизу. Итак, когда мир разделяется на Огдоаду, главу вселенной, чьим правителем является Великий Архонт, и на Эвдомаду, главой которой является Демиург, а также главой нашего уровня, где существует бренность (подверженность ошибкам), необходимо, чтобы эта путаница была решена и приведена в порядок Иисусом. Поэтому та его часть, что была от бесформенности, а именно, его страдающее тело снова вернулось в

1 Это намекает на раввинское объяснение «знамения пришествия» Мессии соединением Сатурна и Юпитера в Рыбах.

> бесформенность. Та часть, которая принадлежала Эвдомаде, а именно, его душа, вернулась опять в Эвдомаду после воскресения; часть, принадлежащая Огдоаде, осталась с Великим Архонтом, а часть, принадлежащая Пограничному Духу, осталась там при его вознесении. Но третье Сыновство, очищенное таким образом при переходе наверх, вновь вернулось к блаженному Сыновству, которое является высшим наверху. (Короче, вся теория религии состоит в *смешении* совокупности семян, их п*ераспределении* на классы и в *восстановлении* всего сущего в своём естественном месте. Это деление на классы было принято в первой инстанции Иисусом, а единственным предметом его желания стало восстановление смешанных классов в их правильном порядке. И по этой причине Иисус сам был разделён, как мы показали, на несколько классов. Всем этим басням Василид научился в Египте, у египтян он перенял эту мудрость, что принесла такой плод)».

Это заключительное замечание Ипполита заслуживает особого внимания. Оно показывает, что он рассматривал теории Василида как простую адаптацию к современным требованиям древней эзотерической доктрины, принадлежащей египетским жрецам. То, что это был не более чем плагиат Аристотелевской философии, учёный отец, проявивший столько изобретательности, как мне кажется, не разглядел. Но в теории Василида есть одна поразительная особенность, которая отличает её от всех других форм познания, в ней полностью игнорируется существование злого начала или злость и бунт против Высшего Бога. Его двое правителей верхнего и нижнего миров, Великий Архонт Огдоады и Демиург Эвдомады далеки от неприятия Евангелия, но с радостью принимают его и смиренно признают свою ущербность перед посланником. Иисус подвергается страданиям не из-за злобы одного из них, но они носят добровольный характер и свершаются в качестве единственного средства восстановления смешанных элементов всего сущего в гармонии необходимой для вечности. Даже

окончательное изъятие Божественного света из Огдоады и Эвдомады делается с той же благой целью, для того, чтобы оба их правителя и их величие вечно покоились бы в блаженном неведении, и каждый считал бы себя высшим в своём собственном творении, не зная ничего выше него и не терзаясь напрасно устремлениями к совершенству, на которое его природа не была способна. Доброжелательный дух, который пронизывает всю теорию, решительно поддерживает утверждение Ипполита и указывает на её источник в египетской мифологии, для которой понятие двух принципов, равных по силе, но антагонистических по своей природе, было бы несказанно шокирующим.

Офиты

Офиты должны по праву занимать первое место среди рассматриваемых нами школ, так как беспристрастный и проницательный историк гносиса Ипполит именует их «наасенами, которые в особенности называли себя гностиками. Поскольку их заблуждения многообразны и имеют много голов (намёк на их имя змее-последователей), подобно Гидре из мифа, то если я поражу все головы сразу жезлом истины, я уничтожу всего змея, так как остальные секты лишь незначительно отличаются в главном от этой».

Поэтому он начинает историю о гностических ересях, по сути так называемых, с подробного описания этой секты, иллюстрируя большими выдержками из их учебников. По причине их древности и значения он отводит им намного больше места, чем любым другим из их ответвлений или соперников.

Их странно звучащее название «наасены» – «последователи Нааса» (единственный вариант греческого написания еврейского слова «нахаш» или «змей») было буквально переведено «офиты», и это имя с тех пор служило для их обозначения. Впервые их существование упоминается примерно в то же время, когда жили последователи Василида, в середине второго века, хотя элементы их учения берут начало из источника

гораздо более отдалённого. Этим источником были тайные учения различных языческих мистерий, а также некоторые философские теории греков, хотя, конечно, не до такой степени, как труды учёного Ипполита стараются продемонстрировать.

В поддержку этого заявления я приведу цитату из того же самого Отца, содержащую любопытные примеры того, как наасены претендовали на принадлежность своих «знаний» к эзотерическим религиям древности. Процитировав длинный отрывок из Пиндара о противоречивых теориях относительно создания первого человека[1] и имён, данных ему разными народами, учебник офитов продолжает:

> «Это был Человек, порождённый Землёй стихийно; и он лежал бездыханный и бездвижный, не содрогаясь, подобно статуе, будучи образом их небесных Адамов, которых они воспевают в гимнах. Его сотворили многие Силы, которых они подробно описывают в своих мифах. Поэтому чтобы достичь Человека свыше, "от которого" происходит "каждый род, поименованный на земле и на небе" [ср. Еф.3:15], ему была дана душа, чтобы через эту душу образ Человека свыше мог бы испытать страдание и понести наказание в рабстве. Природу и источник души, сошедшей вниз, чтобы оживить этот образ, офиты берут *не из Писания, а из мистерий*. «Евангелие Египтян» является их учебником по этому вопросу. Они основывают свои предположения на том, что природу души чрезвычайно трудно исследовать по причине присущей ей изменчивости, так как она никогда не пребывает неподвижно в одном месте, а также из-за её привычек или страстей. И в этом они излагают те же *понятия, что и ассирийские*

1 «Ливийцы считали, что Иарбас (лат. Иарбант) был первенцем из людей; тот, кто, поднявшись над их засушливыми равнинами, стал первенцем романтических свиданий Юпитера (был его сыном). И даже в наши дни, Нил, удобряя Египет илом, стр. 83 и давая жизнь облечённым плотью, посредством влажного тепла плодит живые существа. Ассирийцы претендуют на то, что первый человек появился в их стране, а именно Оанн, поедатель рыб; а Халдеи говорят, что это был Адам».

мистики. Их интересует вопрос, приходит ли душа от Предсуществующего или Саморождённого, или от «Излияния Хаоса». Они признают *ассирийское* деление души, как единицу, так и как триаду! Всякая природа, говорят они, стремится к душе. Душа является причиной всего растущего, питающегося и действующего. Ничто не в силах питаться или расти, не имея души. Даже камни имеют душу, ибо обладают способностью к росту, а эта способность не может существовать без питания. Так что всякая природа на небе, на земле или в бездне жаждет души. Ассирийцы называют душу Адонисом, Эндимионом или Аттисом. Отсюда миф о любви Венеры к Адонису. (Венера означает рождение.) Любовь Прозерпины к Адонису означает, что душа мертва, если отделена от Венеры, то есть, от рождения. Когда же Селена желает Эндимиона, то в этом случае сама природа нуждается в высшей душе. Когда же Мать богов, любя Аттиса, оскопляет его, тогда Сила свыше призывает к себе мужскую энергию души. Небесный Человек – двупол. (В соответствии с этим они яростно порицают соитие женщины с мужчиной). Аттис был лишён мужской силы, то есть, отделён от находящихся внизу бренных частей творения, и перешёл в Верхний Мир, где нет «ни мужского, ни женского, но новая тварь», небесный двуполый человек. И об этой истине свидетельствует не только Рея, но и всё творение. Об этом Павел упоминает в послании к Римлянам (1:20-27)[1] (где они странно извратили слово ἀσχημοσύνη[2], как означающее небесное, возвышенное блаженство или *отсутствие всех форм*, что является истинным источником всех форм). Эти же стихи Павла, по их мнению, содержат ключ ко всей их системе, и к их "Таинству небесного наслаждения". Ибо обещание омовения есть не что иное, как введение того, «кто омыт в животворной воде и умащён невыразимым умащением» в

1 «Делая срам» (ἀσχημοσύνην) – синодальный перевод. – Прим. пер.
2 Отсутствие формы, безобразие (греч.) Словарь Лидделя и Скота – Прим. пер.

неиссякаемое блаженство. Фригийские мистерии, наравне с ассирийскими, учат об этой же великой истине, когда говорят о блаженной природе вещей прошлых, настоящих и будущих, сокрытых и проявленных, об "истинном царстве, которое внутри вас". С той же целью они приводят стих из Евангелия от Фомы, который говорит: "Ищущий меня, найдёт меня среди отроков от семи лет и ниже, ибо я объявлюсь, будучи сокрытым в четырнадцатом роде". (Это, однако, не изречение Христа, но Гиппократа, который использует такие слова: "семилетний ребёнок – это половина отца").

Египтяне после фригийцев были самым древним народом, установившим мистерии. Офиты объясняют следующим образом эзотерическое учение об Исиде и половом члене Осириса – потерянном, найденном и завёрнутом ею семь раз в чёрное (или тёмно-синие)[1] облачение. Осирис – это элемент *воды*; природа, семь раз окутанная эфирным одеянием, то есть семью планетарными сферами, означает Рождение и Изменение или Творение невыразимого, лишённого всякой формы или образа, непостижимого божества. То же подразумевается в словах Писания, «ибо семь раз упадёт праведник и встанет» – это обозначает вращения планет, приводимых в движение тем, Кто движет всё.

Они также рассуждают о сущности (или *существовании*) «семени»,[2] основной причине всех вещей, которые существуют, хотя сама по себе не являясь никакой из них, всё же творит и производит всё сущее; или, как они сами это выражают, «Я становлюсь тем, чем я хочу, и я есть, что я есть; поэтому, когда я говорю, что всё движется, я сама недвижна». Ибо она продолжает то, что она есть, создавая всё сущее, хотя сама не сделана из того, что существует. К этому учению относятся слова Спасителя: «Что ты называешь меня благим? Никто не благ, только один Бог, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми

1 Μέλας имеет оба эти значения.
2 «Мировое семя» в системе Василида, как уже говорилось (стр. 73).

и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» [Мк.10:18, Мф.5:45]. И это *великая и неведомая* мистерия, скрытая египтянами и, однако явленная, ибо Осирис стоит в своём храме перед Исидой, выставив и направив вверх свою тайную часть, увенчанную всеми плодами творения. И по той причине тот же член [фаллос] занимает первое место в самых священных местах, будучи явленным миру, как свет на подсвечнике': он устанавливается на кровлях, на улицах и как межевой знак. Он признаётся и провозглашается всеми, как благословение, ибо они называют его «приносящим удачу» (ἀγαθηφόρον), не понимая, что говорят. Эту мистерию греки получили *из Египта*, и соблюдают её до сего дня. Под этим символом они представляют Гермеса и называют этого бога «Logicos» [Логикос], ибо он интерпретатор и создатель всего, что сделано, делается и будет сделано, и его представляют этим соответствующим символом. Гомер понял, что Гермес является руководителем, спутником и автором душ, ибо он говорит (Одиссея XXIV, 1-2):

> "Вызвал души мужей женихов, Одиссеем убитых,
> Бог Гермес Киллениийский".[1]

Имеются в виду не души женихов Пенелопы, а наши пробудившиеся и увещиваемые души.

> "От счастья огромного, славы высот", –

мы упали, а именно, от Изначального человека, высших *Адамов* в этот сосуд из глины, и стали рабами Демиурга, Илдабаофа, Бога огня, *четвёртого* по счёту (этим именем они называют создателя «Мира видов», κοσμὸς ἰδικός).

В руке его жезл прекрасный и золотой, чьей силой глаза усыпляет у смертных, если захочет, других же от сна пробуждает. Ибо он является единственным автором жизни и смерти, поэтому написано: «ты будешь пасти их жезлом железным».

1 Перевод В. Вересаева.

Но Гомер, желая приукрасить непостижимую реальность природы Логоса, дал ему жезл *золотой*, а не железный. Одних он усыпляет, других пробуждает до осознания своего состояния: «Встань, спящий, и воскресни из мёртвых, да осветит тебя Христос» [Еф.5:14]. Ибо *именно* Христос проявляется во всех сынах человеческих с помощью непроявленного Логоса. Великой и глубокой тайной Элевсинских мистерий является крик, ϒЕ КϒЕ, *Дождь*! *Зачни*! Всё сущее подчиняется ему, ибо его звук раздаётся во всех землях. И опять же, в *этом* есть скрытой смысл Гомера:

"Двинув им, души повёл он, и с писком они полетели", –

то есть души идут непрерывной чередой, и поэт продолжает это сравнение –

"Так же, как в тёмном пространстве пещеры летучие мыши
Носятся с писком, когда с каменистого свода, где густо
Всё теснятся они, одна упадёт вдруг на землю", –

то есть души упали с высшей скалы, а именно от Адамов. Именно Адамы являются краеугольным камнем, «который делается главою угла», потому что во главе помещается формообразующая субстанция или мозг, из которой проистекают все роды. Я положу Адамаса в основание Сиона – это аллегория для установления образа Человека (в душе). А слова: «Этот Адамас прочно удерживается зубами на стене», – это *Внутренний человек*, который вырезан на камне без помощи рук, и который ниспал от Адамов свыше в этот земной сосуд горшечника, этот образ *забвения*.[1]
Души следуют за Гермесом, или Логосом.

"С писком таким же и души неслись. Их вёл за собою
Тёмным и затхлым путём Гермес, исцеленье несущий".

То есть, он ведёт их к вечным местам, где нет зла; куда они направились?

1 В значении тела, заключённое в котором внутреннее «я» человека утратило всякие воспоминания о своём первоисточнике.

"Мчались они мимо струй океанских, скалы левкадийской,
Мимо ворот Гелиоса и мимо страны сновидений".

Этот «океан» означает род богов и род людей, всегда мятущихся в вечных приливах и отливах. Когда он катит *вниз*, это – людской род; когда он до предела вздымается *вверх*,[1] до скалы левкадийской, это – род богов. «По этой причине, – говорит Мудрый, – Я сказал: вы – боги и сыны Всевышнего – все вы, когда вы поспешите убежать из Египта и придёте за пределы Чермного моря в пустыню»; то есть, из этой земной смеси (или смешения) в Вышний Иерусалим, который есть Матерь живых. «Но если вы вернётесь в Египет (или в земную природу), вы умрёте. «Египет» – тюрьма для тела. *Именно* могучий Иордан, который течёт вниз, преградил путь сынам Израилевым; но Иисус (т. е. Иехошуа) обернул его вспять».

Следуя только что приведённым руководствам, эти очень странные ребята гностики (замечает Ипполит) изобретатели новых правил грамматики (или критики) и несказанно превозносящих своего пророка Гомера, который открыл им это учение, соблазнив этих людей, несведующих в Священном Писании, подобными фантазиями, они делают из них глупцов описанным выше образом.

Ещё одна из их сентенций заключается в том, что «Тот, кто говорит, что всё исходит от *Одного*», грубо обманут; но тот, кто говорит, что всё исходит от *Трёх*, имеет истинный ключ к системе мироздания. Ибо одна природа у Человека, что свыше, или Адамов; одна смертная здесь, внизу; одна без царя, род, существующий наверху, в вышине, где находится Мариам знаменитая, великий и мудрый Иофор и Сепфора, которая видит, и Моисей, чьё потомство не из Египта, так как его сыновья родились в земле Мадиамской. Эта истина не ускользнула от Гомера, ибо он поёт:

"Всё сущее на три части делимо,
Части каждой должная честь выпадает"».

1 У Василида «Пограничный дух» или «Святой Дух» (стр. 76).

Необходимо, чтобы Великие (τὰ μεγέθη) были выражены словами, и такими мудрыми, что «видя, люди не видят, и, слыша, не слышат, и не разумеют». Ибо если бы имена Великих не произносились, то мир не мог бы существовать. Вот, три самые возвышенные имени: КАВЛАКАВ, САВЛАСАВ и ЗЕЭСАР. *Кавлакав* является именем Адамов, что свыше; *Савласав* – Адама, что ниже, смертного; *Зеесар* – Иордана, что течёт вспять. *Именно* Он пронизывает всё сущее, будучи одновременно мужчиной и женщиной, называемый греками Герион, у которого три тела, истекающие из земли, кого греки часто называют «небесным рогом луны», потому что он *смешал* и *сочетал* всё сущее (игра слов, похожих по звучанию, κέρας[1] и κρᾶσις[2]). «Все вещи были сделаны через него, и без него ничто не было сделано, и что было сделано в нём, есть жизнь». Эта жизнь есть жизнь неизречённая, род Совершенного Человека, неизвестного в прежние эпохи. «Ничто», *что* было создано без него, есть Мир Видов, так как этот мир был сотворён без него *Третьим* и *Четвёртым*.[3] *Это* есть Чаша (*потир*) Иосифа, «из которой пьёт господин мой и гадает». [Исх.44:5] Об этом поют греки (Анакреонт) в вакхическом исступлении,

«Нам богов напиток дай,
Вин, воды нам наливай,
Пьяным стану, осушив
Чарку, душу усыпив,
Чаша же подскажет мне,
Где я буду, в чьей стране».

Здесь немая чаша Анакреона произносит неизречённую тайну, так как она говорит ему, где *его страна*, в *духовном* или *плотском* мире. Это и есть «вода, претворённая в вино», на знаменитой свадьбе в Кане, когда Иисус явил Царство Небесное, то царство, которое скрыто в каждом человеке, подобно закваске достаточной для *трёх* мер муки. В этом также заключена непередаваемая тайна *самофракийских* мистерий, которую никто, кроме нас «совершенных» не в состоянии

1 Рог (греч.). – Прим. пер.
2 Смешение, соединение (греч.). – Прим. пер.
3 Илдабаоф, Бог огня.

понять, так как самофракийцы особо упоминают Адамов свыше или изначального человека. В храме самофракийцев стоят две статуи голых мужчин, с руками и детородными членами, поднятыми к небу,[1] как у Гермеса Киллениийского. Эти две статуи изображают изначального человека или духовного человека после того, как он «рождается вновь, и становится подобным ему полностью».

> «*Это* есть истинный смысл слов Спасителя: «если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни [Ин.6:53]; хотя «чашу, которую Я пью, будете пить» [Мк.10:39], но «куда Я иду, *туда* вы не можете придти» [Ин.8:21]. Ибо он знал *природу* своих учеников, и что каждый человек должен пребывать в своей собственной природе. Ибо из двенадцати колен он выбрал двенадцать учеников. потому не все, кто слышал их учение, приняли или поняли его, потому что оно не соответствовало их природе, но противоречило ей. Его (Адамаса) фригийцы называют Корибас, ибо он нисходит из головы (*кори*), которая находится свыше, т. е. Высший мозг, пронизывающий Всё непостижимым

1 Ценное замечание относительно характера изображения кабиров в этом самом чтимом из всех греческих святилищ. Это любопытно отображено группой на бронзовой цисте Фикорони, изображённой в его «Memorie di Labico» и переданной музею Кирхериано. Женщина, наполовину завёрнутая в звёздно-полосатое одеяние, держит руки на плечах двух юношей с эрекцией, их уши и торчащие волосы напоминают фавнов, один держит рог, а другой держит вазу за ручку. На основании надпись очень архаичными буквами:

DINDIA MAGOLNIA FIEA DEDIT NOVIOS PLAVTIOS MED ROMAI FECID

[Диндия Малкония дарит своей дочери, сделано Новием Плавцием в Риме]

Из надписи видно, что имя Диндия образовано от имени матери в этрусской манере. Эта группа шести дюймов [15,24 см] высотой служила в качестве ручки на крышке цилиндрической цисты глубиной в две ладони, стоящей на трёх львиных лапах. С ней было найдено зеркало, на задней стороне которого выгравирован бой между Поллуксом (Полидевком) и царём Амиком и Лосной [этрусская богиня луны] с полумесяцем, стоящая посередине; названия на обычном этрусском языке.

образом. Как говорит пророк, "глас слов Его вы слышали, но образа не видели" [Втор.4:12], т. е. *образа*, сошедшего от Бесформенного свыше, никто не знает, ибо он сокрыт в глиняном сосуде. *Как* говорит псалмопевец: «Глас Господень над водами; Бог славы возгремел, Господь над водами многими» [Пс.28:3]; то есть, он взывает из многообразного *смешения* (или смеси) вещей смертных к Бесформенному свыше: «Спаси моего Первенца от львов». (Так они толкуют любые сравнения с «водами» и обещанием Божества никогда не забывать Свой избранный народ.)

Вознесение или Возрождение, то есть, преобразование плотского человека в духовного, так объясняется любопытной комбинацией слов, взятых из разных псалмов: "Поднимите врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдёт Царь славы! Кто сей царь Славы? [Пс.23:7,8] Поношение у людей и презрение в народе [Пс.21:7], Он – царь Славы, сильный в брани" [Пс.23] *Брань* означает войну, постоянно ведущуюся членами нашего тела в земном существе, состоящем из противоречивых элементов. Это – *врата*, которые видел Иаков, когда он направлялся в Месопотамию; то есть, это – мальчик, превращающийся в юношу, а *Месопотамия* означает течение Великого океана, которое истекает из средины Совершенного Человека. Это же божество называется фригийцами ПАПА [Аттис], потому что он *унял* сумятицу и хаотический беспорядок, царивший перед его пришествием. Ибо это имя есть единодушный крик παῦε, παῦε[1], всего сущего на небе, на земле и под

1 Последующий тысячелетний опыт благословения этого церковного правила дал повод Вальтеру Шатильонскому для более шутливой этимологии этого звания …

"Papa, si rem tangimus nomen habet a re,
Quidquid habent alii solus vult pappare:
Aut si nomen Gallicum vis apocopare,
Payez, payez dit le mot, si vis impetrare."

«Не случайно папу ведь именуют папой:
Папствуя, он хапствует цапствующей лапой.
Он со всяким хочет быть в пае, в пае, в пае –

землёй, призывая его успокоить раздоры и послать «мир дальнему», то есть земным или смертным, и «мир ближнему», то есть духовным и совершенным. Он также называется фригийцами «мёртвым», поскольку *похоронен* в могиле тела; сюда подходят слова: вы "подобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мёртвых и всякой нечистоты" [Мф.23:27], поэтому в вас нет Живого Человека.

"Мёртвые восстанут из своих могил" означает, что земной человек должен родиться свыше духовно. Если они не пройдут сквозь эти «врата», то по-прежнему будут мертвы; но того, кто прошёл через них, фригийцы называют *богом*, так как он становится богом, лишь пройдя через врата на небо. Павел то же самое имеет в виду, когда говорит: «...восхищён был до третьего неба...и слышал неизречённые слова» [2Кор.12:2-4]. Опять же, «мытари и блудницы вперёд вас идут в Царствие Божие» [Мф.21:31], где *мытари* означают язычников, на которых сошли все *концы* мира;[1] где «концы» есть семена вселенной, разбросанные Бесформенным, как говорит Спаситель: «кто имеет уши слышать, да слышит», имея в виду что никто, кроме совершенного гностика не может постичь это таинство.

Тех, кого любит Бесформенное, являются жемчужинами в глиняном сосуде; и к ним относится заповедь, «не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями» [Мф.6:7]; это означает, что половые сношения с женщинами являются актом, подходящим только

Помни это каждый раз, к папе приступая».

[«в пае, в пае, в пае...» – в подлиннике обыгрывается французское слово «paie, paie» – «плати, плати» – откуда выводится иронической этимологией слово «папа». Перевод М. Л. Гаспарова, «Обличение Рима».
Оригинальное греческое «παῦε, παῦε», означающее «прекрати, прекрати», исходит от полной фразы: «прекрати, прекрати несогласие вселенной» (παῦε παῦε τὴν ἀσυμφωνίαν τοῦ κόσμου)].

1 Игра слов τελώναι [мытари] и τέλη [концы].

для собак и свиней. Фригийцы также называют его Αἰπόλος Эполос, не потому, что он действительно пасёт стада, как может вообразить профан, а потому, что он ὁ αἰεὶ πολῶν, – тот, который «вечно вращает» вселенную с должными оборотами. Отсюда фраза: на «полюсах» небес. И Гомер (Одиссея, IV, 384-85) говорит…

> "Часто бывает старик здесь морской из Египта, правдивый,
> Бог бессмертный Протей, которому ведомы бездны".[1]

Он также называется «Плодотворным», потому что «детей у вдовы должно быть больше, чем у той, что имеет мужа», то есть *духовных*, рождённых свыше или бессмертных, больше (хотя мало кто из них родились в этой жизни), чем *плотских*, которые, несмотря на их нынешнюю многочисленность, в конце концов, все, действительно, погибнут.

Знание о совершенном человеке очень глубоко, и его трудно постигнуть. «*Начало* совершенства – это знание о человеке, но *абсолютное* совершенство – в познании Бога». Фригийцы сравнивают его (Адамаса) с «зелёным колосом пшеницы»; по этой причине в Элевсинских обрядах посвящённый, молча подаёт зелёный колос пшеницы руководителям этой чудной мистерии. Этот колос пшеницы является Совершенным Сыном, сошедшим от Адамов свыше, Великим Даятелем света, как сам Иерофант. Последнего, на самом деле, не кастрируют, как Аттиса, но лишают мужской силы с помощью болиголова, так что он презирает все плотские удовольствия; и во время празднования мистерий посреди пылающих факелов, он громко кричит: «Святая Бримо родила божественного сына Бримоса», имея в виду духовное рождение. Обряды называются «Елевсинскими» и «Анакторианскими» согласно греческим словам, означающим *пришествие* и *вознесение*. Вот, что сами посвящённые говорят о

1 Перевод В. В. Вересаева. – Прим. пер.

мистериях Прозерпины; о дороге, ведущей умерших к ней вниз поэт (Амфис) писал -

"Под ней лежит путь грязный и не плавный,
С ухабами, всё ж, сразу приведёт
Вниз к роще он Венеры славной".

Это – малые мистерии *земного* происхождения, на которых люди могут отдохнуть какое-то время, а затем перейти к великим мистериям, – то есть к небесному возрождению.

Отец Всего называется фригийцами «Амигдаль» – *миндальное дерево*, что означает не простое дерево, но Предсуществующего, кто, имея в себе совершенный плод, пульсирующий и двигающийся в его глубинах, *разорвал* (διήμυξε) грудь и извлёк Невидимого, Неизречённого Сына, о котором мы повествуем.[1] Его также называли «игроком на свирели», потому что то, что рождается, гармонично *духу* (или *дыханию*, греки не делают никаких различий между двумя значениями этого слова). Дух также называется отцом и сыном, рождённым от отца; ибо поклонение Совершенному не является плотским, но духовным, и, следовательно, "не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться" [Ин.4:21].

Это – тайна Непостижимого *с бесчисленными глазами*, которого вся природа страстно жаждет по-разному. (Возможно, намёк на брахманический образ Индры, Бога неба.) Это есть Слово Божье или слово утверждения его Великой силы; для чего оно должно быть запечатано, завуалировано и сокрыто, находясь в обители, где установлен корень всех Эонов, Сил, мыслей (*идей* Платона), богов, ангелов, духов-посланцев, которые рождены и не рождены, постижимы и не постижимы, и которые от лет, месяцев, дней, часов, минут, откуда время начинает

1 Некое тайное предание об этой мистерии, возможно, предполагает механизм из древесины миндаля (*machina della mandorla*), включавший фигуру Архангела Гавриила, и подготовленный Брунеллески к празднику Благовещения для церкви Санта-Кроче. Смотрите подробное описание Вазари этого замечательного примера чудесной игры.

расти и увеличиваться по частицам, так как мгновение (или геометрическая *точка*) само по себе ничто, создано из ничего, неделимо, растёт за счёт приращения непостижимой величины. Это есть Царство Небесное, зерно горчичное, неделимая точка, существующая внутри каждого, но известная только духовным людям.

> "Не слышно среди них ни речи, ни языка, но только голоса», это означает, что всё, что люди говорят или делают, имеет *духовное значение* для Совершенного; также актёры в театре не произносят ничего без вмешательства Божества. Когда зрители рассаживаются и актёр выходит на сцену, пышно одетый и перебирающий струны своей лиры, он поёт о великой тайне, сам не зная, что говорит: «*Ты* ли потомство Сатурна или Юпитера благословенного, или могучей Реи – радуйся! Тебя ассирийцы называют трижды-желанным *Адамасом*; в то время как Египет зовёт Тебя *Осирисом*, греки в своей мудрости (эзотерическом знании) *Святым Рогом Луны*; самофракийцы – почтенным Адамнасом; гемонийцы [Гемония поэтическое название Фессалии] – Корибасом; фригийцы называли его то Папа или *Мёртвым*, то *Богом* или *Бесплодным*, или срезанным *зелёным колосом пшеницы*, или тем, кого плодотворное *Миндальное Древо* породило человеком, играющим на дудке». Это – многоликий *Аттис*, кого они описывают в своих гимнах так: «Я буду воспевать Аттиса, любимца Реи под звон кимвалов, рёв идейской трубы куретов, соединяя со звуком лиры Феба. Эвое! Эвау! Ты, который подобен Пану, Бахусу, ты – Пастырь белых звёзд!"

По этим (добавляет Ипполит) и другим подобным причинам эти офиты часто совершают мистерии Великой Матери, воображая, что через совершаемое ими они могут проникнуть в тайны. Но в действительности у них нет ни малейшего преимущества перед другими людьми, за исключением того, что они лишены мужественности, но всё же они ведут себя так, как будто у них есть преимущества. Они самым строгим образом запрещают любые сношения с женщинами, и во всём другом, как мы уже подробно описали, они ведут себя, как евнухи, обычные жрецы Реи».

После описания их поклонения и прославления Змея (которое я приведу при изложении религии Агафодемона) Ипполит продолжает:

> «Вышеизложенное является образцом безумных, абсурдных и бесконечных теорий этой секты. Но, чтобы показать, насколько это в наших силах, знание их *незнания*, здесь приведён гимн[1], содержащий краткое изложение их вероисповедания:
>
> "Разум Первый законом рождения был,
> А Второй – это хаос, изверженный Первым,
> В месте третьем[2] душа, закон получив,
> В образ лани она, облачаясь при этом,
> Всё воюет со смертью, скорбя в испытаньях,
> То в чертогах живя, видит свет
> То в страданиях горьких рыдает,
> То рыдая, довольна бывает,
> То рыдает, суду предаваясь,
> То суду предаётся и так погибает.
> Но когда ж избавленье от тягот придёт?
> Ведь попала заблудшая в злой лабиринт.
> Иисус так сказал: о, взгляни же, Отец,
> Как трудна ей задача на этой земле
> Здесь без Духа Святого блуждать,
> Всё ища, как бежать ей из хаоса злого,
> Но не ведает, как поступить.
> Сего ради пошли меня, Отче,
> И печати неся, снизойду Я,
> Через все пройду Я эоны,
> И открою Я таинства все,
> Образ разных богов[3] покажу.
> Всё святого пути сокровенное
> Передам всем Я именем ГНОСИСА".
>
> Таким образом, такова система (или претензия на неё) наасенов, которые называют себя гностиками. Но их ложь многообразна и имеет

1 Этот гимн написан размером анапест; его текст во многих местах безнадёжно повреждён переписчиками. Поэтому я был вынужден часто догадываться о первоначальном смысле.

2 Изложение фундаментальной доктрины «Всё есть Три», уже приведённое Ипполитом.

3 То есть, раскрою для верующих разные образы архонтов низших сфер, это обещание было в полной мере выполнено автором «Пистис Софии».

> много голов, как мифическая Гидра, если я поражу всех главы одним ударом жезла истины, то уничтожу всего змея, так как все остальные секты лишь немного отличаются в главном».

Ипполит не сделал связанного анализа всей системы офитов; он, вероятно, счёл это излишней работой, так как он уже был проделан с большой точностью Иринеем в его великом труде, на который первый иногда ссылается как на очень популярное сочинение того времени. Мы должны обратиться за информацией к епископу Лугдуну, которая изложена подробно в главах XXXI-XXXIII первой книги его «Истории». Он утверждает, что офиты, как и другие гностики, отвергали Ветхий Завет вообще как произведение второстепенной божественности и не содержащие ничего из откровений их *Софии* или Божественной мудрости. В то же время они утверждали, что Новый Завет, хотя изначально являлся более высоким авторитетом, но был искажён апостолами и потерял всякую ценность как откровение Божественной истины. Они основывали свои принципы на различных «Заветах» и подобных книгах того времени, приписываемых патриархам и наиболее древним пророкам, например, на Книге Еноха.

Основным принципом их учения была эманация всего сущего от Высшего, ранее непостижимого человечеством, и, наконец, открывшегося лишь очень небольшому числу людей, способных принимать такие озарения. Поэтому он называется *Битос* или «Бездна», чтобы выразить его бездонную, непостижимую природу. Следуя зороастрийским и каббалистическим терминам они также называли его «Источником Света» и «Изначальным Человеком», объясняя последнее имя тем, что «человек был создан по *образу* Бога», что указывает на природу прообраза.

Началом творения, то есть изначальной *идеей* или эманацией была «мысль» *Эннойя* [έννοια] Битоса [βυθός], которая носит также многозначительное имя *Сиге* [σιγή], «безмолвие». Эту *идею*, являющуюся первым актом творения Изначального Человека, правильно называть «Вторым Человеком». Эннойя является супругой (сравните с индусской

Дургой) Битоса, и она произвела *Пневму* или «Дух», который, будучи источником всего сущего, называется «матерью всех живущих», а также *Софией* или Мудростью свыше. Как мать всех живущих София является посредником между духовным и материальным миром. Вследствие этого, когда Битос и Эннойя, очарованные её красотой, дали ей божественный свет, София испустила две новые эманации: одну совершенную, т. е. *Христа*, и другую несовершенную или *Софию Ахамот*. (Эта схема напоминает буддийскую; Битос соответствует первому Будде; Сиге, София, Христос, Ахамот и Илдабаоф – последующим пяти.)

Из этих эманаций Христос был предназначен для руководства теми, кто исходит от Бога; а Ахамот для руководства теми, кто исходит из материи; тем не менее, Совершённый был призван помочь вести наверх свою несовершенную сестру.

Кроме того, дух покоится на хаосе или *водах творения*, которые есть материя, вода, тьма и бездна. Этот хаос был лишён всякой *жизни*, так как в конечном итоге жизнь исходит от Всевышнего, который не имеет никакой связи с материей. Не могла и его чистая духовная дочь Софья действовать непосредственно в ней; поэтому она использовала как посредника свою собственную эманацию Ахамот, чья смешанная несовершенная природа подходила для такого служения.

Первая Тетрада или Битос, а именно Эннойя, Сиге и Софья творили между тем *Экклесию* или идею Святой Церкви. Однако несовершенная Ахамот, спустившись в Хаос, заблудилась там и из тщеславия захотела создать мир только для себя. Она плавала по бездне в восторге от того, что давала жизнь и движение инертным элементам, пока безнадёжно не запутались в материи, так что не могла выбраться из её сетей. В таком состоянии она произвела творца *материального* мира Демиурга или Илдабаофа.

Но после этого события Ахамот, ощущая непосильное бремя своей материальной части, после долгих и неоднократных усилий, наконец, выбралась из хаоса. Она никогда не принадлежала к Плероме, но достигла «срединного пространства», где полностью стряхнула материальную часть и твёрдо решила

воздвигнуть барьер между миром разума и миром материи. Илдабаоф или «сын Тьмы», творец и тиран Нижнего мира, последовал примеру Битос, создав низшие эманации. Прежде всего, он создал Ангела по своему образу и подобию, а этот Ангел второго, и так далее до шести. Все они суть отражения один другого; они населяют вместе с их отцом Илдабаофом семь различных областей, к которым присоединяется восьмая область или Срединное пространство, владение Ахамот. Их имена: Иао, Саваоф, Адонаи, Элои, Урей, Астафей. Они стали гениями семи миров или планетарных сфер. Первые четыре – это мистических имена Бога иудеев, низведённые таким образом офитами до имён помощников Творца; последние два имени означают силы огня и воды.

В этом принижении значимости имён, самых священных в еврейском богословии, ясно видно учение тех «мечтателей», обличаемых Иудой (1:8), как отвергающих «господства»[1] и злословящих «начальства»[2]. Так как «господства» – это сефира «царство» (см. стр. 35)[3], которую каббала называет *Адонаи*. Итак, мы здесь видим, что офиты делают Адонаи *третьим* сыном злобного гения Илдабаофа, и подобно его отцу и братьям – вечным противником Христа. «Начальства» означают другие сефиры, подобным же образом обесчещенные новым учением. Иуда ясно показывает, кого он имел в виду, противопоставляя в следующем стихе наглость этих «богохульников» уважению архангела Михаила по отношению к своему противнику из-за его *ангельской природы*, но ниспавшего с его высокого места. По странной случайности (очень похоже, чтобы быть просто случайностью) порицания Иуды, нет, скорее его выражение повторил Пётр в своём Втором Послании (2:10). Если какое-либо из этих посланий было действительно написано апостолами, имена которых они носят, эти отрывки проливают свет на очень раннее существование этой школы гностицизма, которая, возможно, действительно была основана ещё до

1 «Начальства» в синодальном переводе. – Прим. пер.
2 «Высокие власти» в синодальном переводе. – Прим. пер.
3 Глава «Каббала и талмуд», параграф «Адам-Кадмон проявляется в десяти эманациях…», стр. 59. – Прим. ред.

принятия христианства. Но вернёмся к деятельности Илдабаофа. Помимо вышеупомянутых духов, он создал архангелов, ангелов, силы и власти, руководящих всеми элементами создания. Илдабаоф был далеко не чистым духом; тщеславие и гордость преобладали в его природе. Поэтому он решил разорвать все связи с матерью Ахамот и создать мир только для себя. С помощью своих шести духов, он создал человека, предназначая его для отображения своей власти, но потерпел полный крах в делах, так как его человек представлял собой огромного, бездушного монстра, ползавшего по земле. Шести духам снова пришлось представить свою работу перед отцом для оживления. Он оживил человека, направив на него луч Божественного света, который он сам унаследовал от Ахамот, наказавшей его за гордость и самонадеянность лишением этого луча.

Человек, таким образом, облагодетельствованный Ахамот за счёт её собственного сына, последовал импульсу Божественного света, который она передала ему, забрав запасы из дальнейшего творения, с которым он был смешан; и он начал представлять не образ его создателя Илдабаофа, а образ Высшего Существа, «Изначального Человека». При виде этого Демиург исполнился злобой и завистью, так как создал существо, превосходящее его самого. Его внешность, вдохновлённая страстями, отразилась в бездне, как в зеркале, этот образ наполнился жизнью, и так возник «Сатана Змееподобный» или *Офиоморфос*, воплощение зависти и коварства. Он сочетает в себе всё самое низкое в материи с ненавистью, завистью и хитростью мысли духов. Из-за своей обычной ненависти к иудаизму офиты дали этому существу имя *Микаэля*, ангела-хранителя еврейского народа, согласно Даниилу (5:21). Но они также называли его *Самаэлем*, еврейским именем князя бесовского.

Испытывая злость после творения человека, Илдабаоф приступил к работе по созданию трёх царств природы: животного, растительного и минерального со всеми имеющимися сейчас недостатками и пороками. Далее, для того чтобы вновь вступить во владение всего лучшего, он решил

ограничить человека в пределах своих владений. Чтобы отделить его от его покровительницы Ахамот и от небесной области, он запретил ему вкушать от Древа познания, которое могло бы раскрыть тайны и даровать ему благодать свыше. Но Ахамот для того, чтобы разрушить его планы, отправила своего гения Офиса в виде змея, чтобы соблазнить его преступить заповедь, и поэтому нарушать Закон Зависти. Хотя и не говорится, но похоже на то, что вид змея был принят служителем Ахамот для того, чтобы скрыться от бдительного Илдабаофа под прикрытием его детища Сатаны Офиоморфоса.

Просветившись от вкушения запретного плода, человек стал способен постигать небесное. Тем не менее, Илдабаоф был достаточно сильным, чтобы отомстить за себя, что он и сделал, заключив первую пару в тюрьму материи, то есть в *тело*, недостойное их природы, в котором человек до сих пор находится. Ахамот, однако, продолжала защищать его: она извлекает из его состава и растворяет в себе искру божественного света, не переставая поддерживать его и защищать во всех испытаниях.

Это было необходимо. Новый враг выступил против человека. Гений Офис, которого Илдабаоф схватил и наказал за его участие в деле Древа познания, низвергнув его в бездну, и тот, осквернённый погружением в материю, стал преобразовываться в точный образ его соузника Офиоморфоса. Первый был образом, а второй прообразом, и их часто путают. Итак, мы получаем третьего двойника в этой схеме. София и София Ахамот, Адам Кадмон и Адам, Офис и Офиоморфос. Офис, будучи сначала другом человека, теперь стал его ненавидеть, по причине (хотя и невинной) своей собственной деградации. С Илдабаофом и его сыновьями он постоянно стремился приковать его к телу, заражая всевозможными скверными желаниями, особенно земной любовью и страстями. Но Ахамот дала человеку божественный свет, благодаря которому он стал осознавать свою *наготу*, то есть, несчастье его заключения в этом смертном теле, и его единственным утешением была надежда на окончательное освобождение.

Но соблазны Илдабаофа и его команды действовали на всё потомство Адама, кроме Сифа, истинного образа духовного человека. Его потомки хранили зерно света и знания божественной истины на протяжении всех последующих поколений. Когда они в пустыне получили заповеди и законы Илдабаофа и его сыновей, планетарных гениев, а потом учение пророков, вдохновенных тем же источником, Ахамот вплела в их предсказания что-то высшее, непонятое даже для их Господа, и заставила их проповедовать о явлении Изначального Человека, вечного Эона, небесного Христа. (Та же мысль была излюбленной среди средневековых *катаров*.)

Ахамот была так озабочена состоянием человека, что не успокоилась, пока её мать, небесная София, не привела в движение Битос, чтобы тот послал Христа на помощь духовным сынам Сифа. Илдабаоф сам был вынужден приготовить путь для его пришествия через своего служителя Иоанна Крестителя, в надежде, что грядущее царство Христа будет лишь *временным*, такое его предположение было хитроумной затеей Ахамот. Кроме того, вынудив его отправить предтечу, она заставила его вызвать рождение человека Иисуса от Девы Марии, так как создание *физического* человека может быть только делом Демиурга, что не входит в сферу высших сил. Как только родился человек Иисус, Христос, соединившись с Софией, спустился через семь планетных областей, принимая в каждой соответствующую ей форму, таким образом скрывая свою истинную сущность от их главных гениев и одновременно привлекая к себе искры божественного света, всё ещё хранившихся в их сущностях. (Эти «соответствующие формы» объясняются тем, что диаграмма офитов изображала Микаэля *львом*, Суриэля *тельцом*, Рафаэля *змеем*, Габриэля *орлом*, Саваофа *медведем*, Эратаота *собакой*, Уриэля *ослом*.) Так, Христос вошёл в человека Иисуса в момент его крещения в Иордане. С того времени Иисус начал творить чудеса; до этого он был в полном неведении относительно его собственной миссии. Но Илдабаоф, наконец, обнаружив, что тот ниспровергал его собственное царство на земле, возмутил евреев против него, и предал его смерти. Когда он был на

кресте, Христос и София оставили его тело и вернулись в свои места. После его смерти эти Двое взяли человека Иисуса, оставившего *физическое* тело на земле, и дали ему новое тело, сделанное из эфира. С тех пор он состоял только из души и духа, что и стало причиной того, почему ученики не узнали его после воскресения. Во время его пребывания на земле в течение *восемнадцати* месяцев после воскрешения, он получил от Софии совершенное знание или истинный гносис, который сообщил немногим апостолам, способным его воспринять. Оттуда, вознёсшись в срединное пространство, он сел по правую руку Илдабаофа, не узнанный им, и там собирает все души, которые были очищены через познание Христа. Когда он соберёт всё духовное, весь свет из царства Илдабаофа, искупление завершится и наступит конец света, что не означает ничего другого, кроме нового растворения света в Плероме, из которой первоначально он изошёл.

Секты разделились в своих мнениях относительно природы Офиса. Хотя все были согласны с тем, что этот гений был в начале *служителем* Ахамот, офиты времён Феодорита считали, что он был преобразован во врага Человека; хотя, соблазняя его нарушить заповедь Илдабаофа, он показал, что избавление Человека находится в его власти. Но все эти тонкие различия и сложный механизм искупления были изобретены позднейшими школами, неизвестными секте, описанной Ипполитом. Так, ранние офиты, сохранив египетское почитание Агафодемона, считали змея Наас идентичным Софии или Христу. Этот автор говорит однозначно, что *Наас* (иврит «*нахаш*») был *единственным*, кому они поклонялись, поэтому они называются *наасенами*. Даже два века спустя, когда Епифаний писал, что они использовали живых приручённых змей, чтобы те ползали между хлебами, которые ели на евхаристической вечери, для их освящения. Ещё Тертуллиан пишет (в «Praescriptio» или «Доказательстве») "Serpentem magnificant in tantum ut etiam Christo præferant" [«Они возвеличивают змей до такой степени, что они даже предпочитаются Христу».] Этот отрывок говорит о том, что их *Офис* был связан с античным солнечным гением религии фараонов. Особенностью египтян, как и настоящих индусов,

было деление, как бы, на секты, в каждой из которых выбирали одно божество из пантеона для особого поклонения, не обращая никакого внимания на всех остальных. Как в современном индуизме Вишну и Шива завладели религией этой страны, так и в Египте первого века Анубис и Кнуф стали единственными объектами почитание египтян, о чём свидетельствуют древние памятники.

Для установления идентичности их Офиса со Спасителем его последователи приводили слова евангелиста Иоанна: «ибо как Моисей вознёс змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому» (3:14). Всё это доказывает, что часть офитов, которые считали змея *злым* по своей природе, были введены в заблуждение примитивным учением своей секты с преобладающими зороастрийскими и еврейскими понятиями относительно этого предмета. Символ веры ранних гностиков наасенов содержал совсем другое понятие о природе змея, рассматриваемом только как образ. Об этом будет сказано в разделе, посвящённом поклонению Агафодемону.

Епифаний приводит следующие тезисы своего учения, чтобы объяснить их почитание змея, как истинного автора божественного *знания*. «Высший Эон, создав другие Эоны, один из которых женский по имени Пруник (т. е. *похоть*), спустилась в бездну вод: откуда, не имея возможности выйти, осталась в серединном пространстве, слишком крепко завязнув в материи, чтобы вернуться наверх, но не опускаясь, однако, ниже, где не было ничего родственного её природе. В таком состоянии она произвела Илдабаофа, Бога евреев; а он в свою очередь семь Эонов или Ангелов, которые создали семь небес. Из этих семи Эонов Илдабаоф закрыл всё, что было выше, чтобы они ничего не знали, что есть выше его. Тогда семь Эонов создали человека по образу своего отца, но лежащего ничком и ползущего по земле, как червь. Но Небесная мать Пруник [Προυνικός], желая лишить Илдабаофа власти, которою она необдуманно дала ему, вселяет в человека небесную искру или душу. Тотчас человек встаёт на ноги, воспаряет умом за пределы восьми сфер и прославляет Высшего Отца, того, кто выше Илдабаофа. Поэтому Илдабаоф, исполненный ревности, опустил глаза на нижний слой материи и родил силу, которую они называют его сыном. Ева, послушав его, как Сына Божия, легко согласилась вкусить от Древа Познания». Таково краткое резюме постулатов офитов, данное Епифанием. Подробности сложной системы, приведён-

ные на предыдущих страницах, взяты у Феодорита, чей расцвет приходился на полвека спустя.

Рис. 4

Структура гносиса

После того как были полностью описаны *учения* главных школ гностицизма в предыдущих разделах, следующим естественным шагом будет рассмотрение структуры, принятой их учителями для изложения нового учения.

Божества античной мифологии продолжали удерживать своё место в произведениях известной секты, чьим местом рождения была Александрия. Следовательно, можно получить некоторое представление об отношении новой теософии к ним, изучив способности и атрибуты этих самых богов, когда поклонение им было бесспорным достоянием страны. По этой причине будут кратко описаны главные божества Египта и их признанные изображения вместе с их коптскими названиями, часто встречающиеся на этих памятниках в странном сочетании со святыми именами еврейского вероучения, с духами персидских магов и даже с именами индусских богов. Сама терминология этой религии прямо указывает на её отдалённые и разнообразные источники.

1. Великий Бог Нижнего Египта Пта (Птах) изображается в плотно облегающем одеянии, его ноги соединены, он стоит на *четырёх* ступенях, называемых «четырьмя основами», которые символизируют четыре стихии, чьим великим ремесленником он являлся. Этот символ был потом принят с тем же значением розенкрейцерами. Иногда его изображают гномом или похожим на Приапа, а иногда как Ка Птах с жуком на лбу. Его неотъемлемым атрибутом является бабуин кинокефал. Четверо его сыновей кабиров изображаются маленькими уродливыми карликами, несущими на крючке знаки служения: *меч, крокодила, змею, голову человека*. Они становятся в иерархии «Пистис Софии» «Служителями, несущими возмездие» (ἐριναῖοι), служением которых является обвинение душ на Страшном Суде. Многорукий гений, размахивающий аналогичным оружием, часто встречается на гностических талисманах, наверное, выражая ту же мысль в сжатой форме.

2. Аммон (фонетически, Амен) имеет человеческую, а иногда баранью, голову, на которой возвышается разноцветный плюмаж. Он преобразуется в «Пана-Мендес» (Банебджедета) или Припа, размахивающего плёткой. Как «Аммон-Хнубис» он изображается со связанными ногами и рогами козы. Его часто рисовали как змея, называемого греками «Агафодемоном». Его символом является *сосуд* «канопа», потому что так греки произносят имя Хнубис. Соединённый с солнцем, он становится «Амоном-Ра».

3. Бог Солнца Фре или Ра изображался с головой сокола, поддерживающим солнечный диск, обвитый змеем Уреем.

4. Тот или Тойт с головой ибиса является «писцом богов». Иногда он изображается с головой сокола и становится знаменитым «Гермесом Трисмегистом». Его символом является крылатый диск «тат», соответствующий диску «мир» персов. (Он является четвёртым непокорным ангелом Пенумук пророка Еноха, кто открыл сынам человеческим горечь и сладость и показал им подробно свою мудрость. Он учил людей понимать написанное и пользоваться чернилами и бумагой. Поэтому много тех, кто сбиваются с пути во все времена этого мира и по сей день. Так как люди не были рождены для того, чтобы пером и чернилами утверждать свою веру». [LXVIII, 10, 13])

5. Сохет (по-древнегречески Сухос, Σοῦχος) изображался с головой крокодила, также его символом является крокодил с загнутым хвостом.

6. Бог Луны, Па-Ио, (*па* – это коптский определённый артикль) изображается со сдвинутыми ногами, с одной прядью волос и полумесяцем на голове. Он также изображается двуполым, подбрасывающим золотую пыль в небеса, то есть, осыпая их звёздами.

7. Осирис – человеческая фигура в высоком коническом шлеме, держащая посох и кнут. Глаз является его символом.

8. Ароэр (Арой) или Гор греков имеет одну прядь волос на голове. На рисунках Исида кормит его грудью или он сидит на лотосе; он также иногда имеет голову сокола, который является одним из символов Бога Солнца. Его символ, сокол, появляется на груди Исиды на бюсте в коллекции Борджиа.

9. Анубис (Анбо) всегда изображается с головой шакала, а иногда имеет ещё и голову человека на отдельной шее. Его коптское имя ANBΩ часто можно встретить в гностических мифах.

10. Бебон или Бебис имеет голову гиппопотама или крокодила и носит меч. Так раньше изображали Тифона. Он обозначает Созвездие Большой Медведицы на дендерском зодиаке.

Из *богинь* главными являются:

1. Нейт: изображается в виде грифа или женщины с головой грифа или льва. В последнем случае она принимает имя Танит. Она символизирует Небесный свод.

2. Атор: с головой коровы или в виде женщины, покрытой опереньем королевского грифа. Она обозначается иероглифически соколом, помещённым в квадрат.

3. Исида: женщина с рогами коровы, между которыми находится диск Луны.

4. Сате: греческая Гера с высокими перьями на голове, а иногда персонифицируется с пером вместо головы, её имя означает «истину»; в этом качество она регулярно появляется на Суде душ.

Четыре духа Аментеса (Аменти) или Аида представлены головой человека, шакала, бабуина и сокола соответственно; и часто изображаются вместе в виде мумий на сосудах канопа.

Символы этого поклонения были до некоторой степени объяснены людьми, писавшими в то время, когда они ещё употреблялись в живом, хотя и быстро исчезающем, языке. Таким наиболее ценным автором является Плутарх, который в своём любопытном трактате «Об Исиде и Осирисе» даёт значение некоторых из этих символов, и, как видно, из очень хорошего источника. По его словам Исида иногда символизирует Луну, поэтому она обозначается *полумесяцем*, а иногда Землю, оплодотворённой водой Нила. По этой причине воду, как семя Озириса, носили в сосудах во время шествий, совершаемых в её честь.

Символом *Осириса* является *глаз* и *скипетр*; его имя составлено из слов Ос «много» и ирис «глаз». По этому поводу

Макробий говорит («Сатурналии» I, 21): «Египтяне для обозначения того, что Осирис означает солнце, всякий раз, когда хотят выразить его имя иероглифическим письмом, вырезают скипетр, а на верху форму глаза. Этим символом они изображают «Осириса», что значит – этот бог есть солнце, восседающий на небе в царственной власти и смотрящий вниз на всё сущее, потому что в античности Солнце называлось "Глазом Юпитера"».

Фиговый листок означает «царя», а также «юг».

Ящерица, которая, как считалось, зачинается через ухо и рождается через рот, является образом зарождения Слова, то есть *Логоса* или Божественной Мудрости. (Такое понятие объясняет появление ящерицы на груди некоторых изображений Минервы.[1])

Скарабей, изготавливая сферический сосуд для своих яиц и перекатывая его с востока на запад, имитирует действие и движение Солнца. У этого насекомого нет самки по поверью египтян.

Аспид означает планету, так как это светило движется быстро, хотя и без каких-либо видимых органов передвижения.

Ибис означает луну: птица с расставленными ногами образует равносторонний треугольник. (Трудно разглядеть какие-то аналогии между луной и этой геометрической фигурой. Но ещё пифагорейцы обозначали Афину таким же знаком. Но то, что Плутарх здесь прав, доказано многими геммами, на которых изображён треугольник на алтаре и поклоняющегося ему бабуина, любимого животного Луны.) Как позже египтяне обозначали солнце и луну, хорошо видно на яшме (Уотертон), где Гору, восседающему на лотосе, поклоняется бабуин на фоне солнца и полумесяца над соответствующими фигурами, а также очень хорошо видно *треугольник*.

Гор, как отмечает Плутарх, носит корону из ветвей персеи, потому что её плоды напоминают по форме *сердце*, а листья *язык*. Легенда гласит, что это дерево (*Cordia туха* или слива, кордия Себестена) было впервые посажено в Мемфисе героем

1 Этому есть прекрасный пример, инталия из Музея Одескальки.

Персеем, откуда и его название.[1] В память своего мифического предка, Александр распорядился, чтобы гирлянда из листьев персеи была призом на Играх, установленных в его новой столице. Это дерево никогда не испытывает недостатка в цветах и плодах. Плиний сравнивает его с красной сливой, добавив, что оно не растёт в Европе.

Мы подошли к следующему учёному трактату на эту малопонятную тему, а именно, «Интерпретация священных животных» Гораполлона. К сожалению, эта работа имеет явные следы того, что была измышлена неким прагматическим александрийским греком, совершенно не знающим того, о чём он писал, но нагло выдавая свои глупые *домыслы* о значении изображений на древних произведениях, окружавших его, как если бы они были интерпретациями какого-то древнего авторитетного источника. Он, вероятно, писал во времена Нижней Империи, когда искусство прочтения иероглифов было полностью потеряно. Мы знаем, что оно существовало ещё в первом веке; в частности, Тацит отмечает, что *старейший* из жрецов прочитал Германику во время его визита в Фивы исторические надписи на зданиях этого города.

> "Mox visit veterum Thebarum magna vestigia; et manebant structis molibus literæ Ægyptiæ priscam (priorem) opulentiam complexæ, jussusque e senioribus sacerdotum patrium sermonem interpretari"
>
> «Посетил Германик и величественные развалины древних Фив. На обрушившихся громадах зданий там всё ещё сохранялись египетские письмена, свидетельствующие о былом величии, и старейший из жрецов, получив приказание перевести эти надписи…" (Корнелий Тацит «Анналы», т. 2, 60).

1 Филип Миллер, который использовал это имя при описании данного рода, заимствовал его у древнегреческих авторов, Теофраста и Гиппократа, которые называли так некое египетское дерево – возможно, Cordia муха или какой-то вид из рода Mimusops. – Прим. пер.

Это случилось в 19 году н. э. По-видимому, знание иероглифов быстро вымирало, и сохранилось только у представителей предыдущего поколения.[1]

Только в нескольких местах Гораполлон сохранил истинное значение тех символов, которые наиболее широко использовались, и поэтому об этом авторе можно забыть. Из его объяснений наиболее важными являются следующие:

> «Бабуин *кинокефал* обозначает луну, потому что это животное имеет определённые симпатии к данному светилу, в период новолуния он не ест, устремив глаза в землю, как будто скорбя о потере луны. Кроме того, он означает *жреческий орден*, потому что он, естественно, обрезан, и ненавидит рыбу и рыбаков. Стоя с поднятыми лапами и василиском (аспидом) на голове, он символизирует новолуние, первое появление луны он приветствует следующим образом. Мочась через строго установленные регулярные промежутки времени, он сначала предлагает наблюдателям регулярное разделение дня на часы, и дополняет первую идею изобретением *Клепсидры* или водяными часами.
>
> *Собака* (шакал) является священным писцом, потому этот служащий должен всегда учиться, а также должен облаивать всех и ни с кем не соглашаться. В другом смысле он означает пророка из-за привычки пристально смотреть на статуи богов.

1 Но демотическое письмо, вероятно, употреблялось намного позднее, так как Капитолин, гл. 34, упоминает «египетский», как один из существующих алфавитов третьего века.

> «Солдаты возвели гробницу Гордиану в Цирцеум Каструм на границе с Персией, написав на этом сооружении (moles) эпитафию на греческом, латинском, персидском, еврейском и египетском языках, чтобы все могли прочитать».
>
> "Divo Gordiano, victori Persarum, victori Gothorum, victori Sarmatarum, depulsori Romanarum seditionum, victori Germanorum, sed non victori Philipporum"
>
> [«Божественному Гордиану, покорителю персов, покорителю готов, покорителю сарматов, укротителю римского мятежа, покорителю германцев, но не победившему Филиппы».]

Сокол означает Бога или солнце.

Лев из-за сходства его *круглого* лица с солнечным диском, находится под троном Гора, египетского названия солнца.

Разлив Нила, называемого на коптском языке *Нов* или *Нев*, обозначается тремя большими сосудами, а также львом, потому что он достигает своей полной высоты, когда солнце находится в этом знаке Зодиака. По этой же причине носики священных сосудов для омовения были сделаны в форме львиных голов.

Под *ибисом* подразумевается *сердце*, потому что эта птица принадлежит Гермесу, который главенствует над сердцем и рассудком. Ибис по форме напоминает сердце; по этому поводу есть у египтян очень длинная легенда».

Но наиболее яркое описание символов и церемоний культа Исиды ещё в его полной красе (середина второго века) можно найти в рассказе о торжествах в её честь, который Апулей (сам один из посвящённых) изложил в одиннадцатой книге своего «Золотого осла».

«Следом шла многочисленная группа посвящённых в божественные мистерии мужчин и женщин всех рангов и возрастов, одетых в сверкающие льняные одежды белого цвета; у женщин умащённые волосы покрыты прозрачными покрывалами, у мужчин на головах сверкали выбритые тонзуры; эти земные светила ночной церемонии потрясали медными, серебряными и даже золотыми *систрами*, извлекая из них высокие звуки. Но главными участниками церемонии были высшие служители таинств, одетые в узкие белые льняные одежды, подпоясанные у груди и ниспадающие до самых пят, они несли знаки достоинства могущественнейших божеств.

Первый держал на вытянутой руке *светильник*, горевший ярким светом и нисколько не похожий на наши светильники, что зажигают на вечерних трапезах; это была золотая чаша с отверстием посредине, через которое выходил очень широкий

язык пламени. Второй, одетый так же, как первый, обеими руками нёс *алтарь*, получивший название от *благого промысла* верховной богини. За ним шёл третий, неся высоко *пальмовую ветвь* с листьями, сделанными из тонкого золота, а также *кадуцея* Гермеса. Четвёртый показывал символ справедливости в виде *левой руки* с открытой ладонью, которая по причине слабости от природы, не одарённая ни ловкостью и ни хитростью, могла олицетворять справедливость лучше, чем правая рука. Тот же служитель нёс небольшой золотой сосуд круглой формы похожий на *вымя*, из которого совершалось возлияние молоком. Пятый нёс *веялку*, состоявшую из золотых веточек; последний нёс огромную *амфору*.

Вскоре показалась и процессия богов, соблаговоливших воспользоваться человеческими ногами для передвижения. Первым среди них шёл наводящий ужас посредник между небесным и подземным миром, с величественным ликом, то тёмным, как ночь, то золотым, как день, высоко держа свою пёсью голову Анубис, в левой руке у него был кадуцей, а правой рукой он размахивал зелёной пальмовой ветвью. Сразу же вслед за ним шла на задних ногах корова, символ плодородия всеобщей родительницы; саму богиню нёс на плечах один из священнослужителей, легко и красиво выступавший под блаженной ношей. Другой нёс закрытый ларец, содержавший святыни и великие тайны святой религии. Третий радостно принял на своё лоно страшное изображение верховного божества; оно не было похоже ни на домашнее или дикое животное, ни на птицу, ни даже на человека; но, по *мудрому замыслу* самой необычностью внушал страх, этот неизречённой символ высочайшей тайны должен быть сокрыт в глубочайшем безмолвии. Далее подобным же образом несли небольшой сосуд из ярко блестевшего золота, искусно выполненный с полусферическим дном, снаружи украшенный дивными египетскими изображениями. Над отверстием подымалось не очень высокое горлышко с длинным, далеко выступавшим

> носиком, а с другой стороны была приделана широкая ручка, на которой свернулась в клубок змея, раздувая поднятую вверх чешуйчатую шею, покрытую морщинами».

Эти образы и символы требуют некоторых пояснений, данные древними авторами, или с помощью изображений этих предметов на дошедших до нас памятниках этой религии. «Вымяобразный» сосуд в точности совпадает с описанием сосуда, изображающегося на гностических геммах, и который Маттер так странно трактует как «Сосуд грехов» умершего. Вряд ли такая тема была бы выбрана, как талисман, предназначаемый обеспечить *благосклонность* небес. Гораздо больше к цели догадки Кёлера, что это один из глиняных горшков, привязываемых по окружности оросительного колеса, до сих пор используемого для забора воды из Нила при удобрении близлежащих полей. «Оплодотворение Исиды семенем Озириса» в древнем выражении и *верёвка*, завязанная вокруг её верхней части, подтверждают такое объяснение; в действительности, мы имеем пример подобного почитания сосуда в случае с канопом или кувшином, в который наливали ту же воду, но очищенную для питья. «Веялку» тоже часто изображают над полусферическим сосудом; этот предмет играл важную роль в церемонии бракосочетания греков, когда наполненный фруктами всех видов сосуд ставился на голову невесты. Такой же важный предмет в виде широкой неглубокой корзины был колыбелью младенца Бахуса – "mystica vannus Iacchi" «таинственная веялка Бахуса». Золотая «ваза», служившая в качестве светильника, часто фигурирует среди различных символов, украшающих наши талисманы. «Систр» получил необычную форму от индийской *йони* (символа женского пола), и из-за сходства с миндалём или «луз» также считался священным в Египте, чьё, по-видимому, истинное происхождение от "*vesica piscis*"[1], он служил для ограждения божественных образов. В Британском музее есть индийский

1 Vesica piscis (лат. рыбий пузырь) – фигура, образованная пересечением двух кругов с одинаковым радиусом, наложенных так, что центр одного лежит на окружности другого. – Прим. пер.

алтарь из твёрдого камня, аккуратно отполированный с плоской вершиной в виде *лингам-йони*, на каждом углу площадки по маленькому идолу, сидящему на корточках. Это индийское изображение, обозначающее активные и пассивные силы природы, сочетающиеся для творения, вырезано, как круглая неглубокая чаша с длинными выступающими и завёрнутыми краями, в центре которой возвышается усечённый конус. Это – точная форма большого коричневого светильника из Геркуланума (Келюс, VII. таб. 33), только из её центра, вместо конуса, выходит согнутый указательный палец, *digitus obscœnus* «непристойный палец» (с тем же значением, как лингам), служащий ручкой, а из сторон выходят три конца египетского *may*. Это сосуд, вероятно, служил для поклонения Исиде в этом городе, и без сомнения был популярен в соседней Помпеи. Что же касается служения «Анубиса-хранителя», то, как говорят, когда Коммод исполнял эту обязанность в шествии, он с безумной жестокостью своей натуры разбивал все бритые черепа в пределах досягаемости увесистой головой идола. Казалось само собой разумеющимся, что Анубис Апулея, для того, чтобы показывать *поочерёдно* чёрный и золотой лик, должен был обладать *парой* голов, человеческой и собачьей, как он полагал, и держащим кадуцея и ветку пальмы на некоторых геммах Василида. И, наконец, таинственный образ, слишком ужасный, чтобы его описать, но о чьей мрачной природе намекали, как о природе *ни птицы, ни зверя, ни человека*. Эти выражения соблазнили меня поверить в смесь всех трёх; словом, настоящую фигуру Абраксаса бога. И нужно помнить, что это был образ «Высшего Бога», и он, как мы знаем, был ИАО Египта. Этот идол, вероятно, был *небольших* размеров, так как посвящённый носил его *за пазухой*. Мои подозрения подтвердило наличие в последней коллекции Мертенс-Шаффхаузена бронзовой статуэтки, пять дюймов [12,7 см] в высоту, найденной в Южной Франции и описанной в каталоге: «№ 2002, статуэтка стоящего Иао, вооружённого кирасой, щитом и кнутом; голова в форме петуха, ноги переходят в змей».

Часть II.
Культ Митры и Сераписа

"O voi che avete gl'intelletti sani,
Mirate la dottrina che s'asconde
Sotto il velame degli versi strani."

«О, вы, разумные, взгляните сами,
И всякий наставленье да поймёт,
Сокрытое под странными стихами!»

[Данте, «Ад», песнь 9 стр. 61-63]

"Salve vera Deum facies, vultusque paterne,
Octo et sexcentis numeris cui litera trina
Conformat sacrum nomen, cognomen et
Omen."

(Mart. Capella. Hymn, ad Sol.)

«Радуйся, истинный лик Бога, лик отца,
Шестьсот восемь чисел, кому посвящение трёхкратное
Составляет священное имя, родовое имя и знак».

*(Марциан Капелла
«О бракосочетании Филологии
и Меркурия», 2, 13, стр. 28-30)*

ΦΡΗ = ΥΗϹ = ⲓⲏ = ⲓⲭ.

Культ Митры

I.
Происхождение митраизма

Бесчисленные памятники всякого рода, оставленные нам широко распространённым культом божеству, называемому *Митрой*, служат в то же время хорошей иллюстрацией значительного вклада зороастрийского учения в систему гностицизма. Митраизм, по словам Плутарха, сначала появился в Италии после завоевания Помпеем киликийских пиратов, у которых он был национальным культом;[1] и кто, став поселенцами и рабами по всей Италии, распространяли его среди своих завоевателей. На новой почве новая религия процветала так быстро, что за два столетия вытеснила (в паре с ранее введённым культом Сераписа) местных эллинских и этрусских божеств. На самом деле, задолго до окончательной победы над скептиками Плиний, по-видимому, был расположен принять митраизм в его сути, как единственную религию, способную удовлетворить мыслящего исследователя. Это явствует из следующего возвышенного текста (Плиний «Естественная история» кн. II гл. 6, 7):

> "Eorum medius Sol fertur, amplissima magnitudine ac potestate nec temporum modo terrarumque, sed siderum etiam ipsorum caelique Rector. Hunc esse mundi totius animum acplanius mentem, hunc principale Naturae regimen ac *Numen* credere decet opera eius aestimantes. Hic lucem rebus ministrat

1 Это божество, под другими названиями, всегда было великим богом Понта. Как покровитель Синопа он изображён в виде Гелио-Диониса на медальоне Фарнака II. Под своим настоящим именем он считался покровителем Трапезунда, и ему поклонялись на горе Митра, нависающей над самыми древними греческими поселениями. За уничтожение его статуи фанатик Евгений, справедливо наказанный Диоклетианом, был в последующие времена суеверия причтён к лику святых Византийской империи Трапезунда.

aufertque tenebras, hic reliqua sidera occultat, inlustrat; hic vices temporum annumque semper renascentem ex usu Naturae temperat; hic caeli tristitiam discutit atque etiam humani nubila animi serenat; hic suum lumen ceteris quoque sideribus fenerat, praeclarus, eximius, omnia intuens, omniaetiam exaudiens, ut principi litterarum Homero placuisse in uno eo video. Quapropter effigiem Dei formamque quaerere inbecillitatis humanae reor. Quisquis est Deus, *si modo est alius*, et quacumque in parte, totus est sensus, totus visus, totus auditus, totus animae, totus animi, totus sui".

«В центре этой [семерицы] движется Солнце, величайшее из светил по своим размерам и мощи. Оно управляет не только временами года и климатами стран, но и самими звёздами и небесами.

Воздавая должное действию Солнца, надо назвать его душой или проще говоря, умом Вселенной, верховным повелителем природы, божеством. Солнце дарит миру свет и гонит тьму, прячет и показывает остальные светила, управляет природным порядком смены времён года и рождения новых и новых лет. Солнце рассеивает хмурые тучи, успокаивает и тревоги человеческой души. От Солнца преславного, величественного, всевидящего и даже всеслышащего (такой эпитет Гомер, глава поэтов, по-моему, прилагает только к Солнцу), – от него свой свет заимствуют прочие светила.

Полагаю, что отыскивать, каковы облик и форма Бога, это просто проявление присущей человеку слабости. Если Бог есть, то *где бы он ни обитал*, он представляет собой весь ум, всё зрение, все души, весь дух – всего себя».[1]

Итак, во втором и третьем столетиях в Римской империи культы Митры и Сераписа стали почти самыми распространёнными даже в самых отдалённых окраинах известного тогда

1 Перевод Б. А. Старостина; перевод последнего предложения исправлен. – Прим. пер.

мира. Митраизм изначально был религией Зороастра, хотя был несколько изменён и материализован для лучшей ассимиляции с ранее принятым на западе культом природы. Под такой более грубой формой эта религия получила своё название от *Митры*, который в зендавесте не является Высшим Существом (Ормуздом), но главой более низших сил, семи амешаспентов. Митра на авестийском языке означает солнце или *обитель* духа, но не сам дух. Отсюда великой клятвой Артаксеркса Мнемона[1] было выражение: «Светом Митры», а аналогичной торжественной клятвой Вильгельма Завоевателя была фраза «Сиянием Божьим!». Но меркантильные греки сразу отождествили персидский Дух со своим материальным Фебом и Гиперионом. Овидий говорит так:

"Placat equo Persis radiis Hyperiona cinctum".

«Перс закалает коня лучистому Гипериону»[2]

По своей природе Митра отождествлялся с другими образами богов солнца, такими как «Фанасес» в Малой Азии и «Дионис» в Греции; он вскоре узурпировал место последнего в давних мистериях или древних дионисиях. О значении, которое приобрёл митраизм к середине второго века можно судить по упомянутому Лампридом факту, что сам император (Коммода) снизошёл до того, чтобы быть посвященным в его мистерии. Более того, их епитимьи и испытания неофита на смелость, как говорят, сохранились неизменёнными в тайных обществах Средневековья, затем у розенкрейцеров вплоть до слабого подобия последних – масонства наших дней. Но этот любопытный предмет надо отложить до заключительного раздела данного трактата, исследующего природу последнего из названных нами обществ. Моей нынешней целью является указание этапов перехода принципов митраизма в египетские и наполовину христианские формы гностицизма.

1 Артаксе́ркс II (др.-перс. Артахшасса, что означает «Владеющий праведным царством») – персидский царь из династии Ахеменидов, правивший в 404-359 годах до н. э. – Прим. пер.

2 Овидий, «Фасты» 1:385, перевод Ф. А. Петровского. – Прим. пер.

Мистическое имя *Абраксас* (как утверждают, оно чеканилось на монетах александрийских Василидов) означало по-коптски «святое имя» (как это даётся у Беллермана). Или, как кажется не менее вероятным, это – еврейское слово *а-браха* или «благословение» в греческом варианте. Ещё более очевидно, что символическая фигура, олицетворяющая идею бога Абраксаса имеет отношение к солнцу во всех её компонентах, как будет показано в дальнейшем. Аналогично брамины используют их Невыразимое имя *Аум* для определения «палящего и всепроникающего солнца»; а Макробий приводит много любопытных фактов, чтобы доказать, что все великие боги древности, независимо от их наименования и изображения, являются не более чем разными попытками олицетворить Единственное божество, чьим местопребыванием является солнце. Здесь необходимо помнить, что Василид не был отнюдь *еретиком христианства*, как позже отцы церкви сочли целесообразным представлять его, но скорее, по словам его современника Климента, был философом, занимавшимся изучением божественных понятий, и, возможно, проникшимся такими же буддийскими понятиями, так как общение между Александрией и городами Гуджерата (тогда находившихся под властью джайнских царей) могло повлиять на Египет и Палестину. Этот мегаполис, как великий рынок для иноземных доктрин, а также товаров, объясняет причину частого союза образов Митры и «Абраксаса» на геммах, изготавливавшихся в александрийских мастерских талисманов. Любопытным примером является зелёная яшма (Мейборо), на одной стороне которой изображён обычный зороастрийский символ, убивающий быка Митра, а на другой стороне знаменитый гностический Пантей. Истинный индийский синкретизм, который преобразует все божества в образе отдельных существ в простое обожествление атрибутов одного и того же Бога, (для немногих посвящённых) сужает, казалось бы, безграничный политеизм до признания существования Высшего Творца.

Александр Север – образец совершенного императора, вероятно, впитал дух гностицизма (что, впрочем, можно было

ожидать от места его рождения и стиля воспитания). Хотя каждый *седьмой день* он отправлялся служить в Капитолий и также регулярно посещал храмы других римских богов, тем не менее, он «намеревался построить храм Христу, и причислить его к другим богам. Говорят, что Адриан также думал об этом, и на самом деле распорядился строить храмы без изображений во всех главных городах Империи. Хотя теперь говорят, что эти храмы были воздвигнуты самому Адриану из-за того, что в них нет никаких богов, хотя на самом деле, как сообщают, он готовил их для вышеуказанных целей. Но ему помешали те, кто посоветовавшись с оракулами (*sacra* лат. посвящёнными), говорили, что в этом случае все примут христианство, и, тем самым, другие храмы будут стоять пустыми» (Лампридий, «Антонин Гелиогабал», 1. 43). Действительно, есть все основания полагать, что как на Востоке культ Сераписа, сначала сочетавшийся с христианством, постепенно слился с ним и полностью изменил название, хотя и не сущность, привнеся вместе с собой многие собственные понятия и обряды, так и на Западе культ Митры произвёл аналогичный эффект на характер религии, пришедшей ему на смену. Зеель в своём замечательном трактате о митраизме («Митра», стр. 287) считает, что «до тех пор, пока Римская империя существовала в Германии, мы находим там следы Моисеева закона; и точно так же, как были отдельные еврейские семьи, так среди язычников были отдельные христиане. Язычники, правда, по большей части якобы поклонялись Римским богам, чтобы спастись от преследования, тайно сохраняя в своих сердцах религию Христа. Вполне вероятно, что под разрешёнными символами Митры они поклонялись Сыну Божьему, совершая таинства христианства. С этой точки зрения памятники митраизма, так часто встречающиеся в Германии, свидетельствуют о вере римлян, бывших ранними христианами». То же преобладание культа Митры в его времена объясняет замечательную схему Гелиогабала (Элагабала), и она кажется менее немыслимой, чем при первом взгляде современного читателя. Он не собирался (согласно сообщению) позволять в Риме никакой другой культ, кроме своего Бога и тёзки, эмесского аэролита, являвшегося

символом солнца, «перенеся в этот храм огонь Весты, Палладий, и священные щиты, словом – всё, что глубоко чтят римляне… Кроме того, он говорил, что сюда надо перенести *религиозные обряды* (religio) иудеев и самаритян, а равно и (devotio)[1] *служение* христиан». (Лампридий 3). При таком гетерогенном союзе со стороны большей части римского населения, которая разделяла мнение Макробия о природе всех древних богов, не могло быть никаких возражений относительно его *принципа*.

То, что такое отношение к христианству было на самом деле со стороны приверженцев митраизма (при его упадке) доказывается замечательным высказыванием самого Августина (1 Послание Иоанна, Гомилия 7). «Я помню, что жрецы *того, кто носит колпак* (*illius pileati* лат. носящие головной убор) обычно одно время говорили, наш «Носящий колпак» – сам христианин». В этом явном сходстве, вероятно, заключается причина, которая заставила Константина сделать общепринятым изображением на его монетах (единственной валютой западных провинций), которые сохранялись ещё долгое время после своего обращения, рисунок Солнца с надписью «Soli invicto comiti», «Непобедимому Солнцу, спутнику (или союзнику)». Этот образ имеет двойное толкование, означающее в равной степени древнего Феба и новое Солнце Праведности, и тем самым, становясь признанным, как язычниками, так и христианами в равной степени, которые составляли население, где этот символ был распространён. Более того, этот император, став открыто исповедовать христианство, выбрал в качестве замечательного украшения своей новой столицы колоссальную статую Аполлона, установив её на высокой колонне, которая стояла там, пока её не опрокинуло в результате землетрясения в царствование Алексея Комнина.

1 Любопытное различие между «religio» и «devotio» может означать разницу между общепризнанным вероучением и вероучением, которого придерживаются отдельные лица, без открытой демонстрации.

Подобным же образом древнее празднование 25-я декабря в честь «Рождества Непобедимого», сопровождавшееся Большими Играми в Цирке (как было отмечено в календаре: "viii KAL.IAN. N. INVICTI. C. M. xxiv[1]), потом было заменено празднованием Рождества Христова, о подлинном дне которого, как признаются отцы Церкви ничего не известно. Иоанн Златоуст, например, говорит (Гомилия, XXXI), что день Рождества Христова лишь в последнее время стали отмечать в Риме в этот день, для того, чтобы в то время как язычники заняты своим суеверным торжеством, христиане могли без помех исполнять священные обряды.

Митра более охотно признавался как образ Христа, Творца или Хранителя вселенной, поскольку Зендавеста считает его первой эманацией Ормузда, благого начала и проявления в мире. Итак, именно из этой самой веры евреи во время долгого плена в персидской Империи (провинцией которой была Палестина после восстановления) переняли ангелологию для своей религии до мельчайших подробностей, как мы находим её в полном расцвете во времена второго Царства. Не ранее того времени они начали верить в посмертное существование, награду и наказание в огненном озере в существование целой иерархии добрых и злых ангелов, которая была взята почти дословно из перечня зендавесты. Бессмертие души, Страшный Суд – всё это основные положения зороастрийской схемы, которые Иосиф Флавий признаёт как основополагающие доктрины иудаизма его времени.

Обо всём этом Моисей в своём законе не даёт ни малейшего намёка; все его обещания и угрозы касаются земли, они земные; он проповедует религию *секуляризма*, и такая религия вплоть до последних дней Иерусалима поддерживалась саддукеями. Саддукеи были самыми древними и уважаемыми семьями в этом народе, которые хвастались сохранением закона Моисея чистым и не загрязнённым от примеси чужеродных понятий, впитанных простолюдинами во время длительного пребывания среди язычников. Более того, есть смысл принять этимологию Маттера, данную названию их оппонентов фарисеев, как, в действительности, означающую «персы» – так

1 Означает, что по этому случаю в цирке Максимус было двадцать четыре заезда колесниц.

презрительно называли приверженцев новомодных учений, заимствованных у завоевателей. Такая этимология более разумна и соответствует фактическим элементам слова, чем обычная, означающая «сепаратистов»; этот эпитет никак не подходит к партии, составляющей *большую часть* народа.

Сейчас в самый раз вспомнить оригинальную теорию епископа Варбэртона, изложенную в его[1] «Божественной миссии Моисея», которая преобразует отсутствие всякой духовности в его учениях в самый сильный аргумент его непосредственного вдохновения с небес. Но какой бы ни был источник зороастрийское представление о природе и служение Митры во многом совпадают с определением природы и служения Христа, данных автором «Послания к евреям», этим глубоким еврейским богословом, который называет Христа: «Сей, будучи сияние (или *отражение*) славы и *образ* ипостаси Его и держа всё словом силы Своей»; и ещё: «будучи столько превосходнее Ангелов, сколько славнейшее пред ними наследовал *имя*». Здесь следует отметить, что *отражение* невидимого Всевышнего в его первой эманации является отличительной чертой большинства гностических систем. Раньше Митре поклонялись *вместе* с Солнцем, но чтобы не путать его со светилом, он стал объектом отдельного культа, который, в конечном счёте, вытеснил самого Ормузда; и только его культ распространился среди жителей Понта, а их последователи – среди народов Запада. Второстепенные божества часто занимают места первых чинов; так Вишну и Шива полностью затмили Брахму. Серапис сыграл такую же шутку с богами фараонов Египта, и ещё более поразительные аналогии современных вероучений слишком очевидны, чтобы их упоминать. Через сходство понятий символика митраизма проникла в раннее христианское искусство со многими своими подробностями. Барельеф над порталом баптистерия в Парме (произведение 12 века) имеет все признаки памятника митраизма и, конечно, его замысел очень трудно понять с точки зрения Писаний.

---

1 Απαύγασμα – χαρακτήρ, [апавгасма – характер] где последнее слово, переводимое буквально «оттиск печати», является точным аналогом ивритского слова «тиккун» или изначальной эманации.

II.
Таинства митраизма

Основные обряды культа Митры странным образом напоминают обряды, впоследствии установленные в католической церкви. Они также снабдили образцом обряды посвящения, соблюдаемые тайными обществами Средневековья и их потомками нашего времени. Неофиты допускались к обряду *крещения*; посвящённые на собраниях торжественно совершали *евхаристию*. Мужество и выносливость кандидата при поступлении в секту проверяли через *двенадцать* последовательных испытаний, называвшихся «пытками», проходивших в специально построенной для этой цели пещере. Кандидатам надо было пройти через все «пытки», чтобы быть допущенными к таинствам.

О двух особых ритуалах или «таинствах» (используя специальный термин) упоминает Иустин Мученик («Вторая апология»), это – самое раннее из дошедших до нас описаний их характера.

«Апостолы в своих комментариях, которые мы называем Евангелиями, передали нам, что Иисус так повелел им: Он, «взяв хлеб, *поблагодарил*[1], преломил, дал им и сказал: приимите, ядите; сие есть Тело Моё, которое за вас предаётся; сие творите в Моё воспоминание. И, взяв чашу, благодарив, подал им: и пили из неё все. И сказал им: сие есть Кровь Моя». Он передал это только им. Тому же, в действительности, учили злые духи, если мне не изменяет память, в мистериях или посвящениях Митре. Так как ставились те же чаша с водой и хлеб и произносились определённые слова, это было жертвой или актом поклонения человека, проходившего посвящение; то, что вы знаете по личному опыту, либо можете узнать в результате исследования». Опять же, Тертуллиан, писавший в следующем веке, в связи с этим говорил: «Дьявол, чьим занятием является искажение истины, *точно копирует*

1 Это выражение, по-видимому, доказывает, что понятие *благословения* или освящения святых даров, ещё не прокралось (во втором веке) в христианскую практику.

совершение Божественных Таинств в идольских таинствах. Он сам *крестит* своих, так сказать, верующих или последователей, обещает им прощение грехов от *Священного источника*, и тем самым посвящает их в религию Митры; он ставит *знак на лбу* своих воинов, совершает *причастие хлебом*; он вносит символ Воскресения и сбрасывает венок с меча». Под «символом Воскресения» Тертуллиан явно подразумевает «инсценирование смерти», о котором говорил Лампридий (о чём далее), и что характерно для многих талисманов, где Солнце-Лев восседает на трупе. Заключительную церемонию он сам объяснил в другом отрывке:

> «Краснейте, римляне, мои братья по оружию! Уже не Христом вы будете судимы, а любым воином Митры, который при получении посвящения в *пещере*, в самом лагере сил Тьмы, в тот момент, когда к нему поднесли на мече *венец* (скорее венок) и затем возложили ему на голову, он (как бы уподобляясь мученикам), будучи наставлен (о том, как вести себя в такой ситуации), воспротивился и рукой сдёрнул венок с головы, как бы случайно переложив его на плечо и сказав, что его венок – это Митра. И с тех пор он никогда не надевает венок, и это служит ему в качестве знака того, что он прошёл испытание. Все немедленно поймут, что он – воин Митры, если отбросит венок и при этом скажет, что его венец – в его боге. Поэтому да уразумеем же мы выдумки дьявола, которые принимают вид некоторых Божьих (творений) для того, чтобы привести нас в замешательство и осудить нас по вере его собственных приверженцев».

Что же касается упомянутой здесь церемонии, то, как бы маловажной она не казалась современному читателю, необходимо отметить, что ношение венков было обязательным среди древних на всех торжествах, и отказ от этого в подобных случаях очень бросался в глаза и свидетельствовал о непоколебимой вере. Но любой беспристрастный наблюдатель увидит, что слишком рьяные отцы церкви продолжали

избегать этой темы, когда говорили, что митраистские обряды были *подделкой* христианских таинств, поскольку те существовали задолго до первого принятия христианства, если, конечно, не считать ещё одним доказательством упреждающую *имитацию* злобной прозорливости дьявола-противника. С другой стороны, есть веские основания предполагать, что простые памятные или особые церемонии, учреждённые первым основателем христианства, постепенно приобретали мистические и сверхъестественные свойства, на которых спустя века настаивали как на символе веры беспринципные миссионеры, стремившиеся затмить привлекательность явно близких по характеру древних обрядов. С помощью такой ассимиляции они предлагали новообращённым через совершение как бы неких магических практик всякие духовные благословения, хотя при исполнении эти обряды были лишь символами, а не инструментами. Очень поучительная иллюстрация такого союза митраизма и христианства при совершении евхаристии даётся в «Пистис Софии», в ней описывается евхаристия, совершаемая самим Спасителем на берегу Галилейского моря, о чём будет подробно рассказано в соответствующем месте. И, наконец, стоит отметить, что «есть плоть и пить кровь» человеческой жертвы было далеко не простым оборотом речи на некоторых из этих мистических праздников. Плиний даёт высокую оценку Клавдию за то, что тот подавил культ друидов (кого он считает тождественными по своей религии магам-парсам), на чьих ритуалах «высшим религиозным актом было заклание человека, а наиболее благотворным действием поедание его плоти». Такое представление, обязательно вызывавшее подозрение у всех тайных обществ, лежало, наверное, в основании убеждения, широко распространённого среди простых римлян, что истинной евхаристией первых христиан на ночных собраниях была жертва новорождённого ребёнка, скрытого в сосуде с мукой, в которого новообращённый вонзал нож по наставлению своих учителей.

В дошедших до нас сведениях о причастии в митраизме некоторые очень любопытные аналогии с христианским

обрядом не могут не привлекать нашего внимания. «В качестве хлеба использовалась круглая лепёшка», символ солнечного диска, и она называлась «мизд». В этом имени Зеель видит происхождение слова «мисса», указывающее на бескровную жертву мессы, предполагая, что мизд был прототипом облатки (*гостии*), и был именно той же формы и размеров.

Не лишне отметить здесь различные этимологии, которые были предложены на слово мисса. Наиболее популярная этимология, которая, кроме того, одобрена Дюканжем, происходит от возгласа "Ite, missa est" («С миром изыдем»), которым священник отпускал прихожан, *не принимавших участие* в евхаристии («оглашённых»). На простонародном языке это значит «выйдите, сейчас месса», что, безусловно, понятно. Но по правилу во всех таких случаях по *объекту* жертвы называется сам обряд, а не по фразе из обряда, и этот объект уже с незапамятных времён называется *гостия* или «жертва». Ранние христиане так же, как и гностики, были склонны к заимствованию еврейских терминов принадлежащих к моисеевым таинствам, и применяли их на собственной практике. Таким образом, Ветхий Завет назывался ими «фаза», например:

"In hoc festo novi Kegis,
Novum Pascha nova legis
Vetus Phase terminal."

«На этом празднике нового царя,
Новая пасха нового завета,
Старая фаза закончилась».

Раввины, возможно, сохранили предание, которое объясняет истинную природу облатки. Альфонсо де Спира в своём сочинении «Fortalitium Fidei» «Крепость веры» (т.2, 2), утверждает, что её круглая форма является символом солнца, и что она, в действительности, предлагается в жертву при совершении мессы гению этого светила! Каббалисты считали, что Моисей и пророки были вдохновлены гением Сатурна, добрым и чистым духом, в то время как Иисус вдохновлялся Меркурием, злобным духом, а христианская религия была

работой Меркурия, Юпитера и Солнца, соединившихся для этой цели. Есть ещё одна любопытная аналогия, достойная внимания, когда говорят, что месса символизирует *смерть* своего основателя. *Круглая* лепёшка (*чапатти*, получившая дурную славу в начале восстания Сипаев) является среди индусов установленным приношением Ману за своих предков. Христианское «преломление хлеба», кроме того, что оно символизирует однажды принесённую великую жертву, по-видимому, следуя описанию этого действа в Эммаусе, совершалось каким-то особенным способом, который может служить *масонским* знаком или средством узнавания братьев.

Сакраментальная чаша или *потир* часто была среди других предметов на алтаре Митры или скорее на *столе*. Любопытный пример обмана, связанного с её употреблением (хотя и не среди митраистов), описывается Епифанием («Панарион» XXXIV [«О маркосеях»]). Последователи Марка при совершении евхаристии использовали *три* чаши, сделанные из самого прозрачного стекла. Они наполняли их вином, которое в ходе ритуала превращалось в кроваво-красное, багряное и синее соответственно.

«Вслед за этим совершающий богослужение служитель или вернее *маг* подаёт один из сосудов какой-нибудь женщине из общины и просит её благословить его. По совершении этого, он переливает содержимое из этой чаши в гораздо большую с такой молитвой: «Пусть неизречённая и непостижимая Божья благодать, которая превыше всего, исполнит твоего внутреннего человека, и умножит внутри тебя ведение о Нём, сея зерно горчичное в добрую землю». После этого жидкость в большем сосуде начинает прибывать, так что льётся через край».[1]

Культ Митры долго сохранял свои позиции при христианских императорах в самой столице, и, несомненно, пережил её падение на протяжении многих поколений в отдалённых, а потом полунезависимых провинциях. В самом конце четвёртого века Иероним в письме к Литу спрашивает: «*Несколько* лет назад не ваш ли родственник Гракх, чьё имя является отголоском патрицианской знати, занимая пост

1 Ириней, «Против ересей», кн. 1. гл. 13-21.- Прим. пер.

префекта Великого города, разрушил и сжёг пещеру Митры со всеми чудовищными образами, которые участвовали в обрядах посвящения, таких как Коракс, Ниф, Воин, Лев, Перс, Гелиос и Отец Бромий?»

Среди упомянутых здесь образов легко узнать изображения постоянно встречающихся в сохранившихся описаниях культа Митры. В *Кораксе* ворона; в *Нифе* змея Кнефа, *вооружённого воина*; *льва*, хватающего человеческую жертву; юношу в *персидском* облачении; *солнце*, изображённое либо Фебом на колеснице, либо звездой с восемью лучами и *Бромия* «грохочущего», являющегося одним из эпитетов греческого Диониса; кто также появляется как азиатский *Фанас* или юноша, держащий по факелу в каждой руке, одна из которых поднята, а другая опущена для обозначения восхода и заката. Гемму Шифле (рис. 62) можно на веском основании принять за изображение митраистского обряда, и на ней легко найти все вышеупомянутые образы и символы. Два змея, стоящие на хвостах, образуют своего рода рамку для всей таблички, в верхней части которой видны головы Солнца и Луны, обращённые друг к другу лицом, между ними находится Орёл с распростёртыми крыльями, на каждом из которых сидят по ворону. На заднем плане двое обнажённых мужчин с венцами на головах верхом на лошадях, топчут тела; между ними коленопреклонённая умоляющая фигура, над головой которой две звезды. За каждым всадником стоят два воина. На месте для надписи изображён стол с хлебом, козликом (священным для Бахуса), чашей и ещё чем-то непонятным, но, вероятно, изображающим *венец*, о котором говорил Тертуллиан. На обратной стороне более простой рисунок: две хохлатые змеи (*драконы*), обвивающие жезлы и заглядывающие в чашу; две звезды над столом, покоящиеся на большей чаше; и с каждой стороны по луку, концы которых упираются в головы змей. В этой композиции мы, вероятно, видим изображёнными испытания неофита, которые Свидой[1] были названы

1 Свида или Суда (греч. Suídas., Súdas), византийский этимологический и толковый словарь. Возник около 10 в.; содержит около 30 тыс. статей; даёт уникальные исторические сведения. Материал

«двенадцатью степенями» или «пытками». Они по характеру соответствуют этим, однако, являются более суровыми, испытаниям мужества, которым наши масонские ложи подвергают «подмастерье», ищущего их признания. В митраизме во время испытательного срока, который длился *сорок* дней,[1] кандидат испытывался четырьмя стихиями, он лежал голым на снегу определённое количество ночей, а потом его бичевали в течение двух дней. Эти двенадцать мучений вырезаны по кромке знаменитой таблички митраистов, хранящейся в музее Инсбрука. Краткое описание этих сцен поможет объяснить многое из того, что осталось обсудить:

I. Стоящий человек готов вонзить кинжал в горло коленопреклонённой фигуры, которая сложила руки в мольбе. (Эта сцена похожа на сцену современного обряда, когда кандидат по приказу снимает повязку с глаз, то он видит множество шпаг, приставленных в угрожающей манере к его обнажённой груди.)

II. Голый человек лежит на земле, его голова покоится на руке. (Наверное, епитимья снежным ложем.)

III. Та же стоящая фигура с руками, поднятыми в виде огромного полумесяца (возможно, *ковчега*, который представлял испытание водой. Такому испытанию Платон подвергался во время его посвящения в Египте и только чудом не утонул).

IV. Та же фигура, но теперь *с покрытой головой*, в колпаке свободы на голове смело бросается в большой костёр (испытание огнём).

V. Теперь фигура изображена, пробивающейся сквозь глубокий поток и пытающейся ухватиться за скалу.

VI. Бык, идущий налево.

На другой стороне остальные сцены:

VII. Четыре гостя полулежат за столом в виде подковы (sigma), на котором лежит целиком запечённый кабан.

словаря почерпнут из античных, эллинистических и византийских источников. Личность составителя, как и происхождение слова «Свида», неизвестны. – Прим. пер.

1 Возможно происхождение термина Великий пост, как времени для самоистязания.

VIII. Юноша, которого ведёт пожилой мужчина вверх по бесконечной лестнице.

IX. Юноша на коленях перед человеком в длинном одеянии, чью руку он сжимает в мольбе.

X. Те же фигуры, но с переменой мест.

XI. Сидящий человек, перед которым стоит на коленях обнажённый юноша в венце, и сопровождаемый человеком в длинном одеянии.

XII. Обнажённый человек держит корову за задние ноги, чтобы струя била в его лицо, что считается у индусов наиболее эффективным уровнем возрождения, и, следовательно, всегда даётся людям при последнем вздохе. Такую же священную жидкость (как мне сказал один парс) наливают в сакраментальную чашу, которую дают всем мужчинам при вступлении в эту веру, что проходит после достижения ими семилетнего возраста. И более того, настолько сильна вера в её очищающую силу, что скрупулёзные парсы всегда носят с собой бутылку в кармане, чтобы очистить руки после неизбежных контактов с неверующими!

Очень похожие обряды практиковались в тайных обществах Средневековья, если принять объяснение фон Гаммером неких таинственных скульптур, которые всё ещё можно увидеть в церквях тамплиеров в Германии, и которые он обстоятельно описал в труде «Разоблачение мистерии Бафомета» ("Mysterium Baphometis Revelatum"). На уже описанной инталии коленопреклонённого неофита окружает страшное и таинственное воинство Митры, безжалостно уничтожаемое завистливым Гракхом.

И опять же тела, истоптанные венценосными всадниками, явно подразумевают описанное испытание кандидата на стойкость – явное приближение смерти. Так Лампридий описывает среди прочих сумасшедших выходок Коммода во время митраистских обрядов случай, «когда нужно было что-то сделать, чтобы вызвать ужас, то он осквернял обряды *настоящим убийством*». Это высказывание ясно показывает, что театральное представление такого действия действительно являлось частью обряда. Ворон также принимал в этом участие,

как атрибут солнечного Бога эллинской веры, его часто изображали сидящим на лире Аполлона.

На многих других геммах изображены духовные преимущества, даруемые через митраистское посвящение верующему. Распространённым образом является человек с руками, связанными за спиной, который сидит у подножия столпа с Грифоном, держащим лапу на колесе. Это является особым символом солнечного Бога, часто сопровождаемым надписью ΔΙΚΑΙΩΣ «Я заслужил это». Другая гемма (из коллекции Влакас) поражает необычным богатством символов, тот же Грифон, на конце хвоста которого сидит скорпион, в то время как колесо выдавливает из своей хризалиды маленькую человеческую душу, которая простирает вверх руки в ликовании; впереди стоит ибис Тота и держит в клюве весы, возможно, гороскоп больного. Этот талисман тоже объединяет египетскую веру с верой магов-парсов, в интересах носящего его. На обратной стороне изображена Исида, но в образе Гигиеи, стоящей на своём крокодиле; на заднем плане изображены странные, сложные вензеля, смысл которых понятен только посвящённым, и, несомненно, сообщавшийся получателю талисмана, который находил на нём «написанным новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает его». Но как учение, так и обряды этой религии лучше всего понять посредством изучения дошедших до нас рисунков, отображающих их либо непосредственно, либо аллегорически. Это, в свою очередь, подтверждается практикой немногих верующих, кто по-прежнему поддерживает священный огонь, а именно парсов из Гуджерата. Поэтому эту серию достойно открывает следующее интересное описание пещеры Митры, обнаруженное в своём первоначальном и не осквернённом состоянии; её описал знаменитый собиратель древностей Фламинио Вакка. (№117)

III.
Римский Митра в своей пещере

> «Я помню, что в винограднике г-на Орацио Мути (где был найден клад) напротив базилики Сан-Витале нашли мраморного идола высотой около 5 ладоней (3 3/4 фута [114,3 см]), стоящего прямо на пьедестале в пустом зале, куда дверь была замурована. У идола была голова льва, а тело человека. Под ногами был шар, откуда выходила змея и обвивала всего идола, голова змеи была в пасти льва. Руки идола были скрещены на груди, в каждой руке было по ключу; за спиной было четыре крыла, два указывали вверх, а два вниз. Я не считаю, что это очень старинная работа, так как сделана грубо, или она очень древняя, потому что тогда изящный стиль не был известен. Г-н Орацио, однако, сказал мне, что богослов отец иезуит объяснил его смысл, говоря, что он означает дьявола, который во времена язычества правил миром, отсюда *земной шар* под ногами, и *змей*, который обвивает его тело и входит в рот, означая предсказания будущего с сомнительным толкованием; *ключи* в его руках означают владычество над миром, *львиная голова* – управление всеми зверями, а *крылья* повсеместное присутствие. Таково толкование вышеупомянутого отца. Я сделал всё, чтобы увидеть этого идола, но г-н Орацио умер, а его наследники не знают, что стало с этим идолом. Однако вполне вероятно, что по совету того же богослова г-н Орацио мог послать его в какую-нибудь *печь для обжига*, чтобы *исцелить его от сырости*, так как он находился в захоронении многие и многие годы».

Так этот самый интересный памятник был уничтожен из-за тщеславного невежества жалкого священнослужителя, который более поклонялся злому началу, чем древний приверженец благодетельного Владыки света, который изваял этот дивный образ. Вакка добавляет: «Я помню, что в том же месте был найден после вышеупомянутого идола другой идол,

но только на барельефе, и также с головой льва и телом человека; в вытянутых руках были факелы, два крыла были направлены вверх, а два вниз, между ними был змей.

Справа стоял жертвенник с огнём; изо рта идола выходила лента или свиток, простиравшийся над огнём». Это божество с *головой льва* не может быть ничем иным, как только «Отцом Бромием» Иеронима или греческим Вакхом; а он, как нам говорят, отличился в этом образе в известной войне гигантов.

"tu, cum parentis regna per arduum
cohors gigantum scanderet inpia,
Rhoetum retorsisti leonis
unguibus horribilique mala".

«Когда толпа Гигантов безбожная
Крутой дорогой к царству Юпитера
Взбиралась, отразил ты Рета
Львиною пастью, когтистой лапой».

Гораций, «Оды», II, XIX. 21-24
[перевод Г. Ф. Церетели]

Если проследить этот сложный образ до его истинного источника иконологии, то окажется, что это – тот самый образ, под которым изображали «аватара Шри Сингха». Божество приняло этот образ, чтобы уничтожить тирана Хирансьяка-шипу, у которого был дар неуязвимости от всех *известных* дневных или ночных зверей.

Митраистская пещера с прилегающими строениями была открыта в Сполето в 1878 году. В конце стены были обычные три ниши для Бога и его факелоносцев. Перед ними жертвенник с надписью «Непобедимому солнцу, святому Митре» ("Soli invicto Mithras sacrum"). Рядом с алтарём высокий фаллический камень, в котором наверху проделано квадратное отверстие. Возможно, это – тот «камень, символизирующий рождение Митры», о котором говорил Фирмик. Описание пещеры с планом всех помещений дано в «Археологии» том. 47, стр. 205.

IV.
Талисманы митраизма

Митраистские геммы, по большей части датируются более ранним временем, чем геммы, уцелевшие от гностиков Александрии, с учением которых никак не связано их появление. Небольшая трудность заключается в разделении двух классов, причём первый отличается лучшим стилем, а также отсутствием египетских символов и длинных коптских надписей, которые обычно сопровождают второй класс. В действительности, многие из них относятся к лучшему периоду Римского искусства эпохи Адриана. Легко понять, как культ Аполлона постепенно слился с его более духовным восточным представителем в то время, когда религиозные идеи индийского происхождения начали господствовать по всей римской империи. Эта по своей сути умозрительная религия, рассматривающая вопросы, относящиеся к иной невидимой жизни, совершенно отличается по своей природе от древней материалистической греческой веры, постоянно и энергично занятой Настоящим и Видимым.

В соответствии с правилом отбора лучшего *материала* для талисманов, (Плиний «Molochites» «Молохитес или малахиты») зелёная, крапчатая или жёлтая яшма почти исключительно подходит для воплощения идей митраизма, заменивших Феба и его атрибуты на реликвиях глиптики второго и третьего веков. По тонкому исполнению некоторых предметов этого класса их можно даже датировать временем первых кесарей, и, таким образом, создать как бы передовую гвардию бесчисленного воинства обычных гностических произведений, среди которых совершенно гаснет потрясающее варварство античного искусства. В начале эти произведения митраизма были плодом изменённого зороастрийского учения, широко распространившегося в империи после завоевание Понта. Главной особенностью этого учения был исключительный культ Бога солнца, как источника всей жизни, что философски верно, если, в действительности, жизненным принципом является, как некоторые учёные утверждают, ни что иное, как электричество.

Как будет показано далее («Серапис»), более поздние Платоники, такие как Макробий, усердно старались доказать, что многочисленные божества старых вероисповеданий, где бы они ни были сделаны, были ни чем иным, как различными эпитетами и качествами одного и того же Бога в его разных фазах. Целью всех этих школы было совместить прежнюю веру с влиянием буддийской теософии, суть которой заключалась в том, что бесчисленные боги индийской мифологии были лишь *названиями энергий* первой Триады в её последовательных аватарах или проявлениях в человеке.

Итак, мы подошли к фактическим вариантам изложения этих идей; выдающимся среди них является фигура *Льва* (в астрологии он – «дом Солнца») который, как правило, окружён звёздами и держит в пасти голову быка, символа земли, подчинённой его власти. Иногда он топчет змея, который в связи с этим уже символизирует не мудрость, а злое начало. Так как во всех религиях, зародившихся на Востоке, где смертельный яд является характерным для змеиного племени, эти рептилии считались наиболее ярким образом *Разрушителя*. На Западе, с другой стороны, где тот же самый вид по большей части является безобидным и просто вызывающим удивление, он всегда символизировал мудрость, а также вечность из-за распространённого верования, что змеи ежегодно омолаживаются, сбрасывая кожу. По этой причине змей был спутником Аполлона и Эскулапа, и, кроме того, играл важную роль в скандинавской мифологии, держа всю вселенную в вечных объятиях.

Самого *Митру* часто изображали молодым парсом, вонзающим национальное оружие «Medus aeinaces»[1] в горло поверженного быка (такое изображение есть в скандинавской мифологии), а над его головой солнце и луна, и вся группа стоит в центре зодиака. Но самым полным собранием образов и символов Митры, которые привлекло моё внимание, является инталия, описанная Келюсом (Recueil d'Antiquites, «Собрание древностей» VI, грав. 84). Рисунок выгравирован на очень

1 Кард, персидский однолезвенный нож с прямым сравнительно узким клинком без гарды. – Прим. пер.

изящном агате, размером 2 × $1^1/_2$ дюйма [5,08 × 3,81 см]. В центре обычный образ Митры, закалывающего быка, хвост которого оканчивается тремя колосьями пшеницы, и между задними ногами висит огромный скорпион; внизу лев, душащий змея, символ тьмы и смерти. По обе стороны стоят ели, принятые в этой системе, потому что их остроконечная форма имитирует пламя. По этой же причине шишка являлась символом стихии огня, и поэтому древнейшие сирийские статуи божеств держали в руках шишки. На фоне елей изображены факелы, один, обращённый вверх, другой вниз, что явно означает восход и заход Солнца. Рядом с одним факелом изображён скорпион, а с другим факелом – бычья голова. Над елями также изображены факелы, повёрнутые в противоположных направлениях. Основную группу окружает Феб со своей четвёркой лошадей и Луна на колеснице с двумя лошадьми. Выше всех стоят две крылатые фигуры, обвитые змеями и опирающиеся на длинные скипетры, между которыми поднимаются три языка пламени, и кроме них ещё четыре языка пламени рядом с фигурой справа, что составляет мистическое число семь, возможно, представляет семь амешаспентов или архангелов. Слева стоит на коленях перед ангелом обнажённая женщина, в окружении звёзд, что, несомненно, означает душу, для которой был сделан этот талисман в качестве хранителя.

Если бы смогли объяснить эту сложную композицию, то, конечно, нашли бы, что она вкратце передаёт символ веры митраизма в том виде, в каком его знают народы Запада. К тому же, однако, некоторые части таблички можно объяснить с помощью мифов из священных книг парсов; в то время как другие становятся понятными при сравнении с более крупными памятниками того же культа. Так, колосья пшеницы на конце бычьего хвоста намекают на пятьдесят живительных растений, которые появились из хвоста Изначального *Быка* (или *жизни*, что так же по-зендски) после того, как его убил Ахриман. Семя того же животного изеды (духи) отнесли на Луну, где оно было очищено в её лучах, и из него Ормузд вылепил новую пару, прародителей всего, что есть на земле, в воздухе или воде. Скорпион добавлен к этой части тела под

влиянием одноимённого знака, как учит Манилий: «Огненный скорпион радуется в *чреслах*». В данном случае он означает осень, а змей, изображённый под ним, означает зиму; скорпион не зря помещён на гениталиях быка, так как тот же поэт воспевает (IV, 217):

«Вот, Скорпион грозит пылающим хвостом,
На колеснице света он сквозь звёзды мчит,
Пронзает землю глубоко лучом,
На пашню семя бросить норовит».

Поднятые и опущенные факелы обозначают Восток и Запад. В полукружном алтаре Виллы Боргезе[1] бюст Луны, по-видимому, опирается на полумесяц на голове старика с лицом анфас, из чьего лба выходят клешни краба, это – яркий образ Океана. Бюст *восходящего* солнца с его обычным знаком восьмиконечной звезды опирается на прямостоящий факел, а *заходящее* светило, глядящее вниз, опирается на другой факел, опущенный к земле. Опять же, змей, обвивающий *четыре* раза эти фигуры, может означать годовое вращение солнца; это лучше объясняется с помощью торса Митры в Овне, в котором зодиакальные знаки занимают промежутки между кольцами этого змея. Лев и ворон обозначают служащих жрецов, так как в этих мистериях высшими служителями были львы, а низшими вороны. Откуда сами обряды получил название «леонтика» и «коракика».

Существуют *семь* главных огней, планет и духов, причём число семь является самым священным среди парсов. Но из этих семи огней, *три* всегда изображаются особым образом, как самые почитаемые. Эти три – «огонь звёзды», то есть планеты Венера по имени *Анахита*; «огонь солнца» или огонь *Михр* и «огонь молнии» или огонь *Борзен*, то есть планеты Юпитер. *Михр* – это крылатый шар, распространённый среди ассирийской скульптуры, этот символ помогает объяснить аллегорию пророка: «*Солнце* правды и исцеление в *крыльях*[2] его». [Мал.4:2]

1 Винкельманн, «Неизвестные античные памятники» ("Monumenti antichi inediti"), грав. № 21.

2 Бихнафейя (ивр.), хотя в синодальном переводе «лучах». – Прим. пер.

Поклонение огню Гушнасп (или Анахиты) отображено в зендских скульптурах как очень древний культ, а также в «Шах-наме»; культ богини Анаитис описан многими греческими авторами от Геродота и позже. Этот историк отмечает (I, 131), что *сначала* парсы поклонялись только солнцу, луне и стихиям, пока они не узнали от ассирийцев о поклонении Венере Урании, которую они назвали *Митрой*, она же была Милиттой вавилонян, Аллатой или Алилатой арабов. Итак, Митра (женский аналог Митры) и Анахита, это одна и та же богиня или Утренняя Звезда, женский гений любви, дарующий свет и гармонично управляющий движением других планет под звуки её лиры, струнами которой являются солнечные лучи – «лира Аполлона с его золотыми волосами вместо струн» (Крейцер, «Kal. de l'Antiq» , II, 731)[1]. В этом учении мы находим причину *разделения* огней на гемме Келюса на *две* группы; основная группа состоит из трёх самых древних символов этого культа, а второстепенная группа состоит из оставшихся четырёх.

Другие митраистские символы имеют очень ясные изображения, что можно понять их смысл с первого взгляда. Так, Митра, *пронзающий* клинком горло быка, означает *проникновение* солнечных лучей в лоно земли, через это действие насыщается вся природа; это ещё выражается собакой, лижущей кровь раны. Знак Козерога, часто присутствующий в той же группе, говорит о необходимости взаимодействия *влаги* с Солнцем для обеспечения прорастания семян, в то время как *Скорпион* в вышеупомянутом положении выражает порождающее *тепло*. Союз двух различных названных нами религий любопытно выражен на этих камнях, на которых митраистская группа окружена священными животными *Египта*, расположенными тройками: крокодилами, козами, телятами, грифами, соколами и ибисами, стоящими вокруг в позе поклонения, и глядящими на великое творение их Высшего Владыки Митры (см. стр. 41, рис. 2).

1 «Мелетизм (гомеризм) или учение древности» ("Meletemata e disciplina antiquitatis"). – Прим. пер.

Митраистские барельефы, вырезанные на гладких поверхностях скал или на каменных табличках, всё ещё в достаточном количестве могут быть найдены на территории бывшей Западной провинций Римской империи; их много в Германии; ещё больше во Франции, ещё и на этом острове [Великобритании] вдоль линии Стены пиктов, и один удивительно прекрасный образец в Йорке, в районе базы Шестого Легиона. Знаменитый храм «Оон Артура» [греч. оон – яйцо] (разрушенный в прошлом веке) на Кэррон, полусферическое сводчатое здание из огромных каменных глыб, был безошибочно *Specus Mitraicum* или Пещерой Митры, такой же по конструкции, как великолепный храм Огня Хосрова в Ганзаке. Поскольку Бог солнца был главным божеством[1] друидов, нетрудно представить какое одобрение получило поклонение его более изысканному персидскому эквиваленту среди кельтских аборигенов, когда оно было принесено римскими войсками и колонистами, многие из которых были с востока. По поводу последнего обстоятельства у Лапридия есть любопытное свидетельство, когда он замечает, что почти вся армия Максимина в его великой германской компании была той же самой армией, что была собрана Александром Севером, которая сопровождала его до места, где он был убит «либо в северной Галлии, либо в *Британии*». Как пишет тот же военный историк: "potentissimus quidem per Armenios et Osroenos, et Parthos, et omnis generis hominum." [Наибольшая сила же у *армян*, жителей *Осроены*, *парфян* и всякого рода людей.] Для этого прозорливый государь назначил низшими командующими своей армии всех пленников царского или благородного

1 Как «Белен», он до последнего оставался богом покровителем Аквилеи, галльского мегаполиса цизальпинской Галлии, и его силе приписывали смерть Максимина, осаждавшего этот город. Возгласы сената при получении известия об освобождении от тирана доказывают, что Белен также назывался Аполлоном. Гигантский *сапог* императора является убедительным свидетельством, буквально "ex pede Herculem" [«по ноге (можно судить) о Геркулесе»] его невероятного телосложения, который ещё можно было увидеть в дни Лампридия прибитым к дереву в *священной роще* на месте его падения.

происхождения, взятых в плен в предыдущем персидском походе.

Хотя современные парсы, как и их предки ахемениды во времена Геродота, терпеть не могут идолов и любые изображения божественного, они всё ещё свято чтут идеи, воплощённые в рассмотренных нами скульптурах. Среди них больше всех почитается *собака*, которую они считают самым священным животным. Тавернье (I, 493) по этому поводу был шокирован гяурами из Сурата:

> «У них есть ещё один странный обычай, а именно, когда человек находится при смерти, ему на грудь кладут маленькую собачку. Когда они понимают, что он находится при последнем издыхании, они приставляют морду собаки ко рту умирающего человека и заставляют её лаять два раза, чтобы в таком положении душа человека вселилась в собаку,[1] которая по их представлениям доставит её к назначенному для неё ангелу. Кроме того, если собака умирает, они выносят её за город и молятся Богу во имя этого куска падали, как будто душа зверя может извлечь какую-либо пользу от их молитвы после смерти».

Следуя этой аналогии, изображение собаки, слизывающей бычью кровь, может означать посредника для уходящей жизни. В наши дни парсы кладут умерших на высокие решётки в «башне безмолвия», чтобы их могли клевать только птицы. Но при сасанидской монархии было незыблемое правило – выкладывать трупы в открытом поле на съедение псам. Это было не более чем совершением очень древнего принципа зороастризма. Геродот (I, 140) заявляет на основании своего собственного опыта, что труп мага не разрешилось хоронить, прежде чем он не был *съеден* птицами или собаками, добавив, что то же самое *говорили* и другие персы. Маги приравнивали убийство собаки к убийству человека. Этот примитивный способ похорон Сасаниды стремились насадить у всех народов,

1 Парс заверял меня, что эта церемония теперь изменилась, в комнату к умирающему просто приводят собаку.

находившихся под их властью, и считали святотатством хоронить мертвецов в земле и ещё большим святотатством сжигать их в священной стихии или *огне*. Такая практика прежде всего шокировала недалёких византийцев; историк Агафий выражал свой ужас при виде умерших, брошенных на съедение псам, независимо от их чина и достоинства, как в случае великого сатрапа Мермероэса, которого, как он *видел*, так же оставили голым в поле на съедение. Когда последние семь мудрецов Греции, изгнанные со своих профессиональных кафедр в Афинах тупым фанатиком Юстинианом, искали убежища у лже-гостеприимного Нуширвана Справедливого, даже они (несмотря на философию) были вынуждены из-за отвращения к этой практике[1] вернуться домой, утратив достоинство и подчинившись духу времени. Если собаки отказывались прикасаться к трупу, то это считалось друзьями покойного как очень плохое свидетельство о конечном месте его души. Парсы, которые с ещё большим почтением считают ворона[2] (или равным священным существом) как могильщиком, так и могилой, получают подобные предзнаменования, наблюдая за тем, какой глаз первым клюнет птица, если правый, то к спасению, а левый – к обратному.

Весьма занимательной частью церемонии посвящения во время древних мистерий было дарование «знака Митры». После успешного прохождения всех этапов испытаний принятому кандидату *ставили* особый несмываемый знак, но его точный характер нельзя установить. Выражения, используемые Блаж. Августином (в «Иоанне», I, бес. 7)

1 На что они были бы вынуждены согласиться, если бы оставались под покровительством царя Сасанидов.

2 Такая же практика преобладает в Тибете по таким же причинам. «Тела оставляются на берегу ручья, и в короткое время вороны и стервятники не оставляют ничего кроме скелетов, которые смываются во время летнего паводка. Тибетцы считают, что после того, как стервятник наелся на этой нечистой трапезе, он взлетает в небеса, унося часть духа умершего на небо. Тело богатого человека ламы разделяют на мелкие кусочки и несут на вершину холма, где сипы и канюки вскоре разделываются с ним. Погребение умерших также практикуется, но только среди бедных людей, которые не могут позволить себе платить ламам для совершения этого обряда». Купер, «Путешествия пионера торговли», стр. 270.

позволяют нам сделать два вывода: во-первых, что *инталии*, предмет нашего рассмотрения, давались кандидату по окончании испытательного срока, как знак принятия его в братство, а также как средство распознавания его членами; и, во-вторых, что каждому при поступлении наносился *тайный* несмываемый *знак*. «Что-то вроде этого было скопировано неким духом, на котором будет его *собственный образ*, купленный *кровью*, так как ему было известно, что человечество должно быть однажды искуплено пролитием крови». Это последнее высказывание показывает, что этот знак *не выжигался*, но *надрезался* или выкалывался. К такому же заключению можно придти на основании слова, использованного в Откровении χάραγμα [харагма] *начертание*, а не στίγμη [стигмэ] *выжженное клеймо*, так как этот знак рабства, который всем подданным второго зверя, «который имел два рога, подобно агнчим, и говорил, как дракон», насильно ставили либо на правую руку (т. е. на ладонь), либо на лоб. «И он сделает то, что всем малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание *на* правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его» (Откр.13:16-17). В этих словах содержится краткое описание разного рода «стигмат», бывших тогда в употреблении для обозначения принадлежности к какому-либо божеству. *Знак* был изображением особого символа или атрибута божества (точно соответствуя кастовым знакам современных индусов). Его собственное *имя* было написано полностью на священном языке. *Число* являлось ещё одним скрытым способом выражения имени, либо одним числительным в простой халдейской манере, либо другими буквами, числовое значение которых в сумме давало то же число. Автор Апокалипсиса, вероятно, имел в виду митраистов, когда сочинял эту аллегорию. Но мы уверены, что членам *тайного* общества не ставят знак принадлежности к обществу на *заметные* части лица. Та же необходимость поджидает нас здесь, как и в любом другом отделе этого исследования, а именно, определить Индию, как истинный прямой или косвенный первоисточник подобных сектантских телесных знаков многих гностических практик. В Индии почитатели

разных божеств всё ещё отличаются символом своего бога-покровителя на *лбу*, но не так жёстко, как в старину, не собственной кровью, но пеплом коровьего навоза, порошком сандалового дерева или ежедневно меняемой цветной глиной. Поскольку у них символом огня (Брахмы) является равносторонний треугольник с вершиной, направленной вверх, то можно *предположить*, что митраистская χάραγμα была просто символом, которым, по словам Гораполлона, египтяне обозначали луну, а Плутарх говорил, что Пифагор обозначал им богиню Афину.[1] Кларксон, однако, утверждает, что знаком Митры был "Tau mysticum" «таинственный Тау», но откуда он почерпнул эти знания, я не смог выяснить.[2]

Семь звёзд, бросающиеся в глаза на этих талисманах без сомнения означают что-то более высокое, чем просто планеты; по всей вероятности они обозначают семь амешаспентов, первый чин ангелов в иерархии зороастризма, которые позднее у евреев стали «семью духами Божьими», и оттуда постепенно перешли в эпитет "Septiformis munere" [семь даров] Spiritus Sanctus [Святого Духа] христианства. Вот, имена и служение амеша-спентов [авест. «Священные бессмертные»]: Ормузд, источник жизни и творения; Бехман, царь мира; Ардибехест, дарующий огонь; Шехривар, дарующий металлы; Спендармад (гностическая София), царица земли; Кхордад, управляющий временами и сроками; Амардад, управляющий деревьями и растениями. Из них самое высокое место (после Ормузда) занимают четверо следующих за ним. Ниже этого чина стоят язаты (авест. «достойные почитания») в количестве двадцати семи под властью Митры; они управляют небесными телами и стихиями. Против каждого амешаспента и изеда находится соответствующий ангел Тьмы, чтобы мешать их служению, а именно: семь архи-дэвов и двадцать семь дэвов.

1 Она есть лунное божество по древней традиции, сохранённой Аристотелем.

2 Существует веское основание для знака Митры в изображении «Фионея» [имя Дионисия у мизийцев] или солнца между двумя полумесяцами, распространённого символа правителей Понта, а в Афинах на этой эмблеме были имена Митридада и Аристона. (Из коллекции герцога де Люина.)

V.
Гностические таинства и посвящения, и их связь с митраизмом

При описании митраизма я обратил внимание на весьма заметную роль таинств в отпущении грехов в этой религии; следующие фрагменты из великого учебника гностиков смогут показать, как эти понятия (вероятно, и формы) были перенесены в служение гностицизма.

Крещение или *прощение грехов*. («Пистис София»)[1] (298). Потом подошла Мария и спросила: Господь, в какой форме (τύπος) прощаются грехи при *Крещении*? Я слышала, как ты говорил, что Служители [λειτουργόι], несущие возмездие, εριναῖοι[2] (эринеи[3]) сопровождают душу, неся свидетельства всех её грехов, которые она совершила, чтобы осудить её в судах [κρίσεις]. Ныне же, Господь, смывают ли таинства Крещения грехи, которые могут быть в руках Приемщиков, несущих возмездие, так что они совсем забывают о них. Ныне же, Господь, расскажи нам, в какой форме они прощают грехи, ибо мы хотим знать всё доподлинно.

Тогда Спаситель сказал: Хорошо сказала. Служители – это те, кто свидетельствуют обо всех грехах, так как они всегда обитают в местах суда, хватая души и судя все души грешников, не получившие это таинство; и они удерживают их в хаосе, мучая их. Но эти несущие возмездие не могут выйти из хаоса, чтобы перейти в чины [τάξεις] выше хаоса и судить души, принявшие таинство. Они не имеют права насильно перетягивать души вниз в хаос, где Приемщики, несущие возмездие, могут судить их. Но души тех, кто не принял

1 Текст сверялся с переводом «Пистис Софии» на немецкий язык Карла Шмида «Pistis Sophia, ein gnostisches Originalwerk», 1925, согласно которому добавлены оригинальные термины на греческом языке. – Прим. пер.

2 Кабиры «каратели» древней мифологии выполняют свои обязанности в соответствии с новым устроением.

3 Произношение на койне́ (греч. Κοινὴ Ἑλληνική «общий греческий», или ἡ κοινὴ διάλεκτος, «общий диалект») – распространённой форме греческого языка, возникшей в посткласическую античную эпоху. – Прим. пер.

таинство, они по своей воле ввергают в хаосы [οἱ χαοί]. Души же, принявших таинство, они не имеют возможности судить, понимая, что не могут покинуть своего места. А если бы они и вышли, они не смогли бы ни остановить эти души, ни запереть их в своём хаосе.

Слушай же и я скажу тебе истинное слово, в какой форме таинство Крещения отпускает грехи. Когда души согрешают, находясь ещё в этом мире, Приемщики, несущие возмездие, несомненно, приходят, чтобы свидетельствовать обо всех грехах, которые совершают души, но они никак не могут выйти из мест хаоса, чтобы судить души в местах суда за пределами хаоса. Но подражательный дух[1] свидетельствует обо всех грехах, совершаемых душою, чтобы также судить её в местах суда за пределами хаоса. Он не только свидетельствует о них, но также ставит *печать* на все грехи души, чтобы они хорошо отпечатались на душе и все архонты места суда над грешниками могли по этим печатям, поставленным подражательным духом, узнать душу грешника, а также *число* совершённых ею грехов, и воздать душе согласно числу совершённых грехов. Вот так, они судят душу грешника. (300) Поэтому тот, кто принял эти таинства Крещения, *для того таинства сии становятся великим огнём*[2], очень сильным и мудрым, сжигающим все грехи. Этот Огонь тайно входит в душу и сжигает все грехи, запечатлённые на ней подражательным духом. Он также тайно входит в тело, преследует всех преследователей и разделяет их по частям тела, ибо он преследует подражательного духа и Рок [μοῖρα], чтобы отделить их от силы и от души и поместить их в одну часть [μέρος] тела, и так огонь отделяет подражательного духа, Рок и Тело в одну часть тела, Душу же и Силу[3] он отделяет в другую часть тела. Таинство крещения остаётся посреди обеих частей и продолжает отделять их друг от друга для очищения, и очищает их, чтобы они не осквернились *Материей*. Вот, Мария, таков

1 Αντιμίμον Πνεύματος, одна из четырёх составных частей души, очевидно, эквивалентная нашему «сознанию».
2 Явный намёк на митраистские «огненные мучения».
3 Божественная частица в составе четверичного внутреннего человека.

способ, которым таинство крещения отпускает грехи и все прегрешения.

(301) И случилось так, когда Спаситель сказал всё это, он молвил ученикам своим: Понимаете ли вы, каким способом я говорю вам? Мария же поднялась и сказала: Да, Господь, воистину, я, действительно, осознаю каждое слово, которое ты говоришь. Что же касается Прощения Грехов, ты говорил нам раньше в притче, сказав: «*Огонь* пришёл я низвести на землю», и ещё: «и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!». А ещё ты точно отметил, говоря: «Крещением должен я креститься; и как томлюсь, пока сие совершится! Думаете ли вы, что я пришёл дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение; ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться: трое против двух, и двое против трёх». Это слово, Господь, ты сказал открыто. Но слово, которое ты сказал: «Огонь пришёл я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» – сказал ли ты это о таинстве Крещения в этом мире, что как желал бы ты, чтобы он уже возгорелся, чтобы сжечь все грехи души для её очищения? И ещё вслед за этим ты ясно показал, говоря: «Крещением должен я креститься; и как томлюсь, пока сие совершится!», то есть ты не останешься в мире сём до того, как примут крещение и очистятся все совершенные души. И, более того, слово, которое ты сказал потом: «Думаете ли вы, что я пришёл дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение; ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться: трое против двух, и двое против трёх», (302) оно о таинстве крещения, которое ты ниспослал в мир сей, и сделалось оно разделением тела мира сего, ибо оно отделило Подражательный дух, Тело и Рок в одну часть, а Душу и Силу в другую. То есть, трое разделятся против двух, а двое против трёх. Когда Мария промолвила всё это, Спаситель сказал ей: Молодец, ты – Духовная Сущность чистого света, Мария. Таково истолкование моего рассказа.

Потом Мария продолжала и сказала: Потерпи на мне, Господь, если я спрошу тебя ещё. Вот, мы знаем, в какой форме прощаются грехи *крещением*. А теперь объясни нам таинство Трёх Пространств, таинство Первого Таинства, а также

таинство Неизречённого, в какой форме они прощают грехи? Прощают ли они так же, как крещение или же нет?

Спаситель ответил так: Никак нет! Но все таинства Трёх Пространств [χώρημα] прощают душу во всех местах архонтов за все те грехи, которые душа сия совершила от начала. Они прощают их, а также прощают грехи, которые она совершит впоследствии вплоть до того времени, когда каждое из этих таинств не окрепнет, о сём времени я поведаю тебе потом. И более того таинства Первого Таинства и таинство Неизречённого прощают душу во всех местах архонтов за все грехи и все прегрешения, которые она совершила. И не только прощают этой душе их, но не *вменяют ей греха*[1] оттоле и вовеки вечные из-за дара [δωρεά] сего таинства и его безмерной славы.

Потом Спаситель спросил: Понимаете ли вы то, что я сказал вам? Мария же ответила: Да, Господь, я схватила все слова, сказанные тобой. Ныне же о слове, которое изрёк ты: Все таинства Трёх Пространств прощают грехи и покрывают все прегрешения, вот, об этом слове однажды пророчествовал Давид, говоря: «Блажен, кому отпущены беззакония, и чьи грехи покрыты!» А слово, которое изрёк ты: таинства Первого Таинства и таинство Неизречённого не только прощают навсегда душе все грехи, но они не дозволяют, чтобы грехи вменялись ей отныне и вовеки по причине дара этого великого таинства и его безмерной славы, об этом слове однажды пророчествовал Давид, говоря: «Блажен человек, которому Господь не вменит греха!». То есть, отныне грехи не *вменятся* тем, кто принял таинство Первого Таинства и таинство Неизречённого. Тогда Иисус сказал: Молодец! Ты – Духовная Сущность чистого света, Мария. Таково истолкование сего рассказа.

(305) Тогда Мария продолжила, говоря: Господь, но если человек примет таинство в таинстве Первого Таинства, и возвратившись, вновь согрешит, но вновь вслед за этим

1 Это учение о том, что «знание» делает все действия свободными от неполноты, как считают симоняне.

покается и помолится своим собственным таинством, будет ли он прощён или нет?

Тогда Спаситель ответил: Истинно, истинно говорю тебе: всякий, кто принял таинства Первого Таинства, вновь согрешит двенадцать раз, и вновь двенадцать раз покается и помолится своим таинством, грех его будет прощён ему. А если он согрешит вновь после двенадцатого раза, и вернётся, и согрешит, воистину, не простится ему вовеки, так что он может вернуться к своему таинству, какое оно бы ни было. Для него нет покаяния, если он, действительно, не принял таинство Неизречённого, который милостив во все времена и прощает во все времена.

Мария же сказала: Господь, но если те, кто приняли таинства Первого Таинства, а потом отвернулись и согрешили, выйдут из тела прежде покаяния, унаследуют ли они царствие или же нет, ибо они получили дар этого таинства?

(306) Господь ответил: Такой суд будет самым суровым из всех судов, ибо они обитают во Вратах Середины[1] [μέσος] Дракона Тьмы Внешней и в конце[2] их будет мучение, потому что такой получил дар этого таинства и не устоял в нём.

Мария же спросила: Господь, тот, кто принял таинства Неизречённого, а потом отвернулся и согрешил, и вновь вслед за всем этим покаялся ещё при жизни, сколько раз простятся *ему* грехи?

Тогда Спаситель ответил: Для такого, не только если он отвернётся и согрешит один раз, и потом покается и будет прощён, но он будет прощён всякий раз, если будет согрешать и каяться пока жив, но не лицемерно, и если он будет молиться согласно своему таинству, потому что сии Таинства милостивы и прощают во все времена

(307). Мария же спросила: Но если кто покинул тело прежде покаяния, что будет с ним?

(307) Тогда Спаситель ответил: Суд над таким будет намного страшнее всех Судов, и он будет очень суров. Даже если сии

1 Этот термин заимствован у древних врат Аменти.
2 Потерянное место, соответствующее лимбу средневекового ада.

души новые[1], они не вернутся в изменения (воплощения) земных тел и не смогут совершать никакую работу, но ввергнутся во Тьму Внешнюю и истребятся, чтобы не существовать вовеки вечные

(308) На это Мария говорит: «Соль суть благо. Если же соль потеряет силу и т. д.»

Приведённые ниже выдержки из того же высокого авторитетного источника могут пролить свет на тайные слова, сообщаемые умирающему человеку, которые составляют столь важную особенность гностической системы.

Преимущества посвящения. Я возвещу вам эту тайну, и она такова: тот, кто получит это *Одно Слово*, покидая тело материи архонтов, то Приемщики, несущие возмездие, приходят и вызволяют его из физического тела, эти Приемщики вызволяют все души, выходящие из тел. Когда они вызволили душу, принявшую таинство, о котором я говорил вам, в тот самый миг её освобождения из физического тела она делается великим *излиянием света* посреди них. Приемщики пугаются при виде света этой души, дрожат и прекращают (быть) из-за страха перед великим светом, который видят. А душа, принявшая таинство Неизречённого, возносится в вышину, и Приемщики не могут её схватить и различить, каким путём она ушла, ибо она стала великим *Лучом Света* и взлетела в вышину, и нет такой Силы, способной её удержать и даже как-нибудь приблизиться к ней (228). Но она пройдёт через все места архонтов и все места излучений [προβολαι] Света и не даст ни отчёта [αποφασις] ни в одном из мест, ни выдаст своего оберега [ἀπολογία][2] или тайного знака (символа). Ни одна из сил архонтов не сможет приблизиться к этой душе, но все места архонтов и места излучений Света – каждый из них в своём месте воспоёт ей гимны, страшась излияния Света,

1 То есть, занимали тело в первый раз в отличие от душ, которые после наказания за свои грехи в этой жизни, были снова помещены в тела, чтобы пройти второй испытательный срок на земле.

2 Всё это заимствовано из египетского «Обряда Мёртвых», связанного с прохождением души по пути к дворцу Осириса Сокара, "Западному" через двадцать одни врата, каждые из которых охраняются своим гением, требующим отдельного отчёта.

окружающего душу, пока она не войдёт в место наследия [κληρονομια] таинства, которое она приняла, и не станет единой со всеми его членами [μελή]. Истинно говорю вам, что она посетит все эти места за столь же короткое время, за которое человек стреляет из лука. И снова говорю вам, что каждый, принявший это таинство и исполнивший в совершенстве все его формы [τυποι] и образы [σχηματα], будет человеком в мире [κοσμος] сём превосходнее ангелов и впереди их всех. Он будет человеком в мире сём, но лучше архангелов и впереди их всех. (229) Он будет человеком в мире сём, но выше всех деспотов, всех владык, всех богов, всех светил, всех чистых, всех тройных сил [τριδυνάμεις], всех Праотцев [προπάτερες] и всех невидимых существ. Он будет человеком в мире сём, но будет выше великого невидимого Праотца и даже возвысится над ним. Он будет выше всех тех, кто принадлежит Середине [μέσος], и он будет выше излучений Сокровищницы [θησαυρός] Света, выше всякого смеси [κερασμός][1], выше всякого места Сокровищницы Света. Он будет человеком в мире сём, но станет царём со мной (230) в царствии моём. Он будет человеком в мире сём, но он будет царём во Свете. Он будет человеком в мире сём, но он не от мира сего. И истинно говорю я вам: этот человек – я, или я – *этот человек*, и во время растворения мира сего – то есть, когда вознесётся вселенная и когда вознесётся число всех совершенных душ – я стану Царём над всеми излучениями Света, и царём над семью AMHN[2] [Аминь], и Пятью Деревами, и Тремя AMHN, и Девятью Стражами [φύλακες]; и когда я стану царём над Мальчиком мальчика, который суть Близнецы-Спасители, и царём над Двенадцатью Спасителями и над всем числом совершенных душ, которые приняли таинство Света, а также все люди, которые приняли таинство Неизречённого, станут царями вместе со мною и сядут по правую и по левую руку от меня в царствии моём. И истинно говорю я вам: эти люди суть я, а я суть они.

1 Творение демиургов, в которых божественная частица перемешалась с грудой материи и затерялась в ней.

2 Название, вероятно, заимствовано от Аменти, четырёх сыновей Осириса, хранителей Элизиума.

Об этом я сказал вам однажды: Воссядете вы на престолах справа и слева от меня в царствии моём. И станете вы царями со мною. (231) Из-за этого я и не удерживался, и не стыдился называть вас моими братьями и товарищами, ибо станете вы царями вместе со мною в царствии моём. Всё это я тогда сказал вам, зная, что преподам вам таинство Неизречённого, так как это таинство суть я, и я – сие таинство. Не только станете вы царями вместе со мною, но все те, кто принял таинство Неизречённого, станут царями вместе со мною в царствии моём. И я суть они, а они суть я. Но Престол мой будет выше их. И поскольку вы примите несчастья в мире сём свыше всех других людей, когда будете проповедовать слово, которое я говорю вам, ваши престолы будут рядом с моим престолом в царствии моём. Об этом я говорил вам прежде: Там, где я буду сидеть, там будут и мои двенадцать служителей [διάκονοι]. Но Мария Магдалина и Иоанн Девственник [παρθένος] будут выше всех учеников моих. А все люди, которые примут таинство Неизречённого, будут справа и слева от меня. Ибо я суть они, а они суть я. И будут они равны вам во всём кроме того, что ваши престолы будут выше их престолов, а мой престол будет выше вашего. (232) А обо всех людях, которые найдут *Слово* Неизречённого, истинно говорю я вам, люди, которые узнают это единственное *Слово* [απαξαπλῶς], обретут знание всех тех слов, которые я сказал вам, во всей их глубине, высоте, длине и ширине. А те слова, которые я ещё не сказал вам, скажу вам в их месте и их чине [κατα τάξιν] в эманации вселенной. И истинно говорю я вам, они узнают, как основан мир, в какой форме созданы те, которые принадлежат вышине (высшему месту), и почему была создана вселенная. Тотчас же, когда Спаситель сказал всё это, поднялась Мария Магдалина и спросила: Господь, не гневайся на меня, ибо я вопрошаю обо всём настойчиво. Является ли Слово таинства Неизречённого чем-то одним, а Слово Знания Всего – чем-то другим?

Спаситель ответил и сказал: Да, Слово таинства Неизречённого – это одно, а Слово Знания Всего – это другое.

Тогда Мария сказала: Господь, потерпи на мне, если я спрошу тебя ещё раз. Если мы в этой жизни не ведаем Знания

всего Слова Неизречённого, сможем ли мы унаследовать царство Света? (233) Спаситель ответил и сказал: Воистину, тот, кто примет таинство царствия Света, тот пойдёт и унаследует его в том месте, откуда он принял таинство это. Но он не обретёт Знания Всего, для чего всё было создано, если он не познает того единственного Слова Неизречённого, которое суть Знание Всего. И, более того, нельзя узнать Единственное Слово Знания Всего, если сначала не принять таинство Неизречённого. Но все пойдут и унаследует то место, откуда приняли таинство. Об этом прежде говорил я вам: «Кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника». То есть, каждый пойдёт в то место, откуда принял таинство. Принявший малое таинство, унаследует скромное место, а принявший высшее таинство, унаследует высокое место. И все будут пребывать на своих местах в свете царствия моего. И у всякого будет власть [εξουσία] над чином [τάξις] ниже его, но не будет у него власти над чином выше его. Он будет пребывать в своём наследии света царствия моего, оставаясь в великом свете, которому нет меры, рядом с богами и Невидимыми, и пребудет он в великой радости и великом ликовании. (234)

Более того, ныне я расскажу я вам о Славе тех, которые приняли таинства Первого Таинства. Душа того, кто принял его во время выхода из тела Материи [ύλη], во время, когда придёт Приемщик, несущий возмездие, чтобы вынести душу этого человека из тела, сделается великим Лучом света, улетит ввысь мимо Приемщиков и пройдёт через все места, но не даст никакого отчёта, ни оберега, ни символа или тайного знака (кода), и пройдёт все места, чтобы войти и царствовать во всех местах Первого Спасителя. Точно также и тот, кто принял Второе Таинство и Третье, и Четвёртое, и так вплоть до Двенадцатого[1] (235). Такая душа также пройдёт через все места, не выдавая оберега или тайного знака, и войдёт и будет царствовать над всеми местами, принадлежащими Двенадцати

1 Эта градация, кажется, заимствована из двенадцати степеней митраистского посвящения.

Спасителям. Так и те, кто принял второе таинство, станет царствовать над всеми местами Второго Спасителя среди наследников света. То же относится и к тем, кто принял третье таинство, и четвёртое вплоть до двенадцатого, они будут царствовать над местами того Спасителя, от которого они приняли таинство. Но они равны тем, кто принял таинство Неизречённого, и останутся в чинах Двенадцати Спасителей.

Тогда вышла вперёд Мария и спросила: Господь, потерпи опять на мне. Каким образом Первое Таинство обладает Двенадцатью Таинствами, а Неизречённый обладает Одним Таинством? Иисус же ответил и сказал ей: Несомненно, Он обладает Одним Таинством, но Таинство сие создаёт *три* таинства, хотя таинство *одно*, но форма каждого из них (т. е. трёх таинств) различна. И, более того, оно создаёт *пять* таинств.

Что же касается Первого Таинства, если ты исполнил его как следует во всех его формах, то когда покидаешь тело, становишься великим Лучом света, и проходишь через все места архонтов и все места Света. И все они пребывают в страхе из-за света этой души, пока она не войдёт в своё царство. Что касается Второго Таинства, если человек исполняет сие таинство как следует во всех его формах, и если он назовёт его над головой человека, душа которого выходит из тела, и скажет *ему в оба уха*, то душа человека, исходящая из тела, примет таинство вторично и станет соучастником *Слова Истины*[1], человек сей станет великим излиянием света и пройдёт через все места, пока не войдёт в царство этого таинства.

Но если человек не принял таинство и не являлся соучастником слов Истины – когда тот, кто исполнил сие таинство и поведал слова в уши того, кто выходит из тела, истинно говорю я вам: душа этого человека, хотя он не принял таинство Света и не был соучастником слов истины, не будет судима в местах архонтов и не будет наказана в любом месте, не опалит её и огонь из-за великого таинства Неизречённого, пребывающего с ней. И поспешат провести эту душу от одного к

1 Именно это Эпифаний говорит о практике ираклеонитов сообщать тайное слово на ухо умирающего человека.

другому, из Чина в Чин, из места в место, пока не предстанет она пред Девой Света. (239) И все области испугаются сего таинства и *Знака*[1] царства Неизречённого, пребывающего с ним. И когда душу приведут к Деве Света, то она увидит на ней Знак таинства царства Неизречённого. Дева Света изумится и станет испытывать [δοκιμαζειν] душу, но она не заставит её предстать пред Светом, пока та не завершит служение света сего таинства, а именно: очищение через отречение [ἀποταγή] от мира сего и всей *Материи*, что в нём. Дева Света ставит ей особую печать [σφραγίς], а именно: в тот же месяц, когда душа вышла из тела, она заставит поместить её в другое тело, чтобы та смогла стать праведной и обрести истинную божественность и высшие Таинства, и унаследовать их, а также унаследовать Свет во веки вечные. Таков дар [δωρέω] Второго Таинства Неизречённого.

Что касается Третьего Таинства: человек, который совершил это таинство во всех его формах, *назовёт* это таинство над головой человека, выходящего из тела, независимо от того жив ли он или уже *умер*, *проходя суровые наказания* [κόλασις] *архонтов*[2] и их разных огней, то они поспешат освободить этого человека и представить его пред Девой Света, которая поместит его в тело праведника, наследующего свет.

(243) Более того, при растворении вселенной, то есть когда исполнится число совершенных душ, и совершится таинство, по причине которого была создана вселенная, я проведу тысячу лет согласно годам Света, как Царь всех эманаций Света и числа совершенных душ, принявших все таинства. Тогда Мария спросила: Господь, сколько лет мира сего составляют один год

1 Он похож на оттиск царской печати.

2 Здесь мы имеем первый намёк на мессу, совершаемую за умерших. Аналогичная идея есть в практике, упомянутой апостолом Павлом: «принимать крещение за умершего человека». Необычный итальянский обычай упоминается Данте в его фразе: «Vendetta di Dio non Teme Suppe» (букв. «месть Бога не боится подачек»), что относится к чему-то в этом роде для задабривания духа умершего. Убийца, который ест кусочки хлеба в вине на могиле убитого им человека, таким образом освобождается от вендетты его семьи. (Чистилище, XXXIII, 35)

Света? Иисус же ответил: День Света есть тысяча лет в мире сём, так что тридцать шесть с половиной мириад (триста шестьдесят пять тысяч) лет мира сего есть один год Света. Вот, я пребуду тысячу лет Света царём в середине последних παραστάτης[1] (помощников), а также царём всех эманаций Света и всего числа совершенных душ, принявших таинства Света. А вы, ученики мои, вместе со всеми теми, кто принял таинство Неизречённого, будете справа и слева от меня царями со мною в царствии моём. Более того, и те, кто примет три из пяти таинств Неизречённого, станут соправителями вместе с вами в царствии Света. Но они не будут равны вам и тем, кто примет таинство Неизречённого, ибо они останутся сзади вас, хотя они (и) цари. А те, кто принял пять таинств Неизречённого, также останутся сзади трёх таинств, будучи также царями. Подобно и принявшие двенадцать таинств Первого Таинства, также останутся сзади пяти таинств Неизречённого, будучи царями. И они также цари, каждый сообразно своему чину. А все принявшие таинство во всех местах Пространства Неизречённого, также сделаются царями, но идут вслед за теми, кто принял таинство Первого Таинства, будучи посланными согласно славе каждого из них, так что получившие высшие таинства, будут обитать в высших местах, а получившие низшие таинства, останутся в низших местах.

Таковы Три (наследственных) Надела [κλῆροι] Царствия Света, и таинства этих Трёх Наделов Света чрезвычайно велики. Ты найдёшь их во второй Великой Книге ИЕУ [греч. IEY], но я дам тебе и возвещу тебе великие таинства всех наделов, которые превыше всякого другого места (246) и являются главами, как месту, так и чину, и которые ведут изнутри всё человечество к высшим местам согласно пространству их наследственного надела. Ты не нуждаешься ни в каких *низших таинствах*, однако, можешь найти их во Второй Книге ИЕУ, которую написал Енох, когда я говорил с ним из Древа Познания и из Древа Жизни в Раю Адама. После того, как я закончу рассказывать тебе обо всей Эманации, я дам тебе

1 Божество, чьё место рядом с Высшим Светом, судя по первоначальному смыслу этого слова.

и поведаю о Трёх Наделах Царствия моего, которые являются главами всего».

Поскольку испытания и достойные поощрения покаяния играли важную роль в митраистском обряде, будет уместным здесь привести для сравнения вымысел такого же рода экстравагантной фантазии браминов. Аскеза *демона* Тарака или Таракасура, с помощью которой он вынудил Брахму дать то, что ему нужно, была очень продолжительной, каждый этап длился целый век. (1) Он стоял на одной ноге, держа другую обеими руки по направлению к небесам, глаза неподвижно смотрели на солнце. (2) Он стоял на одном большом пальце ноги. (3) Он ничего не употреблял, кроме воды. (4) Он питался только воздухом. (5) Он оставался погружённым в воду. (6) Он был похоронен в земле, продолжая, как и в прошлой аскезе, непрерывно читать молитвы. (7) То же самое он делал, пребывая в огне. (8) Он стоял на голове. (9) Он стоял на одной руке. (10) Он висел, ухватившись за дерево руками. (11) Он висел, ухватившись за дерево ногами, вниз головой. (Двенадцатую степень Мур опустил по некоторым причинам).

С помощью подобных практик, называемых йогой, йогин может получить девять разных даров, которые ставят его выше всех законов природы. Например, он может расширять или сокращать тело до любых размеров по своему желанию; он может парить в воздухе на солнечном луче; он может усилием воли воздействовать на предметы, находящиеся на огромном расстоянии; он обладает другими подобными способностями.

Что касается шестой аскезы Тараки, какой бы невероятной она не представлялась, её, по-прежнему, практикуют. Быть похороненным заживо в небольшом склепе под толстым слоем земли всё время, пока семя, посеянное при его захоронении, не принесёт плод, до сих пор считается самым действенным средством вытребовать небесное благословение для больного или другого заказчика (учение о *заместительном* искуплении принадлежит индусам). Англичанин, постоянно находившийся при дворе Ранджит Сингха подробно описал все приготовления царского доверенного лица, (чьим обычным занятием было умирать за других), и успешное завершение его аскезы,

продолжавшейся в течение шести недель. Этот англичанин помогал при закрытии и открытие склепа, и был уверен, что никакой обман невозможен в данной практике йогина. Испрашивалось благословение для ниспослания дара плодовитости любимой царице Ранджита.

«Тавроболии» или *крещение кровью* в более поздние века в Западной Империи считались сильнодействующим средством очищения от грехов, тем не менее, жестоким средством. Пруденций оставил описание этого ужасного обряда, в котором человек, хотевший возродиться, без одежды спускался в яму, закрытую продырявленными досками, на которых убивали быка, и его ещё тёплая кровь стекала через эти отверстия (подобно душу), с головы до ног обливая находящего там человека. Выбор жертвы говорит о связи этого обряда с митраизмом, потому что в последнем, как говорит Иустин, было таинство «крещения во оставление грехов», а бык в этой религия считался символом *жизни*, его кровь была самым действенным средством возрождения. Самым убедительным доказательством значения, придаваемого тавроболию, может служить случай, приведённый Лампридием, когда жрец-император Гелиогабал счёл необходимым совершить его и построил для этой цели яму в конце четвёртого века, обнаруженную недавно в священных стенах храма города Элевсина, самом святом месте всей Греции.

Наиболее подходящее завершение этой темы вы найдёте в перечне «степеней», принятых в мистериях и изложенных г-ном Лажаром в его подробном трактате «Культ Митры» ("Le Culte de Mithra").[1] Эти степени были разделены на четыре этапа, наземные, воздушные, огненные и божественные, каждая из которых состоит из трёх степеней. К земным – относятся Солдат, Лев и Бык, к воздушным – Гриф, Страус и Ворон, к огненным –

1 Лажар обнаруживает на вавилонских цилиндрах изображение принятия в разные степени; такие цилиндры давались, как сертификат для посвящённых, что объясняет их огромное количество, предположительно, тем, что при переходе на более высокую ступень, ранее полученные цилиндры выбрасывались. Но сложная система митраизма, очевидно, появилась гораздо позже, как система религии, боровшейся за выживание.

Грифон, Лошадь и Солнце, к божественным – Орёл, Перепелятник и Отец отцов. Теорию Лажара лучше пояснять, процитировав его описание часто встречающихся изображений на цилиндровых печатях. Он находит принятие в степень «Солдата» в изображении, где человек стоит перед «иерофантом» или жрецом, который стоит на спине быка, лежащего с поднятой головой на помосте. Иерофант в колпаке, оканчивающимся полумесяцем, протягивает неофиту изогнутый меч, символ принятия в Орден. Жрица стоит особняком, отделённая от него Рогом или Древом жизни, над которым парит символ ассирийской Триады. На её колпаке солнце и также полумесяц, чтобы показать андрогинную природу Миллиты!

Рис. 5

Блаженный Августин о гностицизме

Переход от традиционной веры к гностицизму, на последнем и самом сложном этапе хорошо показан в следующем воспоминании Блаж. Августина, описавшего свои собственные впечатления. Будучи восемнадцати или девятнадцати лет, он начал изучать священные Писания, чтобы удостовериться в истинности религии, в которой был воспитан. «Итак, я приступил к работе по изучению Священного Писания, чтобы найти его истинный характер. И, вот! Я вижу то, что не дано гордым, не открыто младенцам, но скромным, благородным и покрытым тайнами; а я не был тем, кто мог войти и нагнуть шею к его шагам. Ибо я не думал тогда, как сейчас, и когда я изучал Писание, мне казалось недостойным равняться с Цицероном в красноречии. Тем не менее, Писанию должно расти вместе с младенцами, но я побрезговал быть младенцем, и, пыжась от гордости, вообразил себя взрослым человеком. Так случилось, что я попал к людям, исполненным гордости, слабоумным, слишком плотским и болтливым, чьи уста есть ловушка дьявола и птичий клей, сделанный из смеси слогов Твоего имени, имени Господа нашего Иисуса Христа и имени Параклита нашего Утешителя, Святого Духа. Все эти имена не сходят с их уст, кроме как звуки или эхо языка, но их сердца совершенно лишены истины. Они привыкли повторять «Истина и Истина», и так они повторяли её имя мне, но её не было среди них, они говорили ложь не только о тебе, который есть Истина в истине, но даже относительно стихий этого мира, твоего творения, о котором даже философы говорят, что оно является истинным; я, вероятно, пренебрегал твоей любовью, отец мой, высшее благо, краса всякой красоты. Истинно! Истинно! как внутренне вздыхала суть моей души по тебе даже тогда, в то время как они назойливо повторяли имя твоё в мои уши различными способами, либо просто голосом, либо с помощью *многих и огромных* своих книг. И они были блюдами, которые подавались мне, изголодавшемуся по тебе; и ничего, кроме *солнца и луны*, твоих действительно прекрасных творений, но не тебя самого, и даже не *первых* из твоих

творений. Ибо твои духовные творения прежде этих материальных, как бы великолепны и небесны они ни были. Но даже по ним, высшим твоим творениям, я не изголодался и не жаждал, но только по тебе. Истинно! где нет изменений, нет и тени перемен. И снова были передо мной на тех же блюдах великолепные призраки, что было бы даже лучше любить само Солнце, ибо *оно* истинное, так как я его вижу, вместо того, чтобы любить те вымыслы, когда душа обманута глазами. И ещё и потому, что я верил, что они – это ты, я ел от этого, но не жадно, потому что у тебя был не тот вкус во рту, как ты действительно он есть, ибо ты – не те пустые выдумки; от них я не насыщался, но слабел. Еда во сне похожа на еду бодрствования, но спящие не насыщаются ей, ибо они спят. Но эти блюда никоим образом не подобны тебе, как ты сейчас сказал мне и т. д.»

Рис. 6

Культ Сераписа

I.
Изображения Сераписа

Следующая большая серия памятников, подлежащих рассмотрению, является следствием культа Сераписа, таинственного божества, которое в различных формах во втором и третьем веках нашей эры полностью вытеснил своего брата Юпитера и понизил его до чина простого планетарного гения. В отличие от большинства божеств, изображённых на гностических геммах, *александрийский* Серапис не относится к первоначальной мифологии Египта.[1] Можно сказать, что его культ является ровесником расцвета Александрии, куда он был привезён из Синопа по приказу (и угроз, в случае неисполнения) Птоломея Первого, вследствие бывшего ему видения. После трёх лет безрезультатных переговоров, Птолемей, наконец, получил этого бога от Скифотерия, царя Синопа; но когда горожане по-прежнему отказывались расставаться со своим идолом, был распространён слух, что он сам пришёл из храма к египетским кораблям, стоявшим в гавани.

Среди греков бытовало мнение, что статуя изображала Юпитера *Диса* (Адониса), стоявшего рядом с *Прозерпиной*. Последнюю по приказу того же божественного посланника надо было оставить в родном храме. Согласно другому рассказу, упомянутому Тацитом[2], статуя была привезена из Селевкии Птолемеем III, но он основан на менее авторитетном источнике. Рассказ, однако, является любопытным подтверждением недавнего предания, согласно которому Плутарх называет Сераписа (в сочинении «Александр») главным божеством

1 О различии между ним и древним Сераписом Фив (как греки перевели его имя «Осор-Апис») будет говориться дальше.

2 Кто рассказывает об этом предмете подробно в своей «Истории», VI. 84 в доказательство влияния религии в то время.

Вавилона (а позже Селевкии) во время Македонского завоевания, как доказательство того, что он, по крайней мере, считал этого бога идентичным *Белу*. Итак, удивительное совпадение заключается в том, что *Ану*, первое лицо древней халдейской триады, являлся также «царём Нижнего Мира», и его символ, вертикальный клин, соответствовал числу 60, которое в прошлом часто употреблялось для символического выражения имени Ану.

Именно Тимофей из династии афинских Эвмолпидов, являвшийся в силу своего происхождения прорицателем царя, указал на Понт, как на место обитания неведомого бога, чьё явление обеспокоило монарха приказом отправить его туда без объявления причины. Образ, явившийся в видении, был *молодым*, что не совпадало со зрелым величием бога Александрии.[1] Но Гелиос Дионисий, истинный Кришна, который украшает реверс золотого статера Фарнака II, отчеканенного в Синопе в следующем веке, гораздо больше соответствует описанию ночного посетителя.

Серапис быстро стал единственным властелином своего нового дома. Размышления по поводу его истинной природы занимали умы философов Александрии вплоть до того времени, когда их заменили дискуссии на тему Троицы, проводимые с одинаковым усердием, но с гораздо большей горячностью. Каждая из конфликтующих религий пыталась претендовать на роль исконного обладателя этого учения. У Макробия сохранилась одна из самых остроумных трактовок, сделанных рационалистами, наиболее сильной партией среди более поздних греков (I, 20). «Город Александрия почти фанатически поклоняется Серапису и Исиде, тем не менее, люди доказывают, что они просто поклоняются Солнцу под

1 Великий бог Ассирии Адад или «Единица», прорицающий Юпитер Гелиополиса, представлял собой *золотую* статую безбородого юноши, размахивающего кнутом, а в левой руке держащего молнию и колосья. Лучи, венчающие его голову, были направлены вниз, чтобы показать его власть над землёй, которая стояла перед ним в образе *Атаргатис* с лучами в короне, направленными вверх, чтобы показать *подношение* её даров. Она опиралась, как и Кибела, на спины львов.

такими именами. Они ставят каждому идолу на голову модиос [μόδιος, хлебная мера, 1/6 медимна], изображают его в образе животного, имеющего три головы, из которых средняя и самая большая голова – это львиная, справа голова собаки с мирным и подобострастным видом; в то время как левая часть шеи венчается головой хищного зверя. Все эти звериные формы соединены в тело извивающегося змея, который поднимает голову кверху по направлению к правой руке бога, рядом с которым изображено это чудовище. *Львиная* голова символизирует настоящее, потому что её положение между прошлым и будущим является прочным и уверенным. Прошлое обозначено головой *волка*, потому что память о прошлом ускользает от нас и совершенно истребляется. Образ подобострастной *собаки* – это будущее, область непостоянных и льстивых надежд. Но кому должно прошлое, настоящее и будущее служить, кроме их авторов? Его голова увенчана *калафом* [κάλἄθος, корзина в форме раскрытой лилии], символизирующим *высоту* планеты над нами, а также его огромную *вместительность*, так как к нему всё земное возвращается, притягиваемое исходящим от него теплом. Более того, когда Никокреон, владыка Кипра, спрашивал у Сераписа, к какому из богов его причислить, то получил следующий ответ:

> «Какой я бог, я покажу тебе, смотри:
> Глава есть небо, тело – океан,
> Земля – ступни, а уши воздуха струи;
> Блестящий солнца луч – глаза мои». [1]

Из всего этого видно, что природа Сераписа и Солнца является единой и неделимой. Опять же, Исиде повсеместно поклонялись как образу земли или природы, подчинённой Солнцу. По этой причине тело богини покрыто сплошными рядами *грудей*, чтобы показать, что вселенная поддерживается питанием Земли или природы». Это последнее любопытное

1 Я не могу не подозревать, что это описание навело Василида на мысль о знаменитом Пантее или Абраксасе. Голова птицы была лучшим символом воздуха, змей, по словам Геродота, был отпрыском земли, а грудь человека была согласно Гомеру атрибутом Нептуна.

замечание показывает, что Макробий приравнивал александрийскую Исиду к ефесской Диане, так как у древней Исиды Египта была обычная грудь. Этот философ начал с аксиомы (I, 17), «Все боги имеют отношение к Солнцу» ("Omnes deos referri ad Solem") и продолжает демонстрировать различные эпитеты

Аполлона, доказывая, что *он* тот же самый бог, которого изображают Солнцем. Затем он продолжает доказывать это же по отношению к Вакху, Гермесу, Эскулапу и Геркулесу. Его гениальное объяснение змея, обвивающего жезл Гермеса или Эскулапа, будет использовано в дальнейшем описании замечательного символа, изображённого на реверсе всех талисманов Хнуфиса. После этого Макробий напоминает об атрибутах и мифах Адониса и Атиса, а также Осириса и Гора, и приходит к тому же выводу о реальном характере всех этих персонажей, добавив в скобках весьма интересное объяснение знаков Зодиака, как просто символов солнечного воздействия в разных областях творения. Немезида, Парис, Сатурн, Юпитер, и, наконец, ассирийский Адад, все они низведены им до такого же значения.

Это приводит нас к самому чудесному отождествлению всего, о чём Адриан упоминает в письме к шурину Сервиану, приведённому историком Вописком в его сочинении «Жизнь тирана Сатурния». «Те, кто поклоняются Серапису, похожи на христиан, даже те, кто называют себя епископами Христа, поклоняются Серапису. Даже самого патриарха,[1] когда приезжает в Египет, одни заставляют поклоняться Серапису, а другие Христу. Есть только один Бог для всех, для христиан, для евреев, для язычников, все ему одинаково поклоняются». Александр Север, который ежедневно тратил деньги на обряды Христу и Аврааму, тратит никак не меньше на украшении храмов Сераписа и Исиды, «на статуи, диваны и всё, что относится к их мистериям»[2], оставляя других богов Рима самим заботиться о себе.

---

1 Патриарх Тверии, глава еврейской религии после разрушения Иерусалима.

2 Любимое изображение Исиды на наши талисманах показывает её полулежащей на диване.

В связи с этой темой необходимо отметить, что условный портрет Спасителя, по всей вероятности, был заимствован из изображения лица Сераписа, исполненного глубокой и величественной задумчивости. У первых обращённых еврейские традиции были настолько сильными, что мы можем быть уверены, что никаких попыток не предпринималось для изображения его облика ещё многие поколения после того, когда умерли все, видевшие его на земле.[1] Тем не менее, значение, так долго придававшееся фальшивому письму Лентула императору Тиберию с описанием внешности Христа, требует внимания в этом месте. Его монашеская латынь и стиль письма с первого взгляда выдают авторство какого-нибудь средневекового богослова. Но, как ни парадоксально, даже такой учёный человек, как Гриней был сбит с толку вследствие благочестивого желания верить в истинность этого описания, что уверился в том, что римский сенатор и выдающийся историк Лентула мог писать такими же фразами, словно монах нищенствующего ордена.

> «В наше время появился и до сих пор живёт человек великой добродетели именем Христос Иисус, который называется язычниками пророком истины, но которого его собственные ученики называют Сыном Божьим, воскрешающим мёртвых и исцеляющих недуги. Истинно, человек этот высок ростом, красив, имеет почтенную внешность, которую очевидцы могут одновременно любить и бояться. Его светлые немного волнистые или вьющиеся волосы с небольшим отливом спускаются на плечи и имеют пробор посередине головы по обычаю назореев и т. д.» (Гриней, «Ортодоксии» 1. гл. 2.)

Эта подделка напоминает одно из замечаний Плиния: «Воображение порождает лица, изображения которых не переданы, как, например, в случае с Гомером» ("Pariunt desideria

1 Доказательством недостатка надёжных авторитетных источников портретов Спасителя является тот факт, что самые ранние памятники скульптуры или живописи изображали его молодым и безбородым.

non traditos vultus, sicutin Homero evenit")[1]. Желание есть отец образа почитаемого предмета; и это представление радостно принимается любящей душой для того, чтобы утруждать себя чрезмерным исследованием его законности, так как Марциал истинно восклицает: «…кто же счастье своё отвергает?» ("quis enirn darnnet sua vota libenter?")[2]

Но вернёмся в Египет времён гностицизма. В самом центре этой теософии, Александрии, синкретические секты, которые появились там в изобилии в течение трёх первых веков Римской империи, имели веские основания для превращение Сераписа в прототип Христа, считавшегося Господом и Творцом всего, Судьёй живых и мёртвых. Ответ, данный Никокреону, приведённый выше, свидетельствует о том, что философы, по крайней мере, видели в Сераписе не более чем символ Анима Мунди, *Духа* вселенской природы или *тела*, так как они держались учения

> «…единого гармоничного целого,
> Чьё тело – природа, а Бог – душа».

Так что путём небольшой перестановки Серапис стал обожествляться как воплощение Всевышего, чьим представителем на земле был Христос.

Сама *конструкция* великого колосса Сераписа просто объясняет представления о его природе. Она была сделана из пластин всевозможных *металлов*, искусно соединённых вместе, символизирующих гармоничное соединение разных элементов в ткани вселенной, «moles et machina mundi» [«колосс и строение мира»]. Эта статуя была помещена на вершине искусственного холма (чьи огромные внутренние помещения были разделены на сводчатые залы, содержавшие знаменитую библиотеку), к ней вела лестница из ста ступеней. Это сооружение по стилю полностью отличалось от египетской и греческой архитектуры, но представляло точную копию

1 Плиний «Естественная история» XXXV, 9; перевод Б.А. Старостина. – Прим. пер.

2 Марциал, «Эпиграммы» 1, IX, XLVIII, перевод Ф.А. Петровский. – Прим. пер.

индийских сооружений, как можно видеть на примере большого храма Шивы в Танджуре, ступ или дагоб буддистов.

Замечательное устройство этого колосса можно обоснованно отнести к александрийским евреям, которые *исполнили* то, что было написано в книге Даниила, а именно, аналогичный составной *образ*, явившийся во сне Навуходоносору. То, что описание последнего было написано вскоре после появления Сераписа в этом городе, видно из мельчайших деталей, которые этот *пророк* приводит относительно постоянных распрей между Эпифаном Антиохом и его племянником Птолемеем Филометром с последующим вмешательством Римского Сената. Среди александрийцев бытовало мнение (среди христиан и язычников), что осквернение этой статуи будет сигналом того, что небо и земля низвергнуться сразу же в первозданный хаос – понятие, являющееся наглядным свидетельством великой идеи, воплощённой в статуе. И, наконец, несмотря на то, что его культ был под защитой глубоко укоренившегося страха, и христианское правительство долгое время мирилось с ним после того, как другие боги Египта были сметены, этот замечательный колосс был низвергнут «вечным врагом мира и добродетели» патриархом Феофилом в царствование Феодосия; и толпа ликующих фанатиков протащила его изувеченное туловище с триумфом по улицам и, в конечном счёте, похоронила его на Ипподроме.

Подобно культу Митры культ Сераписа был широко распространён на Западе. Очень любопытный пример можно найти у Аммиана, когда он пишет, что царь Алеманнов Медерих был отвезён в качестве заложника в Галлию и научен там некоторым греческим мистериям. По этой причине он изменил имя сыну с Аганериха на *Серапиона*. И Серапис естественным образом претендовал на поклонение галлов, которые, по словам Цезаря, похвалялись наследием *Диспатера*.

Пришелец из Синопы, похоже, не принёс своего имени с собой. Когда Птолемей обратился за советом к своим жрецам относительно этого важного вопроса, Манефон сразу отождествил понтийского бога со своим Осор-Аписом, главным образом, по его атрибуту, собаке Цербер, которую он считал

аналогом Тифона с главой бегемота, что соответствует характеру владыки Нижнего мира Осор-Апису. Это божество было ничем иным, как быком Апис, который после смерти принимает облик Осириса, обычный образ египетского апофеоза, часто применявшийся к умершим царям. Осор-Апис, каким теперь он становится, изображался в виде человека с головой быка и знаками отличия, по которым мы обычно узнаём Осириса. Поэтому бог Александрии значительно отличается по виду и по происхождению от первоначального покровителя Фив, с которым у него нет ничего общего, кроме имени. Сходство держится *только на* произвольной трактовке египетских жрецов, успешно убеждавших греков, что мифология всего мира является плагиатом их собственной мифологии.

Г-н Мариетт в 1860 проводил раскопки Фиванского Серапеума, как он назывался во времена Римской Империи, где обнаружил длинную аллею сфинксов, а также катакомбы, где быки Апис хранились после смерти, он нашёл там не менее шестидесяти двух хорошо сохранившихся мумий. Любопытно отметить, как искусно греки превратили коптского Осор-Аписа в более благозвучного ὁ Σάραπις [о Сарапис].

II.
Вероятное происхождение Сераписа

Рассуждения древних, приведённые в предыдущей главе, являются безосновательными теориями, как гениально уточняют александрийские литераторы, и вытекают из системы аллегорических трактовок, воспринимаемых с восторгом неоплатониками. Очевидно, что при его *первом появлении* в Египте Серапис считался александрийцами аналогом Адониса или Диса, Владыки Нижнего мира. Итак, все его атрибуты предположительно имеют *индийское* происхождение, и нет других богов, кроме *Ямы*, «Владыки Ада», которого сопровождает *пятнистая* собака «Шарвара», называемая «тришира» *трёхглавая*, и змей «Шеша», называемый «правителем Аида». В действительности некоторые находят в

имени Сераписа[1] греческую форму эпитета Ямы – «страддха-дэва» или «Владыка погребения», то есть форму жертвы на похоронах, предлагаемой *питри* или *манам*. Яму также называют «повелителем душ» и «судьёй мёртвых» по ещё одному его служению, уподобляющему его Серапису, вследствие природы которого последний особенно почитался, и кроме того это служение позднее явилось причиной его отождествления с Христом. Правдоподобную этимологию имени Серапис можно найти в другом эпитете Ямы – «асрик-па», «кровопийца». Это объяснение подтверждается до некоторой степени древним преданием, которое Гомер хорошо использует, когда описывает способ, которым Улисс вызывает у призраков желание пить кровь жертвы (Одиссея, XI, 35)

> «Взял я барана с овцой и над самою ямой зарезал.
> Чёрная кровь полилась. Покинувши недра Эреба,
> К яме слетелися души людей, распрощавшихся с жизнью».[2]

С этим понятием была связана практика оставления роз над могилах усопших родных.

> "Purpureos spargam flores et fungar inani munere"

> «Дай мне бросить багряный цветок, чтобы выполнить долг бесполезный»[3],

так как (согласно Сервию) *красный* цветок означает *кровь*, и тем самым служит заместителем живой жертвы.[4] Аналогия между

1 Не исключено, что имя, под которым поклонялись Богу в Синопе было созвучно этому имени, что и навело Манефона на мысль отождествления его со своим Осор-Аписом.
2 Перевод В. Вересаева. – Прим. пер.
3 Вергилий, «Энеида», кн.VI. – Прим. пер.
4 Одним из наиболее посещаемых паломниками мест в Бенаресе является «Гьян Бапи» «Колодец знаний», в недрах которого живёт сам Шива. Он был вырыт риши божественным трезубцем, чтобы спасти мир после двенадцати лет засухи. Паломники бросают в него всякие подношения, включая цветы. Другой колодец в том же городе, смывающий разные грехи, называется Маникарника по упавшей в него серьге Махадэвы. Вишну выкопал этот колодец своей чангрой или метательным кольцом, и наполнил его сверкающим потом

Ямой и Сераписом может быть продолжена рассмотрением некоторых других вопросов, связанных со служением первого из этих божеств. Например, душам праведников он является как «дхармараджа» со слугой «кармала» (греческий «Гермес-психопомп»), который приводит души в его присутствии на самодвижущейся повозке. Но для грешников он – «Яма», *для них* есть другой служитель или «кашмала», который тащит их к нему с петлями на шеях по труднопроходимым, каменистым местам. Другие имена Ямы: «Кританта» и «Мритью». Связь последнего с богом смерти *Морс* достаточно очевидна, что делает его подходящим имени *Диса* (*Дитиса*), в котором снова, несомненно, кроется корень нашего слова “death” смерть, относящееся к тому же принципу уничтожения.

У Ямы как «Сраддхадэвы» или правителя «паталы» (низших областей) есть супруга Бхавани, которая поэтому называется «Паталадэви», на Земле она – «Бхудэви», а на небесах – «Свардэви». У её господина кроме Шарвары есть другая собака с именем «Шьяма» или *чёрная* (теперь мы понимаем, почему известные духи средневековья, такие как чёрный спаниель Корнелия Агриппы или «пудель» Фауста выбрали именно этот образ), которая служила исполнителем его мести. В качестве Судьи душ он показывает два лица, одно доброе, а другое ужасное. Ещё одно из его имён «Калантика» или *Время-Разрушитель* едва ли может быть случайным совпадением с названием головного убора, который носили египетские жрецы при судействе в более поздние времена. Он был сделан из пурпурной ткани, прикрывавшей голову и ниспадавшей на шею с двумя плюмажами наверху.

«Кали-Бхавани» или разрушительное женское начало представлено[1] в этой роли образом абсолютно идентичным самому древнему изображению греческой Горгоны, какой она предстаёт перед нами, охраняя этрусские гробницы и наводя ужас на кощунника, как в хорошо известном случае в гробнице

своего тела.

1 Pot, Zeitschrift der Morgenländischen Gesellschaft, Журнал ближневосточного общества, IV, стр. 425, Мюре, Журнал королевского азиатского общества, I. стр. 287.

Волумни в Перудже, где она изображена в центре потолка большого зала. Изображённый в виде головы Тигра в своём первом представлении возбуждённой фантазии индусского суеверия, этрусский демон всё также высовывает язык, показывает огромные клыки, глаза сверкают, крылья в шерсти, и змей обвивает шею. Такой был, несомненно, вид «головы Горгоны, произведение Циклопа», которую показали Павсанию в качестве наиболее замечательного предмета в Аргивском Акрополе, как доказательство того, что самые древние работы искусства пеласгов отображали эту идею. Опять же, на самом древнем памятнике греческого искусства, сундуке Ципселус (сделанном до 600 г. до н. э.), как говорит тот же путешественник (ст. 19), «за Полиником стоит женская фигура с клыками как у дикого зверя и с когтями вместо ногтей. Над ней надпись, которая, *как говорят*, означает Κῆρ (судьба)». По-видимому название было *иностранным* словом, переведённым Павсанием, хранителем храма. Плутарх («Жизнь Арата») приводит ещё одну удивительную иллюстрацию поклонения этим ужасным идолам старины в наиболее утончённые века в Греции. У Артемиды Пеллене был такой ужасный вид, что никто не осмеливался взглянуть на неё, и когда её везли во время торжества, один её взгляд поражал деревья и посевы. Когда этолийцы были готовы завладеть городом и разграбить его, жрица Артемиды, вынеся её образ из святилища, произвела на них такой ужас, что они поспешно отступили. Эта Артемида, следовательно, была настоящей Гекатой, подлинной царицей ада, *деревянный* идол ксоанон ξόανον (как и в Эфесе); другая мудрая жрица не смогла так действенно её использовать, чтобы отпугнуть мародёров. Во сне, записанном Кимоном, который предвещал его смерть, была чёрная сука, пролаявшая ему почти человеческим голосом: «Иди ко мне; я и мои щенки примут тебя с радостью». Эллинские боги иногда проявляют свойства, которые странным образом расходятся с их обычно доброжелательным и *весёлым* характером. Истинным Шивой был «Дионисий Омест» (людоед), кому Фемистокл под давлением прорицателей, принёс в жертву трёх сыновей Сандаки, сестры Ксеркса, когда их взяли в плен накануне битвы

при Саламине. Следует помнить, что предание заставило Персея привести назад его трофей, голову Горгоны, из Эфиопии, это название сначала означало отдалённые области Востока, и только во времена римской империи «Эфиопия» стала означать одну из провинций Африки. *Гарпа* – это оружие, которое одолжил герою Гермес, по форме оно похоже на анкуша, крюк для слонов, который является атрибутом многих индусских божеств.[1] Это вполне объясняет, почему Персефона (*смертоносная*) была предназначена самыми древними греками в супруги Адонису; вот, почему Улисс при посещении её владений был встревожен.

> «Бледный объял меня ужас, что вышлет
> Голову вдруг на меня чудовища, страшной Горгоны,
> Славная Персефонея богиня из недр преисподней».[2]

Из-за ужаса, произведённого на неустрашимого до сих пор странника, считалось, что эти три строчки наделены удивительно сильным отторгающим действием. Поэтому Марцелл Эмпирик предписывает шепнуть их на ухо человеку, испытывающему удушье из-за кости или другого предмета, попавшего в горло, или же написать их на бумаге и обвязать ей горло, «что будет в равной степени действенным».

Луциан отмечает («Филопатрис»), что причина, по которой древние воины носили щиты с изображением головы Горгоны, заключалась в том, что она служила талисманом при любых опасностях; по этой же причине, по всей вероятности, она изображалась на многих архаичных монетах, например, Популония, Пароса и других городов.

---

1 Горгону, изображаемую на геммах (Античные геммы, таб. XX, 4), а также на монетах Неаполиса, можно увидеть и в наши дни на барельефе одной из колонн, установленных по обе стороны ворот индусского храма, как мне сообщил наш великий археолог по Востоку полковник Пиэрс. Здесь её называют «Стражем ворот». Теперь понятно, почему её голова украшала фронтоны храмов в Греции и Риме, и была на краеугольном камне триумфальных ворот даже во времена Константина, о чём убедительно свидетельствует найденный в последнее время вход в его «Форум Тельца».

2 Гомер «Одиссея», песня 11, перевод В. Вересаева. – Прим. пер.

Что может быть более действенным для отпугивания злых духов, чем лик Царицы Ада? Художник Тимомах (современник первого Цезаря) прославился этим изображением, Плиний говорит: "praecipue tamen ars ei favisse in Gorgone visa est" – «именно, изображение Горгоны принесло его искусству, по-видимому, наибольший успех». Этим шедевром, как полагают, была ужасающая фреска, обнаруженная в Помпеях, чудеснейший пример искусства, дошедший до наших дней. Спустя многие века после падения язычества это изображение сохраняет свою силу. Мюнтер изображает («Sinnbilder der Christen» «Значение христианских образов») голову Горгоны в окружении фонетической надписи:

+VOMEΛAINHMEΛAINOMENAOCOΦICHΛHЄCЄKЄ
OCΛЄONBPVXHCЄIKЄOCAPNOCKVMHCH,

означающей:

> Υἱὸς Θεοῦ· Μελαίνη μελαινομένη, ὡς ὄφις εἴλει ἡσυχῇ ὡς λέων βρυχήσει, καί ὡς ἄρνος κοιμήσει.
>
> «Сын Божий. Чёрный, почерневший, как змей ты будешь тихо извиваться, как лев ты будешь рычать, а заснёшь, как агнец!»

Та же надпись, но так варварски написанная, что невозможно прочитать, вероятно, легла в основу мифа о знаменитой печати Святого Серватия, сохранившаяся в соборе Маастрихта. Печать представляет собой большой диск из зелёной яшмы, выгравированный с обеих сторон и прикреплённый к небольшой плите из порфира, традиционно считавшейся переносным алтарём святого. Серватий умер в 389 году, но стиль печати указывает на десятый или одиннадцатый век. Важным свидетельством почитания христианами Византии их демона-хранителя являются раскопки (весной 1869 г.) в Ахмедане, Константинополь, и открытие колосса Гордониона, шести футов [182,88 см] высотой от подбородка до лба, вырезанного в виде барельефа на каждой стороне огромного мраморного блока, который когда-то был основным камнем врат на Форуме Константина. Хотя его исполнение

отражает упадок, всё же общее впечатление по-прежнему грандиозно и внушает трепет. Итак, проследив путь Бхавани от архаики Греции до византийских времён, давайте посмотрим, какую роль она играет в суевериях имперского Рима. Идея, полная неизвестного ужаса, была с удовольствием подхвачена экстравагантным гением Лукана,[1] для оживления экзорцизма его фессалийской колдуньи Эрихто («Фарсалия», VI, 695).

> «Хаос, готовый всегда миры поглощать, не считая!
> Ты, о, владыка земли, томящийся в долгих столетьях
> Божьим бессмертьем своим!
> …
> О, Тисифона, и ты, к моим воплям глухая Мегера,
> Что ещё медлит ваш бич погнать сквозь пустоты Эреба
> Душу злосчастную ту? Я истинным именем вашим
> Вас призову, стигийских собак, и на свет я надземный
> Выведу; буду вас гнать сквозь костры погребенья, как сторож.
> Выкину вас из могил, все урны у вас отниму я!
> Ты, что привыкла богам в обличии чуждом являться,
> Ты, о, Геката, узнай: тебя в тлеющем образе мёртвых
> Им покажу, запретив изменять твою адскую внешность!
> Всем расскажу про тот пир, который под глыбы земные
> Спрятал, Эннейка, тебя, и какой договор заставляет
> Мрачное царство любить, за какую связь не желала
> Дочку Церера вернуть. Ты, мира судья наихудший,
> Знай, – я Титана пошлю в разрушенный мрак подземелья,
> Чтоб тебя свет внезапный сразил. Вы покорны? Иначе
> Я обращусь к тому, чьё имя без трепета слышать
> Не в состояньи земля, кто смело глядит на Горгону,
> Кто и Эринию бьёт её собственной страшною плетью,
> Тартаром кто завладел для вас непроглядным; ему вы –

1 Который, по всей вероятности, узнал о них на каких-то мистериях азиатского происхождения, столь популярных в его время среди тех, кто претендовал на звание философов.
[Марк Анней Лукан (лат. Marcus Annaeus Lucanus; 39-65) – римский поэт, самый значительный римский эпик после Вергилия. – Прим. пер.]

Боги надземные; он преступает стигийские клятвы».[1]

Все эти персонажи чужды по духу греческой мифологии, но основательно пропитаны индийской мифологией. Хаос Лукана – это разрушитель индусов, Чёрный великан, «махапралайа», поглощающий самих богов широко раскрытой пастью. Его "Hector terrae" «земной Гектор», тоскующий об обещанном истреблении, которое так долго не наступает, не находит аналогов в классической религии,[2] и его персонаж остаётся совершенно необъяснимым. Его фурии «охотящиеся за душами, чтобы заставить их лететь», вместо того, чтобы уподобляться древним ужасным эвменидам, беспристрастным мстительницам за грехи, являются простыми демонами или упырями на погосте. Но его Геката явно сама Бхавани; её «адская внешность» является обликом Горгоны, когда она царила в «Яма-путри», но которую оставила, царствуя на земле или на небе, в то время как «адскими банкетами», приводящими её в восторг, являются человеческие жертвы, регулярно приносимые специальными служительницами Бхавани, тхагами. В первом или *инфернальном* аспекте истинная «адская внешность» изображается с ожерельем человеческих черепов и обнажёнными жертвами, приготовленными на съедение, в каждой руке. Наверное, она показывает нам, в каком виде являлась Артемида Паллене, чтобы отпугнуть этолийских грабителей. Имя её господина "pessimus mundi arbiter" «мира судья наихудший» гораздо более подходит к Разрушителю Шиве, чем к безобидному Плутону греков. Если, конечно, поэт эпохи Нерона слышал что-то о демиурге Илдабаофе, «Сыне Тьмы или Эреба», существующим под другими именами в некоторых древних теогониях.

1 Перевод с латыни Л. Е. Остроумова. – Прим. пер.

2 Разве только смутное описание Гесиода, из которого Мильтон взял свою грандиозную картину Хаоса:

«рядом с ними Орк,
Аид и Демогоргон, чьё нельзя
Прозванье грозное произносить».

[Мильтон, «Потерянный рай», кн. 2, перевод А. Штейнберга]

Гностики не изобрели его, они просто заимствовали его и применили.

Бхавани природы «Кали» изображается, как точный аналог в общих чертах Ефесской Дианы. Даже оленей, замечательное дополнение на *плечах* последней, можно видеть в подобном положении, соскакивающими с *рук* Кали. Многогрудая Ефесская статуя послужила прообразом александрийской Исиде, которая, по словам Крейцера и остальных, является индийской богиней природы «Парвати». Но это замечание относится только к её статуе в Серапеуме, а не к тем, что принадлежат к древней религии фараонов. Высказывания Макробия показывают, что её истинный характер *является* предметом спора, как и её спутника Сераписа. Опять же, Диана, как *Геката* или Прозерпина, принадлежит к адскому миру, над которым она имеет такую же власть, как Бхавани над Яма-Путри. Ефесский образ, сделанный из кипарисового дерева и «упавший с неба», означает лишь то, что пришёл из очень отдалённого и неизвестного источника.

III.
Памятники культа Сераписа

Существует бесчисленное множество статуй, барельефов и гемм, многие из них выполненные в лучшем стиле римского искусства, которые связаны с поклонением Серапису. Неудивительно, ведь в основе этого божества лежат два сильнейших принципа, приводящих в действие человечество: любовь к богатству и страх смерти. Бог подземного мира являлся обязательно владыкой и его сокровищ; эта истина выражена посвящением Серапису на алтаре: «Юпитер – страж и гений сокровищ» ("Iovi custodi et genio thesaurorum")[1]. Аналогично более древний Плутон римлян назывался "Jupiter Stygius " или «Юпитер Стигий». Но во всей полноте это понятие было раскрыто монотеистическим направлением более позднего времени и проявилось в призыве (Каталог Распе №

1 Винкельман, «Геммы Штоша» (Pierres Gravees de Stosch), стр. 83.

1490): ЄІС ZЕУС САРАПІС АГІОN ОNОМА САВАѠ ФѠС АNАТОΛН ХѲѠN «Один Юпитер Серапис, святое имя, Саваоф, свет, рассвет, Земля!»

На геммах-талисманах очень часто изображалась фигура Сераписа во весь рост или его бюст, а также надпись ЄІС ѲЄОС САРАПІС (часто сокращаемая до Є·Ѳ·С), «Есть только один Бог Серапис», ЄІС ZѠN ѲЄОС, «Один Живой Бог». Иногда назначение талисмана отчётливо выражалось надписью: NІКАО САРАПІС ТОN ФѲОNОN, «Победи, о, Сарапис, дурной глаз!» Или на любопытной гемме, опубликованной Келюсом, где Бог стоит между Венерой и Гором, надпись КАТА ХРНМАТІСМОN [на заказ] намекает на то, что гемма была выгравирована «подобным образом» вследствие видения или другого божественного намёка. Вокруг его бюста на яшме (Праун) появляется призыв, убедительное доказательство его мнимого превосходства ФУΛАССЕ ΔІА, «Храни Юпитера», так как древний небесный царь был низведён до ранга астрального гения и доброкачественного гороскопа. Призывы подобные этим носят несомненный признак того времени, когда старая, либеральная мифология Запада, которая представляла Рай как хорошо организованную иерархию, населённую бесчисленными божествами, каждое из которых имело в ней своё единственно правильное и бесспорное положение, быстро уступила место мрачному суеверию Сирии, которое сделало покровительствующим божеством каждого народа или секты единственного Бога небес, обрекая богов всех остальных народов быть просто обманщиками или злыми духами.

Есть, однако, много гемм, отличающихся изяществом материала и стиля, которые кроме Сераписа имеют изображения других древних египетских богов, как их можно видеть на самых древних памятниках, но выгравированных в неповторимом стиле Римского искусства. Большинство из них нужно приписать заслугам Адриана, пытавшегося оживить *формы* этой древней религии, чья *жизнь* давно уже окончилась в этом грандиозном отделе скульптуры. Под его ревностным покровительством религия фараонов вспыхнула на мгновение ярким, но наигранным блеском, такое явление часто

наблюдается перед исчезновением давно налаженной системы.[1] К этому периоду принадлежит мой собственный красивый сард, который изображает Сераписа на троне точно так, как Макробий описывает его, перед ним *стоит* Исида, держа в одной руке систр, а в другой сноп, есть надпись ΗΚΥΡΙΑЄΙСІС АГΝΗ[2] «Непорочная Владычица Небесная Исида!» Это обращение облечено точно в такие же слова, адресуемые позже личности, унаследовавшей форму, титулы, символы и обряды Исиды даже с меньшим разнообразием, которым отмечен упомянутый выше прежний вариант. «Чёрные Девы» высоко почитались в некоторых французских соборах во время долгой ночи Средневековья, которые после исследования их антикварами оказались базальтовыми статуями египетской богини, просто сменившей имя и продолжавшей принимать ещё большее поклонение, чем в древности. Люди, поклоняющиеся ей, принесли в новое священство древние знаки своей профессии: «обет безбрачия», тонзуру, колокол и стихари, опуская, к сожалению, частые и полные омовения, предписанные древним ритуалом. Святой образ всё ещё шествует в процессиях, как когда-то его высмеивал Ювенал (VI, 530), «в сопровождении свиты с тонзурами и в стихарях». Даже её настоящее имя «домина», точный перевод с санскрита слова «иша» [ईश् – владычица] остаётся с незначительными изменениями в современном языке «Мадонна» (Mater-Domina или мать-владычица).[3] Из-за странного изменения смысла цветок в руке обеих владычиц, а именно лотос, бывший символом *совершенства* (потому что его лист, цветок и плод представляют круг, как это объясняет Ямвлих), и, следовательно, плодовитости, теперь интерпретируется как означающий противоположность относительно последней, то есть девственность. Звучание *систр*, радовавшее египетские уши, к

1 Шеринг замечает, что в Бенаресе индусы теперь везде строят или восстанавливают храмы с большим рвением и затратами, чем в любое другое время после последнего падения буддизма; и тем не менее сама религия совершенно изношена.

2 В надписях этого периода долгое «и» (I) обычно пишется «ЕІ».

3 На иврите слово «иша» ישה означает «женщина». – Прим. пер.

сожалению, было заменено самым отвратительным из всех шумов – звоном колокола. Но последний пришёл напрямую из буддийских обрядов, в которых он играет важной роль, как и у кельтского христианства, где Святой Колокол был фактическим объектом поклонения для новообращённых. Колокол в его нынешнем виде не был известен грекам и римлянам. Его привычная форма пришла из Индии, а первыми настоящими изготовителями колоколов были китайские буддисты. После третьего века *поклонение мощам* стало опять основной формой христианства всего мира, аналог которого можно найти в том, что фрагмент кости Будды (то есть, святого человека, в котором божество обитало во время его жизни) фактически незаменим при освящении дагобы или храма этой религии, так же как подобные частицы святых являются *sine quâ non* (непременным условием) при освящения христианских алтарей. Очень любопытно и интересно было бы продолжить эту тему и проследить, в какой степени египетская и подержанная индийская символика перешла во владение церковью, которая сверх меры возмутилась бы при всякой претензии со стороны законных владельцев. Высокий головной убор и загнутый жезл бога фараонов стали митрой и посохом епископа. Само слово «нун» [рыба] коптское; в его нынешнем значении представляет собой вертикальный овальный символ производительной природы, перекрещённый в *vesica piscis*[1], который стал правильной формой для изображения божественности. *Crux ansata* или крест с ручкой является очень выразительным символом союза мужского и женского принципов, откуда исходит вся жизнь, и поэтому помещён как символ жизни в руки богов, но теперь с помощью простой инверсии изменён в шар и крест, признанные регалии суверена.

Бросим последний взгляд на Сераписа и его атрибуты: его бюст на геммах часто сопровождается фигурой, напоминающей короткий жезл, из вершины которого выходят три листа или три шипа. Может быть, это какое-нибудь священное растение или какой-то знак власти? Достоверно известно, что Ива,

1 Рыбий пузырь (лат.) – важнейшая фигура сакральной геометрии. – Прим. пер.

ассирийский бог грома, держит в руке *fulmen* (молнию лат.) по форме похожей на изображения скульптур Ниневии. Здесь часто можно увидеть карликовую колонну, поддерживающую сферу или перевязанный шнуром рулон, букву M[2]. Ещё один символ имеет такое большое значение во владениях Господа душ, что его обсуждение справедливо может претендовать на место в следующем разделе.

Рис. 7

2 Возможно, греческое числительное 40 было священным числом ассирийского бога воды Эа. Поэтому можно рискнуть и предположить, что это число символизирует четыре стихии под защитой Верховного Владыки Сераписа.

Кадуцей и его символизм

Макробий, по-видимому, даёт нам ключ для решения этой тайны своими замечаниями относительно истинной универсальности культа солнца под разными именами («Сатурналии» I, 16). «То, что *Солнце* почитают в образе Меркурия, ясно также из наличия у него *Кадуцея*, который египтяне изображали в виде двух змей, соединённых вместе, самца и самки. Эти змеи в средней части своего изгиба связаны узлом, который называется узлом Геркулеса, а их верхние части, изогнутые назад дугой так, что их пасти прижаты друг к другу, как бы в поцелуе, завершают очертание круга. Их хвосты отклоняются к жезлу Кадуцея и украшены крылышками, вырастающими из той же самой части жезла. Изображение Кадуцея египтяне связывают также с рождением человека, называемым *genesis* (или гороскоп), и учат, что существует *четыре божества*, сопровождающие рождение человека: даймон (его гений), судьба, любовь и неизбежность. Под двумя первыми они подразумевают солнце и луну, потому что солнце, как создатель духа, тепла и света, является творцом и хранителем человеческой жизни, и поэтому считают *даймона богом* рождающегося человека. Луна – это *судьба*, так как является покровительницей наших тел, которые подвержены разнообразным случайностям. Любовь изображается поцелуем змей, а *неизбежность* – узлом, в который они сплетены. Причина добавления *крылышек* была объяснена выше. Изгиб змей в изображениях такого рода избран преимущественно из-за *извилистого* пути обоих светил. К изображениям Эскулапа и Гигиеи добавляется змея, потому что считается, что эти божества выражают природу солнца и луны, поскольку Эскулап является целительной силой, исходящей от сущности солнца во благо душ и тел смертных.[1] Гигиея же является силой лунной природы, от которой получают поддержку тела одушевлённых

1 Или современное научное высказывание о том, что эскулап – это ещё одно название электричества.

существ, укреплённые несущей здоровье умеренностью. К изображениям этих божеств добавляются образы змей, потому что они показывают, что человеческие тела как бы сбрасывают кожу своих недугов и снова крепнут, достигая прежней силы подобно тому, как омолаживаются змеи каждый год, сбрасывая старую кожу. Кроме того, образ змеи имеет отношение к самому солнцу, потому что солнце всегда как бы от ветхого возраста самого низшего своего положения возвращается в положение зенита, как к силе юности. С другой стороны, то, что змей находится среди особых изображений солнца, явствует из его имени, потому что оно образовано от слова δέρκειν, то есть «видеть». И они учат, что этот змей весьма подобен природе данного светила своим зорким и недремлющим оком, и потому змеям поручают охрану храмов, святилищ, оракулов и сокровищ. То, что Эскулап является тем же самым, что и Аполлон, признают не только оттого, что верят, будто он от него рождён, но и оттого, что ему приписывается ещё и сила прорицания. Так Аполлодор в трактате по богословию пишет, что Эскулап управляет прорицаниями и оракулами. Неудивительно, поскольку наука врачевания и наука прорицания являются родственными науками. И медицина также предсказывает, что будет хорошо или плохо для тела. Так Гиппократ учит, что врач должен быть достаточно сведущим, чтобы предсказывать настоящее, прошедшее и будущее состояние больного, что соответствует прорицаниям, из которых известно, как сказал Гомер,

«Всё, что минуло, что есть и что будет».

[«Иллиада» I, 70]

Уже было сказано, как в митраистском культе изображение, окружённое с ног до головы кольцам извивающегося змея, стало признанным символом самого божества. Попутное замечание в приведённой выше цитате о том, что движения извивающейся рептилии представляли для египтян годовой путь солнца, даёт достаточное основание для сопровождения этого изображения столь значимым атрибутом. Таким образом, принимая во внимание тот факт, что рассматриваемый

спорный символ по своей природе, прежде всего, ограничивался лечебными талисманами, является достаточным основанием предполагать, что он связан с поклонением Эскулапу. Во-вторых, так как он всегда появляется в таких случаях вместе с Агафодемоном, несомненным символом Бога Солнца, то можно сделать вывод, что он является либо символом, либо иероглифом в миниатюре такого же рода. Иными словами, это *изображение* показывает лишь обвивающего жезл змея, и в этом *смысле* только намекает на основные видимые проявления природы Солнца. Но этот вопрос необходимо оставить до более полного исследования в этой связи до сих пор необъяснённого символа, который неизменно присутствует на оборотной стороне талисманов Хнуфиса, и который, следовательно, должен считаться важнейшим элементом их силы.

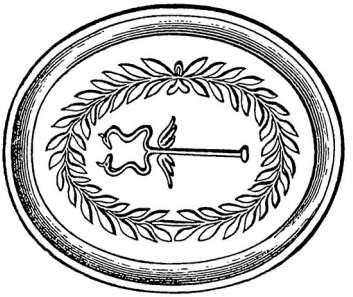


Рис. 8

[вариант][1]

1 Возможно, что изображение Кадуцея на боку это ошибка издателей 1887 года; приводим рядом предположительный вариант оригинала. – Прим. ред.

Смерть и её изображения в древнем искусстве

Царь теней был предметом предыдущего исследования. Естественный ход мысли требует от нас рассмотрения того, какими видимыми формами древнее воображение выражало непосредственное действие его власти, и представляло взору нежелательные явления «спутника Орка» ("Satelles Orci"). Затерявшись среди скульптурных или глиптических купидонов, которые сторонний наблюдатель может легко принять за одну из игривых групп, проглядывает наиболее популярное античное воплощение того, что по нашим представлениям является наиболее неблагозвучным из всех понятий. Его можно отличить от Бога любви по его печальному виду, по тому, как он тушит горящий факел либо о землю, либо наступив на него ногой. Иначе его изображают опирающимся на перевёрнутый факел со сложенными крыльями, скрестив руки и ноги в позе глубокого покоя. Ещё он изображается без крыльев, олицетворяя конец всякого движения, и в то же время он гасит факел одной рукой, а другой держит *позади* себя большой обруч или *annus* [год] (который греческий Ενίαυτος [год] несёт *перед* ним), чтобы показать, что для его жертвы не наступит следующий год.

Чтобы понять, какой очаровательный типаж соответствует такому понятию, необходимо отбросить современные ассоциации и вспомнить ассоциации древнего разума, исходящие из аналогии природы, когда смерть представляется просто, как необходимая противоположность рождению, и, следовательно, в ней нет ничего ужасного – «nullique ea tristis imago» «ни один образ не печален», как Стаций весело говорит о смерти. Она не подразумевала ничего плохого, кроме возвращения к бессознательному состоянию, как до начала бытия, или, как Плиний ясно излагает: «У всех людей состояние бытия после последнего дня такое же, как до первого дня жизни, и в любом теле и душе нет больше чувственного опыта после смерти, как и не было его до жизни». По этому поводу, простое возвращение, как сказал Байрон [«Эвтоназия»]:

«Чтоб быть ничем, кем был я прежде
Рожденья в эту жизнь на скорбь»,

не внушало никакого опасения, кроме страха, связанного с природным инстинктом самосохранения. Многие из-за равнодушия ударились в противоположную крайность, описанную в избитой истории о фракийцах, когда они сокрушались по случаю рождения, и радовались, когда кто-то в семье умирал. Плиний смело заявляет, что наибольший дар, который природа даровала человеку, это его короткая жизнь; в то время как более поздние платоники, как видно из любопытной главы Макробия «О нисхождении души», называли рождение в этот мир «духовной смертью», а смерть «духовным рождением». Но после того, как древней порядок понятий был совершенно перевёрнут, когда смерть тела стала рассматриваться как наказание за первородный грех или, как *нарушение* или не *выполнение* естественного закона, это понятие непременно приобрело более ужасающий смысл, который был раздут до предела новыми учителями, так как оно снабдило их самым мощным механизмом порабощения человеческих душ "Aeternas quoniam poenas in morte timendum", «Так как в смерти есть страх вечного наказания». Древний образ мысли, который не подразумевал ничего, кроме мира и нерушимого покоя, был сразу отброшен, так как был абсолютно несовместим с изменённым видом реальности. Добавьте к этому тот факт, что все образы купидонов были насильно причислены к херувимам и серафимам, и тем самым получился персонаж ещё более чуждый вновь созданному царю ужаса.

Следовательно, христиане были вынуждены искать в древней иконографии более подходящий образ, который был плодом грехов и мстителем за них, в равной степени жутким и внушающим ужас. Они нашли такого представителя уже готовым в образе *лярвы* или духа плохого умершего человека. Он всегда изображался как *скелет*, и такой образ вследствие прежних ассоциаций возникал в уме в те времена, когда (по словам Боттигера) «христиане, выбравшись из своих катакомб, заменили гения с перевёрнутым факелом, черепами и сгнившими костями своих мучеников». И то, что *лярва* обычно

изображалась в виде скелета видно, среди прочего, из строчек Овидия в его сочинении «Ибис»:

"Insequar atque oculos ossea larva tuos"

«Даже костяк мой, и тот встанет тебя ужасать!»
«Куда бы ни пошёл, там тень моя встаёт,
Бесплотный дух мой перед взором промелькнёт».

Сенека также смеётся над вульгарным понятием: «образ лярвы, каркас из висящих голых костей». Тримальхион на своём знаменитом пиру в целях увеселения бросает на стол серебряный скелет, так искусно сделанный, что он скакал по столу, дрожа конечностями, в то время как хозяин восклицал для вразумления:

"Heu, Heu, nos miseros, quam totus homuncio nil est,
Sic erimus cuncti, postquam nos auferet Orcus
Ergo vivamus dum licet esse bene".

«Горе, нам, беднякам! О, сколь человечишко жалок!
Станем мы все таковы, едва только Орк нас похитит.
Будем же жить хорошо, други, покуда живём!»[1]

Иногда такие лярвы изображались на геммах с той же целью, а именно, чтобы напомнить его владельцу о скоротечности жизни и о мудром наилучшим использованием отведённой ему жизни, говоря словами Вергилия из поэмы «Трактирщица»:

"Pone merum et talos, pereat qui crastina curat!
Mors aurem vellens ; Vivite, ait, venio!"

«Кости бери и вино. Сгинь, кто завтрашним днём озабочен!
За ухо смерть ущипнет, скажет: «Живите! Я здесь».[2]

Так, на одной гемме мы видим, как он протягивает своей костлявой рукой *лекиф* (длинный сосуд для масла с узким горлом), обычно сопровождавший любое греческое погребение,

1 Петроний «Сатирикон» перевод Б.И.Ярхо. – Прим. пер.
2 Перевод С.А.Ошерова. – Прим. пер.

а локтём опирается на огромную *амфору* с вином, словно предлагая наслаждаться её содержимым, пока ещё это во власти человека.[1] Другая ещё более причудливая композиция изображает купидона, освещающего светом своего факела глубины огромного коринфского *кратера*[2], из которого скелет бежит стремглав, как будто отпугиваемый ужасными бликами – заумный смысл этой композиции можно объяснить вышесказанными замечаниями («Impronte Gemmarie» «Слепки гемм», II. 10, 11).[3] Скелет также часто рисовали на стене склепа; например, душераздирающая сцена в Помпеях, где изображена мать, кладущая погребальную ленту на кости ребёнка. Во всех этих случаях такая форма была просто предназначена для того, чтобы символизировать *состояние* смерти, представив взору тело, покинутое жизнью и превратившееся в состояние выраженной смертности и тления, которое нельзя спутать со сном. Но легко понять, насколько быстрым был переход от иероглифа смертности, рассматриваемый как *состояние*, (особенно, если для простого ума этот образ также представлял беспокойное и злобное духовное существо) к принятию той же зловещей формы для воплощения идеи реального принципа уничтожения.

Но вернёмся к античным образам того же значения. Идея смерти остроумно и любопытно изображена на фреске, украшающей недавно обнаруженный склеп Винцентия и Вибии в катакомбах Прэтекстатус Рима. В сцене с надписью: «похищение Вибии и нисхождение» ("abreptio Vibie et Discensio") посланник судьбы «Меркурий» изображён поставившим одну

1 Точно такую же сцену можно увидеть на кубке орлеанского музея, где изображён танец скелетов. («Записки общества древностей Франции», том. XXXI)

2 Крате́р (др.-греч. κράτηρ, от κεράννυμι – «смешиваю») – древнегреческий сосуд из металла или керамики, реже – мрамора для смешивания вина с водой. – Прим. пер.

3 Такая лярва также указывает на мораль сцены, изображённой на лампе, описанной де Витте (Записки общества древностей Франции, 1871 г.), где сидящий философ со свитком в руках обращается к стоящему перед ним скелету; у ног философа лежит младенец в пелёнках. Эти атрибуты указывают на предмет раздумий философа – судьба человека от рождения до смерти.

ногу на огромную *урну*, лежащую на боку на земле. Намёк на *Орка* в название такого сосуда «orca» орка является достаточно очевидным, и на самом деле оба слова происходят от одного корня ἕρκος – *загон, тюрьма*. Но самым распространённым изображением, постоянно встречающимся на саркофагах и табличках, является *лошадь*, означающая уход, она глядит через окно на компанию, пирующую на празднике жизни. Ещё более выразительно передаётся это понятие в этрусской скульптуре (рисунки из Ревю археологического музей, 1844г.), где ангел смерти *Харун*, вооружённый как обычно тяжёлым молотом, ведёт лошадь, на которой сидит умерший с закутанной головой или "capite obnupto", то есть установленная форма при приведении в действие назначенного преступнику наказания. По той же причине, вероятно, голова лошади была излюбленным образом для перстня-печатки. Она служила *моменто-мори* (напоминанием о смерти), подобно головам смерти, которые были модными украшениями времени чинквиченто [дословно 500, т. е. 1500-1599 гг.], хотя античный символ имел другой смысл. То же понятие может лежать в основе давней традиции Южного Уэльса, когда ряженые носили череп лошади во время рождественского колядования.

Родственным этому является самое древнее изображение перевозки покойника в царство блаженства, представляемого как некий остров счастья на Дальнем Западе, на спине сказочного морского чудовища, похожего на крылатого морского змея, который позже стал римским Каприкорном или Козерогом, «правителем Гесперической Волны»:

«Ты, Козерог по праву заслужил
Всё, что лежит под солнцем заходящим!»

Так Милиний определяет власть этого земноводного знака. Его изначальное изображение часто можно встретить на финикийских скарабеях, что, без сомнения, имеет то же значение, поскольку Келюс описал этрусскую вазу (I, гр. 32) где то же чудовище изображено радостно бороздящим море, в то время как на другой стороне стоит плакальщица «praefica»,

поющая похоронный гимн над покойником, положенным на бронзовые дроги.

В продолжение первой части данной темы необходимо отметить, что на древнейшем памятнике греческой скульптуры (которым является ларец Кипселы, сделанный раньше 600 г. до н. э.) *Ночь* держит на руках двоих детей одинаковых во всех отношениях, кроме цвета, один белый мальчик, а другой чёрный мальчик, со *скрещёнными*[1] ногами как будто бы спящего ребёнка; над ними написаны их имена – *сон* и *смерть*, так как их мать спешит на помощь умирающему Мемнону. Из этого видно, что с самого рассвета изобразительного искусства скрещённые ноги были символом самого глубокого покоя; в то время как желание лентяя, «ещё немного подремать со *сложенными* руками», несёт такой же смысл, что и скрещённые руки Римского гения, который опирается на перевёрнутый факел. На этом шедевре Римской чеканки изображён помпейский *диск* «смерть Клеопатры», предмет изображения передан в равной степени правдиво и печально – прекрасный младенческий гений лежит на коленях умирающей царицы, на которые он опирается локтем, чтобы поддержать голову, как бы впадающую в лёгкую дрёму. Традиционная поза[2] сохранила своё значение, её хорошо понимали гораздо позже в Средневековье, бывшее свидетелем многих объёмных изображений воинов со скрещёнными ногами, которые упокоились от своих трудов и единственно по этой причине прослыли в народе крестоносцами.

Но во всём длинном перечне символов нет ни одного такого, который бы точно передавал это *отвлечённое* понятие, как наиболее часто используемая в этом смысле голова Горгоны. Согласно выше упомянутому объяснению того

---

1 διεστραμμένους τοὺς πόδας Вполне очевидный смысл этих слов критики умудрились неправильно понять, и перевели как «искривлённые». Но это ещё не всё; исключительно на основании этой грубой ошибки "Somnia vana" «пустые сны» Пропертия были превращены в "Somnia vara" «кривоногие сны», и с тех пор всё племя сновидений, как полагают, кривоногое.

2 Скелет ребёнка на выше упомянутом помпейском изображении имеет скрещённые ноги.

(стр. 107), что по своему происхождению этот потрясающий образ был предназначен для "vera effigies" «истинного изображения» Царицы мёртвых, он был самым выразительным из всех символов для обозначения её правления. В героические времена его *рисовали* везде, а также на щитах воинов. А с развитием искусства вырезанный на камее он стал постоянным украшением императорского нагрудника[1]. В таком виде он служил, как замечает Люциан (Филопатрис), «для устрашения врагов и для отведения любых опасностей от владельца», внушая смертельный ужас всем, кто видит его точно так же, как сейчас по непреднамеренному совпадению внушает ужас череп и скрещённые кости пиратского флага. Византийцы в истинном духе своих мрачных суеверий отбросили пред-итальянский образ, красоту которого они не понимали, и вернулись к изображению, придуманному в духе варварства пеласгов, любивших ужасы. Они видели в нём наиболее верное изображение их Мойры (Μοίρα), демона-разрушителя или *вурдалака*, который по поверью греческих крестьянин бродит по руинам и безлюдным местам. О том, что этот образ был принят с таким значением в византийской символике, убедительно свидетельствуют примеры приведённых уже талисманов. Из Византии Горгона перешла в готический стиль, который всегда получал удовольствие от ужаса, причём его гением вдохновителем был *скелет*, ужасный образ которого проникал в украшения любого рода, даже в рамы зеркал (например, у Лукреция Борджиа). Изощрялись делать изображения ещё страшнее, заменяя лица голыми черепами, а соколиные крылья Гермеса, которые раньше

1 «Accipe belligerae crudum thoraca Minervae
Ipsa Medusaeae quem timet ira comae
Dum vacat, haec, Caesar, poterit lorica vocari
Pectore cum sacro sederit, aegis erit»
Mart. VII, I.
«Панцирь суровый прими войнолюбивой Минервы,
В страхе пред коим и гнев самых Медузы волос.
Ежели, Цезарь, он пуст, то может быть латами назван,
А на священной груди будет эгидою он»
Лукан, Форсалия» VII, I, перевод А.А.Фета

служили для полёта, тощими крыльями родственных ей по духу и любимых птиц, обитающих в склепах *летучих мышей*.

Но из всех этих символов, ни один так не исполнен поэзией и истиной, как образ *крылатой ступни*, раздавливающей бабочку Жизни. Ступня, вероятно, выбранная по той же причине, что и лошадь, как выражающая наиболее ярко понятие *ухода*, также была признана символом смерти. Сравнение Горация, вероятно, знакомо всем читателям:

> "Pallida Mors aequo pulsat pede pauperum tabernas
> Regumque turres".
>
> «Бледная ломится Смерть одною и тою же ногою
> В лачуги бедных и в царей чертоги».[1]

По этой причине ступня стала своеобразным атрибутом инфернальных божеств; и её изображение, выбитое на камне, часто присутствовало в храме Сераписа,[2] по-видимому, как *ex voto* [обет] жертвователя, убежавшего от самого порога его тёмных владений. К этому обычаю имеет особое отношение то, что Моор часто видел в окрестностях индусских храмов, а именно вырезанные на камне ступни, которые, как обычно говорят, являются памятниками *сати*, отмечающими место, откуда преданная вдова ступала с земли на погребальный костёр, то есть небесные врата.

Уже давно стоит вопрос о том, как греческий *Аид* («Невидимый Аид») и римский *Плутон* изображались в телесном виде, как они были изначально задуманы, так как их *египетский* эквивалент Серапис изображался гораздо чаще на имперских памятниках, чем любой из его братьев, Юпитер или Нептун. В этом последнем стиле, он обычно изображается как *Плутос*, «бог богатства», сидящий на троне, держащий рог изобилия и протягивающий правой рукой гроздь лучших даров

---

1 *Гораций, "Оды", 1, 4, 13-14 (Перевод А. Семёнова-Тян-Шанского).- Прим. пер.*

2 Потрясающий образец тончайшего мастерства был найден при раскопках в Александрии несколько лет назад. Он может быть современником монеты Коммода той чеканки, которая имеет на реверсе голову Сераписа, стоящую на ступне, как на постаменте, и датируемую седьмым годом его правления.

земли. Но в какой форме первобытные греки представляли своего Адониса, Бога теней, прежде чем Серапис был введён в их мифологию, остаётся вопросом, на который никто ещё не дал удовлетворительного ответа. Мы бы нашли его на скарабеях этрусков и греков Древней Италии, если бы не давнее почитание ко всему божественному (прямо предписанному Пифагором), запрещавшее изображение богов на печатках, используемых для повседневных целей, вместо них изображали их атрибуты. По этой причине у этрусков популярным изображением на печати был Цербер иногда в образе человека с тремя пёсьими головами, но чаще в образе, известном нам по более поздним произведениям искусства. Но египтяне постарались сделать своего Хранителя теней гораздо более грозным, снабдив его головами льва, крокодила и гиппопотама. «Мы имеем также свидетельство того, в каком виде этруски изображали своего бога нижнего мира *Мантуса*, так как он изображён со змеями вместо ног, как Тифон, с большим тесаком мясника и в сопровождении Цербера; он сидит на троне, помещённом под нишей погребения или *локулом* в гробнице Кампана, Серветри.

«Шлем Аида», так названный Гомером (ст. 845), Паллас надевает для того, чтобы сделаться невидимым для Ареса. Этот *шлем* схолиаст [комментатор древних классиков] объясняет «облаками и невидимостью». Отсюда естественно предположить, что, так как это божество делалось *невидимым* по своим качествам, то нельзя и пытаться описать его внешность. Образ бога в длинном ниспадающем одеянии и с трезубцем без одного зуба, иногда изображаемый на ноланских сосудах, принимался за Адониса, но без достаточных оснований, так как есть более веские причины считать его Посейдоном архаического стиля. Эпитет «известный лошадьми» дан тому же богу в другом месте Гомером (ст. 445), намёк, несомненно, на *быстроту* разрушителя; и в этом эпитете, возможно, кроется причина, которая заставила греков признать *лошадь*, как выше замечено, самым простым символом его власти. Если бы нам встретилось подлинное античное или *раннее* толкование Похищения Прозерпины, это сразу бы решило вопрос образа мрачного

соблазнителя. Но зловещий характер этой темы (так явно изложенной Светонием в рассказе о перстне, подаренном Спором Нерону на Новый Год) полностью исключил её из репертуара художников и не оставил нам никаких сведений. Коллекция Штоша среди огромного разнообразия мифологических изображений не содержит ничего подобного, а Каспэ даёт в качестве примера только одну античную вставку (и то весьма сомнительного авторства), где бог с колчаном за спиной увозит нимфу в повозке, запряжённой двумя лебедями, атрибутами, приписываемыми Аполлону. И если действительно изображённое здесь относится к Плутону, то это свидетельствует о принадлежности этого произведения к последним временам язычества, когда Аид, Серапис и Феб одинаково воспринимались, как просто имена бога солнца.

Что касается римского Плутона, или, называя его родным именем *Дис* (*дитис*, от того же корня, что и “death” *смерть*), то из лучших побуждений он был исключён из сфер искусства, которые не признавали ничего отвратительного или с дурным предзнаменованием. Не может быть никакого сомнения, что в народном воображении он всё ещё продолжал быть *Харуном*[1], кого мы ещё видим в склепах этрусских учителей искусства в образе великана ужасной наружности с заострёнными ушами, клыкастой ухмыляющейся пастью, крылатыми котурнами на ногах, держащего в одной руке шипящую змею, а в другой чудовищный тесак. Вероятно, под традиционным влиянием этой идеи, именно это орудие «ма́цца»[2] использовалось в Риме для казни особо жестоких преступников до недавнего введения гильотины.

То, что Плутон на самом деле изображался на зрелищах Амфитеатра ещё в конце третьего века, можно видеть из замечания Тертуллиана («Апология» XXV), что, «среди прочих сценических жестокостей второй половины дня, зрители смеялись при виде Меркурия, воскресавшего мёртвых своим

1 Так как Этрурия была единственной школой искусств в Риме очень долгое время, то она снабжала образами и в равной степени именами все римские божества.

2 Дубина, палица (итал.) – Прим. пер.

раскалённым жезлом (приложенным, несомненно, к ногам убитых гладиаторов, чтобы понять, живы ли они); в то время как «брат Юпитера», вооружённый *тесаком*, провожал мёртвые тела воинов» (с целью нанести им «*coup de grâce*» последний, смертельный удар (которым добивают умирающего из жалости). Примитивные этрусские образы перешли к их средневековым потомкам, так как Данте выводит на сцену:

"Charon, demonic con occhi di bragia."

«Харона, дьявола с горящими углями вместо глаз».

Пришло время расстаться с богом теней и рассмотреть, каким *символом* древнее искусство пыталось выразить саму *тень* или бесплотный дух. Древние греки правильно изображали его в виде *птицы* с человеческой головой, как на красивой вазе «смерть Прокриса» (британский Музей), где явно видно, что такая птица вылетает из уст раненой нимфы. Знаменитый орлеанский (теперь русский) скарабей с изображением «смерти Ахиллеса», имеет на обратной стороне изображение того же существа, раздирающего себе грудь в агонии отчаяния. Этот выразительный образ не был, однако, порождением греческого гения, но был взят без изменений из самой древней символики Египта. На Суде «тела и души», обычно изображаемом на саркофагах, он представал в виде мумии, стоящей перед Осирисом, «Владыкой Запада», чтобы отвечать за свои *поступки*; в то время как душа, в виде сокола с человеческой головой и поднятыми крыльями предстояла перед тем же богом, но в другой форме, чтобы дать отчёт за *мысли*. И та же самая душа, очищенная и признанная богами, появляется как и раньше, но смиренная с золотой диском или «венцом славы» на голове. Образы такого рода в бронзе часто встречаются среди египетских реликвий, как поминание покойных друзей. Изображение этой птицы часто встречается на саркофагах прямо над *сердцем* (по-коптски «обителью души»), простое доказательство её значения. Хотя отец Кирхер с его всегдашней экстравагантностью выбрал другое объяснение, а именно изображение *вертишейки*, птицы, известной у греков

магическими действиями. То же понятие изображается просто рисунком улетающей птицы, что часто видно на этрусских предметах, посвящённых смерти героя. Это последнее несколько гротескное египетское понятие было заменено в греческой культуре изящной девушкой с крыльями бабочки под именем Психеи и в таком виде её можно видеть сидящей на могиле Ахилла, перед которой Поликсену собираются принести в жертву. Эта древняя птица с головой человека, согласно естественному ходу мыслей, в конечном итоге стала иметь совсем другой смысл. Вместо *мёртвых*, она стала означать *разрушителя*; сирены всегда изображаются в таком виде всякий раз, когда их беседа с Улиссом становится темой античного искусства, или когда они участвуют в неудачном для них состязании с музами. Но здесь ради изящества формы чудовища к телу птицы добавлена женская грудь. Несмотря на их красоту и певучесть, сирены всегда признавались самыми злобными и разрушительными существами. По этой причине *гарпии* также изображались в точно таком же виде. Хотя они одинаковы на первый взгляд, более утончённое искусство римлян ввело различие между ними, изображая сирену с женским *бюстом*, а гарпию только с *головой* женщины. Поскольку её имя означает «похитительница», считалось, что гарпии воплощают абстрактную идею смерти, и это объясняет, почему её часто изображают с мечом или погребальным *лекифом* на плече и факелом. По той же причине гарпия занимает видное место в украшении многих древних гробниц, если только этот символ не использован в египетском смысле.

Нельзя понять, в каком виде смерть изображена Еврипидом в его Алкесте из-за недостаточности сведений, предоставленных строками, относящимися к её появлению на сцене. Однако, ясно, что поэт выводит Θάνατος [слово Фанатос или смерть в греческом языке мужского рода] в телесной форме, возможно, считая его подобным Адонису, так как называет его «Царём мёртвых». А Макробий, говоря о том же событии, использует его римский эквивалент Орк. Всё, что можно почерпнуть из случайных намёков других *действующих лиц* относительно этого явления, заключается в том, что он был

облачен во всё *чёрное* и имел *меч*, которым срезал локон с головы приготовленной жертвы, и посвящал его подземным богам. Однако, возможно, что Еврипид вывел Θάνατος в виде гарпии, которую иногда можно было встретить в античном искусстве, когда изображался мрачный старик вместо улыбающейся женщины, и у кого, как знак власти, был обнажённый *меч*. В таком виде Разрушитель, вероятно, порхал перед глазами Стация, когда собирался принести в жертву молодую и красивую Глауцию:

> "Subitas inimica levavit
> Parca manus; quo diva feros gravis exuis ungues Snbitas
> ininiica levavit?"
>
> «Внезапно враждебная Парки рука поднялась.
> Зачем выпускает богиня суровая *когти*?»

Это последнее слово нельзя применить ни к кому, кроме гарпий, у которых *когти* были отличительным атрибутом:

> «Unguibus ire parat nummos raptura Celaeno».[1]
>
> «Замышляет Келено (одна из гарпий) монеты когтями схватить» (Ювинал «Сатира III»).

Тем не менее, такое изображение не было чем-то гротескным или оскорбительным для афинского взора. Совсем иначе дело обстояло с Κῆρ [Кер] пеласгов, также *облачённую во всё чёрное* (согласно обычному для неё эпитету Гомера) в том виде, в котором древний скульптор изобразил её на ларце Кипсела, «с клыками ужасными, как у любого дикого зверя». Такой образ был с энтузиазмом воспринят мрачным гением этрусков, восхищавшимся всем чудовищным и ужасным. Поэтому она изображалась на их печатках в том виде, который был описан Павсанием, с огромной головой Горгоны, оскаленной пастью, с увитыми змеями руками, с четырьмя

1 [Стаций. «Сильвы» II.] Ту же картину, вероятно, представлял Гораций, когда использовал такой образ…
"Mors atris circumvolat alis".
«Парит ли смерть на чёрных крыльях» (Гораций «Послания»).

парами крыльев, как у ассирийских божеств, и действия её яростно стремительные. Так, несомненно, появились фурии, выведенные на сцену Эсхилом, когда ужасный и странный их вид пугал афинских зрителей до смерти. Он, должно быть, оживил очень древнюю и *забытую форму* этой идеи, так как рисунки на вазах его эпохи показывают эвменидов, которые преследуют Ореста, в таком же ужасном виде, как у таинственных старушек, размахивающих змеями и факелами, когда они преследуют свою жертву от гробницы к гробнице.

Гробницы-сокровищницы

Серапис по своей двойной природе бога смерти и бога богатства был предметом предыдущих глав; настоящая глава будет посвящена рассмотрению наиболее удивительного способа, с помощью которого человеческое суеверие стремилось объяснить эти два понятия. Чтобы умилостивить *манов*, надо было положить в гробницу покойного его наиболее ценные или любимые вещи, что, вероятно, соблюдалось с самого начала института погребения. Но приводимое ниже описание следует назвать наиболее интересным из сохранившихся записей, в силу обстоятельств, времени, лиц и мест. Вот, буквальный перевод описания очевидца, одного из самых ранних итальянских антикваров, М. Л. Фауно, приведённый в его сочинении «Antichita de Roma» «Памятники Рима», стр. 154, опубликованном в 1553 году.

> «В феврале 1544 года в часовне короля Франции, которая сейчас строится в соборе Св. Петра по плану Юлия II, рабочие при раскопках наткнулись на мраморную гробницу; по вещам, содержащихся в ней, определили, что это могила Марии, жены императора Гонория. От тела, действительно, ничего не осталось, кроме зубов, волос и двух берцовых костей. Из одежд, в ткань которых было вплетено золото, и из головного убора, сделанного из шёлка с золотой нитью, была

получено путём переплавки более *сорока* фунтов [18 кг] чистейшего золота».

Суэций говорит *тридцать шесть* фунтов [16 кг], но насчитает в общей сложности всё золото, найденное там, на сумму выше указанного веса после переплавки по приказу Павла III., внесённое в фонд строительства собора.

«В гроб был положен серебряный ларец полутора фута [45,72 см] длиной и восемь дюймов [20,32 см] глубиной с большим количеством предметов внутри, которые мы собираемся подробно описать. Там находились вазы и разные вещицы из горного хрусталя числом тридцать, больших и маленьких, среди которых были как бы две чашки, не очень большие, одна круглая, а другая овальная с очень красивыми инталиями средней глубины (*меццо-каво*), а также *раковина улитки* (наутилус) из хрусталя в комплекте со светильником из тонкого золота, на который сначала устанавливается устье раковины так, что остаётся только отверстие для заливки масла. Сбоку отверстия прикреплена золотая *муха* на штифте, поворачивающемся назад и вперёд, чтобы закрывать отверстие. Таким же образом сделан наконечник с носиком (*pippio*) для фитиля, вытянутого, очень изящно заострённого и так прикреплённого к хрусталю, что как бы естественно составляет одно целое с ним. Крышка также очень хорошо сделана. По форме раковина похожа на большую морскую раковину, покрытую бугорками, которые в этом сосуде отполированы и весьма гладкие, так отлично отточен хрусталь. Были также вазы и различные предметы из агата, в том числе восемь небольших животных, а ещё две очень красивые вазы, как бы большие, низкие и широкие стеклянные *ампулы*[1] для масла и подобных жидкостей, настолько красивой и тонкой работы, что выглядят как чудо. Ещё одна ваза в форме ковша с длинной ручкой похожая на ковши,

1 Ампула, пузатая бутылка с двумя ручками (часто обтянутая кожей) (лат.) – Прим. пер.

используемые в Риме для наливания воды из цистерны, а также на сосуд, который, по-видимому, использовался в древности при жертвоприношениях (*лигула* – язычок для наливания вина из большого *кратера*). Затем шли четыре маленьких сосуда из золота разных видов, и ещё один маленький сосуд из золота с крышкой, украшенной драгоценными камнями. Маленькое золотое сердце было кулоном с драгоценными камнями; золотая пряжка с шестью разными вставленными геммами, также ещё двадцать четыре золотые пряжки разной формы с маленькими геммами, кроме того сорок восемь золотых перстней и *колец*[1] разной формы, одно из них красной кости, а также разные геммы. Мышка из "chelidonia", красноватого кварца также отмечена Суэцием (которая, вероятно, является следующим предметом), а также три зверушки из *красной кости*; также две подвески для ушей из изумруда или гелиотропа с двумя гиацинтами; четыре небольших крестика с красными и зелёными камнями; кулон в виде грозди винограда, выполненный из фиолетового камня; восемь других маленьких золотых кулонов разных видов с драгоценные камнями. Остатки верёвочки от детской трещотки (*crepundia*), обычное украшение маленьких детей. (Мария умерла в возрасте *четырёх* лет, будучи при этом рано обручена с Гонорием своим отцом всемогущим Стилихоном Stilicho). Три маленьких золотых крестика с изумрудами; фрагмент небольшого изящного ожерелья с зелёными камнями. Ещё одно маленькое золотое ожерелье с двадцатью четырьмя бусинами из гелиотропа. Ещё одно колье с двенадцатью бусинами из сапфира миндалевидной формы. Ещё одно маленькое ожерелье из золотой проволоки скрученной (*raccolto),* но разбитой на четыре части. Две маленькие золотые пуговицы; четырнадцать маленьких золотых проволочных кольца подобных кольцам кольчуги; ещё три крестика с изумрудами, круглая золотая пластина

1 Verghe: «verga» подобно французскому слову «полоска» означает простую золотую проволоку, образующую кольцо без перстня.

> похожая на Агнус Деи[1] с такими словами: «STILICHO VIVAT» [Да, здравствует Стилихон!] Два золотых браслета (*maniche*) с красными и зелёными камнями. Две большие булавки или шпильки для волос, одна золотая почти с ладонь (девять дюймов [22,86 см]) в длину с такими словами, DOMINVS HONORIVS DOMINA MARIA [Господин Гонорий, госпожа Мария]: другие предметы из серебра без надписи. Было также много фрагментов эмали и других камней. Также серебряные гвозди [их головки] частично плоские, частично выпуклые, на которых крепится серебряная крышка к ларцу. А также небольшая золотая пластина с такими словами, написанными или, скорее, *прочерченными* по-гречески: MICHAEL · GABRIEL · RAPHAEL · VRIEL [Михаэль-Габриэль-Рафаэль-Уриэль]».

Лаврентий Сурий насчитывает *сорока* золотых перстней с драгоценными камнями, помимо изумруда в золотой оправе, с выгравированной головой, по-видимому, Гонория, который был оценён в пятьсот золотых дукатов. Мы подробно описали всё выше названные предметы, поскольку Клавдиан, поэт тех времён, заявляет, что императрице Мария были отправлены подобные редкие подарки от её жениха, что, возможно, составило большую часть этих вещей. Слова поэта

> "Jam munera nuptae
> Praeparat, et pulchros Mariae sed luce minores
> Elicit ornatus : quidquid venerabilis olim
> Livia, divorumque nurus gessere superbae." (X. 10-13)
>
> «…Вот, готовы невесте подарки
> Красивые, но Мария светило хоть меньшее,
> Выбирала в отличие от почтенной встарь Ливии
> Украшения, роль свою горделиво играя».

Это описание позволяет нам сформировать какое-то понятие о сокровищах, хранящихся в большей или меньшей степени во всех гробницах знаменитых людей, но особенно в

1 Диск из штампованного воска около трёх дюймов [7,62 см] в диаметре.

роскошных сооружениях, возведённых в память об усопших в Малой Азии. Тот же факт вполне объясняет нападения на гробницы по всей Римской империи. Как только смена религии уничтожила прежний культ *манов* и священные для него предметы, имело место осквернение и разрушение произведений искусства, на которые Григорий Богослов, вдохновлённый хорошим вкусом и чувством необычным для византийского святого, нападал в ста восьмидесяти двух очень интересных поэтических эпиграммах.

Тот же обычай сохранился до наших дней (хотя вряд ли можно предположить, исходя из давних верований, его действительную древность) наследниками меровингов и карловингов Западной Империи. Учёный каноник Шифле оставил в своей интересной книге «Anastasis Childerici Regis» (лат. «Воскрешение короля Хильдерика»), подробную историю гробниц-сокровищниц, служащую иллюстрацией его описания гробницы Хильдерика Короля Франков, случайно найденную в стенах собора в Турне в мае 1654 года. Этот клад, насколько он может быть описан первыми нашедшими его людьми, состоял из регалий короля, сбруи коня (погребённого с ним), сделанной из золота и инкрустированной гранатами, золотые таблички и стилус для письма, множество золотых пчёлок, первоначально прикреплявшихся к его мантии (эту любопытную идею заимствовал Наполеон I), кулон в виде бычьей головы (первоначальный знак власти у франков), и наконец, *viaticum*[1] в количестве 100 золотых *solidi*[2] (солидов) чеканки времён византийских императоров и столько же динариев некоторых более древних кесарей. Благодаря тщательному исследованию канонику удалось восстановить все эти предметы, в том числе наиболее важные из них, а именно золотой массивный королевский перстень с печатью Хильдерика в виде его изображения и надписи своему покровителю эрцгерцогу Леопольду, тогдашнему наместнику Нидерландов. В какой-то последующий период наиболее важные из этих реликвий

1 Деньги в дорогу (лат.) – Прим. пер.

2 *Солид* – золотая монета, выпущенная в 309 году н. э. императором Константином. – Прим. пер.

попали в коллекцию библиотеки Империи [Кабинет медалей], где они пребывали в почёте до ужасного ограбления 1808 года, когда они, по всей вероятности, были переплавлены вместе с остальной добычей!

Рис. 9

Отношение гностиков к суевериям

I. Сглаз

К Серапису, как мы видели на одном из его недавно отмеченных изображений, особенно обращались для защиты от *дурного глаза* под его абстрактным понятием φθόνος. Поэтому рассмотрение этого самого древнего суеверия (которое до сих пор питает настроения в тех странах, которые дали ему рождение) составит прелюдию к грядущему разделу, рассматривающему талисманы и амулеты разного рода.

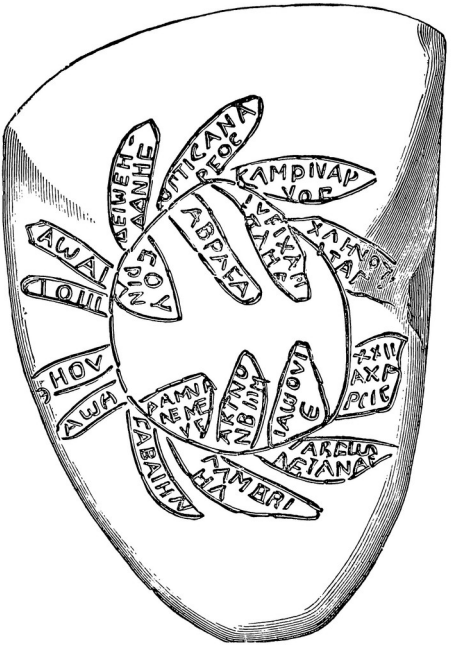
Вера в силу сглаза завистников или злых людей (для противодействия которому служили дошедшие до нас обереги) была присуща всем древним народам. Не стоит прибегать к классическим писателям в поддержку этого заявления, таким как Аполлоний Родосский, когда он умело использует это понятие и заставляет Медею одним своим змеиным взглядом вызвать смерть Талоса Бронзового, стража берегов Крита; также апостол Павел (Рим.1:29) определяет действие души через глаза в списке грехов самых мрачных красок. Но объяснение истинной *природы* воздействия на человека я нигде не нашёл, кроме следующего отрывка из Гелиодора («Эфиопика», III. 8), который поэтому заслуживает того, чтобы быть прелюдией к этой теме. «Скажи мне, любезный Каласирид, что за болезнь напала на мою дочку? Не удивляйся, ответил я, если идя впереди шествия на виду у такой толпы людей, она привлекла к себе чей-то *завистливый взгляд*. Как, сказал Харикл с насмешливой улыбкой, и ты, как простой люд, веришь в существование таких чар? Да, отвечал я, как и вообще в любой другой факт. Ведь вот в чём дело: этот окружающий нас воздух проникает через глаза, как бы через сито, через рот, зубы и другие пути в нашу внутренность. Те свойства, какими обладал он снаружи, вносит он в тех, кто его вдыхает, внося в них семена тех недугов, что были в нём, когда он вошёл в тело.

Поэтому, когда с завистью взирают на красоту, то наполняется окружающий воздух этим дурным свойством, и завистник источает на ближних полное горечи дыхание. Оно, будучи очень тонкой природы, проникает до самого мозга костей. Отсюда зависть оборачивается в обычную болезнь и получает особое название *ворожбы* βασκανία. К тому же, Харикл, обрати внимание ещё вот на что: сколько людей заразилось офтальмией и сколько другими заразными болезнями, вовсе не прикасаясь к больным, не разделяя с ними ни ложа, ни стола, а только дыша с ними одним воздухом. Так возникновение любви (прежде всего остального) подтверждает мои доводы, так как *оно* обязано взгляду, который стрелою вонзает в душу страсть. Этому есть веская причина, так как из всех ощущений и течений тела зрение – самое легко возбуждаемое и воспламеняющееся, и поэтому наиболее восприимчиво к внешним истечениям, вследствие своей свойственной огненной сущности, привлекающей к себе любовь. Если тебе нужны доказательства из естественной истории, записанной в наших священных книгах, так вот оно: овсянка обыкновенная исцеляет страдающих желтухой. Если больной этой болезнью взглянет на эту птицу, то она сразу старается исчезнуть, отвратив свой взор, и не потому, как думают некоторые, будто бы она отказывает в своей помощи, но оттого, что при взгляде больного она вынуждена по своей природе притянуть к себе эту болезнь подобно испарению. Поэтому она избегает взгляда, как удара. Ты, может быть, слышал о змее, называемой василиском, которая одним своим дыханием и взглядом сушит и губит всё, что ей попадается. Поэтому не надо удивляться, если случается людям сглазить тех, кто им всего дороже и кому они желают лишь добра, ибо люди завистливые по природе делают не то, чего желают, а то, что свойственно их природе».

II. О керавнии из нефрита, превращённой в гностический талисман.

Некоторые реликвии древности совмещают в одной реликвии так много разнообразных интересных вопросов относительно материала, странного различного использования одного предмета в двух противоположных фазах истории человечества, и, прежде всего, любопытные суеверия, порождённые её своеобразной формой, как например камень, к которому генерал Лефрой привлёк внимание Археологического Института. Сейчас он находится в хранилище Вулвич. Доброта этого джентльмена дала мне возможность тщательно изучить этот интересный памятник. Я продолжу передавать результаты этого исследования в такой сжатой форме, какую позволит мне разнообразие его природы. Итак, предметом этого раздела будет небольшое каменное орудие обычной формы, но из очень необычного материала (антикварного), сделанного не из кремня, а из тёмно-зелёного нефрита, 2 дюйма [5,08 см] в длину и 1 ½ дюйма [3,81 см] в самом широком месте. Есть основания полагать, что оно было привезено из Египта много лет назад полковником Милнером, адъютантом Лорда Дж. Батерста во время английской оккупации Сицилии в 1812 году. Каждую из двух граней занимают гностические формулы, выгравированные очень аккуратно, учитывая чрезвычайную твёрдость материала, искажёнными греческими буквами, которыми писали в Александрии в третьем и четвёртом веках нашей эры. Наиболее важная из этих двух формул была оригинально свёрнута в виде венка, состоящего из широких листьев числом *четырнадцать* (или удвоенная священная *семёрка*), и, несомненно, намекала на листья «пяти деревьев», чьё изображение так заметно в гностической символике; концы венка связаны четырьмя широкими лентами. Этому рисунку нет аналогов среди известных мне бесчисленных и удивительно разнообразных изображений, изобретённых плодовитой фантазией этой мистической религии. Четырьмя рядами выгравированы очень мелкими буквами разные комбинации из семи греческих гласных, в то время как на каждом листе

красуется «святое имя», из которых многие имена легко узнать, так как они постоянно пишутся на талисманах такого рода, другие искажены новой орфографией; а несколько имён из-за неясной надписи невозможно понять.



К первой группе относится ΑΒΡΑϹΑ или «Абраксас», собственно эпитет солнца, но обозначающий здесь верховное божество; ΙΑϢΟΥΙΕ, «Иао», «Иегова» ΑΒΛΑΝΑ, «Ты – наш Отец!» ΓΑΜΒΡΙΗΛ, любопытная орфография имени «Габриэль», что свидетельствует о трудности обозначения греками звука «б»; ΑΚΤΝΟΝΒϢ, в котором содержится коптская форма имени Анубис; ΔΑΜΝΑΜΕΝΕΥϹ, имя солнца из знаменитого «эфесского заклинания», и самое интересное из них ΠϹΑΝΤΑΡΕΟϹ, что не может быть ни чем другим, кроме ΙΨΑΝΤΑ из «Пистис Софии», одной из великих Τριδυνάμεις[1], сила которой возведена на престол на планете Марс. К неопределённым именам относится ϹΟΥΜΑ, возможно от ϹΟΥΜΑΡΤΑ, имени, встречающимся в других местах, и, по-видимому, однокоренное с индусским именем «Сумитри», ΧϢΝΟΝΙΧΑΡ, которое может иметь отношение к ΧΑΡ-ΧΝΟΥΜΙϹ, обычный эпитет Змея Агафодемона; ΑΕΙϢΕΗΑΑΝΗϹ; ΝΕΙΧΑΡΟΠΛΗϹ; два последних имени непонятны и очень необычны; ΜΟΝΑΡΧΟϹ; а ΑΧΑΡϹΙϹ и остальные появляются здесь впервые, если правильно написаны.

На другой стороне надпись, вырезанная гораздо более крупными буквами в *восемь* строк. Это число, конечно, не случайно, но имеет глубочайший смысл, так как оно таинственно в высшей степени, представляющее, как учил мудрейший знаток гносиса Марк, божественную Огдоаду, которая была дочерью пифагорейской Тетрады, матери всего творения.[2] Строки 2, 4, 5 состоят из греческих букв, используемых в качестве *чисел*, перемежаемых siglae [лат. инициалами], которые из-за их постоянного изображения на памятниках подобного рода, предположительно с веским основанием можно считать символами планет. Числа, в свою очередь, вероятно, обозначают различных богов, так как александрийский гносис был истинной дочерью персидской магии; в древней теогонии халдеев все боги и астральные духи имели своё *число*, которое часто ставилось вместо имени в посвятительных надписях.[3] Таким образом, числом Эа

1 Три силы (греч.) – Прим. пер.
2 Св. Ипполит, «Против ересей» VI, 50.
3 По этой любопытной теме, см. Ролинсон «Древние монархии», III,

(Нептуна), было 40, Ану (Плутона) – 60, Бела (Юпитера) – 50, Солнца – 20, Луны – 30, Аира – 10, Нергала (Марса) – 12 и т. д.

Фрагмент из «Пистис Софии»[1] давал «духовному человеку» ключ к правильному толкованию подобной стенографии своего вероучения. «Вот *Имена*, которые я дам тебе, даже от Бесконечного и ниже. Напиши то же самое кодом (шифром), так чтобы сыны Божии могли проявить (понять?) их из этого места. Это – имя Бессмертного, $\overline{\text{ΑΑΑ}}$ $\overline{\text{ΩΩΩ}}$.[2] А это – имя Гласа, посредством которого совершенный человек движется $\overline{\text{ΙΙΙ}}$. Они также являются толкованиями имён таинств. Первое есть ΑΑΑ, а толкование его ΦΦΦ. Второе есть ΜΜΜ или ΩΩΩ, а его толкование ΑΑΑ. Третье есть ΨΨΨ, а его толкование ΟΟΟ. Четвёртое есть ΦΦΦ, а его толкование NNN. Пятое есть ΔΔΔ, а его толкование ΑΑΑ, что выше престола ΑΑΑ. Это есть толкование второго ΑΑΑΑ, а именно: ΑΑΑΑΑΑΑΑ; оно же есть толкование всего Имени». Строки 7, 8, состоят из гласных в разном сочетании, скрывая от глаз профанов *Неизречённое Имя* ΙΑ$\overline{\text{Ω}}$ которое, как утверждают многие авторитетные источники (наиболее древний и надёжный из них Диодор Сицилийский)[3], было именем Бога евреев; оно передавало имя «Иеговы» греческими буквами.

Строка 3 состоит из семи гласных букв, размещённых в их обычном порядке. Это было самое сильное из всех заклинаний гностического репертуара. Важность этого имени оправдывает следующий большой отрывок из учебника этой теософии, в котором излагается его скрытый смысл и удивительное действие. Первоначальная идея, однако, была далека от таинственности, если мы примем высказывание автора сочинения «О толкованиях», а именно, что египтяне выражали имя Высшего Бога семью гласными в следующем порядке ΙΕΗΩΟΥΑ[4]. Но это единственное таинство было потом

стр. 466.

1 Гл. 125

2 То есть, утроенные 1000 и 800 Следующие числа утроенные 10 000 и т. д.

3 «Библиотека истории», I, 94.

4 Это на самом деле очень правильная передача еврейского произношения слова Иегова, если мы придадим каждой гласной её

усовершенствовано и составило основу других бесконечно более глубоких таинств. На надписи, найденной в Милете (опубликованной Монфоконом), Святого ΙΕΟΥΑΗΩΑΕΙΟΥΩ просят «защитить город Милету и всех его жителей»; простое доказательство того, что эта длинная комбинация выражает лишь имя какого-то божественного существа. Опять же, в «Пистис Софии» постоянно упоминается имя ΙΕΟΥ, неизменно сопровождаемое эпитетом «Первоначальный Человек», т. е., Тот, по чьему образу и форме был создан первый человек. Но в своё время наполовину пифагорейцу Марку было показано, что каждое из семи небес в своём откровении издавало свою гласную, а объединившись! они образовывали одно славословие, «чей перенесённый вниз на землю звук становится творцом и родителем всего сущего на земле»[1].

В греческом языке есть только одно слово, обозначающее и *гласную,* и *голос*; поэтому, когда «семь громов проговорили голосами своими», это означало, что семь гласных пронеслись по своду небес и составили это мистическое сочетание, которое святому провидцу было запрещено раскрывать смертным. «Скрой, что говорили семь громов, и не пиши сего»[2]. К этому лучше всего подходит имя, написанное на талисмане первой группы. Послушайте, что в «Пистис Софии» говорится относительно его силы.[3] «После этого его ученики сказали ему: «Равви, открой же нам таинства Света Отца твоего, ибо мы слышали, как ты говорил, что есть ещё крещение дымом и есть ещё крещение Духом Святого Света, а есть помазание Духом, и что все они приводят души к сокровищнице Света». Поведай нам таинства их, чтобы мы также унаследовали царствие Отца твоего».

Иисус же сказал им: «Вы ищите этих таинств? Нет таинства превыше этих таинств, которые приведут ваши души к Свету Светов, к местам Истины и Добра, к месту Святого святых, к месту, где нет ни женщины, ни мужчины, и нет никакой формы

истинный греческий звук.

1 Ипполит, VI, 48.

2 Откр.10:4.

3 «Пистис София» гл. 348 [143].

в этом месте, но вечный неизречённый Свет. Нет ничего превыше таинств, о которых вы вопрошаете, кроме *таинства семи Гласов и их сорока девяти Сил и их Чисел*. И нет имени превосходнее всех этих (Гласов)[1], Имени, в котором содержаться все имена, и все светы, и все силы. Если кто знает это имя, то когда он оставляет это тело материи, то ни дым (бездонной бездны), ни тьма, ни архонт сферы судьбы[2], ни ангел, ни сила не смогут удержать душу, знающую это имя. Но если он уходит из этого мира и называет это имя огню, то тот гаснет и тьма отступает. А если он назовёт его демонам Тьмы Внешней и их силам, то они все ослабнут, а их пламя разгорится, и они возопят: «Свят, свят ты, Святой всех святых». А если он назовёт это имя служителям, несущим возмездие, и их Властям и всем их Силам, а также Варвело[3] и невидимому Богу, и трём троесильным Богам, тотчас, когда будет названо это имя в тех местах, они все сотрясутся и падут друг на друга, так что вот-вот растают и погибнут, и громко воскликнут: «О, Свет всех светов, пребывающий в Бесконечном Свете, помяни нас и очисти нас!».

После такого откровения нам не надо больше искать доказательств частого употребления этой формулы на талисманах, если они, исполняя свой долг в этом мире, сопровождали их владельца в гробу, продолжая оказывать там защитное влияние ещё более высокого порядка, чем в жизни.

Для исследователя древней минералогии это *первобытное орудие* представляет большой интерес с точки зрения материала, как образца подлинного нефрита, носящего неоспоримые знаки греческого или римского искусства, которое, насколько мне известно, когда-либо было обнаружено. Пренебрежение к этому материалу в древности действительно трудно объяснить, если верить очень хорошему авторитету Корси, что тёмно-зелёная разновидность этого камня встречалась в Египте. Известное пристрастие римлян к камням

1 Очевидно, имеются в виду сочетание гласных на нашем талисмане.

2 Двенадцать Эонов Зодиака, создатели человеческой души, которую они жадно стремятся поймать, когда она высвобождается из тела, где была заключена, как в тюрьме.

3 Божественная мать Спасителя и одна из трёх «невидимых богов», гл. 351.

этого цвета, естественно, должно было привести их в таком случае к использованию этого камня для орнаментов, подобно приверженности китайцев, и умению оценить его как более твёрдую разновидность *смарагда*. Обстоятельства, при которых эта реликвия была привезена в Англию, являются основанием для предположения, что она была найдена в Египте; это предположение подтверждается прекрасным качеством камня согласно высказываниям Корси о его египетской разновидности. То, что *Александрия* была местом, где на его поверхность нанесли надписи, почти не вызывает вопросов. Такие надписи можно увидеть в бесчисленном множестве на других памятниках, которые можно с уверенностью причислить к этому же великому центру гностицизма. Кроме того, представляется весьма сомнительным, что в третьем или четвёртом веках можно было найти гранильщика где-нибудь в римской Империи, способного гравировать с таким мастерством мелкие символы внутри венка на материале такого почти несгибаемого упорства. Со времён Птолемеев вплоть до арабского завоевания и даже позже Александрия была местом изготовления ваз из горного хрусталя. Эта торговля служила для поддержания затухающего искусства глиптики, единственной целью которой было дальнейшее изготовление талисманов, которые партиями должны были регулярно поставляться вместе с хрусталём [1] в Рим, а также в другие важные города империи.

Древние египтяне, как и древние халдеи, использовали камни вместо металлов для режущих инструментов и продолжали их применять для изготовления конкретных изделий вплоть до исторического времени. Геродот упоминает о повседневном использовании заточенных «эфиопских камней» в качестве препарирующих ножей[2] при бальзамировании, а также для заточки стрел[3], которые использовали воины этого народа в армии Ксеркса. Гражданин Александрии,

1 "Dum tibi Niliacus portat crystalla cataplus" (Марциал, XII, 72). «Пока перевозишь на флоте торговом хрусталь». [cataplus Niliacus – торговый флот, построенный при Августе в Египте]

2 II, 86.

3 VII, 69.

наполовину еврей наполовину грек, который имел счастье подобрать этот первозданный инструмент, несомненно, радовался, веря в то, что получил «камень силы» могущественный по материалу, внешнему виду и природе. Поэтому он воздал должное уважение своему трофею, сделав его *посредником* своих традиционных заклинаний, нет, более того, он изобрёл новую формулу необычного сочетания и глубины мысли для оживления, присущих ему сил. Что касается *материала*, то камень, вероятно, приняли за *смарагд* исключительной величины, и этот камень, как пишет Плиний,[1] был рекомендован магам как подходящий материал для талисмана большой силы, который с должной гравировкой отводит колдовство, даёт успех на суде, предотвращает град и многое другое в том же роде. В древности *смарагд* был немного больше, общее название всех камней *зелёного* цвета, и все группы гностических гемм поразительно доказывает, что этот цвет считался обязательным для гемм-талисманов, поэтому почти самым распространённым материалом была зелёная яшма и зелёный халцедон.

Что касается *формы*, то это каменное орудие своей *треугольной* формой представляло самый священный из всех символов, таинственную Дельту, форма которой обозначала материнство и была иероглифом луны. Такое поверье упоминается Плутархом,[2] который объясняет, почему треугольник так часто сопровождает изображение особого атрибута Луны священного бабуина на памятниках, где также иногда треугольник изображён наверху колонны, а зверь стоит перед ней в позе поклонения.

Наконец, предполагаемая *природа* такого подарка судьбы не земная, так как тогда он почитался за святыню, «упавшую с Юпитера», являясь, по сути, ни чем другим, как одним из божественных громов. Такое понимание, несомненно, покажется странным современному уму, вернее, даже нелепым,

1 XXXVII, 40

2 «Исида и Осирис» ("De Iside et Osiride"), гл. 75. Он добавляет, что пифагорейцы называли равносторонний треугольник «Афиной», любопытное подтверждение этого предания было дано Аристотелем: Аттическая богиня была тождественна Луне.

что потребует от меня подробного изложения причин для такого утверждения. И, действительно, эта тема стоит тщательного исследования, когда видишь, как то же суеверие пришло от глубокой древности и распространилось в наше время почти по всей Европе.

В связи с таким пониманием я назвал это каменное орудие «керавния» (громовой камень), и поэтому мне остаётся только привести доводы в защиту такого названия, которое, вероятно, покажется большинству людей странным и неподходящим. *Сотакий*, кого Плиний называет «одним из наиболее древних авторов по минералогии», и также приводит из него цитату:[1] «как сделать два других вида керавний, чёрную и красную, напоминающие по форме *обух топора*. Из них чёрные и круглые керавнии являются святынями; посредством них можно захватывать города и флота. Они называются *бетилями* (Baetyli), в то время как сливовидная разновидность называется *керавнии* (Cerauniae). Некоторые выделяют ещё один вид, пользующийся большим спросом у магов, поскольку его можно найти только в местах, где ударила молния». Можно совершенно зайти в тупик, стараясь понять, о чём древний грек говорил в этой главе, так невнятно и сжато изложенной римским натуралистом, или найти какое-либо сходство форм молнии и обуха топора, если бы не народное суеверие, проявляющееся в Германии с незапамятных времён до наших дней, и подробно описанное Ансельмом Боэтием в его бесценном архиве средневековых традиционных знаний по всем вопросам, написанным в начале семнадцатого века[2].

Под обычными названиями «Strahl-hammer», «Donner-pfeil», «Donner-keil», «Strahl-pfeil» и «Strahl-keil» (молния-молот, гром-стрела, гром-клин, молния-стрела и т. д.) и итальянской «сагиттой»[3] он изображает каменные орудия или молотки пяти

1 XXXVII, 51.

2 «Исторические геммы и камни» ("Gemmarum et lapidum historia"), II, гл. 261.

3 «Саэтта» (простонародное итальянское ругательство), сейчас ограничено термином снаряд-молния, причём стрела лучника обозначается тевтонским словом "*freceia*" согласно склонности языка оставлять старые латинские термины для обозначения вещей не от

разных, но распространённых типов, заметив, что такой твёрдой была вера в то, что эти вещи являются «настоящими стрелами молнии» (ipsa fulminis sagitta), что если кто-нибудь попытался оспорить это, его бы приняли за сумасшедшего. Однако он признаётся с забавной простотой, что материалом для этих громовержцев в основном служит обыкновенный кремень, используемый для выжигания огня; более того, он смело заявляет, что должен согласиться с теми немногими *рационалистами*, которые в силу сходства формы этих талисманов с обычными орудиями, объявили эти предметы обычными железными орудиями, которые *окаменели* из-за долгого лежания в земле, если бы не свидетельство самых уважаемых людей о том, что они были найдены в местах, в которые ударила молния. Кроме того, цитируя Геснера, подробно описавшего некоторые случаи, он добавляет, что несколько человек уверяли его, что сами видели эти камни, выкопанные в местах, куда ударила молния. Современные натуралисты объясняют создание таких веществ в атмосфере предположительным присутствием сернистых и металлических частиц в парах, которые поднимаясь на определённую высоту, конденсируются при воздействии солнечного тепла и приобретают клиновидную форму в результате потери влаги и смещения более тяжёлых частиц к нижнему концу из-за гравитации! Несмотря на небесное происхождение, сила этого продукта не была потом причислена к пропорционально высшему порядку, распространяя своё действие не более чем на профилактику или лечение переломов у детей, если талисман клали в колыбель; а также, как хранитель сна взрослых людей. В наше время Юстин Кёрнер упоминает[1] те же имена каменных орудий, что были популярны среди грубых тевтонцев. Сейчас их в основном ценят за их силу в сохранении скота от падежа, и, следовательно, нашедшие их редко расстаются с ними.

мира сего, используя слова lingua militaris (военной терминологии) для повседневного пользования. Кремнёвые наконечники стрел, найденные в terra magna (великой земле) первых городов Умбрии, как полагают крестьяне, имеют небесное происхождение, и высоко ценятся в качестве переносных «громоотводов».

1 «Древние монархии», I, стр. 120.

Однако не следует полагать, что Сотакий взял это странное понятие у тевтонцев того времени, чьё существование было, вероятно, ему неизвестно. Он, безусловно, брал сведения у магов, на которых ссылается Плиний в конце отрывка. Греческий минералог жил «apud Regem», то есть при дворе персидского царя, по всей вероятности в качестве придворного врача, как и его соотечественники Демосед и Ктесий. В этих областях он мог часто встретить каменные кельты, так как Ролинсон отмечает[1], что кремнёвые топоры и другие орудия в точности соответствующие европейским изделиям по качеству работы, *часто встречаются* во всех древнейших курганах Халдеи на месте первобытных городов. Такие высоты на абсолютно ровной поверхности нескончаемых равнин наиболее подвержены молниям; и отсюда, вероятно, возникла мысль, что эти странные камни (традиция их правильного применения уже давно умерла среди использующих железо персов) были подлинными огненными молниями, которых видели исчезающими в глине. Возвращаясь к немецкому поверью, необходимо помнить, что Тор или Северный Юпитер изображался вооружённым огромным молотом вместо классической молнии. Этот образ бога родился в очень отдалённую эпоху, когда каменный молот был самым действенным и грозным оружием, и сохранился без изменений из уважения к древности, после того, как истинный смысл этого атрибута был полностью забыт. Тем не менее, его поклонники, привыкшие к молоту в руках бога громовержца ὑψιβρεμέτης Ζεύς, естественно пришли к выводу, что странные предметы неизвестного назначения, время от времени находимые глубоко в земле, были подлинными снарядами, посылаемые божеством. Замечательным доказательством широкого распространения этого поверья является то, что покойный владелец данной реликвии часто говорил о ней как о «громовом камне», это имя он мог узнать только от арабов, у которых оно было принято, понимая, что никогда не было такого понятия в отношении *первобытных орудий* в этой стране. Но те, кто помнит события сорокалетней или более

1 В своём маленьком трактате о талисманах.

давности, может припомнить, что по всей Англии находили окаменелые белемниты, которые безоговорочно воспринимались всеми, за исключением немногих пионеров геологии (это слово было почти синонимично атеизму), как подлинные молнии из туч, и под этим наименованием были повсеместно известны. Я, например, могу припомнить рассказы, вполне подтверждающие цитируемые истории Боэтия относительно *керавний*, рассказанные о нахождении новых упавших *белемнитов* при точно таких же обстоятельствах. По правде говоря, тот же автор в предыдущей главе подробно рассматривает белемниты. И его записи показывают, что это название означало тогда, и что оно означает в настоящее время. Но он присваивает такому снаряду адский, а не небесный источник, дав ему тривиальное название «Alp-schoss» (выстрел эльфа), который он классически переводит «дротик инкуба», заявляя далее, что его почитали (по старому доброму правилу «similia similibus curantur», «подобное излечивается подобным») как мощное средство защиты спящего от визитов этого страшного ночного демона. Прусские, саксонские и испанские врачи использовали его; при обработке камня его посыпали порошком в равной степени сильнодействующего *lapis Judaicus* (иудейского камня). Считали, что он особенно помогает при плеврите в силу своей *заострённой* формы, аналогичной *резким* болям этой болезни, как учила общепринятое «учение о сигнатурах».

Керавнии Сотакия, однако, охватывали помимо этих примитивных изделий человека другие материалы, трудно сказать метеориты ли или окаменелости, природу которых надо ещё обсуждать. Фотий[1] после цитирования следующего отрывка: «я увидел *бетиль*, двигавшийся по воздуху, иногда завёрнутый в облачение, иногда несомый в руках служителей», приводит вкратце дивную историю, рассказанную человеком, нашедшим это чудо, неким Евсевием из Емесы. Он рассказал о том, что однажды ночью его охватило внезапное и необъяснимое желание пойти в очень древний храм Минервы, расположенный на горе, на некотором расстоянии от города; он отправился в путь и, придя туда, присел отдохнуть. Вдруг он

1 «Библиотеки», 1063, P.

увидел огненный шар, падающий с небес, а также чудовищного льва, стоящего рядом с ним, но сразу же исчезнувшего. Побежав, чтобы забрать его, как только пламя погасло, он нашёл *аналогичный* бетиль. На вопрос, к какому богу он принадлежит, вещица ответила, что пришла от Благородного (так называют статую Льва, стоящую в храме Гелиополиса). Евсевий тогда побежал домой со своим трофеем, преодолев расстояние в 210 стадий (26 миль [41,84 км]) ни разу не останавливаясь, будучи совершенно не в состоянии сдержать силу камня! Он описал его так: «идеальная сфера беловатого цвета одной пяди в диаметре, иногда приобретающая фиолетовый[1] оттенок, то расширяющаяся, то сжимающаяся в размерах, с надписью, сделанною киноварью, которой он дал толкование. Камень также при ударе о стену даёт ответы вопрошающим его низким свистящим голосом». Зерно истины в этой огромной куче лжи достаточно очевидно – Евсевию посчастливилось увидеть спуск метеорита и завладеть им, рассказав все эти басни о нём для того, чтобы повысить авторитет вещего камня (который, несомненно, принёс ему большие сборы) среди доверчивых обывателей. Дамаскин[2] (чья «Жизнь Исидора Фотия» является здесь воплощением) добавляет, что этот философ высказал предположение, что этот камень был обиталищем духа, хотя не из нечистого, приносящего вред рода, но и не из рода совершенно нематериального характера. Он далее замечает, что другие известные *бетили* были посвящён Сатурну, Юпитеру и Солнцу. Более того, Исидор сам видел много таких *бетилий* или *бетилиа* на горе Ливан, рядом с Гелиополем в Сирии. Что касается происхождения слова *бетиль*, предложенного византийцем Исихием, то он считает, что это слово произошло от «bsete» или козьей шкуры, в которую Реа завернула камень и отдала его старому Сатурну, который тот проглотил вместо новорождённого Юпитера. Но эта версия не может считаться более удовлетворительной, чем версия Бохарта, который как ортодоксальный богослов, обнаруживает в камне следы каменного столпа, поставленного

1 У греков фиолетовый включает все оттенки от тёмно-красного до фиолетового.

2 Философ-стоик при Юстиниане.

Иаковом в Вефиле, и благоговейно стремится навязать версию Санхуниатона, который говорил о «живых» камнях бетиль,[1] чтобы подтвердить свою версию, исправив в тексте это определение на «помазанный» (камень)[2]. Этот последний *бетиль* вне всяких сомнений является тем же самым камнем, описанным псевдо-Орфеем[3] под названием сидерит или как *оживлённый орит* «круглый, чёрный, тяжёлый, в окружении глубоко вырезанных борозд». В первом из этих эпитетов можно легко узнать железистую природу, присущую всем метеоритам (сидерит в настоящее время относят также к магнетиту), в то время как второй (орит), кажется, указывает на местность, где они изобиловали, а именно, на гору Ливан.

Сотакий обращает внимание на действенную силу *бетиля*, приносящую успех в морских набегах и осаде городов, обильно иллюстрируя это стихами одного поэта-мистика, который, следует помнить, может претендовать на очень глубокую древность, так как есть достаточные основания, что это Ономакрит, современник Писистрата шестого века до нашей эры. Прорицатель Гелений, по его словам, получил этот вещий камень от Аполлона, и он детально описывает обряды для руководства всем последующим обладателям этого сокровища, с помощью которого троянец пробудил дух в «сфере гласов». Этого добились посредством трёх семидневных постов и воздержания, путём заклинаний и жертв, приносимых камню, купая и пеленая его, ухаживая за ним, как за младенцем. Благодаря его помощи, когда, наконец, он исполнился жизнью, провидец предатель сообщил Артриду о скором падении Трои; камень говорил ответы голосом, напоминавшим слабые крики младенца, требующего грудь. Более чем вероятно, что Орфесий, описывая этот орит, имел в виду шалиграм или священный камень Вишну, до сих пор используемый браминами во всех искупительных обрядах, особенно в обрядах на смертном ложе. Соннерат описывает его как «разновидность аммонита круглой или овальной формы, чёрного цвета и очень тяжёлый». *Бороздки*, покрывающие его поверхность, были проведены

1 «Кроме того, бог Уран придумал бетиль, изобретя камни, которые двигаются как живые».
2 Быт.35:14 – Прим. пер.
3 Λιθικά, 355.

Вишну собственным пальцем. Когда его нашли, он был фиолетовым; на него смотрели с ужасом, как на представителя карающего аватара этого бога. Его обладатель держит камень завёрнутым в льняные пелены, как ребёнка, часто купает его и возливает ароматы согласно обрядам, предписанным нашим поэтом ради советов оракула из сидерита.

Из всего этого можно сделать вывод, что «камнем силы», *бетилем* или *оритом* в большинстве случаев была просто окаменелость в виде железистой друзы или морского ежа с большим содержанием железного колчедана. Их находят в изобилии в одной конкретной местности, что исключает мысль об их метеоритном происхождении; кроме того, метеориты никогда не имели стандартной формы, но выглядели просто как фрагменты железного шлака. Это объяснение Боэтий подкрепляет рисунками[1] того, что тогда называлось «Donner-stein» или «Wetter-stein» (гром-камень или гроза-камень) и что он очень правдоподобно отождествляет с *бронтией* Плиния, «которая попала в голову черепаха во время грозы», и которая описана в другом месте как «глаз индийской черепахи», получившей дар пророчества. Его тщательно нарисованный Donner-stein (который также легко принять за «grosser Kroten-stein» более крупный жабий камень), доказывает, что это всего лишь окаменелость морского ежа более *сплюснутой* формы, чем обычные разновидности. Обычный жабий камень, часто встречающийся в средневековых кольцах, был, с другой стороны, небольшой полой полусферой, ископаемым зубом вымершей рыбы, найденной в формации глауконита. В это время считалось, что Donner-stein обладал многими свойствами жабьего камня, белемнита и Ovum Anguinum змеиного яйца, как противоядие, а также приносил успех во всех предприятиях, обеспечивая спокойный сон и защиту от молнии. Но старый врач, опережая своё время, не мог удержаться, чтобы не написать список его свойств с намёком: «Fides saepe veritate maior», «Вера часто сильнее действительности».

Каменные обухи топора или молота, известные нам под общим названием кельты, до недавних исследований считались сравнительно редкими древними реликвиями, найденными в восточных землях и в некоторых европейских

1 II, гл. 26.

странах. Однако, сведения относительно предметов этого класса значительно расширились. Г-н Джеймс Йейтс опубликовал в археологическом журнале образцы каменных цельтов с острова Ява; интересный экземпляр, найденный в Сардисе, дан в томе XV, стр. 178, а некоторые другие были найдены г-ном Лэйардом в Ниневии. Орнамент или надпись на таких предметах очень редки, но среди многочисленных каменных орудий, найденных в Греции, одно отмечено г-ном де Мортиле («Materiaux pour l'Histoire primitive de l'Homme» «Материалы по истории первобытного человека», январь 1868 г., стр. 9), «рисунок и *эстампаж* которого он получил из Афин. Оно описано так:

> "Une hache en pierre serpentineuse, sur une des faces de laquelle on a grave trois personnages et une inscription en caracteres grecs. L'ancien outil a evidemment ete, beaucoup plus tard, quand on a eu completement oublie son usage primitif, transforme en talisman ou pierre cabalistique."
>
> «Каменный топор из серпентинита, на одной из поверхностей которого вырезаны три фигуры и надпись греческими буквами. Древнее орудие, очевидно, намного позже, когда было совершенно забыто его первоначальное использование, превратилось в талисман или камень каббалистов».

На ежегодном заседании Антикваров Севера в Фредериксборге 21-го марта 1853 года под председательством покойного короля Дании экспонировались последние приобретения его частной коллекции. Среди них был каменный обух топора (длина около 6 ½ дюймов [16,51 см]) с отверстием для ручки, и отличавшийся тем, что на одной из его сторон было четыре рунических символа, которые, по-видимому, были вырезаны на камне в какой-то более поздний период по сравнению с его первоначальным использованием. Он был представлен в Записках Общества, 1850-1860 гг., стр. 28; см. также «Antiquarisk Tidsskrift» («Журнал антикваров»), 1852- 1854 гг, стр. 258-266. Я в долгу перед моим другом, прекрасно владеющим рунами и скандинавской археологией, доктором Чарльтоном, бывшим секретарём общества Антикваров

Ньюкасла, за следующие замечания относительно этой интересной реликвии.

«Первая буква – L (Л), и, если мы примем идею этих Рун Победы, то она может обозначать первую букву слова Локи ; вторая буква – Th может обозначать Тора; третья буква O обозначает Одина, четвёртая буква Белгтор с буквой T над ней обозначает дружбу Белгтора и его союз с Тором, а T обозначает Тира. Можно представить, что имена северных богов, вырезанные на этом каменном топоре, должны были обеспечить ему победу в бою, так же как древние немцы и саксы вырезали мистические руны на своих мечах. Этот обычай отметил Хэйк в своём сочинении «Завоевания Британии саксами», стр. 28, таб. 1, где он изобразил среди различных примеров *футарка* или рунического алфавита его инкрустацию на мече или ноже, найденном в Темзе, а сейчас он находится в Британском музее. Там же на стр. 5, таб. III, рис. 20, он привёл также руническую надпись на серебряной головке эфеса шпаги, найденную в Гилтоне, Кент, ранее бывшую в коллекции покойного г-на Рольфа из Сэндвича и впоследствии перешедшую к г-ну Джозефу Майеру. Эта реликвия сейчас находится в музее, подаренная им в знак поддержки археологической науки в городе Ливерпуль. Перевод последней надписи следующий: я добавляю победу к великим деяниям.[1]

> «Было ещё одно объяснение символов на датском каменном топоре. На нём было написано ЛЮТЕР, о. Людр владеет именно оружием с этой надписью».

В древних Сагах, как заметил Нильсон в «Первобытных жителях Скандинавии» (перевод сэра Джона Лаббока, Барт, стр. 214), есть упоминание об амулетах, называемых камнями жизни, камнями победы и т. д., которые воины одевали во

1 «Археология», т. XXXII. стр. 321. Наконечник копья с рунической надписью помещён в журнале Британского Археологического Общества, т. XXIII. стр. 387. Существуют массивные кольца из металла с надписью рунами, которые, возможно, были, как предполагают некоторые антиквары, прикреплены к рукояти меча, как амулеты. Одно из этих колец, недавно найденное в Карлайле, принадлежит г-ну Роберту Фергюсону Мортону, живущему недалеко от этого города.

время битвы для достижения победы. Любопытный случай приводится в одной саге, повествующей о том, что король Нидунг, готовясь к битве, вспомнил, что забыл драгоценную фамильную реликвию, камень, который обладал силой приносить победу. Он предложил руку своей дочери и третью часть своего королевства тому, кто доставит ему этот талисман до начала битвы; и, получив его, он победил. В другом рассказе дочь сканского воина во время сна крадёт камень, висевший у него на шее, и отдаёт своему возлюбленному, чтобы тот стал победителем. Нильссон отмечает, что в музеях есть камни, например обух молота с петлёй, которые, по-видимому, носили таким образом в качестве талисманов на войне.

Едва ли есть необходимость обращаться к некоторым каменным обухам топора, которые по виду похожи на знакомые нам топоры, какие можно найти в Европе. На этих орудиях простая гравировка, как например, лицо человека и т. д. Такие предметы, один из которых, что хранится в музее Дуэ, уже много упоминался, могут быть «камнями победы» древних первобытных людей, но сейчас за ними признают карибское происхождение, а не европейское.

Часть III. Геммы Абраксаса, Абраксастера и Абраксоиды

Культ Агафодемона

> «Было время, – пишет Маттер, делая на этом акцент, – когда именно в иудаизме, особенно в каббале и системе Филона люди пытались найти важное звено человеческого разума, связывающего древний и современный мир или цикл, в котором важную роль играл *гностицизм*. Относительно объяснения писаний и понимания взглядов Оригена, Иринея и других отцов церкви на гностицизм, еврейский элемент всё ещё сохраняет свой древний примат. Но в случае с *вещественными* памятниками, дошедшими до нас от самих гностиков, мы должны быть полностью убеждены в том, что именно в *древностях Египта* нам следует искать основные сведения. Если понятия, терминология и символы иудаизма (т. е. каббалы) одолжили некие доктрины этой системе, то *египетское* искусство дало ей большую часть её символов».

Этот грандиозный переход древней мудрости Египта в новую фазу наиболее ярко проявляется в многочисленном классе гемм, обычно и без разбора называемых *Абраксасами*, камнями *Василида* или *гностиков*, которые были почти единственными изделиями уходящей глиптики в течение последних двух веков Западной Империи. Но, вопреки общепринятому понятию об их природе, тщательное изучение их многочисленных подразделений полностью убедило меня в том, что лишь самый мизер от их огромного количества носит следы влияния христианского учения. Большей частью они являются плодом религиозных идей, расцвет которых был

задолго до первой зари христианства. Значительная их часть, действительно, уходившая корнями в древнюю египетскую мифологию, больше была связана с магией и медициной, чем религиозными предметами, и их применение в качестве талисманов указывает на более древний период их возникновения, чем геммы собственно «Абраксаса», дата происхождения которых исторически установлена. Следовательно, лучше начать рассмотрение этого предмета в первую очередь с изображений Агафодемона, Хнуфиса и Хнефа, часто называемых «драконтиями», и ошибочно приписываемых офитам или подобным наполовину христианским сектам, как их фактическим *изобретателям*.

Однако нельзя отрицать, что, хотя названные сектанты не *придумали* этот символ, но они в основном приняли его в качестве отличительного знака или, используя их термин, «печати». И это обстоятельство приводит к наблюдению, которое применимо в равной степени ко всем талисманам и может удачно служить в качестве предисловия к следующему трактату по некоторым их классам. В примитивном поклонении силам природы все религии Старого Света обожествляли великие видимые силы Вселенной. Поэтому Высшие Существа принадлежали к настоящему миру, и, следовательно, все благословения, которые они могли послать, были ограничены этой жизнью. Любые средства, независимо от их вида, должны были обеспечить доброжелательность этих Сил ради материальных благ, а именно богатства, покоя, долгой жизни, потомства, фактически всех тех наград, которые были обещаны Моисеем послушным израильтянам. Рассматриваемые нами геммы, будучи наследием этой древней религии, были созданы для обеспечения материальных, а не духовных даров для их владельцев. Духовные дары даже и не снились людям, верящим, что "mors ultima linea rerum est"[1] Этот факт объясняет, почему так много гностических гемм в действительности были не более чем лечебными средствами, и регулярно прописывались врачами среди язычников и

1 «Смерть – последняя черта всех вещей». Гораций, «Послания», I, 16 – Прим. пер.

христиан от Нехепсоса до Александра Траллиана. Но, с другой стороны, истинные гностики, чьим единственным занятием было познание иного мира, применяя к учению древней религии тот же метод толкования, который использовали каббалисты по отношению к текстам Моисея и пророков (гениальные примеры которого оставила нам «Пистис София»), пытались поместить все произведения прежней веры в то же Прокрустово ложе, и, следовательно, пользовались теми же символами, и более того, продолжали изготовлять их, по-своему понимая их значение.

Агафодемон или «Добрый гений», чьё имя само по себе объясняет причину, почему он изображался на украшениях, призванных защищать своего владельца от всяких болезней и несчастий, изображается в виде огромного *змея* с головой *льва* в венце из *семи* или *двенадцати* лучей, явно свидетельствуя о том, что он является воплощённым пониманием бога Солнца. Этот образ, как правило, сопровождается, либо на аверсе или реверсе, соответствующем именем, написанным по-разному ΧΝΟΥΒΙΣ, ΧΝΟΥΦΙΣ и ΧΝΟΥΜΙΣ [Хнубис, Хнуфис и Хнумис], в зависимости от того, как гравёр пытался передать трудный для греческого языка звук «Б». Это имя Салмасий[1] считает переводом коптского слова ΧΝΟΥΒ [Хнуб], *золото*; и этим объясняет другое название, которое иногда употребляется вместо него, ΧΟΛΧΝ-ΟΥΒΙΣ [Холхн-Убис] или «полностью золотой». Яблонский, однако, считает, что слово более правдоподобно происходит от ΧΝΟΥΜ [хнум], *добрый*, и ΙΣ [ис], *дух*, и, таким образом, получается, что «Агафодемон» – буквальный перевод этого имени[2].

Последний стал в Египте в третьем веке популярным названием змей с капюшонами. Лампридий пишет: «Heliogabalus Aegyptios dracunculos Romae habuit, quos illi *Agathodaemonas* vocant» [лат. «У Гелиогабала в Риме были

1 Он довольно подробно рассмотрел этот предмет в своём альманахе, в трактате «De Anno Climacterico» «Переходная эпоха».

2 Прототипом, по-видимому, является древнее изображение Атмона (Солнца), называвшегося HFE – «Змеем» *par eminence* [в высшей степени], и который был крылатым змеем с руками и ногами человека. Так он изображался на саркофагах, как хранитель мумии.

маленькие египетские дракончики, которые там назывались агафодемонами»]. Это был урей, которого часто можно видеть на египетских памятниках, где этот знак царской власти был помещён на голову правителя. Это – «хаджи хашер» современных арабов, это – кобра индусов. Мне встречался большой сердолик, выгравированный в позднем римско-египетском стиле с двумя изображениями императоров, *смотрящих назад*; а на реверсе Змей Хнуфис и надпись *римскими буквами* AGATHODAEMON [Агафодемон], единственный случай талисмана, известный мне, с латинской надписью, что вполне подтверждает версию Яблонского относительно коптского названия. В классическом греческом языке первоначальный Кнеф становится *Канопа*; отсюда часто появление сосудов канопа между двумя змеями на геральдических изображениях. Но в более позднее время, столь плодовитое на талисманы Хнуфиса, канопы больше не появляются на геммах.

Древний Агафодемон в виде родственной ему кобры всё ещё навещает окрестности индусских храмов, как и древних святилищ Исиды. Он выходит из своей норы на звук маленькой флейты, чтобы принять подношение в виде молока от храмового служителя. Как в древности, так и сейчас у индусов, он является особым хранителем тайных сокровищ; и когда заминдар помещает клад в приготовленное им укрытие, он для большей надёжности помещает туда змея, чтобы сторожить золото. Светоний пишет, что у Тиберия был наиболее подходящий для этого питомец "serpens draco" «змея-дракон», но найдя её однажды съеденной колонией муравьёв, подозрительный кесарь принял через её судьбу предупреждение остерегаться силы множества слабых индивидуальностей. И в последствие оградил себя от опасности народных возмущений, скрываясь в недоступной твердыне Капри.

Но вернёмся к изображению Агафодемона на наших геммах. Над семью лучами венца Льва в определённом порядке часто написаны семь гласных букв греческого алфавита ΑΕΗΙΟΥΩ, свидетельствующие о семи небесах, о таинстве которых будет сказано в соответствующем месте. На реверсе таких гемм неизменно присутствует особый символ,

напоминающий букву S или Z, повторённую трижды, или спиральные витки шнура, вертикально пронзённые посередине прутом. Для объяснения этого символа было предложено много самых невероятных версий. По самой гениальной, но и самой фантастической версии он представляет спинной мозг, проходящий по позвоночнику, что является, несомненно, хорошим образом для целительного талисмана. Но каким бы ни было его первоначальное значение, он был, вероятно, привезён в своём нынешнем виде из Индии (истинном источнике гностической иконографии). Его нужно рассматривать в двух вариантах, в сериях 16 и 17 на гравюре VII замечательного сочинения Э. Томаса о первобытной чеканке Индии, среди выгравированных знаков.

Змей Хнуфис

Лиможская эмалированная табличка двенадцатого века (из коллекции г-на Октавиана Моргана) на одной стороне имеет изображение «Моисея», возносящего медного змея для "Filii Israel" [«Сынов Израиля»]. На другой стороне виден «similis Aaron» [«похожий на Аарона»] человек, наносящий тростниковым пером начертание мистического креста Тау на лоб избранных. Первое из этих изображений предлагает самый необычный характер изображения змея с *головой и гривой льва*, настоящий Агафодемон Хнуфис наших александрийских талисманов. Удивительно, что эта форма сохранилась до такого позднего времени; это указывает на народное поверье, что этот символ дарует жизнь и здоровье. Это поверье, вероятно, пришло с тех времён, когда многие носили такие египетские талисманы, как говорит Гален, для защиты грудной клетки. Медный Змей Моисея и Агафодемон гелиотропа царя Нехепсоса, по всей вероятности, имели одно и то же происхождение. Эти маленькие слитки пускались в оборот и служили единственной валютой индусов до прихода македонцев в Бактрию. Но наиболее вероятное решение вопроса заключается в том, что символ изображает овитый змеем жезл Эскулапа (сам по себе трудно объяснимый), или

посох египетских жрецов. Гемма из рода Ацилиев с изображением на аверсе головы Эскулапа, а на реверсе *посоха* (не привычного жезла), стоящим вертикально и обвитым змеем *три* раза делает мои предположения почти доказанными. Этот образ, слегка искажённый при ношении, идентичен по внешнему виду символу Хнуфиса. Спираль часто принимает форму отдельных букв S S S, пронизанных вертикальной линией. Целебная сила, приписываемая этому знаку, опять же, свидетельствует о его происхождении от посоха бога врачебного искусства. Известный врач Марцелл Эмпирикий (который процветал в Бордо при правлении Феодосия) обещает замечательное действие при лечении плеврита от ношения этого самого образа, выгравированного на лазурной скифской яшме. Верно ли это обещание, или нет, но сам символ обладает чудесной силой. Сокращённый до двух S, он стал любимым символом во времена рыцарства шифрованного слова *Fermesse*[1] (SS *fermèes* или «скрытый») и символа постоянства. Отсюда получается, что этот древний египетский символ теперь

1 Этот символ в своей простейшей форме $ изображается в изобилии на всех зданиях Генриха IV, который здесь просто объясняется его отношением к Габриэль д'Эстре, шифр скрывается в звуке "S pereé d'un trait" «S, пронзённом чертой». Но Лонгпьер доказал, что тот же рисунок можно найти на медалях матери и сестры Генриха, и даже на изделиях для Анны Австрийской, и он соглашается с объяснениями, представленными в тексте, который был взят из старой книги «Les Bigarrures» «Пестрота» глава «DCS Rebus de la Picardie by Etienne Tabouret, Sieur des Accords», «DCS шифр Пикардии от Этьена Табуро, «рифмоплёта» («Revue Numismatique» за 1856 г., стр. 276).

“Fermesse, dont l'Amour peint un Chiffre d'amour
Commune en l'ecriture, mais rare dans le coeur,
Mais ainsi que la forme est d'un arc mis en deux
Le desir inconstant froisse et brise tes nœuds,
Ce pendant que les mains ta fermesse figurant”.

«Fermesse*, чья любовь нарисовала символ любви
Простым письмом, но странным в сердце,
Так как форма его – эта дуга, написанная дважды,
Непостоянство желаний мнёт и ломает твои узлы,
Эта подвеска, что желания твои fermesse изображает».
«Любовь», Папон, 16 век

[* "Fermesse" является зашифрованным символом любовных писем, обозначающим любовь и верность.]

украшает цепь Ордена Подвязки, ранее известной как «цепь SS». Этимология этого названия, данная Мейриком, от первой буквы "Souverayne" [«Суверен»], девиза Генриха IV, когда он был графом Дерби (и на чьём портрете впервые появляется эта цепь), имеет небольшое основание; так как этот король жил гораздо позднее учреждения ордена и его регалий. Ещё более абсурдной является идея Камдена, заключающаяся в том, что название произошло от инициалов Санктуса Симо Симпликия, известного римского юриста; и поэтому было принято как символ его профессии – эта теория, несомненно, не учитывает жены Генриха, королевы Жанны Наваррской, памятник которой её муж украсил подобным изображением. То, что сигил Агафодемона был не только дохристианским, но восходил к глубокой древности, будучи использован в качестве талисмана, очевидно из замечаний Галена («О простых лекарствах», 6, IX). «Некоторые, правда, утверждают, что сила такого рода присуща некоторым камням, к которым, *несомненно*, принадлежит зелёная яшма, помогающая при болях в груди и устье желудка, когда её привязывают. Некоторые вставляют камень в кольцо и гравируют на нём змея с головой, увенчанной лучами, следуя указаниям царя Нехепсоса в его тринадцатой книге. Я хорошо знаком с этим материалом, так как, сделав ожерелье из подобных камней, я повесил его на шею больного так, что оно опустившись достаточно низко, коснулось устья желудка. Эти камни, очевидно, приносили бы не меньше пользы, чем если бы они были вырезаны в порядке, установленном царём Нехепсосом». Этот трактат Нехепсоса, вероятно, был обычным руководством для магов, так как Авсоний упоминает его автора

"Quique magos docuit mysteria vana Nechepsi."

«Нехепсоса, учителя тщетных магических таинств».

Эта книга, возможно, основа мнимого Эвакса, была первоисточником представлений о силе сигилы и гемм, дошедших до нас в средневековой "Lapidaria" «Лапидарии». Плиний (VII. 50) цитирует его вместе с его земляком Петозирисом, как знатока астрологии, в соответствии с чьим

правилом «Тетартоморион» (или закона, полученного на основании расположения трёх знаков, *троицы*) возможная продолжительность человеческой жизни в этом регионе Италии достигает 124 лет. И прежде чем отвергать Нехепсоса и его книгу, может лучше добавить то (этот факт пригодится на дальнейшем этапе этого исследования), что Плиний упоминает (XXX. 2) о второй школе магии «на много тысяч лет древнее» школы Зороастра, и которую основали *евреи*, Моисей, Ианний и Йотапий [в более поздних изданиях Лотапий]. Первый из этой троицы, возможно, был талмудистом, на чью «тайную рукопись» намекает Ювенал

"Tradidit arcano quacumque volumine Moses."

«Моисей всячески передавал тайную рукопись».

Хотя Апостол называет Ианния вместе с Иамврием среди египетских противников еврейского законодателя, Ювенал также сообщает нам, что этот народ хранил даже в его время славу о древних истинных толкователях снов, и более того, ставшими «мудрее Даниила», они даже *изготовляли* их на заказ:

"Qualiacunque voles Judæi somnia mittunt."

«Евреи за деньги навеивают сны по желанию».

Ипполит в следующем столетии отмечает, что секта «самарян» или «симониан», основанная первым проповедником гносиса самим Симоном Магом, обладала этой способностью и изводила своих противников, «посылая *демонов снов*, чтобы докучать всем, кому угодно». Средневековое название гемм-талисманов "Pierres d'Israel" «Камни Израиля» является более обоснованным, чем обычно понимается под этим. На очевидное возражение относительно того, что резные изображения, скорее, идолы не могли быть работой евреев, отвечает каббалистическое толкование второй

заповеди, которая позволяет ношение любого образа в виде *инталии*[1], хотя запрещает выпуклое изображение.

Выбор зелёной *яшмы* (сейчас называется *гелиотропом*[2]) для сигил Агафодемона, вероятно, был продиктован сходством её цвета с цветом священного аспида, зелёного с коричневой каймой. Что касается самого изображения, то очень древнее свидетельство его природы и значения сохранилось в предании, о котором сообщает Евсевий (I. 7): «Змей, за исключением насильственной смерти, всегда умирает естественным образом, по этой причине финикийцы дали ему имя Добрый Гений или *Агафодемон*. По той же причине египтяне называли его Кнефом и дали ему голову сокола, из-за особой стремительности этой птицы». Жрец Эпея, называемый «главным толкователем священных вещей, а также писцом», изложил аллегорию таким образом: «Самой божественной природой из всех был один Змей с головой сокола, и такого восхитительного вида что, когда он открывал глаза, то всё вокруг наполнялось светом; а когда закрывал глаза, то опускалась сразу тьма». Змей на наших геммах, однако, изображён не с головой сокола, а с *головой льва*; поэтому эта легенда относится скорее всего к богу Абраксасу, иногда изображаемому с головой сокола или льва вместо привычной головы петуха. Но этот образ, конечно, воплощён в обычных рисунках гемм митраизма, а именно, человек держит змея, из головы которого лучи направлены ему в глаза и насыщают их светом. Кроме того, значение образа Агафодемона явно раскрывает халдейская надпись, часто его сопровождающая. CЄMЄCЄIΛAM или «Вечное Солнце», которое иногда сопровождается ΨЄ, вероятно, используемое как сакральное число, потому что имеет значение 705 в греческом счёте. Эта же надпись сопровождает *классическое* изображение Феба (так, он появляется на монетах с надписью SOLI INVICTO COMITI

1 глубоко вырезанное изображение на отшлифованном камне или металле. – Прим. пер.

2 Современная зелёная яшма была древним малахитом или молоха [от др.-греч. μολόχη – тополь, мальва], так как Плиний описывает его как непрозрачный, тёмно-зелёный камень, главным образом использовавшийся для изготовления талисманов.

«Непобедимому Солнцу, служителю (императора)»), выгравированному на жёлтой яшме из кабинета Мальборо, этот факт достаточно явно свидетельствует о точности толкования, данной здесь халдейской надписи.

Астрология также помогает признать достоинства этой сигилы. Великий учёный Гефестион (цитируемый Сальмасием) отмечает, что ΧΝΟΥΜΙϹ является именем одной из *Декани*[1] или трёх главных звёзд в созвездии Рака; в то время как другой астролог утверждает, что звезда с таким названием была установлена на груди созвездия Льва, и *по этой причине* эффективна при лечении всех грудных заболеваний человека. И в самом деле, мы находим, что это последнее изречение подтверждается молитвой: ΦΥΛΑϹϹΕ ΥΓΙΗ ϹΤΟΜΑΧΟΝ ΠΡΟΚΛΟΥ, «Сохрани здоровой грудь Прокла», начертанная на обратной стороне одной из этих самых гемм Хнуфиса. Другие геммы того же рода также окаймлены длинной коптской надписью, часто следующей очертанию змея, с разными словами, но заканчивающаяся эпитетом ΓΙΓΑΝΤΥΡΗΚΤΑ или ΠΑΙΚΤΑ, «разрушитель» или «насмешник» гигантов, то есть злобных и мятежных ангелов, так как тогда ожил греческий миф о войне гигантов против Юпитера. В зороастрийской интерпретации это восстание Ахримана и его демонов против Ормузда и служителей добра.

Способ использования талисмана описан в Магическом Папирусе, § 9: «Заклинание Аллойя Крэония, произносимое на светильник: «Ωχμαρμαχω τοννουπαι χρη μιλλον δερκυων να Ιαο σουμψηφισον σουνψηνις σωσια σιαωι. Ты, который потрясаешь мир! Приди и дай пророчество в отношении такого-то и такого дела. Θοιο κοτοθ φθουφνουν νουεβουη επτασπαχατου. Резной камень (λ.γ.) На переднем плане сидит Серапис в египетском венце (βασιλήϊον) ζζ, на его скипетре ибис, а на обратной стороне камня Имя; запри его и храни для использования. Держи в левой руке кольцо, а в правой руке ветвь оливкового или лаврового дерева, размахивая ей над светильником, повторяй всё время заклинания чётное число раз. Надев кольцо на надлежащий палец левой руки, гравировкой внутрь, держи

1 Группа из десяти знаков Зодиака (лат.). – Прим. пер.

гемму у левого уха, и так ложись спать, никому не отвечая». Целью этого заклинания был (хотя не указано) дар видеть вещие сны, который также есть в списке действенных сил, получаемых от геммы, описанной далее в этой рукописи.

Хотя о первоначальном предназначении сигил Хнуфиса было сказано на предыдущих страницах, но по всей вероятности из-за их характера многочисленная и влиятельная секта, впервые названная «гностиками», признавала и толковала их в *духовном* смысле. У них были для этого достаточные основания, исходя из фундаментальных доктрин их веры. Хорошо осведомлённый и сдержанный Ипполит, писавший в самый расцвет переходных теософий, начинает своё фактическое «Опровержение всех ересей» и свою пятую книгу с описания «этой секты, которая смеет хвалиться *Змеем*, как автором их религии, как они доказывают при помощи некоторых доводов, которыми он вдохновил их. По этой причине апостолы и жрецы этой веры называются наасенами от «наас», еврейского слова, обозначающего змея; но впоследствии они стали называть себя гностиками, потому что они одни понимают глубину религии. Из этой секты вышли многие другие учителя, которые, изменив первоначальное учение своими изобретениями, становились родоначальниками новых систем». Далее он сразу переходит к этой теме. «Они поклоняются *только* этому «*наасу*», поэтому их называют *наасенами* (т. е. *офитами* или змеепоклонниками). От этого же слова «наас», как они считают, все храмы (ναοί) под небом получили своё название. И этому «наасу» посвящены все обряды, служения, таинства, то есть, короче говоря, нет ни одного обряда под небесами, в котором бы не участвовал этот «наас». Поскольку они говорят, что змей означает стихию воды. Фалес Милетский утверждает, что ничто во вселенной не может существовать без неё, смертное или бессмертное, живое или неживое. Всё подчинено ему, он – благ и имеет все блага внутри себя, как в роге единорога, так что он придаёт красоту и совершенство всему, что есть, поскольку пронизывает всё, истекая из Эдена и разделяясь на четыре потока… Этот «наас» является водами над твердью, и поэтому живой водой, о которой говорил Спаситель. К этой *воде* притягивается вся природа и извлекает из неё то, что тождественно собственной

природе, каждая вещь по своему роду притягивается с большей жаждой, чем магнит притягивает железо, лучи золота – скопу или янтарь – солому. Затем они продолжают хвастаться: мы – *духовные*, потому что причастились от живой воды Евфрата, которая течёт посреди Вавилона, и потому что вошли в Истинные Врата, которые есть Иисус Благословенный. Из всех людей мы – *единственные христиане*, которые в третьих вратах совершают мистерию, будучи помазанными неизречённым елеем из *рога*, наподобие Давидова, а не из *глиняного сосуда*, наподобие Саулова, который общался с нечистой силой плотского вожделения». У Ефрата, наиболее позднего учителя этой секты, который основал свою секту под названием «ператы» или фаталисты, есть текст, который указывает на причину, по которой его последователи принимают геммы Хнуфиса. «Поэтому им, сынам Израилевым, которые были укушены в пустыне, Моисей показал *истинного и совершенного* Змея. И кто в него поверит, не будет ужален змеями в пустыне, то есть, эти Силы не сделают им никакого вреда. Поэтому никто не может исцелить или спасти тех, что должен выйти из Египта, то есть, из тела и из мира, кроме Совершенного, исполненного всякой полнотой Змея. Всякий, кто возложит на него всё упование, не погибнет от змей в пустыне, то есть, богов этого рождения».

Эти последние Силы, которые Евфрат (истинный астролог) в другом месте называет «богами смерти», являются созвездиями зодиака «которые навязывают всем, что родится роковое иго меняющихся рождений», то есть необходимую *смерть* или необходимую череду *рождений*. Это учение явно связано с силой сигилы Змея в качестве талисмана для защиты владельцев против пагубного влияния астрального гения. Офиты, по сути, были законными потомками вакхических мистов, чья религия в течение двух столетий, предшествовавших нашей эре, вероятно, была распространена в больших городах Малой Азии. Аргумент, приводимый из нумизматики, говорит об общеизвестном факте чеканки монет главных городов, Эфеса, Апамеи, Пергама в форме *цистофоры*. На аверсе был изображён вакхический Змей, поднимающийся из священного ларца, а на реверсе – два змея, обвивающие два факела.

Абраксас

I. Абраксастер или заимствованные образы

Беллерманн в своём чётком маленьком трактате «Drei Programmen über die Abraxas-gemmen»[1] [«Три плана относительно гемм Абраксаса»] разделил свою тему на три части – собственно *Абраксас*, которая включает весь пантеон под таким названием, создание которого приписывается самому Василиду; *Абраксастер* или образы, заимствованные из древних религий, но адаптированные гностиками полу-христианами для выражения собственных новых идей; и Абраксоид, геммы которого, хотя и обычно приписывались Василиду, не имели никакого отношения к его учению, но целиком обязаны своим происхождением астрологам *его* или более раннего времени.

Поэтому геммы *Абраксастера*, вследствие их приоритета первого творения, имеют право первыми претендовать на рассмотрение; и этот способ исследования предмета обладает дополнительным преимуществом, так как проливает свет на источники многих понятий, которые производят на нас такое неизгладимое впечатление в гностической вере.

Странная неоднородная смесь вероучений, которые преобладали в Римской империи на протяжении двух веков между правлением Траяна и Константина, подтверждается многочисленными ссылками в «Истории Августов», в равной степени и их вещественными памятниками, которые являются предметом данного исследования. Какая огромная поддержка (по правде, в которой не очень нуждались), вероятно, была оказана изготовителям талисманов вступлением на имперский престол сирийского жреца Гелиогабала! «Он обычно приносил *человеческие жертвы*, выбирая для этой цели по всей Италии мальчиков благородного происхождения и поразительной красоты, имеющих живых родителей, для того чтобы обе стороны могли острее чувствовать тоску. В действительности, его сопровождали *маги* всякого рода, которые практиковали

1 Берлин, 1820 г.

каждый день своё искусство, в то время как он оказывал им всяческое поощрение и воздавал благодарение богам за то, что он познакомился с их особенными любимцами. В то же время он всматривался во внутренности приносимых в жертву детей и замучивал их до смерти по правилам религии своего народа». («Лампридий») И, однако, тот же занятный летописец помещает среди *достижений* своего образцового императора Севера Александра, ранее им описанного двоюродного брата монстра, то, «что он был великим специалистом в судебной астрологии (*mathesis*, [астрология]), так что давал разрешение астрологам исповедовать эту науку, и открыто учить ей в Риме. Кроме того, он очень хорошо разбирался в гаданиях по жертвам (*haruspicina* [искусство предсказывать по внутренностям жертвенных животных]), также был отличным прорицателем по птицам (*orneoscopos*, [прорицатель по полёту птиц, птицегадатель]), так что даже превзошёл авгуров Испании и Паннонии». Этот самый «разносторонне образованный джентльмен» (словами елизаветинской эпохи) установил статуи Авраама и Христа бок обок с Орфеем и Александром в своей собственной часовне (Sacrarium[святилище]); а его безумный предшественник вбил себе в голову великую мысль основать единую универсальную синкретическую религию. Для того, чтобы перевести в Рим своего бога из Эмесы (aerolite [аэролит]), он построил для него храм на Палатине, куда перенёс палладий, огонь Весты, священный щит, Кибелу, короче говоря, все самые священные для римлян предметы поклонения. Нет, более того, он говорил о привлечение в тот же центр «*религий* иудеев, самарян и *религиозных обрядов* христиан, для того, чтобы его божество Элагабал могло обладать тайнами любого другого вероучения» («Гелиогабал», 3).

Образы класса Абраксастера по большей части взяты из древней иконографии египетской религии; но они были адаптированы к более духовным понятиям новых сект, придерживавшихся учений христианства со странной примесью учений древних мистерий.[1]

1 Многие из реальных *образов* – прямостоящий Осирис в виде спелёнутой мумии, полулежащая Исида, Нил, Гор на цветке лотоса, Ану-

Из всех этих заимствованных образов наиболее часто изображаемой и наиболее важной фигурой является Анубис с головой шакала (иногда двуглавый, причём человеческая голова добавлена к его собственной), несущего кадуцея Гермеса для обозначения его служения сопровождения душ, но не как прежде через тени нижнего мира[1], а по планетарному пути к их окончательному покою в Плероме. Так, гностическое Евангелие «Пистис София» (§ 20), описывающее Спасителя после получения им светящегося одеяния с начертанными на нём пятью словами власти и именами всех господств, встречаемых при его вознесении, заставляет его сначала подойти к вратам небесной тверди, затем к богу сферы, затем к сфере судьбы, и, наконец, к двенадцати великим Эонам. Когда все власти видят свои *имена*, написанные на его одежде, их охватывает ужас, и они начинают воспевать ему гимны хвалы.

Иногда Анубиса-Гермеса изображают с пальмовой ветвью, размахивая которой он провозглашает победу над силами зла; или возглавляющим *психостасию* «взвешивание душ», эта сцена обычно изображается в египетском ритуале мёртвых. В последнем образе он представляет здесь Христа, судью живых и мёртвых; но его преемником в средневековом искусстве является архангел Михаил, который держит весы. На древних греческих геммах «Гермес» часто изображается наклонившимся вперёд с кадуцеем в руках, и с помощью его мистической силы помогающим душе выйти из недр земли – странное совпадение по форме и, наверное, также по происхождению со

бис и т. д. встречаются на современных александрийских монетах; поэтому они могут считаться гностическими произведениями, только когда еврейские надписи удостоверяют их авторство.

1 На саркофаге Петеменопта (или Аммония) Осирис Западный изображён сидящим на троне, к нему обращена молитва, изложенная на папирусе, лежащим рядом с мумией; а рядом с ним его жена и сестра Исида. Впереди стоит алтарь, наполненный цветами, фруктами и возлияниями. Анубис, узнаваемый по голове шакала, увенчан *пшентом* (высоким головным убором), потому что, подобно Гермесу греков, он выполняет важные функции одинаково в божественных и адских областях (место Четырёх Аменти), представляет своему отцу умершего Петеменопта, обмотанного погребальными пеленами и поднявшего руки в молитвенном жесте.

средневековым изображением Спасителя, выводящим души из чистилища. Зороастрийский ад, горящее озеро расплавленного металла, в который должны быть брошены в Судный День Ахриман с его приспешниками, служил для *очищения* и восстановления осуждённых до их первозданного состояния; этого милосердного учения придерживался Ориген и частично Иероним. Гермес в образе *психопомпа* [греч. ψυχοπομπός – «проводник душ»] часто изображался наасенами (офитами) как пророческий представитель Спасителя в его грандиозном служении. Они считали, что Гермес ведёт души через тьму в Элизиум, как Христос ведёт *просвещённые* умы от *невежества* к *знанию* в особом понимании этих слов. Также можно предположить, что они подробно осветили этот своеобразный символ, под которым почитался Гермес Килленика. Среди их мистических изображений этого персонажа есть один любопытный факт, а именно, его общепринятым именем было ἀγαθοφόρον «несущий удачу», за что он устанавливался на перекрёстках дорог и на крышах домов. Но что касается древней религии, она считала, что этот атрибут, позже превращённый в столб, означал Килленика, путеводителя усопших душ (точно так же, как *лингам* означает Шиву, повелителя мёртвых в современном индуизме). Тогда становится понятным, почему его скульптурные изображения были самой первой формой памятников, поставленных над усопшими. Эти памятники обеспечивали обитателям могил вечную защиту Путеводителя и Пастыря душ; колоссальный фаллос венчает по сей день обелиск на древней гробнице, дата которого исторически определена, курган лидийского царя Алиатта. Азиатские поселенцы привезли с собой в Италию поверье в силу этого символа, как оберега; высеченный в камне он обычно ставился над дверью склепа. Один такой оберег в последнее время попал мне в руки, вокруг него были написаны имя и отчество умершего этруска, чей покой он так долго охранял SVSES FELVS FENTV, «Сус, сын Фента».

Этот двойной символ Анубиса очень интересно изображён на сарде, принадлежащим мне. При беглом взгляде он похож на традиционный образ Доброго Пастыря, несущего ягнёнка на

плечах, опирающего на посох, его чресла препоясаны кушаком с длинными и развевающимися концами. Но при ближайшем рассмотрении этот невинный персонаж превращается в двуглавого бога Египта, голова ягнёнка заменяет голову шакала, возвышающуюся над плечами этого человека, в то время как развивающийся конец пояса превращается в пушистый хвост зверя волчьей породы, и перед нашим удивлённым взором предстаёт "latrator Anubis" [лат. лающий Анубис или пёс]. Такое отождествление характера Анубиса и Христа помогает нам правильно понимать этот рисунок, открытие которого было сенсацией в Риме несколько лет назад, он был грубо нацарапан (*граффити*) на штукатурке комнаты в доме, погребённом (в древние времена) под строенными позже зданиями Палатина.

На нём изображён тот же человек с головой шакала, держащий перед собой на вытянутых руках латинский крест, и стоящий на постаменте, а перед ним поклонник в обычной благоговейной позе, приложивший руку к губам, и выразивший цель своего изделия надписью ΑΛΕΞΑΜΕΝΟϹ ϹΕΒΕΤΕ ΘΑΕΟΝ. В действительности, это изделие некоего набожного, но безграмотного гностика, считается его нынешними владельцами[1] шокирующим языческим кощунством и насмешкой над добрым христианином Алексаменом, потому что они по ошибке приняли голову шакала за голову осла, и, следовательно, вообразили намеренную карикатуру на их распятие.

Находка этого рисунка наглядно иллюстрирует отрывок из Тертуллиана («Апологетик» XVI) где он говорит своим оппонентам: «Как многие другие вы вообразили, что *голова осла* – наш бог. Новая версия нашего Бога в последнее время была обнародована в Риме, с тех пор, как некий каторжник, нанятый тореадором, пустил в обращение картинку с такой надписью: Бог христиан ΟΝΟΚΟΙΗΤΗΣ. Он был изображён с ушами осла и копытом на одной ноге, держащим в руках книгу и одетым в тогу». Это точное описание Анубиса, изображённого Маттером (гр. II. к. № 1), только вместо книги бог держит кадуцея и пальмовую ветвь. Такую же клевету несколько позже

1 Была вырезана из стены и отправлена на хранение в музей Колледжио Романо.

возводили христиане на гностиков. Не зная египетского зверя, они приняли (возможно, намеренно) голову шакала за голову осла, на которого и в правду она была очень похожа на грубом рисунке наших гемм. Итак, в конце четвёртого века Епифаний утверждал, что «Саваоф гностиков, согласно некоторым высказываниям, имеет голову осла, а по другим, голову свиньи; и по этой причине он запретил евреям есть свинину». Вторая точка зрения – очень древняя, упоминаемая Петронием в «Judaeus licet et *porcinum* numen adoret» [«иудей, сколько бы он не поклонялся божеству *свиньи*»]. Итак, так как *Саваоф* считался гностиками национальным богом евреев, отсюда очевидно, что эта путаница одного зверя с другим являлась подлинным источником распространённой среди древних такой точки зрения, о которой писал Тацит (Истор. V. 4). «Священный предмет, так рьяно охранявшийся от взоров профанов в святилище города Иерусалима, был изображением *дикого осла*, следуя которому они утолили жажду и облегчили страдания, так как Моисей, наблюдая за передвижением стад этих животных, нашёл источник, благодаря которому спас своих сородичей от гибели в пустыне». Эта легенда была также связана с поверьем, что настоящим богом евреев был Вакх, так как осёл был священным животным у бога вина. Этому поклонению Плиний находит необычное объяснение в том, что осёл любит фенхель, смертельный яд для всех других четвероногих животных, но растение особо почитаемое Бахусом (XXXV, 1). Опять же, ложное «Евангелие Родословия Марии» устанавливает причину смерти Захарии, сына Варахиина: однажды, войдя в храм, он увидел стоящего в святилище человека с головой осла, и когда он выбежал, крича народу: «Горе вам! Кому вы поклоняетесь?», то был поражён немотой вследствие этого видения. Но потом, когда речь вернулась к нему, и он рассказал евреям о том, что видел, они убили его как богохульника. И этим объясняется причина, по которой у первосвященника по подолу одежды были пришиты колокольчики. Их звон предупреждал чудовищное божество о приближении человека, и оно пряталось. Этот странный рассказ цитируется только Епифанием, так как оригинал

утерян. Он приписывался Матфею, и был помещён в свой учебник коллиридианами [κολλυρίδα – «хлебец, печенье»], которые получили своё название от обычая принесения хлебцов в жертву Деве Марии, которая по их представлению тоже родилась от Девы. Фауст, епископ Рьеза, ссылается на то же самое Евангелие о происхождении Марии. Но апокрифическое «Евангелие Рождества Марии», сохранившиеся до наших дней, имеет совершенно иной характер, будучи простым монашеским изобретением разных традиционных глупостей, и которое в сочетании с «Протоевангелием» стало источником всех средневековых изображениях и скульптур, повествующих о жизни Мадонны.

К той же египетской семье также принадлежит мальчик *Гарпократ* или *Гор* (весеннее Солнце), имеющий чудовищно увеличенный символ плодовитости и сидящий на лотосе, который выражает то же понятие своими обильными семенами, а также понятие *совершенства*, потому что его цветок, плод и луковица имеют форму *круга*, как отмечает Ямвлих. Макробий тоже отмечает, что *Гор* является египетским эквивалентом Аполлона, именем которого названы двадцать четыре часа дня и ночи; эта его особенность отражена в александрийском гелиотропе (Венский кабинет, I, 39), который отождествляет его с греческим богом Солнца: ΜΕΓΑϹ ѠΡΟϹ ΑΠΟΛΛѠΝ ΑΡΠΟΚΡΑΤΗϹ ЄΥΙΑΛΑΤΟϹ ΤѠ ΦΟΡΟΥΝΤΙ. Он часто появляется в сопровождении Анубиса в служении посланника. Можно видеть перед Гором коленопреклонённого бабуина киноцефала, посвящённого Луне. Это любопытное животное также принадлежало Тоту, богу писцов; любимым изображением гностиков являлся бабуин, совершающий молитвы перед колонной, покрытой надписями и поддерживающей *треугольник*, символ Луны, которая оказывала особенное влияние на его телосложение. Эта *колонна* достаточно ясно указывает на «колонны Гермеса» [в древней Греции поясные фигуры Гермеса стояли на улицах, дорогах, площадях и при входе в гимнастические школы], с помощью которых Ямвлих решал все вопросы, предложенные ему Порфирием (Ямвлих «Мистерии», II).

Подтверждая эти намёки, данные существа в заклинаниях также называются своим настоящим именем «титаны». Фикорони дал на своём *рисунке* № 4 форму для литья реверса медальки размер 3В, изображающей Диоскуров напротив друг друга, держащих копья вниз в знак дружбы, в левой руке у каждого *ситула* [(лат. situla) металлический, обычно бронзовый сосуд в форме ведра, иногда богато украшенный]. Позади, вертикально в две строки написано CABAѠT, на месте для надписи начертано TITAN, так как место не позволяло написать всё имя, оно было слишком хорошо известно, и этого упоминания было достаточно.

Гора часто изображали плывущим по небесам в священной лодке *барис* [египетское небольшое гребное судно], направляемой двумя соколами, с солнечными эмблемами, т. е. солнцем и луной в небе, и с такими же именами IAΩ, ABΛANAΘANAΛBA и пр., как самого великого бога Абраксаса, что логично, так как та же идея была выражена двумя персонажами. *Гор*, как пишет Гелиодор («Эфиопика» IX, 22), также олицетворял Нил, чьё греческое название Νεῖλος содержало мистическое число солнца 365. Странник на *барисе* является аналогом индийского Нерьяна, ребёнка плывущего на листе лотоса по поверхности воды, причём всё его тело окрашено в *синий цвет* (nīla [пали «синий»]). Для полного сходства *ситула*, обычно изображаемая на верёвке в руке Анубиса, есть та самая *лота*, круглый латунный сосуд для воды современных браминов. Эти общие символы, барис и свернувшийся змей, имеют свой гностический смысл, вполне объясняемый замечательным текстом Пистис Софии (359 [136]). «Диск Солнца же был *Великим Драконом*, чей хвост – в пасти его, и он взобрался на семь Сил по левую сторону, и тянут его четыре Силы, имеющие подобие белых коней. Но ход Луны был в виде *лодки*, а руль был в виде мужского и женского драконов, тянули же её ещё две белых коровы. Фигура ребёнка была на корме, он направлял драконов, отбиравших свет у *архонтов* (обычный термин в этой книге для восставших Эонов, владык зодиака), а перед ребёнком было подобие кошки».

Возрождение «духовного человека» иногда изображается на этих талисманах символом, представленным наиболее материальный образом Солнечного Льва, оплодотворяющим обнажённую женщину, признанный символ души, которая "quadrupeduin ritu" [лат. подобно четвероногим] с радостью предаётся живительному действию. Возрождение духовного человека также изображается в виде человеческой фигуры, держащей за шею огромного змея, оба они полностью покрыты начертанными буквами, среди которых явно выделяются мистические Семь Гласных.

Однако Скалигер, подобно Сальмасию из приведённого выше сочинения, считает, что эта фигура представляет совокупность 365 Эонов, чьи имена, *предположительно*, сжаты до его очертаний – короче, он является символом Плеромы и представляет «Адама Кадмона» каббалистов, первого Человека, *Адамаса* офитов, по чьему образу был сотворён второй Адам. Также эта же комбинация могла быть предназначена для отображения Семи Гласных с их сорока девятью Властями, силы которых так чудесно превозносит одухотворённый автор «Пистис Софии» (378), и чьи слова приводятся в другом месте.[1] Но так как этот факт непосредственно относится к нашей сигиле, то стоит здесь упомянуть о том, что то же Евангелие (358) заставляет Спасителя начать «молитву» с восклицания: ΑΕΗΙΟΥΩΙΑΩΩΑ ΙΩΙΑ, которое как бы окружает мистическое имя Бога, что было наиболее подходящим заклинанием для написания на сильном талисмане. Будет к месту заключить это исследование замечанием о том, что девизом средневекового дома Габсбургов были *латинские* гласные A.E.I.O.U. Эти загадочные буквы были истолкованы высокомерными потомками,

1 Магический папирус Гудвилла даёт в конце заклинание (№1), заканчивающееся несколькими комбинациями гласных, вот, рекомендации по их произношению:

«А, округлив рот наподобие волны.
О произносится кратко для духовных угроз.
А Ω, к Земле, Воздуху, Небесам.
Е, в манере киноцефала.
О, таким же образом, как указано выше.
Н, мягко с придыханием.
Υ, к Пастырю (Гермесу), как будто это был долгий звук».

напыщенными имперским достоинством, как акроним пророчества "Austriae est imperare orbi universo" «Австрия есть власть над всем миром». Но я более всего подозреваю, что эти пять латинских букв были выбраны неким *посвящённым* из древних герцогов (возможно приобретённых во время алхимических исследований), как обладающие теми же трансцендентными силами, как и гностические *семь* букв греческого алфавита.

Крылатые богини Атор и Сате, соответствующие римским богиням Венере и Юноне, иногда сопровождаются такими надписями, что становится очевидной их принадлежность к гностическому служению в качестве представительниц *женских* Эонов.[1] Ещё одна форма часто представляется чудовищной нашему изумлённому взору, чей истинный характер бросает вызов нашим гипотезам, но, видимо, является результатом разнообразных идей, перемешанных странным образом. Это – старик, наподобие Приапа, с четырьмя крыльями, держащий в четырёх руках много скипетров; у него также есть расправленный хвост грифа, он стоит в *барисе* или на извивающемся змее, или на горизонтально лежащем стволе дерева, откуда выступают *пять* обрубленных ветвей. Это, вероятно, какой-нибудь могущественный спаситель, так как к нему обращаются, как к самому Абраксасу, называя его ΑΒΛΑΝΑΘΑΝΑΛΒΑ! Но наиболее явный знак в этом чудовищном словосочетании предполагает объяснение его скрытого смысла, данного в следующем толковании Иустина, этого отважного учителя всех гностиков. «По этой причине он сказал *Эдену*: мать, вот твой сын! Имея в виду своё животное или плотское тело. Сам он, однако, предав свой дух в руки отца, вознёсся к Благому. Итак, этот Благой есть *Приап*, Тот, кто *творил*, *прежде* чем что-либо существовало. По этой причине он называется Приапом, потому что он *первым создал* всё сущее (ἐπριαπόισε).[2] И поэтому он стоит в каждом храме, почитаемый всей Природой, а также его статуи есть на дорогах, увешанные

1 Валентин сделал свои Эоны парными, мужскими и женскими.

2 То есть, собственно символом Приапа является фаллос или египетский Тау.

осенними плодами, то есть плодами творения, чьим автором он является, так как он первым создал то, чего раньше не было».

Распространённый образ мумии, обвитой огромным змеем легко объясняется гипотезой защиты древним агафодемоном[1] или наасом более поздних офитов в мире грядущем. То же убеждение создало более изящную аллегорию, а именно женщину, восседающую на спине этой рептилии, как Атаргатис из Финикии.

Интереснее всех остальных по роли, которую он играл в средневековых суевериях, представляется *Осирис* или *старик* с лучистой головой. Его фигура в полный рост изображена в анфас со скрещёнными руками на груди, истинный *Бафомет* тамплиеров. Иногда его несут на головах четыре ангела, на которых из его боков льются два потока. Эта группа объясняется, как Ормузд, несомый четырьмя стихиями; хотя это, возможно, относится к видению, о котором упоминает пророк Енох (XVIII, 3) «Я также видел *четыре ветра*, которые поддерживали землю и твердь небесную». По правде, это понятие скорее ассирийского типа, чем египетского, так как в ассирийских произведениях Атор (Миллита) часто изображается изливающей из своих распростёртых рук Воды Жизни; а персидский *изед* женского рода Ардвисура [Ардвисура-Анахита] переводится «дарующая воду живую»[2].

Любопытный образец античной формы, заимствованный и изображённый в более духовной форме, является красивый

1 HFE рисовали на саркофагах именно с этой целью.

2 В Тарсе (1863 г.) вместе с золотыми динариями Севера Александра и Гордиана III был найден талисман, описанный Лонгкрюром: «Амулет, сделанный из ляпис-лазури, вставленный в золотую оправу грубой работы с кольцом для подвески. Два лица выгравированы инталио и представляют собой эоны с четырьмя крыльями и птичьим хвостом, с двумя копьями и Венерой, а также надписью (не перевёрнутой) APWPI ФРАСИС, некоторые буквы которой скрыты оправой. Длина 0,0034, вес 5, 20 граммов (= 95 граммов тройского веса). Та же надпись сопровождает «выходящую из воды» Венеру на большом гематите (Праун) из Британского музея. У Монфанкона на таб. CLXI изображена Венера без покрывала с надписью APWPI ОРАСІС «Видение Арори», а также APPWPIФ IACIC, а на поле CANKTA, имя владельца. Именно в таком виде Верховная Тетрада спустила Истину с небес, чтобы показать свою красоту Марку, как он описывает в своём «Откровении» (см. стр. 218).

сард, найденный в Пенджабе (Мейджер Пиерс), с двумя выгравированными фигурами римской Провиденции лицом друг к другу, в поле между ними головы солнца и луны, а внизу ХАІА, что на иврите значит жизнь.

Обычное изображение Θ можно объяснить с помощью описания, данного Евсевием египетским иероглифам, как круг небесно голубого цвета с языками пламени, а в центре вытянутый змей; всё это было небрежно имитировано буквой Θ в Диаграмме офитов.

Вооружённый человек, *воин* Митры, одна из фигур регулярно украшавшая мистическую пещеру солнечного бога, часто изображается на талисманах с копьём, оканчивающимся головой петуха, который является знаком почёта, даруемым персидскими царями за особую доблесть (как например, Артаксеркс даровал Карии за убийство Кира младшего); он также изображается со змеями в каждой руке. Секта фибионитов, появившаяся в Египте, взяла название от слова *военные* Στρατιωτικοί. Ещё одна фигура трёхглавого бога с тремя телами, который, стоя в позе Приапа, держит в одной руке символы плодородия, а в другой аспидов и скорпионов, вероятно является зримым воплощением Великих Τριδύναμεις, которые занимают столь видное место в небесной иерархии Пистис Софии. Деревья, иногда причисляемые к изображениям на талисманах, можно объяснить «миндальным деревом» фригийских мистерий, в котором наасены видели имя Великого Творца Всего, или также «тайну Пяти Деревьев», упомянутую в часто цитируемом откровении, на чью истинную природу пролил свет Иустин, считавший, что *деревьями* в раю были *ангелы*, порождённые между демиургами Элохим и его дочерью Эден.[1] Существует сигила этого класса, которая из-за частого изображения, вероятно, обладает особенной силой. Она представляет собой рыбу с огромной головой и плечами, но с

1 Подлинное описание Древа Познания, несомненно, будет приемлемо для моих читателей. «Древо познания также было там, и вкусивший от него обретал великую мудрость. Оно был подобно тамариндовому дереву, плоды которого очень напоминали виноград, а аромат распространялся на значительное расстояние. Я воскликнул: «Как красиво это дерево, и как восхитителен его вид!» (Книга Еноха, XXXI, 3-4).

небольшим телом, как будто вид сверху; на оборотной стороне камня написано так:

Одна из трёх священных рыб Нила, вероятно, здесь изображена. Персонаж этого талисмана с соответствующим мистическим толкованием перешёл в символику александрийских христиан.

II. Абраксоиды или геммы, которые путают с настоящими гностическими геммами

Наш бесценный и самый очаровательный гид Ипполит, описывая *Astrotheoscopi* «Ищущих бога в звёздах», начинает со сравнения более уместного, чем лестного относительно моды, которая царила тогда, сочетая астрологию со всяким видом религии. Он сравнивает этих вопрошающих с глупой дрофой, которая допускает, чтобы её поймали следующим образом. «Когда человек обнаруживает стаю, он начинает танцевать и гримасничать перед ней, птицы стоят неподвижно, уставившись на него в изумлении, в то время его сообщник подбирается к ним сзади и бьёт их по голове. Таким же образом (добавляет добрый святой, видимо, очень довольный своей шуткой) народ, соблазняемый такими учителями, смотрит на звёзды, пока, наконец, оказывается безнадёжно пойманным в силки ереси». В качестве примера этой самой интересной системы богословия будет достаточно процитировать изложение их учения относительного одного из созвездий. «Змееносец своими звёздами изображает человека, стоящего на коленях, по внешнему виду уставшего, эту позу даже такой большой авторитет в астрологии, как Арат, был в затруднении объяснить. Но при правильном понимании это – *Адам*, следящий за головой Дракона, который находится под ним и кусает его за пяту. Над его головой видны Лира и Венец. *Лира* была изобретена младенцем Гермесом, который, в действительности, является Словом Божьим. Поэтому их

расположение указывает на то, что тот, кто внимает слову, получит венец; но если он отказывается внимать слову, то будет брошен вниз вместе с драконом». В другом месте Ипполит замечает: «Учение халдеев о троицах, четверицах, добрых и злых звёздах Евфраат Пeратик применяет к христианству, путём изменения созвучия и дисгармонии звёзд в устройство Эонов, перехода сил добра в силы зла и гармонии их соответствующих частиц. Из того же источника он берёт своих «топархов» или «председателей», и прочие образы астрологов». Из-за такого характера фактических основ гностицизма неудивительно, что часто невозможно решить, является ли сигила талисмана выражением какого-то наполовину христианского постулата или просто воображаемым подобием некой астральной силы, чьё воздействие оберегало владельца. Богами персидской магии, чьи религиозные убеждения так глубоко окрасили все гностические доктрины, были не иначе, как эти звёздные силы. Именем самого Агафодемона называется один из трёх деканов созвездия Рака, как Гефестион уже сообщил нам. Само название «декан» Сальмасий по некой причине производит от халдейского слова *декан* «наблюдатель», и тем самым делает его эквивалентным греческому слову «гороскоп»[1], «бог, который смотрит вниз на рождение». Обычное латинское производное слово в его военном смысле «сержант» Сальмасий отвергает как понятие чуждое. Опять же, Хархнумис назван первый деканом созвездия Льва, и этот титул на самом деле появляется вокруг змея с лучистой головой человека, изображаемого Сальмасием в той же главе. Это название иногда пишется ΧΟΛΧΝΟΥΒΙΣ, что тот же авторитет переводит как «весь из золота». Сальмасий цитирует одного греческого астролога, без упоминания имени, сообщая следующую любопытную информацию:

> «Для каждого знака зодиака назначены три декана разного вида, один *держит топор*, остальные изображаются по-другому. Эти образы,

1 От др.-греч. ὥρα, промежуток времени, период и др.-греч. σκοπός, наблюдатель. – Прим. пер.

> выгравированные на кольцах, являются амулетами против всех несчастий».

Как утверждает Тевкр, а также другие великие астрологи того времени:

> «Увы! слишком скудное упоминание их атрибутов показывает, что, по крайней мере, один из их числа являлся древним вавилонским богом, описанным пророком Барухом (*Epistle* Послание 13, 14). "В руке у него скипетр, как у человека, и как у судьи в царстве, в руке у него меч и *топор*"».

Но не только деканов зодиака носили на кольцах, равным образом и сами знаки зодиака и звёзд, восходивших вместе с ними, по-особому называемые οἱ παρατέλλοντες парателлонтес [восходящие вместе с]. Такие изображения назывались στοιχεῖα стихия, отсюда те, кто гравировал их, затем назывались στοιχειοματικοί стихиоматики. Они выполняли свою работу, соблюдая многие ритуалы, и всегда под *наблюдением* особого декана или звёзды, чью сигилу они изображали. На основании этого Епифаний говорит о солнце, луне и планетах, как о στοιχεῖα, называя μορφώσεις морфо́сис [образ, изображение] фигуры созвездий, образуемые воображаемым расположением звёзд. Тот же писатель использует выражение «Эти звёзды напрасно представлять в виде образов, которые называются знаками зодиака». Так как Диодор отличает *планеты* от στοιχεῖα, из этого следует, что этот термин был эквивалентен нашему «созвездию». Всё это говорит о том, что арабские авторы правильно перевели στοιχειοματικοί, как «изготовители талисманов». Как более поздние астрологи сочли нужным изобразить асцеденты всех знаков в своей «таблице мириогенеза», будет описано мною в главе о талисманах.

Любопытная гемма Прауна представляет Меркурия на троне с атрибутами Юпитера и странной надписью ΕΠΠΤΑ (sic) ΧΡΥΣΟΣ, которая была нелепо истолкована, как относящаяся к его *семи*струнной лире. Более вероятно, что эта гемма была печаткой некоего почитателя «гебдомады» или числа семь; достаточно важная секта, чтобы заслужить у Ипполита

отдельного раздела в его великом труде. Отождествление Гермеса с христианским *Логосом* было ещё одной значительной особенностью в учение наасенов, так доходчиво изложенным этим учёным Отцом. Он считает, что учение о гебдомаде (взятое из древней египетской философии) было истинным источником всех форм гностицизма. Это могущественное число иллюстрирует другой образ, часто изображаемый на камеях, дельфийское Е, увенчанное лентой, и ниже надпись ΧΡΥΣΟΥ. Это не может быть ничем другим, кроме самого святого из всех чисел дельфийского числа *Ἓι* или *пять*, о тайне которого Плутарх оставил очень любопытный трактат. Он описывает *золотое* изображение этого числа, которое установлено Ливией Августой в храме особого покровителя её мужа. Выше упомянутая гемма представляет Гермеса, облечённого высшей властью и имеющего своё особое *число* "testudo resonare *septem*[1] callida nervis" (лат. «И ты, лира, звучать умеющая семью струнами»[2]) способ персидских магов выражения различных небесных сил с помощью символов, которые будут объяснены в своём месте, когда будем говорить о «семи гласах».

Странная адаптация образов древних религий отмечает первые проповеди гностицизма. Его первый апостол Симон Маг, который выдавал себя самарянам как *третье* явление Христа, почитался уже позже во времена Ипполита в статуях, сделанных в виде Юпитера. Его знаменитой наложнице Елене (в которой Симон нашёл потерянную овцу из притчи в то время, когда она занималась своей профессией в публичном доме в Тире) также поклонялись в образе Минервы или Луны (Ипполит, VI, 19). Главные доктрины наасенов находили подтверждение в гениальном использовании символизма элевсинских, фригийских и самофракийских мистерий, полное и интересное описание которых оставил Ипполит.

1 Сложное существительное Ἑπτάχρυσος образовано по тому же правилу, как и Ἑπτάχαλκος, место в стене города Афины, где Сулла взял этот город.

2 Гораций, «Оды» 3, 11, и 1, перевод М. Лущенко. – Прим. пер.

Финикия предоставляла изготовителям талисманов обширный репертуар преувеличенной символики образов, посредством которых их жрецы выражали свои представления о божественной силе. «Великий бог финикийцев Тот» (говорит Санхуниатон), «для того, чтобы выразить характер Кроноса, сделал его образ с четырьмя глазами, два спереди и два сзади, открытые и закрытые; а также с четырьмя крыльями, двумя распростёртыми кверху, и двумя, сложенными и пущенными вниз. Глаза указывали на то, что бог видит когда спит, и спит, когда бодрствует; а крылья означали, что он летает, отдыхая, и отдыхает, летая. На его голове два крыла, обозначающие разум и чувства». Очень досадно, что Диодор (XX, 19) не дал дальнейшего описания знаменитого Кроноса *Мелькарта* из Карфагена, кроме краткого замечания о том, что он держал руки открытыми ладонями вверх, но наклонёнными вниз, так что ребёнок, приносимый в жертву, при возложении на них скатывался в яму с огнём у его ног.[1] Когда Агафокл осаждал город, и всякая надежда была почти потеряна, не менее трёх сотен детей благородного происхождения были одновременно принесены в жертву Мелькарту.

Поскольку гений планеты Сатурн или Кронос считался талмудистами добрым и чистым, в отличие от других планет, то четырёхкрылый образ, часто встречающийся на гностических геммах, можно логически принять за копию с древнего оригинала с изображением Тота. Сатурн, единственный вдохновитель закона и пророков, особо почитался александрийскими каббалистами. Эта вера объясняет, почему Валентин сделал эту планету обителью Илдабаофа, давшего закон детям Израиля в пустыне.

Звучит как парадокс, если утверждать, что наши «гностические» геммы не являются работой гностиков, но в самом строгом смысле этого слова, это совершенно верно. Рассматриваемые нами талисманы не несут никаких следов

1 Эта традиция была подтверждена Н. Дэвисом, который при раскопках развалин храма нашёл на большой глубине толстый слой пепла, смешанный с обгоревшими человеческими костями. Эта находка хорошо описана в его разделе "Молох и его жертвы".

смеси христианских и языческих доктрин, под которой правильно понимают гносис, предмет описания и нападок со стороны отцов Церкви. Их элементы взяты из древних религий Вавилона и Египта, смешанных порой с формулами еврейской каббалы. «Гностические» геммы в действительности являются атрибутикой магов и торговцев талисманами (чародеев в современном языке), и принадлежали только офитам, валентинианам и другим подразделениям христианского гносиса, так как эти теософы особенно предавались развитию чёрной магии; о чём вполне свидетельствуют выше приведённые замечания. Такое вводящее в заблуждение исследование преобладало в период великого развития гностицизма до такой степени, что никому нельзя доверять, кто не изучал историков поздней Империи. Обвинение в «магических практиках» было проверенным оружием для уничтожения неприятного человека, которому нельзя было предъявить обвинения за реальное преступление. Разве может быть более сильное доказательство его результативного действия (как повествует Анимиан), чем низвержение с патриаршего престола в Александрии образца православия, великого Афанасия? Тот же историк замечает, что при робком Валенте было достаточно предъявить человеку это тяжкое обвинение, если подозреваемого видели идущим ночью по окрестностям какого-то кладбища, куда он, возможно, шёл на совещание с демонами мёртвых.

Но чтобы показать истинный источник и характер таких «гностических» надписей я должен привести расшифровку заклинания из «Магического папируса», на который я буду часто ссылаться. Автор этого удивительного «Руководства по некромантии» был явно из чисто древней египетской религии, и очень вероятно жрецом Исиды. Тем не менее, он не просто использует слова, найденные нами на талисманах, но даже их своеобразное расположение. Любому желающему сохранить такой ценный талисман на более прочном материале, чем папирус или свинец, надо было только заказать резчику по камню его копию на яшме, и обычный «гностический» памятник был бы завещан нашему времени. Изготовитель, точно определив достоинства композиции, даёт нам понять

ценность аналогичных форм, всё ещё существовавших на геммах:

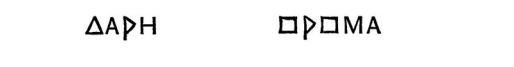
> VII. «Возьми лист иератический бумаги или свинцовую табличку и железное звено из цепи (κρίκος), помести это колечко на бумагу и очерти его пером внутри и снаружи. После того, как начертил контур круга, напиши по тому же контуру на бумаге имя и символы снаружи, а внутри то, что не хочешь, чтобы произошло, или чтобы ум человека был связан так, чтобы не делать то-то и то-то. Затем поместив колечко на нарисованный контур, и захватив часть бумаги за пределами контура, зашей нитью колечко так, чтобы полностью скрыть его, протыкая иглой символы; когда захочешь сделать узел, то скажи, я связываю такого-то не говорить такому-то, не сопротивляться, не перечить, не сметь смотреть мне в лицо или отвечать мне, но пусть повинуется мне пока это звено захоронено. И снова я связываю его ум, его чувства, его желания, его действия, чтобы он был вялым по отношению ко всем людям, в случае, если (некая женщина) выйдет замуж за такого-то» или ещё, «чтобы она *не* могла выйти замуж за такого-то и такого-то». Общепринятое (т. е. нужно сказать по-гречески).
>
> Затем отнеси его к могиле какого-нибудь безвременно ушедшего человека, прокопай на глубину четырёх пальцев, положи кольцо туда и скажи: «О, ушедший дух, кто бы ты ни был, ты есть это; я отдаю тебе такого-то, чтобы он не мог делать то-то и то-то». Затем зарой его и уходи. Это лучше всего делать, когда луна на исходе. Слова, которые нужно вписать в круг следующие: ΑΡΟΑΜΑΘΡΑЄΡЄС : ΚΙΓΑΛΑΧ · ЄΖΑΝΤΑ · ΙΑΡΟΥΝΗ · ΑΚΗ · ΙΑΩ · ΔΑΡΥΝΚΩ · ΜΑΝΙΗΛ · ΜΗ ΠΡΑΧΘΗΤΩ ΤΟ ⚠ (δεῖνα) ΠΡΑΓΜΑ ЄΦ᾽ ΟCΟΝ ΧΡΟΝΟΝ ΚΕΧΩCΤΑΙ Ο ΚΡΙΚΟC ΟΥΤΟC («Пусть не будет сделано то-то и то-то, пока захоронено это кольцо»). Завяжи на нём узлы, перекрути, и так положи. Кольцо можно также бросить в заброшенный колодец или закопать в могилу умершего до времени. И после

символов напиши эти слова ниже кольца в качестве постамента (или *квадрата*): ΑΡΧΟΟΛ ΛΑΙΑΑΜ ϹΕΜΕϹΙΛΑΜΦ ΑΜΜΟΦΟΡΙΩΝ ΙΩΑΗ ΦΘΟΥΘ ΕΩΦΡΗ Ο ΜΕΛΙϹΤΟϹ ΔΑΙΜΩΝ ΙΑΩ ϹΑΒΑΩΘ ΑΡΒΑΘ ΙΑΩ ΛΑΙΛΑΜ ΟϹΟΡΝΟΦΡΙ ΕΜΦΡΗ ΦΡΗ ΦΘΑ ΧΡΩΙΩ ΙΑΩ ΒΑΒΟΥΡΗ ΘΙΜΑΜΕΝ ΦΡΗ ΒΕ ΝΟΥϹΙ ϹΑΒΑΩΘ ΒΑΡΒΑΘΙΑΩ ΘΑΧΡΑ ΟΥΧΕΕΘ ΕϹΟΡΝΩΦΡΙ, и надпись в верхней части листа, которые также необходимо разместить внутри него.

ΙΑΕΩΒΑΦΡΕΝΕΜΟΥΝΟΘΙΛΑΡΙΚΡΙΦΙΑΕΥΕΑΡΙΦΙΚΡ ΑĀΙΘΟΝΦΥΟΜΕΝΡΦΑΒΑΩΕΑΙ.

(Это заклинание повторяется в нижней части листа, вписанное в один сплошной круг, чтобы показать, что оно читается в любом направлении. Оно встречается также на гемме (в Британском музее) с последующими словами ΔΟΤΑΙ ΧΑΡΙΝ ΙΕΡΩΝΙΜΑ ΠΡΟϹ ΠΑΝΤΑϹ, «оказывать благоволение Иерониму в глазах всех людей»; а также на другой гемме, изображённой Монлфоконом II, таб. 164 в доказательство важности, придававшейся ему в своё время.)

И то же можно было написать на свинцовой табличке, положив на неё звено, сложив и скрепив её гипсом, а потом сделать внизу постамент, на котором, как и раньше написать ΙΑΕΩ, а также слова: ΒΑΚΑΞΥΧΥΧ ΜΕΝΕΒΑ ΙΧΥΧ ΑΒΡΑϹΑΞ ΑΥ, "предотвратить то-то и то-то". Но в *оригинале* имена следующие: ΑΜΦΟΟΛ ΛΑΙΛΑΜ ϹΕΜΕϹΙΑΛΑΜ ΙΑΕΩ ΛΟΒΑΚΑΞΙΧΥΧ ΑΡΑϹΑΞΑΥ ΑΡΧΩΜ ΕΛΑΧ ΜΕΝΕϹΙΑΛΑΜ ΙΑΕΩ ΟΥΩ ΒΑΚΑΞΙΧΥΧ ΑΡΑϹΑΞΩΥ, "предотвратить то-то и то-то"».



На обратной стороне гелиотропа Хнубис (коллекция Льюиса) написано KICNVΘ и NABIC (пророк), как и на гемме Бозанкет. Последние слова могут быть искажёнными греческими словами, «восстанови зрение», цель талисмана.

Рис. 10

III. Истинные геммы Абраксаса

Расчистив почву в предыдущих разделах от многочисленных претендентов на название «геммы Абраксаса», мы можем перейти к рассмотрению чудесной сигилы, изобретение которой обычно приписывается самому Василиду. Для этого предположения есть очень веские основания, так как определённо такая сигила никогда не встречался в стиле, согласно дате, предшествующей великому ересиарху, т. е. о первых годах второго столетия.

Этот образ, который дал название целому роду, предназначен изображать бога «Абраксаса», так как именно это имя неизменно пишется на геммах, хотя латинские отцы ради родного языка заменили конечные буквы. Этимология и *числовое значение* этого имени требуют целого раздела, так как они содержат глубокие тайны.

Цель композиции состояла в том, чтобы зримо и сразу выразить 365 Эонов или эманаций первопричины, чьё число было, вероятно, сначала подсказано числовым значением имени, и, следовательно, это число может быть принято в качестве говорящего образа *Плеромы*, *единицы*, включающей в себя *всё*, понятие, воплощённое в имени, содержащим сумму всех составляющих его сил. Поэтому, для аллегорического изложения этого великого учения существует образ «Пантея» или сочетание многих противоречивых атрибутов, представляющих смешение многообразных идей в одном образе. Отсюда, его изображение с головой *петуха*, посвящённого Фебу, или с головой *льва*, символом Митры и Бела; его *человеческое* тело, облачённое в доспехи, указывает на роль защитника, так как он есть воинствующая сила «во всеоружии Божием»; его ноги – священные *аспиды*, образ Агафодемона, также указывают на *стремительность*. Так, говорит Павсаний, был изображён Борей на ларце Кипселы. Правой рукой он размахивает *бичом*, египетским знаком верховной власти; на его левой руке *щит*, обычно украшенный словами силы, объявляя вечную войну с непокорными ангелами, «богами смерти». Беллерманн

предложил с большой изобретательностью более духовное толкование Пантея, которое лучше согласуется с эзотерическим учением его изобретателя. По его словам композиция в целом представляет собой Высшее Существо с его пятью великими эманациями, которые обозначаются выразительными символами. Таким образом, обычная форма человеческого тела, приписываемая божеству, как написано, создал Бог человека по образу своему, имеет результатом двух сторонников, *Нус* и *Логос*, символы внутреннего чутья и быстрого понимания, что характерно для змей. Эта же причина побудила древних греков сделать этого гада атрибутом Паллады. Голова петуха представляет *Фронесис* [Благоразумие, греческое название благоразумия или практической мудрости], так как эта домашняя птица является символом предвидения и бдительности. На его двух руках знаки *Софии* и *Динамис* [Силы], щит мудрости и плеть власти.

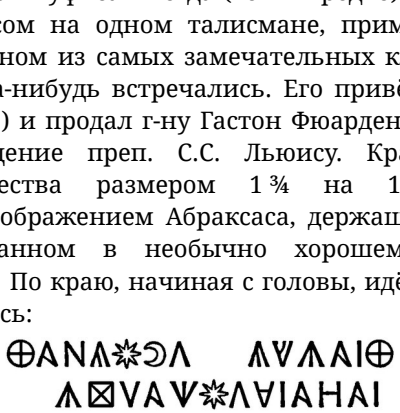
Этого Пантея неизменно сопровождает его истинное имя ΙΑΩ и эпитеты ΑΒΡΑΣΑΞ и ΣΑΒΑΩΘ, часто сопровождаемые обращениями, например, ΣΕΜΕΣ ΕΙΛΑΜ «Вечное Солнце», ΑΒΛΑΝΑΘΑΝΑΛΒΑ «Ты – наш Отец» (иногда сокращённое, но в целом написанное таким образом, чтобы читать в обе стороны) или ΑΔΟΝΑΙ «Господь».[1]

Во всём этом просматривается связь с древним понятием бога Солнца. Феб, как бог дня, держит *бич* и *змея*, и согласно египтянам символически изображает извилистое прохождение зодиака. «Адонай» был сирийским именем Солнца, отсюда *Адонис* или *Тамуз* указывали на светило во время зимнего солнцестояния. Кроме того, вышеприведённые гностические эпитеты являются теми самыми словами, из которых состоит «короткая молитва». На основании использования этой молитвы при всех жертвоприношениях Макробий (I, 23) делает вывод, что солнце является верховной властью над всем, «солнце – Отец всего, Дух мира, Сила мира, Свет миру!» Но бога,

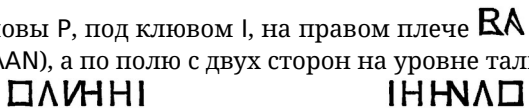
1 Помимо этих обычных титулов, использовались иногда другие из неизвестных источников. Так, хорошо выгравированная фигура Абраксаса (Джон Эванс) имеет над головой надпись ΒΙCΤΥC, а под ногами ЄΙCΙΤ.

которому поклонялись под именем «Абрасакс», можно ясно видеть на яшме Бозанкета (более подробно описана в другом месте), изображающей Пантея на той же колеснице в позе Феба, и на александрийской монете Адриана с изображением Сераписа за подобным занятием. Все мифологи считают, что последний был солнечным божеством; и эта тождественность действий привела к предположению, что «Абрасакс» был не более чем *мистическим* именем бога покровителя Александрии.

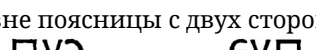
Более древнего Хнуфиса иногда (хоть и редко) изображали вместе с Абраксасом на одном талисмане, пример которого можно найти в одном из самых замечательных классов гемм, которые мне когда-нибудь встречались. Его привёз из Бомбея один еврей (1874 г.) и продал г-ну Гастон Фюардену, от кого он перешёл во владение преп. С.С. Льюису. Красная яшма прекрасного качества размером 1 ¾ на 1 ¼ дюймов [4,45 × 3,17 см] с изображением Абраксаса, держащего хлыст и щит, выгравированном в необычно хорошем стиле на выпуклой стороне. По краю, начиная с головы, идёт непрерывной строкой надпись:



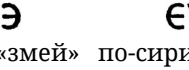
позади головы P, под клювом I, на правом плече ΒΛ (наверное, нексус ΑΒΛΑΝ), а по полю с двух сторон на уровне талии



По полю же на уровне поясницы с двух сторон



(возможно, *Еойя* или «змей» по-сирийски). Между змеями-ногами,



На оборотной почти плоской стороне прямостоящий Змей Хнубис с семью гласными, которые вставлены между лучами на его голове. Через середину поля

ΗΛ ΕΙΧ («твой Бог»)

Над его головой три скарабея подряд, справа три козы и три крокодила друг над другом; слева так же размещены столько же ибисов и змей.

Гностические диски

Самый замечательный экземпляр этого класса из известных мне был получен (январь 1876 г.) от Самбона, известного *антиквара* Неаполя. Он представляет собой круглый бронзовый диск 2 ¾ дюйма [6,99 см] (древняя *ладонь*) в диаметре, с небольшим выступом в верхней части, где есть отверстие для подвешивания. Поверхность аверса имеет подлинную патину, а буквы надписи имеют подлинную античную форму. По причинам, указанным далее, реверс производит впечатление дополнения более позднего времени, но никак не подделки, чтобы обмануть антиквара, а просто из хороших побуждений, чтобы усилить действие оригинального талисмана. Бог Абраксас, двигающийся вправо с вытянутыми руками наподобие распятия, держит над головой меч и щит,

ΙΑΘ ΙΑω ΑΛωΝ
ωΗ

По обе стороны от изображения

ΗΘ
ΜΑ
ΜΘ
ΘΝ
ΒΑΑ
ΟΛ
ΒΑΛ✲
CΘ
ЄΡ
C

✲

CЄ
ΦΥΛΑΖΟΝ
ΖΘCΙΜ
ΟΝ

Всё это внутри свёрнутого змея.

Реверс: Видно царя в анфас с рукой на груди и сидящем на троне. Над его головой

CΦΡΑΓΙC CΑΛΟΜΘΝΟC

По обе стороны изображения

ЄПНNА	АВО
CVMАНА	VАС
ОСАΛАМ	МОНЕ
АΣАВА	NЄТЄ
МЄАZА	КЄNЄ
Х	ННЄ
ОYС	ААВ
	Λ

Под скамейкой для ног так же в окружение свёрнутого змея

Ƶ Ƶ Ƶ

Этот Соломон является поистине средневековой частью рисунка; надпись тоже, по-видимому, отличается от аверса. Так как поверхность пластины более свежая на этой стороне, существует вероятность того, что всё это было добавлено к пустому реверсу оригинала пластины. Некоторые надписи, следуя правилу знаменитого АВΛАΘАNАΛВА, читаются одинаково с обоих концов. Хорошим примером может служить реверс serapis [сераписа], перевозимого в *baris* [лодке] между Sol [Солнцем] и Luna [Луной].

А Ɛ W
ВАФРЕМЕ
МОYNОΘІАР
ІКРОІФІАЄVЄАІ
ФЄРКІРАNΘОN
YОМЄNЄРФА
ВОЄАІІ

(Сердолик из коллекции г-на Уэбб Уэера из Корка) Гор сидит в лодке; на носу и корме священные птицы; аккуратно выгравировано на тёмно-зелёной яшме (Плиний, «Молохиты»). На оборотной стороне

ХАВРАХ
ФNЄСХНР
ФІХNОФNVРN
ФМХМЕМХ

Среди содержимого гробницы в Сенте, обнаруженной в 1885 году, было *металлическое* кольцо с гелиотропом, на

котором был выгравирован Агафодемон, снабжённый стоящим человеческим телом. На реверсе необычная формула

ΧΛΧΧΑ
ΧΙΟΥΧΙΡΟ
ΥΧΑΗΑ

Рухаэль или «Дух Божий», как известно, является именем ангела; но другие слова не поддаются переводу. Лучший по исполнению известный мне талисман принадлежит г-ну Уэбб Уэеру из Корка. Это – эллиптический сердолик, около 1 ¾ дюйма [4,45 см] в длину и в ширину; выгравирован очень аккуратно с Сераписом, сидящим в лодке, с поясным изображением Осириса и Исиды на носу и корме; наверху ΑΛΔΑ, внизу ΒΑΙΝ. На оборотной стороне мелкими буквами:

ΑЄω
ΒΑΦΡЄΝЄ
ΜΟΥΝΟΘΙΛΑΡ
ΙΚΡΙΟΦΙΑЄΒЄΑΙ
ΦΙΡΚΙΡΑΝΘΟΝ
ΥΟΜЄΝЄΡΦΑ
ΚΟЄΑΙ

Нет никакого различия между Α и Λ в оригинале, но я сделал так, чтобы они отличались, где это явно требовалось. ΑΛΔΑ является новшеством; но многие слова длинной формулы частое явление на других геммах.

IV. Бог Абраксас в описании христианских отцов

То, что Пантей на наши геммах, действительно, должен был изображать божество в стиле «Абраксаса», можно установить по косвенным свидетельствам многих писателей того времени. Ириней говорит о василидианах, что «они используют изображения, наговоры и все другие вещи, имеющие отношение к магии». Далее (XXIII) он говорит об их обычае давать имена *образам* мнимых ангелов. Имеет непосредственное отношение к предмету то, что Тертуллиан (Apologeticus «Апология» XVI), высмеяв бога еретиков, как "biforme numen" [двуобразного духа-покровителя] (видимо,

намекая на змеиные ноги, "biforme" является классическим синонимом гигантов с такими же атрибутами), затем продолжает: «Они взяли себе богов с крыльями или с головами собак и львов, или же *змей, как продолжение ног*». Здесь мы видим несомненный намёк на идолов персидских магов, Египта и Митры, часто встречающиеся на этих талисманах, а в последних словах намёк на самого бога Абраксаса со змеиными ногами.

И, наконец, Епифаний, заявив, что Василид учил тому, что Высшее Существо, из которого проистекает разум, рассудок, дальновидность, сила и мудрость, называется Абраксасом, продолжает описывать, каким образом эта идея была воплощена ересиархом: «Приняв за истину свои пустые догадки, он и его последователи облекли их в *своеобразную и определённую форму* и сделали основой для своих ошибочных и фиктивных доктрин *идолопоклонства*». Далее он добавляет: «Что же касается их «Кавласава», то какой понимающий человек не посмеётся над их превращением еврейского слова в *телесную форму* для того, чтобы изобразить своего идола, над их олицетворёнными господствами; одним словом, над их пристрастием к *изображениям*; когда они с помощью этих фантазий сеют заблуждение в умах невежд для продвижения их позорного бесплодного и лживого занятия?» Затем продолжая, казалось бы, анализ самого изображения, он восклицает: «Именно Дух лжи подобно игре на дудке ведёт невежд во многие грехи против Истины. Да, даже его ноги являются *имитацией Змея*, через которого говорил дьявол, обманувший Еву. По образцу этой фигуры была изобретена флейта, чтобы обмануть человечество. Обратите внимание на изображение человека, играющего на флейте. Разве он не изгибается вверх и вниз, вправо и влево, как и он (змей)? Эти формы дьявол использует, чтобы хулить божественное, чтобы полностью уничтожить божественное на земле, чтобы захватить весь мир, пленяя всех направо и налево, кто прислушивается к его соблазнам».

V. Этимология имени «Абраксас»

Много гипотез было высказано этимологами относительно этого «великого имени». Из всех них наиболее удовлетворительной является, пожалуй, гипотеза, предложенная рабби Авраамом Гайгером, то есть греческая форма слова *а-браха* или «благословение». Так как с уверенностью можно предположить, что Ξ произносилось, как Ш, что объясняет странную метаморфозу персидского слова «Арташира» в «Артаксеркса». Согласно этому правилу рабби интерпретирует надпись на талисмане ЕΛΞΑΙ, как *Эль Хай*, «Бог Живой». Такая интерпретация ещё раз подтверждает верное разъяснение (его так долго и тщетно искали, а теперь гипотеза предложена г-ном У. А. Райтом) сильного заклинания *абракадабра*, которое обретает наиболее подходящий смысл, когда интерпретируется, как *а-браха дабара*, «Произношение благословения», где «благословение» означает имя Благословенного, которое является самым сильным из заклинаний.

Ещё одна этимология, чрезвычайно любопытная, но, вероятно, несостоятельная, ранее была предложена Беллерманном от коптского сложного существительного, означающего «благословенное имя», состоящего из слова *аб* или *оф* «да будет», *ра* «поклоняться» и *сакс* или *садш* «имя». Такая формулировка согласуется удивительным образом с обычным еврейским синонимом Непроизносимого имени Иеговы, т. е. *Шемхамфораш*, «святое слово», которое раввины сократили до слова «Имя» [Шем] или «Слово». Это, кроме того, является уникальным совпадением с египетским словом Абрак, использованным Моисеем (Быт. 41:43), когда фараон велел везти Иосифа на своей колеснице, и провозглашать перед ним *абрак* «преклоняйтесь!», где коптское слово на самом деле сохранилось в тексте на иврите, и не переведено на этот язык.[1] Беспрецедентный случай выражения священного имени на незнакомом языке встречается у апостола Иоанна (Откр.19:12): «Очи у него, как пламень огненный, а на голове у него много

1 Шарп, однако, считает Абрасакс чисто египетским выражением, обозначающим "Не делай мне больно" при обращении к божеству, изображённому на гемме («Египетская мифология», стр. XII).

диадем, и он имел *имя* написанное (на них), которого *никто* не знал, кроме Него Самого. Он был облечён в одежду, обагрённую кровью. *Имя* Ему: Слово Божие». И ещё (3:12): «Побеждающего сделаю столпом в Храме Бога Моего, и он уже не выйдет вон, и напишу на нём *имя* Бога моего и *имя* града Бога Моего».

Всё это привело к тому, что слово *abra* встречается во многих священных титулах. Замечательный пример этому можно увидеть на стенной росписи гробницы Винцента и Вибии в катакомбах Претекстата в Риме. Итак, об этом Винценте в эпитафии написано, что он жрец *Сабазия* и был связан с культом Иао. Имя *Абракура* написано над головой супруги *Диспатер*, два Правителя Теней, перед кем была представлена Гермесом душа Вибии. В первом имени *кура* – это просто латинизированная форма слова κούρη – дева, обычный синоним Прозерпины, в то время как *абра*, по-видимому, имеет тот же глубокий смысл, в котором он использовался изготовителями талисманов.

О силе мистического имени говорится в книге Еноха (68:19): «И это число Кесбала, главная часть клятвы, которую Всевышний, обитая во славе, открыл святым, и имя её (клятвы) Бека. Он сказал святому Михаилу сообщить им *Сокровенное Имя*, чтобы они могли понять то сокровенное имя и так вспомнить клятву, чтобы содрогались пред сём именем и клятвой те, которые показали сынам человеческим всё, что было сокрыто. Такова сила той клятвы, ибо она сильна и могущественна, и Он установил эту клятву Абрака с помощью святого Михаила. И таковы тайны клятвы, и ей они утверждены. Небеса были подвешены ею, прежде чем от века был создан мир. Ею была основана земля на воде, а из сокрытой части гор возбуждённые воды исходят от сотворения до конца мира. Этой клятвой было сотворено море и основание его… Этой клятвой совершают своё движение солнце и луна, никогда не отступают от данного им повеления от века до века. Этой клятвой звёзды совершают своё движение, и когда их называют по имени, они откликаются от века до века… И ими Он устанавливает эту клятву, через которую их пути сохраняются, и их движения не нарушаются. И была для них великая радость».

VI. Абраксас – сила его числового значения

Нахождение сокровенного таинства, выраженного *числовым* значением имени, является великим фундаментальным учением знаменитой науки каббалы. Хотя еврейские талмудисты теперь приписывают себе всю славу этого открытия, но исходя из известного характера этого очень неизобретательного народа, можно предположить, что они позаимствовали первые понятия из халдейского источника, подлинного источника всего их духовного знания. Сначала рассмотрим числовое выражение имени, о котором так много рассуждал апостол Иоанна, а именно: «число зверя», использованного для того, чтобы скрыть некую опасную тайну от праздного любопытства. Что из того, что его анализ снабдил добрых протестантов таких, как епископ Ньютон смертельным оружием (в их собственных глазах) против Папы, после того, как сумма числового значения букв была сокращена до интеграла Λατεινὸς [латинский]; однако более прозаичный противник споров скорее склонен подозревать, что под каббалистическим числом замаскировано имя некоего правителя данного времени, который представлялся особенно опасным для провидца.[1] Но имена *Иао*, *Абраксас* и другие подобные им, не являясь недавними гностическими *изобретениями*, были, по всей вероятности, признанными «святыми именами», заимствованными из самых древних религий Востока. Плиний, вероятно, намекал на нечто подобное, когда с усмешкой упоминал о чудодейственной силе, приписываемой персидскими магами, аметисту с выгравированными *именами Солнца и Луны* – именами, конечно, не написанными по-гречески или на латыни, вследствие иной национальной принадлежности его авторитетных источников. В «Шемеш Эйлам», «Адонай» и «Абраксас» этих талисманов мы можем логично распознавать слова силы, упомянутые великим естествоиспытателем.

1 Кто прямо говорит нам, что «его число есть число человеческое», то есть, сумма числового значения букв имени определённого человека. На иврите числовое значение букв, представляющих выражение "Цезарь Нерон", в сумме даёт это число.

Александрийские греки, опираясь на аксиому, что «вещи, равные одному и тому же, равны друг другу», усматривали священное число 365 во многих святых именах, и таким образом доказывали идентичность разных персонажей с таким именем. Например: та же сумма получается путём сложения числового значения букв в слове Μειθρας и Αβρασαξ; а так как последнее мы переводим, как «благословение» или «святое слово», то оба слова в равной степени применимы к персидскому богу. Опять же, египтяне, говорит Гелиодор («Эфиопика», IX, 22), находят то же числовое значение в имени Νειλος, которым называли древнего бога и отца их страны, это имя можно встретить наряду с именем Гора в гимнах века, собственно с именем Солнца.[1] В новоиспечённых религиях Египта другие более странные тайны были извлечены из священных имён, следуя старому способу. Кирхер публикует гемму с надписью ΧΝΟΥΜΙΣ · ΡΙ и предполагает с очевидным основанием, что последний слог, вероятно, добавлен для того, чтобы составить сумму, эквивалентную имени χριστὸς [Христос] = 1480. Наиболее догадливый из гностиков Марк построил всю свою систему на основе этих арифметических расчётов. По его словам, Спаситель называет себя Α и Ω, потому что эти буквы означают 801, что является суммой букв в слове περιστερὰ или голубь, признанным носителем Святого Духа. Но самой глубокой тайной, которой были вознаграждены его исследования, является, безусловно, очень любопытное совпадение, а именно: при сложении все 24 буквы греческого алфавита дают сумму, соответствующую «числу имени» Ιησοῦς [Иисус] = 888. Его собственные слова вполне заслуживают того, чтобы их процитировать (Ипполит VI. 50): «Итак, происхождение Иисуса нельзя выразить простыми словами. От матери

1 Одной из многих точек соприкосновения индийской и египетской мифологии является название священной реки, так близко напоминающее санскритское слово нил «синий», говорящее об удивительном цвете этой реки. «In Nilo cujus aqua mari similis» «На Ниле, вода которого, как море» отмечает Плиний (XXXV, 36), говоря о картине Нилсеса, изображающей морское сражение на этой реке. Арабы до сих пор различают его в верхнем течении, как Голубой и Белый Нил.

всего сущего, первой тетрады, изошла другая тетрада, и была огдоада, откуда изошла декада, поэтому было восемнадцать. Поэтому декада сошлась с огдоадой, но после этого разъединилась с ней и произвела число восемьдесят. И после того, как она разъединилась с восьмьюдесятью, она породила число, которое составляет восемьсот, так что вся сумма чисел, начиная с огдоады по декаду равняется восемьсот восьмидесяти восьми, как в имени Иисуса, так как числовое значение имени Ιησοῦς равно 888. И, истинно, алфавит греков имеет восемь единиц, восемь декад и восемь сотен, дающих число 888, он состоит из тех же чисел, что и имя Иисус. По этой причине он назвал себя Α и Ω, чтобы объяснить своё происхождение от Всего». При первом взгляде читателя, привыкшего только к *арабским* цифрам, может поразить такая невероятно трудоёмкая работа по нахождению численных значений слов, умелая замена их другими словами из совершенно других компонентов. Но это не так сложно, как кажется. Греки, привыкшие постоянно употреблять буквы своего алфавита одинаково, как символы *чисел* и *звуков*, видели сразу два значения в каждом слове, которое попадалось им на глаза, и легко определяли числовое значение каждого имени, особенно, если кто-то занимался такими совпадениями. Это действие было бы нам в равной степени знакомо, если бы мы заменили «арабские» цифры на первые десять букв латинского алфавита, вместо того чтобы пользоваться древними пальмирскими цифрами, несколько видоизменёнными в течение времени и долгого странствия. Удивительный случай использования *числового значения* имени приводится в «Мидраше», когда 318 человек дома Авраама, с которыми он победил пятерых царей, оказываются не более чем его слуга Эльазар, числовое значение имени которого точно составляет это число – совпадение потрясающее, хотя и случайное!

Истинный гностик Данте использует с большим эффектом числовое значение имени в самом мистическом пророчестве, которым заканчивается его «Чистилище»:

"Ch’ io veggio certamente, e però il narro,
A darne tempo già stelle propinque,

Sicuro d’ ogni intoppo e d’ ogni sbarro,
Nel qual un Cinquecento-dieci-e-cinque,
Messo di Dio, anciderà la fuia,
E quel gigante che con lei delinque."

Canto XXXIII, 40-45

«Я говорю, провиденьем познав,
Что вот уже и звёзды у порога,
Не знающие никаких застав,
Когда Пятьсот Пятнадцать, вестник бога,
Воровку и гиганта истребит
За то, что оба согрешали много».

Перевод М. Лозинского

Объяснение этого отрывка можно найти в слове DVX, состоящим из латинских букв и относящимся к «генералу» Лиги Гибеллинов, от кого поэт ждал великих дел, связанных со свержением папства и восстановлением императорской власти.

Рис. 11

Религия Абраксаса

Наиболее философски мыслящий из отцов Церкви Ипполит начинает описание системы Василида и его последователей оригинальным и уместным сравнением: «Это относится ко всем их слушателям, так как они понимают, что учения этих еретиков подобно морским волнам, носимым яростным ветром, чтобы плыть в поисках тихой гавани, не обращая на них никакого внимания. Ибо их море исполнено чудовищами и труднопроходимо, его можно уподобить Сицилийскому морю, в котором есть легендарный Циклоп, Харибда и Сцилла… и скала Сирен, которую греческие поэты описывают, когда говорят, как проплывавший мимо Одиссей ловко сбивал с толку этих жестоких негостеприимных чудовищ. Звонко и мелодично поющие сирены обычно обманывали всех проплывающих мимо моряков приятностью их голоса, тем самым соблазняя их пристать к берегу. Повествуется, что Улисс, узнавший об этом, приказал своей команде заткнуть воском уши, а себя привязать к мачте, чтобы проплывая мимо сирен, он мог слышать их песни. То же самое я советую тем, кто попадают к этим соблазнителям, либо заткнуть уши, вследствие собственной слабости, и плыть дальше, не слушая еретического учения, и даже не слушая того, что способно легко соблазнить своей приятностью, как мелодичная песня сирен, или ещё надёжнее крепко привязать себя к дереву Христа, чтобы слушать их без содрогания, возлагая всё упование на то, к чему привязаны, и стоять твёрдо, не колеблясь».

Мы уже обсудили Абраксаса, как божество, его имена, природу и образы, осталось теперь дать краткое описание его великого апостола и его учения. Начнём с самого раннего упоминания о них Климентом Александрийским, жившим в том же городе и в том же веке, что и *Василид*, известный как основатель религии Абраксаса. В течение нескольких лет они были современниками, и, вероятно, Климент был лично знаком с Василидом, так как он был известным человеком своего времени. По этой причине свидетельство Климента относительно характера учения Василида заслуживает бесконечно

большее доверие, чем заявления более поздних Отцов Церкви; и в то же время он даёт более разумное, а также более благоприятное суждение о его характере. Он пишет, что эта система уделяет постоянное внимание душе и считает общение с божеством источником всеобщей любви. По его собственным словам «учение Василида состоит из *двух* частей; первая часть связана с божественным и рассматривает первопричину, *через* которую всё совершается и *без* которой ничего не совершается; какова структура тех вещей, которые заполоняют или охватывают друг друга; а также силы, которые существует в природе, и к чему они клонят. Другая часть относится к человеческому, к тому, что есть человек; что соответствует или не соответствует его природе, что он должен сделать и что терпеть. В этот раздел Василид включает Добродетель и Порок; что есть добро, что есть зло, и что безразлично». Короче говоря, нам тут напоминают об описаниии буддийского миссионера. Симпатичный, но странный Климент, чьё христианство было не более чем прививкой на близкий его духу ствол изначального платонизма, почти ничего не находил, чтобы обвинить Василида в трансцендентных умозрениях. В его глазах последний не был *еретиком*, то есть новатором общепринятых доктрин католической церкви, но только теософом-мыслителем, который стремился выразить старые истины новыми формулами и возможно, совместить их с новой верой, божественный авторитет которой он мог признавать, не отказываясь от своего вероучения точно так же, как и в случае с учёными индусами наших дней.

Но совсем другой образ Василида нарисован пером фанатиков-ортодоксов двух последующих веков, после того, как его учение было принято и воспроизведено с чудовищной точностью многими наполовину христианскими сектами, которые появились в самом лоне Церкви. Эти замечания добавлены в хронологическом порядке, так как они передают в нескольких словах основные особенности этой совершенной системы. Ипполит оставил прекрасный анализ учения Василида, заслуживающего тщательного исследования, хотя трудно понять, как это подтверждает приведённое в начале

заявление, что этот *еретик* взял уже готовую систему у Аристотеля с её *родами, видами и индивидами*, но сделал вид, что получил её от евангелиста Матфея, который сообщил ему эзотерическое учение, полученное им одним от Христа, когда тот был на земле. Епископ-философ мягко порицает; напротив, он скорее увлёкся изобретательностью александрийского мистика. Но Тертуллиан, не чувствуя красоты трёхлистника софистики, выступает как истинный африканский адвокат: «после этого еретик Василид вырвался на свободу. Он утверждал, что есть Высший Бог по имени Абраксас, которым был создан Разум, называемый греками *Nous* Нус. От разума проистекло Слово, от Слова Провидение, от Провидения Сила и Мудрость, от этих двух снова произошли Силы, Господства и Власти; от этих бесконечных творений и эманаций Ангелы. Этими Ангелами были созданы 365 небес. Среди низших Ангелов, которые, в действительности, создали этот мир, он ставит в последнюю очередь бога евреев, которого не признает богом, а утверждает, что он является одним из Ангелов». Аналогично ещё позже говорит Иероним («Амос», III): «Так Василид, который называет Всемогущего Бога величественным именем *Абраксас*, говоря, что это имя согласно греческому числовому значению равно сумме годичного оборота Солнца, кого язычники, используя то же число, но выражая другими буквами, называют *Митрой*; кому простые иберы поклоняются под именами *Балсамус* (*Баал-самен* «Властелин неба») и *Барбелус* («сын Бала»). То, что это чудесное имя *Абраксас* давно применялось по отношению к богу Солнца в формулировках мистерий, можно установить из различных случайных намёков древних авторов. Так, философ Феосебий (говорит Фотий в своей «Жизни Исидора») изгнал беса из женщины, просто призвав на неё «*лучи Солнца* и имя Бога евреев». Так же объясняет Августин: «Василид утверждает, что число небес равно 365 по числу дней в году. По этой причине он имел обычай прославлять *Святое Имя*, то есть Абраксас, числовое значение букв которого в соответствии с греческим методом вычисления составляет это число».

Учение Василида об «эманациях» было значительно усовершенствовано Валентином, чей перечень небесной иерархии будет приведён в надлежащем месте. Здесь достаточно отметить, что вся эта теория напоминает теорию индуизма, так как в этой теогонии каждое проявление Единого Высшего Существа считается в простонародье самостоятельно существующим божеством, *женской половиной* точного аналога самого себя, *через* который, как посредством орудия, он проявляет свою силу; по этому учению вторая половина называется *Дурга* или «активная сила». Это последнее имя «сила», в действительности, присутствует во всех гностических списках эманаций. И великий Эон Пистис София в её втором «покаянии» постоянно корит себя за то, что оставила свою мужскую Σύζυγος *половину* в её собственной обители, чтобы отправиться на поиски Высшего Света. В то же время она также упрекает *его* за то, что он не спустился в хаосе к ней на помощь. Система дуализма, по сути, пронизывает всё это чудесное откровение.

Дух индуизма ощущается во многих других вопросах учения Василида, что будет видно из следующих отрывков Иринея, чьё суждение не искажено, как у Ипполита, манией заимствования этой системы у Аристотеля. Василид (по его словам) жил в Александрии при Траяне и Адриане (в первой половине второго века), где начал изучать *восточный гносис*; этот эпитет вполне говорит об источнике этой философии. Будучи обращённым в христианство, он пытался, как и многие другие, совмещать свою новую веру со старой для объяснения вещей, как духовных, так и природных. Для этого он изобрёл свою терминологию и символику. Для распространения своеобразных понятий о Боге и божественных атрибутах, Слове, творении, эманации духов и миров, архитектора вселенной и разнообразных сил природы он пошёл по тому же пути, что и его современник Сатурнин из Сирии. Его система представляет собой сочетание христианских, еврейских, персидских и египетских понятий, но вся композиция была сформирована духом восточного гносиса. Эти принципы автор рьяно отстаивал. В течение многих лет он преподавал в Александрийской

школе; он был также самым плодовитым писателем. Климент говорит, что он опубликовал двадцать четыре книги «Толкования на Евангелия», кроме «гимнов» и «духовных песен», которые все погибли. Его современник Ириней представляет его учение следующим образом:

«Василид для того, чтобы изобрести что-то более изысканное и правдоподобное в гностической умозрительной философии, продолжил исследования даже бесконечности. Он утверждал, что Бог, этот несотворенный и вечный Отец, сначала породил *Нус* или Разум; от него произошёл *Логос*, от Логоса – *Фронесис* (Разумение), а от него – *София*, Мудрость и *Динамис* (Сила)». Ириней считает, что Василид делает пятерицу из Существ или личностных разумов, *внешних* по отношению к Богу. Но Беллерманн с большим основанием считает их персонифицированными *атрибутами форм* Высшего в его внутреннем и внешнем творении. Согласно этому объяснению Василид лишь позаимствовал свою систему у каббалы, однако не менее вероятно, что он всё взял из гораздо более отдаленного источника, и что его «Нетварный» и «Пятерица» соответствуют *первому* Будде и последующим *пяти* Буддам.

Когда Несотворённый и Вечный Отец увидел, к чему ведут распри людей, он послал первородный Нус, под видом Христа в мир для того, чтобы он спас всех тех, кто верит в него от тех сил, которые создали мир, а именно: демиурга и его шести сыновей, планетарных духов. Нус явился среди людей в образе человека Иисуса и сотворил много чудес. Сам Христос не умер, вместо него пострадал некий Симон из Кирены, которому он одолжил свою телесную форму, поскольку божественная сила или Нус Вечного Отца бестелесен, и поэтому не может *умереть*. Тот же, кто исповедует, что Христос умер, всё ещё находится под властью *невежества*, а отрицающий это, свободен от неё и постиг замысел Отца». От этого догмата последователи Василида получили самые одиозные название «докеты» (*кому кажется*)[1]. Аналогично благочестивые брахманы объясняют все свои легенды несовместимостью с нашими представлениями о божественном достоинстве, представляя их все «Майей»

1 От древн.-греч. глагола δοκεῖν («казаться»). – Прим. пер.

(*иллюзией*). То же самое учение относительно этого вопроса есть в Коране (гл. IV [4:156-158]): «За их неверие и ту ужасную ложь, что сказали они в адрес Марьям (Марии). За их слова: Мы убили Мессию – Ису (Иисуса), сына Марьям (Марии), Божьего посланника! Они его не убили и не распяли, им лишь показалось [что они распяли его. Вместо него они распяли другого человека, на которого был наложен Божьим повелением лик Христа]. Те, кто разногласят на этот счёт, пребывают в очевидных сомнениях. Знаний по этому поводу у них нет. Они лишь предполагают. Очевидно и явно, они его не убили. Аллах (Бог, Господь) вознёс его к Себе. Он Могущественен и бесконечно Мудр».

Только что описанная система совпадает в значительной степени с системой индуизма, где первый принцип последовательно производит пять властей Махашива, Садашива, Кудра, Вишну и Брахма, которые одни считают просто *атрибутами* Божества, а другие понимают их в материалистическом смысле: Эфир, Воздух, Огонь, Вода, Земля. Но, возможно, как давно утверждает Мосхайм, все гностические системы происходят не от каббалы, и не от греческой философии, но от теософии браминов.

Ещё одна деталь из практики Василида, упомянутая Иринеем, будет широко проиллюстрирована при исследовании талисманов. «Кроме того, секты *изобретают имена* для ангелов, утверждая, что эти, мол, принадлежат *первому* небу, эти – *второму* и т. д. Так они истолковывают все ангельские имена всех этих 365-ти ложных небес. Точно так же они дают имя земной сфере, которую, по их словам, посетил Спаситель (они называют его Кавлакав), а потом оставил. Тот, кто знает имена всех Эонов, становится *невидимым* и недостижимым для этих Эонов, также как был сам Спаситель Кавлакав. Ученики Василида останутся также неизвестными остальному человечеству, как Сын Божий не был познан миром. Они знают всё это, и, тем не менее, должны жить среди чуждых людей и вести себя в отношении остального мира как существа невидимые и неизвестные. Отсюда их девиз: «Учись, чтобы узнать всё, но пусть никто не знает тебя». По этой причине они

всегда готовы отказаться от принадлежности к учению Василида. Их нельзя назвать еретиками, потому что они стремятся выглядеть как все. Не многие способны постичь это тайное учение, возможно, один на тысячу или два на десять тысяч.

Они располагают 365 небес так же, как это делают астрологи. Их доктрина содержится в священной книге, а также в *символических фигурах*. Высшим Богом и Главой всего является *Абраксас*, число которого – 365».

Столько сил было приложено, чтобы узнать имена Эонов, что было бы непростительно не приобщить их, насколько они могут быть доступны в настоящее время. Следующий перечень можно считать наиболее авторитетным поимённым списком, разработанным самим Валентином, глубочайшим знатоком гносиса, который усовершенствовал в высшей степени систему, впервые набросанную Василидом. Он группирует имена парами, мужское и женское, в порядке их последовательной эманации из Битоса, предсуществующего и вечного начала. Количество пар *пятнадцать*, или священное число пять, повторённое три раза. Их именами, как будет видно, являются словами на иврите, поэтому слово «va» перед некоторыми женскими силами обозначает просто предлог «и». Маттер предполагает, что Валентин был евреем по происхождению, хотя родился в Александрии. Тертуллиан утверждает, что он был сначала платоником, потом принял христианство, но разочаровавшись в своих устремлениях стать епископом, основал свою собственную религию.

1. Ampsiu, Ouraan = Бездна, Безмолвие
2. Bucua, Thartun = Разум, Истина
3. Ubucua, Thardedia = Рассудок, Жизнь
4. Metaxas, Artababa = Человек, Церковь
5. Udua, Casten
Udu, Vacastene = Утешитель, Вера
6. Amphian, Essumen = Отечески, Надежда

7. Vannanin, Lamer = Матерински, Любовь
8. Tarde, Athames = Вечное, Ум
9. Susua, Allora = Свет, Блаженство
10. Bucidia, Damadarah = Евхаристический, Мудрость
11. Allora, Dammo = Глубокомыслие, Смесь
12. Oren, Lamaspechs = Неувядаемый, Союз
13. Amphiphuls, Emphsboshbaud = Саморожденный, Умеренность
14. Assiouache, Belin = Единородный, Единство
15. Dexariche, Massemo = Недвижимый, Наслаждение

Епифаний явно два раза переписал одну и ту же пару (5), его ввела в заблуждение небольшая разница в правописании, и, таким образом, он добавляет ещё одну пару к изначальным пятнадцати.

Будет очень поучительно сравнить систему эманаций Валентина, которая состоит из пар мужских и женских эманаций, исходящих из первопричины, с индийской теософией, которая на эту самую функцию указывает, как на подлинный её источник. В индийской философии каждый принцип разделён на мужскую и женскую энергии, которые абсолютно идентичны «и отличаются только по принадлежности к полу». Каждое божество проявляет свою силу через женский принцип или *шакти*, который в свою очередь обладает *ваханой* «носителем», то есть инструментом или атрибутом, фиксированным и представленным материальной формой. У Лиц Высшей Триады шакти и их ваханами[1] являются:

1 Можно даже предположить, что индийское влияние видно во всём Апокалипсисе. Четыре зверя (заимствованы из первого видения Иезекииля) – это ваханы, служители Божественной Воли. Позднее они были назначены евангелистам. У двадцати четырёх старцев были прототипы в лице святых для того же количества в буддийском богословии; «Море из стекла или хрусталя» – это огромный хрустальный блок, подвешенный на высших небесах, святыне Высшего Существа, растворение в котором является истинной целью верующего.

1. У Брахмы Сарасвати, богиня гармонии и искусства (еврейская *мудрость*); её вахана – лебедь или гусь. (Отсюда капитолийская птица Юноны, потом объяснённая, как исторический вымысел.)

2. У Вишну Лакшми, богиня процветания, она называется Камала, «Лотос-носитель», её вахана – Гаруда, человек-орёл. Вишну в одном аватаре называется «Вараха», а его супруга «Ванихи», в этом случае её вахана – буйвол.

3. У Шивы, Изменяющего или Разрушающего, шакти является Бхавани, богиня плодородия, и, следовательно, смерти, так как первое предполагает второе "Nascentes morimur, finisque ab origine pendet" [лат. «Рождаясь, мы умираем, и конец обусловлен началом» – Марк Минилий].

Ничто не исчезает, вещи только принимают новую форму, называемую *невеждами* смертью. (Сравните название «боги смерти», которое офиты любили давать «богам рождения», астральным духам натального гороскопа). Ваханами Бхавани являются бык, символ рождения, и Тигр, символ разрушения.

И прежде чем продолжить, я не могу удержаться, чтобы не посмотреть, как эти имена и символы проявляются далеко за пределами народов, воплощением которых они являются. Царицы династии Сасанидов, изображённые на геммах, как правило, держат в руке лотос[1], общепринятым именем царей этой династии было Варана, а индуистский бык был самым распространённым изображением на печатках их подданных. Но так как владения более поздних персидских царей простирались до Инда, индийские принцессы несомненно входили в их гаремы и учили своей религии детей. Опять же, многие из этих санскритских имён имеют, конечно, неслучайное сходство со словами, часто встречающимися в гностических надписях. Так, «Сумитри» супруга Бога Вишну в его седьмом аватаре может объяснить Σουμαρτα; а «Натха» – название Вишну и Кришны, не менее распространённое Ναυτιτα; «Иса» господин, а слово женского рода «Иси» *госпожа*, возможно, от которого даже происходит *Исида*. «Нила» *синий*,

1 В стиле Камалы [Лотосовая], как позже греческие и римские женские образы в стиле Исиды.

эпитет Парвати, более чем уместно перешёл к имени «Отец Нил». Младенца Вишну под именем Нараяна, плавающего на «ват» листе-лодке по лицу вод и окрашенного в синий цвет, можно сравнить с младенцем Гором, которого перевозят в *барисе*. Так как самое древнее из всех вероучений, как сказано выше, сделало лотос символом множества, то станет очевидной причина появления сосудов с семенами, всегда ошибочно принимаемых за коробочки мака, среди колосьев пшеницы в Роге изобилия Цереры.

Приведённое выше имя Σουμαρτα, кажется, относилось гностиками к богу Солнца, так как Монфалькон даёт (таб. 157) изображение Сола с такой надписью, а на реверсе слово χεροῦβι, очевидное обращение ко всему ангельскому воинству. И так как изготовители талисманов всегда искали защиту у этой небесной иерархии в их «добровольном смирении и служении ангелам», я приведу имена индийских хранителей [локапалы] «джехабс» или сторон света, которые, возможно, притаились в их греческой форме среди этих бесконечных строчек с именами.

В,	Индра	С-З,	Ваю
Ю-В,	Агни	С,	Кубера
Ю,	Яма	С-В,	Джсана
Ю-З,	Ниррити	зенит,	Брахма
З,	Варуна	надир,	Нага

центр, Рудра

Индийская форма неизречённого имени

Мы уже знаем, какую важную роль играет понятие «Неизречённое Имя», обозначающее непостижимого Высшего в системе гносиса, и вот снова можно найти истоки этого хорошо разработанного понятия в практике браминов. Это страшное имя, написанное *тремя* санскритскими буквами, красуется в обрамлении свернувшегося змея (обычное обрамление святого имени в гностическом искусстве)[1] достойно несёт Бог *мудрости*

1 Как сообщает нам «Пистис София», «диск солнца был великим

Ганеш с головой слона. Это трёхбуквенное имя скорее АУМ, чем ОМ, как обычно пишется на английском языке. Молящиеся никогда не произносят его вслух, а только мысленно. Из этих букв «А» означает Творца, «У» Хранителя, «М» Разрушителя, то есть Триаду Брахма-Вишну-Шива. «При произнесении вслух звук очень напоминает Аминь, произносимое нараспев приходским служителем. На самом деле оно используется вместо «Ангиэкар» или «*Да будет так*!» в знак одобрения». (Мур, «Индусский Пантеон»)[1]. Здесь следует указать на очень любопытную аналогию, встречаемую у талмудистов, а именно: слово «Аминь», произнесённое громко вслух, имеет силу открывать врата рая. В «Пистис Софии» «три Аминь» и опять же «четыре Аминь» неоднократно упоминаются Спасителем среди прочих таинств его эзотерического учения. По этой причине есть подозрение, что это слово связано с индийским священным Именем, если на самом деле Валентин не был ближе к истине, что оно от четырёх «Аменти», хранителей мёртвых и сынов Осириса. Простое объяснение, что «Аминь» означает *истину* в каком-то восточном наречии, кажется недостаточным для веского обоснования. Каббалист Марк открыл великую тайну слова Αμην, дав его числовое значение. Число девяносто девять образовано союзом одиннадцати и девяти, и *поэтому* встречается в притчах о потерянной драхме и девяноста девяти овцах, «что является причиной использования «аминь» в молитвах».

драконом с хвостом во рту»; тогда смысл этого изображения, на котором написано священное слово, становится достаточно ясным.

1 OM MANI PADHVM [ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ] «Прославление Божества» – это тибетское исповедание веры, выгравированное на каменных скрижалях, установлено по всей стране; ламы постоянно повторяют эту мантру по чёткам. (Купер «Путешествия пионера», стр. 208). Гук упоминает утверждение лам, что учение, содержащееся в этих словах, огромно, и что вся жизнь человека недостаточна для измерения его глубины и протяжённости. Нокс («По суше через Азию») описывает разрушенный «Монастырь вечного покоя», построенный на стыке Авгуна с Амуром императором Юаньской династии в ознаменование своего визита в этот регион. На вершине скалы находятся три мраморные колонны высотой от 5 до 8 футов [152-244 см], на порфире надписи в память об их основании, а также эта мантра на китайском, монгольском и тибетском языках.

Другими названиями индийского божества являются «Тат» и «Сат» = Силе. Это – легко узнаваемые египетские боги Тот или Гермес и Сет, т. е. Истины. Вполне вероятно, что сам могущественный АУМ часто сокрыт среди строчек гласных на наших талисманах. Халцедон Прауна (№ 517), имеющий на одной стороне изящно нарисованного дельфийского Аполлона, а на другой (более позднего времени) изображение танцующего мужчины в переднике, наполненном фруктами, имеет надпись πυρσπαιοω αουμ ολει [*пирспеоо аум оли* (койне)]или санскритское трёхбуквенное имя в той единственной форме, которая может передать звучание греческими буквами. Итак, происхождение этого Неизречённого Имени связано («Законы Ману». II. 370) с Брахмой, как бы выдоившего из трёх Вед букву А, букву У и букву М вместе с тремя загадочными словами «Бхур», «Бхава» и «Свар» или земля, небо и небеса. Из трёх Вед Господь творения также непостижимо возвышенно и последовательно выдоил три Сокровища, непроизносимые слова, начинающегося со слова «Тат» под именем «Саватри» или Гаятри. Жрец, который должен знать Веды и произносит про себя утром и вечером этот слог и священный текст с предшествующими тремя словами, должен достичь святости, которую дают Веды. «*Дваждырождённый*» человек, который тысячу раз повторит эти Три Слова, кроме других слов, освобождается в течение месяца даже от тяжких прегрешений, как змея от своей кожи. Три великих непроизносимых слова предшествуют трёхбуквенному слогу, а за ними идёт Гаятри, состоящая из трёх мер, это должно рассматриваться как *уста* или основные части Веды». В этом учении находятся истоки всех магических надписей, по своей сути это есть нанизывание священных имён. Нет, более того, сами эти три слова, замаскированные коптским произношением или специально скрытые от взора профана дублированием гласных, очень вероятно находятся внутри некой гностической формулы. В заклинании Батта, о котором будет сказано ниже, встречаются слова с тем же значением, как у индийского Трёхбуквенного слога.

Гаятри или самый священный стих Вед говорит: «Мы преклоняемся перед божественным Солнцем, всевышним Богом, освещающим всё и воссоздающим всё, от которого всё исходит, и к кому всё должно вернуться, кого мы призываем направлять наш разум в продвижении к святому седалищу!» И ещё: «Земля, Небо и Небеса; давайте будем медитировать на превосходнейший Свет и Славу самого щедрого, весёлого и сверкающего Солнца, чтобы оно могло руководить нашими умами!» Во всём этом есть что-то, что непременно раскрывает гностические призывы всякий раз, когда их нужно истолковывать, а «Божественное солнце» находит свой аналог в постоянно повторяющемся «Шемеш Эйлам».

Гаятри содержится в исповедании веры браминов. «Мы приносим тебе новую прекрасную хвалу, о, великолепное игривое Солнце (*Пушан*). Снизойди к моим словам, приблизься к этому жаждущему уму, как любящий человек ищет женщину. Пусть Солнце, которое всё созерцает и смотрит на все миры, будет нашим покровителем! Давайте медитировать на прелестный свет Божественного Правителя (*Савитри*); пусть он руководит нашими умами. Жажда питания, мы просим дар у великолепного Солнца, которому следует прилежно поклоняться. Почтенные люди, руководствуясь пониманием, салютуют тебе, Божественное солнце, с подношениями и хвалой».

Мур тут делает очень уместное замечание: «Сложно предположить, почему этот текст так старательно держали в секрете, так как его изложение, не связанное ни с одним таинством или показным проявлением силы разума, по-видимому, не содержит ничего ужасного, чего так боятся все священники, как направляющие разум человечества к открытию истины».

Как уже отмечалось, наши гностические формулы, написанные по-гречески, имеют дух и ритм, который поражает ухо, как эхо этих древний обращений; посмотрим на надпись гелиотропа, описанную Кройцерем («Археология» III, последняя гравюра). Внутри свёрнутого змея надпись из многих строчек, первая половина представляет неразборчивую смесь букв подобно тридцатислоговому обозначению высшей Четверицы

Марка, и, вероятно, выражает имя неведомого Бога, к которому в следующей части обращаются как: «к изначальному Отцу, бестелесному, пронизывающему всё сущее, само-существующему, печати Соломона». Потом следуют более мистические детали, заканчивающиеся «львиной головой», видимо, образом Митры такого же рода. Заявление о том, что неизвестная надпись – это «печать Соломона», является чрезвычайно интересным, как говорящее о ранней дате популярности большинства известных талисманов, а также о том, и надо помнить, что они черпают силу от могущественного престола Божьего, начертанного на геммах. Много ещё аналогий между двумя теософиями можно обнаружить в индийских формах поклонения, опубликованных Муром. Из Лиц Высшей Триады Брахма представляет Создателя, Вишну Хранителя, а Шива Разрушителя. Но последний скорее Изменяющий, так как любая *смерть* есть только *перемена*. Поэтому Шива в одном из своих персонажей отождествляется с Ямой, богом Теней. Итак, понимая, что первые два Лица символизируют стихию огня и воды, то сразу становится понятной аналогия греческой Триады, Зевс, Посейдон и Аид. Здесь также мы находим прообраз «Великих Τριδυνάμεις [Трое сильных]» которые занимают столь высокое место в иерархии «Пистис Софии».

Знаменитая надпись Будда-Гайя, Бенгалия, датированная 1005 годом эры Йикрамадитья (57 г. до н. э.), содержит этот замечательный отрывок: «Амарадива (сын Сандракотта), услышав этот голос, приказал сделать образ Высшего Духа, Будды, и он поклонялся ему согласно закону с ароматами, благовониями и тому подобному, и он восторгался (превозносил) именем этого высшего существа, воплощением части Вишну, такими словами: Почтение тебе в образе Будды; почтение тебе, Владыка Земли! Почтение тебе, воплощение Божества и Вечного; почтение тебе, Бог в образе Бога милосердия, Рассеиватель боли и бед, Господь всего сущего, Божество, которое преодолевает грехи *Кали-юги* (Железного века), Хранитель вселенной, символ милосердия по отношению ко всем тем, кто взывает к тебе – Ом, Владыка всех вещей в жизненной форме, Ты есть Брахма, Вишну и Махеша (Шива); Ты

есть Господь вселенной; Ты есть правильная *форма* всего сущего,[1] движимого и недвижимого, Обладатель всего. Итак, я поклоняюсь тебе. Почтение тебе, даритель Спасения; почтение тебе, Разрушитель Злого Духа, Кеши[2]; о, Дамадара, окажи мне милость! Ты тот, кто почивает на лице Молочного Океана, и кто лежит на змее Шеша. Ты – Тривикрама, который тремя шагами обходит землю; я поклоняюсь тебе, кто восхваляется тысячью именами и под различными *формами*, в образе Будды, Бога милосердия; будь благосклонен, Всевышний! Помолившись так Хранителю человечества, он стал как один из праведников. Он радостно приказал построить святой храм прекрасной архитектуры, и в нём были установлены *божественные стопы* Вишну для вечного очищения грехов человечества, а также образы Пандавов и *Нисхождений* Вишну (аватаров), такие же образы Брахмы и остальных богов». («Индийский Пантеон», стр. 223)

Здесь можно отметить, как глубоко символ божественной стопы проник в религии Запада. Стопы выпуклые или вогнутые, вырезанные в камне, являются обычными в индусских храмах; по традиции они являются памятниками сати, самоотверженных вдов, восходивших с этого камня на погребальный костёр. Такое предназначение связывает этот символ с Сераписом, переведённом имени Ямы, бога Аида. Сравните колоссальную стопу в Александрии, посвящённую Серапису и представляющую его особый атрибут; она недавно была откопана из-под руин его храма.[3] Она богато обута, а на вершине восседает на троне сам бог со своими помощниками Цербером и Змеем, *Тричакша* и *Шеша* в греческом обличии. Такая же крылатая стопа, обвитая змеем, между двух сидящих львов вырезана на алтаре с надписью "Deo Sarapi M. Vibius

1 В значение предсуществующего Образа, Платоновой идеи, персидского феруера, Адама-Кадмона раввинов, всё берёт начало из этого источника.

2 Это объясняет название божества, которое так часто изображается на наших талисманах, Γιγαντορήκτης.

3 Религиозное значение этого символа подтверждается александрийскими монетами Коммода, имевшие на реверсе изображение этой ступни с поясным изображением Сераписа на том месте, где изображается нога. (Feuardent, Egypte Ancienne, Фьюрден, «Древний Египет», таб. XXXVII.).

Onesimus ex visu" «Бог Серапис/ М(арк) Вибий/ Онесимий/ по видению» (Монфокон, грав. 122). Та же идея послужила созданию на Цейлоне отпечатка стопы Адама на вершине горы, носящей его имя. Откуда он взошёл к своему Творцу, так же как в столице христианства сам Христос оставил отпечаток своей стопы на базальтовой брусчатке улицы Виа Аппиа. Этому камню до сих пор поклоняются в церкви под названием "Domino quo vadis?" «Камо грядеши?»

Древняя серебряная табличка, найденная в яме в Исламабаде у северного окончания Бенгальского залива, свидетельствует об освящении места предполагаемого храма, в яме был оставлен залог: 120 небольших бронзовых изображений, называемых «тахмуда», двадцать изображений больших размеров «лангуда», один большой камень «лангудагари» и латунный сосуд, содержащий две кости «тхакур». Последнее имя «благородный»[1] является обычным именем бога или обожествлённого смертного человека. В средневековой церковной практике (которая, вероятно, всё ещё сохраняется) для освящения любого алтаря в церкви необходимо положить в его основание мощи (кости) какого-то Святого. Та же серебряная табличка содержит описание рождения и детства Будды. Это совпадение, если и случайное, но очень любопытное. «Когда Будда Аватар сошёл из области душ и вошёл в тело Махамайи, жены Сунталадана, раджи Кайласа, её чрево неожиданно приняло вид прозрачного кристалла, в котором появился Будда, красивый, как цветок, он стоял на коленях и опирался на руки. При рождении у него на голове были две *ступни*, а на руках следы от колёс. Брахма, присутствующий при рождении, положил младенца в золотой сосуд и отдал его Индре». Такая тесная связь теософий Индии и Греции изначально (до времени прямой торговли) сохранялась через персидских магов, о чём сами античные авторы свидетельствуют редкими, но заслуживающими доверия намёками. На их замечания полагались до самого последнего времени среди других

1 Точный аналог древнему слову Divus или божественный, или католический святой.

вымыслов «псевдо-Греции», но знакомство с записями на санскрите и пехлеви открыли правду о них.

Теперь воспринимается как безусловный факт, подтверждаемый древнейшими частями Авесты («Гаты» или гимны), что первоначальной религией всей арийской расы, предшествующей великому разделению, было просто поклонение силам природы. Эта религия была реформирована Зороастром, который сохранил древние имена ангелов, но добавил понятие о единственном Всевышнем. Аммиан при описании персидской экспедиции Юлиана даёт следующие любопытные, хотя со странными ошибками, подробности относительно этого предмета (XXIII, 6). «В этих областях расположены плодородные земли персидских *магов* (в Мидии), о чьей профессии и занятиях, поскольку мы с ними столкнулись, будет уместно дать здесь краткую информацию. Платон, этот величайший авторитет в области знаменитых учений, утверждает, что религия персидских магов, известная под мистическим названием махагестия, является наиболее неискажённой формой поклонения божественному. К философии этой религии бактриец Зороастр в древние времена сделал много дополнений, почерпнутых из мистерий халдеев, как это сделал ещё позже Гистасп, очень образованный правитель, отец Дария. Этот царь Гистасп, смело проникнув в неизвестные области *верхней Индии*, натолкнулся в лесу на некое уединённое место, где в безмолвии жили несравненные мудрецы, брахманы. Обученный их науке о движении всего мира и небесных тел, а также *чистейшим религиозным обрядам*, насколько ему удалось постигнуть их из приобретённых таким образом понятий, он перенёс некую их часть в вероисповедание магов. Последние, соединив это учение со своей своеобразной наукой предсказания будущего, передали всё это через своих потомков последующим векам. С тех пор на протяжении многих поколений до настоящего времени, множество людей, происшедшее от одного и того же рода, посвящает себя священному служению. Говорят, что они сохраняют негасимым святой Огонь, который прежде упал с небес, частицу которого обычно всегда носили перед царями

Азии как благой знак. Число преемников этой веры было вначале невелико, и персидские цари приглашали только их для отправления религиозных служб. Считалось большим преступлением приближаться к алтарю или касаться жертвы, прежде чем маг произнесёт соответствующие молитвы и не сделает предварительных возлияний. Но в результате постепенного увеличения их числа, они становятся по названию и размерам особыми людьми и живут в деревнях, не защищёнными стенами; им было позволено следовать своим собственным законам, будучи уважаемыми вследствие их религиозного характера. Именно из этого народа семеро, согласно древним летописям, захватили персидский трон после смерти Камбиса, но были раздавлены заговором Дария, который получил царство через ржание своего коня». Достойный, но педантичный старый воин, желая показать своё историческое понимание, допустил очень нелепые промахи в этой записи. Отец Дария не был «древним царём Персии», а всего лишь правителем *провинции* (ἐπαρχος) при Камбисе (Гер. III, 70). Его имя, производное от «Гуштасп», планеты Венера, было, несомненно, достаточно распространённым, когда магизм был признанной религией. И ещё более нелепо, когда Аммиан превращает *одного* узурпатора из магов Смердиса[1] в *семерых* людей, фактическое число персидских вельмож, низложивших его. Тем не менее, эта история имеет большое значение, как доказательство существования магов в сообществе прорицателей и провидцев (подобно древнееврейским братствам таким, как «Сыны пророков») и последующих модификаций их доктрин на основании понятий индуизма после завоевания индийских провинций. В таком случае не нужно удивляться тому, что цари *Сасанидов* назывались именами индийских божеств, подобно многочисленным царям с именем *Варана* (от «Варани», имени Вишну) так же как и другие цари этой династии брали имя персидского бога Ормузда, в виде царственного имени Ормазд (Ахурамазда).

1 Гаумата, мидийский маг, выдавал себя за Смердиса – младшего брата Камбиса, убитого последним ещё до своего похода в Египет. – Прим. пер.

Геммы Абраксаса, их материал, художественный стиль и характер

Следуя аксиоме «тело больше одежды», вышеприведённые главы были посвящены рассмотрению понятий, которые наши талисманы *представляют* в видимой форме. Поэтому эти видимые формы, их материалы и их создание, теперь открывают перед нами широкое поле интересных исследований, затрагивающих множество различных областей археологии.

Подлинные геммы Абраксаса, которых ещё много в наших кабинетах, пришли изначально по большей части из Египта; другие геммы, вследствие их иного стиля, пришли из Азии, а третьи из Сирии, где в древности было много последователей Василида. Среди этих философствующих наполовину христианских сект образ Абраксаса был в почёте. «Они использовали этот образ (говорит Беллерман) в качестве *Учителя* доктрины, согласно которому они направляли свои трансцендентные исследования и мистические наставления; как *знак* или *пароль* среди посвящённых того, что они принадлежали к одному братству; как *амулет* или *талисман*, и, наконец, как *печать* для документов». Гностические инталии почти единственные произведения глиптического искусства во времена его угасания в последние два века Западной Империи, за исключением нескольких грубых изображений богини Рима, богини победы [Ники] и орла, сделанных для колец легионеров. Как можно легко предположить, качество художественного исполнения этих изображений находится на самом низком уровне, так как это искусство было наследником вырождавшейся египетской школы Александрии.[1] Гравировка, по-видимому, была

1 Однако их варварство часто опережает их реальный период. Убедительным примером является находка большой сокровищницы Тарса, где самые поздние монеты были не позже Гордиана III. Там был чёрный гематит с четырёхкрылым Эоном, держащим скипетр, на реверсе была изображена Венера Анадиомена с её обычным именем APѠPIФPACIC, нацарапанная так грубо, что можно было бы отнести это произведение тремя веками позже, если бы не другие предметы, среди которых оно было обнаружено. Ещё один интересный момент заключался в том, что оно сохранило оригинальную оправу – витую рамку из массивного золота с петлёй –

полностью выполнена с помощью грубых *фрез*, характерных для печатей Сасанидов, и в то время обычно использовавшихся в Персии, которая, кстати, была источником многих понятий, выраженных этими образами и надписями. Лучшие индийские сердолики, николи и аметисты, которые украшали более ранние периоды, сменяются более грубыми материалами, добываемыми в тех странах, где зародилась новая вера, а именно, тёмно-зелёная египетская яшма, иногда в жёлтую или красную крапинку, гелиотроп, обычно плохого качества, переходящий от грязно-оливкового к обычному халцедону и довольно волокнистый, более или менее магнитный гематит. Действительно, непрозрачная яшма и магнетит были особыми материалами для печаток в самом начале искусства магии; в Египте и Ассирии с незапамятных времён они завоевали репутацию самых подходящих носителей изображений на талисманах. Первый из названных камней был *малахит* Плиния, «непрозрачный, цвета листьев мальвы, с природной силой для защиты детей в качестве амулета»; его чёрной разновидностью был *антипат*, «рекомендованный магами как надёжная защита против чар всякого рода», в то время как гематит являлся персидским *камхахеном*, от которого, возможно, произошло слово камея, пришедшее в Европу в то время, когда каждая гемма выдавалась за талисман.

Таким распространённым было это правило дикого варварства, что найденные в хорошем исполнении и на красивых камнях гностические геммы при тщательном рассмотрении всегда принадлежали школе времени Чинквеченто, то есть времени, когда всё, относящиеся к астрологии или каббале, воспроизводилось в огромных количествах под действием возрождённого духа мистического умозрения. К этому и следующему веку следует отнести авторство больших яшм, не часто встречаемых в коллекциях и изображающих фигуру Осириса во весь рост на фоне астрологических символов и *современных* еврейских букв. Из этих подделок, выдававшихся своим отличным качеством, самым заметным был большой

доказательство ценности вследствие его магической силы. (Коллекция Франка)

аметист, приобретённый мной во Флоренции, на нём выгравирована прямо стоящая фигура Фре с головой сокола, из числа Приапов, Фре держит на руке киноцефала и стоит на свернувшемся кольцом змее; эта инталия выполнена в лучшем римском стиле, что не могло быть изготовлено в эпоху гностицизма.[1]

Антикварных паст[2] с сюжетами не существует, и по очень веским причинам. *Материал* талисмана так же важен для его силы, как и *сигил*, выгравированный на нём; об этой тайне глубокомысленный Камилло ди Леонардо далее расскажет своими словами. Опять же, подлинные камни были сами по себе дешёвыми, и они гравировались так быстро и так небрежно, что вряд ли был соблазн подделывать их с использованием менее качественных материалов. Единственным исключением камня низкого качества, использовавшегося гностическими гравёрами, которое я когда-либо встречал, является гранатовая табличка из кабинета Герца, описание которой будет дано в надлежащем месте, когда мы будет рассматривать надписи.

Буквы надписей[3] на этих талисманах имеют свою особенность, что само по себе служит для определения почти любой

---

1 Я давно подозревал, что в период Чинквеченто [итальянское название XVI века] было много гностических работ в более грубом стиле, и, наконец, получил доказательство истинности этого подозрения. Среди большого количества грубо вырезанных гностических яшм очень поздней работы моё внимание привлекла одна (надпись из нескольких строк), вырезанная на табличке из полосатой агатовой пасты, столь популярной в тот период, но совершенно неизвестной древним. Кусок был тщательно отполирован, а затем выгравирован с помощью фрезы; рисунок, вероятно, скопирован с подлинного камня.

2 *Паста* – стекловидный материал для изготовления стразов. – Прим. пер.

3 Штихель объясняет надпись на щите фигуры Абраксаса, написанную таким образом XVX IAXV, как не более чем обычное написание в этом положении Иао с трижды повторённым знаком Креста (чтобы получилось мистическое число Семь). Он приводит в поддержку этого интересного объяснения гемму, опубликованную Маттером, с надписью ΧΦΕΝΕCΧΗΡΦΙΧ, передающей произношение древнееврейской фразы Панив зе рипуй = «Его лицо – это – исцеляющее».

из гемм, принадлежащей к гностической серии. Все буквы написаны *прямыми* строчками, причём Θ, O и Σ имеют достаточно квадратную форму, либо из-за плохого инструмента, либо из-за недостатка мастерства гравёра, пытавшегося написать круглые буквы, так как аккуратное исполнение требует особой ловкости и многолетней практики, являясь, по сути, наиболее сложной задачей для того, кто пользуется *фрезой*. Именно этим недавно изобретённым инструментом, как показывают линии, были едва начертаны на камне такие неровные буквы. По всей вероятности, этими художниками были александрийские стеклодувы, имевшие давнюю известность благодаря своим вазам с гравировками. Марцел говорит "tepide toreumata Nili" «слабая чеканная работа Нила», а Плиний приводит существенное замечание "vitrum, aliud torno teritur, aliud argenti more caelatur", то есть «некоторые стеклянные сосуды обтачиваются с помощью сверла, другие вырезаются рельефно наподобие серебряных табличек». Буква Ξ в этих надписях неизменно рисуется, как Z, перечёркнутая по диагонали короткой чёрточкой, что является грубой работой, так как её нельзя отличить от последнего символа.

Эти надписи часто *добавляют* на реверс гемм гораздо более раннего времени, очевидно, с целью превращения их в талисманы. Из таких превращений наиболее замечательным и известным мне является прекрасная камея (кабинет Мальборо) с поясным изображением Коммода, на оборотной стороне которой было грубо вырезано «бог Абраксас», окружённое непонятной надписью, хотя похожей на греческие слова.

ΔΟΥΓΕΝΝΑΙΟΔΕΜΕΝΑΙΒΑΣΙΛΙΣΚΟΣ

Ещё одна камея (Королевский кабинет) с головами в шлемах, напоминающих двух старших сыновей Константина, получила очень не традиционное дополнение в виде Анубиса, также окружённого длинной надписью, написанной огромными буквами так варварски, что не поддаётся копированию. Третья камея (Паруре Девоншир № 79), великолепная голова Геракла, ляпис-лазурь, получила гностическое крещение путём дополнения на реверсе скарабея с раскрытыми крыльями (признанный символ Творца), и слово силы ΑΒΡΑΣΑΞ.

Чрезвычайно плохой стиль всех подобных изменений прямо свидетельствует о гораздо более позднем их времени по сравнению со временем изготовления гемм. Их расположение, всегда скрытое при использовании, доказывает тот факт, что целью таких *улучшений* было сверхъестественное покровительство владельца геммы.

Лучшим примером гностического преобразования служит камея из оникса (Венский кабинет) с изображением какого-то молодого кесаря в виде Юпитера Анксура, стоящего в анфас с молнией в левой руке, и правой рукой опирающегося на скипетр, эгида [мифическая накидка из козьей шкуры] свисает с его спины вместо военного плаща, у его ног орёл, с одной стороны трофей, сидящий пленник, с руками связанными за спиной; всё выполнено барельефом хорошего стиля. Изготовитель талисмана вырезал ряд квадратных букв, напоминающих пальмирские, вдоль каждой ноги от бедра до стопы, нимбом вокруг его головы, а другие буквы по полю; для подтверждения он покрыл весь реверс геммы 16 строками таких же заумных надписей. Это старательно изображено Арнетом в ("Cameen des K. K. Cabinettes" (фр. «Камеях кабинетов К.К.») (гр. XVIII. 2), который предполагает изображение Юлиана, не учитывая, что «философ» носил длинную бороду в то время, когда были возможны *такие* его изображения. Кроме того, за два столетия до Юлиана Серапис был единственным образом, под которым разрешалось изображать правящего императора, так как прежний образ римского Юпитера Анксура уже устарел. Героем этот апофеоза вероятнее всего является Тит или даже его брат. Эта камея внушительных размеров: 2 ¾ дюйма [6,99 см] в высоту и 2 ½ дюйма [5,71 см] в ширину.

Что касается истории глиптики, то описанные здесь геммы имеют свою собственную ценность, указывая на дату, когда в *мастерской* гравёра стали пользоваться *фрезами*; исследование под микроскопом мелких и изящных надписей более раннего времени свидетельствует о том, что геммы *гравировались* с помощью алмазного наконечника, отсюда совершенство и лёгкость.

Всем этим гностическим надписям Распе (пасты Каталога Тасси, стр. 38) дал точную расшифровку, эта огромная коллекция включает все виды гемм и все периоды гностицизма. Шабулье недавно сделал то же самое для очень большой серии французского кабинета, составив очень ценный «Каталог древних и современных камей из национальной коллекции», стр. 282. «Дактилиотека [коллекция перстней с печатями] Горлэ», (3-е изд. 1695 г.), полностью состоит из гностических и астрологических изображений, включающих бóльшую часть тех изображений, которые были впервые опубликованы Шифле в его «Macarii Abraxas-Proteus», изд. 1610 г., для которой таблички были вновь выгравированы с целью уменьшения масштаба, но с большими дополнениями, видимо сделанными знакомым с этой работой редактором Гроновием. Но самой обширной группой фактических изображений всего класса являются таблички в разделе Абраксас грандиозного труда Монфокона 'L'Antiquité expliquée'[1]. Многие из его примеров были взяты из кабинета гемм, принадлежащих библиотеке Св. Женевьевы, помимо всего прочего, и очень интересные экземпляры из предыдущей работы Капелло.[2] Хоть и грубо выгравированные, они, кажется, были скопированы с предельной точностью.

1 «L'Antiquité expliquée et représentée en figures» или «Античность, объяснённая и проиллюстрированная изображениями». – Прим. пер.

2 Кто открыто признаётся в копировании оригиналов из коллекции старинного Кассельского кабинета; хотя многие из его образов настолько не имеют себе равных в современных коллекциях, что Маттер подозревает, что они являются плодом его собственной фантазии. Но образцы самых странных среди них в последнее время попадались мне, как средневековые арабские талисманы, которые Капелло, что простительно, принял за реликвии древних гностиков.

Рис. 12

Надписи и формулы

На первом месте в ряду слов силы стоит «Таинство семи гласных», поэтому важно посвятить его обсуждению отдельный раздел. Хотя они уступают другим, велика, без сомнения, была сила этих бесконечных строчек из букв, которые заполняют обе стороны многих гностических гемм – более позднее уточнение знаменитого Ἐφέσια Γράμματα «Послания к Ефесянам», как Климент метко заметил. Среди этих бесконечных формул, без сомнения, притаились действенные заклинания, составленные самим Соломоном, повторяя которые и одновременно прикладывая к носу страдальцу перстень (под чьим камнем находилась трава, предписанная тем же мудрым предсказателем) еврей Эльазар изгонял через ноздри бесов, которыми были одержимы эти люди, в присутствии Веспасиана, его трибунов и военачальников. Мудрый Иосиф Флавий добавляет, что экзорцист для того, чтобы удостовериться в выходе беса, приказывал ему опрокинуть во время выхода тазик с водой, поставленный на значительном расстоянии, что незамедлительно было сделано к ужасу и достоверности всех зрителей из язычников. Ефесское заклинание, то есть мистические слова, выгравированные на поясе Великой Дианы, обычно использовалось магами времён Плутарха с той же целью.

Нет никаких сомнений, что подобные заклинания часто были действенными. Одержание бесами было не более, чем эпилепсия (само название означает *овладение*, будучи образовано на основании такого же поверья), так как Гален после рационального подхода к естественным причинам болезни, сказал, что в простонародье её относят к одержанию бесами. Итак, наш опыт гипноза (до сих пор, пока действенна эта излюбленная наука шарлатанов) ясно показывает, что можно вызвать необъяснимые эффекты у человека, находящегося на грани нервного срыва, властно произнесёнными приказами. Так гораздо больший эффект эти слова имели в старые времена, когда их произносил властный человек на незнакомом языке над больными, которые были уже исполнены верой в его

освобождающую силу! Отсюда изгнание бесов стало основным занятием всех тавматургов, как старых, так и новых, в те века, о которых мы говорим. То, что исцеление не было постоянным, было совершенно безразлично, экзорцисту хватало успешного проявления его силы на данный момент в назидание охваченной благоговейным трепетом толпы верующих, и к замешательству нескольких сомневающихся *рационалистов* среди толпы. Такие заклинания также имели власть над бродящими повсюду бесами, неограниченными тюрьмой плоти. В занимательном сочинении Лукиана «Филопсевдис» [Φιλοψευδὴς ἢ Ἀπιστῶν, «Любитель обманов или обманщик»] Евкрат гордится тем, что он так привык общаться с тысячами бродящих вокруг бесов, и что перестал обращать на них внимание, особенно после того, как «один араб дал мне кольцо, сделанное из гвоздя распятия, и научил меня заклинанию из многих *имён*»; последнее замечание ценно для нашей темы, поскольку оно указывает на то, что надписи на незнакомом языке на наших талисманах иногда могут быть арабскими,[1] и также могут состоять из ряда имён одного призываемого божества. Слова Вергилия:

> "Crines effusa sacerdos
> Ter centum tonat ore deos, Erebumque, Chaosque,
> Tergeminamque Hecaten, tria virginis ora Dianæ;"
>
> *Æn. IV, 510*

> «Распустивши волосы, жрица
> Сто призывает богов и трижды клич повторяет,
> Хаос зовёт и Эреб с трёхликой Дианой-Гекатой»;
>
> *Энеида IV, 510*
> *перевод С.А.Ошерова*

1 Фактически, «неизвестные письмена», встречающиеся иногда на этих талисманах, являются, несомненно, химьяритскими буквами, принадлежащими к первому алфавиту Аравии. Осиандр и Леви опубликовали геммы с инталиями хорошего исполнения с изображениями персидских божеств (следовательно, задолго до гностических времён) и с аккуратно выгравированными химьяритскими надписями. Буквы совершенно вертикальные, красивые с ярко выраженными особенностями; это видоизменённый пальмирский алфавит и прародитель современного эфиопского алфавита.

явно относятся к тому же суеверию, так как Сервий поясняет, что эти «триста богов» в заклинаниях массилийской колдуньи в повествовании о Дидоне не означают такое множество *разных* божеств, но только множество *эпитетов* самой *Гекаты*, чьи имена он по той же причине объясняет происхождением от числительного ἕκατον [сто]. То же представление ещё сохраняется в религиозной практике верующих мусульман, а именно, мысленное повторение девяноста девяти арабских эпитетов Всевышнего и размышление над ними.

Великой целью этих заклинаний было обращение к божеству по имени, под которым он был известен всем народам земли, чтобы таким образом быть уверенным, что обращаешься к нему по тому имени, которому он больше всего рад. Это является основным принципом и достаточным объяснением всему классу этих магических надписей; магический папирус № 10 даёт самую ценную иллюстрацию их синкретизма.

> «Я взываю к тебе, который сотворил землю, и кости, и плоть, и дух, и установил море, и потряс небеса, и отделил свет от тьма; ты, Великий, направляешь ум, всем распоряжаешься, око мира! Гений гениев (δαίμων δαιμονίων), Бог богов, Господь духов, ΙΑΩ ΟΥΗΙ, внемли моему гласу! Я взываю к тебе, повелитель богов, Зевс громовержец, владыка Зевс, Адонай! Господь ΙΑΩ ΟΥΗΕ! Я – тот, кто призывает тебя на сирийском языке, великий Бог Ζααλαηρ Ιφ φου; не отвергай моего зова на еврейском языке Αβλαναθαναλβα Αβρασιλωα. Ибо я σιλθωχωουχ λαιλαμ βλασαλωθ Ιαω Ιαω νεβουθ σαβιοθαρ βωθ αρβαθ Ιαω Ιαωθ σαβαωθ παγουρη ραγουρη βαρουχ Αδωναι Ελωαι ιαβρααμ βαρβαραυω ναυ σιφ. О, глубокомыслящий, вечно живой Венец мира, содержащий всё, Σιεπησακτι ετη βιου = σφη = νουοι = σιεθυ = χθεθωνηρυγχ ΩΗΑΗΗΩΑΤ Α ΩΗΙΑΩ ασιαλ σααπηαλσω εθμουρησινι σεμ λαυ λου λουριγχ. (Это заклинание) освобождает от оков, вызывает слепоту (т. е. делает кого-то невидимым), осуществляет мечты, обеспечивает покровительство в любом деле».

Одно необъяснимое обстоятельство, связанное с этими надписями, заключается в том, что алфавит *пехлеви*, национальный алфавит магов того времени, никогда не использовался в формулах, так часто воплощавших доктрины этой религии. Никогда надписи не были полностью написаны *пуническими* буквами, хотя этот алфавит наряду с пехлеви имел повсеместное распространение в различных модификациях по всей Азии и Африке. В Африке пунический язык не был вытеснен латынью до очень позднего периода империи, так как во втором веке Апулей («Апология»), желая показать пренебрежение к образованию своего пасынка, данному ему дядей, который взял на себя заботу о нём (семья жила в большом городе Мадавра в Нумидии), заявляет, что хотя пасынок приехал в возрасте шестнадцати лет, он говорил только на пуническом языке и немного на греческом, которому он научился от своей матери, "praeter Punicè, et siquid adhuc a matre Græcissat". «А спустя несколько лет императору Северу, потомку Ганнибала, пришлось краснеть за свою сестру, когда она приехала из своего родного места Лептис на суд, "vix Latine loquens" "едва говоря на латыни"». Правда, буквы, которые часто разбросаны по полю этих камней внешне похожи на пунические, а другие на пальмиро-сирийские; в то время как некоторые из них идентичны странным нубийским буквам, которые можно в изобилии увидеть высеченными на скалах Синсилы в верхнем Ниле. Что касается квадратного (современного) иврита, то все изделия, имеющие такие надписи, являются простой фабрикацией астрологов и розенкрейцеров 16 и 17 веков. Несмотря на то, что, естественно, следовало бы ожидать от изделий, созданных в Александрии, *иероглифическое* письмо практически вообще не встречается. Вполне вероятно, что даже его форма, демотическое письмо, давно уже была заменена (в этой столице, по крайней мере) греческим алфавитом. Единственным исключением, известным мне, является агат, опубликованный Келюсом («Египетские древности» VIII, грав. 8), с изображением обычного четырёхкрылого приапического гения в священной лодке, а на реверсе длинными вертикальными линиями аккуратно вырезаны

подлинные иероглифы. Арабское слово «камар» *луна*, несколько раз встречающееся в этих формулах, иллюстрирует замечание Плиния о том, что маги заказывали геммы из изумрудов и аметистов с изображением *солнца* или *луны*, чтобы сделать из них амулеты против колдовства и иметь успех на суде. Изумруд (Прауна), однако, очень плохого качества с надписью ΙΑΩ ΣΑΒΑΩΘ ΑΒΡΑΣΑⲪ может представлять этот самый вид амулетов. То, что Александрия была огромной *фабрикой* талисманов, столь же очевидно для минералога по *материалам*, как и для археолога по *надписям* используемых при их создании. Тем не менее, по-прежнему остаётся неясным, почему маги не писали свои заклинания теми буквами, которые единственно употреблялись в обширных владениях Сасанидских царей.

Языком этих надписей никогда не была латынь, редко греческий, часто сирийский, но чаще всего искажённый иврит. Для такого выбора достаточные основания приводит Ямвлих в письме к Порфирию, где он прямо утверждает, что «боги благосклонны к молитвам, обращённым к ним на *египетском* или *ассирийском* языках, так как они являются древними и родственными *их собственным* языкам, и более того, на которых впервые были к ним вознесены молитвы, и поэтому на всех словах этих святых народов лежит печать святости». Это единственное совпадение, когда Юстин Кёрнер в своём замечательном сочинении «Провидица из Префорста» (при чтении которого постоянно колеблешься между убеждённостью в том, что это его дерзкая выдумка, и неловким подозрением, что это может быть откровением глубочайшей истины) приводит подобный повод использования таких букв провидицей для записей из духовного мира; они очень напоминали арабский язык, «потому что *он* претендует на то, чтобы его считали первоначальным языком человечества». Эта «провидица» была крестьянкой, изнурённой длительной болезнью до такой степени, что принадлежала больше к иному миру, чем этому. Поэтому она могла ощущать присутствие духов и выступала в роли медиума между ними и теми, кто был облечён плотью. Кёрнер, который был врачом, взял её в свой

дом, чтобы лучше наблюдать за этими странными явлениями, и регулярно вёл дневник состояния её здоровья и её откровений в течение нескольких месяцев до её смерти с такими подробностями, на которые способен только немец. Он пишет, видимо, из лучших побуждений, и среди кучи бреда описывает некоторые поразительные случаи, непохожие на подделку, которые могут найти подтверждение на основании чьего-то опыта.

Но что касается «языка иного мира», то в любой стране выражение "Opine ignotum pro magnifico est", «Всё неизвестное представляется величественным» всегда было принципом священства, обоснованность которого была подтверждена опытом всех времён. В частности это относится к формам молитв. Орфей говорит:

> «Когда сосуд над пламенем уже бурлит,
> Богов ты именем их тайным призови,
> Бессмертные ведь рады слышать каждый раз
> В молитве *имя тайное* своё от нас».

Целесообразно привести примеры таких мистических молитв из авторов, живших во времена их использования, прежде чем приступить к рассмотрению фактических реликвий подобного рода. Из многочисленных цитируемых примеров следующие примеры наиболее заслуживают внимание. В «Пистис Софии» (§ 358) Спаситель «стоя на берегу моря или океана, взывает к Богу такой молитвой, говоря:

> «Услышь меня, Отец мой, Отец всех отцовств, Бесконечный Свет, Αενιουω Ιαω Αωι ωια ψινωθερ θερινωψ νωψιθερ ζαγνουρη παγουρη μεθμομαωθ νεψιομαωθ μαραχαχθα θωβαρραβαθ θαρναχαχαν ροροκοθορα Ιεου Σαβαωθ».

И снова (§ 375) в этом ценном описании гностического таинства:

> «Иисус же сказал им: "Принесите мне огонь и виноградные лозы". Они принесли их ему, и он, возложив на них приношение, поставил два сосуда

> с вином, один справа, а другой слева от приношения. Он положил перед ними приношение и поставил чашу с водой перед сосудом с вином, который справа, и поставил чашу с вином пред сосудом с вином, который слева. И он разложил хлеб по числу учеников посреди между чашами. И так же он поставил чашу с водой позади хлебов. И Иисус, встав перед приношением, сказал всем ученикам встать позади него, все они были одеты в льняные одежды и все имели в руках число[1] Имени Отца Сокровищницы Света. И он громко воскликнул, говоря: услышь меня, Отец, Отец всех отцовств, Беконечный Свет, Іαω Іουω Іαω αωι ωια ψινωθερ θερινωψ νωψιθερ νεφθομαραχθα ιηαναμεναμαν αμανηι небес! Ισραι αμην αμην σουβαι βαι απππαη αμην αμην δερρα αραι απαοι αμην αμην σασαρσαρτου αμην αμην κουκαιμην μαι αμην αμην ιαι ιαι τουαπ αμην αμην μαινμαρι μαριν μαρει αμην αμην αμην».

Ириней также копирует формулу, составленную из слов на иврите, чтобы вызвать ещё больший трепет у галльского неофита (в Лугдуне), так как она использовалась некими гностиками при совершении крещения: βασσεμα χαμοσσε βα αιανομα ματαδια ρουαδα κουστα βαβαφορ κολαχθαι, «Я заклинаю Тебя, Высший всех сил, по имени Свет Отца, Дух Благой, Жизнь, ибо ты царствуешь в этом теле». Ещё одной из таких формул была: Μεσσια ου φαρεγ ναμεμψαιμεν χαλδαιαν μοσεμεδια ακφραναι ψαουα Ιησου Ναζαρια. «Я не отделяю Дух, Главу и Сверхбожественную Силу, Милосердный. Дай мне процветать во имя Твоё, Спаситель Истины».

Но что касается выражения божественных тайн с помощью букв алфавита, то Марк стоит на первом месте среди гностиков, о чём свидетельствуют следующие выдержки из его «Откровения». «Высшая Тетрада сошла ко мне из той области, которую нельзя видеть или назвать, в женском облике, ибо мир

---

1 Имеется в виду, возможно, то, что пальцы были сложены так, чтобы показать это число; поскольку Плиний упоминает очень старую статую Януса, показывающую пальцами таким же образом своё число, то есть число дней в году.

не выдержал бы её появления в мужском облике, и она открыла мне создание вселенной, неслыханное прежде ни богами, ни людьми. Когда сначала Отец, Непостижимое Не-Бытие,[1] бесполое, начал мучиться родами, он захотел, чтобы родился Его Неизречённый, и чтобы Его Невидимый облёкся формой. Поэтому он открыл уста и произнёс Слово, как бы про себя. Это слово, стоя перед ним, показало, что он проявился как форма или образ Невидимого. Итак, произнесение Имени совершилось таким способом. Он (Всевышний) сказал первое слово своего имени, которое является слогом из *четырёх* букв. Затем он добавил второй слог, также из *четырёх* букв. Затем третий из *десяти* букв. И, наконец, четвёртый из *двенадцати* букв. Таким образом, полное имя состоит из *тридцати* букв или *четырёх* слогов. Каждая буква имеет свою форму произношения и написания, но не понимает и не видит всего имени, и даже рядом стоящей буквы. Итак, эти объединённые звуки составляют Не-Бытие, нерождённый Эон, и *они* суть Ангелы, которые всегда видят лик Отца. Так, отец, зная, что он непостижим, даёт каждой из букв, называемых Эонами, свой собственный звук, и никто из них поодиночке не правомочен произносить всё Имя».[2] Содержание откровения, переданного

1 Каббалистический Эйн Соф. Эту бесконечность или Эйн Соф Бога нельзя постигнуть разумом или описать словами, потому что нет ничего, что могло бы постичь Его или определить Его; и как таковой Он является в некотором смысле несуществующим, поскольку то, что нашими умами совершенно непостижимо, не существует. Чтобы сделать это существование заметным, а себя понятным, Эйн Соф должен стать активным и творческим. Но Эйн Соф не может быть прямым Создателем, потому что у него нет ни воли, ни намерения, ни желания, ни мысли, ни языка, ни действия, поскольку это всё подразумевает предел и принадлежит к ограниченным существам, в то время как Эйн Соф безсконечен.

2 Это обычное талмудическое понятие, которое проповедуют раввины. «Сначала имя из двенадцати букв было известно всем, но когда невежество умножилось, его сообщали только самым праведным священникам, и эти благочестивые священники впитывали его от своих собратьев-священников в песнопениях. Записано, что рабби Тарфон сказал: «Однажды я поднялся на хоры в Храме вслед за моим дядей по матери и, наклонившись к священнику, услышал, как он впитывал его от своих собратьев-священников в песнопении». Рабби Иегуда сказал, что во времена Рабби божественное имя

Марку Истиной, можно найти в каббале, где мистические имена Бога состоят из четырёх, двенадцати, сорока двух и семидесяти двух букв соответственно. Каббалисты зашли так далеко, что утверждают, что сорок две жертвы, принесённые Валаамом для получения благоприятного ответа, были посвящены одному из этих великих имён. Если Моисей был действительно научен всей мудрости египтян, то магия чисел была неотъемлемой частью его обучения, как мы видим из учения Пифагора, достоверно полученного в Египте. Очень похоже, как если бы составители родословной Иисуса преследовали одну и ту же цель, когда для получения необходимого числа, они пропустили *трёх* царей во втором поколении, причём смогли справиться с *третьим* поколением, как им хотелось. Учитывая число гласных, которые, очевидно, имеют некое глубокое значение в употреблении без согласных на многих талисманах времён Марка, мы будем, я думаю, часто встречать это число на талисманах с одним или другим из этих святых имён [1].

Последующее откровение той же Тетрады Марка служит объяснению частого изображения обнажённой женщины, Венеры Анадиомены прежних времён, на гностических памятниках. «После того, как были объявлены эти вещи, Тетрада добавила: «Я возвещу тебе *Истину*, которую я принесла от небесных обителей, чтобы ты видел её обнажённой, познавал её красоту, слышал её речь и удивлялся её мудрости. Поэтому посмотри на её голову A и Ω, на её шею B и Ψ, на её плечи и руки Γ и X, на её груди Δ и P, на её грудь E и Y, на её спину Z и T, на её живот Π и Σ, на её бёдра Θ и P, на её колени I и Π, на её ноги K и O, на её лодыжки Λ и Ξ и на её стопы M и N. Это есть тело истины, это есть форма букв, это есть характер

из сорока двух букв сообщалось только тем, кто был праведен, не раздражителен, не пристрастен к вину и не самоуверен. Тот, кто знает это имя и сохраняет его в чистоте, возлюблен наверху, взлелеян внизу, уважаем всеми созданиями, и является новым для обоих миров» (Вавилонские мидраши 71 а).

1 Это объясняет выражение Σενγα Βαρφαρανγες, «те, кто стоит перед Горой», так часто написанное после имён ангелов на наших талисманах; также эти длинные строки букв могут быть предназначены для выражения их нерождённого Эона.

письма. Потом Истина посмотрела на меня (Марка) и открыла уста и вымолвила слово, и это слово стало именем, тем именем, которое мы знаем и повторяем: Иисус Христос; произнеся его имя, она замолчала».[1]

Этот «образ Истины» составлен, как очевидно, последовательными *парами* букв из начала и конца алфавита; возможно, тем самым соответствуя мужскому и женскому началам, и таким образом, делая их образами многих Эонов. Напрашивается логичный вопрос, являлось ли первичное применение имени «Логос» к божественной эманации сначала просто толкованием раввинского синонима «Имя или Слово», которое из-за благоговения заменяло непроизносимое Имя Иеговы, Шем а-кодеш, и что позже второе значение Логос «разум» подсказало евреям-платоникам Александрии его аналогию с их собственной Софией Ахамот, перворождённой от Высшей Причины. И, наконец, состав этого святого имени, доходящего до *тридцати* букв, иллюстрирует смысл нескончаемого многосложного имени, которое можно прочитать в обе стороны по одному непрерывному кругу или иногда по контуру распрямлённого змея, по краю многих гностических гемм, что окружает мистический образ, выгравированный в центре. При последнем расположении надписи, есть соблазн признать, что «добрый и совершенный змей» наасенов есть Мессия, чей видимый образ их обострённые верой взоры обнаружили на небесах и обожествили в Созвездии Дракона. Из фактических реликвий гностических изделий, которые сохранили для нас формулы рассмотренного нами характера, самой важной формулой, судя по её частому появлению, и очевидно, хорошей гравировке, является транскрибируемая здесь формула. Моя копия сделана с образца, находившегося ранее в

1 Подобным же образом на каббалистической схеме Сефирот Венец – это голова; Мудрость – мозг; Рассудок – сердце; Любовь – правая рука; Нежность [Сила] – левая рука; Красота – грудь; Твёрдость – правая нога; Великолепие – левая нога; Основание – гениталии; Царство или Шехина – единство всего тела. Венера Анадемомена, которую так часто видим на наших талисманах, вероятно, воспринималась гностиками в таком одухотворённом смысле; и тем самым продолжает олицетворять эту силу, Истину.

государственной коллекции, вероятно, самого лучшего из известных талисманов. Это – толстая табличка почти сердцевидной формы из тёмного граната, с максимальным размером 2 ¾ на 1 ½ дюйма [6,99 × 3,17 см], имеющая на одной стороне 14 строчек, на другой 11 строчек, аккуратно вырезанных греческими буквами третьего века, но без отличия между Α и Λ.

Аверс[1]	Реверс
ΑΤϢCΛCϢΛΛϢΝЄ	ΟΙΓΙCϢΡΟΥΑΡ
CЄΜЄCЄΙΛΛΜΛΒΡΛCΛZ	ΙΛϢΡЄϢΗΛΦΟΝ
CΖΖΥΡΡΛΤΗΛΚΡΛΜΜΛ	ΑΙϢΛΙΗΤΟC
ΚΡΛΜΜΛΚΛΝΛΡΙCCCЄ	ϢΛΙΗΜΛΟΗΛϢ
ΓΓЄΝΒΛΛΦΛΡΛΝΓΗC	ЄϢΛЄΥϢЄΥΗ
ΛCΝΙΛΜΒϢΝΛΡΟΥ	ϢΛΙЄΥЄΙΗΙЄ
ΛΝΤΛΜΙΥΠΗΛΝ	ΛΗЄЄЄΥϢ
ΜΟΡΛΡΛΧCΙΔ	ΗΛϢΛЄΥЄϢ
ΛΛЄЄΤCΜΛΙ ✵	ΓΗЄЄϢΛЄЄ
	ϢΗΛϢΗΝΗΦΙ
	ΗΛϢΥΗΝЄΨ
	ЄΜΗΛΙΛΟΛ
	ΑΗϢϢϢ
	ЄϢϢ

Среди названий на аверсе можно найти несколько знакомых имён, например *Алон*, *Семес*, *Эйлам*, *Абрасакс*. Непрерывный стиль написания четвёртой строки явно является правильным написанием сокращённого имени *Agrammaeamereg*, обращённого в другой части «Молитвы Спасителя» к первому из «невидимых богов». Следующая строка *Shemgensalpharanges*, «те, кто стоит перед горой Рая» не может быть ничем иным, кроме Эонов, только что описанных Марком, как «Ангелы, которые всегда видят лик Отца»; в то время как в еврейской небесной иерархии древний Бог Египта Анубис странным образом вторгается под коптским именем *Амбо*.

1 Вероятно, это [последнее слово в этой фразе] означало ἀλεζετέ με «Защити меня!» – поскольку имеет точно такое же произношение.

Обе надписи полностью соответствуют надписям на большом овальном халцедоне, опубликованном Шифле (рис. 69), кроме того есть послание в несколько слов внутри свёрнутого змея в верхней части аверса. Из этих надписей его друг Венделин, приняв язык за хороший греческий, умудрился разгадать самую традиционную молитву Троице, которая, однако, далеко не удовлетворяла скептический и бдительный канон. Среди гемм Таунли есть большой сердолик, похожий во всём, за исключением нескольких букв, на гемму Шифле, что является убедительным подтверждением предполагаемой силы формулы. Для сравнения я вставил ещё одну формулу, обнаруженную недавно и выгравированную в гораздо более мелком масштабе, чем предыдущие формулы (копия Уилана).

Z Z Z
T R Y Є

✲ ✲

АГѠЄАСАѠААѠNС
СОМЄСЄІААМАВРАС
СЗZYРРАНАКРАММА
КРАММАКАМАРІССЄ
ГГОNВАА⚠АВАNГНС
ІМЄССІААМѠВНАМ
. . . ЄNІАМВѠNАРОY
. . . NТАМІХАНАА
. . . . МОРАХЄІ⚠Y
. . . РАВЄТЄМАІ
. . . АNѠ

ОМЄСѠТОYАР
ІАѠРЄОНΛФОN
АЄОАІНТОС
ѠІАМАѠНАО
ІѠАОYѠОVН
ѠАІYНАНІС
АНЄЄЄІYѠY
НАѠАЄYСѠL
ТНЄСѠІАСС
ѠНАѠНNІІ∇І
НАѠYНААЄY
СМНАІАОАY
. . . ІНННѠѠѠYН
. . . . . ІѠѠНН

Тёмно-красный агат, 1 × 7/9 дюйма [2,54 × 1,98 см], *присланный мне г-ном Уиланом 25 ноября 1881 года.*

Несомненно, такие огромные и увесистые фрагменты мистерии служили в своё время как карманные молитвенники, по которым владелец читал соответствующие молитвы во время священных обрядов. На такое *руководство* для обрядов, возможно, намекает псевдо-Орфей:

«С *Петрасами* в цветах в твоей руке молись,
Ведь гекатомба перед алтарём стоит».

Востоковед, желающий применить свою изобретательность для расшифровки этих, по большей части необъяснимых памятников, найдёт их огромную коллекцию у Распе (таб. 433-633), скопированную со скрупулёзной точностью. Он приводит здесь вполне разумную причину того внимания, которое он уделил ранее пренебрежённому им классу.

> «Все эти секты, по-видимому, заимствовали свои *символы*, и, наверное, их объяснения у иконографии и мистерий египтян и других народов Востока. В отношении значений иероглифов и символов у них нет достаточных сведений; у гностиков Египта и Сирии, по крайней мере, была национальная традиция, на которую они опирались – факт, несомненно, весомый. Поэтому если более поздние секты гностиков с их символическим учением установили новые взгляды и модификации религии на основании старой, мы не должны делать вывода, что они ничего не знали о символах или необдуманно придавали новое значение символам, которые они так неправильно применяли. Это является единственной рациональной точкой зрения, которая необходима при изучении этих амулетов и гравировок».

Я собираюсь дополнить коллекцию Распе копиями нескольких самых интересных неопубликованных образцов, которые привлекли моё внимание в течение долгого исследования, так как они служат лучшей иллюстрацией теорий, предложенных на предыдущих страницах. Чтобы показать любопытный и загадочный характер всего класса, они часто преподносят критическому исследователю знаки и *сигилы*, сейчас считающиеся исключительной собственностью национальных религий и очень отличающиеся друг от друга, как будто они были далеки от признанного метрополиса гностицизма. Смешанные с обычными греческими буквами появляются странные символы, аналогичные по форме и часто соответствующие кастовым символам индусов, и которые в

свою очередь стали прародителями символов, использовавшихся средневековыми алхимиками и розенкрейцерами, а также (в те же века) истинными масонами. Внимательное рассмотрение этих *сигил*, из которых я собрал большую группу, относящуюся ко всем векам и странам, было в достаточной степени плодотворным, чтобы собрать материал для отдельного и важного раздела этого трактата. Один из образцов, описанных в разделе «талисманы и амулеты» представляет очевидные доказательства использования *рун* в александрийских мастерских, в то время как другой образец, о котором вскоре пойдёт речь, свидетельствует о том, что гносис может поспорить с Иберниией [римское название Ирландии] относительно изобретения таинственного *огамического* письма[1].

Табличка из аквамарина (?), о которой сообщил мне преп. Гревилло Честер, имеет надписи из хорошо написанных букв.

Аверс	Реверс
. . . ΙЄΡΚΡ	CABAѠΘѠYЄAHѠ
. . ΒΔѠΡΓΟΛЄΟΡΟ	PMAPCABAOYΦЄI
. . AΛXAMXAΒPAC . .	OPΘOΘAYMAΘIM
. . HTAΔѠNAICA . .	YXPѠCЄMЄNOX
. . AѠΘAΓIAΔYNA.	AΠЄPKPHΦTAѠ
. MICBOHΘЄIM.	

По краю
ΘAѠΘOY.

Строка с именами заканчивается «Господь воинств, храни меня!»

ΙΛЄѠΒΛΦΡЄ
NЄMONOΘΙΛAP
ΙΚΡΙΦΙЄYЄΛΛΙΦΙΡΚ
ΙΡAΛΙNYOMЄNЄΡΦA
BѠЄAIANAЄIAYЄЄA
ѠЄIѠIAIAIANIN

1 Письменность древних кельтов и пиктов,употреблявшаяся на территории Ирландии и Великобритании в IV – X вв. н. э. наряду с латиницей и, возможно, являвшаяся тайнописью. – Прим. пер.

NI⊐ΛZ⋊IΦVΛA
ZON

Сапфирный халцедон размером с голубиное яйцо (коллекция Формана) Заключительное слово φύλαξον, «храни» явно показывает, что это изящно выгравированное обращение было адресовано какому-то *одному* божеству, прославляемому под многими именами и называемому «благосклонным» первым словом ἱλέω.

MIEIXAHΛ
ΓΑΒΡΙΗΑ∇ΑΦ
ΑΗΛΕΕΕΕΝΓΕ
NBAPANΓH
NIAW

Очень толстый сапфирный халцедон. Это, возможно, чисто еврейские изделия некой "Magna sacerdos arboris", «Великой жрицы дерева», проданные римским дамам, чтобы призвать к покупателям покровительство архангелов «Михаила, Гавриила и Рафаила, которые стоят перед горой Рая Иеговы». Замечательный пример смешения двух противоположных вероучений в надписи ΟΡΩΡΙΟΥΘ, «Свете светов», сопровождающей изображение шаровидного сосуда с лентами, свисающими с его горловины. Это, очевидно, упомянутый Апулеем «небольшой золотой сосуд в форме коровьего вымени, служащий для возлияний молока», подобно тому сосуду, который по время шествий Исиды нёс служитель, державший одновременно Руку Правосудия. Предмет, часто лежащий на нём и *похожий на рашпер*, является обычным египетским ключом от двери, изготовленным из древесины. На одном образце, представленном Маттером, (грав. VI. 6), ключ имеет обычную *римскую* форму в том же положении, которое, вне всякого сомнения, имеет значение более обычного образа. Это указывает на происхождение слова κλειδοῦχος, «хранитель ключей», что является жреческим званием.

Другие чисто египетские образы представляют некоторые любопытные усовершенствования старых образов "qualia demens Ægyptus portenta colat" [«Известно ведь, что за чудовищ в глупом Египте чтут», Ювинал, «Сатира 15», перевод

Ф. А. Петровского]. Например, на одном образце (Праун) изображён Анубис, но теперь с двумя головами и четырьмя руками, держащими факелы и кинжалы с надписью на реверсе ΠΕΡΑ–ΑΜΒΟ–ΥΒΑΚΑ–ΚΞΙΚ–ΥΚ. На другом образце (Нелтропп) богиня с кошачьей головой Таф-Неит стоит в венце из лотосов и с воззванием к ней ΚΥΧΒΑ–ΚΥΧΒΑ[1]–ΚΑΧΥΑ–ΒΑΖΑΚΑΧ–ΚΧ. Так же Анубис с дополнительными головами Пана (*Мендес*) и петуха (*Фре*) и руками, распростёртыми в форме креста, его тело опирается на ноги ибиса, а над головами написаны соответственно инициалы Θ, Π, Χ. На реверсе ΛΙΗΒ–ωΠCΧ–CVNO–ΧΡΑ. Но самая любопытная композиция такого рода, известная мне, представлена большой эллиптической пёстрой яшмой, размером 1 $^{1}/_{8}$ на 1 ¾ дюйма [2,86 × 4,45 см], очень рельефно вырезанная и прорисованная лучше обычного, это, видимо, солнечный талисман (г-н Топхэм, Рим). На аверсе изображён *грилл* [химера с разными головами или другими частями тела] в виде петуха, имеющего голову Пана, скорпионов вместо хвоста, и с кнутом Сола, воткнутом сзади, чтобы завершить картину, он стоит на змее, над ним солнце в виде звезды и полумесяц, на спине покоится хвостатая сфера (комета ?), а перед ней буква Α, ниже астральная *сигила*. На реверсе ΟΓ (73 ?) над свёрнутым и ползущим змеем Агафодемоном, а также звезда и Α. Ниже змея ΕΔωΓ ΗΙΗω, буквы перевёрнуты, затем другая строка ΗΙVOMCOΙ. Ниже этого снова тройная буква S, которая всегда сопровождает Агафодемона, ΙΑΗΙΕω–ΙΕΟVωΗ, читаемым так на оттиске. В последнем слове «Великий Ιεου» легко можно узнать особое звание Высшего Существа «Пистис Софии», в то время как трёхглавое божество, описанное выше, очень вероятно, выражает представление о могущественных Τριδυνάμεις θεοὶ, которые играют важную роль в богословии этой замечательной книги.

Следующие примеры являются более подлинным продуктом каббалы, состоящим только из букв, неоскверненным присутствием идолов митраизма. Первым по красоте материала и гравировки стоит большой *цитрин* (топаз

1 По-халдейски «Звезда, звезда».

западный), ранее бывший в кабинете Прауна, а теперь находящийся в Гностическом отделе Британского музея.

На одной стороне овала, в котором написано ΗΙ (возможно, обозначающее Огдоаду и Декаду на диаграмме Марка; см. геб. VI, 52), глаз, символ Осириса, квадрат, разделённый пополам, а также Δ, чьё числовое значение представляет Тетраду того же богослова.

На другой стороне геммы изображено:

ΑΜΑΡΥϹΜΗΡΙΑЄΜΙΟΥѠ
ΡΟΔΑϹΝΑΒΑΡЄЄΗΙΟΥѠ
ΝΑΒΑΡΝЄΗΙΟΥѠ
ЄΡЄΘΡΑΥΜΟΥѠ
ΖΑΓЄϹΟΨΙΟΥѠ
ΟΡΘΡΟΧΟΡϹЄΥѠ
ΑΧΑΗΜΑΡЄѠ

Далее идёт надпись, которая часто встречается в тривиальных вариантах. Келюс (VI. Таб. 11) даёт её как очень грубое добавление к женскому портрету на реверсе. Настоящая копия сделана с большого халцедона, несколько грубо исполненного с изображением на реверсе тройной S и перекладиной (Праун):

ϹΤΟΧΒΑΘΑ
ΗΜΑLΑΧΙϹΘΟΜ
ΜΑΚΟΧΨΟΧ
ΑΒΡΑΜΜΑѠΘΗ
ΑΒΡΑΜΜΗΛ

Имя еврейского патриарха присутствует в этой надписи, как и во многих других надписях того же рода, в качестве божественного вдохновителя и основателя Гносиса; такой славой он пользовался даже среди язычников, которые ставили его на один уровень с Орфеем, основателем мистерий.

> "Sev. Alexander in larario suo omnes sanctiores in quibus Apollonium, et (quantum scriptor horum temporum dicit) Christum, Abraham, et Orpheum, et ejusmodi cæteros habebat".

> «Александр Север совершал… священнодействие в своём помещении для ларов, где у него стояли изображения…среди которых был и Аполлоний, а также, как рассказывает историк его времени, – Христос, *Авраам*, Орфей и другие подобные им…»[1]

К тому же семейству принадлежит жёлтая яшма (Маскелин) с изображением продырявленного четырёхлистника над именем ΙΑΩ, затем идут мистические гласные ΑΕΙΗΟΥϢΑΙ и ΓΑΒΑϢΘ (именно так), а на реверсе ✵ ΜΙΧΑΗΛ ✵. Изначально четырёхлистник являлся символом Шиталы, десятого Тритакура или обожествлённого святого джайна, откуда он перешёл наряду с другими буддийскими техниками в средневековый символизм, в котором он напоминает ангела.[2]

За счёт своих дополнений выделяется зелёная яшма (Праун), на которой аккуратно вырезана длинная надпись, центральная часть которой ограничена двумя линиями, вырезанными короткими штрихами под разными углами, точно в стиле ирландского огамического письма. В последнем, как известно, все буквы огамического алфавита представлены различными положениями очень коротких линий по отношению к одной непрерывной линии в середине. Невозможно представить какой-либо другой цели подобной изобретательности на нашем талисмане. *Предполагается*, что огамическое письмо было изобретено первыми миссионерами Ирландии, оно использовалось ещё во время Гражданской войны Лорда Гламоргана для переписки с Карлом I. Однако, очень возможно, что монахи перенесли простую стенографию огамического письма в свою кельтскую миссию.[3]

---

1 Лампридий [«Александр Север», 29, перевод С. П. Кондратьева].

2 Одним из самых тяжёлых обвинений против средневековых манихеев было поклонение восьмиугольнику, как образу Бога.

3 Изготовители талисманов любили использовать в своей работе все странные символы, которые им попадались. Даже руны далёкого севера прибавляли силу красновато-коричневому амулету из коллекции Прауна, который будет подробно описан в соответствующем разделе.

ΠΥΡΟCΟΧ
ΚΡΗΦΟ ΧΟΥΒΥ . . .
ΥΜΑΡΤΑ ΛΑΙΛΑΜ
ΑΡΦΟΥ ΘΑΛΘΑΛ ΑΝΟΧ
ΥΘΕΡ ΨΥΘΑΘΟ ΜΟΥΙ
ΦΟΥΘΑΙ ΡΟCΙω ΥΑΛΑΛ
Ιω
ΛΥΕΠΙΘΙΛΑΚΥΘω
CΥΠΙΝΕΙΨΙΑ

Миниатюрная фигура Абраксаса на зелёной яшме (Праун) приобретает новое имя «Абрахарс» в надписи ΑΒΡΑΧΑΡC–ΑΓΡΑωΑ–ωΑΡΙωΝΙΕ. Кадуцей Тота внутри венка сопровождается надписью на реверсе ΑΚΡΙωΦΙ′ коричневого халцедона из моей коллекции.

Из всех талисманов Агафодемона больше всего привлёк моё внимание изящный образец из большого похожего на изумруд гелиотропа (Бозанкет) с изображением змея «Благого и Совершенного» возвышающегося над его неизменным спутником, сигилой, и чьи молитвы красиво вырезаны в надписи: ΟCΟΡ–ΜΕΡΦ–ΦΕΡΓΑΜΑΡΑ–ΦΡΙΔΥΡΙC–ΧΝΟΥΦΙC–ΝΑΒΙC–ΚΙCΝΥΘ. Настоящий зелёный нефрит, очень выпуклый сзади (преп. С. С. Льюис). На поле с обеих стороны от змея ΙωΙ$\frac{\text{MN}}{\text{V}}$. – ΙΘΙ. «Со мной, со мной!» на чистом халдейском языке. На реверсе в две строки вокруг обычного символа

ΧΝΟΥΜΙCИΑΑΒΕΙCΒΕΙΝΥΘΕΕΕ
CΟΡΟΟΡΜΕΡΦΕΡΓΑΓΒΑΡΜΑΦΡΙ□ΥΙΡΙΡΙΓΞ

Всё вырезано с необычной точностью и аккуратно. В надписи много общих слов с надписью на гелиотропе.

Иероним в «Отце Бромии», говоря о митраистской пещере, упоминает название «Шавуот», часто употребляемое в сочетании с «Адонай», так как Бахуса восхваляют эпитетом «Шабазий» происходящего от восклицания «Шабаой», которое выкрикивают празднующие на его оргиях, это слово идентично ивритскому слову «шевах» [שֶׁבַח] хвала! Некоторые сектанты

наших дней, которые выкрикивают те же слова во время их «пробуждения», не осознают, какой древний и родственный по духу авторитетный источник своих возгласов они имеют.

«Адонай» или *Господь наш*, переделанный греками в Адониса, синоним Плутона или Орфея, как мы уже цитировали, указывает на идентичность с Вакхом, Плутоном и Солом. Это является основанием для объяснения древнего сирийского обряда, траура по Адонису («женщины, плачущие по Таммузу»), на самом деле это относилось к ослаблению солнечной активности в зимний период. *Адонис* или *Айдонис* согласно греческой этимологии обозначает «идущий невидимым» откуда появился «шлем Адониса», который делал владельца невидимым; а Катулл применил это звание к интригану Цезарю.

"Perambulabit omnium cubilia
Ut albulas columbas aut *Adoneus*".

«Обойдёт всевозможные ложа,
Как белый голубок или Адонис».

Тот же Адонис назывался «Сал-Анбо» (часто встречаемое в гностических надписях), как видно из заявления Лампридия о том, «что Гелиогабал изображал *Саланбо* плачем и вскидыванием головы согласно *сирийскому* обряду», тем самым предсказывая свою грядущею судьбу.

Мы уже обращали внимание на дельфийское Е, но его значимость требует дополнительных сведений из его истории, что было сохранено Плутархом в его любопытном трактате на эту тему. Греки со свойственной им любовью к *рациональному* объяснению всех таинств использовали эту букву как простое числительное *пять*, установленное в храме для обозначения подлинного и правильного числа широко известных «мудрецов», но которое позднее было увеличено до *семи*, за счёт добавления ещё двух мудрецов, которые меньше претендовали на это звание. В предании говорится, что эти пять мудрецов в честь случайной их встречи в Дельфах на празднике вырезали это число на дереве, которое рассыпалось со временем, и Коринфяне заменили его факсимиле на бронзе, которое в

прошлом было, наконец, заменено Ливией Августой на *золотое* изображение, что больше соответствовало достоинству Бога, покровителя этого места, и на чьё сыновство претендовал её муж, и чьё изображение носило его черты.

Другие более глубоко толковали эту букву, представляющую соответствующим звуком в греческом алфавите декларацию Εἶ «Ты есть» при обращении к божеству, тем самым делая эту букву эквивалентной имени ὁ ὢν «живой Бог», так часто применяемым к Иегове.

Но гораздо больше соответствует простоте античного времени восприятие этого изображения, как просто числа *пять*, священного *само по себе*, не относящегося к легендарным мудрецам более позднего периода. Представление о его силе, возможно, пришло из индийского источника, где оно связано с пятью головами Брахмы. Из Индии оно попало в Дельфы вместе с головами Горгоны, являвшимися масками Бхавана-разрушителя, который охранял фактического оракула – исключительная связь, подмеченная Еврипидом в его «Ионе». Но следует помнить, что гиперборейцы, известные учредители оракула, размещались между Каспием и границами с Индией. Сам *Омфалос* «украшенный гирляндами и окружённый Горгонами» был ни кем другим, как *лингамом* браминов, что можно видеть из его изображения, либо воспроизведённого на ранних вазах, где в его объятиях Орест ищет убежище от преследующих его эвменид, либо отчеканенного на монетах Селевкидов, прямых потомков Бога, в виде сидящего на нём Аполлона. В форме, низведённой до усечённого конуса, символ имеет самый пристойный вид, но его скрытый смысл открыт только посвящённым. Такой же конусообразный камень был единственным представителем Венеры в её самых древних храмах, например на Пафосе. Опять же, самая ранняя из всех статуй Аполлона, Amyclæan Амиклиец, описанная Павсанием, была настоящей индийской *Лат*, бронзовой колонной в 50 локтей, к которой позже были искусно добавлены голова, руки, держащие лук и копьё, а также *пальцы ног* (ἀκροι πόδες). Но его престолом, посередине которого стоит идол, была запоздалая мысль лучших времён Греции, покрытая искусными рисунками и барельефами, работы Бетилия или Мирона и его учеников.

И вправду эта лунно-образная буква Є, по-видимому, принадлежала к тому же привезённому из Индии классу, и первоначально была просто кастовым знаком в горизонтальном расположении Ш; и она становится сразу после того символом поклонников Вишну. Это мнение подтверждает тот факт, что этот символ был освящён в Дельфах за много веков до того, как форма этой *буквы* появилась в греческом алфавите – изменения начались только во времена Антония и Клеопатры, на чьих медалях, вычеканенных в Малой Азии, можно увидеть впервые лунно-образную букву Є.

На ранней заре греческой философии мы находим, что Пифагор[1] строил свою систему на мистических свойствах чисел, и по преданию учился этой науке в Египте; более того, сам Платон посвятил в своём «Государстве» отдельный раздел той же теме, достойной любого александрийского каббалиста. В наши дни у сикхов проведение «Панча» или Совета Пяти является официальным способом рассмотрения всех государственных дел. И поскольку большинство серьёзных вещей в некоторой степени курьёзны, это священное число сохраняет свою славу, дав название известному напитку, по причине *пяти* составляющих его ингредиентов, и, возможно, также из-за того, что его изготовление являлось неизбежным результатом объединения такого же количества англичан в те времена, когда наш язык обогатился заимствованиями из Индостана.[2]

Замечательная особенность теогонии Валентина любопытно иллюстрируется халцедоном Прауна, изящно гравированным и вставленным в золотую оправу неким более поздним восточным владельцам, который по праву считал эту гемму

1 Кто постоянно утверждал, что путешествовал по Индии, Апулей писал о нём: «Но и эти познания не заполнили его разум до конца, вскоре он посетил халдеев, потом брахманов, а находясь среди брахманов, беседовал с гимнософистами» («Флориды» XIV, перевод М. Кузмина).

2 Например, caste и dam. Последнее является вероятным источником общего английского выражения [damn], которое подчёркивает малое значение вещи, которое невежество превратило в проклятье. Аналогичным образом используется rap [очень маленькое количество, а также мелкая обесцененная монета], наименьшая из швейцарских монет.

талисманом необычайной силы. «Отец, наконец, послал могущественный Эон, называемый Крест, который содержал в себе все остальные тридцать Эонов». То же самое также называлось *Термином* [бог границ в Древнем Риме], поскольку он служил *границей* между полнотой (*Плеромой*) и неполноценностью (*Гистеромой*). «Наша гемма представляет египетского Тау, как бога Термина, увенчанного человеческой головой и окружённого сплошной надписью, состоящей из чередования гласных и иногда согласных, вероятно, выражая тридцать Эонов, содержащихся в самой сигилле. На основании, на котором изображён Термин, надпись ΝΙΧΑΡΟΠΛΗϹ, часто встречающаяся на талисманах. Те же слова можно найти на гемме из французского кабинета (№ 2222) у подножия крестообразного трофея, над которым изображён христианский Х, а на реверсе вырезано ΙΩΑ (кварц); эта гемма опубликована в «Göttingische Anzeiger» [«Ведомости Гёттингена»], №№ 35 а, б. Это изображение явно имеет митраистские корни, поскольку представляет обычно человека с головой льва, опоясанного змеем, с факелом в одной руке, а в другой руке с мечом, змеем и венцом победы; он воспаряет вверх из-за спины льва, под которым лежит поверженный труп.

Очень любопытный пример использования гностических изображений в искусстве медицины представляет гемма, опубликованная Маттером (гр. II, к. 4). На аверсе изображён змей Агафодемон между Фре (Сол) и поклоняющейся ему женщиной. Наверху мистические гласные, внизу уже упомянутая ваза нечёткой формы на низком алтаре, всё окружено надписью на каком-то неизвестном языке. Но на обратной стороне даётся объяснение предмета композиции на понятном греческом языке. ΤΑϹϹΟΝ ΤΗΝ ΜΗΤΡΑΝ ΤΗϹ ΔΕΙΝΑ ΕΙϹ ΤΟΝ ΙΔΙΟΝ ΤΟΠΟΝΟΤΟΝ ΚΥΚΛΟΝ ΤΟΥ ΗΛΙΟΥ, «Помести чрево такой-то в соответствующее ему место, О, круг солнца». Маттер в своём объяснении допустил нелепую ошибку, переведя μητρὰν, как μητέρα, он превращает эти слова в молитву о душе матери какой-то Дины! Но правильный перевод показывает, что гемма была сделана для предотвращения у покупательницы «опущения матки», очень распространённого женского заболевания в древние времена,

вследствие злоупотребления горячими ваннами, расслабляющими внутренние мышцы, а также общепринятых "abortiva" [лат. абортов] всякий раз, когда беременность была не желательной. В действительности, очень определённое выражение предмета, MHPIKON или *матка*, встречается на других геммах, что ставит совершенно вне сомнения правильность установления авторства предыдущей геммы.

«Круг солнца» означает *пупок*, который знаменует естественное положение соответствующего органа, так как пупок в микрокосме должен соответствовать солнцу во вселенной. Такое представление стало причиной известных галлюцинаций византийских анахоретов, ценивших мистический фаворский свет, который освещал посвящённого после продолжительного голодания, когда он непрерывно смотрел на область пупка, откуда, в конце концов, свет изливался, как из центра, «истинное создание пустого мозга и пустого желудка».[1]

Ещё одно обстоятельство изображения этой сигилы заключается в том, что Исида, своеобразная богиня материнства, часто изображается в римской скульптуре держащей в руке конический предмет в форме мешочка с треугольным отверстием. Некоторые принимают этот предмет за персидскую сливу; более вероятно, что он представляет рассматриваемый орган, наиболее естественный и выразительный символ своеобразной функции этого божества. Её мистический ларец содержал отличительные знаки обоего пола, *лингам* и *йони* индусов. Их Исида, Парвати, которая в этом значении в основном принимает имя *Дэвы* «богини», держит в руке отличительный знак йони или бхага, часто в виде резного драгоценного камня такой формы. Подобно и её супруг Шива держит лингам или фаллос. Например, алмаз «Низам», самый крупный известный алмаз, *безусловно*, носит следы неуклюжих попыток местного гранильщика обточить природный камень

1 На аккуратно выгравированном перстне из гематита, недавно показанного мне, есть строчка из нескольких обычных сигилл, сопровождаемых ещё двумя сигилами, содержащими IAϢ ΑΡΙΗΛ ΒΙΚΤΟΡΙΝΑ, «Иегова, Лев Божий (храни) Викторину!». Когда расшифровывают собственные имена на этих талисманах, они всегда являются женскими именами. Гемма Прауна, аналогично открывающаяся строкой сигил и именами Яао и Габриэль, была сделана для некой Сабинии Квинта.

до размеров, соответствующих руке великой богини. Плохая примета при женском правлении – алмаз был случайно разбит на две части как раз перед началом восстания сипаев.

Знак Дэвы на лбу поклонников Парвати состоит из трёх чёрточек, двух внешних, белых или жёлтых, и всегда красной центральной. Он обозначает матку, *метра*, Бхавани (ещё одно имя Парвати), из которой изошло всё, что существует. Тесная связь между египетскими и индийскими богинями не может не поражать эксперта; у Исиды те же атрибуты, что и у Парвати, ягнёнок и кобры, они есть на талисмане, опубликованном Келюсом (IV, грав. 16). Но египетская богиня, имеющая одну пару рук, вынуждена держать в каждой руке по несколько атрибутов, в то время как её многорукий индийский прообраз держит по одному атрибуту в каждой руке.

Уникальный союз двух противоположных божеств в одном теле представлен на гематите (Праун), изображающим Анубиса, у которого помимо обычной головы шакала есть ещё голова на другой шее, которая безошибочно является головой осла, как изображался злой Тифон[1], кроме того, одна нога была *явно с копытом*, что не оставляет никаких сомнений относительно принадлежности второй головы. На тот же диссонанс персонажей указывают атрибуты, Анубис в обеих руках держит *факелы*, а злой Тифон *мечи*. Это странное сочетание, наверное, выражает ту же мысль, что и у Апулея при описании Анубиса: его лицо то чёрное, как ночь, то золотистое, как день, он хотел отобразить его действия в раю и в аду. На реверсе надпись, содержащая коптское имя бога ΠΕΡΑ–ΑΜΒϢ–ΥΒΑΙΑ–ΚΞΙΚ–Λ.

Рис. 13

1 Осёл был священным животным Тифона. Плутарх («Об Исиде и Осирисе» 31) цитирует египетскую легенду о том, что это божество после «сражения с богами» семь дней спасалось бегством на осле, вошло в Иудею и стало отцом Иерусалима и Палестина. Сэр г. Уилкинсон встречал (хотя и редко) изображение божества с головой осла или демона среди египетских скульптур.

Часть IV.
Резные памятники гностицизма

ΤΩΙ ΝΙΚΩΝΤΙ ΔΩΣΩ ΑΥΤΩΙ ΦΑΓΕΙΝ
ΑΠΟ ΤΟΥ ΜΑΝΝΑ ΤΟΥ ΚΕΚΡΥΜΜΕΝΟΥ ΚΑΙ
ΔΩΣΩ ΑΥΤΩ ΨΗΦΟΝ ΛΕΥΚΗΝ ΚΑΙ ΕΠΙ
ΤΗΝ ΨΗΦΟΝ ΟΝΟΜΑ ΚΑΙΝΟΝ ΓΕΓΡΑΜΜΕΝ
Ο ΟΥΔΕΙΣ ΕΓΝΩ ΕΙ ΜΗ Ο ΛΑΜΒΑΝΩΝ.

Объяснение гностических сигил, символов и надписей

Надписи греческими буквами на гностических талисманах часто чередуются с мистическими рисунками, образованными прямыми линиями, расположенными под прямым углом друг к другу и перемежающимися точками. Беллерман вполне правдоподобно полагает, что эти строчки представляют собой «священные жребии» той же природы, что и знаменитые *sortes Antiates*[1], которые держала в руках прорицающая Фортуна из Анциума. В обычной форме жребии представляли собой палочки и шарики, горсть которых брали из урны и бросали наугад на землю. Прорицатель изучал рисунок, созданный случайным расположением, и предсказывал по нему будущее в соответствии с правилами своего искусства. Далее Беллерман[2] полагает, что рисунки на наших талисманах представляют собой некие конфигурации жребиев, считавшиеся особенно удачливыми для толкователя. Это объяснение подтверждается геомантией современных арабов[3], когда беспорядочно

1 Анцийские жребии (лат.). – Прим. пер.
2 Иоганн Иоахим Беллерман (23 сентября 1754 – 25 октября 1842) был немецким гебраистом и профессором богословия Берлинского университета. – Прим. пер.
3 «Каждое племя либо находило, либо устанавливало в Каабе своё родовое богослужение; храм был украшен или осквернён 360 идо-

нарисованные на песке линии палочкой, удерживаемой между пальцами, истолковываются лицами, использующими этот метод гадания. По тому же принципу мы делаем предсказания по заварке чая, в случайном расположении чаинок опытный глаз видит некие картины или буквы алфавита.

Однако у этих сигил, возможно, было другое происхождение. Обычный знак мага, как написано в «Вендедаде», представлял собой связку лоз[1] в количестве трёх, семи или девяти штук. Отсюда упрёк Осии: «Народ Мой вопрошает своё дерево,[2] и жезл[3] его даёт ему ответ» [Ос.4:12]. Та же самая лоза, возложенная на алтарь, обычно изображается на печатках магов, которые мобеды носили во время служений, как отличительный знак. И поэтому можно предположить, что они перешли к изготовителям талисманов более поздних времён.[4]

То, что среди этих угловых форм есть числительные, очевидно из природы данной ситуации и из заявления Гораполлона, что египтяне изображают 10 символом Г, а 100 – повторением того же символа четыре раза в виде квадрата [ ]. Так как *десять* было «совершенным числом» духовного кредо Валентина (чьим источником была Александрия), то естественно его частое появление среди религиозных формул этой секты. Первоначальные египетские цифры были самой простой формы, но их упрощённые комбинации, в конечном

лами людей, орлов, львов и антилоп; самой заметной была статуя Гебала из красного агата, держащего в руках семь стрел без наконечников и перьев, предметы или символы гадания непосвящённых». (Гиббон, *History of the decline and fall of the Roman empire*, глава 42).

1 Virgula divina (лат.) – прутик прорицателя или baculus divinatorius – прорицательную палочку. – Прим. пер.

2 В оригинале: *беэцо* (ивр. בעצו) – у своих палок. – Прим. пер.

3 В оригинале: макель (ивр. מַקֵּל) – прут, палка, посох. – Прим. пер.

4 Древние тевтонцы практиковали тот же метод предсказания будущих событий. Побег плодового дерева разрезали на кусочки, на каждом из которых были свои отметки notis quibusdam [лат. некие знаки], вероятно, означавшие «руны». Прорицатель бросал кусочки наугад на белую ткань, и, обратив взор к небу, брал три из них по отдельности, давая ответ по надписям, начертанным на них (Тацит, «Германия» X).

счёте стали употребляться как символы разных дней месяца, и из них арабские астрологи составили свою собственную систему. Это обстоятельство даёт основание предполагать, что некоторые из этих сигил указывают на определённые дни, связанные с астрологическим предназначением талисмана[1].

Кроме того, существует большая вероятность, что эти сигилы включают собственно клинописные буквы, принадлежавшие к ассирийскому алфавиту, но их форма была несколько искажена наполовину греческими колдунами, которые использовали их, не зная ничего об их истинной природе. Так как считается, что ассирийский язык относился к временам Ямблиха, когда особенно благоговели перед небесными силами, что могло быть разумнее, чем написание, по крайней мере, некоторых из этих заклинаний изначальными символами? Надо помнить о том, что клинообразное письмо было традиционным для всей персидской империи вплоть до македонского завоевания и, вероятно, сохранялось персидскими магами в религиозных обрядах долгое время после этого события. Они, по крайней мере, меньше всего беспокоились о греческом алфавите или греческой литературе, испытывая, подобно талмудистам, благочестивый ужас перед обоими. Это хорошо видно на примере реставрации местной династии при Сасанидах; греческий язык, использовавшийся в течение четырёх веков при парфянских династиях, сразу же был вытеснен с монет письмом пехлеви, настоящей дочерью первобытной клинописи. Более того, есть один весьма веский повод искать происхождение этих необъяснимых сигил в Вавилоне: они представляли религиозную стенографию. Вавилоняне «закрепляли за каждым богом определенное *число*, которое можно было использовать как *символ* и даже

1 Некоторые из этих сигил можно отличить по надписям неизвестного характера, вырезанным на твёрдой песчаниковой породе, их можно часто встретить в городе Силсилис Верхней Нубии, где они сопровождают изображения слонов, жирафов и страусов, давно вымерших животных этой страны. Образцы были опубликованы Гревиллом Честером в «Археологическом журнале» за 1861 год, стр. 274.

употреблять вместо его *имени* в надписи» (Ролинсон, «Древние монархии», III, 466). Вот, числа главных божеств:

Первая триада: Ану = 60; Бел = 50; Эа = 40

Вторая триада: Луна = 30; Солнце = 20; Воздух = 10

Белет или Миллиту = 15; Нергал, или Марс = 12; Ниу или Сатурн = 10

Числа других планет не обнаружены, но есть их имена: Набу или *Меркурий*, Меродах или *Юпитер*, Иштар или *Венера*.

Великие боги – Ану или Плутон, Бел или Юпитер, Эа или Нептун. Их супругами являются соответственно Антум, Белет, Дамкина. Меньшие боги – Син или Хёрк, соответствующий более позднему Lunus Deus богу Луны; Шамс или Солнце; Вид или Эфир. И соответственно их супруги: «Великая госпожа»; Гула или Анаит; Туле или Шуле. Пифагорейцы имели символику той же природы, обозначавшей Минерву *равносторонним треугольником*, Аполлона *единицей*, Вражду *двойкой*, Правосудие *тройкой*, а Высшее Существо *четвёркой* (Плутарх «Об Исиде и Осирисе» 75).[1] Я нахожу очень веское подтверждение своих взглядов, что гностические *силы* были так же обозначены числами, на гемме Распе № 601, где CЄNГЄN вписано на специальном месте для надписей под змеем, свёрнутым в картуш с несколькими рассматриваемыми нами сигилами. Итак, эта надпись (которая будет объяснена далее), при полном написании всегда сопровождается именами архангелов, откуда можно справедливо предположить, что те же имена остаются, но в их мистической форме.[2]

«Великие имена» представляют самую суть любого гностического заклинания. Поэтому начать с их рассмотрения, очевидно, будет самым подходящим подходом к этой части нашей работы pandere res alta terra et caligine mersas.[3] Есть три

1 В египетском ритуальном папирусе к Тоту обращаются как ко «второму Гермесу его мистическим именем бога А».

2 Турки изображают Великое Имя Аллаха овалом, пересечённым перекрёстными линиями, который часто встречается на их древних доспехах в качестве амулета. Теперь этот самый знак встречается в гностической серии, и более чем вероятно, что его истинное значение сохранилось в турецкой традиции.

3 «Всё мне открыть, что глубоко во мгле под землёю таится», Вергилий, «Энеида», кн. VI, перевод С. А. Ошерова. – Прим. пер.

постоянно встречающихся имени и, следовательно, обозначающие существа, имеющие наивысшее значение в гностической иерархии неба. Их значение было неизвестно до тех пор, пока не открылось великое евангелие Валентина. «Пистис София» сообщила нам (361), что они являются святыми именами Троесильных Τριδύναμεις, являющихся ΙΨΑΝΤΑΧΑΙΝΧΕΟΥΧ, Силой, эманации которой пребывают на планете Марс; соответственно ΒΑΙΝΧΩΩΧ[1] – на Меркурии, ΠΙΣΤΙϹ ϹΟΦΙΑ – на Венере. Над этой триадой находится ещё одна, «три невидимых Бога», ΑΓΡΑΜΜΑΧΑΜΑΡΕϹ, ΒΑΡΒΗΛΩ (Небесная Мать Иисуса) и ΒΔΕΛΛΗ (§ 359).

«Пятью словами», написанными на сияющем одеянии, снизошедшим на Иисуса во время Его прославления (§ 16), были ΖΑΜΑ ΖΑΜΑ ΩΖΖΑ ΡΑΧΑΜΑ ΩΖΑΙ, «Мантия, славная мантия силы моей». То же откровение сообщает верующим мистические имена планет. «Вот, послушай, скажу тебе Вечные Имена Планет, которые есть ΩΡΙΜΟΥΘ – Сатурн, ΜΟΥΝΙΧΟΥΑΦΩΡ – Марс, ΤΑΡΠΕΤΑΝΟΥΦ – Меркурий, ΧΩΣΙ – Венера, ΧΩΝΒΑΛ – Юпитер. Это – вечные их имена». (§ 362). Имена каждой триады можно распознать на талисманах, наиболее часто встречается ΒΑΙΝΧΩΩΩΧ. Но до сих пор мне не удалось найти примеры планетарных названий.

Наасены (говорит Ипполит) учили, что вселенная не сможет удержаться в собранном виде, если не будут произноситься имена Великих (τὰ μεγέθη). Таковыми были: ΚΑΥΑΚΑΥ, ΣΑΥΑΑΣΑΥ, ΖΕΗΣΑΡ. «Первое – имя Адама, который

1 «Магический папирус» Гудвина «Прорицание Серапия» (№ 1) упоминает эту Силу: «Явитесь и прислушайтесь к тому, кто был явлен перед Огнём и Снегом, Βαινχωωχ, ибо Ты есть Тот, Кто проявил Свет и Снег, Страшно-окий- гром и молния – быстроногий». Этот папирус, ныне находящийся в Британском музее, был куплен у Атанаси, шведского консула в Александрии, который продал несколько других подобных материалов в Лейденскую библиотеку. Предполагается, что все они были найдены в катакомбах в Фивах и были собственностью какого-то волшебника второго века нашей эры, поскольку почерк наводит нас на эту мысль. Гудвин редактировал образец Британского Музея для Кембриджского антикварного общества в 1852 году и обогатил его примечаниями, оказывающими неоценимую помощь всем, кто изучает гностические реликвии.

выше, второе – имя Адама, который ниже, третье – имя Иордана, который течёт вспять». «Выше – Марьям желанная, Иофор великий и мудрый, Ципора, которая видит, и Моисей». Согласно учебнику другой секты, ператов, ХѠZZАР – это Сила, которую невежественные профаны называют Нептуном; КАРФАКОΣНМОХЕР – распорядитель Востока, а ЕККАВАКАРА – распорядитель Запада, называемый простонародьем куретами. АРІВА – это Правитель ветров; ΣѠКΛАМ или Осирис управляет двенадцатью ночными часами; ЕNΥѠ или Исида двенадцатью дневными часами, её знак – звезда Сириус. ВНNА – Церера или Сила Бога слева, управляющая питанием; МНN – Сила справа, управляющая плодами земли. В той же доктрине «хоззар», названный невеждами Нептуном, «который превращает в сферу додекагональную пирамиду и раскрашивает многими красками врата этой пирамиды», имеет пять служителей: АОΥ, АОАІ, ОΥΩ, ОΥΩАВ, имя пятого утеряно. Поэтому вполне вероятно, что строки гласных, так часто встречающиеся на этих камнях, могут содержать аналогично выраженные имена гениев стихий.

Ориген (VIII, 58) цитирует Цельса относительно того, что египтяне создали тридцать шесть (или более) демонов или эфирных сил управляющими несколькими частями тела, дав некоторым из них имена: Хумис, Хуахумес, Кнат, Сихат, Боу, Эроти, Эрибиоу, Романор и Реианур. «И тот, кто предпочитает здоровье болезни и радость беспокойству, должен воздать всевозможную честь этим Силам». Поэтому Ориген обвиняет Цельса в попытке отвлечь людей от поклонения единственному Богу к поклонению этим тридцати шести демонам, известным только египетским магам, потому что Цельс не может понять, как «имя Иисуса, произнесённое истинно верующим», может исцелять больных и изгонять бесов. Эти свидетельства намного сильнее свидетельств результатов под влиянием имён Хнумиса, Сихата и остальной части египетского списка богов. В другом месте (I, 22) он показывает, что не только Моисей знал имя Авраама и о его дружбе с Богом, так как другие (язычники) произносят слова «Бог Авраама», когда изгоняют бесов. И также египтяне в своих обрядах, от которых

ожидают чудесных результатов, используют имена Авраама, Исаака, Иакова и Израиля. Также (IV, 33) Ориген упоминает использование выражения «Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова» в заклинаниях, а также часто в книгах по магии. Он добавляет, что формула «Бог Авраама, Бог Исаака, который сокрушил египтян и царя египтян в Чермном море» широко использовалась против демонов и сил зла. Всё это доказывает, что талисманы, на которых было написано имя Хнумиса и имена других тридцати пяти демонов (которые с этой помощью могут быть признаны в дальнейшем) служили для исцеления, в то время как одинаково распространённые талисманы с «Авраамом» скорее соответствуют общей природе талисманов.

В Книге Еноха архангел Уриэль даёт нам мистические имена двух великих светил: «Имена Солнца: одно – Арьярес, другое – Торнас. Луна имеет четыре имени: первое – Асонга, второе – Эбла, третье – Бенасе, и четвёртое – Эраи».

«Пистис София» (§ 125) даёт адепту ключ к самому важному из числовых шифров.

> «Вот имена, которые Я дам тебе от Бесконечного вниз, напиши их знамением (шифром), чтобы сыны Божии могли проявить (понять) их из этого места. Это есть Имя Бессмертного $\overline{\text{ΑΑΑ}}$ $\overline{\text{ΩΩΩ}}$. А это есть имя Гласа, посредством которого Совершенный Человек движется, $\overline{\text{III}}$. Подобными им являются *толкование* имён Таинств: первое – это ΑΑΑ, его толкование – ΦΦΦ; второе, которое есть ΜΜΜ, или которое есть ωωω, чьим толкованием является ΑΑΑ. Третье – ΨΨΨ, толкованием которого является ΟΟΟ. Четвёртое – ΦΦΦ, а его толкование – NNN. Пятым является ΔΔΔ, толкованием которого является ΑΑΑ, находящееся над престолом ΑΑΑ. Оно есть толкование второго ΑΑΑΑ, которое является ΑΑΑΑΑΑΑΑ, а оно же является толкованием всего Имени».

Перейдём от шифров, где одни лишь догадки, к фактическим надписям, выгравированным достаточно чётко греческими буквами, но представляющими то, что Иероним метко называл просто «tormenta verborum» [лат. катапульта

слов]. Многие из наиболее распространённых формул Беллерман удовлетворительно объяснил с помощью иврита, коптского и сирийского языков;[1] но другие его толкования явно абсурдны. AMAPГEA похоже на халдейское слово *амархель*, председатель. ANOX XOΛ XNOϒBIC: «Я – Всеблагой Дух или Вселенский гений добра». AIN ΘAPPAI, «Око должно узреть». AΔONAI ΛANTAΛA, «Господь, Ты – Агнец»[2]. XѠCA MIΛAѠΘ точно передают еврейские слова, означающие «Он видел Плерому».

AMΛAXƆ
AMA Ꝑ AZ
LZAI

в переводе Штихеля «шалама зебаам яцаэль» = «Мир воинств этих» (небесных эонов)! Это соответствует благословению, произносившемуся маркосеями при совершении святого помазания: «Мир всем, на ком покоится это святое Имя!»

Некоторые из этих надписей явно демонстрируют показную неясность путём перестановки частей одного и того же слова из одной строки в другую, единственным ключом к этим надписям является исследование различных размеров используемых букв и перестановка их согласно размерам, как принадлежащим к «disjecta membra» [лат. «разбросанным членам тела»] одного слова. Наиболее поучительным примером этого изобретения является надпись, вырезанная на оборотной стороне великолепной головы Сераписа, которая гласит:

---

1 Профессор Штихель в своём эссе «De Gemma Abraxea nondum edita» [«О ещё не опубликованной гемме Абраксаса»], Йена, 1848 г., остроумно и удовлетворительно разъяснил некоторые очень важные формулы, дав ключ ко всему классу. Необходимость использования восточных языков в заклинаниях любопытно проиллюстрирована высказыванием Ипполита: чародеи его времени писали ответы на вопросы, предложенные их демонам, частично на иврите и частично греческими буквами.

2 AP ѠPI, за которым следуют греческие слова ΦPACIC, ΦACIC, IACIC, «заявление», «проявление» и «исцеление», всегда добавляется к изображению Венеры Анадемомена и допускает перевод «Гора Света». Поэтому Венера представляет здесь «Деву Света», которая занимает столь высокое место в небесной иерархии «Пистис Софии». Во всяком случае, значение APѠPI, как «Гора Света», решительно поддерживает это общепринятое понимание.

ΙΑΒΑΤΑΟΡ
ΘΟΝΑΤΗCΛΑΙ
ΑΡΒΑΘΙ
ΛΑΜ
ΑΩ

Это можно перевести только при следующей расстановке: ΙΑΒΑΤΑΟΡ . ΘΟΝΑΤΗC . ΛΑΙΛΑΜ . ΑΡΒΑΘ . ΙΑΩ. «Иегова, чистый эфир, огонь[1], вовеки, четыре, Иао», где «четыре» означает тетраду, столь заметную в теогонии Марка. Эта надпись имеет ту же природу, что и греческая надпись, вырезанная на медной пластине (информация от профессора Ч. Бабингтона): ὁ διὰ πάντων Νοῦς αἰθὴρ, πὺρ, πνεῦμα, ἐλωεὶν ἐλωεὶν (Элохим). Единственное слово на первой надписи, не соответствующее древнееврейскому языку, – это Θοναt, но, похоже, оно соответствует слову Эфир на медной пластине; ΑΡΛΑΝΑ ΘΑΜΑΚΑ ΣΑΛΒΑΝΑ ΧΑΜΚΙΜ «Наш Свет, пусть Твоя доброта дарует нам полное окружение», отсюда предназначением такого талисмана, вероятно, было принести изобилие[2].

ΑΝΑΚΛΑ ΑΚΔΑΑΘΩΙΩΙ – «Тогда преследуй (моих врагов) до разрушения, о, Господь» – очень уместно выгравировано на оборотной стороне сфинкса, признанного символа власти и истребления.

ΒΑΡΙΑ ΖΑΣΤΑ ΙΑΩ – «Иегова Создатель, Разрушитель» – слегка искажённый халдейский язык.

ΙΑΘΑΙ – «Провидение Божье».

ΜΑΘΑΝΕ – «Честь Божья».

ΡΕΟΥΗΛΕ – «Воля Божья».

ΧΩΜΙ – «Сила Божья».

ΣΒΩ – «Мудрость».

Так, эти коптские слова обозначают пять эманаций Божества: Фронесис, Логос, Нус, Динамис и София.

---

1 Имя ΑΒΡΑΜ, часто встречающееся в этих надписях, возможно, соответствует Зеир Анпину раввинов или первоначальному человеку, состоящему из 213 чисел согласно сумме числовых значений еврейских букв этого имени.

2 ΗC соответствует еврейскому слову «огонь», такое объяснение подтверждается выражением ΤΟ ΦΩC ΠΥΡ ΦΛΟΞ, сопровождающим изображение Фре на гемме, разъяснённой Фрёнером в его сочинении «Byrsa» [«Бирса»], часть I.

מֵאִיר עֵינִי [меир эйни]
просветление ока моего

или

מְאִירֵנִי [м‘ирэни]
просветление меня

Если ⲏⲛⲁⲙⲉⲣⲱ и ⲙⲁⲣⲱⲏⲛⲓ на самом деле то же самое, это будет убедительным фактом против второго выражения, где «эни» является аффиксом. Тогда это будет иметь такую форму:

עֵינִי מֵאִיר (эйни меир)

А что тогда ⲱ?

ⲓⲑⲓ, вырезанное по обе стороны от змея Хнуфиса на зелёном нефрите (С. С. Льюис), является еврейской фразой «со мной», чей смысл понятен, если рассматривать это, как молитву о постоянном присутствии духа-хранителя.

ⲙⲉⲥ ⲭⲁⲛⲁⲗⲱ[1] -- «Мессия, благоволи ко мне».

ⲙⲁⲣⲱⲏⲛⲓ – «Просвети мои очи».

ⲕⲁⲩⲗⲁⲕⲁⲩ. Имя, данное Василидом Спасителю, которое Епифаний написал как ⲕⲁⲩⲗⲁⲕⲁⲩⲭ и высмеял его как выражение, взятое из Книги Исаии (XXVIII, 10), без какого-либо отношения к реальному значению слов. Беллерман, однако, считает, что он нашёл более разумное толкование названия на арабском языке со значением «Сила на силу», то есть «Всемогущий»; или по-коптски ⲕⲁⲃ «лампа», что подразумевает «Горящий и светящийся свет».

ⲙⲟⲩⲑ – «Мать», как Плутарх сообщает нам («Об Исиде и Осирисе»), было именем Исиды. Это слово содержит простой намёк на землю, «lutum Prometheum» [лат. глина Прометея], откуда человек был взят. ⲙⲟⲩⲑ и ⲓⲉⲟⲩⲇ были переведены

1 Сириец Александр Север выражает своё негодование в связи с тем, что один известный негодяй, Аравиан, приходит ко двору, восклицая «О Марна, о Юпитер» и т. д. Сирийское выражение «наш Господь» он превратил в «Юпитера» в угоду римским слушателям. Это слово монастырские переводчики естественно превратили в «Марию». ⲏⲛⲁⲙⲉⲣⲱ, которое часто сопровождает изображение киноцефала, похоже, эквивалентно данной фразе, и поскольку этот зверь принадлежит Тоту, богу знания, то такая интерпретация, по крайней мере, говорит в её пользу.

Санхуниатоном как «Аид» и «Единородный» потомок финикийского Кроноса.

NOOT по-коптски NOYT, «Бог».

MAI MYM YXΛYM ωI, «Существо, источник, спасение, пища, Иао», подразумевая, что Иао является источником, пищей, жизнью и спасением души.

ORωPIOYΘ – «Свет Света».[1]

TAΛA APAIω ωAPAORO NTOKO NBAI – «Хранитель, Творец, владычествуй, говори, Господь» – очень распространённая формула.

ΣEΣEMEN BAPANΓHN IAω – эта формула, написанная с большими вариациями и сопровождаемая именами великих ангелов, была изобретательно расшифрована учёным-гебраистом (преп. Э. Синкером), как представляющая звук «Шенгав ґор анье Йеґево», «Те, которые стоят перед Горой Бога», то есть Ангелы Присутствия.[2]

XAIA – «Жизнь» – можно увидеть на поле римской геммы с двумя изображениями Провидения и с Солнцем и Луной на поле над их головами (Мэйор Пиэрс).

Три греческих символа часто встречаются в непосредственном соседстве, а именно: E, положенная набок [Ш], вертикальная линия, пересечённая двумя горизонтальными штрихами [ǂ], и Z. Они обозначают цифры 5, 3 и 7, триаду, пентаду и гептаду – счастливые и священные числа по религиозным представлениям Востока. По той же причине на наших геммах можно видеть большей частью надписи в три, пять или семь строк. Это также объясняет то, что часто имя Иао пишется с повторяющимися элементами ωAIAω[3] ради получения

---

1 Эта надпись всегда присутствует на сосудах в форме вымени, употреблявшихся в обрядах Исиды.

2 Γαβριηλ, Μιχαηλ, Ραφαηλ σενγε(ν)β αρανγην Ιαω [Габриэль, Микаэль, Рафаэль сенге(н)в арангэн Иао].

ג' מ' ר' שֶׁנְגֶב הַר עֲנָגִין [шенегев ґар ангин Йа]

σεγεν βαρ ένχε [сеген бар енхе]

שנגב הר ענג [шенегев ґар анаг]

3 У Штихеля есть очень остроумное объяснение такой расстановки гласных; он считает, что так выражены различные времена еврейского глагола существовать, быть, таким образом …

священного числа пять. А также, вводя ещё одну гласную Η, Святое Имя повторяется в пяти разных формах: ΗΑΙ . ΑΙΗ . ΗΙω . ΑΙω . ΙΑω.

Священнослужитель, обычно изображавшийся в этих композициях, носит на голове «калантику», квадрат из пурпурной ткани с двумя перьями фламинго; знак, который делал πτερόφορος [греч. несущий перо] синонимом египетского жреца: жезл в его руке (символ служения) пять раз обвивает змей. Этот «sceptrum sacerdotale» [лат. жреческий жезл] даёт истинное объяснение многим древним знакам отличия, начиная с посоха Моисея, затем посоха Эскулапа и, наконец, производного от него прута с нанизанными на него SSS, который постоянно сопровождается змеем Агафодемона на геммах с Кнефом.

Что же касается часто изображаемых геометрических фигур, то они могут иметь примерно то же значение, что и аналогичные фигуры в формулах розенкрейцеров, которые получили их вместе с другими гностическими атрибутами по преданию от арабов, так как было объявлено, что их предполагаемый основатель, Великий Неизвестный A. S., некоторое время учился в школе Дамаска. В их системе квадрат обозначает четыре стихии, треугольник – тело, дух и жизнь, а также Солнце, Луну и Меркурий. Последнюю триаду Парацельс истолковывает как соль, серу и ртуть, три основные силы природы согласно его системе. Ромб представляет собой орфическое яйцо, из которого вышло всё творение.

Финикийские цифры, по самой своей природе, можно найти среди знаков, не относящихся к греческому алфавиту. Нотация была самой простой: от *одного* до *девяти* выражалось вертикальными многократно повторяемыми штрихами, *десять* горизонтальным штрихом, а *двадцать* – двумя такими параллельными штрихами, иногда слегка изогнутыми.

ΙΕωΑΙΗ = vivit existens, живёт сущий [אהיה эхье]

ΑΙωΟVEV = isque est Iao, будет Иао [הוה хове]

ΑΙΗΑΗΙωΗ = existens vivit, сущий живёт [אהיה эхье]

ωΑΙΗΟΨΕ = isque Iao, был Иао [היה хайя]

Нотация *пятёрки* в пальмирском письме имеет особый шифр, а именно, наклонная линия, на которой в середине стоит под прямым углом другая линия. Можно было ожидать, что самаритянские символы появятся в произведениях, связанных с религией, основоположником которой был самаритянин, и чьи последователи также образовали значительную секту ещё во времена Ипполита. Штихель считает, что первые слова надписи на реверсе вышеприведённой геммы написаны буквами этого алфавита:

△ ▽ Z	= qui tenet	Тот, кто владеет
VI	= signum sat	хорошим символом
PAΦAω	= ejus sanat	который исцеляет
PPΓVΦω	= exorcista corpus	изгоняет бесов из тела
TABPII	= facilitatis	Благословение
IHIAII	= et vitam	и жизнь
IIII	= fiat! fiat!	да будет! да будет!

Он также указывает на то, что важное слово «аут» = *знак* или символ используется в этих надписях в четырёх разных формах: ΘVO, EVO, EIW, VIE. Вероятно, что буквы некоторых надписей, прочитанные в правильном порядке тем, кто знает ключ, имели бы определённый смысл, и это предположение подтверждается прочтением некоторых слов в обратном порядке. Определённо, что донатисты использовали такой приём, чтобы скрыть свой запрещённый боевой клич от победоносных католиков. На притолоке в Тебессе написана известная формула:

VDES DICA
EOLAY ☧ SVM
ᗡ

которую читает братия, как «Deo laudes dicamus» [лат. Богу хвалу вознесём]. На второй притолоке изображена монограмма с той же надписью.

Самое известное из всех заклинание, ABRACADABRA, впервые упомянуто Сереном Саммоником, самым образованным римлянином своего времени, а также врачом Каракаллы, которому он посвятил своё поэтическое «Руководство по здоровью» под названием «Наставления медицины для исцеления» ("De Medicina praecepta saluberrima"). Эта работа, замечает Спартиан, была излюбленной книгой несчастного кесаря Геты, за пристрастие к которой этот истинный сын Аполлона впоследствии был предан смерти императором братоубийцей. Кроме того, Север Александр, «который знал и любил Серена», восхищался его поэзией, полагая, что тот был равен Горацию, о чём вскользь упоминал Лампридий. Этот глубокий знаток предписывает написать это слово в форме перевёрнутого конуса и объявляет его панацеей от всех болезней.[1]

«Впиши в бумагу заговор такой:
Абракадабра, но не одной строкой.
Строка здесь ровно под строкой идёт,
Последней буквы каждый раз не достаёт
Но слово, сокращаясь, всё ж хранит
Начало, пока одной лишь буквою явит
Себя в конце, тогда все строки тут
На конус перевёрнутый сойдут.
Льняную нить продень, на шею повяжи,
И для больного исцеленья жди.
Его главу чудесной силой он хранит,
Недуг смертельный сразу победит».

A B R A C A D A B R A
A B R A C A D A B R
A B R A C A D A B
A B R A C A D A
A B R A C A D
A B R A C A
A B R A C
A B R A
A B R
A B
A

Вера в силу этого рецепта была сильна в средние века. Он упоминается в диалоге о масонстве, приписываемом Леландом Генриху VI. Среди «вещей, которые скрывают масоны», есть «притягательная сила *Абрака*», возможно, означающая владение мистическим расположением букв: если, в действительности, не усматривать в этой «силе» более глубокий смысл, некое традиционное знание древней религии Абраксаса. Опять же, Де Фое упоминает, что люди обычно носили на себе это

1 Приведённое здесь изображение этого конуса отсутствует в оригинале и добавлено для наглядности. – Прим. ред.

слово, написанное в вышеприведённом порядке, в качестве меры предосторожности против заражения во время Великой чумы в Лондоне.

Что же касается этимологии этого слова, то наиболее удовлетворительной, хотя и предлагаемой, является соединение еврейских слов *а-браха*, «благословение» и дибер «говорить», что означает «благословение мистического имени», то есть произношение Тетраграмматона, Святого Имени Иеговы, как самого сильного заклинания.[1]

Примечательно, учитывая его высокую репутацию, не было известно ни одной гностической геммы с такой надписью. С другой стороны обычное обращение к Иао ΑΒΛΑΝΘΑΑΛΒΑ, «Ты – наш Отец!» можно найти на талисманах из яшмы в таком же порядке, который рекомендовал Серен для заклинания на бумаге, и, вероятно, это делалось в соответствии с его указаниями. Есть сильное искушение найти в этом самом слове а-браха подлинное происхождение не менее известного имени «Абраксас». Греческие буквы, постоянно используемые вместо цифр, сразу открывают числовое значение каждого слова намётанному глазу каббалиста. Знаменитое письмо Христа Абгару[2] было (согласно Кедрину) запечатано акронимом семи еврейских слов, греческий перевод которых – Θεὸς Θεοθὲν θαῦμα θεῖον [(греч.) Бог по воле Бога чудо Божие]. При одном взгляде на печать царь был исцелён от подагры и от чёрной проказы, оставившей лишь незначительный след на лице до очищения водой крещения. Греческий язык Кедрина читается как обычная формула и может служить объяснением надписи на оборотной стороне геммы Абраксаса, находящейся в моём распоряжении, ΙΧΘΕΘѠΗΙΑΙΑѠ, что нужно читать Ἰησοῦς Χριστὸσ Θεὸς ἐκ Θεοῦ Ιαὼ, «Иисус Христос, Бог от Бога, Иегова». Эта надпись включает буквы ΙΗ, помещённые в центре, и, вероятно, соответствуют, насколько допускают два

1 Просто произнося это заклинание философ Феосебий, хотя не знакомый с магией, изгонял бесов из всех, кто обращался к нему за помощью.

2 Абгар V (Авгарь; греч. Αὔγαρος) – царь Осроены с 4 года до н. э. по 7 год н. э. и в 13–50 годах н. э. Абгар V известен благодаря своей апокрифической переписке с Иисусом Христом. – Прим. пер.

противоречащие друг другу алфавиты, еврейским буквам *йод* и *ґей*, каббалистическому термину «тиккун», «отпечаток» или первая эманация Божества.

«Полумесяц» и «Семь звёзд», среди которых разбросаны мистические семеро гласных, имеют формулу, написанную наоборот:

Её первая строка, если написать правильно ΑΧΘΙΩΦΙ, вырезана красивыми буквами на оборотной стороне Кадуцея внутри венка. Синкер читает её как עקר יפי [икар йофе] «суть» и «красота» вероятно, остальное – имена сил. Невозможно представить, чтобы самое сильное заклинание сефирот отсутствовало бы на этих геммах. Оно состоит из *десяти* атрибутов Иеговы, а именно: Венец, Мудрость, Благоразумие, Сила, Великолепие, Добро, Слава, Победа, Стойкость и Царство. Следовательно, существует вероятность, что эти имена часто скрываются в фонетическом иврите, погружая всё в темноту. Для руководства мы можем прибегать к аналогии с настоящими арабскими талисманами, состоящими из девяноста девяти эпитетов Аллаха, написанными на свитке.

Имя ΙΑΩ

Диодор Сикул, перечисляя различных древних законодателей, говорит: «У евреев Моисей притязал на то, что ему дал законы бог по имени *Иао*» (I, 94). Климент Александрийский объясняет это тем, что еврейский *тетраграмматон* или мистическое имя произносится как ΙΑΟΥ̓ и означает «Тот, кто есть и всегда будет». Феодорит утверждает, что те же четыре буквы произносились самарянами, как ΙΑΒΕ (*Йаве*), евреями, как ΙΑΩ. Иероним (на 8-й псалом) пишет, что «Имя Господа» у евреев состоит из четырёх

букв: йод, ґей, вав, ґей, которые и есть Имя Бога, и могут быть прочитаны как ΙΑΗΟ (*Iaho*) (то есть *латинскими* буквами), но которое евреи не произносят. Автор «Трактата о толкованиях» говорит: «Египтяне выражают имя Высшего Существа посредством семи греческих гласных ΙΕΗΩΟΥΑ»,[1] что в достаточной мере объясняет могущественное действие, приписываемое этой формуле вдохновенным автором «Пистис Софии», а также её частое появление на рассматриваемых талисманах.

Рабби Тарфон ([по-гречески Τρύφων] Трифон), который мог помнить Второй Храм, заметил, что Непроизносимое Имя, хотя и упоминалось раз сто в ходе ежедневной службы, «скорее *пелось*, чем *произносилось*». Этот намёк ценен, так как указывает на то, как гностические строчки лёгких гласных создают звучание, приближённое к слышимому, и, тем не менее, беззвучному звуку. После разрушения Храма это имя никогда не слышалось в молитве или не произносилось вслух. Оно сообщается, в действительности, каждому раввину после его посвящения, но не в полном объёме. Половина имени сообщается, а вторую половину он должен узнать сам.

Первое понятие о «непроизносимом имени» и присущей ему силе, очевидно, пришло к египтянам (от которых евреи

---

1 Согласно Талмуду, Имя Бога, которое было сообщено только наиболее праведным священникам, состояло из двенадцати букв. И на наших талисманах часто можно видеть гласные, окаймляющие ΙΑΩ, повторённые столько раз, чтобы в результате было это число; из чего можно заключить, что их комбинация представляет один и тот же непроизносимый звук. В этом же отрывке упоминается другое Имя Бога, состоящее из сорока двух букв, что, в свою очередь, может служить объяснением строк часто повторяющихся идентичных гласных. Данте намекает на любопытное предание о том, что имя Бога, открытое Адаму, было Ι, которое впоследствии превратилось в *Eli* (Эли):

«Пока я не сошёл к томленью Ада,
И в дольном мире звался Всеблагой,
В котором вечная моя отрада;
Потом он звался «Эль»; и так любой
Обычай смертных сам себя сменяет,
Как и листва сменяется листвой».

Данте, «Рай» XXVI, 133
перевод М. Лозинского

заимствовали его) из индийского учения об АУМ, которое подобно AIΩ является трёхбуквенным и представляющим триаду, Брахму-Вишну-Шиву: А обозначает творца, У – хранителя, М – разрушителя. Связь между индийской и египетской мифологией очевидна, хотя и трудно объяснима; имена главных божеств в египетской мифологии имеют явно санскритскую форму. Так, Исида означает на этом языке *Госпожа*, Тат и Сат [санск. То и Бытийность] – *сила* и *власть*, Серапис или Шрипа – *кровопивец*, Нила – *голубая вода* и т. д. Тот, кто вдумчиво изучал памятники обеих религий, не может усомниться в изначальной идентичности двух религиозных систем. Но какая страна научила другую?

Весы вероятности склоняются в пользу Индии, удержание этой своеобразной системы в узких пределах Египта говорит о привнесении её *пришельцами* из очень отдалённого источника. Следы очень давнего общения между двумя странами заметны в их истории, хотя и очень смутно. В «Перипле Красного моря»[1] упоминается, что уже в эпоху Цезаря город Эндемон на этом берегу был местом, где ежегодно встречались индийские и египетские купцы. Поэтому в доисторические времена возможно, брахманские миссионеры трудились среди аборигенов долины Нила. Такая религиозная аналогия проявляется в самых мелких подробностях, в священных именах и атрибутах. Например, брамины учат тому, что каждая из букв А, У, М содержит великую тайну, так же и «Пистис София» («Молитвы Спасителя», § 358) говорит о I, A, Ω, как о кратком изложении гносиса или символа веры Валентина. «I означает: *всё исходит во вне*, A – *всё возвращается внутрь*, Ω – *наступит конец концов*», выражая таким образом великие доктрины об *эманациях*, *возвращении* и *уничтожении*, или, вернее, растворении вселенной.[2]

---

1 «Пери́пл Эритре́йского мо́ря» (др.-греч. Περίπλους τῆς Ἐρυθράς Θαλάσσης) – древнегреческое географическое сочинение предположительно третьей четверти I века н. э., содержащее описание побережья Красного моря, Аденского залива и Аравийского моря, вдоль которого пролегали торговые пути египетских купцов, в том числе в Индию. – Прим. пер.

2 В этом очевидна замечательная аналогия с брахманским определе-

Теперь обратимся к Греции, так же как *Абраксас* есть не что иное, как числовое выражение бога Солнца, так и Иао фактически оказывается эпитетом того же божества. Макробий («Сатурналии» I, 18), пытаясь доказать, что поклонение Солнцу было поистине единственной религией язычества, под каким бы именем она не называлась, делает очень близкое к нашему предмету замечание. Аполлон Клеросский, когда его спросили об истинной природе бога по имени Иао, дал следующий ответ:

«Ты тайны узнаёшь, ничто не раскрывая,
Хоть ложь мала, но всё ж разъединяет,
Считаешь Иаос ты надо всеми Высшим,
Зимой Плутон, весной Юпитер вышел,
Феб летом жарким управление ведёт,
А осень *Иаос*[1] власть мягкую лишь признаёт».

Здесь мы находим, что Иаос явно признаётся как имя высшего Бога, физическим представителем которого является Солнце. Опять же мы видим, что Орфей добавляет в этот список Диониса или Вакха, когда поёт «Юпитер, Плутон, Феб, Вакх, все – одно». Явное признание этого великого принципа брахманизма состоит в том, что различные божества являются лишь представлениями разных атрибутов одного божества. Та же самая истина интересно изображена на талисмане (коллекция Герца), которая в то же время показывает триединую природу высшего Существа, видимым образом которого является Солнце. Это – *сердцевидный* базальт, с выгравированными на нём фигурами сидящих Аммона и Эа (Зевса и Гелиоса у греков), и стоящего между ними священного Аспа. На реверсе есть надпись, аккуратно вырезанная шрифтом третьего века

ΕΙϹ ΒΑΙΤ ΕΙϹ ΑΘΩΡ ΜΙΑ ΤΩΝ ΒΙΑ ΕΙϹ ΔΕ ΑΧΩΡΙ
ΧΑΙΡΕ ΠΑΤΕΡ ΚΟϹΜΟϒ ΧΑΙΡΕ ΤΡΙΜΟΡΦΕ ΘΕΟϹ

[ейс байт ейс афōр миа тōн биа ейс де ахōри
хайре патер косму хайре триморфе феос]

нием Бога как «Самосущего, Вечного, Высшего Существа, который есть Причина всего и в ком всё окончательно растворяется».

1 Ἀβρὸν Ἰαῶ, где эпитет кажется образованным от имени Абраксас, обычно сопутствующим ему.

«Есть один Байт, один же Афōр, одна их сила, один Ахōри. Радуйся, Отец вселенной, радуйся Бог в трёх лицах!» Что касается трёх образов, то необходимо объяснить их имена. Относительно Ра с головой сокола Гораполлон приводит следующую причину: «сокол» обозначает высший разум или разумную душу. Сокол называется на египетском языке «байет», от души «бай» и сердца «ет», и этот орган они считают местом или вместилищем души». Достаточное объяснение образа, начертанного на талисмане. *Ахорей*, праведный жрец-советник последнего из Птолемеев (см. Лукан), получил своё имя от священного змея, к которому здесь взывают. Этот *Iaos* был признанным греческим эпитетом Солнца в осеннее время, как упоминал Макробий. Философы-толкователи древней мифологии находили также в *Дионисе* просто образ того же светила. «Зевс, Аид, Гелиос и Дионис суть одно». И Серапис заменяет Диониса в оракуле, процитированном Юлианом. Не следует забывать, что главной целью Макробия в вышеприведённом трактате является доказательство того, что Серапис представляет различные силы солнечного божества, выраженные в одном образе. Здесь уместно привести знаменитое обращение Вергилия:

"Vos, O clarissima mundi,
Lumina labentem qui cœlo ducitis annum,
Liber et alma Ceres!"

«…Ярчайшие светочи мира,
Вы, что по кругу небес ведёте бегущие годы,
Либер с Церерой благой»![1]

Здесь «Вакх» и «Церера» толкуются только как Осирис и Исида, Солнце и Луна. Вот в чём причина *рогов* Вакха на некоторых его статуях.

«Accedant capiti cornua *Bacchus* eris»[2], говорит Сафо [поэтесса Сапфо] Фаону. На иврите *сияющая* голова и *рогатая* голова обозначается одним словом [קרן керэн – сиять, иметь рога].

1 Вергилий, «Энеида», т. 1, перевод С. В. Шервинского. – Прим. пер.
2 «Рога бы ты имел на голове, то был бы Вакхом» (Послания Овидия, XV, 24). – Прим. пер.

Когда Моисей сошёл с горы, «cornuta erat facies ejus»[1] , согласно переводу Вульгаты. Из-за этого неправильного перевода христианское искусство всегда украшало еврейского законодателя этими придатками.

В самом имени *Иао*, несомненно, заключена причина распространённого убеждения древних, что Иегова евреев, чьё имя на греческом языке передавалось такими буквами, был не чем иным, как египетским Вакхом. Такому представлению они нашли веское подтверждение в золотой лозе, которая составляла единственное видимое украшение Храма, в законе «трубления в новолуние» и в обычае на праздник кущей жить в шалашах, сделанных из веток, и совершать там многие обряды, аналогичные греческой дионисии:

> “Quia sacerdotes eorum tibia tympanis concinebant, hedera vinciebantur, vitis que aurea templo reperta.”
>
> «Так как эти жрецы издавна пели хором под звуки флейт и тимпанов, опутывая себя гирляндами из хмеля, а в храме были найдены золотые лозы».
>
> *Корнелий Тацит, «История», книга V, 5*

Такое мнение относительно истинной природы еврейского богослужения Тацит цитирует как общепринятое у образованных людей его времени, но он не может признать его удовлетворительным, хотя бы на том основании, что мрачный и замкнутый характер этой религии, казалось, доказывал её непричастность к весёлому поклонению «богу вина», ведь только с этим символом римляне ассоциировали Вакха. Тем не менее, эта древняя теория нашла своих сторонников в современную эпоху, в частности, в лице настоятеля храма Святого Георгия Мученика, д-ра Стэнли, который (не вводя в соблазн своё беззаботное поколение) защищал такое неортодоксальное мнение в своём сложном трактате, который

1 «и, вот на его лице рога», правильный перевод: «и, вот, лицо его сияет». – Прим. пер.

посрамляет самые смелые полёты «Очерков и рецензий», а также трактовку зулусов нашим неосторожным апостолом. Как ни странно, немецкие евреи всё ещё празднуют праздник Пурим и падение Амана, напиваясь настолько, насколько позволяют им средства, и, таким образом, по сей день делают всё возможное, чтобы увековечить старую римскую клевету. Среди поздних гностиков, действительно, некоторые обряды были безошибочно заимствованы из вакханалии, необычным образом изменённой христианской доктриной. Епифаний рассказывает («Ереси» XXXVII) о том, что «они держали ручного змея в сундуке или *священном ковчеге*, и, уставив трапезу хлебами, призывали змея выйти. После этого змей сам открывал ковчег, выходил, вползал на стол и извивался между хлебами, которые они потом, преломив, раздавали принимающим, называя это совершенной жертвой или евхаристией».

Нельзя обойти молчанием ещё одно объяснение истинного характера имени *Иао*, какое бы незначительное основание оно ни имело в действительности, поскольку оно опирается на авторитет известного историка гностицизма Жака Маттера[1]. Луна у египтян, как и у сегодняшних востоковедов, *мужского рода* и обозначалась фонетическим именем *Аа* или *Ио*. Иногда Тота отождествляли с этим божеством; и поэтому символ Тота, ибис, сопровождаемый полумесяцем, имеет надпись *Ио*, «ибо (говорит Плутарх) Меркурий сопровождает Луну в её путешествии вокруг земли так же, как Геркулес сопровождает Солнце». Когда Тот или *Тат* появляется как Меркурий, он имеет голову ибиса; но в значении бога Луны, или *Deus Lunus*, он появляется с лицом человека, поддерживающим полумесяц, окружающий солнечный диск и увенчанный двойным плюмажем.

Отсюда появилось понятие, упомянутое Плутархом, что «египтяне называют Луну матерью творения и говорят, что она двуполая». В том же смысле Спартиан («Каракалла», VII)

1 Жак Маттер (фр. Jacques Matter; 1791-1864) – французский историк. Исследователь философии религии и гностицизма, автор французского существительного «эзотеризм» (фр. ésotérisme); биограф эзотерика Сен-Мартена. – Прим. пер.

объясняет, что египтяне в мистериях (*mystice*) называют Луну мужским именем, хотя в обычной речи обращаются к ней в женском роде. Он добавляет, что народы Харрана [Carrhae (греч. Κάρραι)] (знаменитые своим великим храмом Деус Лунус) считают, что «тот человек, который считает, что луна должна называться женским именем, всю жизнь будет рабом женщины, в то время как тот, кто считает Луну мужским божеством, будет главенствовать над женой, и будет защищён от любого женского вероломства». Это весьма веская причина обычая современников Спартиана иметь на своих перстнях-печатках *vera effigies* [лат. истинные образы] харранского божества, юноши во фригийском колпаке; его бюст опирался на полумесяц, по которому он назывался. Этот изящный женственный лунный гений поистине был ничем иным, как со вкусом видоизменённой версией мрачного древнего ассирийского «Греха», изображавшегося на памятниках Ниневии в виде старика, опирающегося на посох и плывущего по небу на полумесяце, смешно напоминая наше распространённое понятие о «человек на Луне». Голубой халцедон моей коллекции вполне иллюстрирует имя, упомянутое Плутархом, «Мать творения». На нём изображена фигура совершенного гермафродита в египетском головном уборе, сидящая на корточках, чтобы более ясно показать бисексуальную природу; ниже ползёт улитка с бабочкой на спине, хорошо понятные символы похоти и жизни, источника размножения.

Всё это приводит нас к теории Маттера (основанной на утверждении Оригена), что *Иао, Адонай, Саваоф* означали гениев Луны, Солнца и планет, намного уступая в силе и являясь даже антагонистичными по отношению к *Абраксасу*, который есть истинный представитель высшего источника Света. Этим Маттер объясняет воинственные атрибуты, с которыми бог Абраксас всегда изображается, чтобы показать его обязанность отпугивать противника или *демона Иао*, который представлен только своим *именем*, помещённым в самую нижнюю часть композиции, чтобы показать его неполноценность. Но авторитета самих памятников более чем достаточно, чтобы опровергнуть такое толкование, данное

самими изготовителями. Учение, упомянутое Оригеном, относилось (чего нельзя отрицать) к более поздней секте, которая ставила себя выше всех древних египетских или еврейских традиций. Но она, безусловно, не была из огромного числа общин первоначальных гностиков-каббалистов, которые изобретали *сигилы* и вкладывали в них свою веру; они завещали их нам в фантастическом количестве. Очевидно, что изготовители талисманов относились к *Тоту* и *Моисею* с одинаковым почтением; они не имели ничего общего с последователями Валентина, у которых был очевидный повод для возвеличивания недавно изобретённой ими невидимой *Тетрады*, ставя неизмеримо ниже её самые почитаемые имена древней религии. Валентиниане были греками по образованию, в действительности, черпая вдохновение из Пифагора и Платона. Они были рады возможности выразить естественное недоброжелательство относительно самых заветных идей александрийских каббалистов, великих изготовителей наших талисманов, настоящих "Pierres d'Israel" [«камней Израиля»].

«Пистис София» постоянно выводит на сцену суда и очищения души, как самого важного актёра, «великого и благого Иао, правителя места Середины», который, смотря вниз на места мучений, добивается, чтобы души, заключённые в тюрьму, получили свободу. Само сочетание этих слов на наших талисманах ясно указывает на то, что *Адонай*, *Саваоф*, равно как и *Абраксас* являются именами Иао, кто является богом, на самом деле изображённым символической фигурой, которую эти слова сопровождают. Что ещё могло бы быть мотивом для их сочетания в такой молитве (на гемме, опубликованной самим Маттером): «Иао, Абраксас, Адонай, Святое Имя, Святые Силы,[1] охраните Вивию Паулину от всякого злого духа»? И, опять же, эти же имена постоянно встречаются вместе, а за

1 Параллель с этой формой по-прежнему очевидна на турецких амулетах, состоящих из девяносто девяти эпитетов Аллаха, написанных на бумаге, и, как полагают, обладающих чудесной охранительной силой. Дух всех восточных религий – прославлять один объект поклонения, прибавляя к нему множество почётных титулов, выражающих его различные атрибуты. Амулеты такого и многих других видов регулярно продаются в мечетях.

ними следует обращение ΑΒΛΑΝΑΘΑΝΑΛΒΑ: «Ты – наш Отец»; ϹΕΜΕϹ ΕΙΛΑΜ «Вечное солнце». Несомненно, такое обращение нельзя применить к существам разного, а тем более антагонистического характера. Кроме того, если бы Абраксас был противником и главным разрушителем Иао, было бы абсурдно так близко располагать эти два имени, даже отдавая преимущество последнему. Они оба также упоминались в сопровождающей молитве и удостаивались одинаковых эпитетов величия. Более того, составной образ или Пантей, который, как утверждают все авторы, представляет истинного бога Абраксаса, гораздо чаще подписывается именем ΙΑϢ, чем именем ΑΒΡΑϹΑΞ; и, тем не менее, хотя первое имя стоит отдельно, за ним следует то же прославление: «Ты – наш Отец» и т. д., тогда как два имени выгравированы в непосредственном соседстве. Более того, представлять одного актёра на сцене своей собственной фигурой или символом, а другого указывать просто буквами его имени, совершенно противоречит всяким правилам символизма и в равной степени здравому смыслу при передаче образа Бога с *именем* своего противника, помещённым в наиболее заметную часть таблички. Абсурдность столь же велика, как если бы в христианском искусстве изобразить Распятие с именем *сатаны* вместо священного Ι . Ν . R . Ι, объяснив это враждебностью двух персонажей. И, наконец, как уже было показано, числовое или каббалистическое значение имени Абраксас прямо относится к персидскому имени бога, «Митре», «Правителю года», которому поклонялись с древнейших времён под именем Иао. Сам Маттер публикует (грав., III, 2) гемму, которая должна была бы убедить его в своей собственной ошибке, если бы он не упустил из виду реальное значение её надписи. На ней изображён Гор, сидящий на лотосе, и надпись ΑΒΡΑϹΑΞ ΙΑϢ – обращение полностью идентичное ΕΙϹ ΖΕΥϹ ϹΑΡΑΠΙ, часто встречаемое на современных геммах язычников, которое можно перевести только как «Абраксас есть Иегова единственный».

Можно часто видеть, что «Великое Имя» с его обычными титулами искажено рукой гностика в изделиях лучшего периода вероисповедания, но чьи образы были надуманы

соответственно понятиям об Иао Пантее: например, Феб на своей колеснице, «Дом Льва в Солнце», эмблема королевской власти Сфинкса и голова Горгоны разрушительной силы или Провидение[1]. Но самым интересным из таких *заимствованных* образов, известных мне, безошибочно указывающих на божество, воспринимаемое под именем Абраксас, является изделие, открытое мною в разнообразной небольшой частной коллекции (Босанкета). На нём мы видим знакомого Пантея с головой петуха, в доспехах, со змеиными ногами, размахивающим кнутом и управляющим колесницей Сола[2], в точном соответствии с прежним возничим Фебом. На месте для надписи есть приветствие CABAΩ, «Слава Тебе!», на реверсе, на картуше, образованном свёрнувшимся змеем, точно так же, как индусы пишут Неизречённое Имя АУМ, выгравированы имена IAΩ ABPACAΞ, свидетельствующие о том, что подразумевается одно божество, которое является Правителем Солнца.

Святое имя часто цитируется (раздел «Драгоценности Абраксаса»).

Новый образ Абраксаса

Самая необычная вариация обычного образа Абраксаса Пантея имеет голову Сераписа вместо обычной головы петуха. На поле между змеями находятся половые органы непропорционального размера, представленные в состоянии покоя, а не как *fascinum* [фаллос] на амулетах такого рода; и безошибочно несущие признаки обрезания. Это обстоятельство является ещё

1 Святое имя часто добавлялось на инталии чужого характера только ради превращения их в талисманы: например, на оборотной стороне гелиотропа с Победой помещали щит (Р. С. Уильямс, Утика, США).

2 Точно так же Серапис (также образ Бога Солнца) появляется на александрийских монетах Адриана, которые уже были упомянуты (раздел «Геммы Абраксаса»). Бог благословляет правой рукой, а в левой руке держит скипетр. На другой монете того же самого императора и монетного двора он сидит на Овне, ясно обозначая Солнце в этом знаке и, возможно, не имея более глубокого значения, чем месяц чеканки.

одним доказательством, которое следует добавить ко всем ранее наблюдавшимся, а именно, что изготовителями этого класса талисманов были египетскими евреями. Поскольку отличительным принципом гносиса во всех его формах было осуждение «деяний Демиурга», то есть распространения этого вида, то очевидно, что предмет этого символизма не был религиозным. Вероятно, идея состояла в том, чтобы изготовить талисман целебного предназначения, возможно, для лечения импотенции или других заболеваний изображённых органов. Уже опубликованы многочисленные примеры целебных талисманов, чьё предназначение выражено в надписях. Описываемая здесь гемма известна мне по отпечатку, сделанному преп. С. С. Льюисом с яшмы из коллекции Бургиньона в Риме. Другим очень необычным предметом из той же коллекции является скелет, сидящий на троне и держащий копьё или, возможно, скипетр. Хотя он полностью соответствует средневековому изображению Смерти, однако значительная, хотя и грубая удлинённая форма инталии соответствует раннему гностическому периоду, и предполагается, что речь идёт о *лярве*, а не о разрушительной силе. В кабинете Штоша подобная фигура несётся на колеснице, запряжённой столь же бескровными лошадьми, как и он сам, подобно дикому охотнику из немецкой легенды.

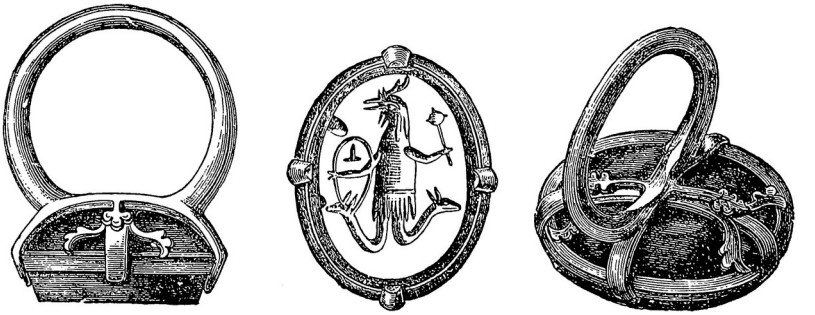


Рис. 14

Первоначальная цель настоящих формул

Толкование гностических надписей и характер божества, к которому они относились, до сих пор были предметом нашего исследования; следующим шагом является рассмотрение мнения современных авторов относительно *особой цели* изготовления талисманов, украшенных таким образом. На причину положения в гроб к умершему посвящённому *illuminato*[1] «слов силы», написанных на свитках свинца, бронзовых пластинках, рассматриваемых нами геммах, и, без сомнения, на материалах несравненно больше поддающихся тлению, проливает свет описание Епифаном («Ереси», XXXVI) церемонии, согласно которой гераклеониты [еретики II в., последователи Гераклеона] готовили умирающего брата к миру грядущему. Они окропляли его голову водой, смешанной с маслом и меккским бальзамом, повторяя в то же время слова, используемые маркосеями при крещении, чтобы его *Внутренний Человек*, таким образом, мог избежать бдительных Начальств и Властей, через чьи области он должен пройти, чтобы подняться невидимым для них в Плерому, из которой он первоначально спустился. Поэтому их священники наставляли умирающего, что, когда он предстанет перед этими Властями, он должен обратиться к ним со следующими словами: «Я, сын от Отца, Отца предсуществующего, но сын в настоящем времени, пришёл, чтобы созерцать все вещи, как других, так и мои собственные, и вещи не совсем принадлежащие другим, но Ахамот (*Мудрости*), которая женственна и создала их для себя. Но я заявляю о своём происхождении от Предсуществующего, и я возвращаюсь к себе, откуда я снизошёл». Силой этих слов он ускользнёт от Властей и прибудет к Демиургу восьмой сферы, к которому он снова должен обратиться: «Я – драгоценный сосуд, превосходящий женскую силу, которая сделала тебя, поскольку твоя мать не знает своего собственного происхождения, в то время как я знаю себя, знаю, откуда я, и призываю Вечную

1 Освещающих (лат.) – Прим. пер.

Мудрость, которая есть в отце и в матери твоей матери, у которой нет ни отца, ни даже супруга, но будучи женщиной, произошедшей от женщины, которая сотворила тебя, хотя сама она не знает своей матери, но верит в то, что она существует одна. Я призываю мать». При таком обращении Демиург растеряется (что вполне вероятно), и будет вынужден признать низость своего происхождения; после этого внутренний человек гностика сбрасывает рабство, а также своего *ангела* или душу, которая остаётся с Демиургом для дальнейшего использования, и поднимается ещё выше в надлежащее ему место. Каждый человек состоит из *тела*, *души* и *внутреннего человека*, причём последний является более духовным. То же убеждение было распространено среди евреев, как видно из восклицания Роды, когда она не хотела открывать Петру, которого считала уже казнённым.

Здесь Ахамот упоминается как Сефандомад Зороастра, Премудрость поздних евреев, подробно описанная псевдо-Соломоном под этим названием (VII, 25). «Она есть дыхание силы Божией и чистое излияние славы Вседержителя… Она есть отблеск вечного света и чистое зеркало действия Божия и образ благости Его». [Книга премудрости Соломона 7:25,26] «Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его». [Притчи 9:1] *Обнажённая женщина* или Венера Анадиомена, так часто изображаемая на этих геммах, является тем же понятием, выраженным древнегреческим образом. Гемма, приведённая Кайлюсом («Коллекция антиквариата» VI таб. 21) объясняет её назначение достаточно ясными словами, несмотря на их искажённую византийскую орфографию: ΙΑΩ CΑΒΑΩ ΑΔΟΝΑΙ ΗΚΑΙ ΕΛΛΑΞΕΙΩΝ ΤΟΥ ΥΑΡΤΑΡΟΥ CΚΟΤΙΝ «Иегова, Саваоф, Господь, приди и избавь меня от тьмы ада!».

Если бы перевести длинные надписи, покрывающие многие яшмовые таблички, скорее всего, их смысл был бы аналогичен только что процитированному паспорту Гераклеона для Плеромы; они были всего лишь естественной предосторожностью со стороны друзей, желавших снабдить покойного брата правильной копией витиеватого и сложного исповедания веры, которое в противном случае было бы

непременно забыто, тем более что оно было сообщено ему духовными наставниками, когда он был уже при последнем издыхании.

Что касается самой практики, то её происхождение, несомненно, связано с очень древним египетским правилом помещения в саркофаг замысловатых «Литаний мёртвых», из которых многое дошли до наших дней.[1] Это – свитки папируса, содержащие молитвы, адресованные душой каждому богу, чьи «ворота» он должен пройти на своём пути к окончательному покою. Чтобы предотвратить ошибку, образ каждого божества предваряется столбцом молитв, которые ему причитаются, и то же расположение соблюдается на свинцовых свитках, принадлежащих к разным учениям гностиков.

Такой же обычай всё ещё сохраняется в Индии, возможно, его древнем источнике. Траверньe отмечает, что брамины кладут на грудь трупа семь листков бумаги, на которых написаны молитвы, которые душа должна произнести, как только освободится от своей телесной оболочки с помощью погребального костра.[2]

Геммы-талисманы, которые сохранились в большом количестве и разнообразии, упоминаются в немногих сохранившихся сочинениях гностических учителей. «Пистис София» полна намёков на *печати* и *числа* различных Эонов и других Властей [3], и многократных обещаний Спасителя открыть

---

1 «Папирусы, как известно, часто держали наготове с пробелами для имён и занятий покойного; папирус фактически составлял часть обычных погребальных принадлежностей. Они были трёх классов, а именно: требник, книги о переселениях и солнечные литании или описания прохождения души через Землю на солнечной лодке. Эти чрезвычайно любопытные манускрипты содержат подробнейшие описания всех областей, через которые душа должна пройти после смерти» – Ч. У. Гудвин. Манускрипт такого рода, написанный в четвёртом веке до нашей эры, был найден принцем Уэльским при раскопках в Египте и опубликован с помощью факсимилирования. Но самый известный образец, сохранившийся в музее Соуна, до сих пор не опубликован.

2 Господь Тарака, если его должным образом умилостивить, вдохнёт в ухо умирающего мантру или заклинание такой силы, что оно обеспечит ему безопасный проход на небеса.

3 «Затем они приносят душу перед Девой Света, и она показывает Де-

все их своим слушателям; это обещание, к сожалению, не выполнено в этой книге в той форме, как она дошла до нас. Тем не менее, сам намёк достаточно ясно говорит о том смысле, в котором мы должны понимать СФРАГІС [греч. σφραγις – печать], так часто встречаемую на талисманах. Повод для обеспечения умершего верующего хорошим запасом этих нетленных верительных грамот достаточно объясняется «Диаграммой офитов» (опубликованной Оригеном), в которой он подробно описывает молитвы, обращённые к семи планетарным Силам освобождённой душой при её восходящем полёте. В молитве к Илдабаофу есть такой намёк: «О, главный Дух чистого Разума, совершенная работа в глазах Отца и Сына, представив тебе на этой *печати* знак жизни, отворяю врата, закрытые твоей силой в мир, и свободно пересекаю твои владения». И снова, приветствие Иао (здесь взято из «Лунного гения»): «Ты, который руководит! таинствами Отца и Сына, который светит в ночи, имея второе звание, первый Господь Смерти! Представляя Тебе Твой собственный *символ*, быстро прохожу через Твои владения».

Саваофу: «Прими меня, видя этот чистый символ, перед которым не может устоять Твой гений, он сделан по подобию этого образа, он – тело, рождённое Пентадой».

К Ораи (Венере): «Пропусти меня, ибо Ты видишь символ своей власти, упразднённый знаком Древа Жизни». (Является ли этот знак Крестом, как думает Маттер, или фактическим деревом, которое иногда можно найти на гностических геммах?) И нужно помнить, что основным предназначением symbolum[1] является оттиск печатки, что делает более вероятным именно это значение данного слова, используемого во всех этих отрывках. Можно также предположить, что при таком превращении symbolum в паспорт для рая возникло богословское использование этого слова, означающего символ веры или краткое изложение веры. О таком же использовании

ве свою печать, свою форму защиты и т. д.». Эта очень показательная часть учения Валентина найдена в «Пистис Софии».

1 Печать; опознавательный знак (род удостоверения личности); символ (исповедание) веры (лат.). – Прим. пер.

талисманов в мире грядущем говорится в «Пистис Софии» (§ 293), где Мария Магдалина даёт этот любопытный вариант случая с динарием: «Ты сказал, что душа даёт оправдание и печать всем архонтам и местам царя Адамаса, и даёт оправдание, и честь, и славу всем их печатям, а также гимны царства Света”, – так, об этом слове ты сказал некогда, когда принесли тебе динарий и ты увидел, что он из серебра и меди. Ты спросил: “Чей этот образ?” Они сказали: “Кесарев”. Когда же ты увидел, что он из серебра и из меди,[1] ты сказал: “Так, дайте кесарево кесарю и Богово Богу”, – то есть, когда душа получает таинство, она даёт оправдание всем архонтам и месту царя Адамаса, а также воздаёт душа честь и славу всем тем, кто принадлежит месту Света. И слово твоё: «Он блестел, когда ты увидел его, бывшего из серебра и меди», говорит о том, что это есть образ или подобие души. Сила света, которая в нём, есть серебро совершенное, а подражательный дух есть медь материальная».

Великое учение гностицизма состояло в следующем: душа, освободившись от тела (тюрьмы или места мучений) должна пройти через области Семи Властей, чего она не может сделать, если заранее не пропитается знанием, а иначе её схватит и проглотит Правитель этого мира в виде дракона, Сатана Офиоморфос, и его хвостом она снова будет сметена на землю, где оживит свинью или какого-то подобного ей животного, и пройдёт свой путь ещё раз. Но если она будет исполнена знанием, то ускользнёт от семи Властей и растопчет голову Саваофа («о котором говорят, что у него волосы женщины») и взойдёт на восьмое небо, обитель Барбело, вселенской Матери, которая, согласно «Пистис Софии», является небесной матерью Спасителя. Епифаний приводит из «Евангелия от Филиппа» ещё одну формулу, призванную обеспечить свободный проход меж тех же планетарных гениев: «Господь открыл мне, какие слова душа должна произносить, когда она восходит на небеса, и как она должна отвечать каждой из небесных сил. Я познал себя, я овладел собой со всех сторон, и я не породил сынов архонту

1 Любопытное замечание, ясно указывающее на Александрию как на место, где было написано это Евангелие, так как её тетрадрахма императорских времён была из очень низкопробного серебра.

этого мира, но я вырвал корни и собрал рассеянные члены. Я знаю тебя, кто ты, потому что Я есть Тот, Кто свыше». Но если он будет признан виновным в том, что оставил какое-либо потомство на земле, душа задерживается там до тех пор, пока он не соберёт всех и не вовлечёт их в себя». Такое «собирание себя» должно осуществляться только через постоянное целомудрие или скорее (неизбежный компромисс) практику различных неестественных пороков, которые регулярно возникают из такого догмата веры. Если же женщина из общины из-за недостатка мер предосторожности допускала беременность, то старейшины делали аборт, брали плод, толкли его в ступке вместе с мёдом, перцем, другими специями и ароматами. Затем брали это «скопище свиней и собак», каждый макал палец в эту кашу и пробовал её. Они назвали это совершенной Пасхой, говоря: «Нас не обманул архонт похоти, но мы снова собрали воедино вероотступничество нашего брата». Самый откровенный Епифаний даёт точные подробности, не поддающиеся описанию современным языком, способа, с помощью которого верующие в некотором смысле соблюдали обет вечного целомудрия, не отказываясь от радостей Венеры. Он иллюстрирует это необычным объяснением имевшего тогда хождение древнего мифа о том, что Сатурн пожирает своё собственное детище; против такого толкования и практики, основанной на этом мифе, даже Климент счёл нужным предупредить ортодоксальных верующих за два века до этого. Чтобы привести пример наказания, назначенного за творение Демиурга в виде потомства на земле, офиты рассказывали дикую историю о том, как сам Илия был отвергнут от врат небесных, хотя его совесть была чиста как дева, потому что женский демон собрал его семя во время сна и создал из него младенцев, которых тот повсюду представлял в качестве доказательства греха к невыразимому замешательству Ильи. Отсюда возникает средневековое представление о *суккубах*, ночных искусительницах целомудренных людей. Хотя они должны были делать работу своего отца Дьявола по-другому, снабжая его всем необходимым для его амуров с ведьмами, с которыми он состоял в официальных любовных отношениях.

Всё это точно соответствует тому, что содержится во фрагментах «Евангелия египтян». Климент («Строматы» III) цитирует оттуда слова Спасителя: «Когда Саломия спросила Господа, как долго будет господствовать Смерть?» Он ответил ей: «Пока вы, женщины, рождаете детей. На это она сказала: «Тогда я хорошо сделала, что не родила детей, видя, что нет необходимости в их рождении. На что Господь ответил: питайтесь всякой травой, но ту, в которой горечь, не ешьте. И снова спросила Саломия о том, когда станет известно то, о чём она спрашивала, Господь ответил: «Когда вам не понадобится покров для наготы вашей, когда двое станут одним, мужчиной и женщиной, а не мужчиной или женщиной». Именно на эти завышенные нравственные нормы намекает апостол Павел, когда увещевает колоссян (Кол.2:20), спрашивая их: «…для чего вы, как живущие в мире, держитесь постановлений (или скорее сами издаёте свои законы без всякого на то права): «не прикасайся» (к женщине), «не вкушай» (мяса), «не дотрагивайся» (нечистого)».

При рассмотрении ценности использования этих гностических символов в мире грядущем перед нами, естественно, встаёт вопрос, каким образом они использовались владельцами в их время. Само это слово имело много значений. «Символ» сначала по-гречески означал вклад каждого члена в расходы пьющей компании. Для этого каждый отдавал в залог свой перстень поставщику провизии, а затем выкупал его, заплатив свою долю по счёту. По этой причине Плавт[1] переводит symbolum как перстень-печатка. Так как печать считалась самым надёжным из всех удостоверений, то это слово стало обозначать любой знак, служащий для получения удостоверения. Например, Кайлюс изображает («Коллекция антиквариата» V, грав. 55) бронзовую правую руку в натуральную величину с надписью на ладони ΣΥΜΒΟΛΟΝ ΠΡΟΣ ΟΥΕΛΑΥΝΙΟΥΣ «Верительные грамоты велавниям» (галльское

1 Тит Ма́кций Плавт (лат. Titus Maccius Plautus), очень часто просто Плавт (ок. 254 до н. э., Сарсина, Умбрия – 184 до н. э., Рим) – выдающийся римский комедиограф. – Прим. пер.

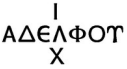
племя, которого селилось вокруг Антиба)[1]. Ниже запястья была подставка,

чтобы рука могла сама стоять прямо. Соединённые руки, символ веры (всё ещё называемый в Италии fede [итал. вера]), был общепринятым подарком от одного народа или армии другому при заключении союза: «Miserat civitas Lingonum veteri instituto dono legionibus *dextras* hospitii insigne»[2] (Тацит, «История» I, 54). По характеру предназначения такие подарки, вероятно, изготовлялись из драгоценных металлов, и, следовательно, ничто не сохранилось. Такие ассоциации ясно показывают, почему на церковном языке symbolum обозначает исповедание *веры* или символ веры, то есть «Symbolum Apostolicum». И так постепенно слово выродилось в его нынешнее значение любого *знака*, обозначающего какое-то понятие, особенно религиозное.

Эмблема снова прошла через аналогичные превратности. Сначала маленькая серебряная чеканка, предназначенная для использования в табличке, как украшение поверхности, что, в общем-то, и обозначает слово ἔμβλημα, потом всегда отображала мифологические сюжеты. После того, как эта мода прошла, название осталось для обозначения любого представления такого характера. Однако существует различие между подлинным значением *эмблемы* и символа. Первая представлена реальным изображением, второй – иероглифами, передающими какое-то понятие. Так, *эмблемой* Победы

---

1 Лучшим, а также очень интересным примером существующего символизма является изображённая Кайлюсом гемма, без каких-либо сведений о её ценности (таб. 87, I). Это – диск из слоновой кости диаметром в два дюйма [5,08 см] с выгравированными на нём двумя рыбами, расположенными бок о бок, и с пальмовой ветвью между ними. На реверсе надпись:



Он служил как бы пропуском «брата во Христе Иисусе» во времена ранней Церкви, и был ему рекомендацией среди верующих, в какой бы области он ни нуждался в их помощи.

2 «Племя лингонов прислало римскому войску изображение двух соединённых правых рук – подарок, издавна служивший символом гостеприимства и дружбы» (перевод Г. С. Кнабе). – Прим. пер.

является крылатая женщина, держащая пальмовую ветвь, а символом Победы – сама ветвь.

BAMBINO, любимый кумир женщин Рима, по своему образу и оформлению является самым убедительным из всех свидетельств, касающихся истинного источника этой религии, в чьём пантеоне он играет столь значительную роль. Его образ высотой около двух футов [60,96 см], вырезанный на дереве, теперь выдаётся за *vera effigies* [лат. подлинное изображение] младенца Иисуса. Но для глаза, знакомого с индийским искусством, он является безошибочной копией младенца Будды. Это изображение выполнено барельефом анфас, со скрещёнными на груди руками, с цветком лотоса в одной руке, в обычной позе бога индусов. Но самой поразительной особенностью композиции является характер фона, который не имеет прототипа в римском искусстве, но вырезается в так называемом стиле «ананасовый» контур, который неизменно сопровождает священные образы Индии. На голове венец в восточном стиле, облегающее одеяние от шеи до лодыжек, теперь выдаваемое за пелёнки младенца, богато украшено драгоценными камнями, приношениями более позднего времени. Само предание о месте его изготовления даёт истинное о нём представление, так как считается, что этот образ – дело рук одного монаха из Иерусалима, и вырезан из одного из священных оливковых деревьев. Благочестивый художник, должно быть, был вдохновлён видом индийского прототипа, потому что сходство слишком велико, чтобы быть случайным, если на самом деле всё это не будет ещё одним примером «крещённого Юпитера». Сама природа вещей делает необходимым, чтобы члены каждого тайного общества обладали средствами взаимного признания, которые избежали бы пристальных взглядов внешнего мира. Приверженцы элевсинских мистерий, по некоторым намёкам классиков, были снабжены своими наставниками чем-то вроде этого. Отказ надеть гирлянду на пиршестве воспринимался как знак братства Митры. Определённо, что наше распространённое представление о «масонском рукопожатии» было столь же актуальным среди гностиков во времена Епифания. «При появлении любого незнакомого человека, принадлежащего к той же секте, у них есть *знак*, даваемый мужчиной женщине, и

наоборот. Подавая руку под предлогом рукопожатия, они легко касаются её ладонью определённым образом, и так узнают, принадлежит ли новоприбывший к тому же обществу. В таком случае, как ни бедны они, они накрывают ему роскошный стол с обилием мясных блюд и вина. После обильной трапезы хозяин встаёт, оставляет свою жену, приказывая ей: «Прояви любовь к этому нашему брату» и т. д., проявляя гостеприимство в такой степени, что в наши эгоистичные времена нельзя ожидать ни от кого, разве что от эскимосов.

Как можно догадаться, такие *символы* широко распространены, так как гностицизм был не только современником Римской империи, но надолго пережил её падение. Кроме наших гемм, есть бронзовые и свинцовые таблички (и даже золотая замечательная табличка, найденная около Карнарвона), а также медные грубые медальоны с подобной гравировкой, которые постоянно выкапывают на древних кладбищах, где они весьма долго пролежали, охраняя покой своих первоначальных владельцев. Из этого более редкого класса наиболее интересный из известных мне медальонов был найден в Провансе (кабинет Прауна). На нём *инталия* бога Абраксаса, на реверсе тройственная Геката; изображение значительных духовных образов хорошо иллюстрирует синкретическую природу этого вероисповедания посредством союза древних и недавно изобретённых образов. Гробница Марии, жены самого ортодоксального Гонория, содержала среди множества фигурок-амулетов (или, может быть, игрушек маленьких животных, мышей и т. д.), вырезанных из хрусталя и агата, золотую табличку, исписанную именами «Ангелов Присутствия». В связи с большим интересом к этому открытию я вставил полный перевод описания Фауно, единственного описания, когда-либо написанного о разграблении имперской гробницы. И когда в Чичестерском соборе была открыта гробница епископа Сеффреда (умершего в 1159 году), на его костлявом пальце по-прежнему находилось епископское кольцо со вставкой из яшмы образа Абраксаса, несомненно, рекомендованного ему на все случаи жизни и смерти благодаря многочисленным силам, особо изложенным Камилла Леонарди. Когда же на самом деле исчезла вера в силу этих талисманов? «Молодой самозванец» с

суеверием, присущим его семье, стремился заручиться поддержкой самого могущественного Абраксаса в своей злополучной экспедиции. В его багаже, захваченном в Куллоджии генералом Бельфором, был найден кровавик, вправленный в серебро как кулон, с выгравированным на нём знаменитым Пантеем. А на реверсе обнажённая Венера, *Ахамот*, и надпись ATITA (представлена Уолшем, грав.7).

Прованс всё ещё является обильным источником этих интересных памятников широко распространённой теософии. Гностицизм с самого начала укоренился и процветал в Южной Галлии, как наглядно демонстрирует тщательно разработанный трактат Иринея, нападавшего на него, как ни на одно другое нововведение. Успех гностицизма, вероятно, объясняется сходством его основных доктрин с ранее распространёнными системами митраизма и первоначальных друидов. Ещё позднее, в середине четвёртого века, появилась новая форма гностицизма, введённая Присциллианом, епископом Авилы, который был казнён за свои труды британским императором Магном Максимом. Замечание Гиббона о неудачном ересиархе настолько характерно для его стиля, что я не могу его не процитировать: «Сан епископа Авилы (в Старой Кастилии) в настоящее время приносит 20 000 дукатов в год, и, следовательно, совсем не похоже, чтобы человек в этом сане мог быть автором новой ереси». То, что Испания также задолго до проповеднической деятельности Присциллиана принимала и горячо поддерживала позицию Василида, хотя находясь в удалении от источника, видно из отрывка 29-го письма Иеремия к Феодоре: «Наш друг Лициний, когда эта самая грязная ересь Василида бушевала по всей Испании, и, подобно чуме или мору, опустошала всю провинцию между Пиренеями и океаном, хранил чистоту христианской веры и был далёк от признания Амаргеля, Барбело, Абраксаса, Бальзамуса, нелепого Левсибора и других подобных чудовищ».

То, что Британия до некоторой степени приняла те же доктрины, достаточным доказательством является золотая пластина Карнарвона. Её существование проливает свет на исключительный факт, упомянутый Мэтью Парисом, о том, что, когда Эадред, собирая строительные материалы для

монастырской церкви, поднял римский фундамент Веруламия, он натолкнулся на небольшой шкаф или «armariolum» в огромной толстой стене, в котором были свитки на незнакомом языке. Наконец очень пожилой монах, по имени Унвона, расшифровал их и записал на древнем британском языке, они содержали молитвы к богам, которым прежде поклонялись на этом месте. Но Веруламий был настолько римским, что касается общественных зданий, что использование родного языка в любых документах, сопровождающих основание храма, в высшей степени маловероятно. Греческий язык гностиков также являлся бы загадкой для старого саксонского монаха, и его толкование было безопасным покровом для его невежества. Последний период римской оккупации, когда гностицизм наиболее процветал, объясняет сохранение «свитков» (несомненно, на пергаменте) за несколько столетий, предшествовавших аббатству Эадреда.

Более чем вероятно, такие доктрины скрывались от коренных галлов-римлян во времена царей-ариан готов, и возродились только при расцвете манихейства альбигойцев двенадцатого века. Тот факт, что эти сектанты были так же гонимы католиками, как и вальденсы, не является достаточным доказательством их причастности к праведным протестантам наряду с вальденсами, хотя *это* сейчас считается само собой разумеющимся, особенно толкователями Апокалипсиса, когда трудно найти требуемых «двух свидетелей» против Вавилонской блудницы.

Гностицизм оставил следы, будь то прямым или косвенным образом, среди таинственных сект Ливана, друзов и анзейретов. Ещё в правление Юстиниана, согласно Прокопию, не менее миллиона политеистов, манихеев и *самаритян* (последние также являлись гностиками)[1] были уничтожены только в Сирии во время систематических гонений, осуществлявшихся этим педантичным фанатиком. Так как эта религия впоследствии существовала при более терпимых халифах, которые никогда не беспокоились о религии своих подданных, если они платили дань своевременно, то её учение вполне могло сохраниться до наших дней, учитывая уединённую жизнь исповедовавших его людей и жизненную

1 Самые древние из них считают своим основателем Симона Мага.

стойкость, которой обладает каждая чётко выраженная система религиозных взглядов.

Рис. 15

Гностическая теогония

Несколько ступеней гностической теогонии, через которые душа должна пройти, прежде чем сможет достичь высшего совершенства, кратко представлены в этом отрывке из «Пистис Софии» (§ 247):

> «Когда Спаситель закончил говорить всё это своим ученикам, выступил вперёд Андрей и сказал: Господи мой, не гневайся на меня, но помилуй меня и открой мне таинство слов, о которых спрошу тебя, ибо оно трудно в очах моих, и я не понимаю его. Тогда Спаситель сказал ему в ответ: Спрашивай, о чём хочешь спросить. И я открою тебе это лицом к лицу без притчи. Тогда Андрей ответил и сказал: Господь мой, я удивлён и изумлён весьма, потому что люди, которые в мире и в теле этой *материи*, как они, когда выйдут из этого мира, пройдут все тверди и всех этих архонтов и всех правителей и богов и всех этих великих Невидимых и всех тех, которые от места Середины, и тех, которые от всего места Правой части, и всех великих эманаций этого места, чтобы войти внутрь (за пределы) их всех и унаследовать царство Света? Ныне же, это дело, Господи, сложно в очах моих. Когда же Андрей сказал это, дух Спасителя двинулся в нём, он воскликнул и сказал: Доколе буду терпеть вас? Доколе буду сносить вас? Неужели вы опять не понимаете и пребываете в неведение? Или вы не знаете и не понимаете, что все вы суть ангелы, и архангелы, и архонты, и правители, и боги и прочие силы и вся слава их, что вы *от* себя и сами *по* себе изошли из одного теста, из одной материи и из одной сущности, и что вы все из одной и той же *смеси*?[1]
>
> И по велению первого Таинства, эта смесь должна быть, пока все великие эманации Света и

1 Κερασμὸς, т. е. смесь света божественного с плотной материей, исправление которой было целью прихода Спасителя.

> вся слава его не очистят её, и очистят её не от себя, а по принуждению великого Неизречённого. И они совсем не страдали и совсем не изменяли своих мест, и не лишали себя ни в чём и не превращались в различные формы, и не пребывали ни в какой скорби. По этой причине вы суть осадок Сокровищницы, и вы – осадок места Правой части, и вы – осадок всех Невидимых и всех архонтов, словом вы – осадок всех их. И вы были в великих страданиях и великих скорбях, в преображениях и в разных формах этого мира. И из-за этих скорбей вы пребывали в агонии и сражались с этим миром и всей материей, которая в нём, но не ослабла рука ваша в этой борьбе, пока вы не узнали таинства Царства Света, которые сделали сражавшихся вас чистым светом, и вы стали чистым Светом».

Всё, что подразумевает великую идею о том, что человек, хотя и сделан из низшего, но родственного вещества, по сравнению с ангельскими силами, через *знания* способен достичь превосходящего их совершенства.

Диаграмма офитов

Гностические символы и их использование в этой жизни и в жизни грядущей до сих пор были предметом нашего исследования, что, естественно, заставляет нас задуматься над понятиями, которые их образы связывали со строением будущего мира и с природой самой души. Что касается первого из этих весьма интересных вопросов, то над ним гностики особо трудились, чтобы предоставить точную информацию своим ученикам. Такая информация, который была сохранена Оригеном («Против Цельса» VI), не оставляет желать ничего лучшего в плане полноты и может быть с уверенностью признана, как наиболее авторитетная из всех таковых небесных *cartes de route* [фр. карт навигации].

Этот учёный отец каким-то образом овладел пергаментной таблицей, на которой были изображены последовательные

этапы небесного странствования души, и некоторые *Силы* [1], которые она должна встретить при прохождении, а также соответствующие молитвы (образцы которых я уже давал), посредством которых она должна получить разрешение на прохождение их владений. Эта карта была известна верующим как «Схема или Диаграмма офитов». Среди этих заклинаний особый интерес представляет одно заклинание, адресованное Иао, гению луны, так как иллюстрирует использование самого многочисленного класса рассматриваемых нами талисманов. «О, Ты, кто управляет таинствами Отца и Сына, Иао, кто сияет ночью, кто занимает второе место, Первый Владыка Смерти, кто является частью того, что без Бога! Представляя тебе твой собственный *памятник* (или подобие) в качестве символа (или паспорта), я быстро пересекаю твоё владение, после того, как Словом Жизни победил то, что было от Тебя». В манускрипте написано τὸν ἰδίον ὑπὸ νοῦν σύμβολον, что бессмысленно, и может быть только искажением τὴν ἰδίαν ὑπονοῖαν, то есть словами, часто использовавшимися Плутархом для обозначения символов. Чем ещё мог быть этот «памятник» Иао, кроме его собственного образа, выгравированного на геммах? Это божество называется «Владыкой Смерти», потому что Луна (Исида) руководит рождением, развитием и изменением, из

1 Это – просто новая адаптация к представлениям секты древнего египетского ритуала, когда клали в саркофаг, целиком или частично, «Книгу врат», касающуюся вхождения в Свет. Существовали двадцать одни врата, ведущие к дворцу Осириса, каждые врата охранялись своим особым божеством, к которому надо было обращаться надлежащим образом. Папирус Петаменофа, иначе Аммония (умер при Адриане), был превосходно объяснён и переведён Шампольоном и опубликован в сочинении Ф. Кайо «Поездка в Мераэ», IV. грав. 22. Или это поверье, возможно, имело халдейское происхождение, даже более древнее, чем египетское. Лейн-Фокс и другие перевели табличку, рассказывающую о нисхождении богини Иштар в Аид, «Страну без возврата». Владыка Земли даёт ей зелёную ветвь дерева Иф, и она последовательно проходит через Семь Врат, отдавая каждый раз по очереди венец, серьги, головные украшения, украшение со лба, перстни с рук и ног и ожерелье. Владыка Аида даёт ей чашу воды Жизни, и она возвращается, получая обратно свои драгоценности в том же порядке, в котором она их отдавала.

которых смерть является необходимым следствием всего земного».

Из изложенной здесь теории многое было очевидно получено из того же источника, что и учение неоплатоников о планетарном происхождении сил души, о которых будет рассказано далее. Само искусство было основано на главной доктрине гностицизма, заключавшейся в том что душа, освобождённая от тела, поднимаясь вверх, стремится растворить в бесконечной божественной Голове или «Безграничном Свете», *summum bonum* [лат. величайшем блаженстве] устремлений Востока (буддийская нирвана «совершенный покой, эпикурейская *Indolentia* (праздность)»). Но на своём пути она должна пройти через последовательные области планет, каждая из которых управляется своим главным гением. Эти гении были по природе, в некоторой степени, *материальными* и потому злобными, и в этом отношении они соответствовали семи дэвам, служителям Ахримана, которые, согласно Зороастру, прикованы к своей планете. Для получения необходимого разрешения на прохождение требовались разные заклинания для каждой Силы, которые всё уже были даны в Оригеновской копии диаграммы. Там были написаны следующие *имена*: Адонаи, гений Солнца, Иао – гений Луны, Элои – Юпитера, Сабао – Марса, Ораи – Венеры, Астафаи – Меркурия и Илдабаоф – Сатурна.[1]

Все эти имена можно увидеть, как правило, на наших талисманах, хотя, вероятно, они использовались в другом смысле, отличном от значения, данного автором Диаграммы. Ангелы евреев Микаэль, Габриэль, Суриэль, Рафаэль, Тантабаот и Эратаот также были написаны как имена гениев, управляющих созвездиями Медведь, Змей, Орёл, Лев, Пёс, Бык. Эти понятия явно уходят корнями в магию персов, заимствованную евреями в течение длительного периода времени, когда их страна была провинцией Персидской империи, и превратились в важный догмат религии.

1 Вышеупомянутый обряд обычно содержит *восемь* заклинаний к Тоту, представляя душу умершего хранителям такого же числа областей, которыми правил Тот.

Апостол Павел счёл нужным предупредить свою паству о «поклонении ангелам»; тем не менее, поклонение им и умножение их имён достигли такой степени, что Совет, собранный при Папе Захарии, уменьшил число этих объектов поклонения до трёх: Микаэль, Габриэль и Рафаэль.

Такое сокращение небесного воинства было одобрено капитулярием Карла Великого, изданным в Ахене. На рассматриваемой схеме Микаэль изображён львом, Суриэль – быком, Рафаэль – змеем, Габриэль – орлом, Тантабаот – медведем, Ониот или Зартаот – ослом.

Награда, обещанная Ангелу Церкви в Фиатире (Отк.2:28): «И я дам ему Утреннюю Звезду», похоже, связана с той же верой в правителей планет. Данте в своём «Рае», несомненно, по старой традиции, превращает Меркурия в обитель духов, движимых к славным поступкам в жизни благодаря любви к славе, Венеру – в обитель преданно любящих, Луну – в обитель богословов, Марс – в обитель мучеников за веру, Юпитер – в обитель добрых князей, а Сатурн – в обитель отшельников, ведущих созерцательную жизнь.

Вышеприведённые имена планетарных гениев были в еврейской религии именами или атрибутами Всевышнего, или его главными духами-служителями. Но в гностической *диаграмме* они понижены в своём звании и превращены во второстепенных божеств смешанного характера, причастных и к добру, и к злу, но одинаково стремящихся отвоевать души у Абраксаса, истинного Владыки и Создателя вселенной. Объяснить такое неправильное использование священных имён очень просто. Эти наполовину буддийские философы, которые считали, что корень всего зла в материи и, следовательно, в *материальном* творении, использовали эти древние святые имена для обозначения посредников Творца, которые из-за их служения считались просто демонами; и по точно такой же причине считается, что они незаконно присвоили самые священные имена христианского откровения. Но на наших талисманах нет никаких следов такого кощунственного извращения и бессмысленного осквернения древней терминологии, так как их создатели, принадлежавшие

к каббалистической школе Александрии, которая одинаково относилась к Моисею и Зороастру, продолжали с прежним благоговением использовать эти имена.

Источник такого представления о планетарных правителях прослеживается очень далеко вглубь веков. Учение о власти Илдабаофа или Сатурна и его сынов над душой, а также астрологическое представление о влиянии звёзд на судьбу человека, явно неотделимы от того, чему учили александрийские платоники в отношении планетарного происхождения души и её сил в изложение Макробия («Сон Сципиона» I, 12): «Душа при своём нисхождении от Единственного и Неделимого своего источника для соединения с телом проходит через Млечный Путь в Зодиаке в месте пересечения его в созвездиях Рака и Козерога, называемом Вратами Солнца, потому что точки солнцестояния находятся в этих знаках. Через Рак, Врата человека, душа спускается на Землю, которая является *духовной смертью*. Через Козерог, Врата Богов, она вновь поднимается на небо, её новое рождение происходит после освобождения из тела. Как только душа покинула Рак и Млечный Путь, она начинает терять свою божественную природу, и, дойдя до Льва, входит в первую фазу своего будущего состояния здесь внизу. Во время нисхождения душа, сначала имея форму *сферы*, удлиняется в *конус*, и начинает ощущать влияние материи, так что при вступлении в тело она опьяняется и ошеломляется небывалым питьём. На это состояние указывает кратер Бахуса, расположенный на небесах между Раком и Львом.

Душа, нисходящая таким образом, при прохождении через каждую сферу как бы последовательно получает *оболочки*, как бы светящегося тела, и одновременно получает некоторые способности, которые она использует во время своего испытательного срока на Земле. Соответственно на Сатурне она получает рассудок или рассуждение, на Юпитере – силу действия, на Марсе – яростное начало, на Солнце – чувственность и умозрение, на Венере – вожделеющее начало, на Меркурии – способность формулировать и выражать мысли, на Луне – способность порождать и растить тело». Следовательно, поскольку планеты содержат все элементы, которые, так

сказать, составляют внутреннего человека, гении или их правители («Владыки Смерти», как их называет Валентин) господствуют над душой посредством этих способностей, пока душа *покрыта коркой* их пожертвований во время своего заточения в теле.

Любопытно сравнить с этой теорией греков «доктрину слуг Сатурна» жителей крайнего Севера (безошибочно являющуюся фрагментом учения друидов), сохранённую Плутархом в своём трактате «О лике на Луне». Они учили, что при рождении человека Земля даёт ему тело, Луна – ψυχή [психи, душу], а Солнце – νοῦς [нус, ум]. И ψυχή для тела, то же самое, что νοῦς для ψυχή. Такая сложная природа подвержена двойной смертью. При смерти первой Деметра, спутником которой является Земной или Высший Гермес, насильственно отделяет ψυχή (животную душу) от тела. Душа после некоего покаяния в Месте Середины ради очищения от загрязнения плоти попадает на Луну и проходит сквозь тень Земли во время затмения после испытательного срока, пропорционального по времени её заслугам; тогда как нечестивые, если они попытаются войти до завершения своего очищения, будут отпугнуты ужасающим *Ликом*. Праведные пребывают на Луне и наслаждаются совершенным спокойствием, становясь δαίμονες *даймонами* или *гениями*, устраивающими человеческие дела на земле, оказывая помощь оракулам и подобные услуги человечеству. Но если эти блаженные духи неправильно себя ведут, они снова помещаются в человеческое тело и отправляются на Землю. (Это – то самое учение Мани, который заставил свет Луны зависеть от яркости благословенных её жителей, эту теорию Епифаний победоносно ниспровергает, спрашивая, как светило снабжалось светом в течение восьми веков, прошедших между Творением и смертью Адама?)

Но по прошествии некоторого времени νοῦς стремится вернуться к своему источнику, Солнцу, после чего Персефона со своим соработником, небесным Гермесом, мягко и постепенно отделяет его от более плотной ψυχή. Это есть Смерть Вторая; νοῦς восходит к Солнцу, а ψυχή остаётся на Луне в сонном состоянии, пока не будет постепенно поглощена её

субстанцией, точно так как Земля постепенно поглощает остатки тела. Спокойные и философские души легко растворяются, а энергичные, страстные, эротические натуры – с большим трудом. Они блуждают в пространстве Середины, лишённые молитв и становящиеся *Титьи* и *Тифонами*,[1] внося путаницу в оракулы, как это делает так называемый Тифон в Дельфах, пока, в конце концов, они также не привлекутся назад в субстанцию луны.

Юстин Кёрнер в своём трактате «Провидица из Префорста», улучшив прежнее понятие, наиболее изобретательно исследует внутреннего человека и изображает его состоящим из трёх частей: *Seele, Nerven-Geist, Geist* [нем. душа, нервный дух и дух]. Nerven-Geist или нервная энергия, будучи более грубой природы, продолжает сохранять союз с Seele после её отделения от тела, делая её *видимой* людям как привидение и позволяя ей разными способами воздействовать на материальные объекты: шуметь, перемещать предметы мебели, короче говоря, совершать различные беспокойства, известные под термином «es spukt»[2]. Из этого видно, что обычность таких посещений в Германии забавно подтверждается необходимостью изобретения безличной конструкции для выражения этого явления; как мы говорим «идёт дождь», «дует ветер», так и более чувствительные немцы говорят «бродят призраки». Согласно обучению в предыдущей жизни это сложное существо требует больше или меньше времени для растворения, и только *Seele* бессмертна, поэтому тевтонские призраки всё

1 Имена главных исполинов, которые воевали против Юпитера. Надпись явно имеет тот же источник, что и книга Еноха: «И гиганты, рождённые от духа и плоти, будут называться злыми духами на земле, и на земле будет их жилище. Злые духи должны исходить из их плоти, потому что они были созданы свыше, от святых наблюдателей было их начало и первичное основание. Злыми духами они будут на земле, и духами нечестивцев они будут называться. Жилище духов небесных будет на небесах, но на земле будет жилище земных духов, которые рождаются на земле. Духи исполинов будут подобны тучам, которые будут угнетать, вредить, падать, бороться и ставить синяки на земле» (XV, 8).

2 В немецком языке безличное предложение, которое на русский переводится: бродят призраки. – Прим. пер.

более и более уменьшаются, поскольку время их испытательного срока сокращается. Аналогично этому Платон объясняет *известные факты* об обитающих в склепах духах; будучи погружённой во время соединения с телом в грубые чувственные наслаждения, душа становится одинаково неспособной и не желающей покидать своего старого компаньона и жилища, прежде чем тело полностью не разложится. К приведённым выше теориям, объясняющим природу души и её предназначение недавнее открытие драгоценного памятника гностицизма, «Пистис Софии», позволяет нам добавить третью теорию, бесконечно более полную во всех её деталях. Это последнее откровение дополняет неоплатоновское учение, признавая, что астральные гении «Владыки Сферы» (Зодиака) *создают* души из своего собственного вещества, «из слёз их глаз и пота их мучений», оживляемых искрами того божественного Света, который не был ещё извлечён из их более полной природы. Эти владыки Зодиака, очевидно, соответствуют мятежным ангелам иудеев и семи дэвам персидских магов; на самом деле весь трактат более точно представляет религиозные идеи последних, чем любой другой системы.

Причина греха

(«Пистис София», 282). «И когда Спаситель сказал это, Он, продолжая речь, сказал Марии: «Ныне же слушай, Мария о том, о чём ты спросила меня: «Кто принуждает человека грешить?» Ныне же, когда (родители) родили дитя, когда *сила* в нём мала, душа мала и «дух подражательный»[1] (совесть) мал в нём, словом, все трое вместе малы. Никто из них ничего не понимает, будь то добро или зло, из-за бремени глубокого забвения (прежней жизни), которое держит их, и тело так же мало. Дитя же поглощает пищу мира архонтов. И душа притягивает к себе часть души, которая скрыта в этой пище, дух подражательный притягивает к себе часть злобы, которая пребывает в этой пище, и его (духа подражательного) похотях.

1 Ἀντίμιμον πνεύματος

И тело также притягивает к себе невосприимчивую[1] *материю*, которая есть в этой пище. Но сама *Судьба* ничего не берёт от этой пищи, ибо не смешана с ней, но в какой форме она вошла в мир, в такой, она и продолжает. Мало-помалу сила, душа, дух подражательный растут до полного своего размера, и каждый из них восприимчив согласно своей природе[2]. Сила восприимчива к поиску Света Вышины; душа восприимчива к поиску места Праведности, которое смешено, то есть место смешения; дух подражательный также ищет всякое зло, похоть и грех; а тело ни к чему не восприимчиво, разве что берёт силу из материи. Итак, трое восприимчивы, каждый по своей природе, а несущие возмездие (ἐριδαῖοι) посылают служителей, которые должны следовать за ними и быть свидетелями всех грехов, совершаемых ими ради выбора способа, каким их будут карать на суде. Дух подражательный также обдумывает и воспринимает все грехи и зло, которые приблизились к той душе, что исходит от архонтов великой Судьбы, и он приносит их в душу[3]. И внутренняя сила ищет Место Света и всю божественность, а дух подражательный отвращает душу и принуждает её совершать постоянно все его беззакония, все его страсти, все его пороки, и он остаётся чуждым душе и враждебным ей, заставляя её совершать все грехи и всё зло. Также он возбуждает служителей, несущих возмездие, быть свидетелями против неё во всех грехах, которые он заставит её совершить. И случается так, что он не успокаивается ни днём, ни ночью, он смущает её во сне или в похотях этого мира, заставляя её желать всякую вещь этого мира, словом, он требует, чтобы душа делала всё то, что архонты поставили перед ним, и *он* воюет с душой, заставляя её делать то, что ей не хочется. Поэтому он есть враг души, и он принуждает её совершать грехи всякого рода. Когда случается, что время этого человека закончилось, тогда приходит его Судьба и ведёт этого человека к смерти, назначенной ему архонтами через узы,

1 Αἰσθάνομαι. – Прим. пер.
2 То есть адаптированный согласно своей структуре.
3 Платоновская «divinæ particula auræ» [лат. частица божественного дыхания]; согласно Валентину избавление от смешения, μίγμα, было истинной целью нисхождения Христа на землю.

которыми связаны люди Роком. Потом приходят Приемщики, несущие возмездие, и выводят эту душу из тела, и после эти Приемщики обходят с душой все места, показывая ей Эоны этого мира[1], а дух подражательный и судьба следуют за душой, но сила, что была в ней, восходит к Деве Света. И после трёх дней Приемщики низводят эту душу в преисподнюю Хаоса и отдают её мучителям, (а Приемщики возвращаются в свои места) которые наказывают её в соответствии с мерой грехов, установленной архонтами для снятия вины с души. И дух подражательный становится стражем над душой, он приставлен к ней обличать её в грехах в одном месте наказания за другим, которые она совершила, и он ведёт душу в место архонтов Середины. И когда она предстаёт перед ними, они (архонты) вводят её в таинства Судьбы, и если они не находят их (таинства, отпечатанными на душе), они ищут свою собственную судьбу. И эти архонты наказывают душу по её грехам, что она заслужила. Я скажу вам о типе этих наказаний в «Эманации вселенной». Но когда случится, что окончены разные наказания этой души в темницах архонтов Середины, тогда дух подражательный выводит душу из всех их мест и приводит её к свету Солнца по велению *Первого Человека*[2] ИЕУ, ⲓⲉⲟ♈, и приводит её пред судьёй, Девой Света. Она испытывает эту душу и, если находит, что душа грешна, то зароняет в неё частицу силы своего света согласно её месту в жизни, её телу и доли восприимчивости. И Дева света ставит печать на эту душу и передаёт её одному из своих Приемщиков, который проследит, чтобы она была помещена в тело, соответствующее грехам, которые она совершила (в прошлой жизни). И воистину говорю я вам: она не избавит эту душу от перемены тел (различных перевоплощений) до тех пор, пока та не завершит свой последний круг в тех типах, которых она достойна. Обо всём этом я скажу вам – об их типе и типе тел, в которые помещают души согласно грехам каждой.

Но если это будет душа того, кто не подчинился духу подражательному во всех его делах, но был праведен и получил

1 По-видимому, контекст требует перевода: «показывая душу Эонам».
2 Зеир Анпин раввинов.

таинства Света, которые были в Первом Пространстве, или те, что будут во Втором Пространстве, или те, что будут в Третьем Пространстве, самой внутренней части (*святилища*), когда время этой души в теле закончится, и когда дух подражательный последует за душой вместе с судьбой, в то время как душа находится на пути, который ведёт в Вышину, и пока она далека от Вышины, она произносит таинство разрушения[1] всех печатей и всех уз духа подражательного, которыми архонты привязали его к душе. После произнесения этих слов разрешаются узы духа подражательного, и он прекращает преследовать душу и отпускает её по повелению, данному ему архонтами Великой Судьбы, которая говорит ему: «Не отпускай эту душу, пока она не скажет тебе таинства разрушения всех уз, которыми мы привязали тебя к душе». Когда душа, таким образом, освободится, она оставляет судьбу у архонтов пути Середины и разрушает дух подражательный, оставляя его архонтам в том месте, в котором они связывали его (в начале) с душой. И тотчас она становится огромным потоком света, очень сияющим; и Приемщики, которые вывели её из тела, пугаются этого света и падают ниц. И душа становится как бы *крылом*[2] *света*, и проходит через все области архонтов и все чины Света, пока не достигнет места своего Царствия, таинство которого она получила.

Но если это душа, которая получила таинство в Первом Пространстве Внешних (частей), после получения таинства и исполнения его, будучи обращённой, снова впадёт в грех, то когда её время в теле исполнится, и придут Приемщики, чтобы забрать душу, а дух подражательный с судьбой последуют за этой душой по причине печатей и уз, которыми душа связана с ними архонтами, тогда душа ещё на пути её преследователей произнесёт таинство, которое расторгает все узы и печати, тотчас они все разрешатся, и дух подражательный прекратит преследовать душу. И душа оставляет преследователей позади,

1 То есть, эта формула, возможно, является «таинством семи гласных», столь высоко оцениваемым в других местах.

2 То есть, нечто крылатое, соответствующее, возможно, древней эмблеме человекоподобной птицы, используемой в том же значении.

ибо никто из них не имеет собственной власти, но душа сохраняет свою власть. И тотчас приходят Приемщики, принадлежащие к таинству, которое душа получила, и забирают эту душу у Приемщиков, несущих возмездие, и те возвращаются совершать дела архонтов и занимаются тем, что забирают души. Но Приемщики этой души, которые принадлежат Свету, сами становятся крылом Света для этой души и одеянием света для неё. И они не ведут её в Хаос, ибо незаконно вести в Хаос душу, которая получила таинство, но выводят её на путь архонтов Середины. И когда они предстают перед архонтами Середины, архонты уходят с пути той души, будучи в великом страхе, в сильном огне, в разных обличьях, словом, будучи в страхе непомерном. И тотчас душа произносит таинство своего оправдания перед ними, и они падают ниц, будучи в страхе перед таинством и оправданием, которые она произнесла. И эта душа оставляет им их судьбу[1], говоря им: «Берите себе вашу судьбу! Не приду я в ваше место отныне; я сделалась для вас чужой навеки; я иду в место своего Наследия». Когда же душа сказала им это, Приемщики Света летят с ней в Вышину и ставят её перед Эонами Рока, давая ей право на слово оправдания этого места и его печатей, и душа показывает им духа подражательного и произносит таинство, расторгающее узы, которыми они связаны, говоря: «Вот, вам ваш дух подражательный! Не приду в ваше место отныне; я сделалась для вас чужой навеки». И она покажет каждому его печать и тип оправдания. Затем Приемщики улетят с душой и пронесут её через все Эоны, показывая печать и оправдание во всех местах царя Адамаса и архонтов всех мест Левой части (обо всех оправданиях и печатях расскажу вам тогда, когда буду говорить об эманации таинства). Затем они приводят душу к Деве Света, и она даёт Деве Света свою печать, оправдание и славу гимнов. И Дева Света с семью другими Девами все проверяют эту душу, чтобы найти на ней свои знаки, свои печати, своё крещение и своё помазание. Потом Дева Света запечатывает эту душу, и Приемщики Света крестят эту душу и

1 А именно: особую часть её состава, вживлённую в неё этими архонтами при рождении.

дают ей помазание духовное, и каждая Дева Света запечатывает её своей печатью. Затем Приемщики Света передают её великому Саваофу, Благому, тому, кто у врат Жизни, в местах, принадлежащих Правой части, тому, кого называют Отец, и эта душа отдаёт ему славу его гимнов, славу его печатей и его оправдания. Затем великий благой Саваоф запечатывает её своими печатями. И душа передаёт знание, славу гимнов и печати, принадлежащие всему месту тех, которые относятся к Правой части. Все они также запечатывают её своими печатями, и Мелхиседек, великий собиратель Света, который находится в месте тех, кто принадлежит к Правой части, запечатывает эту душу. Потом собиратели Мелхиседека запечатывают эту душу и ведут её в Сокровищницу света. И душа передаёт славу и честь, и все истинные печати во все места Света. Затем все, принадлежащие местам Сокровищницы Света, запечатывают её своими печатями, и она идёт в место своего Наследия».

Посмертное состояние непосвящённых

(261) «А затем вышла вперёд Мария и сказала: "Господь, а что праведники и люди совершенные во всякой праведности, будут ли человека, в котором нет никакого греха, мучить всеми этими судами и наказаниями или нет? И отнесут ли такого человека в Царство Небесное или нет?"

Спаситель в ответ сказал Марии: "К праведнику совершенному в праведности, который никогда не совершал греха, но всё же не получившему ни одно из таинств Света, когда приходит ему время выйти из тела, тотчас же подступают Приемщики, принадлежащие к одной из великих Троесильных, к той, что самая великая сила среди них, для того чтобы забрать эту душу у Приемщиков, несущих возмездие, и в течение трёх дней они будут обходить с той душой все существа мира (т. е. все творения). После трёх дней они низведут её в Хаос, так чтобы освободить её от[1] всех наказаний и всех судов, они

1 Защитить его от любых страданий.

должны привести её на все суды, но пламя Хаоса не причинит ей особого страдания; (262), тем не менее, они каким-то образом причинят ей страдания на короткое время, но вскоре будут иметь к ней сострадание и вытащат её из хаоса с тем, чтобы увести с пути Середины, и от всех его архонтов. И они не накажу её жестокими истязаниями, лишь пламя их мест причинит ей некоторую боль; и после того, как они приведут её в немилосердное место ΑΧΘΑΝΑΒΑΣ; они не будут мучить её там жестокими истязаниями, но будут держать там некоторое время, и она ощутит в какой-то мере жар мучений этого места. Но они быстро помилуют её и выведут из всех этих мест, а также не поведут её по пути, что идёт от Эонов, боясь, как бы архонты этих Эонов не схватили бы её крепко, но поведут её по пути солнечного Света, для того, чтобы привести её к Деве Света. И она испытывает эту душу, не найдёт ли она её свободной от греха, и приказывает не нести её к Свету, потому что *знака Царства Света* нет на ней; но она запечатывает её особой печатью, и заботится о том, чтобы та была помещена в тело праведности, принадлежащей этим Эонам. (263) Этот человек будет праведным, так что он получит печати таинств Света и унаследует его царство во веки веков.

Но если он уже согрешил однажды, дважды или трижды, они отвергнут эту душу, отправив её обратно в мир согласно *типу грехов*, которые она совершила; об этих типах я расскажу вам позже. Но истинно, истинно Я говорю вам, что даже праведный человек, который не совершил никакого греха, не может войти в Царство Света, если на нём нет печати таинства этого царства. Раз и навсегда я говорю вам, что душу нельзя ввести в это царство, если на ней нет таинства царства света"».

Будущие наказания

Гностики не преминули по примеру своих ортодоксальных соперников, использовать сильные стимуляторы ужаса, чтобы заполучить новообращённых, что наглядно проявляется в картине разнообразных мучений будущего мира, предназначенных в наследство всем тем, кто не приобрёл гносиса, проповедованного ими («Пистис София», 255):

> «И Иисус, продолжая беседу, сказал ученикам: "Когда я возвращусь к Свету, проповедуйте всему миру. Говорите им: непрерывно ищите днём и ночью, пока не найдёте таинства Царства Света, которые очистят вас и сделают вас чистым светом, и приведут вас в Царство Света. Говорите им: отрекитесь от мира и всякой *материи*, которая в нём, от всех забот и грехов одним словом, от всякого разговора в нём, чтобы быть достойными таинств Света, и чтобы спастись от всех наказаний, которые есть в местах суда. Говорите им: "Отрекитесь от ропота, дабы быть достойными таинств Света, чтобы спастись от огня Облика *Пса*". Говорите им: «Отрекитесь от послушания (миру), чтобы спастись от суда Облика Пса. Говорите им: отрекитесь от призывания (идолов), чтобы быть достойными таинств света и чтобы спастись от мучений *Ариэля*. Отрекитесь от лживого языка, чтобы спастись от горящих рек Облика Пёсьеобразного. Отрекитесь от ложного свидетельства, чтобы вас освободили, чтобы спастись от тех же рек. Отрекитесь от хвастовства и гордости, чтобы спастись от горящих ям Ариэля. Отрекитесь от себялюбия, чтобы спастись от суда *Орка*[1].

1 Кажется, что эти места и образы их архонтов были подсказаны нашему автору изображением Врат на египетских саркофагах, на которых сидит множество гениев с головами сокола, бабуина, человека, крокодила, льва, шакала, стервятника, плюмажа и змея; все вооружены мечами. Это были Врата, о благополучном прохождение через которые на пути к судилищу Анубиса были написаны молитвы в погребальном папирусе, похороненном вместе с умершим.

Отрекитесь от болтливости, чтобы спастись от огня Орка. Отрекитесь от несправедливых суждений, чтобы спастись от мук, которые есть в Орке. Отрекитесь от жадности, чтобы вам спастись от рек дыма Пёсьеобразного. Отрекитесь от любви к этому миру, чтобы спастись от горящих смоляных покровов Пёсьеобразного. Отрекитесь от грабежа, чтобы спастись от рек обмана Ариэля. Отрекитесь от плохих слов, чтобы спастись от мук дыма этой реки. Отрекитесь от нечестия, чтобы спастись от горящих морей Ариэля. Отрекитесь от немилосердия, чтобы спастись от судов *Драконообразных*. Отрекитесь от гнева, чтобы спастись от рек дыма Драконообразных. Отрекитесь от оскорблений, чтобы спастись от горящих морей Драконообразных. Отрекитесь от грабежа, чтобы спастись от их кипящего моря. Отрекитесь от воровства, чтобы спастись от Илдабаофа. Отрекитесь от злословия, чтобы спастись от горящих рек *Львинообразного*. Отрекитесь от вражды и ссор, чтобы спастись от кипящих рек Илдабаофа. Отрекитесь от упрямства, чтобы спастись от служителей Илдабаофа и его горящих морей. Отрекитесь от злых дел, чтобы спастись от всех дьяволов Илдабаофа и от всех его наказаний. Отрекитесь от безрассудства, чтобы спастись от морей кипящей смолы Илдабаофа. Отрекитесь от прелюбодеяния, чтобы спастись от морей серы и смолы Львинообразного. Отрекитесь от убийств, чтобы спастись от архонта крокодилов, который является первым существом во льду во Тьме Внешней. Отрекитесь от жестокости и безбожия, чтобы спастись от архонтов Тьмы Внешней. Отрекитесь от нечестия, чтобы спастись от плача и скрежета зубовного. Отрекитесь от колдовства, чтобы спастись от сильных морозов и града Тьмы Внешней. Отрекитесь от богохульства, чтобы спастись от великого дракона Тьмы Внешней. Отрекитесь от ложных доктрин, чтобы спастись от всех мучений великого дракона Тьмы Внешней.

Говорите тем, которые учат лжеучениям и всякому, который научен им: Горе вам, ибо, если не покаетесь и не оставите своих заблуждений, вы

будете ввергнуты в мучения великого дракона Тьмы Внешней, весьма жестокие, и те, кто в мире не смогут освободить вас из них во веки веков, и будете полностью истреблены. Говорите тем, которые пренебрегли учением об истине Первого Таинства: Горе вам, ибо ваше наказание будет тяжелее всех других людей. Вы будете пребывать на великом морозе, льде и граде посреди дракона во Тьме Внешней, и те, кто в этом мире никогда не освободят вас с этого часа навсегда, и вы будете в этом месте; при растворении вселенной вы будете поглощены, так что вы будете уничтожены навсегда».

Рис. 16

Свинцовые свитки-талисманы

Единственным классическим упоминанием использования такого инструмента для приведения в движение невидимого мира (не во благо, но во зло) можно найти в Анналах Тацита (II, 69), который, таким образом, перечисляет их среди средств, реальных или мнимых, с помощью которых посредник Ливии Пизо вызывал или усугублял смертельную болезнь пользовавшегося большой популярностью Германика. «Есть подозрения, что приступ (лихорадки) был усугублён ядом, принесённым Пизо. На самом деле, были обнаружены спрятанные в стенах дома фрагменты человеческих трупов, заклинания и проклятия, а также имя Германика, выгравированное на свинцовых свитках, и кроме того, пепел, наполовину сожжённый и пропитанный кровью, вместе с другими предметами колдовства, посредством чего, как считается, души переходят к богам преисподней». Замечательный пример практики такого злобного суеверия был опубликован Висконти («Opere varie italiane e francesi» «Разные итальянские и французские работы» di Ennio Quirino Visconti, т. III, 256). Найден лист свинца, свёрнутый в свиток, в гробнице, открытой у ворот Гиппотада в Афинах, причём копию свитка он получил от г-на Фовеля. Надпись со множеством орфографических и грамматических ошибок состоит из десяти строк, которые, по-видимому, были написаны четырёхстопным хореем и могут быть прочитаны следующим образом:

1. Ἑρμὴς χθόνιος, Γῆ κατοχός.
2. καὶ πρὸς τὴν Φερσεφόνην.
3. Φερσεφόνη καταδῶ Δεξίαν.
4. πρὸς τούτους ἅπαντας.
5. καὶ Κλεοφραδὲς.
6. καταδῶ πρὸς τοὺς αὔτους ἴοσι.
7. καὶ Ναυβάτην καταδῶ πρὸς τοὺς αὔτους.
8. Τληπόλεμον καταδῶ.
9. καὶ τοὺς μετὰ Κτησίου ἅπαντας.
10. καταδῶ.[1]

1 Κατάδεσις κατάδεσμος используются Платоном для колдовства, а еврейское слово «лехабер», завораживать, по существу означает связывать.

> «Гермес преисподней, заточивший в тюрьму Землю, а также Персефону! Я налагаю заклятье на Дексию перед всеми этими божествами, а также на Клеофрада, Наубатеса и Ктесия со всей его семьёй».

Умерший афинянин, несомненно, должен был уйти из этой жизни, исполненный любовью ко всем своим ближним, которые приложили столько усилий, чтобы он унёс с собой запись, так выразительно отражающую его желания относительно их имён. Это напоминает одного из старых монмутширских фермеров, который, по преданию, умирая от разрыва сердца, приказал вырезать на своей надгробной плите самые жестокие стихи из «Псалма заклятий» [Пс.108] на благо своего врага; что до сих пор можно видеть в Крайстчерче около Каерлеона в Монмутшире. Свитки Веруламия (стр. 339) содержали призывы противоположного характера, в интересах названных в них сторон. Ещё одной разновидностью являются свинцовые свитки, во множестве найденные в недавно обнаруженном храме Деметры в Книде. Некоторые, по-видимому, принадлежат к своего рода, Божьему суду, это – просьба о жестоком обращении с обвиняемой стороной со стороны Персефоны в мире ином, если они виновны в таком-то и таком-то обвинении. Другие содержат аналогичные плохие пожелания в отношении указанных лиц, которые причинили вред авторам. Самой любопытной из этих реликвий является свинцовая пластинка, найденная в Бате (1880 г.), с выгравированными четырьмя строками слов, расположенными в правильном порядке, но записанные в обратном порядке для маскировки, на квадрате размером около четырёх дюймов [10,16 см]. Зангемайстер прочитал её так:

> “Qui mihi mantilium involavit
> Sic liquat com aqua olla . . . ta
> Ni qui eam salvavit . . . vinna vel
> Exsupersus Verrianus Servianus
> Itianus Sagarbalis Cubus
> Minianus cum Sovina
> Ceramanilli.”

Такое прочтение не является удовлетворительным во многих местах. Потерянный предмет написан MATHV, MATEHV, если читать в обратном порядке, как и всё остальное, и поэтому не имеет никакого сходства с «mantelium» [лат. скатерть]. Недоброжелательность греческого характера проявляется больше всего ни в чём ином, как в открытой терпимости в использовании таких инструментов злобы. В большом храме Деметры в Книде г-н Ньютон обнаружил множество таких свинцовых свитков, призывающих месть богини места, её дочери и других адских богов на лица, названные по имени. Следует отметить, что это «dira detestatio» [лат. жуткое проклятие] не было связано с отказом от справедливого требования, как в случае с достойным силуром, о котором будет сказано далее, но было средством возмездия, к которому прибегали люди, слишком трусливые, чтобы использовать естественные средства, или, возможно, просто ради удовлетворения злости.

Как римский довесок к этому афинскому наследию проклятий, я копирую свинцовый свиток, найденный много лет назад в саду виллы Маненти, на Виа Латина. Де Росси, который впервые опубликовал его в «Бюллетень Института Археологии Рима» ("Bullettino del Instit. Arch. Rom.") за 1852 год, придерживается мнения, что орфография и символы указывают на дату последнего столетия Республики.

> "Quomodo mortuos qui istic sepultus est nec loqui nec sermonari potest, seic Rhodine apud M. Licinium Faustum mortua sit, nec loqui nec sermonari possit. Ita ut mortuos nec ad Deos nec ad hommes acceptus est, ita Rhodine apud M. Licinium accepta sit, et tantum valeat quantum ille mortuos quei istic sepultus est; Dite Pater! Rhodinen tibi commendo ut semper odio sit M. Licinio Fausto, item M. Hedium Amphionem, item C. Popillium Apollonium, item Vennonia Hermiona, item Sergia Glycinna."

Из этих строк легко выстроить рассказ об отчаявшемся любовнике, умирающим из-за вероломства прекрасной Родины, которая бросила его ради благородного Лициния. Фауст

молится богу ада, чтобы сделать возлюбленную неприятной для обладателя, а также наказать её помощников и пособников, чьи греческие прозвища указывают на то, что они находятся на положении вольноотпущенников.

В таком же тоне была написана угроза Божьей карой, звучащая для нас вполне курьёзно, но, несомненно, в своё время, имевшая в виду очень серьёзное обращение к Ноденсу; она была обнаружена среди развалин его не столь посещаемого храма в парке Локни Глостерского графства.

> «Devo Nodenti Silvianus anilum perdedit, demediam (sic) partem donavit Nodenti inter quibus nomen Seniciani nollis permittas sanitatem donec perferat usque Templum Nodentis».

В нём полуграмотный силур, что выдаёт его имя, бесхитростной грамматикой и орфографией умоляет местное божество никогда не позволять Сеницианy или кому-либо из его семьи наслаждаться здоровьем до тех пор, пока он не вернёт кольцо, согласно Сильвиану, его законному владельцу в храме Ноденса; в этом случае половина его стоимости обещается богу за его помощь в возвращении украденного имущества.

Такие благодарственные пожертвования «Neddyn diw» (возможно, идентичные этрусским «Nethunos») приносились медными монетами, все «лепты» которых шли на оплату мозаичных полов храма, о чём свидетельствует надпись на них. Их во множестве находили разбросанными по полу вплоть до Гонория. Затем во время какого-то внезапного налёта варваров всё было предано огню. Идея «связывания» практически осуществляется в заклинании VII «Магического папируса» Афанасия [Кирхера], который учит вас положить звено цепи (κρίκος) на свинцовую пластинку и, очертив её контур, писать по всей окружности обычную гностическую надпись (читающуюся в обоих направлений) без интервалов:

ΙΑΕѠΒΑΦΡΕΝΕΜΟΥΝΟΘΙΛΑΡΙΚΡΙΦΙ
ΑЄΥЄΑΡΙΦΙΚΡΑΛΙΘΟΝΥΟΜЄΝЄΡΦΑΒΑѠЄΑΙ

Внутри круга должна быть написана природа вещи, которую желательно предотвратить. Такое действие называется «Кольцом Гермеса».

Это звено нужно было завернуть в свинцовую пластинку и положить в могилу умершего до времени или же в заброшенный колодец. Приведённая выше формула должна по-гречески читаться так: «Не позволяй такому-то человеку делать то-то и то-то», это доказывает, что длинная строка эпитетов относится к одной и той же Силе.

Мы переходим к реликвиям того же рода, но с другими намерениями, являвшиеся такими же паспортами на вечное блаженство, о которых так часто упоминалось в предыдущей части трактата. Из них наиболее ярким примером является «Свинцовая книга», прежде принадлежавшая знаменитому отцу Кирхеру, в собрании которого она впервые появилась, но о *происхождении* которой ничего не известно, хотя Маттер *подозревает*, что это та же книга, которую Монфэкон передал кардиналу Буйону, умершему в Риме в 1715 году. Но это предположение совершенно необоснованно, как будет доказано ниже. Тот же автор в своём «Excursion Gnostique» [фр. «Гностический экскурс»] предоставил факсимиле семи страниц, составляющих эту книгу, которые теперь хранятся в Кирхериауме[1]. Листья сделаны из свинца, размером 3 × 4 дюйма [7,62 × 10,16 см], с гравировкой на каждой стороне, с религиозным содержанием заголовка, под которым находятся в каждом случае пять строк надписи, мистическое число которых, несомненно, было специально выбрано заклинателем. Эти строки написаны большими греческими буквами, квадратной формы и напоминают буквы, обычно используемые на гностических геммах. Сюда примешаны другие формы, некоторые из них напоминают символы, всё ещё актуальные для знаков зодиака и планет, а также египетское демотическое и пехлевийское письмо. Язык не похож на коптский, а скорее на какой-то семитский, многие слова составлены целиком из *согласных*, показывая, что гласные должны быть проставлены

1 Кирхериаум (итал. Museo kircheriano) – кабинет редкостей, основанный в 1651 году. – Прим. пер.

читателем. Самое интересное, однако, в этих реликвиях составляют рисунки в начале каждой страницы, на которых мы узнаём обычные фигуры гностической иконологии, а также другие новые персонажи, выполненные не стеснённым обычаями, смелым гравёром с наименьшим количеством штрихов. На основании Литании Мёртвых[1] и Диаграммы офитов можно предположить, что надпись внизу является молитвой, обращённой восходящей душой к определённым божествам, к каждому по очереди. Даже количество страниц, всего семь, поддерживает такое объяснение. Астральные правители, которых надо умилостивлять во время небесного путешествия, представлены следующим образом:

1. Обнажённая женская фигура, у которой явно выделен пупок («круг Солнца»): она делает жест поклонения гению в коническом колпаке и короткой тунике, вооружённом трезубцем, обычным оружием Шивы и поэтому присвоенным впоследствии средневековым Правителем Тартара.

Реверс. Пальмовая ветвь в круге или гирлянде, и большой Кадуцей.

2. Женщина в ниспадающих одеждах, обращающаяся к гигантской птице, слишком приземистой, по-видимому, чтобы быть ибисом Тота; возможно, хотели изобразить ещё более божественную птицу, феникс.

Реверс. Обнажённая женщина, поклоняющаяся некоему неопределённому чудовищу с большими ушами, находящемуся

1 На этих рисунках изображён бестелесный дух, который

> «…перед своим путешествием обращается с молитвами к различным богам, а затем начинает свершать подвиги. Он нападает с копьём в руке на крокодилов, ящериц, скорпионов и змей, которые его преследуют, и, проходя через тёмные области он, наконец, достигает земли Аменти, чьей богиней является сокол, сидящий на жёрдочке. Вот, солнечные лучи приветствуют его шаги, и он встречает среди других чудес голову Гора, поднимающуюся из цветка лотоса, бога Птаха, феникса, свою собственную душу в форме птицы с человеческой головой и богиню Исиду, как благого змея. Затем душа возвращается к мумии и вкладывает жизнь в её уста» (Шарп, «Египетская мифология», стр. 65).

на низком алтаре. Первая строка сопровождающей молитвы, кажется, начинается с букв Пехлеви, эквивалентных S, P, V.

3. Гор, опирающийся на орудие неизвестного пользования, предположительно огромную черепаху, лучше нарисован, чем всё остальное, ползущее к нему.

Реверс. Женщина в длинной ниспадающей одежде протягивает руки к голому младенцу (Гору?), который прыгает к ней с высокого пьедестала.

4. Анубис, одетый в короткую мантию (напоминающую мантию Мефистофеля), внимательно рассматривает высокую гору, вершина которой имеет форму головы орла.

Реверс. Женщина в лохмотьях, опираясь на посох, приближается к другой богато одетой и коронованной женщине, которая поднимает руки, как бы испугавшись призрака.

5. Абраксас в своей обычной форме смотрит на женщину в полном облачении, которая предлагает ему какой-то нечёткий символ, очень похожий на опрокинутое Е. Внизу молитва начинается со слова IAω; отсюда можно справедливо *предположить*, что первые буквы каждой надписи на других страницах обозначают имя божества, изображённого выше.

Реверс. Лягушка и змея нарисованы лицом друг к другу; древняя эмблема весны, но, вероятно, используется здесь в своём средневековом смысле как образы воскресения тела.

6. Безголовый человек с лучами, исходящими из плеч, и факелом в руке, изображён падающим, отвращаясь назад, при приближении крылатого дракона.

Реверс. Приземистая фигура в светящемся венце стоит анфас в позе египетского Тифона. На другой стороне стоит весьма нечёткая фигура, похожая на амура с квадратными крыльями, спиной к зрителю.

7. Женщина в одеянии, переходящем в дугу над головой, как обычно изображается Исида, протягивает руку к приближающемуся быку; последний нарисован значительно лучше всех остальных фигур. Можно узнать в этой группе Венеру и её охраняющий знак Тельца.

Реверс. К женщине, лежащей на земле, подходит большая птица, казалось бы, изображающая голубя.

В священных животных, изображённых в этих последовательных сценах, невозможно не обнаружить намёка на формы, которые гностики давали планетарным Правителям. Их легенда рассказывала о том, как Спаситель в своём нисхождении в этот низший мир избегал бдительности Властей, принимая их собственную *форму* при прохождении их сфер; отсюда можно предположить, что на подобные метаморфозы озарённой души намекают их необъяснимые рисунки.

Теперь мы переходим к рассмотрению второй реликвии того же рода, известной как «Свинцовая книга кардинала Буйона». Как Маттер мог предположить, что это та же книга, что была у Кирхера (если считатть, что он когда-либо сравнивал свои факсимиле с факсимиле Монфокона), совершенно непостижимо для меня. Монфокон на гравюре 187 отобразил каждый лист первой из упомянутых книг, по-видимому, воспроизведённых с достаточной точностью рисунков, по которым я продолжу описание с целью сопоставления их с рисунками, содержащимися в книге Кирхера, так как общая аналогия композиций свидетельствует об одинаковом предназначении обоих памятников, в то время как разница в деталях доказывает существование *двух* отдельных экземпляров этого интересного класса.

Эта вторая реликвия содержит всего *шесть* листов между двумя крышками, соединённых кольцами и закреплённых стержнем, проходящим через них; в то время как надписи, хотя и совпадают по количеству с надписями кирхерского экземпляра, но располагаются всего в *четыре* строки на странице и всего на *четырёх* страницах; на остальных восьми страницах только рисунки.

Итак, опишем эти рисунки, которые выглядят лучше, чем рисунки первого экземпляра[1]. Страница 1: встающий обнажённый мужчина. 2. Идущая полностью одетая женщина. 3. Та же фигура, протягивающая руку. 4. Анубис в короткой мантии. 5. Обычная фигура бога Абраксаса. 6. Человек с птичьей головой, окружённый лучами (Фре ?). 7. Бюст Сераписа. 8. Женщина,

1 Лучшее качество возможно только благодаря французскому копиисту.

лежащая на полу. 9. Фигура во весь рост в форме креста. 10. Лягушка. 11. Ибис или Феникс. 12. Женщина держит над головой расшитую звёздами вуаль.

Монфокон полагает, что все эти фигуры представляют гениев, руководящих *часами* дня, когда первый выражает *восход*, а последний *ночь*. Он обращает внимание на тот факт, что *седьмая* страница предназначена Серапису, которого иногда называют ἑπταγράμματος θεός [греч. семибуквенный бог]. Но на своей гравюре 188 Монфокон копирует из Музея Кирхерианум Бонони ещё одну свинцовую книгу, «найденную в гробнице», которая на самом деле содержит семь страниц и две фигуры в начале пробных страниц. И это была, возможно, книга, опубликованная целиком Маттером; хотя в настоящее время листы отделены и не связаны в книгу, что может быть результатом несчастного случая, происшедшего за полтора столетия с момента её первого обнаружения. Другое открытие такого же характера было сделано в наше время и исследовано с величайшей тщательностью. В 1852 году при раскопках руин гробницы на винограднике Марини [Vigna Marini Vitalini], около Порто Пиа [ворота в северо-восточной части Рима], был обнаружен мраморный саркофаг, украшенный барельефом, изображающим либо поклонение волхвов, либо прототип этой сцены «Рождение Нового Солнца». Пол могилы был вымощен мозаикой, не менее двусмысленной по теме, либо Мадонна с младенцем, либо, что более вероятно, исходя из сопутствующих обстоятельств, Исида, кормящая младенца Гарпократа. Несколько небольших саркофагов из терракота окружали большой саркофаг; в них было найдено много свинцовых пластин, свёрнутых в свитки и не связанных в книги. Одиннадцать из них всё ещё подлежат расшифровке. Маттер публикует факсимиле трёх из сохранившихся лучше всего, но ни на одной из них нет надписей, подобных описанным выше. На первой пластинке виден Анубис, одетый в длинную тунику и котурны [сандалии на очень толстой подошве], со свитком в руках. У его ног два женских бюста, ниже их два змея, обвивающие тот же предмет, что и на втором свитке, где также изображены те же бюсты, а именно: тело, обмотанное, как

мумия. На втором свитке эти бюсты расположены по обе стороны от большой фигуры Анубиса, сильно искажённой, но одетой, как упоминалось выше, и держащей крест «Знак Жизни». У его ног лежит тело, обвитое много раз огромным змеем Агафодемоном, хранителем покойного. Этот последний образ объясняет причину частого изображения на геммах мумии, обвитой змеем. По древнему поверью змеи охраняли гробницы, а также клады. Когда Эней приносит жертву на могиле своего отца (стих 84),

"Dixerat haec; adytis cum lubricus anguis ab imis
Septem ingens gyros, septena volumina, traxit,
Amplexus placide tumulum, lapsusque per aras;
Coeruleae cui terga notae, maculosus et auro
Squamam incendebat fulgor, ceu nubilus arcus
Mille jacit varios adverso sole colores.
Obstupuit visu Æneas. Ille agmine longo
Tandem inter pateras, et lœvia pocula serpens,
Libavitque dapes, rursusque innoxius imo
Successit tumulo, et depasta altaria liquit.
Hoc magis inceptos genitori instaurat honores;
Incertus geniumne loci famulumve parentis
Esse putet."

«Так говорил он – и вдруг появилась змея из гробницы:
В семь огромных колец изогнув упругое тело,
Холм семь раз обвила, с алтаря на алтарь проползая.
В тёмных пятнах спина, чешуя переливчатым блеском
Золота ярко горит; так, против солнца играя
Тысячей разных цветов, сверкает радуга в небе.
Замер Эней. А змея, извиваясь лентою длинной,
Между жертвенных чаш и кубков хрупких скользила,
Всех отведала яств и в гробнице снова исчезла,
Не причинивши вреда и алтарь опустевший покинув.
Вновь начинает обряд в честь отца Эней и не знает,
Гений ли места ему иль Анхиза прислужник явился».[1]

1 Вергилий, «Энеида», кн. V, ст. 84-95, перевод А. С. Ошерова – Прим. пер.

В третьем свитке наиболее ценным из всех является тот же Анубис, держащий в руке продолговатый предмет, возможно, римский *щит*, который нарисован так, что его контуры представляют латинский крест. На поле щита есть ряд гностических символов, среди которых выделяется сигил, описанный Александром Траллианом как лекарство от колик, а другие напоминают обычные масонские знаки. Например, восьмиконечный крест, круг и квадрат, вырезанные горизонтальными и вертикальными линиями; у ног бога ромбовидное египетское «Яйцо мира», к которому ползёт змея, свёрнутая в круг. Замечательным дополнением является надпись, высеченная на тунике полу-курсивом:

ⲕⲉⲃⲛⲩ ⲉⲕⲃⲗ
ⲫⲕⲩⲕ ⲕⲥⲓ
ⲃⲕⲉ ⲁ
ⲛⲫ ⲑ
✵

Под парами бюстов в других свитках есть буква Ω, повторяемая *семь* раз в строке: напоминание одного из «Имён», объяснение которого уже было дано из «Пистис Софии» (стр. 16). Весьма примечательна также строка букв, по-видимому, пальмирских на ногах первого Анубиса. Что касается фигуры *змея*, то если предположить, что эти талисманы исходят не от религии Исиды, а от более поздней веры офитов, он вполне может означать «истинного и совершенного змея», который «выводит души всех тех, которые доверяют ему, из Египта через Чермное море Смерти в землю обетованную, охраняя их на пути от змей пустыни, то есть от Правителей звёзд».

Что касается символов, которые в основном используются здесь и на других гностических памятниках, то их часто встречаемая конструкция из линий, оканчивающихся точками или головами, несомненно, говорит об их происхождении. В этом отношении и по общему виду они поразительно напоминают некие символы *древнейшего* вавилонского алфавита. Этот алфавит, простой по конструкции, появившийся

задолго до сложного *округлённого* начертания букв, может быть изобразительным, то есть иероглифическим, по своей природе. Весьма вероятно, что этот, почитаемый в древности, примитивный алфавит сохранялся в священных целях ещё долго после того, как он перестал употребляться в повседневной жизни. Клинописью продолжали пользоваться в Персии вплоть до македонского завоевания, и на ней, несомненно, писали жители этой страны (очень немногие из которых, вероятно, изучали язык новых правителей), пока она не была заменена своей последней модификацией или ранним пехлеви. Что же касается примитивных иероглифических букв, то естественно, что некоторые из их форм, выражающие своеобразные скрытые идеи (например ✵, означающая «Бога»), должны сохранять в практике магов мистическую, возможно, чудодейственную ценность, долгое время после того, как их первоначальное значение было забыто. И эти самые маги были учителями изготовителей талисманов гностических времён.[1] Это объяснение подтверждается недавним открытием, объясняющим, что в ассирийских надписях каждому божеству присвоено определённое *число*, которое часто ставилось вместо его полного имени. Например, число *Ану* (Плутон) равно 60, *Ваала* (Юпитер) – 50, *Эа* (Нептун) – 40. То же самое правило применяется для солнца, луны и планет. Поэтому более чем вероятно, что наши гностические талисманы демонстрируют нам те самые «числа Вавилона» ("numeri Babylonii"), от чтения которых Гораций отговаривает прекрасную Левконою в её опрометчивом желании узнать будущее. Такие реликвии древних халдейских преданий, как можно догадаться, никогда не перестанут воспроизводиться в своей изначальной форме;

1 Эта моя догадка, наконец, была подтверждена одним знатоком ассирийской литературы, профессором Сейсом. Он находит среди сигил на оборотной стороне митраической геммы (Гр. LI.1) обычные клинописные символы, несколько искажённые, обозначающие Бога и Небеса, BI и RI. Помимо этого, он признает, по крайней мере, три из кипрских слогов; другие напоминают ему кодовый алфавит Востока, который передал древний автор Ибн Вахаби, и который был переведён фон Хаммером.

нынешний пехлеви имел слишком недавнюю печать, чтобы навязывать суеверия.

Все числа сначала были буквами алфавита. Некоторые из неизвестных символов и «знаков масонов», найденные на талисманах, не могут быть ни чем иным, но *числами*, учитывая существенную роль чисел в нескольких ответвлениях гностической семьи. Такое понимание подтверждается тем, что Ипполит (египетское богословие) говорит о неком числе, затерявшемся в тексте, но из последующего отрывка понятно, что это число десять. «Оно является *священным числом*, записывается и привязывается на шею больным людям как средство исцеления. Подобным же образом некое растение, которое оканчивается на то же количество (листьев), схожим образом возложенное на больного, производит тот же эффект *силой* этого числа. Кроме того, врач лечит своих пациентов, если их количество составляет это число, в противном случае он делает это с большим трудом. Египтяне придают большое значение таким числам, и производят вычисление в соответствии с этим правилом; одни считают только гласные, другие все буквы слова». Упомянутое растение, возможно, было *Agnus castus*, которое по-прежнему считается турками как сильный амулет, и называется *каф Мирьям* [иврит] «рукой Марии»[1] из-за своего числового значения. Та же самая рука, сделанная из голубого стекла, повязывалась на шею детям или на ту часть тела, которую надо было защитить от дурного глаза. Опять же, Ипполит изобразил эту значительную секту маркосиан, как распространявшую лишь учение подобное «лоскутному одеялу, составленному из украденных понятий астрологии и из пифагорейской науки о *числах*». В их теософии священными числами были 30, сумма букв, составляющих Неизречённое Имя, и его слагаемые, а именно: 8, 10, 12, выраженные греческими буквами Η, Ι, ΙΑ или, опять же, сложной комбинацией этих чисел, дающих сумму 99, записываемую по-гречески буквой «ρ». В другом месте (IV, 51)

1 Ха́мса (араб. خمسة , ивр. חמסה) – защитный амулет в форме ладони, которым пользуются евреи и арабы. Слово «хамса» имеет семитские корни и значит «пять». – Прим. пер.

Ипполит замечает, что «почти каждая ересь обязана науке арифметике *изобретением* гебдомад и эманаций эонов, хотя разные учителя по-разному разделяют их и изменяют их имена, не делая в действительности ничего более. Таким образом, их истинным учителем является Пифагор, который первым принёс из *Египта науку об использовании чисел в таких вопросах*.

Говорят, что так называемые «пифагорейские цифры» неизвестной древности, благодаря или нет самосскому мудрецу, сохранены Боэцием, «последним из римлян», в его трактате об арифметике. То, что они были бы истинными прародителями наших *арабских* цифр, сразу становится очевидным при переворачивании символов, обозначающих 1, 2, 5, 7, 9, 0. Они похожи на некоторые слегка изменённые пальмирские буквы. Пальмирское письмо – это очень древний сирийский алфавит, полностью отличающийся по происхождению от пунического письма или пехлеви. Древняя особенность этого письма становится очевидной из того, что отмечает Эпифаний («Ереси» LXVI). «Мани разделил свою работу на 22 книги по числу букв в сирийском алфавите. Большинство персов пользуются сирийским алфавитом наряду с персидским, как например, у нас многие народы, имеющие собственный алфавит, всё же пользуются греческим языком. Другие гордятся тем, что используют наиболее совершенный язык, то есть нынешний пальмирский, как в разговоре, так и в письме, в нём всего 22 буквы».

При таком притворстве учёных мужей Персии существует веская причина для редкого появления пальмирского письма в заклинаниях, составленных и проданных магами или их наполовину греческими учениками во времена Римской империи. Практика уходит далеко за пределы эпохи великого ересиарха, так как многие известные вавилонские цилиндры исписаны не громоздкими клинописями, а семитским письмом, иногда напоминающим скорее пальмирское, чем пуническое письмо. И даже когда пехлеви стал государственным алфавитом Персии, существовала очень веская причина для культивирующих изящную литературу отдавать предпочте-

ние пальмирскому алфавиту, благодаря его богатству, так как их собственный алфавит имел не более пятнадцати разных символов. И, наконец, замечание Епифания обращает внимания на то, что некоторые Западные народы уже тогда имели собственные алфавиты, поскольку это доказывает, вопреки принятому мнению, что ещё в 400 г. н. э. они не были заменены греческими или латинскими буквами во всей римской империи.

Интересная тема о числах и глубоких понятиях, содержащихся в них, заставили нас отойти от предмета этой главы погребальных свитков. Христиане использовали их до сравнительно недавнего времени. Фауно описывает среди бесчисленных *безделушек* всех видов, положенных в гроб[1] младенца, имперской невесты Марии Гонории, «маленькую золотую пластинку, на которой были написаны или, скорее, нацарапаны слова по-гречески, Микаэль, Габриэль, Рафаэль, Уриэль». И аббат Коше нарисовал в своих очень интересных исследованиях[2] о старых нормандских кладбищах много свинцовых крестообразных пластин с вырезанными молитвами, которые обычно клались на грудь покойника. Из четырёх экземпляров, найденных на старом кладбище в Бутиле, Дьепп, наиболее полная формула, написанная буквами, которые не могут быть позднее XIII века, выглядит следующим образом:

> "Dñs IHC XPC qui dixit discipulis suis quodcunque ligaveritis super terram erit ligatum et in celis quodcunque solveritis super terram erit solutum et in celis. de quorum numero licet nos indignos nos esse voluit ipse te absolvet per ministerium nostrum quodcunque fecisti cogitatione locutione negligenter atque necibus omnibus absolutum perducere dignetur in regnum celorum qui vivit et regnat Deus per secula saeculorum amen. Omnipotens Deus misereatur animo Mesaline condonet peccata tibi preterita presentia et

1 Обнаружен в феврале 1544 года при раскопках фундамента часовни королей Франции в соборе Святого Петра в Риме, и подробно описан М. Л. Фауно в его «Antichità di Roma» [итал. «Памятники старины Рима»] с. 151 опубликованных 1553.

2 «Могилы галлов» (Sépultures Gauloises) Глава II. XIII.

> futura liberet te ab omni malo conservet et confirmet itinere bono et perducat te Christus filius Dei ad vitam eternam et ad sanctorum consortium absolutione et remissione penitentia tribuat tibi Masaline omnipotens pius et misericors IHC Amen."

Аббат утверждает, что этот обычай по-прежнему сохраняется в русской церкви на похоронах *nona*[1], когда после прочтения формы отпущения свиток вкладывают в руку умершего, который сопровождает его в могилу. Замечательные свойства чисел увлекали воображение человека, как только появилась наука об арифметике. Из-за их способности к бесконечному умножению древние присвоили им пол, сделав нечётные числа мужскими, а чётные женскими. Такое представление играет большую роль в теософии Марка. От такого представления легко было перейти к следующему шагу, признанию мистической силы за определённым сочетанием чисел, которые дают любопытные результаты вследствие их сложения. Из них наиболее ярким примером является магический квадрат; грандиозное средневековое заклинание от чумы и, следовательно, обращающее на себя внимание на картине Альберта Дюрера «Меланхолия», где печальная богиня сидит в мрачной задумчивости, окружённая эмблемами всех искусств и наук. Как бы мы ни складывали эти числа

4	14	15	1
9	7	6	12
5	11	10	8
16	2	3	13

в сумме будет одно и то же число, а именно: 34.

Знаменитый каирский маг сорок лет назад использовал диаграмму, построенную по тому же принципу, но с другими числами:

4	9	2

1 Так в тексте. – Прим. пер.

3	5	7
8	1	6

В середину которой на листе бумаги он налил немного чернил, служившие зеркалом, в котором появлялись призраки людей, вызванные жертвами его обмана. Чтобы завершить этот предмет соответствующим образом, приведём манускрипт пятнадцатого века из библиотеки этого колледжа, который среди множества заклинаний даёт это заклинания «для обретения благосклонности у всех людей», если его всегда носить написанным следующим образом:

A . X . H . B . X . U . Y . III . K . O

Рис. 17

Часть V.
Тамплиеры, розенкрейцеры, масоны

Inscriptiones propter quas vadimonium deseri possit: at cum intraveris, Di Deaeque! quam nihil in medio invenies.

Всё это – названия, ради которых человек может впасть в соблазн и даже не явиться в суд. Но когда вы начинаете вникать, о боги и богини! сколько пустоты!

Плиний,
«Естественная история»,
Предисловие

Сохранение масонами гностических символов

На первый взгляд совершенно невероятно видеть много гностических (прежде всего индийских) символов, так явно представленных в знаках и иллюстрированных формулах наших масонов, что также, по-видимому, относятся к первоначальному предназначению таких символов как толкователей самых сокровенных мистерий, человеческих и божественных; это обстоятельство само по себе придаёт благовидный оттенок претензиям этого ордена на самую почтенную древность. Можно процитировать слова Плиния Старшего о шарлатанах его времени:

> «Inscriptiones propter quas vadimonia deseri possint. Sed ubi intraveris, Dii Deæque! quam nihil in medio invenies».
>
> «От таких названий человек может отступиться, не давая ручательства. Если вникнуть, о, боги и богини, то до чего мало внутри!»
>
> *Плиний, «Естественная история», книга 1, глава 1*

Приятная иллюзия исчезает, когда мы приступаем к исследованию их происхождения, и братство, хотя и объявляющее их своими законными наследниками, в конце концов, оказывается просто вороной[1] во взятых на прокат перьях.

Для начала изложим притязания, которые недавно выдвинул один из их самых ревностных и драчливых защитников: «Само *название* может быть сравнительно современным, так как это общество в допотопный (!) или доисторический период, несомненно, не называлось масонством. Но *такое общество* было и дошло до наших дней». «По пришествии римлян в Британию, мы находим, что Цезарь и некоторые из римских генералов, которые сменили его в управлении островом, стали покровителями или защитниками этого ремесла, но нельзя найти никаких сведений в отношении принятых у них обычаев и обрядов в то время. Собрания членов их лож и конвенты были регулярными, но были открыты только для посвящённых членов. Это вполне свидетельствует о том, что то же общество, которое теперь есть повсюду, существовало и тогда, проводя заседания лож и конвенты и имеющее посвящённых членов. Я могу добавить, что можно представить обычный список Великих Мастеров настолько же подлинный и верный, как и список архиепископов Кентербери или королей Англии. Если это само по себе не является достаточным доказательством существования этого общества в Англии с самого раннего исторического периода вплоть до сегодняшнего дня, то я не знаю, что можно *было бы* признать достаточным доказательством».

> «Возвращаясь к 300 году нашей эры, мы находим, что император Караузий поддерживал его и назначил Альбана его камергером или Великим Мастером. Это был ни кто иной, как знаменитый святой Альбан, первый британский мученик,

1 Идиома: jackdaw in peacock's feathers – ворона в павлиньих перьях. – Прим. пер.

> родившийся в Веруламе, который сейчас называется Сент-Олбанс, Хартфордшир»[1].

Вышеупомянутое является необычайно блестящим образцом логики этого братства, которое предполагает, что в каждом замечании о *строительстве* или *строителях* в древности можно найти признание тогдашнего существования их общества, точно такого же, как в настоящее время. Древняя гильдия *каменщиков*, похоже, имела претензии такого же рода (если допустить подлинность *мнимой* бодлеанской рукописи, переписанной Локком). Их великий покровитель Генрих VI сообщает своему учёному, что «это таинство впервые завёз в Англию Питер Гауэр» (Пифагор); к слову сказать, искажение имени явно намекает на то, что он получил эти сведения из *уст какого-то француза*, вероятно, из свиты королевы. Не исключено, что эта связь отца математики со строительной профессией возникла из изучения этой науки греческими и римскими архитекторами, так как Витрувий неоднократно и настоятельно настаивает на знаниях по математике, как жизненно важных для его профессии. Но этот самый король, которого наши масоны признают своим главным реаниматором, выдвигает весьма убедительные доказательства против состоятельности их нынешних претензий. По совету епископа Винчестера, более известного как кардинал Бофорт, он принял закон на третьем году своего правления, запрещающий каменщикам проводить заседания ложи или любые собрания вообще; такая предосторожность явно была направлена не против более высоких понятий, а просто против собраний этого «профсоюза». Но в более поздний период он оказал каменщикам большую услугу и даже присутствовал на их встречах, как и его современник Яков I, король Шотландии. Но этот вопрос ясно изложен языком Закона[2]:

---

1 Из письма, опубликованного в «Конституции Корка», 15 января 1866 г. бакалавром и капелланом Джоном Милнером г-ну М.С. Гектору.

2 «Подробный Устав» (Statutes at Large), изд. Кебле, 1695 год, т. 3 Генрих VI, гл.1

> «Во-первых, если на заседаниях конгрегаций и конфедераций масонов в их великих капитулах и собраниях открыто нарушается доброе основание и действие «Устава лейбористов», что ведёт к нарушению закона и огромному ущербу всех общин, то наш вышеупомянутый Лорд Король в этом случае желает предоставить средство правовой защиты посредством совета и согласия вышеупомянутых общин, и по особой просьбе этих общин приказал и установил, что такие капитулы и конгрегации не будут в дальнейшем проводиться, а те, кто будут проводить такие капитулы и собрания, будут привлечены и судимы как уголовники. И что все другие каменщики, которые приходят на такие капитулы и конгрегации, наказываются лишением свободы, штрафом или выкупом по воле короля».

Язык этого Закона достаточно убедителен, но ради дополнительных доказательств я буду придерживаться той же позиции, представив краткий обзор этого *старейшего* и единственно *подлинного* документа на тему масонства. Этот документ является манускриптом («Bibliotheca Literaria», 17, A, I, 32), написание которого не может датироваться *позже* конца 13-го века, его копия была опубликована Дж. О. Холлиуэллом. Он начинается с истории архитектуры и становления искусства в Англии, а затем переходит к рифмованным Правилам ремёсел, составленным в точно таком же деловом духе, как и правила профсоюзов. Преамбула гласит: «Hic incipiunt Constitutiones Artis Geometricae secundum Euclydem» [лат. «Здесь излагаются основные законы науки геометрии согласно Эвклиду»][1]. Жил да был царь и его вельможи, и были у них такие большие семьи, что они не могли содержать их должным образом; посоветовавшись, они решили научиться какому-нибудь ремеслу, которое будет их кормить. Великий учёный Евклид предложил преподавать им геометрию, называемую масонством бывшим в то время самым честным ремеслом. Он приказал, чтобы самые лучшие из его учеников назывались остальными Мастерами,

1 Далее следует очень сжатое изложение смысла стихов древних каменщиков.

но никто из низших, *подчинённых* или *слуг* не должен так называться, но всегда только *дорогим братом*.

«Так, остроумно с геометрией пришло
Масонства первое к ним ремесло».

Евклид изобрёл эту науку и преподавал её в Египте; спустя много лет её привезли в Англию во времена короля Этельстана. Этот добрый король любил это ремесло и построил много башен, залов, жилищ и храмов. Но, обнаружив множество недостатков в этом ремесле, он решил преобразовать его и созвал *Ассамблею* всех каменщиков Англии, а также всех лордов и общин, и

«Пятнадцать статей они привнесли,
Ровно пятнадцать пунктов нашли».

Артикул I. Мастер должен быть справедливым и честным, и платить своим товарищам в соответствии с ценой провизии; не требовать больше от работодателя, чем он платит его людям; не брать взятки с обеих сторон.

II. Каждый мастер-каменщик должен присутствовать на общем собрании или *Ассамблее*, где бы она ни проходила, если только ему не мешает болезнь, иначе он будет считаться непослушным масонской ложе и исполненным лжи.

III. Подмастерьем нельзя быть менее семи лет, так как за меньшее время он не сможет изучить своё дело ни к пользе своего работодателя, ни к своей собственной пользе.

IV. Крепостного нельзя брать в подмастерье. В противном случае может случиться так, что хозяин выведет его из самой *ложи*, и тем самым вызовет большие волнения, потому что все каменщики встанут за своего собрата. Таким образом, учеников брали из родственников самого мастера; но в давние времена предписывалось, чтобы он был благородной крови, и даже сыновья великих лордов принимали эту геометрию.

V. Ученик должен быть законнорождённым, и здравым как умом, так и телом:

«Человек с изъяном крови такой

Для Ложи будет пользой небольшой
И у калеки тоже силы нет,
Что видно, лишь осветит его свет».

VI. Мастер не должен брать у своего работодателя такую же плату за ученика, как за опытного рабочего. Тем не менее, до того, как истечёт его срок, по мере возрастания знаний, его заработная плата будет пропорционально повышаться.

VII. Учитель ни за что на свете не должен одевать, кормить или утаивать вора, убийцу или человека с плохой репутацией, всё это позорит Ложу.

VIII. Если мастер обнаружит, что кто-то из его людей является неспособным, то он должен отказать ему, и взять другого на его место, «ибо рука такая почёт уменьшит Ложи той».

IX. Мастер не должен браться за работу, которую он не может выполнить, и должен видеть при закладывании фундамента, что он не прогнётся и не даст трещину.

X. Ни один мастер-каменщик не должен выживать другого под угрозой штрафа в десять фунтов, если только сооружение не рухнуло из-за неумения первого строителя. Согласно всем вопросам этой «особенной Ложи» каменщики должны жить вместе, как братья.

XI. Никакой каменщик не должен работать ночью, если только не пытается исправить ошибки.

XII. Никакой каменщик не должен осуждать работу другого каменщика, а скорее должен хвалить её, а если тот ошибся, то должен дать ему совет наедине, чтобы он исправил ошибку.

XIII. Ученика следует обучать всем отраслям дела, и ему нужно давать работу, соответствующую его способностям.

XIV. Мастер не должен брать учеников, если у него нет достаточного количества рабочих мест, чтобы научить их ремеслу.

XV. Ученик должен быть другом своему мастеру, он никогда не должен обманывать его ради другого человека, он не должен поддерживать собратьев в неправом деле, а также не должен давать ложную клятву.

Следующие *пятнадцать пунктов* были также предписаны в вышеупомянутом собрании:

I. Каменщик должен любить Бога, Святую Церковь и своих сотоварищей, где бы он ни находился.

II. Каменщик должен работать в меру своих сил весь рабочий день, и поэтому заслуживает вознаграждения в святой день.

III. Ученик ни в коем случае не должен разглашать какие-либо секреты ремесла.

«Пункт третий здесь особо нужно знать
Ученику, чтобы понять,
Как мастера совет хранить
И верным братьям своим быть.
Чтоб тайн *общин* не разглашать,
И лишнего о *Ложе* не болтать.
Что бы ни видел и ни слышал ты,
Ни словом никому не говори,
В собрании иль в доме у кого,
Храни молчание, прежде всего,
Чтобы никто не обвинил тебя,
В позоре страшном Ложи зря».

IV. Чтобы ни один масон не обманывал Ложу и не отстаивал своего дела вопреки её; не причинял ущерба ни мастеру, ни собратьям, и чтобы ученик пребывал в страхе.

V. Каменщики должны брать у мастера свою заработную плату, независимо от назначенной суммы, без споров. Если мастер не может найти для них работу, как прежде, он должен предупредить их до полудня.

VI. Если между каменщиками возникнут разногласия или ссоры, мастер должен заставить их отложить их урегулирование до следующего святого дня; и не позволять им делать этого в рабочий день, чтобы это не мешало работе.

VII. Не ложиться с женой или сожительницей мастера или брата под страхом наказания оставаться в подмастерьях ещё семь лет.

VIII. Если ты занимаешься какой-нибудь работой у своего мастера, будь верным посредником между твоим мастером и твоими собратьями.

IX. Когда братья *живут вместе*, они должны устанавливать поочерёдное дежурство, неделя за неделей. За провизию нужно расплачиваться по получению её, и нужно вести учёт общих расходов.

«Что из общего ты взял себе,
Как, когда, зачем и где,
Должен ты учёт всему вести,
Чтоб ответ пред братьями нести».

X. Если каменщик живёт неправедно и клевещет на свою работу, он должен без снисхождения предстать перед ассамблеей и быть наказанным в соответствии с законом древних предписаний, или в случае отказа он должен дать клятвенное обещание не заниматься этим ремеслом.

XI. Если опытный каменщик наблюдает за тем, как его собрат обтёсывает камень и, вероятно, портит его по своему неумению, то он должен спокойно объяснить ему как исправить это, чтобы не навлечь позора на всё дело.

XII. Всё, что предписано на ассамблее в присутствии мастера, собратьев, знати, бюргеров, шерифа графства и мэра города, ты должен отстаивать перед всеми своими собратьями, если кто-то захотел бы это оспаривать.

XIII. Каменщик должен поклясться никогда самому не быть вором и не подстрекать кого-то на это бесплатно или за вознаграждение.

XIV. Прежде чем ассамблея разойдётся, каждый должен принести клятву своему мастеру и собратьям, королю и всем присутствующим. Также нужно следить за тем, не нарушил ли кто-нибудь закон, и привести нарушителя на Ассамблею.

XV. И если такие будут признаны виновными, они должны отречься от этого ремесла:

«Закон есть клятву приносить,
Чтоб каменщиками впредь не быть»,

если они не согласятся на исправление. Если будут упорствовать, то шериф должен бросить их в тюрьму на срок, положенный законом, и забрать имущество и скот в казну короля. Ассамблея должна проводиться каждый год или, по крайней мере, раз в три года. На неё должны приходить все члены Ложи и все знатные люди для исправления нарушений законов и приношения клятвы подчиняться конституции короля Этельстана; и особенно для подачи смелого прошения королю, чтобы он поддерживал каменщиков повсюду и соблюдал те же законы.

Далее следует «Ars Quattuor Coronatorum» [лат. «Искусство четырёх увенчанных мучеников»], руководство по религиозному и нравственному долгу, а также по хорошим манерам в обществе.

«Четырём мастерам,
Кто каменщиками добрыми прослыли,
Гравёрами и резчиками те также были»,

было приказано императором поклониться идолу. После отказа он сначала заключал их в тюрьму, пытал и, наконец, предавал смерти. Это – «Четыре увенчанных мученика», и их праздник выпадает на восьмой день после дня Всех Святых. Спустя много лет после потопа Ноя было начато строительство вавилонской башни. Навуходоносор приказал построить её высотой около 10 километров на случай ещё одного потопа. Но ангел в наказание за его гордыню смешал языки строителей. После этого Евклид научил геометрии и дал своим ученикам следующие правила:

Поведение в Церкви. – При входе выпей немного святой воды, встать на колени, не сиди и не стой, не шуми и не разговаривай, но всё время произноси те молитвы, которые написаны в молитвеннике. Каждый день ходи к мессе, и, находясь на работе, произноси нужную молитву, когда услышишь звон колокола.

В обществе. – Приходя к господину, снимай шапку или капюшон и не надевай до тех пор, пока не будет предложено, два или три раза преклонись на правое колено, подними подбородок и приветливо смотри ему в глаза, не шаркай ногой,

не плюй и не сморкайся. При входе в зал к знатным особам, не будь самонадеянным относительно своего происхождения или мастерства:

«Если в зал входишь, помни тогда,
Делают человеком манеры всегда».

Когда садишься за трапезу, следи, чтобы руки у тебя были чистые, а нож острый, режь накрытые на трапезе хлеб и мясо. Если сидишь рядом с почтенным человеком, предложи угощение сначала ему. Руки не пачкай, не оставляй пятна на салфетке, не вытирай ею нос, и не ковыряй в зубах за столом, не пей с набитым ртом, не наклоняйся слишком низко над чашей, не разговаривай с соседом, когда пьёшь.

«В палате меж прекрасных дам,
Ты воли не давай словам, глазам».

Не говори о своих делах ни ради увеселения, ни ради похвалы. Общайся только с равными себе. Увидев почтенного человека, обязательно обнажи голову; иди немного позади него; никогда не прерывай его; будь кратким и честным в своих ответах и т. д.

«По великой милости Христос
Мудрость всей вселенной вам принёс.
Книгу эту, кто внимательно прочтёт,
Тот в награду небеса приобретёт.
Аминь! Аминь! Да будет так!
Ради Бога! Все скажем так!»

Любой обычный здравомыслящий читатель поймёт, что хороший священник, автор этого самого древнего дошедшего до нас документа, касающегося масонства, не имел ни малейшего понятия, что оно является *тайным обществом*, созданным ради какой-то сокровенной религиозной или политической цели. Сами правила, которые он, по его словам, почерпнул из конституций Этельстана, столь же просты и прозаичны, как и тезисы современного профсоюза, отличающиеся от последнего лишь большей примесью здравого смысла и честности и

наставлениями относительно поведения в хорошем обществе, как бы упреждая Честерфилда. «Секреты ложи» не что иное, как вопросы, связанные с ремеслом, обсуждаемые каменщиками в своих жилищах после работы, что неразумно было разглашать среди посторонних. Подойдя к самой важной стороне вопроса, что полностью подтверждается этими конституциями, можно сказать, что «Ассамблея» не являлась каким-то тайным капитулом, проводимым только Вольными и Принятыми Братьями, и что на самом деле её *должен* был возглавлять шериф графства и мэр города, где она проводилась! Ассамблея устраивалась для решения всех вопросов, связанных со строительством, будучи фактически ни чем иным, но лишь тем, что в те времена называлось «Assize of Labour» [«Выездная сессия суда по вопросам гильдий»].

Интересной особенностью трактата является факт приписывания этих «конституций» королю Этельстану. Существует очень веская причина принять это утверждение как основанное на достоверном предании. Саксонский принц был первым британским монархом, который обладал как богатством, так и склонностью к декоративной архитектуре или строительству любого рода. Его отец Эдвард Старший и его тётя Этельфледа «Леди Мерсии» записаны как первая саксонская династия, которая строила каменные укрепления вокруг своих главных городов. До этого саксы, как и все другие тевтоны, строили из дерева, причём каменщиков по мере надобности нужно было привозить из Франции, (о чём убедительно свидетельствуют многочисленные ссылки, которые излишне здесь цитировать), где искусство архитектуры всё ещё влачило жалкое существование после падения Империи. Этому способствовала протекция Церкви, которая продолжала богатеть и властвовать пропорционально умиранию римской власти. Простота конституций, предписывающих созыв простых *ремесленников* под председательством шерифа и мэра, символизирует истинно саксонское состояние общества и, более того, время, когда масоны были фактически работниками. Во времена нормандского правления обычные архитекторы (в некотором смысле) сначала появляются как

«мастера», которые почти всегда были церковниками. Более того, запрет на принятие «крепостного» в подмастерья безошибочно символизирует тот же ранний период, когда было узаконено домашнее рабство, а не только *крепостная зависимость*; нормандское законодательство не делает различий между вилланами [крепостными] и вольными.

Обри[1] действительно цитирует авторитетного Дагдейла[2] писавшего, что «Братство приёмных каменщиков», имевшее свои *знаки* и *пароли* для узнавания, было обязано своим появлением группе итальянских каменщиков, которые при Генри III получили от Папы патент на строительство церквей в Европе. Но абсурдность этого утверждения проявляется в одном факте: когда итальянцы того периода хотели воздвигнуть какое-либо важное сооружение, отнюдь не будучи компетентными сделать это для других народов, они были вынуждены обращаться к архитекторам из Германии и Франции. Приведём несколько ярких примеров, касающихся самых богатых и самых изысканных самостоятельных государств этой страны: Пиза наняла Гульельмо иль *Тедеско* спланировать свою знаменитую кампанеллу; Флоренция наняла Лапо, *псевдоним* Якопо иль *Тедеско*, отца того самого Арнольфо (который уже приобрёл высокую репутацию благодаря тройной церкви, построенной им в Ассизи для францисканцев), построить мост «алла Каррая», Барджелло или городскую ратушу, несколько церквей, а также построить дренажную систему на площади Гранде. Даже столетие спустя Висконти были вынуждены нанимать немецких архитекторов, чтобы спроектировать миланский собор «Дуомо». Правда, у Генриха III был на службе некий Пётр «civis Romanus» [лат. римский гражданин], но только в качестве художника-оформителя для мозаичной

1 Джон Обри (англ. John Aubrey, 1626-1697) – английский писатель и антиквар, известный в первую очередь как автор занимательных биографий великих англичан, а во вторую – как первый исследователь многих британских древностей, включая Стоунхендж. – Прим. пер.

2 Уильям Дагдейл (1605-1686) – английский антиквар. Как учёный, оказал влияние на развитие академического предмета – средневековой истории. – Прим. пер.

работы в Вестминстерском соборе. Но на самом деле, в течение всего готического периода, архитектура, как национальное искусство, можно сказать, вымерла в Италии, а центр искусства переместился в самую середину Франции.

Всё это свидетельствует о том, что наши масоны не имеют никакого фактического или традиционного отношения к средневековым гильдиям, носящим то же самое название, но эту претензию они весьма усердно отстаивают. Последние были союзами фактически трудящихся людей, в которых каждый человек после прохождения обычного ученичества, и, согласно обычаю, всё ещё сохраняемому в некоторых графствах, делал пробный образец, чтобы показать своё мастерство, и потом признавался «вольным» Гильдии и «принятым» в состав её членов. Трапезы, сопровождающие церемонию, поистине являются единственным сходством древних и современных масонов.

«Бюллетень «Monumental» за 1884 год, стр. 34, содержит мемуары «Les signes de Tacherons sur les remparts d'Avignon» [фр. «Знаки каменщиков на крепостных стенах Авиньона»], в которых приводится самая полная коллекция (шесть страниц) когда-либо опубликованных знаков. Их можно проследить от римских времён, когда они появляются в виде одиночных букв или в виде римской тахиграфии,[1] вплоть до фактических масонских знаков средневековья и современности. Многие наглядно изображают используемые в строительстве орудия. Некоторые из этих знаков, в основном знаков из Авиньона, можно увидеть на «табличке Бафомета» из Личфилда, которая, скорее всего, не может быть современной подделкой, а подлинным реестром таких сигил XVII века.[2]

Средневековая гильдия каменщиков, как мы видим, была не более тайным обществом, чем гильдии плотников, башмачников или портных. Каждому человеку, действительно

1 Тиро́новы значки – это обозначение впервые встречается у Гохора в 1550 году; до этого они назывались «значки» Цицерона или Сенеки – Прим. пер.

2 Самыми интересными из них по причине их ранней даты являются Знаки Масонов в Вестминстере, недавно опубликованные д-ром Фрешфилдом, в «Археологии», т. 50, часть I.

принадлежавшему к первой из названных гильдий (и это единственное, относящееся к этой Ложе, что действительно несёт таинственный отпечаток древности), по принятию в неё, присваивался *знак* (или код), который он был обязан ставить на все обрабатываемые им камни, (по-прежнему соблюдаемое правило), чтобы мастер при осмотре мог отличить его работу от работы его товарищей и заплатить ему за хорошую работу, но не платить за камни, испорченные по его вине. Подобным же образом каждый «Торговец склада» (Merchant of the Staple)[1] вместе со своими инициалами на печати или товарном знаке ставил *знак* города-склада, к которому он принадлежал. Этот последний знак, хотя одинаковый в общих чертах, всё же отличался, чтобы обозначить каждый из пятнадцати городов Англии, Ирландии и Уэльса, назначенных для этой цели Эдуардом III. Во всех средневековых документах, относящихся к строительству, имя «масон» означает просто рабочего по обработке камня, чернорабочего, который возводил стены из щебня или камня, и назывался «Rough-waller» «каменщик-чернорабочий». И наконец, возникает очень загадочный вопрос, если наши масоны являются законными преемниками в непрерывной линии древних лож и гильдий, как получилось, что все принципы готической архитектуры были совершенно потеряны менее чем за столетие?

Но вернёмся к самим знакам; были опубликованы многие их коллекции, собранные из областей их наиболее широкого применения. Их история действительно интересна, однако туманна: "res alta nocte et caligine mersae" [лат. «что сокрыто в глубине ночного мрака»]. Многие из них являются традиционными и восходят к самой глубокой древности, будучи найдены в финикийских[2] и греческих зданиях (а также на вазах и

1 Stabile emporium (лат.) – стабильный рынок, англ. *staple wares*, стабильный склад или просто *staples* склад. – Прим. пер.

2 Наиболее интересным экземпляром является камень во втором ряду Храмовой стены на юго-востоке Иерусалима, обнаруженный в январе 1869 года. На нём два глубоко вырезанных знака 卄 и H. Другие знаки, сделанные красной краской, напоминают финикийские буквы. Дойч видел много таких знаков на стенах старого Замка в Сидоне, построенного из древних материалов. Он

монетах ранних времён), а также в ещё большем изобилии и разнообразии во всей средневековой архитектуре. Эти знаки были сначала религиозными символами, многие из которых идентичны *кастовым знакам*, благодаря чему последователи разных индийских богов отличаются друг от друга. Также религиозное значение объясняет их появление на кельтских памятниках, например, на камнях-перемычках Стоунхенджа и на Ньютон Стоуне из Абердина, а также на многих галльских монетах. Но они на протяжении веков, уходящих вглубь дальше, чем можно проследить, выродились в простые подписи неграмотных ремесленников[1]. Чтобы проиллюстрировать это любопытное обстоятельство, я приведу несколько замечательных примеров лапидарной символики,[2] уступающих по старшинству недавнему открытию в Стоунхендже. Знак вырезан на упавшей пяте арки, лежавшей поперёк предполагаемого алтаря. Длина её девять дюймов [22,86 см], форма чётко выражена и её можно описать как полукруг и определить диаметр, она переходит во второй перевёрнутый и открытый полукруг при наличие римских букв L, V, и имея фактически вид *сигилы* или *nota scriptoria* [лат. письменный знак]. Этот знак по своему виду предполагает надпись LVCIUS. Если бы проницательный Стьюкли обнаружил эту надпись, он, бесспорно, приписал бы её, исходя из достоинства надписи, британскому Люциусу, столь известному по легенде. Не следует,

---

считает их числами, от единицы до 9, представленными вертикальными линиями, 10 – горизонтальной линией, 20 – двумя параллельными линиями и т. д. Однако смешно приписывать основание Храмовой стены архитекторам Соломона, вследствие известного факта, что она была прорублена через десять футов [305 см] мусора, сброшенного сверху; это доказывает, что она была построена много лет после того, как город был заселён, и, следовательно, является работой Агриппы.

1 Кто внёс уточнение в старую систему, а именно, обязательно завершать каждый знак нечётным числом вершин.

2 Знаки обычных каменщиков видны на больших обтёсанных камнях буддийских зданий в Сарнатхе, которые, как известно, были возведены до VI века н. э.; ещё больше камней того же рода можно найти на развалинах сооружений той же религии, которые ещё предстоит исследовать, как входящие в комплекс сооружений индуизма в соседнем Бенаресе. Шерринг, «Священный город индусов».

однако, скрывать, что наш модный скептицизм оспаривает реальность даже этого самого почтенного «почерка на стене». Д-р Турман отыскал троих заслуживающих доверия свидетелей, готовых дать показания под присягой, что они видели своими глазами, как какой-то незнакомец вырезал сигил[1]. Но поскольку было бы столь же легко посредством *наводящих* ловко заданных *вопросов* получить свидетельства от такого же количества «сельских юнцов» о том, что они присутствовали при возведении самого Стоунхенджа, подлинность этого знака (столь несовременного по конфигурации), как мне кажется, ни в коем случае не опровергается. Символические фигуры, спирали и странные круги можно найти на камнях в Ньюгрейндже, пещере Дрогеда, Раут Линне, Старом Бервике, Доддингтон Муре Нортумберленда и Лонг Мэге Камберленда. Последние были опубликованы в «Археологическом журнале».

Переходим к действительным кастовым знакам. Мы находим редкие намёки на их использование у древних авторов, которые утверждают, что символами, отличавшими три ордена египетского жречества, (XIX, гр. 78)[2] были знаки Θ, означавшее *солнце*, Т *вечную жизнь* и Δ *наслаждение*. У индусов равносторонний треугольник символизирует Махадэву или Шиву, то есть персонифицированный Огонь.

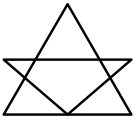
Тот же самый рисунок, но *перевёрнутый* символизирует Вишну или Воду.

---

1 Следует помнить, что камень настолько затвердел от выветривания, что не поддастся и самому лучшему долоту!

2 Списки масонских знаков были опубликованы в следующих работах: «Археология» (1845) Шотландии, профессор Чалмерс; в Бречине и подписи к свитку св. Нониана, датированные 1814 годом. То же самое от 1844 года содержит работу г-на Годвина с пятью гравюрами знаков из Англии (Глостер, Тьюксбери), Франции, Германии (Кёльн). «Annales Archéologiques» (1844-5), «Signes Lapidaires», из Кони, Авиньона, Дворца правосудия, Парижа, Венсенна. Реймс, Страсбург. Наиболее любопытными из всех являются знаки, которые опубликовал Узели («Путешествия», стр. 82), как «символы неизвестного алфавита», найденные им на камнях Старого дворца (мусульманского здания) Саадиталат близ Исфахана, и которые, тем не менее, имеют поразительное сходство с европейскими знаками.

Два треугольника, пересекающиеся друг с другом, образуют *шерхун* или шестиконечную фигуру; то есть соединение двух элементов.



Пятиконечная фигура, образованная путём деления пополам боковых сторон равностороннего треугольника линией, равной длине основания и прочерчивания ещё двух линий от концов первой линии до середины основания треугольника;[1] этот символ Шивы и Брахмы (последний есть бог с пятью головами) впоследствии стал знаменитой «Печатью Соломона». Это название, должно быть, имело место в древние времена, так как оно было высечено вместе с семисвечником на гробницах Сивиша, датирующихся со времён Нижней [Византийской] Империи.[2] Индусы по-прежнему чтут этот символ за его действенность. Подобным же образом шерхун выгравирован в увеличенном виде по обе стороны от ворот Форта в Агре, хотя здание построено мусульманами.

Точка или *Пуру* является самосуществующим Божеством, круг или Брахм – вечностью, следовательно, треугольник внутри круга является эмблемой Троицы в Единице, а круг, вписанный в треугольник, наоборот. Поклонники Шакти, женского начала, рисуют на священной вазе прямой угол, разделённый пополам линией; аналогичным образом поклонники Исиды использовали это, чтобы отметить сосуд, предназначенный для её обрядов. Но у вишнайвов есть для этой цели символ чудесной живучести и распространения. Его одинаково можно видеть на греческих монетах и вазах, на камнях Ньютона в Абердине, на церковной скульптуре, где он принимает имя «Тетрагамматон»[3], которое по неведению предполагали состоящим из буквы Г, повторённой четыре раза, а сила его произношения приравнивалась к силе священного «Тетраграмматона» или еврейского четырёхбуквенного имени Иегова. Этот знак является символом седьмого воплощения

1 Приведённое изображение добавлено для наглядности и отсутствует в тексте оригинала. – Прим. ред.

2 Многочисленные примеры можно увидеть в недавно обнаруженных катакомбах Рима.

3 Четыре буквы «гамма» – Прим. пер.

Шиталы, называемым «Триталесор», точный перевод имени *Трисмегиста* у алхимиков: его имя – *свастика*, эмблема – отречение; так что этот образ, возможно, перешёл в византийское искусство с некоторой рекомендацией в связи с его подлинным значением. В готической терминологии этот знак становится известным как «Fylfot» или свастика. Что касается этимологии, то можно рискнуть предложить следующую гипотезу. Свастика означала сначала скрещённые на груди руки, принятый индийский жест покорности, а также сложенные ноги, как обычно изображаются статуи Будды. Этот символ, очевидно, не что иное, как приблизительный контур рук и ног, сложенных таким образом. Нельзя ли поэтому готическое имя Fylfot применить к тому же символу, сохраняя через какое-то давнее предание его подлинное значение, *Fold-foot* или со скрещёнными ногами? Точно так же древние греки, по-видимому, поняли его истинный смысл, когда изменили его простую форму на три соединённые ноги, которые так метко намекают на название Тринакрия[1]. По всей вероятности, огромная популярность символа везде, куда бы ни проникала индо-германская раса, была вызвана тем же чувством, что делает его столь же уважаемым на земле его происхождения, его силой как талисмана охранять все места, где он нарисован. Индусы по-прежнему используют восклицание «свастика», как символ согласия, синоним слову «аминь», «да будет так».[2] В качестве символа отречения этот знак является отличительным для аскета. Когда человек хочет стать *бандьей* (буддийским монахом), ритуалы, необходимые для его посвящения, продолжаются в течение трёх дней, во время которых свастика торжественно устанавливается на алтаре из необожжённых кирпичей; неофит сидит на земле, сложив ноги таким же образом. В Китае этот знак является символом секты «пон», самой строгой секты буддистов, которые приписывают его изобретение самому Будде около шести веков до нашей эры.

1 Эмблемой Тринакрии является Трискелион (также трискель, трискел, трискеле, от греч. τρισκελης – трёхногий, символ в виде трёх бегущих ног, выходящих из одной точки. – Прим. пер.

2 Или, используя выражение каменщиков: «So mote it be!»

Этот факт может объяснить, как «отречение себя и взятие креста» означало аскетическую жизнь, так как настолько очевидны были следы влияния буддизма на секты ессеев, что, вполне вероятно, этот символ сохранил у них своё первоначальное значение. Свастика встречается среди символов древних джайнских царей Гуджерата (принадлежащих далёкой эпохе господства буддизма в Индостане) вместе с замысловатой фигурой, которая на греческих изделиях обозначает *лабиринт*. Другими знаками сект были три параллельные линии, расположенные горизонтально или вертикально, для обозначения соответствующих божеств. По-настоящему масонскими символами были колесо, полумесяц, сердце, *vesica piscis* [лат. рыбий пузырь], различные модификации для выражения ритуальных различий. То, что гностики заимствовали многие из этих символов непосредственно из буддизма,[1] добавив их к их старому запасу египетских образов, очевидно при рассмотрении любой большой коллекции гемм Абраксаса. Продолжительное влияние этого заимствования постоянно выглядывает оттуда, где меньше всего следует его ожидать. В лучшей из известных рукописей Апокалипсиса, работы французского иллюмината середины тринадцатого века (библиотека Тринити-колледжа, Кембридж), наиболее сложным из всех его украшений является заголовок к главе XIV, занимающий половину страницы. На нём изображён «Агнец, стоящий на горе Сион» в окружении святых, выше изображено Божество в виде огромного золотого *четырёхлистника* в окружении четырёх животных, которые носят имена евангелистов. С каждой стороны и ниже изображены двадцать четыре старца, расположенные группами по шесть, восемь и десять человек. На самом четырёхлистнике виден пустой престол, покрытый тканью с диагональными синими линиями. На каждой диагонали изображён красный круг, содержащий точку. Это *геометрическое* выражение идеи Божества, столь противоположное характеру антропоморфизма обычного

1 Скифик, наставник Мани по утверждению Епифания фактически заимствовал свои новые идеи у индусов во время своих визитов в Индию в качестве торговца из Александрии.

готического искусства, возможно, было вдохновлено манихейством, чей дух всё ещё проявлялся в южных французах. Но возвращаясь к источнику китайской системы, *янь* или мужской активный принцип имеет в собственном владении солнце, огонь и все высшие явления природы; ему принадлежат нечётные числа. *Инь* или женский пассивный принцип обладает землёй, луной и чётными числами. Такому же понятию о полах чисел учил Пифагор, а вслед за ним и гностик Марк. *Янь* представлен кругом, *инь* квадратом, две силы объединены двумя переплетёнными кругами ⚯, подлинный знак средневекового фемгерихта[1].

Итак, кратко остановившись на наших масонских символах, давайте перейдём к рассмотрению самого общества, и здесь всегда нужно помнить одно важное условие: масоны, которые в настоящее время составляют мистическое братство, взяли своё название по *случайному* обстоятельству от места их первого заседания. Именно в муниципальном зале лондонской гильдии масонов (ремесленников) проводились их первые собрания под руководством Кристофера Рена во время правления Содружества.[2] Их истинной целью была политика – восстановление монархии, отсюда отсутствие гласности и тайная присяга членов общества. Предлог продвижения изучения архитектуры и выбор места для своих встреч согласно профессии их президента, были не более чем уловкой, чтобы обмануть существующее правительство. Любопытная аналогия всему этому есть в истории другого известного общества так называемых неаполитанских *карбонариев*, которое так же получило своё название, терминологию и знаки отличия по случайным обстоятельствам, при которых оно было создано. Подобно сподвижникам Рена, первые карбонарии потерпели поражение от роялистов, а фанатичные республиканцы, объединённые в противоестественном союзе одной общей

1 Фемические суды, фемы, фемгерихт (ср.-нижн.-нем. feme) – система тайной судебной организации, появившаяся в Вестфалии в конце XII – начале XIII веков. – Прим. пер.

2 В апреле 1616 года, когда Эшмол был принят в члены. Другими, названными по этому случаю, были астролог Лилли, д-р Пирсон, два Уортона, Хьюитт и математик Оутред.

ненавистью к тем силами, которыми были старые бурбонисты наравне с химерическими основоположниками недолговечной «Партенопейской республики», одинаково вынуждены были спасаться бегством в горы; первые, чтобы избежать заслуженной мести французов под руководством Мюрата, последние от жестоких преследований кардинала Руффо после первой реставрации королевской власти в Неаполе. Эти отчаянные люди, скрывавшиеся в лесах Абруцци, были вынуждены маскироваться под единственных обитателей этих диких районов, *карбонариев* или угольщиков; это было наилучшим средством ускользнуть от преследования. После того, как их силы выросли до обычной конфедерации, внушающая страх маскировка была сохранена как *униформа*, мешок с углём был символом членства, мера угля – троном председателя, а их конклавы собирались, как правило, ночью в лесу. Когда Фердинанд, «Возлюбленный», прочно уселся на свой древний трон в третий и последний раз, его старательное уничтожение бывших друзей, конституционалистов, людей, почти таких же сумасшедших, как и первые патриоты «Партенопы», стало причиной тысяч изгнанников, вступивших в ряды карбонариев. Вскоре общество смогло установить отделения по всей Италии, благодаря отеческому правительству австрийцев и их *протеже*, различным реставрированным принцам линии Бурбон и Эсте. Таким образом, в наше время *карбонарий* и *либерал* стали означать почти одно и то же; а итальянский «карбонарий» знает о сжигании угля не больше, чем английский «масон» о строительстве.

Но хотя это Общество Масонов было учреждено в Лондоне и основало отделения по всей Англии, снабдив всех членов тайными средствами для распознавания друг друга, и всё только ради политических целей, но по своему истинному происхождению и природе масонство не имело никаких политических целей, и ни одно из вышеупомянутых провозглашений, сделанных в Лондоне, не было подлинным началом его существования. Его окончательная организация была лишь адаптацией к особой цели другого общества, достигшего в последствие своего апогея, а именно общества

розенкрейцеров. Если бы мы представляли себе, насколько в Англии[1] в то время были популярны астрология и алхимия, и что секта розенкрейцеров была по существу *протестантской*, то мы могли бы полновесно утверждать, что членами этой секты уже были многие англичане из числа образованных классов и философов тех дней. Последние были по большей части ярыми роялистами, ненавидящими установленный порядок вещей, которые наряду со многими фанатичными республиканцами были нетерпимы к новому деспотизму Кромвеля. В системе розенкрейцеров странным образом переплелись религия и философия, причём последняя обозначала нечто большее, чем просто астрологию и алхимию [2], а терминология одной из них была заимствована для выражения идей и чаяний другой. Эту гипотезу настоятельно рекомендует принять остроумный Де Квинси в его эссе под названием «Масоны и розенкрейцеры» («Лондонский журнал», 1824 г.), где он показывает, как изгнанные из Германии розенкрейцеры, вновь объявились в Англии как масоны, назвавшись так по имени места их собрания, и только. Согласно новому наименованию эта секта была повторно импортирована на континент в качестве *английского* института. Де Квинси, однако, считает, что их цель была чисто религиозной без какой-либо примеси политики, и в этом он отличается от Николаи, чьих взглядов в этом вопросе я придерживаюсь, так как Николаи, как *иллюмината* чистой

1 Оксфорд закончили два великих светила герметической философии, Роберт де Флактибий (Фладд) и его современник Евгений Филалет (Томас Воган). Последний, рождённый в 1612 году, по словам писателя (1749 ?) с 1649 года жил в Нюрнберге и возглавлял иллюминатов всего мира.

2 Для положения последней науки в этом столетии не может быть более убедительного примера, чем фактическое существование находящихся в обращении монет, заявляющих о себе, что они сделаны из герметического металла символами ртути и свинца (Ψ ♄), отпечатанных на их реверсе. Примерами таких монет являются три дуката Густава Адольфа (Парижский кабинет), талеры Вильгельма, ландграфа Гессе и современные монеты города Эрфурт. Этот вопрос подробно рассмотрен Мартином Регом в его сочинениях «Anciennes Pièces Hermétiques» [фр. «Древние герметические изделия»], «Revue Numismatique» [фр. «Обзор нумизнатики»] за 1867 год.

воды, несомненно, следует считать высшим авторитетом из них двоих.

Последний автор дал в своём сочинении «Тамплиеры» то, что, по-видимому, является лучшим подтверждением появления[1] и развития розенкрейцерства. Он указывает, как его основателя, лютеранского мистика И. В. Эндреа[2], суперинтендента на службе у герцога Вюртембергского в начале семнадцатого века. По крайней мере, сочинения этого богослова, в котором символы *Розы и Креста* занимали видное место, были первыми намёками, которые сделали существование братства известным внешнему миру. Но Эндреа, похоже, просто заимствовал символы и оккультные средства общения из уже существовавших с незапамятных времён сочинений астрологов и алхимиков (иными словами, всех богатых и учёных людей эпохи, когда император Рудольф II был величайшим покровителем «любопытных искусств», когда-либо описанных в истории) с тем чтобы использовать их в дальнейшем для своей пророческой схемы. Эта схема состояла в слиянии всех христианских сект[3] в одно всеобщее братство, и прожектёр мудро начал своё апостольство с попытки привлечь на свою сторону наиболее именитых людей, используя древние и почитаемые механизмы. Благонамеренный энтузиаст, по-

1 «Розенкрейцеры: их обряды и мистерии; с главами о древних огне – и змеепоклонниках, с объяснением мистических символов, изображённых на памятниках и талисманах первых философов». Харгрейв Дженнингс, Лондон, 1870 год. Поистине «масонское» произведение, без «системы в его безумии» [В этом безумии есть метод (система) – крылатая фраза из английского языка: "There's a method in the madness"], но ценное, так как даёт описание многих розенкрейцерских (или, скорее, каббалистических) символов, извлечённых из трудов Фладда. Более того, составитель наложил большую контрибуцию на моих «Гностиков» и даже воспроизвёл мои гравюры с разными причудливыми улучшениями, которые чудесным образом повышают их мистическую ценность.

2 Соломон Тембер, однако, в своих «Сборниках об истории розенкрейцерства» приписывает этой секте сказочную древность.

3 Точно такая же схема, основанная на иудаизме, признана преступлением, которое теперь держит в пожизненном заключении Николая Ильина, знаменитого «Монастырского Призрака» Соловков на Белом море, в России его считают пропавшим великим князем Константином. («Свободная Россия», Диксон).

видимому, проигнорировал замечание мудрого Юлиана («Аммиан Марцеллин», XXI 5:4), подтверждённое к тому же опытом всех последующих поколений, которое звучит так: «Nullas infestas hominibus bestias ut sunt sibi ferales plerique Christianorum» [лат. «Не так опасны людям звери, как смертельно опасны многие христиане»]. Разумеется, его схема всеобщего братства растворилась в дыме, как только она появилась, но более старая философия, чьё облачение он принял, расцвела с новой силой при новой организации и благозвучном имени.

Но прежде чем идти дальше, давайте ради развлечения послушаем историю розенкрейцеров и рассмотрим некоторые из их доктрин и символов, которые имеют большое значение для предмета нашего исследования. Розенкрейцеры, по словам Бойля, считают своим основателем некоего немца, известного только под инициалами А.С., который, отправившись в Дамаск в 1387 году, был научен этим таинствам в местной *академии арабских мудрецов*[1].

Вернувшись домой, он передал знания небольшому числу избранных сподвижников и умер в 1484 году. Важно отметить, что в этой легенде Сирия была центром новой философии. Розенкрейцерский символ веры согласно «Эссе о духах» (посвящённый г-ну Локку, 1647 г.), содержит среди прочего это явное признание пифагорейской системы:

1 Это предание может иметь некоторую долю правды, допуская ошибку относительно места. В Каире Фатемитские султаны (исмаилиты) за три столетия до этой даты основали знаменитую ложу, названную «Домом мудрости». Здесь ученик проходил девять степеней, начиная с повиновения, мистики, философии, сомнения и т. д., вплоть до абсолютного скептицизма. Уильям из Тира (XVI, 17) рассказывает удивительную историю о том, как Хьюго из Кесарии и Геффруа из Храма, посланных в Каир по делам Ордена, сам султан провёл во дворец [Хассан] Кашефа через многочисленные его дворы самой прекрасной архитектуры, полные странных птиц и зверей, до самого внутреннего зала, где султан сначала поклонился невидимому «Мастеру», занавески из золота и жемчуга внезапно были откинуты, и взору предстал владыка, сидящий в невыразимой славе на золотом троне в окружении высших сановников.

> "Ante omnia Punctum extitit, non mathematicum, sed diffusivum extrinsicæ Monados, intrinsicæ Myriados; omnia et nihil; Est et Non. Haec Monas commovebat se in Dyadas, et per Triadas egressæ sunt facies luminis secundi. Hic respiciens superiorem et inferiorem Parentem, iisdem deinde protulit Vultum Triformem."
>
> «Прежде всех вещей была точка, не математическая, распространённая вне монады, но внутри мириад; всё и ничто, да и нет. Эта монада переходит в дуаду и через триаду выходит в образе второго света. За этим наблюдает самый высший и самый низший Родитель, который потом предстаёт Трёхликим».

Во втором параграфе Кларксон[1] находит намёк на символ Vesica Piscis, который на самом деле представляет собой фигуру, образованную двумя кругами, пересекающимися в своих центрах; и по той же причине тайным знаком братьев фемгерихте были два круглых звена цепи. Яйцо, образованное *тремя* пересекающимися кругами, содержит в своей верхней части семь треугольников и столько же в нижней части, которые являются противоположными гениями Света и Тьмы. Оно было *идолом*, в поклонение которому Папы обвиняли манихеев (Кларксон, стр. 20). Более того, «Трёхликий» из этого символа веры привлекает наше внимание не случайным сходством с идолом, имеющим три лица, в поклонение которому так настойчиво обвиняли тамплиеров; истинное значение такого обвинения будет рассмотрено в надлежащем месте. Та же самая «tête d'un homme monstrueuse» [фр. голова человека-чудовища], образ «le Dieu qui ne meurt pas» [Бога, который не умирает], так часто упоминаемый в провозглашениях рыцарей, может быть признан вне всякого сомнения за отвратительную голову с бросающимися в глаза волосами, бородой и широко открытыми глазами, как будто только что отрезанной от тела и помещённой в ларец с надписью XPS,

1 «Символические свидетельства храмовой церкви. Были ли тамплиеры гностиками?»

которая многократно встречается на рисунках розенкрейцеров из «Diary of Hosea Lux» «Дневника Осии Лукса» [«Diary of Rosea Lux» «Дневник Рози Лукса»]. Эта – самая замечательная из сохранившихся или когда-либо написанных между 1568 и 1612 годами рукописей, полная мистических рисунков, прекрасно выполненных в карандаше и чернилах, которые могут быть либо пророческими символами, либо скрывающими *тайну* какого-то искателя эликсира жизни; последнее более вероятно, судя по постоянному размещению некоторых *многозначительных* эмблем. Этот автор, вероятно, принадлежал (как уверяет меня один масон) к ложе тамплиеров, о чём свидетельствует используемые им символы «рука в руке» и «нога к ноге». Представляя весь список старинных масонских знаков, но используемых розенкрейцерами в своих целях, этот дневник имеет огромное значение для истории Ордена.[1] Приведём некоторые из самых важных украшений этих мистических страниц; та же самая голова «Бафомета» появляется в другом месте, а именно: на ящичке с ретортой и с надписью «Печать Соломона»; над головой – диск, украшенный наподобие циферблата сердечками вместо цифр; на поле в обратном направлении написан девиз: «Timore et tremore» [лат. «В страхе и трепете»]. Другой рисунок изображает голову, парящую над ковчегом Завета, заключённую в очертания *сердца*, из аорты которого появляется обнажённый мальчик с пылающей звездой и полумесяцем. Ещё более загадочным является сердце с буквой Т, нарисованной над колоколом, покоящимся на звезде; над ними как вершина установлена Печать Соломона; её поддерживают столпы Яхин и Боаз, справа от которых сидит царь, а слева стоит обнажённый человек, который пронзает сердце длинным прутом. Необычен также человек с поднятыми руками, имеющий вместо лица печать Соломона с ретортой внутри. Другими символами, часто встречающимися на этих рисунках, являются обнажённый мальчик, растянутый на колесе или опять же сидящий на яйце, установленном на

1 Благодаря любезности нынешнего владельца, г-н Дж. Е. Ходкина, Ч.О.А. (член Общества антиквариев), у меня была возможность провести небольшое исследование этой рукописи.

подсвечнике; бюст короля, увенчанный крылатым полумесяцем (на котором даже новичок в алхимии может различить намёк на *металлическую* сурьму и *ртуть*); яйцо, содержащее круг, откуда выходят лучи света, вероятно, изображающее *тигель*, так как в другой рубрике изображена такая же фигура в печи, в которой младенческий металл восторженно выпрыгивает из её чрева; переплетённые пять звеньев цепи; все эти эмблемы розенкрейцеров теперь находятся в архиве у масонов. Эти рисунки, помимо их художественной ценности, связанной с необычной изобретательностью и невероятно филигранным исполнением (Лукс был известным гравёром по меди), чрезвычайно интересны, как живописное отражение герметической философии, всё ещё процветавшей во времена их изготовления. Из таких композиций ничто не может превзойти по тщательно продуманному исполнению и непроницаемой тайне большой рисунок обнажённой женщины, стоящей на музыкальных нотах, и держащей в правой руке факел, украшенный красивым лицом, откуда выходит пламя. Сова сидит на её вытянутой левой руке; на её груди вместо брошки голова Сола в полумесяце. На пьедестале установлен перегонный куб с длинным горлом, который является наиболее яркой эмблемой зарождающейся силы, выбрасывающей вверх струю жизни, которая попадает в рот херувима, чьи волосы образуют букет цветов, поддерживающий вышеупомянутый диск из сердец, а в руке он держит сноп. На поле изображена корона на маршальском жезле в форме фаллоса. Ещё один интересный рисунок – портрет человека в меховой шапке с плюмажем, на шее у него – кулон с надписью как на гемме G. A, из которого снова свисает человеческая нога; правой рукой он указывает на полумесяц, разделённый на три части, окружающие X. A. P., его левая рука покоится на голове могучего молота. Де Квинси в вышеприведенном эссе описывает рукопись Саймона Стадиона из Вюртемберга, написанную в 1504 году под названием «Naometria, seu nuda et prima Libri intus et foris scripti Expositio, et Prognosticticus» [лат. «Наометрия (размеры храма) или нагие и первые книги, изнутри и снаружи исписанные описаниями и прогнозами»].

Это серия сновидений и пророчеств, основанных на Апокалипсисе, в которой он говорит об «Stellæ matutinæ ductu anno 1572 conspectæ» [лат. «Утренней звёзде, появившейся в 1572 году»], и постоянно изображает на ней Розу и Крест, вот, поэтому он, в общем-то, считается розенкрейцером. Мартин Лютер также изображал на своей печати Розу и Крест. Какое-то глубокое религиозное значение, которое в то время хорошо понимали, вероятно, послужило причиной выбора этого символа «Tertius Elias» [«Третьим Ильёй», псевдоним Лютера].

Помимо этого долга розенкрейцерам, лондонские масоны также заимствовали большую часть своей фразеологии из работы лорда Бэкона, ещё свежую в умах людей, в которой, использовав профессиональный термин арабских астрологов «Дом Мудрости», он предложил основать «Дом Соломона» или научное сообщество, посвящённое развитию экспериментальной философии и науки. Эти философские и роялистские заговорщики, чтобы скрыть истинную природу своей деятельности, ввели конклавы в соответствии с правилами, предписанными Бэконом и те же церемониал и номенклатуру, которые они тщательно сохраняют до наших дней.

Окончательным и наглядным доказательством недавнего и *английского* происхождения масонства являются даты учреждения различных иностранных лож, которые согласно профессии являются филиалами материнского общества в Лондоне. Парижская ложа была основана не ранее 1725 года, мадридская в 1728 году, а флорентийская в 1733 году. И всё же Франция и Италия были местом рождения настоящего *ремесла* каменщиков и ареной славы его возрождения.

Ещё на одно важное обстоятельство следует обратить внимание, а именно на то, что *розенкрейцеры* по-прежнему встречаются среди парижских масонов как обозначение их высшего градуса (который присуждается выдающимся английским гостям), хотя все они отвергают этих мистиков как своих прародителей. Если принять этот факт, то он совершенно несовместим с их собственными претензиями на глубокую древность. Тем не менее они громко заявляют, что можно проследить их родословие по линии тамплиеров до того

великолепного сказочного происхождения, которое они присваивают себе.

Но вернёмся к Эндреа и той чести, которую Николаи приписывает ему как создателю и непосредственному родителю современного масонства. Вполне очевидно, что его знаменитый Розовый крест существовал многие века, прежде чем стал обычным знаком рыцарей-тамплиеров. Учитывая, насколько широко Орден раскинул свои ветви, завладел и присоединил к себе множество мужчин и женщин из мирян по всей Европе, было бы просто абсурдно считать, что все его традиции были сметены одним ударом, который поразил тамплиеров в 1307 году.[1] На самом деле парижские *храмовники*, как называет себя самое важное подразделение французских масонов, делают вид, что сохранили нерушимой преемственность Великих Мастеров, и, более того, сохранили архивы Ордена той поры. Также сообщается, что Франциск I был сожжён заживо с изобретательной жестокостью в «огненной ванне», причём четыре несчастных джентльмена были признаны виновными в причастности к тамплиерам[2], если это действительно так, то это служит достаточным доказательством существования этого братства ещё в то время, несколько опережавшее открытое появление розенкрейцеров. Поистине, он находился в таких обстоятельствах «semina odii in longum

1 Даже скептически настроенный Мишле допускает, что

> "il est possible que les Templiers qui échappèrent se soient fendus en sociétés secrètes. En Écosse ils disparaissent tous excepté deux. Or, on a remarqué que les plus secrets mystères dans la Francmaçonnerie sont réputés émaner d'Écosse, et que les hauts grades y sont nommes Écossais. V. Grouvelle et les écrivains a suivis."

> «вполне возможно, что тамплиеры, бежавшие будут разделены на тайные общества. В Шотландии они исчезают все, кроме двух. Тем не менее, было отмечено, что большинство сокровенных тайн в масонстве считаются родом из Шотландии, а высшие градусы назначаются у шотландцев. Он следовал В. Грувиллю и другим авторам» («История Франции», стр. 129).

2 Сообщено мне Братом; исторический авторитетный источник я не могу открыть.

jaciens» [лат. «потомком затаённой ненависти»], заимствуя сильное сравнение Тацита, когда (если верить заявлению Барруэля) *якобинцы* Спартака Вейсгаупта просто отплатили королевской семье по отложенной доставшейся по наследству мести, переданной им несколькими поколениями тайных обществ, исполнив последний торжественный обет Тамплиеров о мести Филиппу Красивому и всем будущим королям в его лице. По приказу того же Франциска I его генерал Альмейда с жестокостью, необычной даже в те времена, уничтожал оставшихся в живых альбигойцев, всё ещё скрывавшихся в деревнях Прованса; следует напомнить о том, что эта секта состояла из истинных манихеев, пришедших туда с востока сравнительно незадолго до этого. Как манихеи, они, естественно, сохранили символы и знаки для взаимного узнавания, что было в моде среди последователей гносиса, как свидетельствуют история и существующие памятники.

Такая система стала ещё более необходимой после того, как постоянные гонения превратили их конгрегации в обычные тайные общества. Но, уклоняясь от подобных размышлений, нам необходимо связать розенкрейцеров с древними Братьями Храма, чтобы объяснить использование ими гностических символов, которые явно присутствуют на гравюрах Эндреа, и которые с тех пор так старательно изображаются (хотя часто с ошибочной изобретательностью) фон Хаммером в его книге «Тайна Бафомета». Но даже его *неверно истолкованные* примеры доказывают одну и ту же истину, а его идолы Бафомета, поклонение которым, вероятно, стало самым большим обвинением, выдвинутым против тамплиеров (хотя, несомненно, по стилю и мастерству они относится к чинквеченто [итальянский стиль 16 века]), являются астрологическими и каббалистическими сигилами, пронизанными чисто *розенкрейцерским* духом синкретизма символических форм. Одной точки на этих скульптурах достаточно, чтобы расстроить всю детально разработанную систему фон Хаммера. Арабские надписи, вырезанные современными буквами «несхи», выдают их современное производство; поскольку, если бы они принадлежали ко времени расцвета тамплиеров, то,

естественно, использовалось бы примитивное куфическое письмо. Однако в то же время эти же надписи указывают достаточно чётко на источник учения, общий для всех подобных братств.

Но прежде чем анализировать этот последний и важный вопрос, к этой теме лучше подойти с рассмотрения основных аргументов, изложенных учёным востоковедом в поддержку своей теории. Предмет достаточно отражён в названии его трактата «Mysterium Baphometis Revelatum: seu Fratres militiæ Templi quà Gnostici et quidem Ophiani, apostasiæ, idololatriæ, et quidem impuritatis convicti per ipsa eorum monumenta» [лат. «Раскрытие тайны Бафомета, в связи с которой рыцари-тамплиеры, гностики и офиты обвинялись в отступничестве, идолопоклонстве и пороках своими собственными памятниками»] (опубликован в «Mines de l'Orient» [фр. «Копи Востока»], т. VI). Трактат обильно иллюстрирован изящными гравюрами магических статуэток, архитектурных орнаментов, мистических надписей, ваз и монет. Что касается *исторических* свидетельств, в основу своей гипотезы он положил некоторые главы артикулов обвинения, выдвинутых против тамплиеров и разосланных папой Климентом V всем архиепископам и т. д. Вот, они:

> "Art. 42. Item, quod ipsi per singulas provincias habeant Idola, videlicet *capita*, quorum aliqua habebant *tres facies*, et alia unam, et aliqua *cranium* humanum habebant."
>
> «Артикул 42. Кроме того, в каждой провинции у них были свои идолы, а именно головы,[1] некоторые из них имели по три лица, другие одно, а у некоторых внутри был человеческий череп».

1 Такую серебряную голову фактически нашли в парижском доме капитула; но тамплиеры выдали её за ковчег для мощей, содержащий череп одной из 11 000 дев, несмотря на длинную бороду, которой она была снабжена (Райн, стр. 299). Считается, что нашли в другом месте ещё одну голову с числом LIII. Эти проклятые свидетельства, естественно, были устранены тамплиерами после первого сигнала тревоги.

"Art. 54. Item, quod aliquod caput illorum cingebant seu tangebant chordulis quibus si ipsos cingebant, circa camisiam seu carnem."

«Артикул 54. Кроме того, вокруг головы обвязывали тонкие верёвки или прикасались ими к ней для ношения поверх нижней рубашки или на теле».

"Art. 55. Quod in hac receptione, singulis fratribus prædictæ chordulæ tradebantur, vel aliæ longitudinis earum."

«Артикул 55. Кроме того, при вступлении в орден, каждому брату вручались упомянутые верёвки или её кусочки».

Обряд обвязывания освящённой верёвкой имеет поразительную аналогию с поясом кушти[1], предусмотренным зороастрийской религией и до сих пор соблюдаемым всеми парсами при посвящении (которое бывает при достижении семи лет), и с тех пор этот пояс постоянно носят поверх рубашки. Этот отличительный знак был, прежде всего, сохранён Мани (персидским магом) при христианизации вероучения персов. Другие артикулы, которые не стоит цитировать, ссылаются на обязательное соблюдение противоестественных практик. Но с самого начала это последнее обвинение, не требующее доказательств, потому что в него легко верили, возбуждалось в отношении членов всех тайных обществ, как Овидий показывал на примере традиционного отношения к Орфею, признанному основателю греческих мистерий.

"Illetiam Thracum populis fuit auctor amorem
In teneros transferre mares, citraque juventam,
Ætatis breve ver et primos carpere flores."[2]

1 Жена мобеда или жреца огнепоклонника сплетает его из семи нитей.

2 «Dum erat juvenis sæcularis, omnes pueri clamabant publique et vulgariter un al adumum, Custodiatis vobis ab osculo Templariorum» (Уилкинс, «Conc. Britann.», II, стр. 360)
«Пока юноша был язычником, все дети обычно кричали открыто,

«Стал он виной, что за ним и народы фракийские тоже,
Перенеся на юнцов недозрелых любовное чувство,
Краткую жизни весну, первины цветов обрывают».

«Метаморфозы», X, 83-85
[Перевод С. В. Шервинского]

Кларксон совсем недавно обсуждал этот же вопрос в своём очень остроумном эссе «О символическом свидетельстве тамплиеров». Были ли тамплиеры гностическими идолопоклонниками, как утверждали? Он стремится доказать их манихейство посредством *архитектурных* элементов их храма и геометрических пропорций, которые можно обнаружить в плане первого этажа. Но рассуждая беспристрастно, такие аргументы не имеют большого веса, поскольку их можно было найти, если поискать (с аналогичным предубеждением) во многих других зданиях, как средневековых, так и современных, и не имеющих никакой связи с тамплиерами. Опять же неотвратимым возражением против его теории является тот факт, что все такие «круглые церкви» представляют собой копии Гроба Господня в Иерусалиме, который, будь то постройкой Елены или просто готической реконструкцией франкских королей (что более вероятно), безусловно, не подвергался влиянию тамплиеров при разработке плана. Елена предала церкви круглую куполообразную форму просто потому, что эта форма, согласно римскому понятию, сохранившемуся от древних этрусков, считалась наиболее подходящей для *гробницы*. Поэтому, чтобы далеко не отклоняться, эта форма была принята для гробницы самой Елены (*Torre pignatara*) и для её сына Константина. В качестве иллюстрации своей гипотезы Кларксон приводит утверждение Климента Александрийского о «Первоначальных элементах» древних египтян и *полагает*, что они были *квадратом, углом, полукругом, кругом, овалом, линией, волнистой линией, треугольником и крестом*. Они представляли семь первоначальных согласных, изобретение которых было приписано Мемнону, а именно буквы с их похожим звучанием: B, C, D, L, M, N, S. Если эта теория имеет

храните себя от поцелуя тамплиеров».

хоть долю истины, то частое изображение этих символов в надписи на талисманах получает удовлетворительное объяснение.

Итак, настало время вернуться к идолам Бафомета фон Хаммера и его глубоким объяснениям их чисел и надписей. На первый взгляд видно, что идея большинства из них была предложена римским Юпитером Геркулесом или Силеном (классические типы, кстати, совершенно неизвестные искусству XII и XIII веков). У них *тройные* головы, или, вернее, лица, а глаза и уши разбросаны по всему телу, которое к тому же украшено планетарными знаками. Наш автор без колебаний помещает его, как подлинный образ «Старика», которого почитали рыцари и столь упорно описывали свидетели, выступавшие против них, как «une ydole avec trois faces» [фр. «идол с тремя лицами»][1]. Большинство этих же статуэток опоясано змеями, кусающими свой хвост, или в различных необычных позах, дающие вполне достаточные основания для фон Хаммера связать их с мистериями офитов. Но этот самый атрибут вместе с многочисленными глазами, разбросанными по телу скорее напоминает подобные индийские скульптуры Индры, например, тысячеокого бога небес. Подобные причуды нашли своё воплощение даже на платьях в век Чинквеченто; так, королева Елизавета нарисована в платье, украшенном подобным образом. На некоторых из этих фигурок на шее висит египетское тау (*marculus* или масонский *молоточек*). Но, как уже было отмечено, художественная композиция этих хорошо выполненных чудовищ и классические *мотивы* повсюду, проглядывающие сквозь их очертания, кажутся совершенно

1 Car tantôt après ils alloient adorer une *Idole*, et pour certain icelle idole était une vielle peau, ainsi comme toute embaumée, et comme toile polie; et illecques certès le Templier mettoit sa tres vile foy et croyance; et en lui tres fermement croyoient. Et en icelle avoit ès fosses des yeux escarboncles reluisants comme clarté du ciel; et pour certain toute leur esperance étoit en icelle, et étoit leur Dieu souverain, et mêmement se affioit en lui de bon Coeur. (Art. 3. Vie de Philippe le Bel, chap. 66. 'Chronique de S. Denys').

чуждыми своеобразной простоте искусства раннего средневековья.

Три «сосуда для крещения» или *купели*, о которых он так много говорит, – всего лишь небольшие каменные кубки высотой в шесть дюймов [15,24 см], покрытые барельефами, фаллический характер которых, казалось бы, указывает на их использование при приготовлении эликсира жизни из его самых простых ингредиентов. Второй из этих барельефов, объяснённый как «крещение огнём», на самом деле напоминает нам о «двенадцати пытках» митраистских каменных табличек; потому что на нём изображён обнажённый мальчик, держащий различные инструменты: топор, лиру, ведро Анубиса, а также другой мальчик, трубящий в рог и раздувающий огонь в печи. Однако орнамент третьей вазы очень напоминает иудаизм изображением вознесённого медного змея, хотя женщина, лежащая внизу, похоже, скорее ласкает обвивающую её живую гадину, чем боится её объятий. В то время как семисвечник Скинии, который вторая женщина гасит из сосуда («Мет» согласно предположению фон Хаммера), олицетворяет обычного голландского Соломона, но с поднятыми руками, с которых спадают цепочки, символизирующие один и тот же источник вдохновения. Вакхические и сидерические символы, среди которых преобладает фаллос, обильно разбросаны по полю. Но арабские надписи *современного* письма в данном случае, а также классическая композиция во втором случае, вполне могут убедить здравомыслящего археолога в том, что все три сосуда есть не что иное, как часть принадлежностей розенкрейцеровских или алхимических шарлатанов, которые жирели на легковерии архи-виртуоза Рудольфа II, со времени царствования которого эти «купели» хранились в Имперском кабинете. Достаточное представление о том, как фон Хаммер объясняет эти памятники, даёт его толкование арабской надписи на свитке, изображённом в руках его «Мет» (по его мнению, *Софии* офитов), женщины, но с бородой, чей пол нарочито демонстрируется: «Exaltatur [Omnipotens] Mete germinans, stirps nostra Ego et Septem fuere. Tu es unus Relegantium. Reditus

πρωκτὸς fit». [лат. «Всемогущий Мет пустит ростки, будут побеги наше эго и семь. Ты есть единственный возвращающий… Возвращение станет πρωκτὸς[1]».]

Идол Бафомета, «голова старика», который так страшно описывается в артикулах обвинений, напоминает венценосного Озириса, изображённого анфас или во весь рост, что часто можно видеть на некоторых крупных зелёных яшмах, которые значительно отличаются по стилю от подлинных гностических талисманов Нижней империи, но скорее чем-то напоминают средневековое или арабское изделие. Например, Распе[2] публикует гемму (№ 588) с «Богом-Отцом», увенчанным пятью звёздами и несколькими варварскими персонажами. На реверсе квадрат, шар, пятиугольник Пифагора и несколько астрологических и геометрических фигур. Такой талисман был недавно найден в гробнице *рыцаря-тамплиера*, открытой в Германии. И здесь в скобках можно отметить, что наши масоны, чтобы придать больший колорит своим притязаниям на происхождение от тамплиеров, постоянно говорят о них как о величайших *строителях* своего времени и лучших покровителях *подчинённого* им сообщества рабочих каменщиков. Ничто не может быть более безосновательным, чем это утверждение. Орден вкладывал свои богатства в гораздо более выгодное предприятие, чем в камень и строительный раствор, и в действительности ничего не сделал для архитектуры, по сравнению с великими монашескими орденами того же периода. В доказательство этого, несмотря на свои огромные владения в Англии, было построено не более *четырёх* церквей «храмовников».

Многие из многочисленных примеров, приводимых фон Хаммером, которые он так неустанно собирал, являются по своей природе, по-видимому, довольно враждебными католическому искусству, и поистине гностического и восточного характера. Среди них выделяются три вышеописанные сосуда, которые он считал образцами истинного «Св. Грааля», мистической чаши, которая так ярко сверкает в ранних

1 Πρωκτὸς (греч.) – анус. – Прим. пер.
2 Описательный каталог гравированных гемм.

романах о рыцарстве, и поиски которой являются самым интересным приключением, предложенным королём Артуром, причём совершенное целомудрие являлось непременным условием видения чудесного сосуда. И, поистине, украшение мистических купелей, используемых при «Baptism of Mete»[1] (гностической Мудрости), откуда их название «Бафо-мет», создаёт очень правдоподобную основу для обвинений, которые наш автор приводит против их *мнимых* изобретателей. Но что касается непристойных скульптур, взятых из храмов тамплиеров, которые он упоминает в проводимых там обрядах *Venus Mascula*[2], то их можно найти в равном изобилии и с равным бесстыдством среди резьбы других церквей, совершенно не связанных с этим орденом; например, в Аркёе недалеко от Парижа. Такие скульптуры либо содержат грубо выраженную нравственность в соответствие со вкусом варварского времени, а именно, порицание какого-то определённого порока, либо могут быть не более чем буйством животного юмора подвыпившего художника. Но самым серьёзным заблуждением, в которое впал этот слишком проницательный толкователь, является попытка отождествить ересь тамплиеров с *офитами*, первой формой гносиса, поглощённой за много веков до основания ордена нахлынувшим потоком манихейства. Действительно это было целое наводнение, которое даже у своих истоков в Сирии увлекло столько же пытливых духов среди рыцарей, сколько одновременно опьянило людей в Италии и Провансе. Абсурдность заключается в том, что, строя свою грандиозную гипотезу на необъяснимой «Мет», которую он выискал в этих непонятных надписях, и понимая, что архаичное Μῆτις [греч. мать] никогда не использовалось в гностические времена как синоним Софии Ахамот, он использовал в аргументации это тождество, как само собой разумеющееся. И согласно тем же правилам фон Хаммер объясняет масонские знаки, которые он собрал, хотя они ни в коем случае не отличаются от других, найденных в

1 Крещение мет (англ. mete), т. е. крещение меток, границ, рубежей. – Прим. пер.

2 Венера мужского рода (лат.). – Прим. пер.

средневековых зданиях всевозможного назначения и происхождения. Перед тем, как оставить эту часть предмета, следует сказать о других значениях, предложенных для могущественного слова Бафомет. Одно из них, совпадающее со взглядами фон Хаммера и ещё более с духом византийского языка, было выражение βαφὴ Μητρός или «крещение матери», особое обозначение Барбело в богословии Валентина[1]. Такие специальные греческие фразы могли быть увековечены в манихейском ритуале, куда бы и когда бы он ни был завезён во Францию. Другое объяснение делает Бафомета искажением термина *Behemoth*, обозначавшего золотых телят Опис и Мневис, чьи кости выставлялись на поклонение на крышке гробницы. Так, в более поздние времена выставлялись кости Мани для поклонения его последователей, а также кости G.M. Хирама[2], согласно сообщению, при посвящении тамплиеров. Отсюда *голова* и *гроб Смерти*, столь явно изображавшиеся на конклавах карбонариев, и сходное с ними изображение, наводящее ужас на наших масонских приёмах, когда кандидат «подводимый к G.M.[3], находится под таким внезапным ужасным впечатлением, что это не может не произвести желаемого эффекта. Этой части церемонии должно быть уделено должное внимание, а также *чести* и *безопасности* новоиспечённого брата, как и Братства в целом». Но вернёмся к этимологии. В конце концов, Висконти прав, считая, что в «Бафомете» нет глубокой тайны, а просто искажённое французами имя «Магомета», повторённое невежественными свидетелями обвинения.

Но хотя причудливый востоковед возвёл эту теорию до неоправданной и даже нелепой степени, но приведённые факты вкупе с правдоподобными примерами побудят непредвзятого исследователя согласиться с выводами разумного Распе. «Гносис Василида был *оккультной наукой*, которая, согласно его принципам, должна быть известна или

1 Что сделало её небесной матерью Спасителя.

2 Возлагались на гроб покойника, который был поставлен на катафалк в пять ступеней (Кларксон).

3 G.M. = Grand Master, Великий мастер – руководитель масонской ложи. – Прим. ред.

сообщена только одному из тысяч или двум из десяти тысяч. Если тамплиеры были виновны в совершении какого-либо преступления во время их уничтожения, так это в том, что они приняли учение гностиков и, следовательно, отказались от признанного учения Церкви о человеческой природе Христа и о Троице, вместо которой они с гностиками, исповедовали Единственное Высшее Существо, Отца и Творца всех Сил, которые изойдя из него, создали этот мир и управляют им. При получении *высшей степени* или посвящении в высшую степень Ордена они принимали βαφὴ μήτους или μήτιος, то есть *крещение* или *тинктуру* Мудрости, им вручался знак или *символ* крещения, который являлся пентаграммой Пифагора, и они поклонялись своего рода *образу* или *идолу*, который подобно Абраксасу или его гемме, был образом бородатого старика, вернее, изображением единственного Высшего Существа, которое они признавали и исповедовали». Упоминаемая гемма является яшмой (Таунли) с изображением «Абраксаса, Солнца или Бога-Отца, или Демиурга гностиков и некромантов. Эта голова увенчана короной, с длинной бородой и руками, скрещёнными на груди. Что касается остального, то он похож на терм [пьедестал с бюстом] или мумию. На поле изображены восемь звёзд, вероятно, намёк на восемь сил или небес, которые подчинены им согласно Епифанию. На поле написаны две еврейские буквы ת ה [ґей, тав].

> «Реверс. Тот же Бог Отец или Абраксас в том же положении, стоя над четырьмя ангелами, находящимися на сфере и получающими его эманации. На поле три звезды, на сфере пять звёзд. Кроме того, на поле написаны две еврейские буквы, три строки надписей и т. д.».

Однако присутствуют образы бесспорно средневековых мастеров, что сослужили бы фон Хаммеру (если бы он знал о них) куда более лучшую службу, чем легко узнаваемое наследие Рудольфа II и его мошенников из розенкрейцеров. Такова медная статуэтка, опубликованная Келюсом[1] («*Recueil*

1 Анн-Клод-Филипп де Тюбье́р-Гримоа́р де Песте́ль де Леви́, граф де

d'antiquités ègyptiennes, etrusques, grecques, romaines et gauloises» «Коллекция египетских, этрусских, греческих, римских и кельтских древностей», V, гр. 32), которая изображает человека в облегающей рубашке и рейтузах (как носили под доспехами), на голове колпак шута с рожками. Живот украшен сияющим солнцем. Он препоясан широким рыцарским поясом, с выгравированными планетарными знаками и обычными масонскими знаками, которые также идут по краю треножника, на котором он стоит. Фигура высотой около пяти с половиной дюймов [13,97 см] изображена с вытянутыми вперёд руками ладонями вверх, в них есть отверстиям для опор какого-то сосуда, вероятно, светильника мага. Среди других символов, выгравированных на цоколе, наиболее заметными являются орёл, змей и тигель, поддерживающие реторту. Келюс помещает свой рисунок этого символа среди египетских памятников, но достаточно разумно, не доверяя надписям, предполагает без всякой причины, что работа принадлежит Персии.

Манихейство неоднократно упоминалось на предыдущих страницах, так как было необходимо дать краткое объяснение того, как это странное вероучение могло повлиять на религию тамплиеров. И здесь всё является либо утверждением врагов, либо современной теорией. Вряд ли остались какие-либо памятники, которые можно было бы с уверенностью отнести к манихеям, хотя и столь многочисленным в своё время, поскольку они огородили себя более ранней формой гностицизма в период между Константином и Юстинианом. Этот недостаток частично объясняется быстро увеличивающимся варварством тех эпох, которые ничего не создавали в искусстве, как бы оно не деградировало. Их единственными религиозными памятниками были священные книги, молитвы, заклинания, доверенные портящимся материалам, таким как пергамент или папирус, тщательно разыскиваемым и уничтожаемым каждым гонителем. Гностицизм яростно

Келю́с, маркиз д'Эстернэ́, барон да Бранса́к (1692-1765) – французский археолог, искусствовед, прозаик из дворянского рода Леви. – Прим. пер.

преследовали более поздние западные и восточные императоры, а также ариане в равной степени с католиками. В этом «благочестивом деле» первый шаг был сделан британским узурпатором Магном Максимом при Грациане, убившем Присциллиана, епископа Авилы и его главных приверженцев, несмотря на весьма *не святое* выражение протеста со стороны праведного Мартина Турского. Покаравший узурпатора Феодосий также объявил манихейство (преступление Присциллиана) преступлением с большой буквы, его эдикт является первым *статутным* нарушением старого римского принципа всеобщей религиозной терпимости. В царствование своего сына Епифаний хвастается, что отправил в изгнание семьдесят женщин, и некоторые из них были благородного рода. Соблазнённый ими он сам когда-то примыкал к маркосианам. Такое хвастовство наводит на мысль, что ренегат спасал себя, обратив доказательства против своих соплеменников в начале преследования. Отсутствие у манихеев реликвий можно также объяснить суровым характером самой веры, наследием персидских магов, считавших все изображения греховными идолами; эта заповедь была принята позже в полной мере иконоборцами альбигойцами.

Перейдём сейчас ко *второй* волне манихейства в Европе. В середине седьмого века при Констанце II Константин-Сильван, уроженец Самосаты, распространил самую последнюю и наиболее распространённую ересь, а именно, ересь *павликан*. В ней сочеталось учение апостола Павла и Зороастра, но Константин примешал в своё учение большую часть учения Павла, чем его предшественник Мани посчитал нужным добавить в свою первоначальную теософию. Новый учитель легко объединил в одну церковь остатки гностиков, особенно манихеев Армении, и ещё необращенных зороастрийцев Понта и Каппадокии. Непрерывно преследуемый византийскими властями их главный руководитель Карвей основал новую столицу для своей секты, неприступную Тефрику в горах близ Трапезунда; но которая была, в конечном счёте, разрушена Василием Македонянином приблизительно в 880 году нашей эры. В середине следующего столетия неверующий Константин

Копроним переселил большую колонию армянских павликан в обезлюдевшую Фракию, где их численность в значительной степени увеличилась в десятом столетии благодаря новому пополнению, прибывшему с Халибских гор и поселённому Иоанном Цимисхием в долинах горы Голям Ком. Здесь их миссионеры обратили соседних язычников из болгар, поэтому секта получила новое и более одиозное название [богомилы], которое со временем от обозначения ересь в религии перешло к обозначению ереси в любви. Мы находим этих воинственных и бесстрашных павликан служащими в византийской армии, особенно в войсках Алексия Комнина во время его войн с норманнами Сицилии. С этого острова, как из центра, они распространяли своё учение по всей Италии; они многих обратили в свою веру даже в Риме и Милане, и с ещё более удивительной быстротой распространили её по югу Франции. Даже те, чьи интересы были диаметрально противоположными учению секты, присоединились к ней с необъяснимым пылом; сразу двенадцать каноников Орлеанского собора были сожжены заживо за принятия павликанства. Этих немногих фактов, отобранных из большого периода их истории, достаточно, чтобы проиллюстрировать распространение манихейской веры в период, когда тамплиеры находились на пике своего расцвета и могущества.

Но гностицизм в том или ином виде всё ещё существовал в самой штаб-квартире ордена, среди его ближайших союзников или противников, горцев Сирии. Орден тамплиеров был построен по образцу, который нужно искать согласно современным взглядам, выраженным успешно фон Хаммером, в конституции, которая является рабской копией ненавистных «ассасинов». Законы последних очень хорошо доказывают этот факт. Они были найдены после захвата их столицы Аламут [в 1256 г.] моголом Хулагу в 1335 году, когда по исключительному совпадению Халиф и Папа были заняты уничтожением образца и его копии на Востоке и Западе в одном и то же время. Из этих документов подтвердились «восемь декретов» посвящения, установленные Хасаном [ибн Саббахом], первым великим

магистром или «господином горы». Этими декретами, вероятно, предложенными древними митраистскими тестами, были:

1) Испытание знаний.
2) Испытание убедительности; т. е. способность к прозелитизму.
3) Отрицание истины Корана и всех других священных писаний.
4) Испытание безмолвного и совершенного послушания.
5) Раскрытие имён Великих Братьев Ордена, королевских, священнических и патрицианских *во всех частях мира*.
6) Подтверждение всех предыдущих шагов знания.
7) Аллегорическое толкование Корана, а также всех других писаний. В этой ложе отрицалось божественное начало всех основателей религиозных систем. Доказывали, что религия – это всего лишь шаг к *знанию*, её повествования аллегоричны и демонстрируют прогресс гражданского общества: так, «падение человека» означало политическое рабство; *искупление* означало его возвращение к свободе и равенству.
8) Действия не имеют смысла, если только они не сделаны во благо Ордена;[1] не существует, абсолютно, такой вещи, как недостаток или добродетель.

Будет видно, что принцип, лежащий в основе этих «декретов», идентичен принципу, пронизывавшему основные пункты обвинений, выдвинутых против тамплиеров. Тот же автор («История ассасинов») показывает, что организация тамплиеров была точной копией системы ассасинов и поэтому сравнивает степени двух орденов.

1 Принцип иезуитов: «полное повиновение включает в себя совершение смертного греха».

Ассасины

1) Великий Мастер или Господин Горы
2) Дай-аль-кирбали или три великих его визиря
3) Даи или мастер провинции
4) Рафик или капеллан
5) Лазик или солдат
6) Фидаин или смертник
7) Батини или тайные братья, т. е. те, кто связан с орденом

Тамплиеры

1) Великий магистр
2) Три великих приора
3) Провинциальный Приор
4) Капелланы
5) Рыцари
6) Оруженосцы
7) Прислуживающие братья
8) Донаты и облаты
9) Аффилиаты или члены ордена[1]

«Донаты» и «облаты» в обмен на защиту, предоставляемую им орденом, клялись оставить ему всё своё имущество после их смерти и, следовательно, воздерживаться от того, чтобы иметь потомство или даже быть опекунами каких-либо детей. Если они были женаты во время вступления в орден, они были бы обязаны удалить своих жён. Нарушение обета наказывалось пожизненным заключением. «Аффилиаты», вероятно, не посвящались в тайны ордена; просто в обмен на определённую сумму, получали ежедневное содержание (общий стол) из общего фонда, такая договорённость являлась прообразом принципа пожизненной ренты и превосходно соответствовала требованиям этих варварских времён.

Не удивительно, что явные следы древнего гностицизма могли быть, таким образом, обнаружены в тайных правилах Ордена ассасинов. При исследовании происхождения этого

1 Льготы членства предоставлялись при небольшом годовом взносе в размере двух или трёх денье. Одной из основных причин ненависти Филиппа Красивого к ордену был их отказ принять его в орден в начале его правления.

ордена, выясняется, что он являлся лишь ветвью исмаилитов или персов, которые продолжали линию потомков Али. Но Абдуллах, будучи *магом*, с самого начала основал среди исмаилитов тайное общество, состоящее из персов, которые по принуждению арабов приняли мусульманство только для видимости. Приняв жизненно важную догму раннего гносиса, что *знание* кладёт конец религии, и что во всех Священных писаниях только *аллегорическое* толкование является единственно истинным, Абдуллах объединил под своим учением остатки всех древних религий, которые всё ещё прятались в Персии. Фактически он сделал в Персии при халифе то же самое, что делал новый манихей Хрисохир в Тефрике при византийском императоре. Исмаилиты, постепенно присоединявшиеся к новой секте, в X веке сумели поставить правителя из рода Али на трон Каира, основав тем самым династию Фатимидов. После этого Хасан, который отличился при дворе сельджукских султанов с помощью своих братьев, к которым он вернулся, захватив крепость Аламут или Гнездо Стервятников (1090 г. н. э.), стал там независимым правителем и организовал общину как *политический орган*, в соответствии с уже описанной конституцией. Вскоре эти смелые сектанты стали хозяевами всех укреплённых мест Ливана, тем самым обеспечив свою независимость от египетского халифа. Друзы – это современные представители усмирённых ассасинов. Как и те, они являются исмаилитами, их мнимым основателем является Хаким, халиф Каира из фатимидов, который называл себя новым воплощением божества. Их представление о том, что нынешним местом их отсутствующего Великого Учителя является *Европа*, довольно любопытно дополняется теорией фон Хаммера о тесной взаимосвязи, существовавшей между тамплиерами и настоящими прародителями друзов. Эти же друзы могут также быть политеистами или самарянами, которые во множестве жили в Ливане ещё во времена Юстиниана, кому Прокопий приписывает гонения и уничтожение *миллиона* жителей только в этой области. Относительно их нынешней веры, сохранявшейся в неприкосновенной тайне, ничего достоверного никогда не было

найдено. По общепринятому убеждению их соседей они поклоняются идолу в форме телёнка и на ночных собраниях устраивают оргии, подобные тем, в которых обвиняли офитов в Римской империи, тамплиеров в средневековье и масонов (европейцев) в наше время. Их представление о Главе общества, проживающим в Шотландии, имеет странное сходство с немецким названием «Шотландские братья», данным нашим масонам. Похоже, что некоторая ассоциация понятий привела Лессинга к утверждению, что «масон» в немецком языке (Masson) не имеет никакого отношения к английскому значению этого слова, но происходит только от слова «масса», собственно имени тамплиеров, называемых также «круглый стол». В этом заключении он ссылается на Агриколу, знатока, жившего более чем за 150 лет до даты подавления ордена. В связи с этим он добавляет, что старые здания тамплиеров в Болонье и Милане всё ещё сохраняют название «de la magione», то есть «массона»; хотя менее проницательный критик, несомненно, не сможет обнаружить здесь ничего глубокомысленного, кроме искажённого итальянцами французского слова *maison* [дом, здание] в его основном смысле.

Нельзя преувеличить влияние крестовых походов и их результатов на разум и жизнь средневековой Европы.

Истинными мастерами западных варваров в философии, науке и многих искусствах были арабы, во-первых, Сирии, а позже и Испании. Помимо передачи знаний они сообщали другие идеи, значительно отличавшиеся от тех, которые сначала ждали от них ученики. Тем не менее, связь между их наукой и их тайным вероучением была настолько тесной, что на самом деле другого результата нельзя было ожидать. Прежде чем гностицизм примкнул к христианству, он был основан на магии, то есть на астрологических понятиях, что часто затрудняет определение того, является ли гностический памятник религиозным понятием или просто сидерическим талисманом. Например, группу из десяти знаков зодиака, чьи символы, согласно Тевкру, обычно носили как амулеты, часто можно увидеть с именами Микаэля и другими еврейскими ангелами. В эпоху расцвета ислама до того, как

распространение повсеместного невежества привело к мрачному правлению ничем не интересующейся ортодоксальной религии, в самом сердце ислама (вероятно, пришедшем из Персии) возникло эзотерическое общество, которое называлось *суфии* от греческого слова Σοφοί [греч. мудрые], как звали их предшественников. Теперь это название эквивалентно бывшему названию Γνωστικοί[1], хотя и с гораздо большим апломбом, так как эти «мудрые» люди утверждали, что *обладали* таким знанием божественных вещей, которые гностики по их собственному определению «*только хотели узнать*». Между тем, они придерживались точно таких же догматов, как и ранняя секта *антитактиев*, «противопоставителей», они исповедовали безразличие ко всему, что относится к телу, и несостоятельность еврейского нравственного закона (просто предписания Демиурга) в отношении регулирования жизни «духовного человека». Так как Отцы церкви постоянно обвиняли ранних гностиков в том, что они внешне приспосабливались без малейших угрызений совести во избежание всяких недоразумений к той религии, где они жили, есть вероятность того, что манихеи и другие сектанты Азии, преследуемые ревностными ортодоксальными византийцами и зороастрийскими парсами, охотно укрывались под лёгким покровом законной религии своих арабских завоевателей в течение двух столетий после царствования Юстиниана и либо спасали свою свободу, *исповедуя* ислам, либо же продолжали, как приносящие дань, спокойно исповедовать прежнюю веру, смешиваемые с другими людьми нелюбопытным победителем под общим названием *неверных*.[2] «Секты Египта и Сирии, – говорит Гиббон, – пользовались свободой под сенью снисходительных аравийских халифов», и поэтому можно обоснованно предположить, что они сохранили свои своеобразные представления и обычаи вплоть до крестовых походов. О длительном их существовании нам убедительно свидетельствует факт

1 Γνωστικοί (греч.) – знатоки. – Прим. пер.

2 Наполовину маг Абдалла и его новые исмаилиты имеют огромное фамильное сходство с Вейсгауптом и его иллюминатами прошлого века.

наличия в настоящее время многочисленной секты мандеев или назореев в районе реки Шатт-эль-Араб и в Басре, истинных гностиков, придерживающихся вероучения Мани по их «Книге Адама»[1]. Их ненавидят, как живущие с ними христиане, так и мусульмане.

Итак, поскольку эти суфии состояли исключительно из учёных персов и сирийцев в то время, когда *учёность* означала лишь неглубокое знание медицины и астрологии (два момента, которые способствовали сближению восточных мудрецов с их варварскими захватчиками с Запада), легко понять, как последние могли впитать *эзотерические* доктрины одновременно с другим учением их единственных наставников во всех вопросах, касающихся науки и искусства. Итак, суфийское учение было основано на великой идее – всеобщей вере, которой можно было тайно придерживаться при внешнем исповедании любой признанной религии, фактически принимая ту же точку зрения во всех религиозных системах, как делали древние философы. Это тоже являлось поразительной чертой в учении гностиков; *наасены* или офиты, по словам Ипполита, хвалились как настоящие масоны: «Из всех людей мы – единственные христиане, стоящие в *третьих вратах* и помазанные несказанным помазанием из *рога*, как Давид, а не из *глиняного сосуда*, подобно Саулу, который общался со злым духом плотской похоти». Эти *истинные* христиане в то же время усердно праздновали все языческие мистерии, утверждая, что в своём высшем *знании* они обладают единственным ключом к истине, скрытой в этих суеверных церемониях. И в наши дни признание масонами единой всеобщей религии выражается лишь требованием от кандидата при вступлении заявить о своей вере в одного Бога, что встречается с благоговейным ужасом мракобесами всех мастей христианской системы.

Признание единой всеобщей религии на самом деле пронизывает все произведения светочей мусульманской литературы. В макамах[2] аль-Харири проповеди героя – дервиша

1 «Гинза раба» или «Кодекс назареев». – Прим. пер.

2 Макама (араб. مقامة сеанс, собеседование) – жанр арабской литературы. – Прим. пер.

полны возвышенных чувств по отношению к Богу – чувств бесконечно более близких по гармонии к чувствам просвещённых религиозных людей нашего времени, одним словом, эти проповеди имели дух во всех отношениях более *христианский* (используя современное выражение), чем любая писанина формальных христианских богословов, современников автора.[1] Вероятнее всего, что аль-Харири и такие же как он мусульмане опирались на традиции старой философии, тайно хранившейся среди них, в то время как дух современного христианства в значительной степени, хотя и бессознательно, направляется точно такой же возрождённой силой, однако под другим именем, но открыто презирающей её реальный источник.

Опять же, величайший из всех мусульманских государей могол Акбар Великий был истинным *суфием*, равно как его визирь и историк Абу-ль-Фадль. Было бы трудно найти в современном христианском молитвеннике, и гораздо труднее в молитвеннике, составленном в его времена, такое обращение к божеству, созвучное с нашими теперешними понятиями, как молитва в начале его «Айн-и-Акбари» или «Конституции Акбара». Во всех подобных восточных излияниях поклонения нет никакого намёка на их особого законодателя, ничего не выдаёт какие-либо явных сектантских предрассудков. Если читатель не знаком с жизнью автора, он будет восхищаться, но не будет знать, к какому вероучению отнести это сочинение. Акбар, по словам его визиря, «взял себе за правило никогда не высмеивать или осуждать любую религию». Таким образом он, возможно, сам того не подозревая, вернулся к великой и отличительной особенности религии Греции и Рима в их лучшие времена, которые распознали эту великую истину, подлинную основу всеобщей веротерпимости, что все религиозные системы были выражением одной и той же идеи:

«Святым ли, варваром иль мудрецом».[2]

1 Расцвет в девятом веке.
2 А. Поуп, «Вселенская молитва». – Прим. пер.

В древности, принцип веротерпимости, видимо, был нарушен в тех случаях, когда обряды, по причине искажения, стали вредными для общественного благополучия, и Сенат запретил вакханалии, а Клавдий запретил друидов в Галлии из-за человеческих жертвоприношений. Точно так, как Гиерон из Сиракуз включил статью в договор с побеждёнными карфагенцами о том, что они должны прекратить приносить маленьких детей во всесожжение богу Мелькарту. Принцип Гесиода Μὴ ἀρρητοῖς μωμεύειν [греч. «Не высмеивай неизречённого»] был принципом его расы, а также римлян, и он же был главным принципом Акбара. Из намёка, обронённого его панегеристом, похоже, что император впитал некоторый лёгкий привкус учения зороастризма, так как он отмечает его особенное почитание стихии огня, а также важное обстоятельство совершения его частых ежедневных молитв на основании положения солнца на небе. И это непосредственно относится к нашей теме, так это его любимым занятием было беседовать с *суфиями* и учёными всех народов и религий. Очень странно слышать от такого важного мусульманского вельможи, как этот автор, заявление о том, что среди браминов можно было встретить «самых добродетельных людей на земле», тех самых верующих, в которых потомки Акбара, например, Аурангзеб, видели (вполне соответствует с нашими собственными представлениями о том, каким должно было быть его чувство) только идолопоклонников, и которых согласно его святой обязанности нужно было либо обратить в веру, либо уничтожить.

Постоянная связь между Сирией и Европой, поддерживаемая, во-первых, толпами паломников, вечно странствующих в Иерусалим, затем крестовыми походами и, наконец, установление франкского королевства в Палестине, а также разных княжествах на побережье, производила огромное воздействие, как явное, так и скрытое, на народы Европы, особенно на тех, кто жил на Средиземноморье. Арабское влияние ярко проявляется в поэзии трубадуров, наполовину любовной, наполовину мистической, как и её оригинал, по духу настолько отличный от материализма классических эллегий, как

стрельчатая «сарацинская» архитектура со всеми её формами, подсказанными опорным шестом шатра и занавесом, от массивного романского стиля, который она так быстро сместила. Что касается поэзии и архитектуры, то подобные микробы во Францию были перенесены уже упомянутыми причинами, и поддерживались в полной мере постоянно действующими двумя великими военными орденами со штаб-квартирой в Иерусалиме, но главным образом посещением Франции в поисках новобранцев и денежных ресурсов. Крестовые походы были в высшей степени французской *идеей*, и как вожди, так и солдаты в основном были либо настоящими французами, либо правителями, владевшими территориями во Франции, например, наши нормандские короли. Сколько видов искусств, наиболее восхитительных в те времена, были привезены из Сирии или Египта! Работа по стеклу во всех её видах, связанных с изготовлением декоративных и цветных сосудов и оконных витражей, эмаль, майолика, дамасская сталь, чеканка монет, выращивание тутового шелкопряда. Итальянский язык сохранил эту историю в чисто арабских терминах, всё ещё обозначающих вещи, относящиеся к таким процессам, как *zecca* [итал. монетный двор], *tazza* [итал. чаша], *cameo* или камея, *manteca* [итал. помада], *rocca* [итал. прялка], *gala* [итал. праздник], *patacca* [итал. мелкая монета], *ricamare* [итал. вышивать] и др. Итальянская готика, особенно в гражданской архитектуре, примером которой являются здания великих морских городов на Средиземном море (те, что на Адриатике по-прежнему верны византийскому вкусу), таких как Генуя, Пиза, Флоренция, являются просто копией Каира и Розетты [теперь Рошид]. До последних дней этот стиль не имел никакого сходства с готикой, которая тогда процветала за Альпами.

Распространение восточных идей в Европе имеет очень большое значение для настоящего исследования, так как оно объясняет готовность Франции принять манихейство за два столетия до падения тамплиеров. Эти самые тамплиеры во время их пребывания в Палестине проявляли дух терпимости, совершенно несовместимый с явной целью их организации,

заключая союз с любым из соседних эмиров, способных помочь им противостоять общему врагу, султану Египта. Среди них заметно выделялся архи-гностик, грозный «Старик Горы»[1].

Отличительной чертой гностицизма был обет воздержания, по крайней мере, в отношении продолжения человеческого рода, что считалось «духовными людьми» исполнением в высшей степени воли демиурга и увековечение царствования материи. О странных средствах, которые они применяли для сохранения обета, можно узнать, обратившись к Клименту, когда он цитирует их вариант древней легенды о том, как Сатурн пожирает своих собственных детей, или к Епифанию, когда он описывает обряды евхаристии офитов. Ни в одной другой доктрине гносиса не видно более явного буддийского влияния, так как никакие внутренние качества подобного аскетизма (которые практиковалось чисто ради самого аскетизма) никогда не снились греческой философии, такое порождение разума в его самом ярком и самом неискажённом развитии. Это показное проявление чистоты способствовало, даже в большей степени, чем провозглашённая свобода совести, распространению гностических догматов на каждом этапе его развития от Валентина до великого апостола Лангедока Никиты из Константинополя. Его манихейские епископы в значительной мере были обязаны своим успехам своим чёрным одеждам и исповедованием воздержания от всех чувственных удовольствий и, более того, проявлением благочестивого ужаса перед ними. Любая проповедь непременно привлечёт толпы новообращённых, которая помимо обещания полностью объяснить вещи слишком высокие для понимания человека, сделает основной статьёй своего вероисповедания внешний и яркий обет аскетизма, а также возвеличивание бедных и осуждение богатых. Так как заурядный ум всегда восхищается тем, что трудно только *потому*, что это трудно, каким бы бесполезным ни был

1 Его практика опьянять неофита гашишем (экстрактом конопли) перед вступлением в его земной рай, дала секте её название, впоследствии принятое итальянцами в его нынешнем оскорбительном смысле.

результат или даже пагубным его последствия для общества, если это логически осуществить. И поскольку воздержание от чувственных удовольствий является для заурядного ума самым трудным из всех испытаний, тем более такое показное подобие самоотречения является наиболее эффективным методом обретения власти над животным умом, совершенно неспособным отличить средства от цели. Более того, такие доктрины находят могущественных союзников, готовых ради них существовать среди естественной зависти и жадности обычных душ. Так как бедных всегда подавляющее большинство на земле, такие слушатели с радостью принимают учение, которое обещает наказать в мире грядущем тех, кому здесь лучше живётся, просто как противовес их счастью в *этом мире*, хотя едва ли кто-то считает себя действительно *богатым* человеком. Человек постоянно поднимается вверх к какой-то точке, которая постоянно отступает перед ним при каждом следующем этапе его восхождения, что даже богатый новообращённый может с уверенностью утверждать, что он продолжает оставаться в категории бедных, и что анафема предназначается только тому, кто стоит непосредственно над ним на социальной лестнице. В таких взглядах кроется истинный секрет удивительного успеха манихейства, его быстрого поглощения более ранних гностических форм и, прежде всего, его способности, с которой он овладел именно теми областями, где у католической церкви был самый большой доход и где её духовенство, особенно в *монастырях*, вызывало наибольшую зависть из-за богатства и хвастовства.

Тамплиеры начали свой путь в условиях крайней нищеты, ведя двойную тяжёлую жизнь монаха и воина. Чтобы выразить эту бедность, на оригинальном рисунке или общей печати Ордена были изображены два рыцаря, едущие на одной лошади, наиболее яркий пример смирения, который можно было представить в те времена рыцарства. Устыдясь такого символа, как только они окрепли, они изменили его в несколько похожий образ *Пегаса*, по крайней мере, это была старая традиция. Крылатая лошадь, однако, может с самого начала иметь более духовный смысл, намекая на небесные

устремления тех, кто посвящён в Орден. А когда их карьера приближалась к концу среди богатства и роскоши, которые навлекли на них такое жестокое гонение, братья, без сомнения, посредством какого-то хитроумного самообмана всё ещё льстили себе, думая, что их обеты так же верно соблюдаются, как в самый разгар их учреждения.

Странные и непристойные церемонии, соблюдавшиеся при приёме неофитов в различные тайные общества[1] процветали при Нижней Империи, в средние века все они были не более чем слабым отблеском традиции покаяния или «двенадцати пыток», которые давали право на вход в пещеру Митры. О том, как широко был распространён *митраизм*, особенно на Западе, свидетельствуют бесчисленные таблички, алтари и надписи, которые всё ещё сохранились в Германии, Франции и у нас в стране. Религия Митры так охотно принималась и процветала среди всех кельтских народов вследствие её аналогии с ранее господствующей религией друидов. Это сродство поразило даже такого проницательного наблюдателя, как Плиний Старший, у которого, вероятно, было достаточно возможностей составить правильное представление во время его долгой военной службы на Рейне. Он пишет («Естественная история», XXX, 4):

> «Gallias utique possedit (Magica) et quidem ad nostram memoriam; namque Tiberii Cæsaris principatus sustulit Druidas eorum et hoc genus vatum medicorumque per senatus consultum. Quid ego hæc

1 "Art. 26. Item, quod in receptione Fratrum hujus Ordinis, vel circa, interdum recipiens et receptus aliquando se deosculabantur in ore, vel in umbilico seu in ventre nudo, vel in ano seu in spina dorsi…
Art. 29. Item, aliquando in virga virili.
Art. 30. Item, quod in receptione sua illa faciebant juxta eos quos recipiebant quod Ordinem non exierint."

> «Статья 26. Кроме того, при принятии брата в орден или вскоре после этого принимающий и принимаемый иногда крепко целовали друг друга в губы, в пупок или обнажённый живот, а также в анус или основание позвоночника…
> Статья 29. Кроме того, иногда в мужской член
> Статья 30. Кроме того, при приёме они заставляли тех, кого принимали, произносить клятву, что они не выйдут из ордена».

commemorem in arte Oceanum quoque transgressa, et ad Naturæ inane pervecta? Britannia hodieque celebrat, tantis ceremonies ut dedisse Persis videri possit; adeo ista toto mundo consensere quamquam discordi et sibi ignoto. Nee satis æstumari potest quantum Romanis debeatur, qui sustulere monstra in quibus hominem occidere religiosissimum erat, mandi verò etiam saluberrimum».

«Галльские провинции также были охвачены магией и даже до периода на нашей памяти; ибо император Тиберий удалил этих друидов и всё это племя целителей по решению сената. Но зачем упоминать искусство, которое пересекло даже Океан и проникло в пустоты природы? И поныне Британия совершает эти обряды, и, возможно, их передали ей персы. До такой степени народы всего мира, совершенно отличные друг от друга и неизвестные друг другу, единогласны в этом! Таким образом, мы не можем в большой мере быть обязанными римлянам за то, что он положил конец этим чудовищным обрядам, согласно которым убийство человека было актом величайшего благочестия, а поедание его плоти наивысшим благословением здоровья».[1]

За сто лет до этого Цезарь («Записки о галльской войне», VI, 13) заявлял:

"Disciplina Druidica in Britannia reperta atque inde in Galliam translata esse æstimatur, et nunc qui diligentius eam rem cognoscere volunt plerumque eò discendi causa proficiscuntur."

«Их наука, как думают, возникла в Британии и оттуда перенесена в Галлию; и до сих пор, чтобы основательнее с нею познакомиться, отправляются туда для её изучения».

Предметы в школах друидов были точно такими же, что и школах магов-гностиков.

1 Перевод Н. А. Машкина. – Прим. пер.

> "Multa præterea de sideribus eorumque motu, de mundi ac terrarum magnitudine, de rerum natura, de deorum immortalium vi ac potestate disputant et iuventuti tradunt."
>
> «Кроме того, они много говорят своим молодым ученикам о светилах и их движении, о величине мира и земли, о природе и о могуществе и власти бессмертных богов».[1]

Плиний под словом «магия» понимает ритуалы, установленные Зороастром, и впервые обнародованные Останием во внешнем мире, этот Останий был «военным» капелланом у Ксеркса во время его экспедиции в Грецию. Такое убеждение римлян полностью подтверждается местными свидетельствами, так как друидизм (таким, каким он проявился в своей последней борьбе с христианством в течение недолговечной независимости Британии после оставления её римскими легионами) был религией, чудесным образом совпадающей по многих важных вопросам с учением Зороастра. Так, оно прямо учит вечному существованию и антагонизму двух принципов, окончательному триумфу добра и эволюции всех вещей. Самый ценный фрагмент раннего друидского учения Плутарх сохранил для нас в своём странном эссе «На лице Луны» под названием «Учения о сынах Сатурна», которое полно гностических понятий, например, понятий Мани и даже гностических выражений.

Итак, сам Мани начал как зороастрийский священник, потом создал новое вероучение (согласно Епифанию), добавив к оригиналу трансцендентальные буддийские понятия, приобретённые его истинным учителем, Скификом, во время путешествий по Индии. Разве не возможно, что некоторые искры древней митраистской доктрины остались на Западе[2] незамеченными до тех пор, пока вновь не вспыхнули от

1 Перевод М. М. Покровского. – Прим. пер.

2 Точно так же есть все основания полагать, что шабаш ведьм сохранил в точности обряд древней сельской оргии, единственно было изменено имя главного божества. Мишле придерживается такого мнения при описании огромных шабашей XVII века.

благотворного дыхания апостолов павликан? Действительно, можно даже теперь увидеть этот ужасный античный обряд, пародируемый до мельчайших деталей в процедуре застолья современного *hetæria* [лат. общество, товарищество]. Так *воин* Иеронима [«Miles Christianus» «Воин Христов» Иеронима Спартана], самая низкая степень пещеры Митры, храмовник, «страж, поставленный на крышу дома или церкви, в которой собирается капитул» (артикул 101), аналогично представлен вооружённым человеком или «тилером, привратником, который стоит на страже у дверей тайного конклава масонов». Друидский храм, всегда круглый по плану, независимо от того, построен ли он из природных камней или галло-римскими каменщиками, как в последнем случае в Лантефе, Бретань (изображён Келюсом, VI, 124), состоящем из двух концентрических сооружений с многочисленными арками, и представляет в этом плане замечательную аналогию со всеми другими сооружениями, посвящёнными стихии огня. Таков план храма Молоха (открытый в Карфагене Дэвисом), храм Римской Весты, зороастрийские храмы огня в Балхе, по сей день сохранившиеся круговые башни, а также великий сасанидский храм в Ганзаке, разрушенный Ираклием во время его вторжения. В сферическом здании внутри дворца находился отвратительный идол Хосрова, то есть его образ, сидящий на престоле как бы на небесах, а вокруг него солнце, луна и звёзды, которым суеверный царь поклонялся как богам, ангелы также присутствовали там как жезлоносцы. Более того, этот враг Божий ухитрился сделать с помощью какого-то механизма так, чтобы с потолка падали капли воды, подражая дождю, и оттуда раздавались звуки грома. Наш Веруламий также похвалялся храмом Митры, соизмеримым с важностью места, пока его не уничтожил суеверный варвар Эалдред, восьмой аббат Сент-Олбанс, так как ни для какой другой цели не мог служить «очень глубокий грот, скрытой под сплошным холмом, к которому вёл подземный ход», руины его были ещё видны во времена Матвея Парижского.

"Specus quoque profundissimum monte continuo circumseptum, cum spelunca subterranea quam

> quondam Draco ingens fecerat et inhabitavit, in loco qui Wurmenhert dicitur, in quantum potuit explanavit, vestigia tamen æterna habitationis serpentinae derelinquens."[1]
>
> «Пещера также соединялась глубокими подземными ходами с горой, пещеру когда-то сделал великий Дракон, и он обитал в ней в месте, которое называлось Вурменхерт, насколько можно объяснить по признакам, змей, в конце концов, оставил своё вечное жилище».

Предыдущее рассуждение, по-видимому, даёт разумное решение проблемы, стоящей перед археологом и вызванной продолжительным существованием подлинных гностических символов (будь то в их первозданном значении или в виде простых мёртвых форм, судить самим масонам), по-прежнему демонстрирующих себя как святыни, наполненные смыслом. Сбережённые суфиями Персии и тёмными сектантами Ливана, оттуда переданные тамплиерам и их законным наследникам братьям Креста и Розы, эти знаки сохраняют вечную жизнеспособность. Знаменитая *пентаграмма* (печать Соломона) тамплиеров была, по аргументированному мнению Николаи, мощным символом, предписанным «Диаграммой офитов» предлагать восходящей душе гению каждой сферы, выпрашивая у них свободный проход к высшему Свету: «О, Первый и Седьмой (Илдабаоф, эон Сатурна), рождённый править силой, главное Слово чистого разума! Совершенная работа в глазах Отца и Сына, представляя тебе в этой печати *знамение жизни*, я открываю врата, которые твоя сила закрыла для этого мира, и свободно прохожу сквозь твои владения». Это вполне объясняет частое изображение этой сигилы на надгробиях всех времён. Уже говорилось о почтении, с которым индусы по-прежнему относятся к этой фигуре. В её пяти вершинах сокрыта та же сила цифры пять, которая была передана греческим философам посредством дельфийской буквы Є. Плутарх придавал ей то же значение, и в средние века

1 «Gesta Abbatum S. Albani» [«Тяжбы и история монастыря Сент-Албанс»], изд. г-на Т. Рили, т. 1, стр. 25.

считалось, что пентаграмма надёжно охраняет от любого огня – но, увы! она не сохранила рыцарей, носивших её; изречение Беранже слишком хорошо подтверждает это:

"Les hérétiques n'ont pas trouvé
Onguent pour la brûlure",

«Еретики не нашли мазь от ожога».

и поэтому её часто рисовали в зданиях, которые по своему назначению были особенно подвержены такому риску, например, пивоварни. Этот последний обычай объясняет, как пентаграмма, наконец, стала обозначать место, где продавались ферментированные ликёры.

Что касается передачи этих символов, то вопрос был бы сразу решён, если бы мы приняли смелое заявление Лессинга, для которого, однако, у нас есть только его собственное мнение (*«Fortsetzung des Ernst»*, [Предисловие к «Эрнст и Фальк»,] стр. 53): «Ложи Тамплиеров имели самую высокую репутацию в течение 12 и 13 веков, и из такой ложи, которая *постоянно собиралась* в центре Лондона, было создано масонское общество в 17 веке сэром Кристофором Реном». Но эта почтенная традиция прямо противоречит показаниям самого безупречного из всех свидетелей, великого *иллюмината*, самого Спартака Вейсгаупта. В Мюнхене в ложе св. Феодосия (в 1777 г.) он получил первые масонские степени, но был невыразимо разочарован тем, что не нашёл в масонстве ничего, кроме «les jeux d'une fraternité innocente!» [фр. «игры невинного братства!»]. Тем не менее, он подозревал, что кое-что ещё осталось; и вскоре его ожидания сбылись. В ту же зиму его друг Като Цвак беседовал в Аугсбурге с неким аббатом Маротти, который наделил его высшими степенями даже *шотландских лож* и поведал ему все тайны, основанные, по словам аббата, на религии и истории Церкви. Цвак, не теряя времени, передал свои приобретения Вейсгаупту, который ответил: «Важное открытие, которое вы сделали в *Никомедии* во время ваших бесед с Маротти, доставляет мне чрезвычайное удовольствие; давайте воспользуемся этим обстоятельством и извлечём из него всё полезное». Поэтому Вейсгаупта упредили объяснения

Цваком их символизма, которые он сам принял для вновь установленных им мистерий. Барруэл добавляет («Якобинство», IV 81), что символ *иллюминатов* не относится к первым трём степеням масонства, и к тем, которые считаются тремя степенями, принадлежавшими к настоящему, древнему братству. Это означает, что «розенкрейцеры» позднее были привиты к исходному числу степеней масонской иерархии.

Для сравнения я дам описание Барруэла степеней иллюминатов, предшественников якобинцев, а именно:

I. Новообращённые.
II. Братья Минервы.
III. Младший иллюминат.
IV. Старший иллюминат или шотландский новообращённый.
V. Шотландский рыцарь.
VI. Класс малых мистерий: Эпопт или жрец Иллюминатов.
VII. Регент или Правитель-иллюминат.
VIII. Класс больших мистерий; Маг или Царь-Человек.

У розенкрейцеров также каждый неофит при поступлении получал *особое* или мистическое имя, взятое из римской истории; затем он изучал географию Ордена, которая классифицировала современные географические названия аналогичным образом; затем ему давался *шифр*, простой набор которого был таким:

12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
a	*b*	*c*	*d*	*e*	*f*	*g*	*h*	*i*	*k*	*l*	*m*

Другой, более сложный шифр состоял из *неких символов*. Испытательный срок длился от двух до трёх лет, в зависимости от возраста кандидата. Кроме прочего, наиболее строго запрещалось когда-либо писать *имя* Ордена или Ложи; они должны писаться соответственно ⊙ и □ [возможно Θ и П].[1]

1 «Брат А. В. пишет об этом в письме от R. S. относительно этой степени». В своей попытке сделать это он получает серьёзный и осмотрительный С. от J. D., следующего за ним в этом деле, С. Т., при-

Для возведения в степень Вейсгаупт ввёл все масонские церемонии. Например, возводя в степень «шотландского рыцаря», «тайный конклав» был убран в зелёных тонах. Глава, одетый в сапоги со шпорами и костюм с Андреевским крестом на зелёной ленте, сидел под зелёным балдахином и принимал аналогично одетого кандидата, держащего деревянный молоток вместо скипетра. Также было тройное благословение и причастие, преподаваемое капелланом. При введении в степень *эпопта* поручитель привозил кандидата с завязанными глазами в совершенно закрытом экипаже по запутанному пути и вводил в зал, убранный теперь *красными* тонами. На столе, покрытом алой скатертью, лежали корона и скипетр, груды золота вперемежку с цепями. На подушке лежала белая мантия и пояс. Новичку был предложен выбор; если он выбирал золото, то получал строгий выговор, высказывавшийся так *гуманно* и так нудно, что не следует его здесь приводить, поскольку то же самое постоянно вкладывается нам в уши в настоящее время[1].

В конце концов, иерофант выступал с длинным обращением о естественной свободе и равенстве, а также обо всём остальном относящемся к этому. Вейстгаупта, убеждённого *атеиста*, удивил и позабавил тот факт, что выдающиеся протестантские богословы после их посвящения заявляли, что все эти понятия были основополагающими доктринами Евангелия, что было, конечно, истиной, очень неловко исповедуемой друзьями ордена, образованного в цивилизованном обществе. Однако это не так, если доктрины доводятся

надлежащего к его F. и пр.» («Масонские церемонии»).

1 Популярное представление о фирменном знаке, получаемом масонами при посвящении, исходит из *стигматов*, которые запечатлевали на древних мистах при их вступлении. Замечательным примером является Птолемей Алет, который был отмечен в нескольких частях тела лотосом, цветком колоцинта и тамбурином Кибелы (Плутарх, «De dignoscendo adulatore» [лат. «О распознавании льстеца»]). Замечание Митраича было отмечено в разделе, посвящённом этому богослужению (стр. 139, 140). Отсюда пришла вера в средневековье в тайный знак, запечатлеваемый дьяволом в *шабаш* на тех, кто клялся ему в верности; и такую метку могли распознать гонители ведьм из-за её нечувствительности к боли.

до их логических следствий, вместо того, чтобы «использоваться для защиты понятий, полученных в действительности из совершенно другого источника». Но эмигрант Баррюэль, только что увидевший, как доктрины свободы, равенства и братства практически и естественно излагаются посредством гильотины, достаточно веско критикует это заявление Вейсгаупта как наиболее убедительное доказательство его дерзкой нечестивости.

Символы, составляющие собственно предмет настоящего исследования, первоначально воплощали глубочайшие тайны теософии браминов; их охотно принимал утончённый гений александрийской школы и применял к скрытой мудрости Египта, и, наконец, в своём увлекательном и иллюзорном обещании просветления немногие яркие духи Средневековья искали нечто лучшее, чем просто детские сказки, порождённые монахами на примитивном буддистском материале, который тогда составлял эту веру. Эти святые образы всё ещё продолжают процветать, но только как знаки отличия и причудливые ритуалы того, что, в лучшем случае, просто благотворительность, и, пожалуй, только дружеская ассоциация. Таким же образом золотой пятиугольник Аполлона, который издревле высоко сверкал над Дельфийской святыней, в средние века стал символом гордого рыцарского ордена и надёжной защитой от молнии и огня, и, наконец, превратился просто в знак немецкой пивоварни!

Мастер-масон очень высокой степени недавно сообщил мне, что обнаружил эти *знаки*, используемых до сего времени, среди статуй в пещерных храмах Элефанты. Ещё важнее то, что хотя брамины являются масонами, но если европеец показывает им этот знак, они сразу закрывают руками глаза, чтобы не видеть профанацию святыни. Но этот любопытный факт можно объяснить совершенно определённо. Считалось, что мистерии Диониса, наиболее популярные из всех греческих мистерий, были привезены непосредственно из Сирии, и, конечно, принесли с собой знаки и обряды их родины. Излюбленными сюжетами расписных ваз периода *декаданса*, четвёртого и третьего столетий до нашей эры являются сцены из празднования этих мистерий, и в этих картинах постоянно

встречаются мистические сигилы, среди которых ярко сияет филфот [термин изначально использовавшийся как синоним свастики]. Но на самом деле все древние мистерии пришли с Востока, о чём говорят их *фригийские, митраистские* и *илионские* имена. Эти мистерии существовали открыто почти до конца Римской империи, но нельзя сказать насколько долго в средневековье они существовали как тайные и запрещённые.

По самой природе вещей мы можем с уверенностью сказать, что их знаки и символы после того, как эзотерические доктрины были забыты, перешли в репертуар всех «кто пользовался любопытными искусствами», алхимиков, астрологов и магов Тёмных веков, а затем стали собственностью розенкрейцеров, которые действительно были *прародителями*. Эти символы не являются недавними фирменными знаками (как сейчас преподносят) нынешних масонов.[1]

Наиболее важный вклад в историю масонских знаков (1877 г.) внёс г-н Арнольди Йели благодаря исследованиям галльских кладбищ в Болонье. Многие из извлечённых там ваз имели *сигилы* на своих основаниях, реже на самих вазах, которые, несомненно, имеют ту же природу и, что более любопытно, построены по тому же принципу, что и сигилы обычного каменщика сегодня.

Сигилы класса А (см. *Scavi presso Bologna* [итал. «Раскопки в окрестностях Болоньи» Вели]), могут считаться высшим авторитетом, потому что они являются настоящими знаками гончара, отпечатанные на глине перед обжигом. То, что они были отличительными знаками людей, а не просто религиозными символами, и на них стояли *имена* людей, незнакомых с письмом, можно заключить не только из сложившегося древнего обычая, но и из гораздо более частого появления класса, примеры которого он приводит из списка В.

1 У евреев есть традиция, доски скинии были отмечены еврейскими буквами, как руководство по сборке этого мигрирующего Храма. Поэтому одним из тридцати двух действий, запрещённых каждому религиозному еврею в день субботний, является письмо. По странному совпадению камни Стены Сервия Туллиуса в Риме исписаны масонские знаками, которые очень напоминают финикийские буквы.

Они исцарапаны на основании *после* обжига и, следовательно, были добавлены покупателями, а не изготовителями. Огромное разнообразие форм этих последних знаков в достаточной мере доказывает, что они были «знаками» частных лиц, а не кланов или племён. Класс С подобных «знаков», выгравированных на металлических изделиях, бесспорно ведёт к тому же выводу. Следует, однако, заметить, что, хотя эти символы нельзя отличить с первого взгляда от современных масонских знаков, образцы которых я привёл на большой гравюре, но при рассмотрении видно, что не было предпринято никаких мер для соблюдения *нечётного* количества вершин, что является главным правилом современного ремесла.

Когда мы переходим от цизальпин [живущих по южную сторону Альп] к западным галлам, мы находим те же свидетельства на их монетах. Большие куски биллона [низкопробного золота или серебра], явные экземпляры тетрадрахм Александра, так часто встречаемые на Нормандских островах, часто имеют символ на щеке Геракла и на поле реверса. Для чего предназначались эти символы, поставленные на таком видном месте, как не для того, чтобы сообщить миру о том, какое особое племя конфедерации, использующее один национальный тип, выпустило отмеченную таким образом монету? Есть некоторая аналогия этому в греческой серии, где отдалённые города используют изображение Афин или Коринфа, но делают эго отличным, помещая на поле соответствующий символ. Однако нам не стоит раздувать эту теорию до фантастических размеров, как барон Доноп, который, поражённый явным сходством этих знаков с кастовыми знаками индусов, строит на ней историю миграции арийцев в Джерси; а также указывает Пуранских божеств, к которым относится каждый из таких символов. Большое разнообразие таких символов и гораздо лучше исполненных можно увидеть на симпатичных геми-драхмах [полу-драхмах] Солимары, которые, как и вышеизложенные, относятся к временам, непосредственно предшествовавшим завоеванию Галлии Цезарем, дату которого можно точно определить по дате римских динариев, часто находимых в тех отложениях. Из-за длительного использования этих «знаков»

при римском правлении в Галлии всё ещё можно обнаружить их следы. «Башня Сен-Мар», которая врезается в образ при описании Рабле лошади Гарагантуа, представляет собой возвышенную четырёхугольную колонну, заканчивающуюся вершиной, компактной и искусно выполненной кирпичной кладки; она, по-видимому, была построена в первом веке Империи. С каждой стороны, ближе к верху, на кирпичах, отличающихся по цвету из основной массы, вырезаны различные символы того же типа, что и на монетах. Они могут быть ничем иным, как «гербы» городов или племён, объединившихся для возведения столь дорогостоящего памятника, который, как мы можем с уверенностью предположить, был предназначен для одного из тех «plurima simulacra» [лат. «многочисленных образов»] Меркурия, которые Цезарь видел в Галлии и которые образуют промежуточное звено между вертикально поставленными камнями (*menhirs* [фр. менгирами, историческими памятниками]), грубо отёсанными невежественными местными жителями в форме фаллоса наверху, и великим Колоссом Зенодора, до которого развился природной вкус во времена Нерона.

По счастливой случайности на моём пути оказалось другое, и гораздо более любопытное доказательство использования этих «знаков» варварской частью кельтов в гораздо более поздний период. То, что украшение на коже, которое дало название «пиктам», представляло собой *стигматы* в буквальном смысле этого слова, а не просто разрисовыванием вайдой[1] (как древние британцы), что явствует из высказывания Клавдиана:

> "... *ferroque* notatas
> Perlegit exanimes Picto moriente figures."
>
> «Они на телах умирающих пиктов видели знаки, выжженные железом».
>
> *«О гетской войне», XXVI, 417-18*

1 Растение широко культивировалось в Европе ради получения синей краски. – Прим. пер.

«Келлская книга» является рукописью, написанной когда-то в девятом веке. На одном из факсимиле её страниц, опубликованных Палестинским обществом, было написано: «Келлская книга». Среди украшений одной огромной заглавной буквы наиболее заметна фигура обнажённого человека, извивающегося среди её самых запутанных изгибов; тело этого человека полностью покрыто «знаками» различных форм и, судя по обстоятельствам, при которых был сделан рисунок, мы можем с уверенностью предположить, что под ним до нас дошёл портрет настоящего пикта, взятого из жизни. Четыре столетия, прошедшие со времени написания книги Клодианом, вряд ли изменили обычаи столь далёкой страны, и малое количество цивилизации, принесённое её романизованными соседями, вероятно, вернулось назад по мере того, как они снова впадали в своё первозданное варварство. Изображение пикта может также привести нас к выводу, что сигила на щеке Геркулеса из Джерси, на самом деле была выбита на щеке Геркулеса из Галлии, выпустившей монету.

Из уважения к популярной вере в *фирменные* масонского знаки я завершу этот раздел несколькими замечаниями о самом проверенном временем методе различения этих посвящений в любом мистическом обществе. Отдадим предпочтение Святому покровителю масонов, Иоанну Богослову, написавшему, что последователи зверя получат метку «на лбу и ладони», что является явным намёком на практику митраизма; об этом звере говорит Августин (как уже цитировалось), упоминая «некого демона, который заставит платить за свой образ кровью» Птолемей Филопатор, которого Плутарх описывает как «проводящего свои *трезвые* часы в праздновании мистерий и биении в тамбурин по всему дворцу», также носил на теле знаки Диониса, которые были, без сомнения, теми символами, которые во множестве изображались на вазах обрядов вакханалий. «Фирменный знак», однако, является неправильным названием для таких *знаков отличия*; они наносились на кожу, но не огнём, а более щадящим способом *татуировки*, как мы случайно узнали у Вегеция (I, гл. 8) Это также являлось обычной практикой в римской армии в его дни в конце четвёртого века. Он советует, чтобы новобранцу не наносили стандартных татуировок («Punctis signorum inscribendus est» [лат. «должны наносится знаки-татуировки»]), пока он не докажет с помощью

упражнений, что достаточно крепок для службы. То, что эти татуировки были отличительными знаками, нарисованными на щитах разных легионов, можно заключить из их изображения на эпитафиях отдельных лиц каждого корпуса.

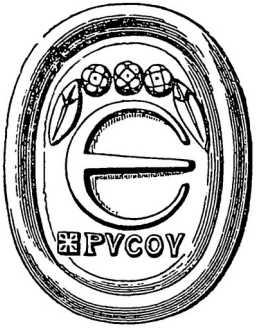


Рис. 18

Ксилографии в тексте

Фронтиспис. Керавния из зелёного нефрита, превращённая в гностический талисман, описанный на стр. 234.[1] Подарена в запасник Вулиджа генералом Лефрой.

Титульный лист. Версия офитов «доброго пастыря», описанная на стр. 267. Сердолик. (Нью-Йорк).

Змей Агафодемон с надписью ΙΘΙ «Со мной (ты будешь в безопасности»). Замечательный с точки зрения минералогии, как вырезанный на куске настоящего нефрита (коллекция Льюиса). Гр[авюра]. XII.

Рис. 1 [стр. 44]. Гностическая Горгона, поздний византийский амулет. Надпись, содержащая много грубых ошибок и сокращений, следующая: ΑΓΙΟCΑΓΙΟC ΚΥΡΙΟC CΑΒΑѠΘ ΕΝ ΤΟΙC ΥΨΙCΤΟΙC ЄΥΛΟΓΗΜЄΝΟC «Свят, Свят, Господь Саваоф, в вышних благословен!» Срисована в натуральную величину со слепка, который прислал мне много лет назад покойный г-н Альберт Уэй. Но благодаря чистейшей случайности, сама гемма (зелёная яшма) два года назад попала в руки г-на У. Толбот Хеди, давшего мне рисунок, из которого явно, что на другой её стороне изображена Святая Анна с младенцем Мадонной на руках, на поле есть её имя и звание, а вокруг надпись ΥCΤЄΡΑ ΜЄΛΑΙΝΗ ΜЄΛΑΙΝΟΜЄΝΗ ѠC ΘΑΛΑΤΤΑΝ ΓΑΛΗΝΗ CΑΙΝЄΙ: «О, чрево, чёрное, чернеющее, как штиль успокаиваешь море [ты тихо]». Поэтому эта гемма служила талисманом для защиты женщин во время беременности; этот факт объясняет её частое употребление. Шифле рисует другую гемму (только сторону Горгоны) в его "Abraxas seu Apistopistus: quae est antiquaria de gemmis basilidianis" [«Абраксас или Апистопист, являющиеся древними геммами василидиан»] № 70 Гр. 20.

Рис. 2 [стр. 66]. Бог Абраксас обычно изображался со щитом и кнутом, чтобы отпугнуть всех злых духов. На реверсе изображён змей Агафодемон в окружении триад священных

1 Все страницы приведены согласно этому русскому изданию книги. – Прим. ред.

животных Египта, поклоняющихся ему. Надпись на поле EVIA является сирийским словом «Змей», остальное остаётся необъяснённым. Срисован в натуральную величину с красной яшмы, обнаруженной в Бомбее, куда она, вероятно, была привезена беженцами из Персии в седьмом веке (коллекция Льюиса). Гр. 41.

Рис. 3 [стр. 83]. Круглая зелёная яшма (размером с рисунок), хранящаяся с незапамятных времён в соборе Маастрихта, где она считается «печатью Святого Серватия», хотя, на самом деле, существовала за многих веков до него, являясь изделием позднего средневековья. На аверсе поясное изображение какого-то святого, а на реверсе гностическая Горгона. Вокруг оправы с обеих сторон варварская попытка изобразить обычное византийское заклинание, то есть, только первые слова. Заклинание, полностью, можно перевести следующим образом: «Смерть, (Μοῖρα) чёрная, чернеющая, как змея ты извиваться, как лев ты рычишь; но как овца будешь ты лежать!» Гр. 57.

Рис. 4 [стр. 132]. Бог Абраксас на колеснице Солнца. Этот рисунок является уникальным в своём роде, и имеет большую ценность, как доказательство идентичности божества Василида с силой Солнца. Он, однако, был принят в новой религии согласно надписи на реверсе «Великие имена» Иао и Абраксас, написанных внутри колец змея, эмблемы вечности. Зелёная яшма. (Бозанкет). Гр. 103.

Рис. 5 [стр. 187]. Гор или весеннее Солнце, сидящий на лотосе или образе мира, смотрит на поклоняющегося ему бабуина или атрибут Луны. Яшма. (Нью-Йорк). Гр. 155.

Рис. 6 [стр. 189]. Солнце на своей колеснице, в руке шар; к нему обращаются в надписи как «Ты – наш отец!», а слово «траллиан», написанное на месте для надписи, говорит нам об одном из его титулов, и считается заклинанием при подагре. На реверсе изображена Луна, ведущая свою молочно-белую тёлочку, греческий аналог серебряной антилопы Чандра индусов. Гематит. (Нью-Йорк). Гр. 157.

Рис. 7 [стр. 209]. Исида, на лбу лотос, держит скипетр. Сардоникс. (Мьюирхед). Гр. 175.

Рис. 8 [стр. 212]. Кадуцей, миртовый венок. На реверсе красиво выгравировано APIKωΦI, что является точной транслитерацией древнееврейского заклинания против специального демона latrina [лат. бани, купальни], который встречается в Талмуде, и, следовательно, старше четвёртого века. Перевод – «на голове льва». Сард. (Нью-Йорк). Гр. 178.

Рис. 9 [стр. 231]. Бог Абраксас выгравирован в таком отличном стиле, что изделие должно датироваться началом образования секты. Зелёная яшма. (Нью-Йорк). Гр. 194.

Рис. 10 [стр. 284]. Бог Абраксас с именем «Иао, сын Вселенной!» Это – более точный перевод с иврита, чем «Вечный сын», предложенный Маттером. Гематит. (Нью-Йорк). Гр. 244.

Рис. 11 [стр. 297]. Талисман от сглаза. Столь ужасной орган нарисован в окружение символов богов, представляющих дни недели, например, лев Солнце, олень, Луну, волк Марс и пр., все собрались, чтобы отразить силу удара. Такие атрибуты дней пришли от халдейских астрологов; они представлены в живописи Геркуланума, но самое раннее их упоминание относится к Диону Кассию, который отмечает, что Иерусалим был взят «в день Сатурна». Сердолик. (Нью-Йорк). Гр. 256.

Рис. 12 [стр. 322]. Рисунок, грубо нацарапанный на гипсовой стене караульной комнаты или Палатина, представляющий человека из низшего класса touncatus popellus [лат. простонародья] или раба в позе поклонения двухсоставному божеству, возведённому на пьедестал и имеющему пояснительную надпись «Алексамен поклоняется Богу». Спорно, является ли это bona fide [истинным] поклонением Анубису с головой шакала или карикатурой какого-то языческого насмешника на новообращённого Алексамена и его недавно обретённого бога, изображённого здесь в форме, описанной Тертуллианом. См. пояснение на стр. 267 [в описании геммы «Доброго пастыря»]. Гр. 279.

Рис. 13 [стр. 347]. Поясное изображение Аполлона в греческом стиле с более поздней надписью, которая бы испортила правильное толкование, если бы не было другой надписи такого же рода, но более ясной. Это – портрет Песценния Нигера (Париж) с надписью «Святой Царь, Аполлон»

во здравие этого императора, написанной словами, начинающимися с заглавных букв. Следовательно, Ouri или Урий должен читаться Βασιλεὺς Ἀπόλλων Ἱερὸς Σεου(ηοον) (σῶζε) [Царь Аполлон Святой Ты (спаси)], и таким же образом призывать Бога здоровья оказать эту услугу сопернику Песценния, Северу. Сердолик. (Нью-Йорк). Гр. 302.

Рис. 14 [стр. 374]. Перстень-талисман епископа Зефрида, найденный в его могиле, теперь хранится в Библиотеке собора, Чичестер. Гр. 328.

Рис. 15 [стр. 387]. Агафодемон представлен надписью «Я – Хнумис, Солнце Вселенной, 700». Греческая цифра, вероятно, является числом его имени. «Так же, как 888 обозначает имя Иисуса, но что это за имя, я оставляю решать более знающим каббалистам, чем я сам». Халцедон. (Британский музей). Гр. 340.

Рис. 16 [стр. 405]. Серапис и Агафодемон, соъединённые в одно тело, сидят на престоле и держат сферу, изображая Властелина Вселенной. Им поклоняется киноцефал, атрибут луны, и из этого можно сделать вывод, что Серапис должен пониматься здесь в более узком смысле, как солнечная энергия. Зелёная яшма (Нью-Йорк). Гр. 358.

Рис. 17 [стр. 422]. Сфинкс или эмблема тайны, играющий с жезлом, который держат обычно кандидаты на посвящение в Дионисию. (Нью-Йорк). Гр. 372.

Рис. 18 [стр. 489]. *Золотая* дельфийская буква E, увенчанная гирляндой из роз. Объяснение символа см. на стр. 342. Камея на агате-ониксе. (Нью-Йорк). Гр. 431.

Рис. 19 [стр. 493]. Ваза, нижняя часть которой сделана в виде тройного лица мальчика Атиса, а у основания лежит пастуший посох и дудки. Атис во фригийских мистериях упоминается как «Пастырь белых звёзд, направляющий их звуком своей дудки», что Татиан (Гимн Матери Богов) объясняет тем, что отождествляет его с силой, управляющей движением небес. Красная яшма. (Нью-Йорк). Гр. 466.

Рис. 19

Описание гравюр

Рисунки большей частью делались с гемм из кабинета Прауна, которые теперь переданы Британскому музею, а также с некоторых гемм из моей коллекции, находящихся теперь в Музее искусств в Нью-Йорке. Материалы – либо тёмно-зелёные или жёлтые яшмы, либо цветные халцедоны от оливково-зелёного до светло-жёлтого цвета. Все рисунки в два раза больше фактического размера.

Гравюра А.
Различные образы бога Абраксаса

1. Абраксас размахивает кнутом, чтобы отпугнуть злые силы, его щит украшен словом силы. Реверс, обычная греческая транслитерация еврейского имени Бога.

2. Абраксас, вооружённый мечом. Исключительно аккуратное исполнение инталии свидетельствует о первых днях религии.

3. Абраксас, вооружённый булавой, персидским оружием, которое выдаёт азиатское происхождение рисунка; молния на поле отождествляет эту силу с классическим Юпитером. На оборотной стороне изображена тройная Геката, царица Ада, размахивающая различными видами оружия с той же профилактической целью, что и сам бог. Уникальная комбинация идей выгравирована на круглой медной бляшке, найденной на юге Франции.

4. Змей Агафодемон с лучистой головой отождествляется по надписи с богом Абраксасом. Один из немногих образов, которые с уверенностью можно отнести к секте офитов.

5. Абраксас, весьма плохого и позднего исполнения. Имя «Саваоф» на оборотной стороне, означающее «воинства», ошибочно принималось невежественными эллинистами за настоящее имя Силы; они переводили «Господь воинств» как «Господь Саваоф». Под этим именем он в основном изображается на сигиле «Пистис Софии».

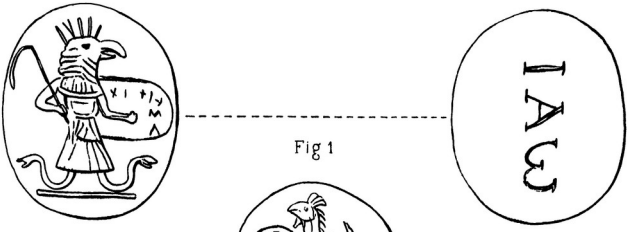


Fig 1

Fig 2

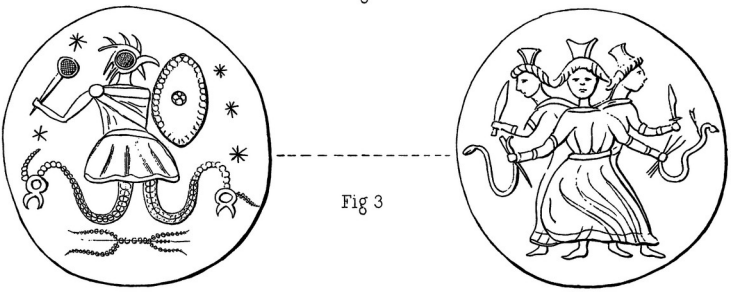


Fig 3

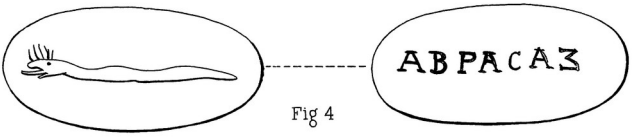


Fig 4

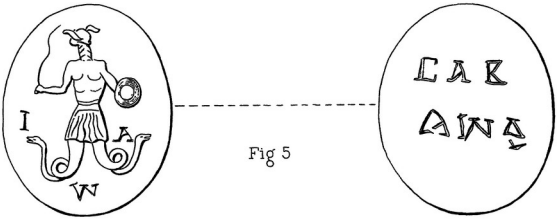


Fig 5

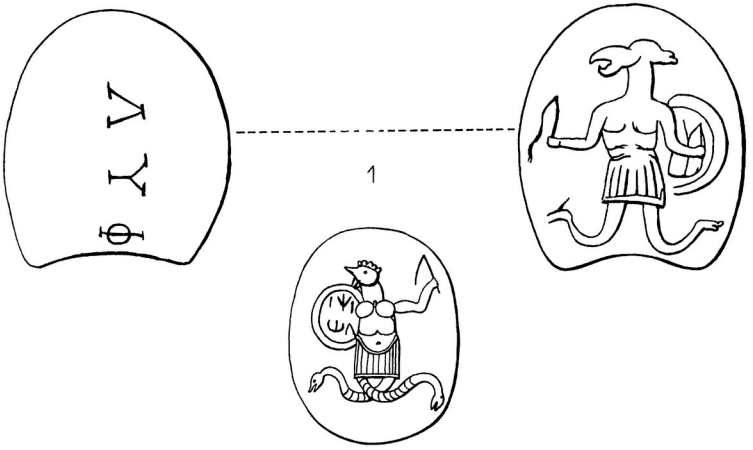
Гравюра Б

1. Абраксас изображён здесь с головой осла, и тем самым отождествляется с Тифоном, что является исключительным извращением древних понятий. Эта гемма очень ценная, так как чётко декларирует на надписи своё предназначение стр. 436, на реверсе ΦΥΛ (φύλασσε), «Защити меня», обращённое к Силе, изображённой на ней; и, таким образом, ставит под сомнение уничтожение всех других экземпляров этого класса.

2. Абраксас, аккуратная работа и ранняя дата, не позднее четвёртого века.

3. Гигант Тифей бросает вызов Юпитеру: его ноги-змеи означают, что он – сын Матери-Земли. Эта красивая глубокая инталия, которая относится к итало-греческому искусству, была найдена в Кумах и представлена здесь только для того, чтобы показать источник, откуда сектанты времени упадка заимствовали идею подобных комбинаций столь несоответствующих элементов. (Обожжённый сердолик, Нью-Йорк.)

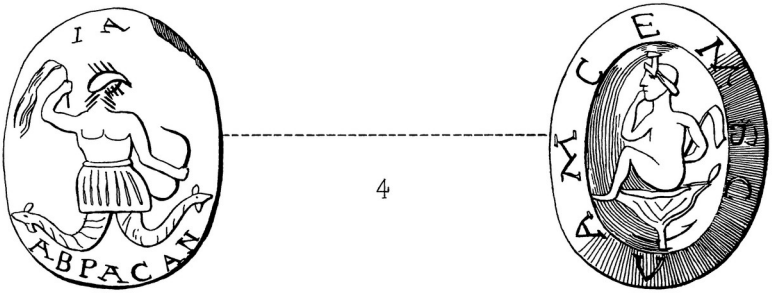
4. Абраксас с хлыстом и щитом разделяет власть с Гором, сидящим на лотосе, обычно олицетворяющим весеннее солнце. Значение образа изложено в надписи, которая представляет собой греческую транслитерацию древнееврейского выражения Шемеш Олам, «Солнце Вселенной». Объединение двух образов указывает на то, что Абраксаса здесь нужно понимать в его первоначальном значении, простой персонификации солнечной энергии.



1

2

3



4

Гравюра В

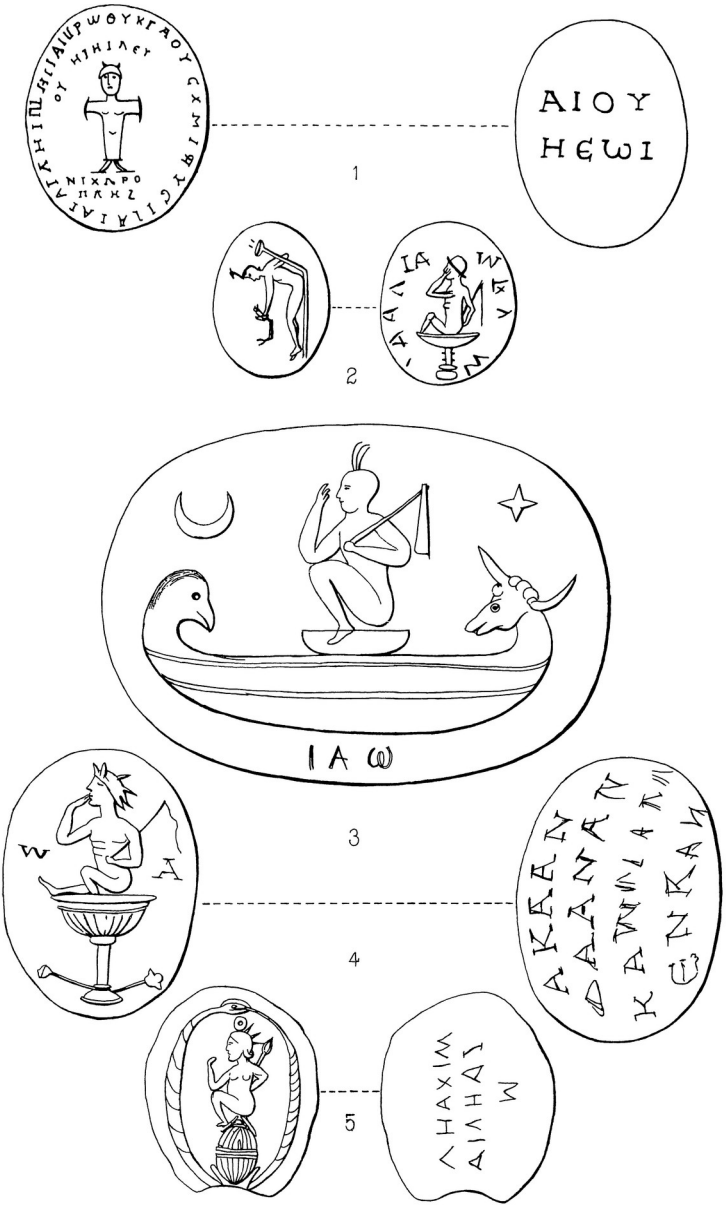
1. Фигура, возможно, по форме похожа на Эон Иустина «Крест». Окружающая её надпись без пробелов не даёт никаких вразумительных слов, но имя под Гермесом ΝΙΧΑΡΟΠΛΗϹ встречается также на талисмане из французского кабинета. На оборотной стороне написаны семь гласных (или «гласов»), обозначающие непроизносимое Имя, которое никогда не произносилось вслух со дня разрушения Храма, но сообщается только шёпотом каждому раввину после его рукоположения. Примечательно, что талмудист, который помнил второй Храм, замечает, что это святое Имя скорее «пелось, чем произносилось» во время службы. Поэтому мы можем предположить возможность имитации его звучания в перестановке гласных, которые составляют столь важный элемент в построении наших талисманов.

2. Отец Нил, откинувшись, протягивает рог изобилия, что символизирует миролюбие 1. Поскольку «число его греческого имени» 365 эквивалентно числу имени Абраксаса, вполне вероятно, что, согласно каббалистическим правилам, он здесь представляет этого бога. Это объяснение подтверждается на реверсе образом Гора, сидящем на лотосе, к которому обращена греческая транслитерация иврита Авланатаналва: «Ты – наш Отец!».

3. Гор сидит в барисе или священной лодке, нос и корма которой венчают голова сокола Фре и голова быка Аписа. К нему здесь обращаются непроизносимым Именем.

4. Это же божество, к которому, как и прежде, обращаются с приветствием Авланатаналва, за которым следует невразумительное слово. Неумелый гравёр гемм, неспособный вырезать кривые линии в надписи, придал букве В форму буквы К, что увеличило трудность расшифровки этой надписи.

5. То же божество, но теперь сидит на скарабее, образе Творца, заключённого внутри кольца змея, эмблемы Вечности. С этими чисто фараоновыми символами реверс сочетает имя еврейского архангела Микаэля и семь гласных непроизносимого Имени, таким образом, представляя поучительный пример примирения, по-видимому, наиболее антагонистических убеждений, являющихся основой гностицизма.


1
2
3
4
5
ΑΙΟΥ
ΗΕΩΙ
ΙΑΩ

Гравюра Г.
Сигиллы змея Хнуфиса

Этот класс изображений не имеет никакого отношения к гностицизму, рассматриваемому как проявление христианства, являясь не более чем талисманами для защиты грудной клетки, как я уже показывал на Галене. Действительно, каббалисты Александрии стремились повысить целительное действие древней фараоновой сигилы, добавив к ней формулы своего образца, воплощавшие всемогущее Имя, но это не наделяло гемму каким-либо духовным смыслом. Термин «каббалист» я всегда буду использовать в этом трактате строго в общепринятом понимании, и сейчас наиболее уместно изложить причину моих утверждений. Сегодня, как правило, считают каббалу изобретением средневековья, и так, вероятно, оно и есть в том виде, в котором каббала сейчас представлена нам. Я не собираюсь ссылаться на самого известного учёного раввина нашего времени, но смело утверждаю, что сам Моисей был серьёзным каббалистом, хотя сочинение «Мудрость египтян», в котором Священное Писание заявляет, что он был искусным человеком, было несомненно той же природы. Если непредвзятый человек внимательно прочитает то, что я привёл из учений Шастри и Марка (они были «обращёнными» иудеями), найдёт там вполне сложившуюся систему каббалы, а её самые ранние и египетские зачатки в «Пистис Софии» Валентина. Никто из людей, действительно знакомых с историей религий, не может предположить, что эти теософы придумали свои правила толкования; они просто применили древние принципы толкования Ветхого Завета к толкованию Нового Завета.

Если мы обратимся к нашему Хнуфису, Хубису или Хуфису (поскольку таким образом греки транслитерировали коптское имя Кнеф), то вероятно, что почитание этой сигилы фараона Нехепса было истинным источником надписи относительно вознесения Моисеем медного змея. Во всяком случае, я знаю

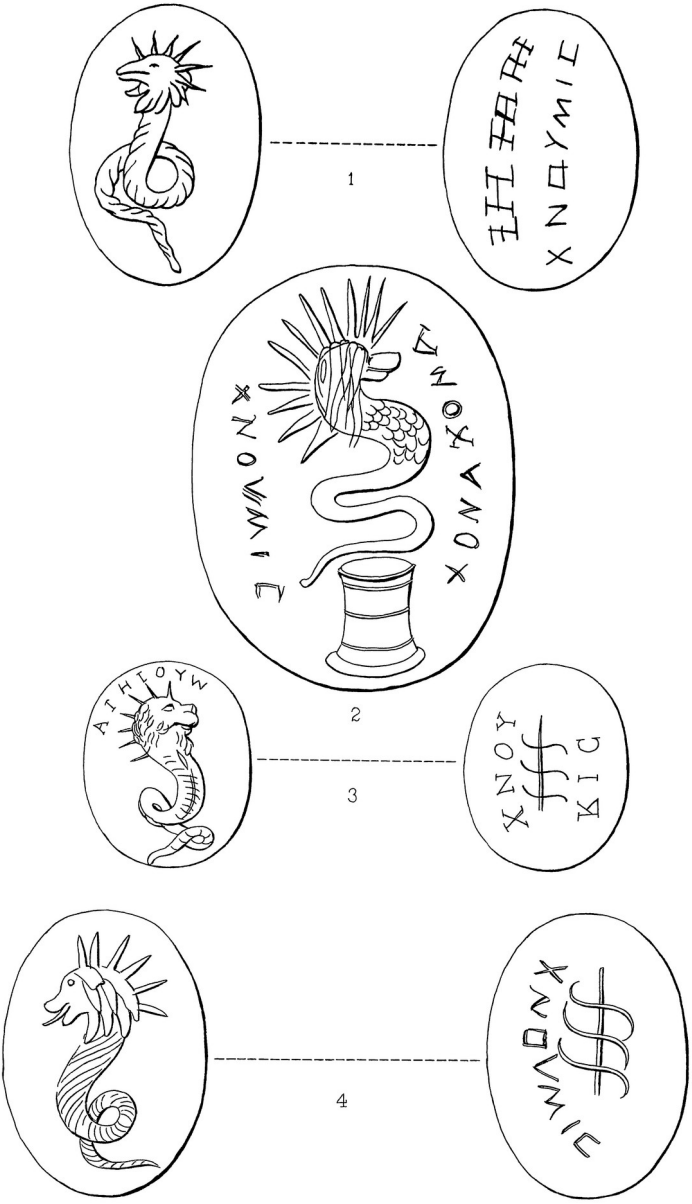
изображение на эмали (тринадцатого века), на котором змей, поднятый на крест, изображён с лучистой львиной головой, как его изображали на этих талисманах. Эта особая сигила, как правило, была выгравирована на халцедоне, цвет которого варьируется от оливково-зелёного до воскообразно-белого. Лучшее изделие выполнено на гелиотропе с непрозрачной белой линией (Плиний «Iaspis Graminatias»), которое, по его словам, высоко оценили ориенталисты, как амулет.

1. На оборотной стороне этой геммы надпись Хумис, сопровождаемая рядом гласных, которые, как представляется, содержат слово IEH, согласно каббале являющееся неполным именем Бога. Гр. 438

2. Змей возвышается над тимеле или вакхическим алтарём. Это сочетание указывает на мистерии Дионисия. Он заявляет на фонетическом иврите: «Я, Я – Дух Благой». Обратная сторона этой геммы была покрыта длинной надписью мелкими буквами, теперь почти полностью потерянными из-за повреждения материала огнём костра, на котором он сопровождал своего владельца. (Нью-Йорк.)

3. У этого Хнуфиса исключительно прекрасной работы и ещё более изящного материала все семь лучей короны увенчаны по одной из семи гласных, составляющих непроизносимое Имя. На оборотной стороне изображён обвитый змеем жезл (знак египетского жречества), который обычно сопровождается этой сигилой и, без сомнения, прибавляет ей силу. Отсюда происхождение посоха Моисея и Эскулапа.

4. Ещё один Хнуфис в обычном стиле. Примечательно, как гравёр пытался придать разнообразие бесконечному повторению той же самой сигилы, изменив расположение колец змея.


1
2
3
4

Гравюра Д.
Памятники культа Сераписа

1. Серапис, считающийся богом Солнца, возведён на престол. У его ног трёхглавый монстр, описанный Макробием. Перед ним стоит Исида или Мать-Земля, держащая связку пшеничных колосьев и маковых головок, чтобы отметить свой характер. На надписи призыв «Непорочная Владычица Исида!». Прекрасный образец александрийского искусства на красивом сердолике. (Нью-Йорк).

2. Венера укладывает волосы перед зеркалом, которое держит амур. Два парящие в воздухе амура держат венец из мирта над её головой. Надпись «Явление Арорифа» встречается в аналогичной связи на гемме Парижского кабинета. Трудно определить, является ли она «nuda veritas» [лат. обнажённой истиной] (об этом каббалистическом откровении Марку говорится в моём трактате) или просто талисманом, привлекающим возлюбленную к владельцу. Материал, магнитный гематит, указывает на последнее предположение. На оборотной стороне изображён Гор, сидящий на лотосе, растущем из бариса, который построен из сколоченных длинных стеблей папируса. Он здесь называется Абраксас и окружён поклоняющимися тройками всех животных, которых считаются священными у египтян. Справа от него находится символ Солнца.

3. Поясное изображение Сераписа, очень любопытное из-за молитвы вокруг него: «Защити, Юпитер!», доказательство того, что Серапис здесь рассматривается как Высшее Существо, а древний Юпитер сводится к чину астральной силы, как, впрочем, он иногда понимался в лучшие времена. Так, Персий пишет: «Saturnum que gravem nostro Iove fregimus una» [лат. «Сатурн и суровый наш Юпитер сокрушают вместе»]. (Ст. 50).

4. Исида в покрывале с металлическим слитком на голове опирается на высокий скипетр в позе римской Юноны, за которую она могла бы ошибочно приниматься, если бы не надпись на другой стороне: «Отведи, Серапис, дурной глаз!» Это указывает на предназначение этого талисмана. Гр. 439.

5. Серапис на троне анфас. За надписью «Гермес» следуют три буквы, инициалы какого-то широко известного тогда обращения к этому богу или просто личная подпись (Марциал упоминает имя врача), инициалы указывают на его занятие. Бог Теней был очень подходящим покровителем для профессионала, который, несомненно, сделал всё возможное, чтобы увеличить ряды своих подданных. Красная яшма. (Нью-Йорк.)

1

2

3

4

4

5

Гравюра Е.
Древние египетские образы, приспособленные для гностических идей

Именно в этом классе влияние иудаизма более ярко выражено, чем в любой другой серии этих памятников. Эти геммы предназначались как амулеты против власти демонов либо специально, либо в болезнях, причиной которых они были для человечества. Но прежде, чем идти дальше, необходимо прояснить этот любопытный предмет и кратко обрисовать ортодоксальную иудейскую доктрину на этот счёт. Не существует такой вещи, как злой дух от природы, поскольку Бог, будучи добротой, абсолютно неспособен творить зло. Сатана сам является ангелом, как и другие, и имеет своё собственное место в Царстве Небесном. Но он уполномочен искушать силу добродетелей человека, так как без борьбы не может быть венца. Вавилонский раввин Филемон 2, продемонстрировав эту великую истину к удовлетворению своей многочисленной школы, был удивлён на следующий день посещением этого Ange mal entendu [фр. настоящего злого ангела] в телесном виде, публично поблагодарившего его за старания 3, которые он приложил, чтобы выставить его характер в истинном свете. Но, к сожалению, Демиург начал работу с того, что создал много духов, когда наступил канун Субботы, прежде чем он создал достаточно тел для половины из них. Эти бедные бездомные существа, естественно, не злые, но ревнуют к своим более удачливым братьям по той же причине, что «человек, у которого нет верхней одежды, ненавидит человека, который её имеет». Поэтому они бродят по всему миру, всегда стремясь проникнуть в тела, которые уже заняты. Их борьба с законным владельцем рождает все болезни, которым плоть является наследницей. Примечательно, что такая вера присуща примитивным народам, как бы далеко они друг от друга ни жили – самоеды, индусы, краснокожие индейцы. Нечто похожее можно найти и в любопытных

изысканиях Плутарха о природе демонов, содержащихся в его двух трактах об оракулах. В наши дни модно верить, что евреи заимствовали все свои метафизические теории из афоризмов платоников. Но тот, кто глубоко проник в эту тему, имеет веские основания предполагать, что и евреи, и греки шли независимо друг от друга от гораздо более древнего источника таких традиций. Гр. 440.

1. Змей Агафодемон, возвышающийся над парой человеческих ног. Уникальная разновидность класса – эта же идея чаще всего воплощается в человеческой фигуре с головой и шеей змея или в змее с головой Сераписа. Похоже, что длинная надпись на поле начинается с имени «Абраксас».

2. Анубис с головой шакала держит по египетскому скипетру в каждой руке, сзади по обе стороны Солнце и Луна, обычные эмблемы вечности. Замечательный образец религиозного синкретизма, так как сила бога-фараона удваивается при добавлении на обороте имени Микаэля, ангела-хранителя еврейской расы, между четырьмя звёздами, которые, безусловно, означают буквы великого Тетраграмматона.

3. Мумия, обвитая кольцами Агафодемона. Разрозненные буквы, написанные вокруг (часто встречающиеся на этих геммах), похоже, скрывают слово «Инитиа». Если это так, то гемма может быть знаком (символом), данным неофиту после его посвящения в определённые тайны; обычай, о котором упоминает евангелист Иоанн, говоря о «белом камне» с выгравированным на нём новым именем, чтобы дать его побеждающему [Отк.2:17].

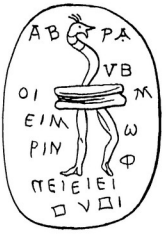
4. Сила, вооружённая двойными руками и крыльями, несущая скипетры, чтобы показать своё достоинство, на голове у неё стол для таинств. Нижняя часть ствола дерева с пятью отрубленными ветвями имела, несомненно, глубокий мистический смысл, вероятно, степень человека, который носил талисман. Самое варварское исполнение, но ценное из-за имени «Байнхо» на оборотной стороне – астральная Сила, согласно «Пистис Софии», обитающая на планете Меркурий.

5. Анубис, в одной руке скипетр, в другой – канопа, стоит над открытой кистью левой руки, которая, по словам Апулея,

является образом правосудия. Рядом с ним богиня Истины, её голова состоит из пучка страусовых перьев, под её ногами сосуд в форме вымени, который носили во время шествий Исиды. Обращение к одному божеству: «Ты – наш Отец!», а к другому божеству: «Солнце Вселенной!» Буквы в середине, кажется, составляют имя владельца, «Пиа …».

6. Анубис выступает со скипетром и ситулой; надпись на обороте непонятна.

7. Талисман, безусловно, должен быть сильным, потому что он сочетает в себе силу Анубиса, Хнуфиса и Гора с силой Бога евреев, грубо вырезанных на четырёх сторонах кубика из фукситового сланца.

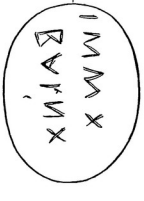

ΑΒ ΡΑ
VB
ΟΙ
ΕΙΜ
ΡΙΝ
ΠΕΙΕΙΕΙ
ΟΝΟΙ

1

ΜΙΧΑΗ

2

3



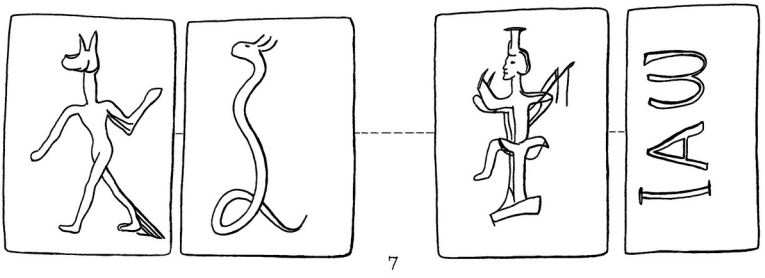
4

ΑΒΛΑΝΑΘΑ
ΛΙΗΗ
ΙΕΜΕΕΙΛΑΜ

5

ΚΑΤΑΠΛΑΕ
ΒΕΝΑΡΑΜΛΜ
ΧΓΙΕΡΕΥΟΙΛΗ
ΤΝΕ

6


ΙΑΩ

7

Гравюра Ж.
Египетские образы

(продолжение)

1. В эту композицию вводится элемент из редко используемого источника. Греческий Аполлон, отличающийся своим характерным атрибутом, веткой лавра, по-видимому, ласкает Ибиса, посвящённого Тоту, писцу богов. Последнее божество отождествляется с Гермесом, птица несёт на спине кадуцея, а на голове – кукурузную меру, типичный образ изобилия.

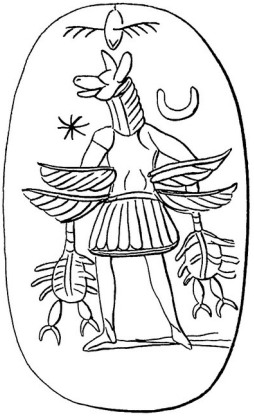
2. Тифон с головой осла или Принцип Зла с четырьмя крыльями и одной ногой с копытом держит за хвосты двух чудовищных скорпионов; над его головой летает скарабей. Никакого эзотерического смысла, а просто амулет от укуса этого насекомого, сделанный по правилу, предписанному в таких случаях. Наиболее убедительным доказательством этой практики является ранняя греческая гемма, опубликованная генералом Чеснола («Кипр», стр. Xl.17), изображающая двух ослов с объяснением ЕХК. И по сей день арабы всегда рисуют на своих амулетах образ того, от чего они должны охранять владельца.

3. Двойная Сила, которая сочетает голову шакала Анубиса и голову осла Тифона, одна нога с копытом; эта сила размахивает четырьмя руками с мечами и факелами, чтобы отпугивать злых духов. Надпись на обороте, ΠΕΡΑΑΜΒΑ VΒΑΚΑ ΚΞΙΚ Λ, не была прочитана, но содержит коптское имя Анубиса.

4. Солнце-бог Фре с лучистой головой поклоняется сидящему Тоту с головой ибиса и произносит обращение (вырезанное на обороте): «Ты – наш Отец!». Поскольку неоплатоники превратили Гермеса в Силу, которая регулирует движение небес (Юлиан обращался к нему с утренней молитвой), то по этой причине бог Дня должен воздать дань Тоту как своему высшему руководителю.

5. Очень популярный грилл, состоящий из эмблем стихий – птицы, обозначающей воздух, льва – огонь; головы барана – землю, и знака Вакха – воды. К этому языческому талисману был добавлен гностический ибис Тота со священными именами «Абраксас» и «Иао»; работа обеих сторон, очевидно, одной руки в стиле четвёртого века. Материал – редко используемый камень обсидиан.

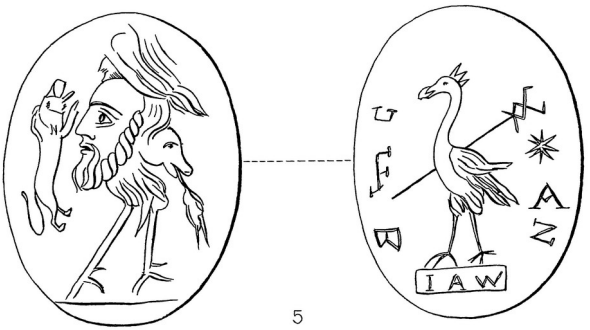
1



2

3

4



5

Гравюра 3.
Египетские образы
(продолжение)

1. Черепаха лежит на лотосе, который появляется из-за спины крокодила. Снова видна непонятная надпись на реверсе в связи с аналогичным рисунком крылатого гения с головой грифа, сидящем на спине двуглавого крокодила. Опубликована Уолшем (№ 13) в его «Монетах, геммах и т. д., иллюстрирующих развитие христианства».

2. Ковчег завета, видимо, скопированный с «Алтаря Лиона», весьма распространённого рисунка на медных монетах Тиберия. Гравёр этой поздней римской геммы не изучал подробного описания ковчега, данного в Законе. Существует раввинская традиция (хотя имеет значительный привкус александрийской философии, чтобы претендовать на доверие), что херувимы, помещённые над ним, изображались как мужчина и женщина в акте совокупления, чтобы выразить великую доктрину сущности формы и материи, двух начал всего сущего. Когда халдеи ворвались в святилище и увидели эту самую поразительную эмблему, они, естественно, воскликнули: «Разве это ваш Бог, которым вы хвалитесь, что Он такой любитель чистоты!?» На реверсе грубая попытка мистического слова Тетраграмматон, т. е. четырёхбуквенного имени», а именно: йод, ґей, вав, ґей. Имена Бога, согласно Каббале, имеют соответственно четыре, сорок две и семьдесят четыре буквы. Второе имя объясняет число жертв, принесённых Валаамом в его бесплодной попытке умилостивить Бога евреев, и, возможно, оно побудило составителей родословной Иисуса (хотя они работали независимо друг от друга) выявить то же мистическое число, сократив родословие второго периода на три царя.

3. Двукрылая и двурукая сила, держащая четыре египетских скипетра, и стоящая на змее, свёрнутом кольцами вокруг Святого Имени. Надпись представляет собой транслитерацию

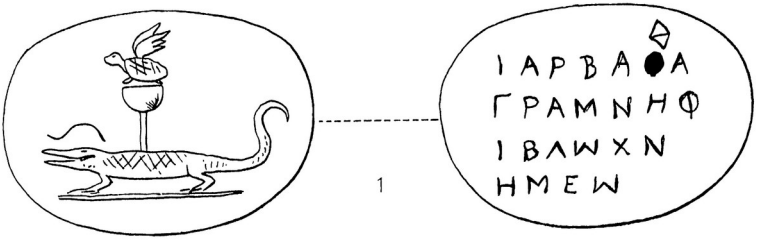
еврейского выражения «Свет Светов». Другую форму такой транслитерации даёт Келюс («Recueil d'Antiquités» «Коллекция антиквариата», VI, гр. 21) σρωοριουσ, читающуюся в обе стороны. На реверсе вырезан змей, обвивающий кольцами различные сигилы.

4. Бабуин Тота с солнечным диском на голове в позе поклонения. На реверсе HNA-MEPϢ, иногда написанно MAΠϢ-HNI, «Просвети мои глаза!». Откуда мы можем предположить, что этот очень распространённый образ является не более чем амулетом при офтальмии.

5. Эта гемма дана здесь как хороший пример больших чисел, хотя в общем её замысел и некие неизвестные символы на поле (печать Соломона, небесная сфера и т. д.) полностью соответствуют античному вкусу, что относит её создание к причудам средневековых шарлатанов и астрологов. Предполагала ли эта фигура идола «в облике Старика», в чьём почитании тамплиеры так упорно обвинялись? Настоящий образец, принадлежащий первоначально кабинету Прауна, вероятно, был изготовлен до начала семнадцатого века.

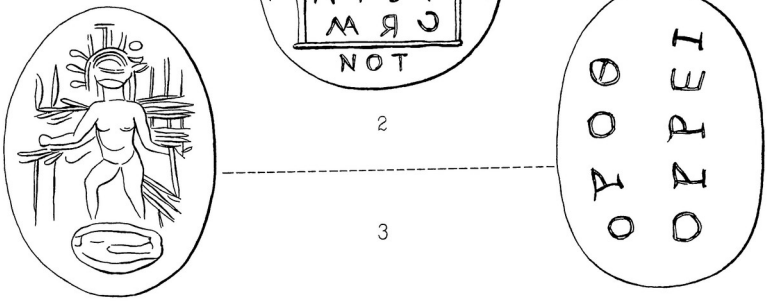
6. Контур человеческой фигуры заполнен «Святыми Именами», и тем самым представляет Адама Кадмона, «первоначального человека» каббалы. Самым ярким примером такой любопытной композиции, в которой буквы наиболее чётко видны, является гемма, данная Келюсом (гр. 22), на реверсе которой был вырезан в персидском стиле, более поздней рукой, идущий Лев.

7. Бабуин, поклоняющийся треугольнику, египетскому символу Луны, возвышается над колонной с надписью. Тот факт, что пифагорейцы (которые, очевидно, заимствовали всю свою систему из Египта) символизировали Афину с треугольником, придаёт вес тому понятию, что аттическая богиня была по своему происхождению просто выражением Лунной Силы.

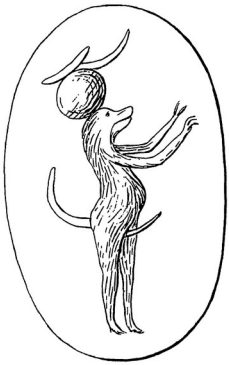


1

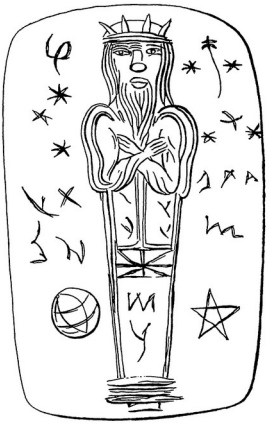
2



3



4



5

6

7

Гравюра И.
Темы, связанные с митраистскими мистериями

1. Это чудесная композиция может быть кратко описана строкой Манилия

«Quadrijugis et Phœbus equis et Delia bigis»

«Квадрига Феба и двуколка Делия»

Солнце и Луна в соответствующих местах; довольно языческий рисунок, но та же рука усилила действие геммы надписью "Иао Саваоф, Абраксас", т. е. Бог живой сохрани Апарастату, владелицу этого талисмана. Часто встречаются похожие формулы, всегда связанные с женскими именами.

2. Зороастрийская собака, о значение которой так много было сказано в этом трактате. Плохо вырезанная птица, вероятно, ворон, обычный атрибут митраизма.

3. Лев Ваала, сирийского Бога Солнца; ниже скарабей, олицетворяющий творческую силу. Финикийская надпись Osan ēl – "Бог даёт силы" является именем владельца печатки. Леви описывает агатового скарабея из Британского музея, в точности похожего на эту гемму (прекрасный сердолик); это служит доказательством популярности, как образа, так и имени.

4. Необычный рисунок для талисмана, мужской Сфинкс превращён в неизвестную птицу добавлением ног цапли и хвоста скорпиона. Он выгравирован в персидском стиле, поэтому я отнёс его в настоящий класс.

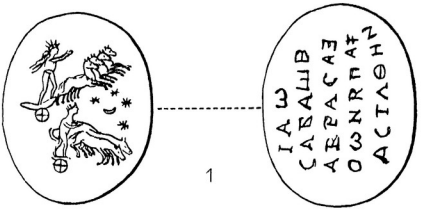
5. Зодиакальный Лев, управляемый своим астральным гением при прохождении через семь планет.

6. Бог Солнца с лучистой головой верхом на верблюде символизирует Восток. Ниже находится алтарь огня митраистского культа. Его сопровождает петух, атрибут Бога дня, впереди идёт конь – его особое жертвоприношение, как Овидий говорит нам:

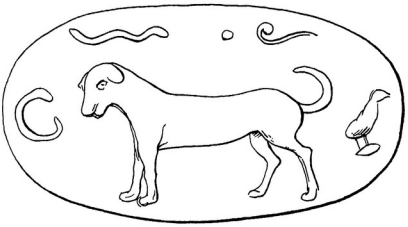
"Placat *equo* Persis radiis Hyperiona cinctum,
Ne detur Celeri victima tarda deo".

«Перс закалает коня лучистому Гипериону:
Быстрому богу нельзя медленный жертвовать скот».

Фасты, кн. 1, 385-86
перевод Ф. А. Петровского



1



2

3

4

5

6

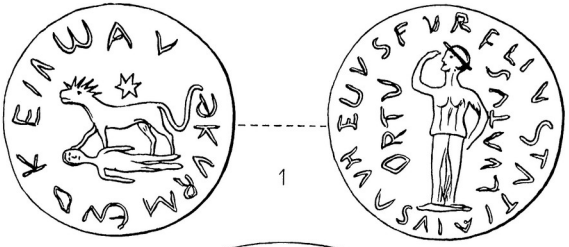
Гравюра К.
Митраистские образы
(продолжение)

1. Круглая медная пластина такого же размера, как на рисунке, носящая имя Аврелия Фуреллия или лица, для которого был изготовлен талисман. На нём изображена женская фигура, стоящая в позе поклонения; надпись «рождение спасения». На реверсе виден Солнечный Лев, стоящий над трупом; этот образ так часто встречается в этом классе, что может вправе относится к вступительному обряду посвящения или «имитации смерти», на что ссылается Спартиан.

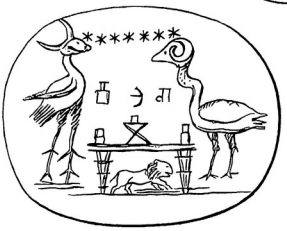
2. Самая изящная из этих мистических композиций, которые когда-либо встречались мне. Две цапли, одна с головой барана, а другая с головой быка охраняют митраистский стол для таинств, под которым лежит, свернувшись, Солнечный Лев или «дом Солнца». На столе стоят священные сосуды; над ним дельфийское Е, знак Аполлона, между двумя пальмирскими (?) буквами, наверху все семь планет, выгравированные с точностью достойной изящности стиля на очень красивом сердолике.

3. Талисман редкой силы, судя по изобилию символики, которой перегружены его обе стороны. Четырёхкрылая и четырёхрукая сила, стоящая как вавилонский Бел на воздухе, окружена множеством надписей, среди которых хорошо читаются обычные формулы «Ты – наш отец», «Солнце вселенной», «Микаэль» и «Адонай». На реверсе изображена стоящая женская фигура, которая поклоняется Богу, излучающему солнечный свет. На надписях можно различить «Абраксас», «Микаэль» и «Микало».

4. Этот образ отличается от последнего добавлением человека, лежащего под львиной лапой, и тем, что ничего определённого нельзя понять из разрозненной надписи. На реверсе великое имя «Иао Саваоф» и семь гласных. Сила этих слов является символом веры всех истинных иудеев. В 1835-6 годах раввин Нейтра из Венгрии на самом деле обвинялся в убийстве через проклятие с произнесением «Непроизносимого имени» в адрес одной просвещённой дамы, которой он приказал покинуть синагогу в день шаббата, потому что она появилась там с непокрытой головой; эта дама скоропостижно скончалась в тот же день. Раввин избежал осуждения, публично и торжественно отрицая обладание любой такой силой, к невыразимому недовольству всей своей паствы, которая смотрела на него как на предателя, отрёкшегося от Бога чтобы спасти свою жизнь!

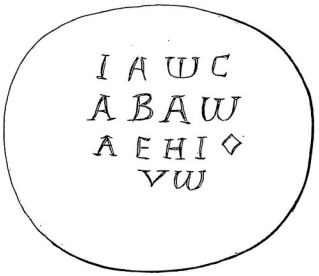


1



2

3



4

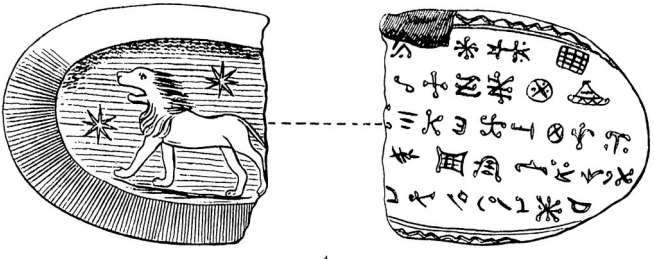
Гравюра Л.
Митраистские образы
(продолжение)

1. Митраистский лев, идущий на фоне небесных звёзд. На оборотной стороне изображено полное собрание сигил, которые можно найти, рассеянными по многим талисманам. То, что они означают имена божеств и астральных сил, можно догадаться из того факта, что мусульмане всё ещё обозначают Аллаха кругом, заполненными диагональными линиями.

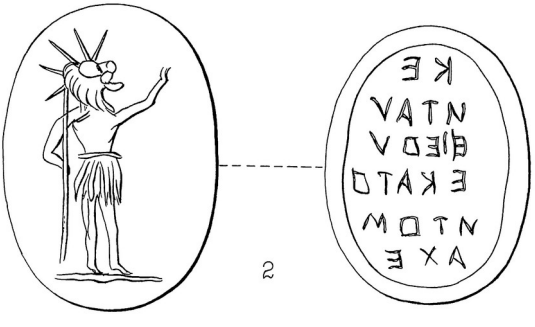
2. Человек с головой льва, несомненно, Леонтик (одна из степеней митраистских мистерий), произносит с поднятой рукой непонятное заклинание: «О, Кентавр Бога, Ты справишься с сотней [демонов]!» Здесь ἑκατοντομάχος образуется по аналогии от μονομάχος, «пара кому-то».

3. Мобед (зороастрийский жрец или маг) совершает вечернее служение перед алтарём, на котором находятся различные святыни, среди них можно узнать знаки отличия его профессии, меч и священные палочки. Рисунок выгравирован на основании конуса из халцедона, ранней формы печатки в Ассирии.

4. Гор, бог весеннего Солнца, делает жест восхищения, держа хлыст в левой руке. Он сидит на семенной коробочке лотоса, которая является ярким символом вселенной, благодаря её бесчисленному содержимому. В длинной, чётко начерченной надписи, расположенной на месте для надписей, до сих пор нельзя было объяснить формулы.



1



2

3

4

Гравюра М.
Талисманы общего характера

1. Зодиакальное чудовище, составленное из Скорпиона и Козерога, и несущее легионерский штандарт. Принимая во внимание, что первый Знак находится под покровительством Марса, согласно Манилию: «Pugnax Mavorti Scorpius haeret» [лат. воинственный Марс Скорпиона сопровождает], а второй является значком второго легиона Августа, мы можем логично предположить, что эта гемма была выгравирована ради какого-то члена этого корпуса. Сердолик. (Нью-йоркский музей.)

2. Три строки обычных гностических сигил в картуше, образованном кольцом змея, точно так же, как брамины до сих пор пишут великое Имя АУМ, являются верным свидетельством значения этих мистических букв. Сердолик вправлен в железное кольцо, от которого остались только фрагменты.

3. Фортуна с рулём и рогом изобилия в положение стоя. Обычное приветствие толпы «Feliciter», написанное разбросанными буквами, и пальмовая ветвь доказывают, что это гемма была подарком любимому кормчему. Её смысл такой же, как и у монограммы, часто встречающейся на поле медали Антофакта, которая также сопровождается пальмовой ветвью и составлена так, чтобы содержать элементы Palma Feliciter!

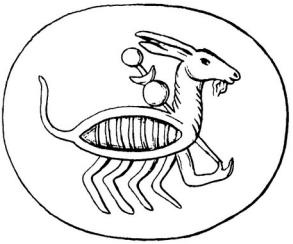
4. Маски Силены и Вакха объединены в контурах головы слона с кадуцеем в хоботе. Типичное животное Индии намекает на индийское происхождение бога. Изощрённая метафора была в моде у римлян, судя по числу таких композиций, которые они завещали нам. Красная яшма. (Нью-Йорк).

5. Астрологический трин или фигура, полученная делением круга Зодиака на равносторонние треугольники. Здесь Дева (Астрея) в вершине треугольника сидит на Тельце и Козероге. Это был гороскоп от Пескения Нигера, который перенёс его на реверс монеты из-за его уместности к своей фамилии Юстус, для которой Астрея была эмблемой.

6. Голова Горгоны; этот образ объясняется надписью: «Я защищаю Рхомандареса», какого-то греко-перса, если судить по его восточному имени. Люциан Младший рассказывает нам в своих «Филопатриях», что Горгону рисовали на щитах Героев как «то, что ограждает от всех опасностей». Красная яшма. (Нью-Йорк).

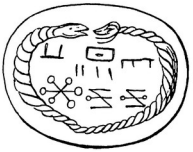
7. Марс в костюме солдата времён Константина с опущенным оружием. Надпись провозглашает силу сигилы: «Марс отрезал болезнь печени». Но наиболее интересный момент в амулете был обнаружен профессором Стивенсом, а именно, четыре символа позади головы Марса – это руны, обозначающие ABLE, помощь. При Константине и его сыновьях франки (как заметил Аммиан) были главными в армии. Легко представить себе, как какой-то офицер этой нации решил увеличить главную силу этого важного талисмана путём добавления одного из его национальных заклинаний. Выгравировано в лёгкой манере на гематите.

8. Обнажённый воин на скакуне размахивает булавой, которая является восточным оружием. Надпись «Печать Бога». Представляет интерес из-за материала – бирюзы. До сегодняшнего дня персы твёрдо верят в защитную силу этого драгоценного камня, который они называют *фируза* – «победитель».



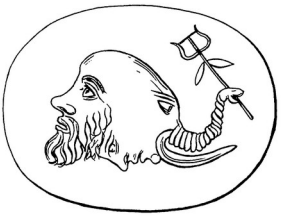
1

3



2

5



4

6

7

8

Гравюра Н.
Талисманы общего характера
(продолжение)

1. Общий характер выражается в высокой поэтической манере, объединяя все свои силы на защиту носителя. Орёл Юпитера (воздух), дельфины Нептуна (вода), лев Соло (огонь) нанесены на маску Пана, чья наполовину звериная природа является земной, от Земли.

Винкельман, описывая инталию из кабинета Штоша (№ 1232), где Пан играет на своей свирели, сидя в центре Зодиака, отмечает, что древние считали этого Бога «образом вселенной». И я увидел в его рогах и косматых волосах мистический намёк на солнечные лучи. По той же причине Аполлон поделился своим Грифоном с Паном, и Орфей поёт о нём как о «настраивании на гармонию мира через его весёлую музыку». Камея на ониксе (Роллин и Фюарден).

2. Исида в положении стоя с аспидом, знаком царственности, поднимающимся со лба. Коптская надпись начинается с имени Осириса. Буквы во внутреннем круге, кажется, относятся к простонародному греческому языку, не к пальмирскому. Я опубликовал эту гемму, как лучший пример этого класса, который когда-либо мне встречался, с любезного разрешения его владельца, г-на Дж. Ч. Робинсона. Тёмная яшма. (На реверсе более поздняя рука вырезала «великое имя» и семь гласных, адаптируя талисман к новому вероучению.)

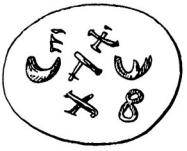
3 и 6 являются очень распространёнными формами, полностью состоящими из сигил и чисел; о числах подробнее будет сказано далее.

4. Заклинание «Велико имя единого Бога» является еврейским вызовом своему сопернику «Велико имя Сераписа», прекрасный образец которого публикует Келюс. Это – барельеф на античной пасте. Этот материал указывает на частое изготовление этой надписи для удовлетворения постоянного спроса.

5. Некие астральные силы, представленные известными тогда символами, зачислены этой гравировкой на службу леди Сабинии Квинта. Популярный своеобразный амулет; ещё один очень похожий на него, из известных мне, был изготовлен для некой Викторины.

Ипполит постоянно ссылался на Пифагора, как на истинного знатока гностики в приложении числительных для выражения вещей божественных. Он, как известно, научился этой системе в Египте, и, несомненно, принёс с собой шифры, которые использовал для той же цели среди своих учителей. Первые египетские цифры были самой простой природы, но их аббревиатура, в конечном счёте, превратилась в символические шифры нескольких дней месяца; и из этих шифров арабы придумали свою собственную систему счисления. Отсюда следует, что многие гностические сигилы, вероятно, являются не более чем цифрами, связанными с астрологическим использованием заклинания, на которые они попадают. В самом деле, Порфирий рассказывает о Пифагоре (в его жизни), что его знаменитые «числа» были просто иероглифами, когда он высказывал идеи, связанные с собственной философией. Так называемые «пифагорейские числа» показаны в рукописи геометрии Боэция, составленной в VI веке. И то, что «чисел» Пифагора было десять, видно из замечания Аристотеля («Метафизика» VII, 8): «Некоторые философы утверждали, что мысли и числа одной природы и равны десяти во всём».

То, что цифры, писавшиеся «последними из римлян» были египетскими простонародными символами по своему происхождению, является весьма вероятной гипотезой. Этот любопытный факт поразительно подтверждает то, о чём уже было сказано выше, а именно, что некоторые из них, если смотреть в перевёрнутом виде, имеют точную форму наших нынешних арабских цифр.



3

4

1

2

5

6

Гравюра О.
Индийские символы и кастовые знаки

I. 1. Образ Махадевы или Шивы. Олицетворяет огонь.

2. Образ Вишну – воду.

3. Шеркун – символ объединения двух стихий.

4. Пятиконечная фигура, представляющая соединение Брахмы (Создателя) с Шивой (Разрушителем), становится знаменитой «Печатью Соломона», знаком еврейского народа, и поэтому выгравирована на их могилах в римских катакомбах. Равносторонний Треугольник или Трикун символизирует триединое соравенство. Точка (математическая) есть самосуществующее божество. Круг выражает Брахму или Вечность. Треугольник, вписанный в круг, есть троица в единице. Круг в треугольнике есть единица в троице.

Поклонники шакти (женской силы) помечают свои священные сосуды очень выразительным символом № 5, поклонники Вишну – № 6; а поклонники Шивы – № 8, что означает совокупление Шивы с Дургой.

Среди надписей древних джайнских (буддийских) царей встречаются символы 8 и 9; а также так называемый «Меандр», который часто украшал греческие монеты.

Шесть следующих символов – различные кастовые знаки, которые религиозные индуисты каждое утро накладывают себе на лбы, из пепла коровьего навоза, цветной глины или истолчённого сандалового дерева, создавая большое разнообразие при использовании разных цветов. Приведённые здесь знаки обозначают последователей Вишну.

II. Эти знаки отличают сторонников Шивы и его жены Парвати. Самый очевидный символ пассивного начала природы, мистический символ йони (которым Сесострис клеймил народы, что подчинились его оружию без сопротивления), в основном пристойно представлен в общей форме этих знаков, причём оба божества главенствуют над распространением и изменением, которые примитивно называются смертью.

III. Другие кастовые знаки, обозначающие незначительные различия в сектах, которые их используют, приведены здесь, потому что они включают ряд некоторых знаков, по-видимому, бывших оригиналами некоторых средневековых сигил.

IV. Символы вырезанные на скалах в песчаных карьерах Сильсилиса в Верхнем Египте. То, что они идут в алфавитном порядке, можно догадаться из того, что их сопровождают фигуры различных животных. Они представляют большой интерес для нас, будучи идентичными тем, что часто встречаются на наших талисманах.

V. Пальмирское письмо на хорошо вырезанной надписи, хранящейся теперь в Лувре.

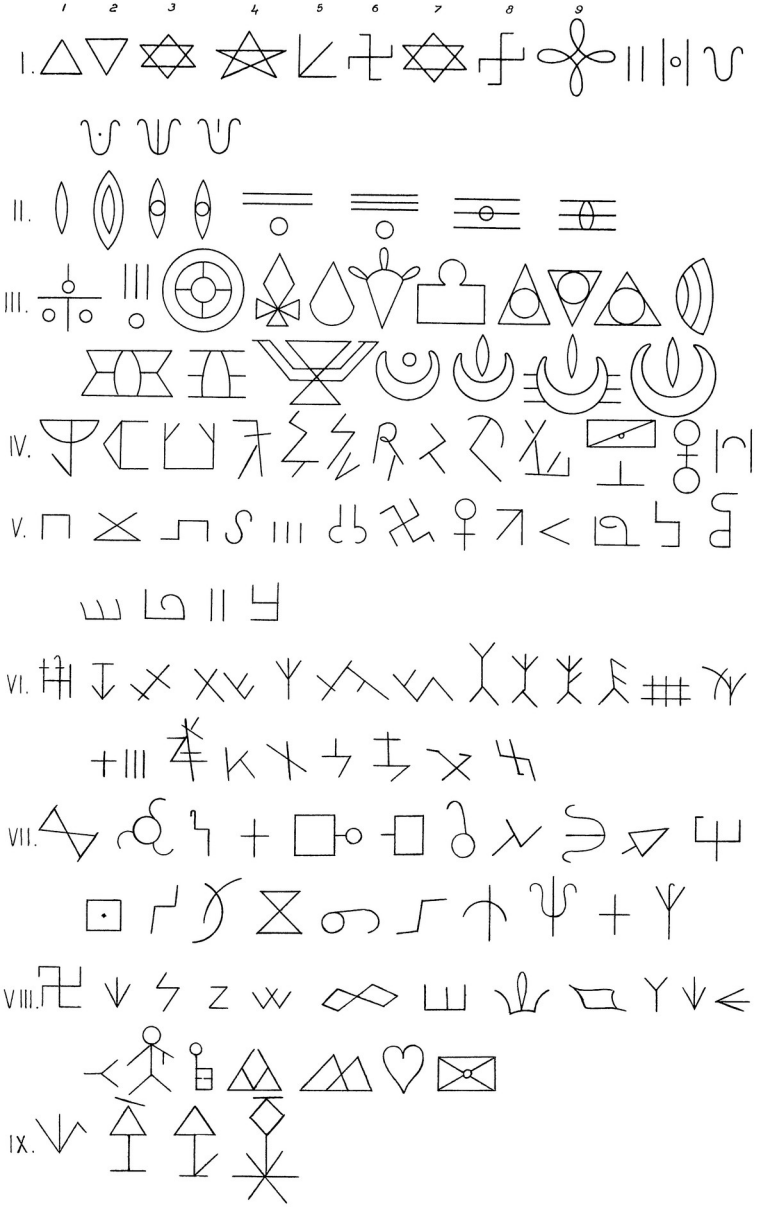
VI. Сигилы, точно по характеру масонские знаки, очень древней даты, так как они найдены на керамике из галльских гробниц недалеко от Болоньи. Некоторые из них отпечатаны на глине до обжига, и поэтому должны иметь имя изготовителя. Но большинство было процарапано на поверхности в более позднее время, вероятно, когда их помещали в гробницу, чтобы донести до потомства память о покойном. Приведённые здесь сигилы выбраны из списка, представленного Конте Гоццалини в его очень поучительном труде «Gli Scavi presso Bologna» [итал. «Раскопки под Болоньей»], 1877 год.

VII. Знаки масонов, вырезанные на тёсаных камнях старого дворца Садилат, около Исфахана, откуда они были скопированы Усели в надежде, что это надписи на каком-то незнакомом языке.

VIII. Знаки масонов из «гостиной» замка Раглан, елизаветинского сооружения. Их будет достаточно в качестве примеров записей, все они принадлежат средневековью, раннему или позднему, имеющие одну и ту же природу, хотя и бесконечно разнообразные в мелких деталях. Много их списков публикуется время от времени. Самый последний список знаков Даффильдской церкви (норманнское издание) опубликован в «Журнале дербиширского археологического общества» IX, стр. 168.

IX. Каждый истинный каменщик (не розенкрейцер, перешедший в масоны) после ученичества, будучи «свободным

и принятым» ложей каменщиков, получает свой собственный «знак», который он должен затем вырезать на всех камнях, обрабатываемыми им, чтобы отмечать свою работу, когда приходит день оплаты. Существенной особенностью этого знака является то, что он должен иметь нечётное число концов. Приведённые здесь знаки использовались каменщиками, занятыми на строительстве железной дороги Южного Уэльса. Наиболее убедительным доказательством никчёмности высоких претензий наших так называемых масонов является то, что они на самом деле совершенно не знают, что это самое древнее правило ложи, к которой они подстраиваются, всё ещё регулярно соблюдается.


1 2 3 4 5 6 7 8 9
I.
II.
III.
IV.
V.
VI.
VII.
VIII.
IX.

Библиографическое приложение

Йосифа Якобса, бакалавра гуманитарных наук

Часть I.
Гностицизм и его источники,
стр. 1-143 (112)[1]

Гностические ереси играют столь важную роль в христианстве первых трёх веков. Они, естественно, рассматриваются во всех историях церкви того периода, таких как истории Гизелера, Неандера, Хаса и Шаффа, а также в истории христианского учения (Гагенбаха, Ф.К. Мейера, Ф. Баура, А. Неандера, Л. Ноака и др.), и даже в истории философии Уэбервега, Целлера и т. д. Но монографическая трактовка предмета с богословской точки зрения (гностические геммы привлекла внимание уже давно), можно сказать, началась с

Неандер А.,[2] «Генетическая эволюция главных гностических систем» (Die genetische Entwickelung der vornehmsten gnostischen Systeme) Берлин, 1818 г. (Трезво и ясно).

Левальд Э.А.,[3] «Учение гностиков» (De Doctrina Gnostica), 1818 г.

Маттер Ж.,[4] «Критическая история гностицизма и его влияние на религиозные и философские сюжеты в шести первых столетиях» (Histoire critique du gnosticisme et de son influence sur les autres sectes religieuses et philosophiques pendant les six premiers siècles), Париж, 2 тома, 1828 г. (Второе и лучшее издание, Страсбург, 3 тома, 1843 г. Несколько поверхностно

1 В скобках указан номер страницы в оригинальном английском издании. Номера страниц в ссылках библиографии также указаны в соответсвии с английским изданием. – Прим. ред.

2 А́вгуст Иога́нн Вильге́льм Неанде́р (нем. August Johann Wilhelm Neander; 1789-1850) – германский протестантский богослов и церковный историк, преподаватель, духовный и научный писатель. – Прим. пер.

3 Эрнст Антон Левальд (1790-1848) – немецкий богослов. – Прим. пер.

4 Жак Маттер (фр. Jacques Matter; 1791-1864) – французский историк. Исследователь философии религии и гностицизма, автор французского существительного «эзотеризм» (фр. ésotérisme); биограф эзотерика Сен-Мартена. – Прим. пер.

и заумно, но всё же полезно. Даёт обзор всего предмета, включая иконографию).

Бёртон Э.,[1] «Исследование ересей апостольского века». Оксфорд, 1830. (Лекции в Бамптоне 1829 г., некритические; заменены для английских читателей Манселем).

Мёллер И.А.,[2] «Эссе о происхождении гностицизма» (Versuch über den Ursprung des Gnosticismus), Тюбинген, 1831 г.

Баур Ф.К.,[3] «Христианский гносис» (Die Christliche Gnosis), Тюбинген, 1835 г. (Место издания указывает на тенденцию этой публикации. Взгляды Баура лучше всего изложены в его книге «Das Christenthum der 3 ersten Jahrhunderte» [«Das Christentum und die christliche Kirche der drei ersten Jahrhunderte» «Христианство и христианская церковь первых трёх веков»])

Нортон, «История гностиков», 1845 г.

Россел Г., «История исследования гностицизма в богословском наследии» (Geschichte der Untersuchungen über d. Gnosticismus in his Theologische Nachlass), Берлин, 1847 г.

Липсий Р.А., «Гностицизм в энциклопедии Эрша и Грубера», 71, 1860 г. (Исходная точка новых направлений исследования вызвана публикацией Миллером Философумены, приписываемой Ипполиту (Clar. Press, 1851 г.).)

Мёллер Э.В. [Эрнст Вильгельм], «История космологии греческой церкви вплоть до Оригена» (Geschichte der Cosmologie der griechischen Kirche bis an Origenes), Лейпциг, 1862 г.

Мансель Х.Л., «Гностические ереси первого и второго веков». Лондон, 1875 год. (Посмертное издание под редакцией Дж. Б. Лайтфута. Лучшая английская работа, понятная, достоверная, основанная главным образом на Липсиусе, классификация сект географическая. Он располагает их так: «Упоминание гностицизма в Новом Завете» (IV, V.) – Предтечи, Симон Маг и Менандр (VI) – офитские секты (VII)

1 Эдвард Бёртон 1794-1836 гг., английский богослов.

2 Иоганн Адам Мёллер 1796-1838 гг., немецкий католический богослов.

3 Фердинанд Кристиан Баур (нем. Ferdinand Christian Baur, 21 июня 1792 – 2 декабря 1860) – немецкий протестантский богослов, основоположник тюбингенской школы.

– Керинтус, карпократы, назареи и эвиониты (VIII) – сирийские секты, Сатурнин, Татиан, Бардесан (IX) – египтянин Василид (X) – Валентин и валентиниане (XI, XII) – азиатский гностицизм, Маркион (XIII) – иудейская оппозиция, клементины, элькшаиты (XIV)).

Хильгенфельд А., «История ересей раннего христианства» (Die Ketzergeschichte des Urchristenthums), Лейпциг, 1884 г. (Плохо скомпонована, но в настоящее время вокруг этой работы ведётся дискуссия о гностицизме).

Это основные монографии по всему предмету. Кроме того, можно упомянуть несколько статей в богословских обзорах, многие из которых имеют объём монографий. Они были в основном вызваны различными упомянутыми выше публикациями, что видно по их датам. Ф. Р. Люке в «Берлинском теологическом журнале» 1819 г.; Дж. К. Л. Гизелер в «Литературном журнале Галле», 1823 г.; в «Богословские исследования и критика», 1830 г.; Ф. К. Баур там же, 1837 г.; Т. Чивер в «Американском библейском хранилище» 1840 г.; Р. Баксманн в «Немецком журнале» 1861 г. (перевод в «Американском богословском ревю» 1862 г.); Хильгенфельд в «Журнале науки богословия» XIII. Статьи в энциклопедиях часто показывают оригинальные исследования или приводят полезные сведения; помимо эпохального Липсиуса в энциклопедии Эрша и Грубера, можно ссылаться на статью того же писателя «Гнозис» в «Библейском словаре» Шенкеля (1868 г.); К. П. Уинг в Библейской энциклопедии Мас-Клинтока и Стронга, Т. III, 1873 г. [полезная библиография]; У. Л. Александр в последнем издании Китто и Дж. Л. Якоби в энциклопедии Херцога и Плитта.

Источники скудны и рассеяны, во всяком случае, в отношении работ самих гностиков. В дополнение к разбросанным фрагментам из «Spicilegium» [лат. «Сбор колосьев, оставшихся после жатвы»] Грабе были опубликованы:

Мюнтер, «Гностическая ода» (Odae gnosticae), Копенгаген, 1812 г.

Норберг, «Кодекс назареев или Книга Адама» (Codex Nazareus vel Liber Adami), Лейден, 1815. (Так называемая Библия гностицизма, т. е. мандеев, о которых см. «Христианское

обозрение», январь 1855 г. и Петерманн в энциклопедии Херцога.)

Ган А.,[1] «Гностик Бардесан, первый сирийский гимнолог» (Bardesanes Gnosticus Syrorum primus hymnologus), Лейпциг, 1819 год.

Ган А., «Антитезы гностика Маркиона» (Antitheses Marcionis Gnostici), Лейпциг, 1823 г.

Шварце М.Г. [Мориц Готтильф], «Пистис София», гностический трактат или лондонский кодекс, переведённый с коптского на латынь М. Г. Шварцем» (Pistis Sophia, opus gnosticum a codice manuscripto Coptus Londini descripsit et Latine vertit M. G. Schwartze) под редакцией И. Г. Петерманна, Берлин, 1851-3 гг. (Сейчас считается, что это произведение более поздних школ офитов, см. Р. Кёстлин, «Гностическая система в книге «Пистис София»» (Die gnostische System des Buches Pistis Sophia) в «Богословском альманахе» за 1854 год.)

Но истинные источники наших знаний о гностицизме можно найти у самых ранних ересиологов, Иринея («Против ересей»), Епифания («Против ересей») и Ипполита («Философские мнения или обличение на все ереси» или «Философумена»). О достоверности этих сочинений свидетельствуют многие источники.

Фолькмар Г., «Истоки ересей» (Die Quellen der Ketzerg)

Липсиус Р.А.,[2] «Критика источников Епифания» (Zur Quellenkritik des Epiphanios), 1865; «Истоки древних ересей» (Die Quellen der ältesten Ketzergeschichte) 1875 г.

Гарнак А., «Критика источников истории гностицизма» (Zur Quellenkritik der Geschichte des Gnosticismus), 1873 г. в «Журнале по истории богословия» 1874 г., стр. 143-226. «История ересей» (Ketzergeschichte) Гильгенфельда даёт глубокое изучение этих источников.

1 Август Ган (August Hahn) – профессор богословия (1792–1863).

2 Липсиус Рихард Адальберт (нем. Richard Adelbert Lipsius, 1830–1892) – немецкий протестантский богослов, профессор догматики и церковной истории в Лейпциге, Вене, Киле и Йене.

Стр. 3. Аристобул. Монография Валькенера «Об Аристобуле Иудее» (De Aristobulo Judæo), 1806 г., до сих пор самая полная и лучшая.

Стр. 4. Смотри стр. 18, обратите внимание на Еноха. «Книга Адама» – «Кодекс назареев, называемый Книгой Адама, написанный на сирийском языке, переведён на латынь М. Норбергом» (Codex Nasareus Liber Adami appellatus, syriace transcriptus, latineque redditus a M. Norberg), Берлин, 1815 г.

Стр. 7. Из множества литературы по Эфесу достаточно сослаться на Гуля, «Эфесские повести» (Ephesiaca), Берлин 1843 г.; Фалькенер, «Эфес и Храм Дианы», 1862 г.

Стр. 8. О следах гностицизма в Евангелиях. К. Х. Титманн, «Напрасно искали следы гностиков в Новом Завете» (De vestigiis Gnosticorum in Novo Testamento frustra quæsitis), Лейпциг, 1773 г.; перевод «Вклад в зарубежную литературу», Нью-Йорк, 1827 г. О дохристианском гносисе, Лайтфут «Колоссяне», стр. 80 и далее.

Стр. 14. Название дано выше, также монография Кёстлина.

Стр. 24. Евреи в древнем мире составляют предмет доскональных записок проф. Мейора о Ювеналие XIV. 96-106, составляющих более двенадцати плотно напечатанных страниц с последующей полной библиографией на рассматриваемый трактат, что соответствует его манере. Единственно важным трактатом после этого является работа Гейда «Евреи глазами римлян» (Les juifs devant l'opinion romaine) в «Журнале иудаики», 1884 г. Отношения гностицизма и иудаизма являются предметом первой работы историка Греца, «Гностицизм и иудаизм» (Gnosticismus und Judenthum), Кротошин, 1846 г.

Стр. 29. Зендавеста теперь переведена в серии «Священные книги Востока», тома IV, XXIII и XXXI. Смотрите работы Теле, «Краткое содержание истории религий», § 100. Главный труд Хауга, «Эссе о парсах» в Восточной серии Трюбнера. О влиянии персов на еврейскую ангелологию, Когут, «Ангелология Талмудов», 1868 г.

Стр. 33. Д-р Гинзбург собрал в небольшие рамки современные взгляды на каббалу в своей монографии «Каббала» 1866 г., с

тех пор она интересует еврейских учёных. Все научные исследования сводятся к тому, что каббала появилась в XII веке, хотя родственный ей мистицизм появился ещё в библейские времена. О большом влиянии каббалы в Средневековье см. Штёкль, «История философии в Средневековье» (Gesch. d. Philos. im Mittelalter), т. 2. По Талмуду на момент написания скоро появятся три монографии – проф. Штрак отдельно; д-р Гинзбург в Смит-Уэйс, «Словарь христианских биографий»; и д-р Шиллер Szinessy в Real-Encyclopädiea Гамбургера в Британнике, хотя и неравнозначным, но в настоящее время самым простым и доступным способом получения информации из вторых рук на талмудические темы.

Стр. 40. Камилло Леонарди, «Зеркало из камня» (Speculum Lapidum), Венеция, 1502 г.

Стр. 42. Самые ранние монографии, посвящённые связи гностицизма с Востоком, И. И. Шмидт, «Родство гностического учения с религиозными системами Востока» (Verwandschaft d. gnostischen Lehre mit den Religionssystemen d. Orients), Лейпциг, 1828 г. О Мани и манихействе важной работой всё ещё остаётся «Историческая критика манихейства» (Histoire critique du Manichéisme), Бособра, 1734 г. Но важные дополнения к нашим знаниям пришли из восточных источников, которые приводятся в несколько беспорядочном виде, но с отличным указателем в работе Флюгеля «Мани, его учение и сочинения» (Mani, seine Lehre und seine Schriften), Лейпциг, 1862 г. Ранние работы о Мани приведены в «Библиотека древнегреческих писателей» (Bibliotheca Graeca) И. А. Фабрициуса, т. VII Устава, стр. 310 и сл., ред. Гарлес. См. также Кесслер, «Исследование происхождения религиозной системы манихеев» (Untersuchungen zur Genesis des manichaische Religionssystem), 1876 г.

Стр. 49. Библиографию буддизма смотрите Тайд, «Краткое содержание» § 82. Хороший краткий обзор Т. Рис-Дэвидса (S.P.C.K.). Лучшие последние книги: Ольденбург, «Будда, его жизнь и учение», 1885 г.; и г. Керн, «Буддизм и его история в Индии» (Der Buddhismus u. seine Geschichte in Indien), Лейпциг, 1885 г.

Стр. 51 сн. См. «Буддийские архивы западного мира», перевод С. Била, в 2-х томах, 1885 г.

Стр. 52. Лучший обзор ессеев в приложении к «Колоссянам» Лайтфута, странно игнорируемый немецкими исследователями, как и Люциус.

Стр. 58. Специальная литература о Симоне Маге довольно большая:

Мосхайм, «О Симоне Маге» (De uno Simone Mago) в его «Диссертации по истории церкви», 2-е изд., т. 2, Альтон, 1767 г.

Симсон А., «Жизнь и учение Симона Мага» (Leben und Lehre Simon Magiers) в «Журнале истории богословия». 1841 г.

Гульзен Ф., «Симон Маг, жизнь и учение» (Simonis Magi vita doctrina que), Берлин, 1868 г.

Гильденфельд А., «Симон Маг» (Der Magier Simon) в «Журнале истории богословия», 1868 г., стр. 357-96.

Липсиус А., «Истоки римского предания об апостоле Петре» (Die Quellen d. romischen Petrussage), Киль, 1872 г.

Мёллер В., в энциклопедии Херцог-Плитт, 1884 г., т. XII, стр. 246-56.

О предполагаемой статуе Симона см. А. Ван Дэйл, «О статуе Симона Мага» (De statues Simonis Magi), Амстердам, 1700 г.; и в «Своде латинских надписей»[1] (Corpus Inscriptionum Latinarum), VI, 1.

Стр. 70. О Василиде помимо написанного Закагни труда «Собирание памятников церкви, греческой и латинской, в Риме» (Collect. monument. vet. ecclesiae, gr. et lat. Romae) смотрите Ульхорна, «Система Василида» (System des Basilides), 1855 г.

Баур в своём «Богословском альманахе», 1856 г.

Хофстеде де Гроот «Василид, как первый очевидец новозаветного писания» (Basilides als erste Zeuge f. neutestament Schriften, перевод с голландского), 1868 г.

Якоби Ю. Л. [Юстус Людвиг], «О происхождении системы Василида» (Über d. ursprungl. Basilid. System) в «Журнале истории церкви» 1877 г.; стр. 493 и далее.

Стр. 82. Помимо пособия офитов «Пистис София», упомянутом выше, особую трактовку можно найти в:

Мосхайм, «История братства офитов» (Gesch. d. Schlangenbrüder), Хельмштадт, 1746-8 гг.

---

1 Собрание латинских надписей эпохи античности.

Фульднер А., «Об офитах» (De Ophitis), Ринт, 1834 г.

Липсиус, «О системе офитов» (Über de ophit. System) в «Журнале науки богословия» 1863-4 гг.

Жиро Ф., «Офиты, историческо-богословское исследование их первоначальных взглядов и изречений» (Ophitæ, dissertatio historico-theologica de eorum origine placitis ac fatis), Париж, 1884 г. (лучший современный труд).

Стр. 104. Об египетском пантеоне см. Липсиус, «Пантеон древних египтян» (Der Götterkreis d. alten Aegypter), Берлинская академия, 1851г. и Тиле, § 29. Их изображение в искусстве лучше всего дано Перро-Чипиэсе, «Истории искусства в древности – Египет» (Histoire de l'Art dans l'Antiquité–Egypte, также в переводе на английский язык, 1884 г.). Масперо, «Археология Египта» (Archéologie égyptienne), 1887 г.

Часть II.
Культы Митры и Сераписа,
стр. 143 (115) и далее

Интересные проблемы, которые связаны с поклонением Митре, были рассмотрены в следующих специальных работах:

Сент-Круа, «Критическое исследование языческих мистерий» (Recherches critiques sur les mystéres du paganisme), Париж, 1817 г.

Зеель, «Тайны Митры» (Die Mithras Geheimnisse), 1823 г.

Хаммер, «Культ Митры» (Mithriaca), Вена, 1834 г.

Крейцер. – Das Mithreum «Культ Митры», Гейдельберг, 1838 г.

Лажар, «Исследование культа и мистерий Митры» (Recherches sur le culte public et les mystéres de Mithra), Париж, 1847-8 гг.

Виндишманн–Митра, 1857 г.

Святыни Митры описаны Дж. Ходжсоном в Eliena Archeologie I. 274-320, который приводит более раннюю литературу, и Старком, «Две коллекции митраистских древностей великого герцога в Карлсруэ» (Zwei Mithraen d. grossherzoglich Altertum Sammlung in Karlsruhe), 1864 г.

Стр. 116. О связи Персии с митраизмом см. Берноф, «Комментарий на Ясну» (Sur le Yaçna).

Стр. 117. Другую этимологию см. у Г. Барзилай, «Абраксас, археологические раскопки» (Gli Abraxas, studeo archeologico), Триест, 1873 г.

Стр. 119. Такой взгляд на происхождение Рождества был впервые провозглашён Вернсдорфом. «Происхождение празднования Рождества Христа от весёлого праздника Рождества Непобедимого» (De origine sollemnium Natalis Christi ex festivitate Natalis Invicti), Виттенберг, 1757 г. За ним следует Яблонский с его Opuscula [лат. небольшим трудом], Амстердам, 1809 г., т. III, стр. 351 и далее, который оспаривает, что василидиане были причиной такого принятия (стр. 361).

Стр. 120. Самая последняя монография о саддукеях и фарисеях принадлежит Э. Монте, «Эссе о происхождении партий саддукеев и фарисеев» (Essai sur les origines des partis sadducéens et phariséens), Париж, 1883 г. Полная библиография в конце статьи Зейферта Саддукэра в энциклопедии Херцог-Плитте.

Стр. 129. Флам. Вакка в Нордини, «Римские древности» (Roma Antiqua), IV, 1771 г.

Стр. 137. О современных парсах, т. д. Ф. Карака, «История парсов», 2 тома, 1885 г.

Стр. 139. Кастовые знаки современных индусов приведены в «Промышленных ремёслах Индии» сэра Дж. Бердвуда, 1880 г. (гр. М).

Стр. 153. В покаяниях вообще исчерпывающая работа Ф. В. Вассершель, «Покаяние в католической церкви» (Die Bussordnungen der abendländischen Kirche), Галле, 1851 г. О покаяние у индуистов сэр М. Уильямс, «Современная Индия».

Стр. 158 и далее. См. библиографию, примечание к стр. 104.

Стр. 174. Митра неизвестен в Восточной Церкви; Гефель, «Вклад в историю церкви» (Beiträge z. Kirchengeschichte), т. II.

Стр. 179. Здесь можно упомянуть известное эссе Лессинга.

Стр. 195. Последнее исследование о сглазе, насколько мне известно, г-на Натт, серия статей «Чары» (La Fascination) Тучмана в Мелузине, 1885-7 гг.

Часть III.
Культ Агафодемона и геммы Абраксаса,
стр. 234 (215) и далее

Стр. 217. О поклонении змею смотрите предисловие к Фергюсону, «Культ Древа и Змея», второе издание, 1873 г. О семитах Баудисин, «Исследование истории религии семитов» (Studien zur semit. Religionsgeschichte), т. I, § iv.

Стр. 226. И. Белерманн, «О древних геммах с образом Абраксас» (Über die Gemmen der Alten mit dem Abraxasbilde), книги 1-3, Берлин 1818-20 гг.

Стр. 230. Это стало предметом монографии Ф. Х. Крауса, «Насмешка над распятием» (Das Spottcrucifix), Фрайбург, 1872 год, рисунок на стр. 279 здесь.

Стр. 251. См. трактат Барзилай, приведённый в библиографии. Примечание к стр. 117.

Стр. 254. О возрасте «гематрии» см. И. Гау, «История греческой математики», стр. 44.

Стр. 259. О библиографии Василида см. примечание на стр. 70.

Стр. 263. О Валентине г. Хенрици, «Гносис Валентина и Святое Писание» (Die Valentinische Gnosis und die Heilige Schrift), Берлин, 1871 г.

Стр. 279. О рис. см. монографию, упомянутую в библиографии. Примечание к стр. 230.

Стр. 281. 99 эпитетов Бога в Исламе составляют предмет поэмы Э. Арнольда «Жемчужины веры», 1882 г.

Стр. 281 сн. Леви, «Геммы и сигиллы» (Gemmen und Siegel) 1869 г., стр. 47-9 и Таф.? III.

Стр. 284. «Провидица из Префорста» (Die Seherin von Prevorst) была опубликована в 1866 году и переведена почти на все европейские языки.

Часть IV.
Резные памятники гностицизма,
стр. 348 (305) и далее

Гностические геммы давно привлекают внимание антикваров, их отдельное исследование начинается с

Макария [Блаженного], «Абраксас или Аристотель» (Abraxas seu Apistopistis) Антверпен, 1657 г. с приложением Шифле. Гравюры включены в Дактилиотеку (коллекцию перстней с печатками) Горлеауса, 3-я редакция, Лейден, 1695 г.)

Кирхманн, «О годичном» (De annualis) 1657 г., стр. XXI.

Монфокон, «Объяснение древности» (L'Antiquité expliquée), Париж, 1722 г.; том II, книга III. «Абраксас» (Les Abraxas), стр. 353 и далее. Прил. том II. 1724 г., стр. 209 и далее.

Гори, «Сокровищница драгоценных камней» (Thesaurus gemmarum astriferarum), Флоренция, 1750 г., фолиант. [Включает эссе Пассери, De gemmis Basilidianis «О геммах василидиан»].

Марретт, «Трактат о резных камнях» (Traité des pierres gravées), 1750 г. II, 68-73.

Мюнтер Ф., «Исследование духовных реликвий гностиков» (Versuch über d. Kirchlichen Altertümer der Gnostiker), 1790 г.

Беллерман. См. библиографию примечание к стр. 226 [только виньетки на титульных страницах].

Копп, «Критика палеографии» (Palaeographia critica), 1819-29 гг; 4 тома. [Третий и четвёртый по Абраксасу].

Маттер, «История гностицизма», 1828 г. [2-е издание, 1843 г.]

Хаммер, «Две средневековые гностические шкатулки» (Deux coffrets gnostiques du moyen âge), 1832 г.

Стик, «О ещё не опубликованной гемме Абраксас» (De gemma Abraxea nondum edita), 1842 г.

Маттер, «Путешествие по Италии», 1852 г.

Кинг, «Гностики и их реликвии, древние и средневековые». Лондон, 1864 г. [Первое издание настоящей работы, включа-

ющей все геммы предшествующего издания и кроме этого: 13 гравюр и 27 ксиллографий].

С 1864 года по настоящий момент не было выпущено или опубликовано никаких значимых коллекций.

Стр. 309. Об IAΩ см. продуманный очерк графа фон Бодиссина «Возникновение имени Бога Иао» (Der Ursprung des Gottesnamens Ἰάω) в его «Исследовании истории религии семитов» (Studien zur semitischen Religionsgeschichte) 1873 г., стр. 181-254. Об имени Бога см. С. Р. Драйвер, «Последние теории о происхождении и природе тетраграмматона в "Studia Biblica"», 1885 г., стр. 1-20.

Стр. 370. Об аписах Боэция развернулось большое обсуждение. Вёпке, «Журнал Азии» 1863 г., р. 54, прослеживает их до Индии; Т. Х. Мартин, «Анналы математики» (Annali di matem) 1863 г., стр. 350 до Египта. В то время как Фридлейн Зальцейхен на стр. 15-19 и др., а также Вейсенборн в «Журнале математики и физики» 1879 г. заявляют о подделке этого отрывка у Боэция. См.Гау, «История греческой математики», стр. 38.

Стр. 372. О волшебных квадратах, рассматриваемых математически, см. Де Морган в английской Энциклопедии, отдел Искусство и наука, т. V, к. 415.

Часть V.
Тамплиеры, розенкрейцеры, масоны,
стр. 423 (375) и далее

О **тамплиерах** самой полной историей до сих пор является история Дюпина, «История военного ордена тамплиеров» (Histoire de l’ordre militaire des Templiers), Брюссель, 1751 г. Об их тайнах Луазелёр, «Тайное учение тамплиеров» (La doctrine secrète des Templiers), Орлеан, 1872 г. О судебных разбирательствах Мишеле, «Суд над тамплиерами» (Procès des Templiers), 1871 г. Статуты, содержащиеся у Мерцдорфа, «Секретные уставы орденов тамплиеров» (Geheimstatuten des Ordens der Tempelherren), Галле, 1877 г., были доказаны фиктивными г-н Г. Пруцем, «Тайные учения и тайный устав ордена тамплиеров» (Geheimlehre und Geheimstatuten des Tempelherren Ordens) Берлин, 1879 г. См. также Ф. Шоттмюллер, «Крушение ордена

тамплиеров, с документами статутов» (Der Untergang des Templer-Ordens, mit urkundlichen Beiträgen) 2 тома, 1887 г.

О **розенкрейцерах** более ранняя литература приведена у В. фон Мурра, «О подлинном происхождении розенкрейцеров» (Über d. Wahren Ursprung d. Rosenkreuzer). См. также Буле, «Происхождение и благороднейшая судьба ордена масонов и розенкрейцеров» (Ursprung und vornehmste Schicksale d. Orden d. Freimaurer und Rosenkreuzer) 1810 г.; и Клюпфель, статья в энциклопедии Херцог-Плитте «О происхождении масонства», много ссылок в огромной и некритической истории Р. Ф. Гульда «История масонства», т. 1, 1884 г.

Стр. 393 сн. Третье издание в двух томах. Появилось в 1887 году.

Стр. 409. О влиянии манихейских сект на распространение восточного фольклора в Европе см. М. Гастер, «Греко-славянская литература», 1887 г.

Стр. 416. «Диван Аль-Харири», переведённый Т. Ченери, Т. 1, 1867 г.; и замечательный перевод Рюкерта, «Метаморфозы Абу Саида» (Die Verwandlungen des Abu Seid).

Оглавление

Предисловие переводчика.....5
Предисловие.....7
Введение.....13
Часть I. Гностицизм и его источники.....25
Гностицизм и его происхождение.....26
Пистис-София.....37
Книга Еноха.....42
Гностицизм в его начале.....45
Влияние иудаизма на древней мир.....48
Зендавеста.....53
Каббала и талмуд.....57
Индийские источники гностицизма, Мани.....67
Буддизм.....74
Симонианизм.....84
Василид.....97
Офиты.....109
Структура гносиса.....133
Часть II. Культ Митры и Сераписа.....143
Культ Митры.....144
I. Происхождение митраизма.....144
II. Таинства митраизма.....152
III. Римский Митра в своей пещере.....161
IV. Талисманы митраизма.....163
V. Гностические таинства и посвящения, и их связь с митраизмом.....173
Блаженный Августин о гностицизме.....188
Культ Сераписа.....190
I. Изображения Сераписа.....190
II. Вероятное происхождение Сераписа.....197
III. Памятники культа Сераписа.....205
Кадуцей и его символизм.....210
Смерть и её изображения в древнем искусстве.....213
Гробницы-сокровищницы.....226
Отношение гностиков к суевериям.....232
I. Сглаз.....232
II. О керавнии из нефрита,.....234
превращённой в гностический талисман.....234
Часть III. Геммы Абраксаса, Абраксастера и Абраксоиды.....252
Культ Агафодемона.....252
Змей Хнуфис.....256
Абраксас.....264
I. Абраксастер или заимствованные образы.....264
II. Абраксоиды или геммы, которые путают с настоящими гностическими геммами.....276

III. Истинные геммы Абраксаса.....285
Гностические диски.....288
IV. Бог Абраксас в описании христианских отцов.....290
V. Этимология имени «Абраксас».....292
VI. Абраксас – сила его числового значения.....294
Индийская форма неизречённого имени.....307
Геммы Абраксаса, их материал, художественный стиль и характер.....316
Надписи и формулы.....323
Часть IV. Резные памятники гностицизма.....348
Объяснение гностических сигил, символов и надписей.....348
Имя ΙΑΩ.....363
Новый образ Абраксаса.....373
Первоначальная цель настоящих формул.....375
Гностическая теогония.....388
Диаграмма офитов.....389
Причина греха.....396
Посмертное состояние непосвящённых.....401
Будущие наказания.....403
Свинцовые свитки-талисманы.....406
Часть V. Тамплиеры, розенкрейцеры, масоны.....423
Сохранение масонами гностических символов.....423
Ксилографии в тексте.....490
Описание гравюр.....494
Гравюра А. Различные образы бога Абраксаса.....494
Гравюра Б.....496
Гравюра В.....498
Гравюра Г. Сигиллы змея Хнуфиса.....500
Гравюра Д. Памятники культа Сераписа.....503
Гравюра Е. Древние египетские образы, приспособленные для гностических идей.....506
Гравюра Ж. Египетские образы (продолжение).....510
Гравюра З. Египетские образы (продолжение).....512
Гравюра И. Темы, связанные с митраистскими мистериями.....515
Гравюра К. Митраистские образы (продолжение).....518
Гравюра Л. Митраистские образы (продолжение).....520
Гравюра М. Талисманы общего характера.....522
Гравюра Н. Талисманы общего характера (продолжение). .525
Гравюра О. Индийские символы и кастовые знаки.....528
Библиографическое приложение.....532

Кинг Ч.У.
Гностики и их реликвии, древние и средневековые. Серия Библиотека «Тайной доктрины» / Пер. с англ. О. А. Фёдорова. – Кемерово: Колокол, 2021. – 548 с.: илл.

Издательство «Колокол»
Кемерово, Россия
http://kolokol-press.ru
info@kolokol-press

Чарльз Уильям Кинг
ГНОСТИКИ И ИХ РЕЛИКВИИ,
ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ

серия
Библиотека "Тайной доктрины"

Книгу можно бесплатно скачать в PDF формате
http://kolokol-press.ru/books/Каталог

Обнаруженные опечатки просьба присылать на адрес:
info@kolokol-press.ru

Редакция от 19.10.2021